
ЖЮЛЬ ВЕРН
Таинственный остров
Иллюстрации
Жюля Ферла
и Н. Конверса Уайета

Таинственный остров
Жюль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Таинственный остров
Часть первая. КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ
ГЛАВА I. Ураган 1865 года. — Возгласы над морской пучиной. — Воздушный шар, унесенный бурей. — Разорванная оболочка. — Кругом только море. — Пять путников. — Что произошло в гондоле. — Земля на горизонте. — Развязка драмы
ГЛАВА II. Эпизод гражданской войны в США. — Инженер Сайрес Смит. — Гедеон Спилет. — Негр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юный Герберт. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отлет в бурю
ГЛАВА III. В пять часов вечера. — Тот, кого не хватает. — Отчаяние Наба. — Поиски в северном направлении. — Островок. — Ночь тоски и тревоги. — Утренний туман. — Наб пускается вплавь. — Земля в виду. — Переправа через пролив
ГЛАВА IV. Литодомы. — Устье реки. — Трущобы. — Продолжение поисков. — Зеленая чаща леса. — Запас топлива. — Ожидание прилива. — На

гребне гранитного кряжа. — Плот. — Возвращение на берег

ГЛАВА V. Благоустройство Трущоб. — Важнейший вопрос — как добыть огонь. — Коробка спичек. — Поиски на берегу. — Возвращение журналиста и Наба. — Единственная спичка. — Пылающий костер. — Ужин. — Первая ночь на суше

ГЛАВА VI. Имущество потерпевших крушение. — Ровно ничего. — Опаленная тряпка. — Прогулка в лес. — Лесная флора. — Убежавший жакамар. — Следы диких зверей. — Куруку. — Тетерева. — Удивительное применение удочек

ГЛАВА VII. Наб все не возвращается. — Размышления Гедеона Спилета. — Ужин. — Тревожная ночь. — Буря. — Поиски в ночную пору. — Борьба с дождем и ветром. — В восьми милях от первого убежища

ГЛАВА VIII. Жив ли Сайрес Смит? — Рассказ Наба. — Следы на песке. — Неразрешимая загадка. — Первые слова Сайреса Смита. — Изучение следов. — Обратно в Трущобы. — Ужас Пенкрофа

ГЛАВА IX. Сайрес вновь с товарищами. — Опыты Пенкрофа. — Безуспешная попытка. — Остров или материк? — Замыслы инженера Смита. — В каком месте Тихого океана? — В лесной чаще. —

Сосновая шишка. — Охота на водосвинку. — Многообещающий дымок

ГЛАВА X. Изобретение инженера. — Вопрос, беспокоящий Сайреса Смита. — Экспедиция в горы. — Лес. — Вулканическая почва. — Трагопаны. — Муфлоны. — Первая площадка. — Ночлег. — На вершине горы

ГЛАВА XI. На вершине потухшего вулкана. — Внутри кратера. — Вокруг — только океан. — Вид берега с высоты птичьего полета. — Гидрография и орография. — Обитаем ли остров? — Крещение заливов, бухт, мысов, рек и так далее. — Остров Линкольна

ГЛАВА XII. Проверка часов. — Пенкроф доволен. — Подозрительный дым. — Красный ручей. — Флора острова Линкольна. — Фауна. — Горные фазаны. — Охота на кенгуру. — Агути. — Озеро Гранта. — Возвращение в убежище

ГЛАВА XIII. Что носил на себе Топ. — Лук и стрелы. — Кирпичный завод. — Гончарная печь. — Кухонная утварь. — Первая похлебка. — Полынь. — Южный Крест. — Важное астрономическое наблюдение

ГЛАВА XIV. Высота гранитной стены. — Применение теоремы о подобных треугольниках. — Географическая широта острова. — Экспедиция в

северную часть острова. — Устричная отмель. — Планы на будущее. — Солнце проходит через меридиан. — Координаты острова Линкольна

ГЛАВА XV. Зимовка неизбежна. — Вопросы металлургии. — Исследование островка Спасения. — Охота на тюленей. — Диковинный зверь. — Коала. — Каталонский способ. — Выплавка железа. — Как получить сталь

ГЛАВА XVI. Вторичное обсуждение вопроса о жилище. — Фантазии Пенкрофа. — Исследование северной части острова. — Северный край плоскогорья. — Змеи. — Дальний край озера. — Беспокойство Топа. — Топ бросается в озеро. — Битва под водой. — Дюгонь

ГЛАВА XVII. Исследование озера. — Течение указывает. — План Сайреса Смита. — Жир дюгоня. — Применение серного колчедана. — Сернистое железо. — Как делается глицерин. — Мыло. — Селитра. — Серная кислота. — Азотная кислота. — Рождение водопада

ГЛАВА XVIII. Пенкроф больше не знает сомнений. — Прежний водосток. — Подземный ход. — Сквозь гранитный кряж. — Топ исчез. — Центральная пещера. — Нижний колодец. — Тайна. — Ударами кирки. — Возвращение

ГЛАВА XIX. План Сайреса Смита. — Фасад

Гранитного дворца. — Веревочная лестница. — Мечты Пенкрофа. — Душистые травы. — Природный кроличий садок. — Водопровод для нового жилища. — Вид из окон Гранитного дворца

ГЛАВА XX. Сезон дождей. — Вопрос одежды. — Охота на тюленей. — Изготовление свечей. — Работа по отделке Гранитного дворца. — Два мостика. — Снова на устричной отмели. — Что Герберт нашел у себя в кармане

ГЛАВА XXI. Несколько градусов ниже нуля. — Обследование болотистой юго-восточной части острова. — Лисицы. — Картина моря. — Беседа о судьбах Тихого океана. — Непрестанная работа инфузорий. — Что станется с Землей. — Охота. — Утиное болото

ГЛАВА XXII. Западни. — Лисицы. — Пекари. — Ветер с северо-запада. — Вьюга. — Корзинщики. — В разгар морозов. — Сахароварение. — Загадочный колодец. — Проектируемое исследование. — Дробинка

Часть вторая. ПОКИНУТЫЙ

ГЛАВА I. Дробинка. — Постройка пироги. — Охота. — На верхушке каури. — Ничто не говорит о присутствии человека. — Наб и Герберт на рыбной ловле. — Черепаха перевернута. — Черепаха исчезла. — Сайрес Смит дает объяснение

ГЛАВА II. Первое испытание пироги. — Вещи, найденные на берегу моря. — Буксир. — Мыс Находки. — Содержимое ящика. — Инструменты, оружие, приборы, одежда, книги, утварь. — Чего не хватает Пенкрофу. — Евангелие. — Стих из священной книги

ГЛАВА III. Отплытие. — Начало прилива. — Вязы и крапивные деревья. — Различные растения. — Жакамар. — Лесной пейзаж. — Эвкалипты-великаны. — Деревья, предохраняющие от лихорадки. — Стаи обезьян. — Водопад. — Ночлег

ГЛАВА IV. По пути к побережью. — Обезьяны. — Еще одна река. — Почему не ощущается прилив. — Лес вместо берега. — Змеиный мыс. — Герберт завидует Гедеону Спилету. — Как горит бамбук

ГЛАВА V. Решено вернуться назад по южному побережью. — Очертания берега. — Поиски следов кораблекрушения. — То, что осталось от воздушного шара. — Открытие естественной гавани. — В полночь на берегу реки Благодарения. — Лодка уплыла

ГЛАВА VI. Окрики Пенкрофа. — Ночь в Трущобах. — Стрела Герберта. — План Сайреса Смита. — Неожиданно найден выход. — Что про-

изошло в Гранитном дворце. — Как у поселенцев появился новый слуга

ГЛАВА VII. Работы, которые не терпят отлагательства. — Мост через реку Благодарения. — Плато Кругозора превратится в остров. — Подъемный мост. — Сбор зерна. — Ручей. — Мостики. — Птичий двор. — Голубятня. — Онагры. — Упряжка. — Поездка в порт Воздушного шара

ГЛАВА VIII. Белье. — Обувь из тюленьей кожи. — Изготовление пироксилина. — Пересадка растений. — Рыбная ловля. — Черепашьи яйца. — Дядюшка Юп делает успехи. — Кораль. — Охота на муфлонов. — Новые богатства растительного и животного мира. — Воспоминание о далекой родине

ГЛАВА IX. Ненастье. — Гидравлический подъемник. — Изготовление оконного стекла и посуды. — Саговая пальма. — Поездки в король. — Прирост стада. — Вопрос журналиста. — Точные координаты острова Линкольна. — Предложение Пенкрофа

ГЛАВА X. Постройка судна. — Вторая жатва. — Охота на сумчатых медведей. — Новое растение, скорее приятное, нежели полезное. — Кит в море. — Гарпун из Вайнъярда. — Туша кита разделана. — На что употребили китовый ус. — В

конце мая. — Пенкрофу больше ничего не нужно

ГЛАВА XI. Зима. — Валяние шерсти. — Сукновальня. — Неотвязная мысль Пенкрофа. — Приманки из китового уса. — Какую услугу может оказать альбатрос. — Горючее грядущих веков. — Топ и Юп. — Буря. — Разрушения на птичьем дворе. — Экскурсия на болото. — Сайрес Смит остается дома. — Исследование колодца

ГЛАВА XII. Оснастка бота. — Нападение диких собак. — Юп ранен. — Юпа лечат. — Юп поправился. — Постройка бота закончена. — Пенкроф торжествует. — «Бонадвентур». — Первое плавание к южному берегу острова. — Бутылка в море

ГЛАВА XIII. Решено плыть. — Предположение. — Сборы. — Три пассажира. — Первая ночь. — Вторая ночь. — Остров Табор. — Поиски на песчаном берегу. — Поиски в лесу. — На острове никого нет. — Животные. — Растения. — Жилье. — В домике пусто

ГЛАВА XIV. Опись вещей. — Ночь. — Несколько букв. — Поиски продолжаются. — Растения и животные. — Герберт избежал гибели. — На борту. — Отплытие. — Непогода. — Привычка сказывается. — Затеряны в море. — Спасительный свет

ГЛАВА XV. Возвращение. — Спор. — Сайрес

Смит и неизвестный. — Порт Воздушного шара. — Третья жатва. — Ветряная мельница. — Мука и хлев. — Самоотверженность инженера. — Испытание. — Слезы

ГЛАВА XVI. Необъяснимая тайна. — Первые слова незнакомца. — Двенадцать лет жизни на островке. — Признания. — Исчезновение. — Сайрес Смит не теряет веры. — Постройка ветряной мельницы. — Хлеб испечен. — Преданность. — Рукопожатие честных людей

ГЛАВА XVII. Всегда в одиночестве. — Просьба неизвестного. — Постройка фермы в корале. — Прошло двенадцать лет! — Боцман «Британии». — Покинутый на острове Табор. — Рукопожатие Сайреса Смита. — Загадочная записка

ГЛАВА XVIII. Беседа. — Сайрес Смит и Гедеон Спилет. — Идея инженера. — Электрический телеграф. — Провода. — Батарея. — Алфавит. — Лето. — Процветание колонии. — Фотография. — Мнимый снег. — Два года на острове Линкольна

ГЛАВА XIX. Воспоминания о родине. — Надежды. — Планы исследования побережья. — 16 апреля — день отплытия. — Вид с моря на полуостров Извилистый. — Базальтовые скалы на западном берегу. — Непогода. — Наступление ночи. — Еще одна загадка

ГЛАВА XX. Ночь в море. — Залив Акулы. — Признание. — Подготовка к зиме. — Ранняя зима. — Холода. — Колонисты работают дома. — Полгода спустя. — Фотографический снимок. — Неожиданность

Часть третья. ТАЙНА ОСТРОВА

ГЛАВА I. Гибель или спасение? — Срочный вызов Айртона. — Важный спор. — Это не «Дункан». — Подозрительный корабль. — Необходимо принять меры. — Корабль приближается. — Пушечный выстрел. — Бриг становится на якорь! — Наступление ночи

ГЛАВА II. Совещание. — Предчувствие. — Предложение Айртона. — Предложение принято. — Айртон и Пенкроф на островке Спасения. — Норфолкские каторжники. — Их планы. — Героическая попытка Айртона. — Возвращение. — Шестеро против пятидесяти

ГЛАВА III. Туман рассеивается. — Распоряжение инженера. — Три поста. — Айртон и Пенкроф. — Первая шлюпка. — Еще две другие. — На островке. — Шестеро пиратов на суше. — Бриг снимается с якоря. — Батарея «Быстрого». — Надежды нет. — Неожиданная развязка

ГЛАВА IV. Колонисты на берегу. — Айртон и Пенкроф спасают то, что можно спасти. — Беседа

за завтраком. — Рассуждения Пенкрофа. — Тщательный осмотр брига. — Крюйт-камера уцелела. — Новые богатства. — Последние остатки. — Обломок металлического цилиндра

ГЛАВА V. Выводы инженера. — Грандиозные планы Пенкрофа. — Надземная батарея. — Четыре выстрела. — Разговор об уцелевших пиратах. — Колебания Айртона. — Великодушие Сайреса Смита. — Пенкроф не без сожаления сдает позиции

ГЛАВА VI. Проект экспедиции. — Айртон в корале. — Посещение порта Воздушного шара. — Замечания Пенкрофа на борту «Бонадвентура». — В кораль послана депеша. — Айртон не отвечает. — Выступаем завтра. — Почему бездействует телеграф? — Выстрел

ГЛАВА VII. Журналист и Пенкроф в корале. — Герберта переносят в дом. — Отчаяние моряка. — Инженер и журналист совещаются. — Курс лечения. — Наконец-то появилась надежда. — Как предупредить Наба? — Верный посланец. — Ответ Наба

ГЛАВА VIII. Пираты бродят вокруг кораля. — Временное жилище. — Дальнейшее лечение Герберта. — Первые восторги Пенкрофа. — Разговоры о прошлом. — Что сулит будущее. — Мысли

Сайреса Смита на этот счет

ГЛАВА IX. От Наба нет известий. — Предложение журналиста и Пенкрофа отвергнуто. — Вторая вылазка Гедеона Спилета. — Обрывок ткани. — Послание. — Спешный отъезд. — Прибытие на плато Кругозора

ГЛАВА X. Герберт снова в Гранитном дворце. — Рассказ Наба. — Сайрес Смит отправляется на плато Кругозора. — Разгром и опустошение. — Безоружный перед болезнью. — Ивовая кора. — Смертоносная лихорадка. — Топ опять лает!

ГЛАВА XI. Необъяснимая тайна. — Выздоровление Герберта. — Подготовка к экспедиции. — Первый день. — Ночь. — Второй день. — Каури. — Казуары. — Следы в лесу. — Прибытие на Змеиный мыс

ГЛАВА XII. Исследование полуострова Извилистого. — Лагерь около устья Водопадной речки. — В шестистах шагах от кораля. — Гедеон Спилет и Пенкроф идут в разведку. — Их возвращение. — Вперед! — Открытая дверь. — Огонек в окне. — При свете луны

ГЛАВА XIII. Рассказ Айртона. — Планы его бывших сообщников. — Захват кораля. — Вершитель правосудия на острове Линкольна. — «Бонад-

вентур». — Поиски вокруг горы Франклина. — Верхние долины. — Подземный гул. — Ответ Пенкрофа. — На дне кратера. — Возвращение

ГЛАВА XIV. Прошло три года. — Вопрос о постройке нового корабля. — Решение. — Колония процветает. — Судостроительная верфь. — Холода в Южном полушарии. — Пенкроф смиряется. — Стирка белья. — Гора Франклина

ГЛАВА XV. Пробуждение вулкана. — Летняя пора. — Возобновление работ. — Вечер 15 октября. — Телеграмма. — Просьба. — Ответ. — Скорее в кораль! — Записка. — Второй провод. — Базальтовые скалы. — В часы прилива. — В часы отлива. — Пещера. — Ослепительный свет

ГЛАВА XVI. Капитан Немо. — Первые его слова. — История героя, боровшегося за независимость родины. — Ненависть к захватчикам. — Спутники капитана Немо. — Жизнь под водою. — Одиночество. — Остров Линкольна — последнее убежище «Наутилуса». — Таинственный гений острова

ГЛАВА XVII. Последние часы капитана Немо. — Воля умирающего. — Подарок друзьям, которые знали его лишь один день. — Гроб капитана Немо. — Советы остающимся. — Последние минуты. — В пучине морской

ГЛАВА XVIII. Размышления колонистов. — Возобновление работ на верфи. — Первое января 1869 года. — Столб дыма над вулканом. — Первые признаки извержения. — Айртон и Сайрес Смит направляются в кораль. — Исследование пещеры Даккара. — Что сказал капитан Немо Сайресу Смиту

ГЛАВА XIX. Рассказ Сайреса Смита о его наблюдениях. — Постройку судна ускоряют. — Последний раз в корале. — Битва огня и воды. — Что осталось на острове. — Спуск корабля. — Ночь с 8 на 9 марта

ГЛАВА XX. Одинокая скала среди океана. — Последнее убежище. — Впереди — смерть. — Нежданная помощь. — Откуда и как она явилась. — Последнее благодеяние. — Остров на суше. — Могила капитана Немо

Аннотация

Пятерым отважным героям, бежавшим на воздушном шаре из плена и оказавшимся на необитаемом острове, приходится вернуться к истокам зарождения цивилизации и начать осваивать землю, как первобытным людям, отражать нападения диких зверей и врагов. Но у них есть знания современной науки и таинственный помощник, который всегда приходит на помощь в тот момент, когда из ситуации нет выхода и у героев иссякают силы.

В настоящем издании воспроизводится комплект из 154 черно-белых иллюстраций Жюля Фера.

Перевод с французского: А.Худадовой, Н.Немчиновой

Иллюстрации: Жюль Фера

Рисунок на переплете: С.А.Григорьева

L'ILE MYSTERIEUSE

PAR

Jules VERNE

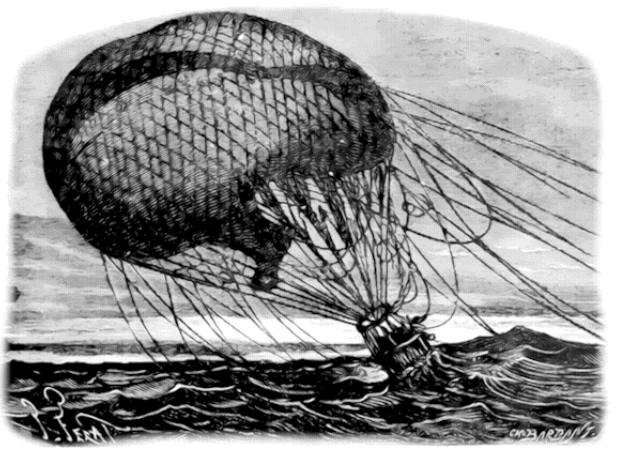
154 Dessins par P. PERAF

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ЖЮЛЬ ВЕРН

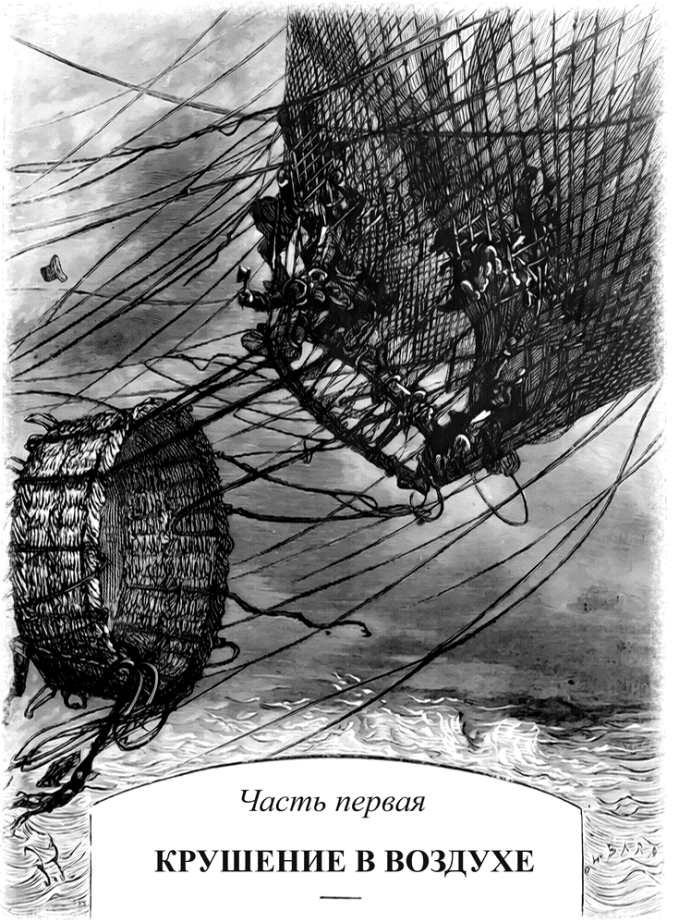
Таинственный остров



Иллюстрации
Жюля Фера

JULES VERNE
BERTRAND

Жюль Верн
Таинственный остров



Часть первая

КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

Часть первая
КРУШЕНИЕ В ВОЗДУХЕ
ГЛАВА I

Ураган 1865 года. — Возгласы над морской пучиной. — Воздушный шар, унесенный бурей. — Разорванная оболочка. — Кругом только море. — Пять путников. — Что произошло в гондоле. — Земля на горизонте. — Развязка драмы

— Поднимаемся?

— Какое там! Книзу идем!

— Хуже, мистер Сайрес! Падаем!

— Боже мой! Балласт за борт!

— Последний мешок сбросили!

— Как теперь? Поднимаемся?

— Нет!

— Что это? Как будто волны плещут?

— Под нами море!

— Совсем близко, футов пятьсот.

Заглушая вой бури, прозвучал властный голос:

— Все тяжелое за борт!.. Все бросай! Господи, спаси нас!

Слова эти раздались над пустынной ширью Тихого океана около четырех часов дня 23 марта

1865 года.

Наверно, всем еще памятна ужасная буря, разыгравшаяся в 1865 году, в пору весеннего равноденствия, когда с северо-востока налетел ураган и барометр упал до семисот десяти миллиметров. Ураган свирепствовал без передышки с 18 по 26 марта и произвел огромные опустошения в Америке, в Европе и в Азии, захватив зону шириною в тысячу восемьсот миль, протянувшуюся к экватору наискось от тридцать пятой северной параллели до сороковой южной параллели. Разрушенные города, леса, вырванные с корнем, побережья, опустошенные морскими валами величиною с гору, выброшенные на берег корабли, исчислявшиеся сотнями по сводкам бюро *Веритас*, целые края, превращенные в пустыни губительной силой смерчей, все сокрушавших на своем пути, многие тысячи людей, погибших на суше или погребенных в пучине морской, — таковы были последствия этого грозного урагана. Разрушительной силой он превзошел даже бури, принесшие ужасные опустошения в Гаване и в Гваделупе, 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

Но в мартовские дни 1865 года, когда на суше и на море творились такие бедствия, не менее

страшная драма разыгралась в воздухе, сотрясаемом бурей.

Ураган подхватил воздушный шар, подбросил его, как мяч, на вершину смерча и, завертев вместе со столбом воздуха, помчал со скоростью девяносто миль[1] в час; шар волчком вращался вокруг собственной оси, как будто попал в некий воздушный мальстрим.

Под нижним обручем сетки воздушного шара колыхалась плетеная гондола, где находились пять человек, — их едва можно было различить в густом тумане, смешанном с водяной пылью и спускавшемся до самой поверхности океана.

Откуда же несся этот аэростат, жалкая игрушка неумолимой бури? Из какого уголка земного шара ринулся он в небеса? Несомненно, он не мог пуститься в путь во время урагана. А ведь ураган бушевал уже пять дней: его первые признаки дали о себе знать 18 марта. Были все основания предположить, что этот воздушный шар примчался издалека, ибо он, вероятно, пролетал не менее двух тысяч миль в сутки.

Путники, находившиеся в гондоле, не имели возможности установить, далекий ли путь они

---

[1] Примечания: 1

То есть 46 метров в секунду, или 166 километров в час (около сорока двух лье, считая в одном лье 4 километра). *(Примеч. автора.)*

совершили и куда занесло аэростат, — для этого не было у них ни единой вехи. Вероятно, они испытывали на себе чрезвычайно любопытное явление: несясь на крыльях свирепой бури, они ее не чувствовали. Шар уносило все дальше, а пассажиры не ощущали ни его вращательного движения, ни бешеного перемещения по горизонтали. Глаза их ничего не различали сквозь облака, клубившиеся под гондолой. Вокруг них все застилала пелена тумана, такого плотного, что они не могли бы сказать — день это или ночь. Ни единого отблеска небесных светил, ни малейшего отзвука земных шумов, ни хотя бы слабого гула ревущего океана не доходило до них среди безмерной тьмы, пока они летели на большой высоте. И лишь когда шар стремительно понесся вниз, они узнали, что летят над бушующими волнами, и поняли, какая опасность грозит им.

Но как только сбросили весь груз, имевшийся в гондоле — запас патронов, оружие и провиант, — шар вновь поднялся и полетел на высоте четырех тысяч пятисот футов. Услышав, как плещет под гондолой море, путники, сочли, что вверху для них меньше опасности, и без колебаний выбросили за борт даже самые нужные вещи, ибо старались всячески сберечь газ — эту

душу своего воздушного корабля, несшего их над безднами океана.

Ночь прошла в тревогах, которые были бы смертельны для людей менее мужественных. Наконец занялась заря, и лишь только забрезжил свет, ураган как будто стал стихать. 24 марта с самого раннего утра появились признаки затишья. На рассвете нависшие над морем грозовые тучи поднялись высоко. За несколько часов воронка смерча расширилась, и столб его разорвался. Ураган превратился в «очень свежий ветер», то есть скорость перемещения слоев воздуха уменьшилась вдвое. Все еще, как говорят моряки, дул «ветер на три рифа», но разбушевавшиеся стихии почти успокоились.

К одиннадцати часам утра небо почти очистилось от туч, во влажном воздухе появилась та особая прозрачность, которую не только видишь, но и чувствуешь после того, как пронесется сильная буря. Казалось, ураган не умчался далеко, на запад, а прекратился сам собою. Может быть, когда разорвался столб смерча, буря разрешилась электрическими разрядами, как это бывает иной раз с тайфунами в Индийском океане.

Но в тот же самый час пассажиры воздушного шара вновь заметили, что они медленно, но

непрерывно спускаются. Оболочка шара постепенно съеживалась, вытягивалась, и вместо сферической аэростат принял яйцеобразную форму.

К полудню он уже летел над морем на высоте двух тысяч футов. Объем шара равнялся пятидесяти тысячам кубических футов; благодаря таким размерам он и мог так долго продержаться в воздухе, то поднимаясь вверх, то плывя по горизонтали.

Чтоб облегчить вес гондолы, путники уже выкинули за борт последние сколько-нибудь тяжелые предметы, выбросили оставленный было малый запас пищи и даже все, что лежало у них в карманах; затем один из пассажиров взобрался на нижний обруч, к которому была прикреплена веревочная сетка, защищающая оболочку шара, и попробовал плотнее привязать нижний клапан аэростата.

Стало ясно, что удержать шар в высоте уже невозможно — для этого не хватало газа.

Итак, всех ожидала гибель!

Внизу был не материк, не остров, а ширь морская.

Нигде не было хотя бы клочка суши, полоски твердой земли, за которую мог бы зацепиться

якорь аэростата.

Кругом только море, все еще с непостижимой яростью перекатывавшее волны. Куда ни кинешь взгляд — везде только беспредельный океан; несчастные аэронавты, хотя и смотрели с большой высоты и могли охватить взором пространство на сорок миль вокруг, не видели берега. Перед глазами у них простиралась только водная пустыня, безжалостно исхлестанная ураганом, изрытая волнами, — они неслись, словно дикие кони с разметавшейся гривой; мелькавшие гребни свирепых валов казались сверху огромной белой сеткой. Не было в виду ни земли, ни единого судна!

Остановить, во что бы то ни стало, остановить падение аэростата, иначе его поглотит пучина! Люди, находившиеся в гондоле, употребляли все усилия, чтобы поскорее добиться этого. Но старания их оставались бесплодными — шар опускался все ниже, вместе с тем ветер нес его с чрезвычайной быстротой в направлении с северо-востока на юго-запад.

Путники оказались в ужасном положении. Сомнений не было — они утратили всякую власть над аэростатом. Все их попытки ни к чему не приводили. Оболочка воздушного шара съеживалась

все больше. Газ выходил из нее, и не было никакой возможности удержать его. Спуск заметно ускорялся, к часу дня гондолу отделяло от поверхности океана расстояние только в шестьсот футов. А газа становилось все меньше. Он свободно улетучивался сквозь разрыв, появившийся в оболочке шара.

Выбросив из гондолы все, что там находилось, путникам удалось продержаться в воздухе несколько лишних часов. Но это было лишь отсрочкой неизбежной катастрофы: если до ночи не появится в виду земля, — и шар и гондола канут в бездну океана.

Оставалось испробовать только одно средство, и путники прибегли к нему, показав себя людьми энергичными и отважными, которым не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Ни малейшего ропота не сорвалось с их уст. Они решили бороться до последней минуты и всеми мерами пытаться замедлить падение шара. Гондола представляла собой нечто вроде плетеной корзины и, конечно, не могла плавать: стоило ей упасть в воду, она сразу бы затонула.

К двум часам дня аэростат оказался уже на расстоянии четырехсот футов от поверхности океана.

И тогда раздался мужественный голос — голос человека смелого, чье сердце не ведает страха. На оклик его ответили голоса не менее решительные.

— Все выбросили?

— Нет! Осталось золото — десять тысяч франков!

И тотчас тяжелый мешок полетел в океан.

— Поднялся шар?

— Чуть-чуть. Сейчас опять упадет!

— Что еще можно выбросить?

— Ничего!

— Ничего? А гондола?

— Цепляйтесь все за сетку. А гондолу в воду!

Действительно, оставалось только это единственное и последнее средство облегчить шар. Веревки, которыми гондола была привязана к обручу сетки, перерезали, и, лишь только гондола оторвалась, аэростат поднялся на высоту в две тысячи футов.

Пятеро путников вскарабкались выше обруча и теперь держались в ячейках сетки, уцепившись за веревки. Все пятеро смотрели вниз, туда, где ревел океан.

Известно, какой необыкновенной чувствительностью отличается любой аэростат. Уменьшите

хоть немного его груз, и шар сразу поднимется ввысь. Аэростат, парящий в воздухе, своей чувствительностью подобен математическим точным весам. И вполне понятно, что, если шар избавится от довольно тяжелой гондолы, он тотчас взлетит на значительную высоту. Так и произошло в данном случае.

Но, продержавшись одно мгновение вверху, аэростат опять стал спускаться. Газ утекал сквозь дыру в оболочке, и повреждение невозможно было исправить.

Путники сделали все, что могли, и теперь уж никакие силы человеческие не спасли бы их. Надежда была только на чудо.

В четыре часа дня шар оказался всего лишь на высоте пятисот футов от поверхности океана.

Вдруг послышался громкий лай. Путники взяли с собой собаку, и теперь она находилась в сетке аэростата рядом со своим хозяином.

— Топ что-то увидал! — воскликнул один из пассажиров.

И тотчас раздался громкий возглас:

— Земля! Земля!

Шар по-прежнему несло ветром к юго-западу; с рассвета он уже пролетел сотни миль, и действительно перед путниками возник довольно

высокий берег.

Но земля эта находилась на расстоянии тридцати миль. Достигнуть ее аэростат мог по меньшей мере через час, да и то при условии, что ветер не переменится. Через час! А что, если до этого срока утечет весь оставшийся газ?

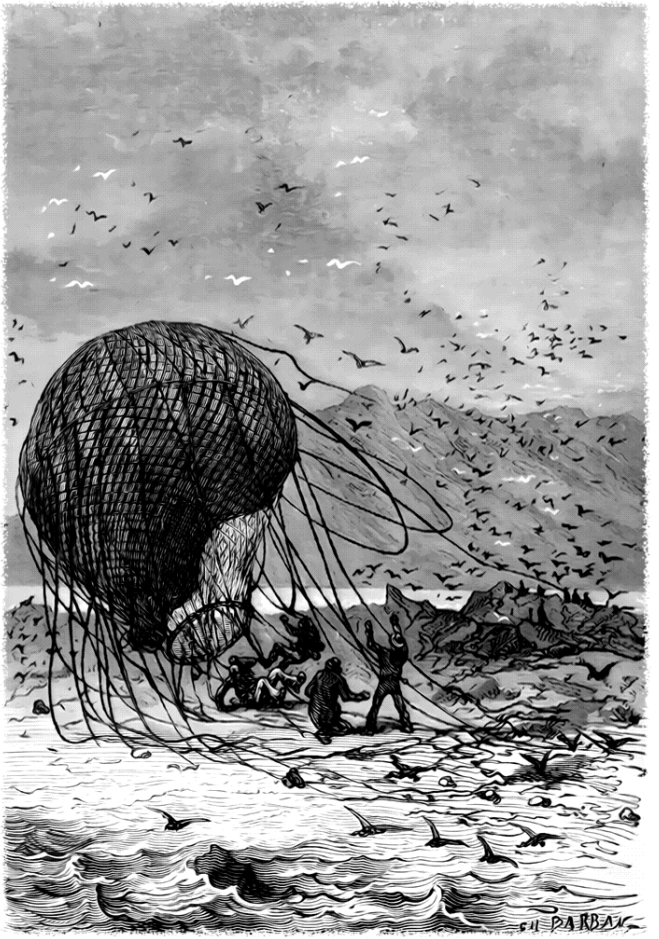
Вопрос ужасный! Несчастные воздухоплаватели ясно различали сушу. Они не знали, остров это или материк, едва ли представляли себе, в какую часть света их занесло бурей. Но пусть даже вместо гостеприимной земли перед ними был необитаемый остров, до него необходимо было добраться любой ценой.

Однако в четыре часа дня стало совершенно очевидно, что шар больше держаться в воздухе не может. Он летел, касаясь поверхности воды. Гребни огромных валов не раз лизали нижние ячейки сетки, она намокла, отяжелела, и аэростат едва приподнимался, как птица с перебитым крылом.

Полчаса спустя до берега оставалось не больше мили, но в аэростате газ уже почти весь иссяк и держался только в верхней части дряблой, сплющенной оболочки, свисавшей крупными складками. Пассажиры, ухватившиеся за сетку, стали для шара непосильной ношей — вскоре он наполовину погрузился в воду, и разъяренные

волны принялись стегать по нему. Оболочку выгнуло горбом, и ветер, надув ее, помчал по воде, словно парусную лодку. Казалось, вот-вот аэростат достигнет суши.

И действительно, он был уже в двух кабельтовых от берега, как вдруг у четырех путников вырвался крик ужаса. Взметнулся грозный вал, и шар, как будто уже лишившийся подъемной силы, неожиданно взлетел вверх. Словно избавившись от какой-то части своего груза, он поднялся на тысячу пятьсот футов, но тут попал в воздушную воронку, его закрутило ветром и понесло уже не к суше, а почти параллельно ей. Но минуты через две ветер переменился и швырнул, наконец, шар на песчаный берег, где он оказался недосягаемым для волн.


G.H. BARBAC

Путники помогли друг другу выбраться из опутавшей их сетки. Шар, освободившись от отягчающего бремени, взлетел при первом порыве ветра и, словно раненая птица, на миг вернувшаяся к жизни, взмыл вверх и исчез в небесном просторе.

В гондоле аэростата было пятеро путников и собака, но на берег выбросило только четырех человек.

Тот, кого не хватало, очевидно, был смыт волной, что облегчило груз аэростата, позволило ему подняться в последний раз и несколько мгновений спустя достигнуть суши.

Но лишь только потерпевшие крушение (их вполне можно назвать так) ступили на землю, — все четверо, не видя пятого спутника, воскликнули:

— Может быть, он пытается добраться вплавь… Спасем его! Спасем!

ГЛАВА II

Эпизод гражданской войны в США. — Инженер Сайрес Смит. — Гедеон Спилет. — Негр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юный Герберт. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отлет в бурю

Люди, которых ураган выбросил на какой-то далекий берег, не были аэронавтами-профессионалами или любителями воздушных путешествий. Их держали в заключении как военнопленных, и прирожденная отвага побудила их бежать из плена при обстоятельствах весьма необычайных! Сто раз они могли погибнуть! Сто раз аэростат с разорвавшейся оболочкой мог сбросить их в бездну. Но небо уготовило им удивительную участь. Двадцатого марта путники уже находились в семи тысячах миль от Ричмонда, осажденного войсками генерала Улисса Гранта, — они бежали из этой столицы штата Виргиния — главной крепости сепаратистов в дни ужасной гражданской войны. Воздушное их путешествие продлилось пять дней.

Вот при каких любопытных обстоятельствах произошло бегство пленников, закончившееся катастрофой, о которой мы уже рассказали читателям.

В 1865 году, в феврале месяце, во время одного из штурмов, при помощи которых генерал Грант тщетно пытался завладеть Ричмондом, несколько офицеров федеральной армии попали в руки неприятеля и были интернированы в этом городе. Один из наиболее примечательных пленников состоял при главном штабе армии Гранта, звали его Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, по профессии инженер, был первоклассным ученым; во время войны правительство Соединенных Штатов доверило ему управлять железными дорогами важного стратегического значения.

Худой, костлявый, сухопарый, он и по внешности мог считаться настоящим североамериканцем, и, хотя ему было не больше сорока пяти лет, в его коротко остриженных волосах блестела седина; серебряные нити проглядывали бы и в бороде, но Сайрес Смит не носил бороды, оставляя только густые усы.

Лицо его поражало суровой красотой и чеканным профилем — такие лица как будто созданы для того, чтобы их изображали на медалях; глаза горели огнем энергии, строгие губы редко улыбались, — словом, у Сайреса Смита был облик ученого, наделенного духом воителя. Он при-

надлежал к числу тех инженеров, которые в начале своей карьеры по доброй воле орудовали молотом и киркой, уподобляясь генералам, начинавшим военную службу рядовыми. Поэтому не удивительно, что при исключительной изобретательности и остроте ума у него были и очень ловкие, умелые руки. Развитая мускулатура указывала на его большую силу. Это был человек дела и вместе с тем мыслитель; он действовал без всякого усилия над собой, движимый неукротимой жизненной энергией, отличался редкостным упорством и никогда не страшился возможных неудач. Большие познания сочетались у него с практическим складом ума и, как говорят солдаты, с большой сметкой; к тому же он выработал в себе замечательную выдержку и ни при каких обстоятельствах не терял головы, — короче говоря, у него в высокой степени развиты были три черты, присущие сильному человеку: энергия физическая и умственная, целеустремленность и могучая воля. Он мог бы избрать своим девизом слова, сказанные в XVII веке Вильгельмом Оранским:

«Предпринимая что-либо, я не нуждаюсь в надеждах; упорствуя в своих действиях, не нуждаюсь в успехах».

Вместе с тем Сайрес Смит был олицетворением храбрости. Он участвовал во всех боях гражданской войны. Начав службу под командой Улисса Гранта в отряде волонтеров Иллинойса, он сражался под Падьюкой, Белмонтом, Питсбургом-Лендингом, при осаде Коринфа, у Порт-Гибсона, у Черной Реки, под Чаттанугой, близ Уайльдернесса, на Потомаке — и повсюду сражался доблестно, как солдат, вполне достойный генерала Гранта, который на вопрос о потерях ответил: «Я своих убитых не подсчитываю». Сто раз Сайрес Смит мог оказаться в числе тех, кого не подсчитывал грозный полководец, но, хоть он и не щадил себя в этих битвах, ему везло до того дня, когда он получил ранение под Ричмондом и был взят в плен.

Вместе с Сайресом Смитом в тот же день попал в руки южан и другой выдающийся человек — не кто иной, как Гедеон Спилет, специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», прикомандированный к армии северян для того, чтобы следить за перипетиями войны.

Гедеон Спилет принадлежал к той удивительной породе репортеров, по преимуществу англичан и американцев, которые по примеру Стенли и ему подобных не отступают ни перед

чем, лишь бы добыть точные сведения о злободневном событии и поскорее сообщить их в свою газету. В Соединенных Штатах такие крупные газеты, как «Нью-Йорк геральд», стали подлинной силой, и с их представителями, «специальными корреспондентами», приходится считаться. Гедеон Спилет занимал одно из первых мест среди этих «специальных корреспондентов».

Человек весьма достойный, энергичный, подвижный и решительный, журналист, объехавший весь свет, солдат и художник, кипучий ум, способный во всем разобраться, натура предприимчивая и деятельная, Спилет не боялся ни труда, ни усталости, ни опасностей, когда ему хотелось что-нибудь «узнать», — прежде всего для самого себя, а затем для своей газеты. Это был сущий герой любознательности, неутомимый искатель новых сведений, всего неизведанного, неизвестного, невозможного, невероятного, — один из тех отважных наблюдателей, которые пишут газетные заметки под свист пуль, составляют «хронику» под пролетающими ядрами и считают любую опасность увлекательным приключением.

Он тоже участвовал во всех боях, всегда был на передовых позициях с револьвером в одной руке, с записной книжкой в другой, и под градом картечи карандаш не дрожал в его руке. Не в пример тем репортерам, которые особенно красноречивы, когда им нечего сказать, он не занимал телеграфные провода нескончаемыми депешами, но каждая его заметка, краткая, точная, ясная, всегда проливала свет на какое-нибудь важное событие. Кстати сказать, он не был лишен юмора.

Это он после боя у Черной Реки, желая во что бы то ни стало сохранить свою очередь у окошечка телеграфа и сообщить в газету об исходе сражения, в течение двух часов передавал по телеграфу первые главы Библии. Такой трюк обошелся «Нью-Йорк геральд» в две тысячи долларов, но зато газета первая получила информацию.

Гедеон Спилет был высокого роста и еще не стар — лет сорока, не больше. У него были рыжеватые бакенбарды. Живые, быстрые глаза смотрели спокойно и уверенно. Такие глаза бывают у людей, привыкших мгновенно схватывать все подробности открывающейся взору картины. Сложения он был крепкого да еще закалился, путешествуя под различными широтами, — так закаляют холодной водой раскаленный стальной брусок.

Уже десять лет Гедеон Спилет состоял постоянным корреспондентом «Нью-Йорк геральд» и обогащал газету своими заметками и рисунками, — он одинаково хорошо владел пером литератора и карандашом рисовальщика. В ту минуту, когда его захватили в плен, он описывал ход сражения и делал наброски. Заметки в его записной книжке оборвались на следующих словах: «Неприятель прицеливается в меня и...» Стрелок промахнулся: Гедеон Спилет, как всегда,

вышел из жаркого боя без единой царапины.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет знали друг друга только понаслышке. Обоих переправили в Ричмонд. Инженер быстро оправился от своей раны и во время выздоровления познакомился с журналистом. Они почувствовали взаимное уважение и приязнь. Вскоре их соединила цель, неотступно стоявшая перед ними. Оба хотели только одного: бежать, возвратиться в армию Гранта и вновь сражаться в ее рядах за федеральное единство.

Два друга решили воспользоваться для бегства любыми благоприятными обстоятельствами, но хотя в Ричмонде они жили на свободе, город так строго охранялся, что побег следовало считать невозможным.

В то время к Сайресу Смиту ухитрился пробраться безгранично преданный ему слуга. Этот отважный человек, увидевший свет на ферме родителей инженера, был негр, сын невольников и сам невольник, но Сайрес Смит, будучи по убеждению и по голосу сердца противником рабства, дал негру вольную. Раб, став свободным, не пожелал расстаться со своим хозяином. Он горячо его любил и готов был умереть за него. Ему шел тридцать первый год, он был сильный, проворный, ловкий и сообразительный человек,

кроткий и спокойный, порой очень наивный, всегда улыбающийся, услужливый и добрый. Его звали Навуходоносор, но он не любил этого пышного имени и предпочитал ему привычное с детства уменьшительное имя — Наб.

Узнав, что господин его попал в плен, Наб без колебаний покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и при помощи всяческих хитростей, двадцать раз рискуя жизнью, проник в осажденный город. Невозможно передать словами радость Сайреса Смита, увидевшего своего слугу, и счастье Наба, соединившегося с любимым хозяином.

Итак, Набу удалось проникнуть в Ричмонд, но куда труднее было выбраться оттуда, так как военнопленные солдаты федеральной армии находились под строжайшим надзором. Для попытки к побегу, дававшей хотя бы малую надежду на успешный ее исход, приходилось ждать исключительных обстоятельств, но такие обстоятельства все не возникали, а создать их было не так-то легко.

Тем временем Грант продолжал вести решительные военные действия! В жарком бою с южанами под Петерсбергом он одержал победу. Но соединенные силы его армии и войска Бут-

лера пока еще ничего не могли добиться в осаде Ричмонда, и ничто не предвещало близкого освобождения военнопленных. Однообразная жизнь узника не давала репортеру никакой пищи для заметок, и он уже не в силах был ее выносить. Его не оставляла мысль бежать из Ричмонда, бежать любой ценой. Несколько раз он пытался сделать это и не мог: препятствия были непреодолимыми.

Осада города шла своим чередом, и, если военнопленные жаждали бежать из него, чтобы возвратиться в армию Гранта, кое-кому из осажденных очень хотелось покинуть Ричмонд, чтобы добраться до армии сепаратистов; среди этих вояк был и Джонатан Форстер — заядлый приверженец южан. В самом деле, если военнопленные федеральной армии не имели возможности выйти из города, не могли этого сделать и сепаратисты, так как армия северян обложила его со всех сторон. Губернатор Ричмонда уже давно потерял связь с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить ему о положении в городе и просить поскорее двинуть армию в помощь осажденным. И вот Джонатану Форстеру пришла мысль вылететь из Ричмонда в гондоле воздушного шара, пересечь таким способом

линии осаждающих войск и добраться до лагеря сепаратистов.

Губернатор разрешил такую попытку. Был изготовлен аэростат, и его предоставили в распоряжение Джонатана Форстера, намеревавшегося совершить свое воздушное путешествие с пятью спутниками. Аэронавтов снабдили оружием на случай, если они, приземлившись, натолкнутся на неприятеля и вынуждены будут защищаться. Получили они и запас провианта на случай длительного пребывания в воздухе.

Вылет назначили на 18 марта. Предполагалось, что он осуществится в ночное время, при свежем северо-западном ветре: путешественники рассчитывали за несколько часов долететь до штаб-квартиры генерала Ли.

Но северо-западный ветер оказался иным, чем ожидали. Восемнадцатого марта уже с утра видно было, что надвигается буря. А вскоре поднялся такой ураган, что отлет Форстера пришлось отсрочить, ибо опасно было отдать аэростат и пятерых путешественников на волю разбушевавшейся стихии.

Наполненный газом воздушный шар находился на главной площади Ричмонда, готовый к вылету при первом затишье, и весь город ждал

этого затишья с возрастающим нетерпением, а между тем погода все не улучшалась.

Восемнадцатого и девятнадцатого марта буря свирепствовала без передышки. С большим трудом оберегали от нее привязанный канатами воздушный шар, который порывами шквала прибивало к самой земле.

Прошла ночь с девятнадцатого на двадцатое марта, а поутру буря разыгралась еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к инженеру Сайресу подошел на улице какой-то незнакомый ему человек. Это был моряк лет тридцати пяти или сорока, носивший фамилию Пенкроф, рослый, крепкий и очень загорелый, с живыми, быстро мигавшими глазами и добродушным лицом. Он был уроженец Северной Америки, плавал по всем морям, побывал во всяческих переделках, изведал множество необыкновенных приключений, какие иному сухопутному обывателю и во сне не приснятся. Нечего и говорить, что это был человек предприимчивый, смельчак, ничего не боявшийся и ничему не удивлявшийся. В начале 1865 года Пенкроф приехал по делам в Ричмонд из Нью-Джерси с пятнадцатилетним Гербертом Браунам, сыном своего капитана, оставшимся си-

ротой; Пенкроф любил этого юношу, как родного сына. До начала осады ему не удалось выехать из города, и, к великому своему огорчению, он оказался запертым в Ричмонде. Теперь и у него тоже было лишь одно желание: бежать, воспользовавшись любым случаем. Пенкроф много слышал об инженере Сайресе Смите, он знал, что этот решительный человек жаждет вырваться на свободу. И вот на третий день бури он смело подошел к Смиту и без всяких предисловий спросил:

— Мистер Смит, вам не надоел этот чертов Ричмонд?

Инженер поглядел в упор на незнакомца, заговорившего с ним, а Пенкроф добавил вполголоса:

— Мистер Смит, хотите бежать?

— Когда? — тотчас отозвался инженер, и можно с уверенностью сказать, что этот ответ сорвался у него с языка невольно, ибо он даже не успел рассмотреть неизвестного, обратившегося к нему с таким предложением.

Однако, всмотревшись проницательным взглядом в открытое лицо моряка, он уже не сомневался, что видит перед собой честного человека.

— Кто вы такой? — отрывисто спросил он.

Пенкроф коротко рассказал о себе.

— Прекрасно! — сказал Смит. — А каким способом вы предлагаете бежать?

— Да вот воздушный шарик тут без толку болтается, будто нарочно, бездельник, нас поджидает!

Пенкрофу не понадобилось входить в подробности. Инженер понял его с полуслова. Он схватил моряка под руку и быстро повел к себе.

Пенкроф изложил ему свой план. Все очень просто. Конечно, рискуешь при этом жизнью, но что ж поделаешь! Ураган, понятно, разъярился, бушует во всю мочь, но ведь такой искусный и смелый инженер, как Сайрес Смит, прекрасно сумеет управиться с воздушным кораблем. Ежели бы он, Пенкроф, знал, как обращаться с этим шариком, он бы не задумываясь вылетел на нем, разумеется, вместе с Гербертом. Мало ли моряк Пенкроф видел бурь на своем веку! Таким ураганом его не удивишь!

Сайрес Смит слушал молча, но глаза у него блестели. Вот он — благоприятный случай. Разве можно его упустить. План очень рискованный, но и только, — он вполне осуществим. Несмотря на охрану, ночью можно пробраться к воздушному шару, залезть в гондолу, потом перерезать канаты, удерживающие шар! Понятно, тут легко и голову сложить, но возможно, что все сойдет хорошо, а без этой бури… Да, без этой бури шар уже давно бы вылетел, и долгожданный случай так и не представился!

— Я не один! — коротко заключил он вслух свои размышления.

— Сколько человек хотите взять с собой? — спросил моряк.

— Двух — моего друга Спилета и слугу Наба.

— Значит, вас трое, — заметил Пенкроф, — да я с Гербертом. Итого — пятеро. А предполагалось, что на шаре полетят шестеро…

— Отлично. Мы полетим! — воскликнул Сайрес Смит.

Он сказал «мы», давая обязательство и за журналиста, — действительно Гедеон Спилет был не робкого десятка, а когда узнал о возникшем замысле, одобрил его безоговорочно. Он только удивился, что ему самому не пришла в голову

такая простая мысль. А что касается Наба, то он последовал бы за хозяином всюду, куда бы тому ни вздумалось отправиться.

— Стало быть, до вечера, — сказал Пенкроф. — Будем все пятеро слоняться вокруг да около, словно из любопытства.

— До вечера, — подтвердил Сайрес Смит, — встретимся в десять часов. Хоть бы эта буря не утихла до нашего вылета!

Пенкроф простился с инженером и вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт Браун. Смелый мальчик знал о замыслах моряка и с беспокойством ожидал результатов его разговора с инженером. Как видят читатели, тут сошлось пятеро смельчаков, раз они решались броситься навстречу неумолимому урагану!

Да, буря не стихла, и ни Джонатан Форстер, ни его спутники даже не подходили к хрупкой гондоле! Погода весь день была ужасная. Инженер боялся только одного: как бы оболочка аэростата, который ветром пригибало к земле, не разорвалась на тысячу кусков. Целыми часами Смит бродил по почти безлюдной площади, наблюдая за воздушным шаром. То же самое делал и Пенкроф; засунув руки в карманы, он прохаживался по площади, время от времени позевывал,

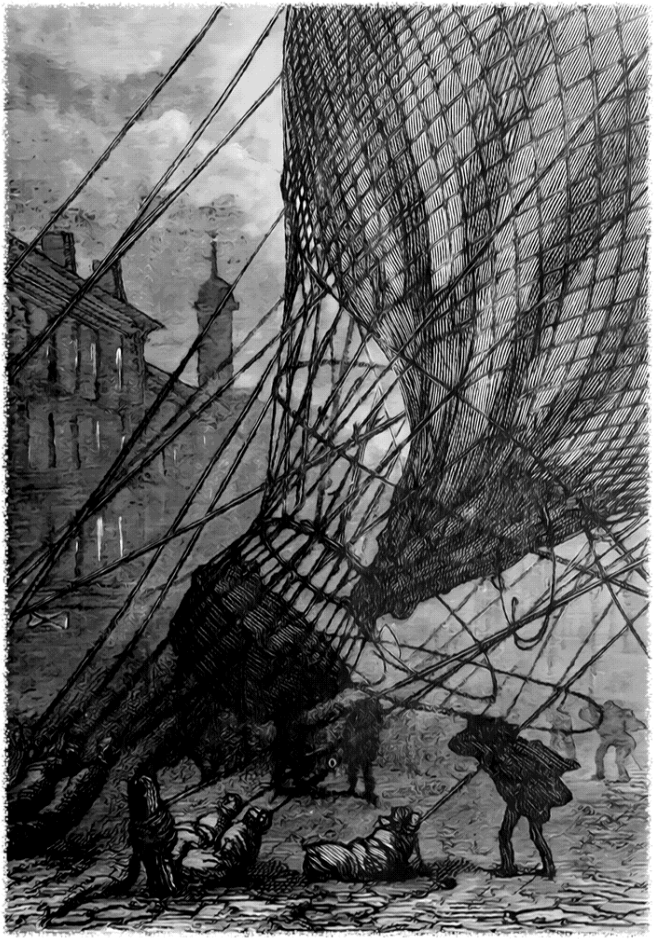
словно забрел сюда от нечего делать и не знает, как ему убить время; а в действительности тоже был полон страха, что оболочка шара разорвется или, чего доброго, лопнут канаты и шар умчится в небеса.

Наступил вечер. Спустилась непроглядная тьма. По земле полз густой туман, похожий на облака. Пошел дождь, смешанный со снегом. Сразу похолодало. Какая-то влажная мгла нависла над Ричмондом. Казалось, что неистовая буря установила перемирие между осаждающими и осажденными, и пушки умолкли, устрашась грозного рева урагана. Улицы города были пустынны. Ни души и на площади, посреди которой бился на ветру аэростат, — вероятно, не считали нужным в такую лютую непогоду охранять его. Итак, все благоприятствовало побегу пленных, но как же решиться на страшное путешествие, как отдать себя на волю неистовых стихий?

— Неважная погодка! — пробормотал Пенкроф и, ухватившись за шляпу, ударом кулака покрепче ее нахлобучил. — Ну, да ничего! Как-нибудь справимся!

В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон прокрались на площадь, где царил непроницаемый мрак, ибо ветер загасил

все газовые фонари Не видно было даже очертаний огромного аэростата, прибитого ветром к земле. Помимо мешков с балластом, привязанных к предохранительной сетке, гондолу шара еще держал прочный канат, — он был пропущен сквозь железное кольцо, вделанное в мостовую, и оба его конца привязаны к плетеной гондоле.



Пятеро пленников встретились возле этой корзины. Никто их не заметил — стояла такая темь, что и сами они друг друга не видели.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Наб и Герберт, не произнеся ни слова, забрались в гондолу, а тем временем Пенкроф, по указанию инженера, отвязывал один за другим мешки с балластом. Через несколько секунд моряк присоединился к своим товарищам.

Теперь аэростат удерживал только канат, и Сайресу Смиту оставалось лишь дать приказ к отлету.

И вдруг в эту минуту в гондолу прыгнула собака. Это был Топ, любимый пес инженера, оборвав свою цепь, он прибежал вслед за хозяином. Боясь, что собака окажется лишним грузом, Сайрес Смит хотел ее прогнать.

— Не беда, возьмем и собаку! — сказал Пенкроф и выбросил из гондолы два мешка с песком.

Потом он отвязал канат, и шар, взлетев по косой, с яростной силой взвился в поднебесье, сбив при взлете две дымовые трубы.

Ураган бушевал во всю свою лютую мощь. Ночью нечего было и помышлять о спуске, а когда настал день, земли не было видно из-за плотной пелены тумана. Только на пятый день в просвете

меж тучами под аэростатом, который ветер гнал с ужасающей быстротой, показалось море.

Читателям уже известно, что из пяти беглецов, поднявшихся 20 марта на воздушном шаре, четырех выбросило 24 марта на пустынный берег, находившийся на расстоянии шести тысяч миль от Ричмонда,[2] а тот, кого не оказалось среди спасшихся, тот, к кому они прежде всего бросились на помощь, был не кто иной, как Сайрес Смит — человек, который вполне естественно стал их предводителем.

ГЛАВА III

В пять часов вечера. — Тот, кого не хватает. — Отчаяние Наба. — Поиски в северном направлении. — Островок. — Ночь тоски и тревоги. — Утренний туман. — Наб пускается вплавь. — Земля в виду. — Переправа через пролив

Инженера Смита, угнездившегося в ячейках предохранительной сетки, смыло волной, когда порвались веревки. Исчезла и его собака Топ, —

---

[2] Примечания: 2

5 апреля Грант захватил Ричмонд, мятеж сепаратистов был подавлен. Ли отступил на запад, и дело единства Соединенных Штатов восторжествовало. *(Примеч. автора.)*

верный пес сам бросился в море на помощь хозяину.

— Вперед! — крикнул журналист.

И все четверо — Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, — позабыв о голоде и усталости, пустились на поиски своего товарища.

Бедняга Наб плакал от ярости и отчаяния при мысли о том, что он потерял самого дорогого ему в мире человека.

Не прошло и двух минут с того мгновения, как Сайрес Смит исчез. Следовательно, спутники его, достигшие земли, еще могли надеяться, что они успеют спасти инженера.

— Искать его надо. Искать! — восклицал Наб.

— Да, Наб, — отвечал Гедеон Спилет. — Мы найдем его!

— Живым?

— Живым!

— Умеет он плавать? — спросил Пенкроф.

— Умеет! — ответил Наб. — К тому же с ним Топ…

Моряк прислушался к реву океана и покачал головой.

Инженер исчез у северной части побережья, приблизительно на расстоянии в полмили от того места, куда выбросило остальных. Если

ему удалось добраться до ближайшей отмели — значит, пройти им надо было самое большее полмили.

Время близилось к шести часам вечера. Туман сгустился, и стало совсем темно. Аэронавты, потерпевшие крушение, шли в направлении к северу по восточному берегу земли, на которую их выбросило волей случая, земли, совершенно им неизвестной, о географическом положении которой они не могли строить никаких догадок. Они шли, чувствуя под ногами то песок, то камни, — казалось, что земля тут совсем лишена растительности. Продвигаться вперед было очень трудно. Они шагали в темноте по каким-то буграм, местами попадались глубокие рытвины. Из них поминутно поднимались невидимые во мраке большие птицы и, грузно взмахивая крыльями, разлетались во все стороны. Другие птицы, поменьше, попроворнее, выпархивали целыми стаями и живым облаком проносились над головами путников. Моряку казалось, что это были бакланы и чайки, — он узнавал их по жалобным пронзительным крикам, перекрывавшим грозный рев прибоя.

Время от времени путники останавливались, громко кричали, зовя исчезнувшего товарища, и

настороженно прислушивались, не послышится ли его голос со стороны океана. Быть может, Сайресу Смиту удалось спастись и они уже недалеко от того места, где он выбрался на берег; а если сам Смит и не в силах позвать на помощь, то залает его пес, и звонкий лай Топа донесется до них. Но они ничего не слышали, кроме сурового гула океана да шума гальки, перекатываемой волнами. И маленький отряд двигался дальше, исследуя малейшие извилины берега.

Минут через двадцать все четверо вдруг остановились — дальше идти было некуда, перед ними набегали на берег высокие волны, разбиваясь о камни. Они оказались на краю остроконечного скалистого мыса, у которого злобно бурлили волны.

— На мыс вышли, — сказал моряк. — Назад надо податься. Держитесь правее, подальше от берега.

— Но ведь он там! — воскликнул Наб, указывая на море, где белели во тьме пенистые гребни огромных валов.

— Хорошо! Давайте кричать, звать его!

Все четверо крикнули разом, но громкий их зов остался без ответа. Они выждали минуту затишья. Снова бросили во тьму призыв. И снова не услышали отклика.

Тогда путники обогнули оконечность мыса и пошли дальше, ступая по песчаной и каменистой почве. Однако Пенкроф заметил, что берег становится круче, поднимается выше, и предположил, что он довольно длинной грядой соединяется с косогором, очертания которого смутно вырисовывались в темноте. В этой части побережья птиц уже было меньше. И море здесь не так бурлило и ревело, волнение даже заметно уменьшилось. Едва доносилось шуршание перекатываемой гальки. Несомненно, извилина берега образовала тут бухту, которую скалистый выступ мыса защищал от валов, игравших в открытом море.

Однако, следуя в этом направлении, путники удалялись к югу, в сторону, противоположную той части побережья, до которой мог добраться Сайрес Смит. На протяжении полутора миль они не обнаружили ни малейшего изгиба берега, который дал бы им возможность повернуть на север. Но ведь мыс, который пришлось обогнуть, соединялся с сушей. И, напрягая последние силы, изнуренные путники мужественно шли вперед,

надеясь, что вот-вот линия берега сделает крутой поворот и они снова пойдут на север.

Каково же было их разочарование, когда они, пройдя около двух миль, опять оказались на краю довольно высокого выступа, состоявшего из скользких глыб.

— Мы попали на какой-то островок! — сказал Пенкроф. — И уже исходили его из конца в конец.

Замечание моряка было правильным. Наших аэронавтов выбросило не на материк и даже не на остров, а на островок, имевший в длину не более двух миль и, очевидно, очень узкий.

Был ли этот каменистый бесплодный островок, унылый приют морских птиц, частью какого-нибудь большого архипелага? Как знать? Когда наши путники увидели его сквозь туман из гондолы воздушного шара, они не могли хорошенько его рассмотреть и определить, велик ли он. Но теперь Пенкроф зорким взглядом моряка, привыкшего всматриваться в темноту, казалось, различал на западе массивный силуэт гористого берега.

Однако ж в ночной тьме Пенкроф не мог установить, лежал ли их островок близ какого-то одного острова или же был частью архипелага. Не могли

они также выбраться с островка, потому что его окружало море. А поиски инженера Смита, который, к несчастью, ни малейшим возгласом не дал о себе знать, приходилось отложить до утра.

— Молчание Сайреса еще ничего не доказывает, — сказал журналист. — Может быть, он потерял сознание, может быть, он ранен и сейчас не в состоянии ответить нам. Не будем отчаиваться.

Журналисту пришла в голову мысль зажечь на первом из выступов берега костер, чтоб подать сигнал Сайресу Смиту. Но тщетно все четверо искали топлива для костра, хотя бы стеблей сухого бурьяна. Кругом были только камни и песок.

Нетрудно понять, как горевали Наб и его спутники, — все они уже успели привязаться к отважному Сайресу Смиту. Но было совершенно ясно, что сейчас они бессильны ему помочь. Приходилось ждать рассвета. Возможно, что Смиту удалось спастись и он уже нашел себе прибежище на берегу, а может быть, он погиб в море. Потянулись долгие и мучительные часы. Ночью сильно похолодало. Несчастные беглецы жестоко мерзли, но почти не замечали своих страданий. Они даже и не подумали прилечь отдохнуть. Забывая о себе, они думали только о

своем руководителе и товарище, надеялись, что он жив, поддерживали друг у друга надежду; они бродили по этому бесплодному островку, и все их тянуло к северному выступу берега, который был ближе всего к месту катастрофы. Они прислушивались, они звали исчезнувшего друга, старались различить, не слышится ли крик, взывающий о помощи, и, вероятно, их голоса разносились далеко, потому что ветер улегся и грозный шум океана уже начал стихать, так как волнение уменьшилось.

В какое-то мгновение им даже показалось, что на громкий вопль Наба отозвалось эхо. Герберт сказал об этом Пенкрофу и добавил:

— Пожалуй, тут неподалеку берег другого острова, и довольно высокий, — от него и отдалось эхо.

Моряк утвердительно кивнул головой. Ведь ему уже сказали об этом его зоркие глаза. Если Пенкроф хотя бы мельком, хотя бы на одно мгновение увидел землю, значит, перед ним действительно была земля.

Но далекое эхо оказалось единственным откликом на громкие призывы Наба, — весь восточный берег островка, затерявшегося в беспредельности океана, замер в безмолвии.

Тучи постепенно рассеялись. Около полуночи появились звезды, и если б инженер Смит в тот час был со своими спутниками, он заметил бы, что на небе взошли не те звезды, которые сияют в Северном полушарии. В самом деле, на этом чужом небосводе не зажглась Полярная звезда; созвездия, сверкавшие в зените, были совсем не похожи на те, какие привыкли видеть жители северной части Нового Света; блиставший во тьме Южный Крест указывал, что путники находятся в Южном полушарии.

Ночь миновала. 25 марта около пяти часов утра небо в вышине чуть-чуть порозовело, но на горизонте еще лежал зловещий мрак, а с моря надвинулся такой густой туман, что за двадцать шагов уже ничего не было видно. Туман клубился и тяжело полз по земле.

Итак, погода не благоприятствовала поискам. Беглецы ничего не могли различить вокруг. Наб и журналист Спилет тщетно всматривались в морскую даль; моряк и Герберт искали взглядом высокий берег на западе. Но нигде не было видно ни клочка суши.

— Хоть я и не вижу берега, — сказал Пенкроф, — а чувствую его… Он здесь, он где-то близко… Это так же верно, как и то, что мы бежали из Рич-

монда!

Однако завеса тумана вскоре разорвалась, он стал подниматься в вышину, превращаясь просто в дымку, предвещавшую погожий день. В небе засияло яркое солнышко, жаркие лучи, проникая сквозь прозрачную пелену, разливали в воздухе тепло.

Около половины седьмого, через три четверти часа после восхода солнца, туман стал все больше редеть. Вверху он сгущался в облака, но внизу рассеивался. Вскоре отчетливо обрисовался весь островок, потом из мглистой пелены выступило и синее полукружие моря, на востоке беспредельное, а на западе ограниченное высоким обрывистым берегом.

Да, там была земля. Там было спасение, хотя бы и временное. От высокого берега этой неведомой земли островок отделялся проливом шириною в полмили; вода в нем бежала шумным, стремительным потоком.

И вдруг один из путников, повинуясь голосу сердца, не посоветовавшись с товарищами, не промолвив ни слова, бросился в пролив. Это был Наб. Он спешил добраться до другого берега и направиться по нему на север. Никто бы не мог его остановить. Напрасно Пенкроф звал его. Жур-

налист намеревался последовать за Набом.

Пенкроф крикнул, подходя к нему:

— Вы хотите переплыть пролив?

— Да, — ответил Гедеон Спилет.

— Послушайтесь совета, подождите, — сказал моряк. — Наб один справится и окажет помощь своему хозяину. Смотрите, какое бурное течение в проливе. Попробуй мы переплыть его, нас унесет в открытое море. Но, если не ошибаюсь, начинается отлив. Видите, как уже отступило море от кромки берега. Повременим немного, и в разгар отлива нам, пожалуй, удастся переправиться вброд…

А Наб тем временем отважно боролся с течением и наискось пересекал пролив. С каждым взмахом могучих рук из воды взметывались черные плечи. Наба относило с огромной скоростью, но все же он понемногу приближался к берегу. Больше получаса потратил он на то, чтоб переплыть пролив шириною в полмили, его отнесло на несколько тысяч футов вниз по течению, но, наконец, он достиг берега.

Он выбрался из воды у подножия высокой гранитной кручи и энергично отряхнулся, затем опрометью бросился бежать и вскоре исчез за скалистым мысом, выдававшимся в море почти

напротив северной оконечности островка.

Спутники с тревогой следили за смелым пловцом, а когда он скрылся из виду, устремили взгляд на берег, где собирались найти себе убежище; обозревая эту неведомую им землю, они в то же время утоляли голод ракушками, которыми был усеян песок, — трапеза, конечно, очень скудная.

Берег, лежавший перед ними, изгибался, образуя широкий залив, ограниченный с южной стороны далеко выступающей в море дикой, голой скалой. Она соединялась с берегом прихотливо очерченной грядою высоких гранитных утесов. К северу залив расширялся, берег шел округлой линией с юго-запада на северо-восток и заканчивался узким острым мысом. Между двумя этими выступами, завершавшими дугу залива, расстояние было, вероятно, миль восемь. Островок же, отделенный от этих гранитных берегов узким проливом, походил своей формой на огромного кита. Наибольшая его ширина не превышала четверти мили.

На переднем плане противоположного берега тянулась песчаная отмель, усеянная темными скалами, — их постепенно обнажал отлив; за нею вздымалась, подобно крепостному редуту, отвесная гранитная круча высотою в триста фу-

тов, увенчанная причудливым карнизом. Она тянулась сплошным кряжем на протяжении трех миль и резко обрывалась справа отвесной гранью, словно обтесанной рукою человека. С левого же края этот необыкновенный гранитный вал словно раскололся, разбился на скалы призматической формы, обрушился каменными осыпями и, постепенно понижаясь, вытянулся длинным спуском, сливавшимся внизу с подводными рифами южного мыса.

Вверху кряж переходил в голое плоскогорье, без единого деревца, ровное, как стол, подобно вершине Столовой горы, возвышающейся над Кейптауном у мыса Доброй Надежды, только меньших размеров. По крайней мере таким оно казалось, когда на него глядели с островка. Однако справа, за отвесным обрывом, на нем имелась растительность. Ясно можно было различить зеленые кроны больших деревьев, которые сливались в сплошную чащу, уходившую куда-то вдаль, недоступную взгляду. Зелень эта радовала глаз после суровой картины голых гранитных берегов.

И, наконец, на заднем плане, на расстоянии по меньшей мере семи миль к северо-западу, на солнце сверкал ярко-белый конус. То была вер-

шина какой-то далекой горы, покрытая шапкой вечных снегов.

Пока еще нельзя было определить, что представляет собою видневшаяся перед глазами земля — остров или часть материка.

Зато, взглянув на хаотическое нагромождение огромных каменных глыб с левого края залива, геолог, не колеблясь, сказал бы, что они, несомненно, вулканического происхождения и, бесспорно, являются результатом извержения огнедышащих гор.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт пристально смотрели на ту землю, на которой им, быть может, предстояло жить долгие годы, возможно до самой смерти, если только мимо ее берегов не пролегал путь морских кораблей.

— Что же ты молчишь, Пенкроф? — спросил Герберт. — Что там? Как ты думаешь?

— Да что ж, есть там, наверное, и хорошее и дурное, как везде. Посмотрим. А отлив-то здорово работает! Через три часа попробуем перейти вброд на тот берег. А когда перейдем, попытаемся как-нибудь выпутаться из беды и первым делом найти мистера Смита!

Пенкроф не ошибся в своих расчетах: через три часа большая часть песчаного дна пролива

обнажилась. Между островком и противоположным берегом оставалась только узкая полоска воды, через которую, вероятно, нетрудно было перебраться.

И действительно, около десяти часов утра Гедеон Спилет и два его товарища разделись и, придерживая на голове узел с одеждой, перешли вброд узкий проливчик глубиной не более пяти футов. Для Герберта даже такая глубина была еще не по росту, но он плавал, как рыба, и прекрасно вышел из затруднительного положения. Все трое без всяких злоключений достигли берега. Там они быстро обсохли на солнце, надели платье, которое сумели уберечь от воды, и стали держать совет.

ГЛАВА IV

Литодомы. — Устье реки. — Трущобы. — Продолжение поисков. — Зеленая чаща леса. — Запас топлива. — Ожидание прилива. — На гребне гранитного кряжа. — Плот. — Возвращение на берег

Прежде всего решили предпринять разведку, и Гедеон Спилет, велев моряку ждать его на том самом месте, куда они вышли с островка, тотчас

пустился в путь по берегу в том же направлении, по которому несколько часов назад помчался негр Наб. Журналист шел торопливыми шагами и вскоре исчез за скалами, — ему не терпелось узнать, что стало с Сайресом Смитом.

Герберт хотел было идти вместе с ним.

— Не ходи, дружок, — сказал ему моряк. — Нам с тобой нужно приготовить стоянку и, по возможности, раздобыть еды — чего-нибудь посолиднее, чем ракушки. Когда друзья наши возвратятся, им надо будет подкрепиться. Значит, у них свое дело, у нас — свое.

— Согласен, Пенкроф, — ответил Герберт.

— Ну вот и хорошо, — одобрил моряк. — Все устроим по порядку. Мы устали, нам голодно, холодно. Стало быть, всем потребуется пристанище, огонь и пища. Дров в лесу сколько хочешь, найдутся там и птичьи гнезда — значит, наберем яиц. Остается только подыскать себе дом.

— Ну что ж, — подхватил Герберт. — Я поищу в скалах пещеру. Наверное, уж найду какую-нибудь нору, и мы все туда заберемся.

— Правильно, — сказал Пенкроф. — В дорогу, мальчик!

И оба пустились в путь вдоль огромной гранитной стены, шагая по песчаной полосе, широко

обнажавшейся в часы отлива. Но вместо того чтобы повернуть на север, как Гедеон Спилет, они двинулись на юг. Пенкроф заприметил расселину, перерезавшую кряж в нескольких стах шагах от места их переправы, и решил, что это, наверно, русло речки или ручья. Они направились туда, так как было очень важно устроить стоянку около источника пресной воды; кроме того, не исключена была возможность, что Сайреса Смита отнесло течением именно в эту сторону.

Как мы уже говорили, берег поднимался сплошной стеной высотою в триста футов, и даже внизу, где волны, случалось, лизали камень, не было в ней ни одной пещеры, ни одного углубления, которое могло бы послужить путнику временным убежищем. Перед нашими исследователями был отвесный вал из очень твердого гранита, не тронутого морем. У верхнего его карниза летали тучи морских птиц, главным образом всякие породы перепончатолапых с длинными и тонкими острыми клювами; все эти пернатые поднимали невероятный шум и нисколько не были напуганы появлением людей — очевидно, впервые человек нарушил их покой. Среди птиц Пенкроф распознал многочисленных поморников — один из видов бакланов, которых иногда называют раз-

бойниками, а также мелких прожорливых чаек, гнездившихся во впадинах гранитного карниза. Выстрелив из ружья наугад в эти птичьи стаи, кружившие в воздухе, можно было бы получить богатую добычу, но для того чтобы выстрелить, нужно было иметь ружье, а как раз ни у Пенкрофа, ни у Герберта ружья-то и не имелось. Впрочем, чайки и поморники почти несъедобны, и даже их яйца отличаются отвратительным вкусом.

Но вот Герберт, который шел по левую руку от Пенкрофа, ближе к морю, приметил несколько скал, покрытых водорослями, — вероятно, море в часы прилива затопляло их. На этих скалах среди скользких стеблей морской травы к камню лепилось множество съедобных двустворчатых ракушек, которыми на голодный желудок не следовало пренебрегать. Герберт окликнул Пенкрофа; тот сейчас же подбежал.

— Э, да тут устрицы! — воскликнул моряк. — Будет чем заменить птичьи яйца, пока мы до гнезд не добрались.

— Вовсе это не устрицы, — заметил Герберт, внимательно разглядывая ракушки, — это литодомы.

— А их едят? — спросил Пенкроф.

— Еще как!

— Ну что ж, отведаем литодомов.

Моряк вполне мог положиться на Герберта. Юноша был очень силен в естествознании и всегда страстно им увлекался. Направил его на этот путь покойный отец и дал ему возможность учиться у лучших профессоров-естествоведов Бостона, которым сразу полюбился умный и прилежный мальчик. Склонности и познания юного натуралиста впоследствии не раз служили службу его старшим товарищам, и с самого начала он не ошибся в своем определении.

Литодомы представляли собою продолговатые ракушки, прилепившиеся к скале целыми гроздьями и так крепко приросшие к ней, что их трудно было оторвать. Они принадлежали к виду моллюсков-сверлильщиков, которые высверливают себе ямку в самом твердом камне, а их раковина бывает закруглена с обоих концов, — такого устройства у обыкновенных двустворчатых раковин не наблюдается.

Пенкроф и Герберт вдоволь угостились ли-

тодомами, которые приоткрыли на солнышке створки своих домиков. Есть их надо было так же, как устриц. И оба они нашли, что у литодомов очень острый вкус и поэтому можно не жалеть об отсутствии перца и прочих приправ.

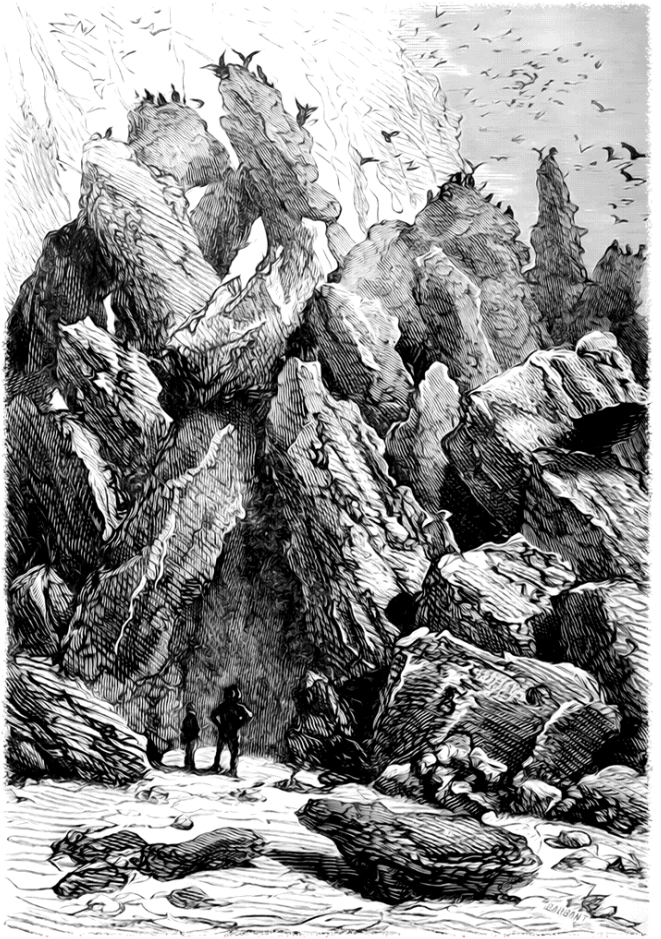
Итак, путники немного утолили голод. Но жажда у обоих еще усилилась после того, как они проглотили изрядное количество пряных от природы моллюсков. Теперь нужно было разыскать где-нибудь пресной воды, и казалось невероятным, чтобы на таком гористом берегу не нашелся хотя бы маленький родник. Сделав большой запас ракушек, то есть наполнив ими все карманы и насыпав их в носовые платки, Пенкроф и Герберт возвратились к подножию гранитного кряжа.

Пройдя к югу еще шагов двести, они действительно увидели расселину, в которой, как и думал Пенкроф, текла узкая, но полноводная речка. В этом месте гранитная стена как будто раскололась от сильного вулканического толчка. У выхода из ущелья образовалась небольшая почти треугольная бухточка. Ширина горного потока достигала тут ста футов, а русло его занимало почти все ущелье. Берега были не шире двадцати футов. Речка неслась почти по прямой

линии меж двух гранитных стен, понижавшихся вверх по течению. На некотором расстоянии она резко поворачивала и через полмили исчезала в лесных зарослях.

— Здесь — вода, а там — дрова! — воскликнул Пенкроф. — Ну, теперь, Герберт, нам не хватает только дома!

Речка была совсем прозрачная. Пенкроф убедился, что в часы отлива, когда до нее не доходили морские волны, вода в ней была пресная и вполне годилась для питья. Лишь только это важное обстоятельство было установлено, Герберт принялся искать какую-нибудь пещеру, где можно было бы приютиться, но поиски его оказались тщетными. Повсюду гранитный кряж высился ровной, гладкой, отвесной стеной.



Однако недалеко от устья реки, выше того места, куда доходил прилив, они обнаружили очень своеобразное нагромождение каменных глыб. Такие природные сооружения нередко встречаются на гранитных возвышенностях и носят название «каминов».

Исследуя этот лабиринт, Пенкроф и Герберт довольно далеко углубились в него, двигаясь по усыпанным песком проходам, куда свет просачивался в щели между глыбами, из которых иные сохраняли равновесие каким-то чудом. Однако в щели проникал не только свет, но и ветер, — по каменным коридорам гуляли самые настоящие сквозняки, приносившие с собой пронизывающий холод. Но Пенкроф решил, что, если перегородить некоторые проходы, заложить их отверстия камнями да засыпать песком, Трущобы, как он их назвал, станут пригодны для жилья. Расположение их, — если изобразить его на чертеже, — представляло подобие типографского знака &, сокращенно обозначающего латинские слова et cetera;[3] отгородившись от верхней петли этого знака, через которую врывался южный и западный ветер, несомненно, можно было вос-

[3] Примечания: 3
И так далее *(лат.).*

пользоваться для пристанища нижней петлей.

— Местечко славное! — сказал Пенкроф. — Если когда-нибудь вернется к нам мистер Смит, уж он сумеет навести порядок в этом лабиринте.

— Он обязательно вернется, Пенкроф! — воскликнул Герберт. — Мы должны к его возвращению устроить здесь сколько-нибудь сносное жилище. Прежде всего надо сложить очаг в левом коридоре и не закрывать там верхнего отверстия, чтобы в него выходил дым.

— Ну, очаг-то сложить нетрудно, голубчик, — сказал моряк. — А право, славное местечко эти Трущобы (придуманное Пенкрофом название так и осталось за этим временным убежищем). Но первым делом пойдем-ка запасемся дровами. Думается, сучья и ветви пригодятся нам и на то, чтоб позатыкать щели, а то здесь будто сам дьявол свищет.

Герберт и Пенкроф вышли из Трущоб и, обогнув срезанный угол кряжа, направились по левому берегу речки. Довольно быстрое ее течение несло упавшие в воду стволы деревьев. Прилив (а в эти минуты его наступление было заметно), вероятно, заходил в устье реки, с силой отбрасывая ее воды на довольно большое расстояние. И моряк подумал, что действием прилива и отлива можно

было бы воспользоваться для сплава плотами всяких грузов.

Четверть часа спустя моряк и юный Герберт дошли до излучины, где речка круто поворачивала влево. Начиная с этого места она текла через лес, состоявший из великолепных деревьев. Несмотря на холодное время года, деревья были зелены — они принадлежали к различным хвойным породам, распространенным во всех климатических поясах земного шара — от северных широт до тропических стран. Юный натуралист распознал тут породу деодаров, многочисленные разновидности которых встречаются в зоне Гималайских гор; эти деревья распространяли вокруг очень приятный запах. Между исполинскими деодарами разбросаны были купы сосен, раскинувших свою густую крону широким зонтом. Внизу земля была устлана ковром травы, и, ступая по нему, Пенкроф слышал, как хрустели под ногами упавшие с деревьев сухие сучья, — они трещали, как взлетающие ракеты.

— Ладно, милый мой, — говорил Пенкроф Герберту, — я, конечно, не знаю, как называются эти деревья, но могу тебе сказать, что они вполне годятся на дрова, — а нам сейчас нужнее всего именно «дровяная порода».

— Давай собирать хворост! — ответил Герберт и тотчас же принялся за работу.

Набрать топлива оказалось очень легко, не приходилось даже обламывать сухие ветки, — хворост в изобилии лежал на земле. Итак, в топливе недостатка не было, но тут встал вопрос, как доставить его к месту стоянки. Сухие дрова горят очень быстро — следовательно, нужно было принести в Трущобы неимоверную груду хвороста, ношу, непосильную для двух человек. Герберт сказал об этом Пенкрофу.

— Э, голубчик, надо придумать, как переправить дрова. При желании все можно сделать! Будь у нас ручная тележка, тут и разговаривать бы нечего было.

— Зато у нас есть речка! — воскликнул Герберт.

— Правильно! — подтвердил Пенкроф. — Есть речка — значит, дрова поплывут сами собою. Недаром же люди придумали сплавлять лес плотами.

— Только вот беда, — возразил Герберт, — они поплывут не в ту сторону, в которую нам надо: ведь прилив сейчас гонит воду против течения.

— Подождем тогда отлива, — ответил моряк, — и наше топливо преспокойно доплывет до

Трущоб. Давай пока готовить плот.

Моряк в сопровождении Герберта направился к опушке леса, подступавшего к излучине реки. Каждый тащил на спине вязанку хвороста, какую мог унести. На берегу, поросшем травой, по которой, наверно, еще не ступала нога человека, тоже нашлось немало валежника. Пенкроф тотчас же принялся делать плот.

В маленькую заводь, защищенную выступом берега, о который разбивалось течение, моряк и Герберт спустили несколько древесных стволов, крепко связав их между собой сухими лианами. Получилось нечто вроде плота, на него сложили весь собранный хворост — ношу, которую могли бы поднять человек двадцать, не меньше. За час они закончили работу и причалили плот к берегу — тут он должен был ждать, когда начнет спадать вода.

До начала отлива оставалось еще несколько часов, и, чтобы скоротать время, Пенкроф и Герберт решили подняться на верхнее плато, откуда должен был открываться широкий вид на ту неведомую землю, где они очутились.

В двухстах шагах от излучины реки гранитная стена заканчивалась каменной осыпью и, постепенно понижаясь, полого опускалась к лесной

опушке. Природа как будто устроила тут лестницу. Герберт и моряк стали подниматься по ней. У обоих были быстрые ноги, крепкие мышцы, и через несколько минут они уже достигли гребня возвышенности и остановились на выступе, возвышавшемся над устьем реки.

Лишь только оба они оказались на плоскогорье, взгляд их обратился к океану, над которым они пролетели в такую ужасную бурю. С глубоким волнением смотрели они на северный берег острова — ведь именно около него произошла катастрофа и где-то там исчез Сайрес Смит. Они искали взглядом, не плывет ли по волнам обрывок оболочки аэростата, за который мог бы уцепиться человек. Нет, нигде ничего не было видно. Только необозримая пустынная ширь океана. Пустынным был и берег. Ни Гедеон Спилет, ни Наб не появлялись. Быть может, однако, они ушли так далеко, что их нельзя было увидеть.

— А я вот уверен, — вдруг сказал Герберт, — да, уверен, что такой человек, как мистер Сайрес, не мог утонуть… Он ведь энергичный, смелый, он не растеряется. Наверно, он добрался до берега. Правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Сам он уже не надеялся увидеть когда-нибудь Сайреса Смита,

но не хотел лишать юношу надежды.

— Ну, понятно, понятно, — сказал он. — Уж кто-то, а мистер Смит сумеет выбраться из беды там, где другому несдобровать.

А в это время он с пристальным вниманием оглядывал берег. Перед глазами его тянулась песчаная полоса, ограниченная справа от устья реки грядой подводных скал. Черные их глыбы, едва еще выступавшие из воды, походили на гигантских морских зверей, лежавших среди кипевших бурунов; за линией рифов сверкало на солнце море. С юга кругозор закрывал остроконечный высокий мыс, и нельзя было определить, продолжается ли за ним суша, или же она вытянута в направлении с юго-востока на юго-запад и образует некий длинный полуостров. С северной стороны берег, обозримый на большом расстоянии, плавно изгибался, окаймляя округлую бухту. Там он был низкий, плоский, без гранитных скал, с широкими песчаными отмелями, обнажавшимися в часы отлива.

Пенкроф и Герберт повернулись к западу; взгляд обоих прежде всего привлекала гора со снежной вершиной, возвышавшаяся вдалеке, на расстоянии шести или семи миль. От первых ее уступов и ниже, по широкому плато, шли

лесные заросли, и среди них яркими пятнами выделялись купы вечнозеленых деревьев. В двух милях от края этого плато лес заканчивался, и там зеленела поросшая травой широкая полоса, по которой прихотливо раскиданы были маленькие рощицы. Слева в просветах между деревьями блестела речка, такая извилистая, что казалось, она возвращалась обратно к тем отрогам высокой горы, среди которых, вероятно, брала начало. В том месте, где Пенкроф оставил свой плот, она текла меж высоких гранитных берегов, но левый берег все время шел обрывистой кручей, а правый постепенно понижался; сплошная стена сменялась грядой отдельных глыб, затем россыпью камней, а дальше, до самого конца косы, — мелкой галькой.

— Что это? Остров? — пробормотал моряк.

— Ну, если и остров, то довольно большой! — заметил юноша.

— Что ни говори, а остров всегда останется островом! — сказал Пенкроф.

Но как ни был важен этот вопрос, разрешить его они пока еще не могли. Приходилось отложить его выяснение. Однако, чем бы ни была суша, на которую они попали, — островом или материком, — земля здесь казалась плодородной,

а природа красивой и богатой многими дарами.

— Хорошо еще, что так вышло, — сказал Пенкроф. — И за это нам, несчастным, надо возблагодарить провидение.

— Ну, конечно. Слава богу! — воскликнул Герберт: его юное сердце было полно признательности к творцу всего сущего.

Долго еще Пенкроф и Герберт смотрели на ту неведомую землю, куда их забросила судьба, но и после этих первых впечатлений ни тот, ни другой не могли представить себе, что ждет их тут.

Затем они пустились в обратный путь по южному краю плоскогорья, окаймленному карнизом из скал самых причудливых очертаний. Во впадинах здесь гнездились сотни птиц. Перепрыгивая с одной глыбы на другую, Герберт вспугнул целую стаю пернатых обитателей скал.

— Ах! — воскликнул он. — Это не бакланы и не чайки!

— Что же это за птицы? — спросил Пенкроф. — Ей-богу, похожи на голубей.

— Да это и есть голуби, только дикие — скалистые голуби, — ответил Герберт. — Я их сразу узнал. Вот погляди, у них двойная черная кайма на крыльях, хвост белый, а все остальное оперение голубовато-пепельного цвета. Я читал, что скалистые голуби — лакомая дичь, и, наверно, у них очень вкусные яйца. Может быть, в гнездах остались яйца!..

— Тогда зажарим себе яичницу! — весело подхватил Пенкроф.

— А в чем? В твоей шляпе?

— Нет, дружок, я, к сожалению, не волшебник. Ничего, не горюй. Мы испечем яйца. Хочешь, поспорим, кто больше съест?

Пенкроф и юноша принялись весьма внимательно осматривать все впадины меж гранитных глыб; кое-где действительно оказались яйца. Собрав несколько десятков голубиных яиц, сложили их в носовой платок моряка, а затем, полагая, что прилив уже кончился, спустились по склону к реке.

К часу пополудни они дошли до знакомой излучины. Прилив уже не мешал течению реки. Надо было воспользоваться этим, чтобы пригнать плот

к ущелью. Пенкроф вовсе не намеревался пустить свой плот по воле случая, оставив его без всякого управления. Не хотел он также и взобраться на плот, чтобы им управлять. Тут ему пришло на помощь умение моряков смастерить канат из того, что есть под рукой, — моряк всегда выйдет из положения.

Набрав сухих лиан, Пенкроф ссучил из них веревку длиной в несколько саженей. Этот импровизированный канат привязали к плоту сзади, и конец его моряк крепко держал в руке, а Герберт, вооружившись длинной жердью, отталкивал плот от берега на стрежень реки.

Способ сплава оказался очень удачным. Шагая по берегу, Пенкроф сдерживал канатом тяжело нагруженный плот, и он спокойно плыл по течению. Берег тянулся обрывистой кручей, и нечего было опасаться, что плот застрянет где-нибудь на отмели. Часа через два он благополучно достиг устья реки, находившегося близ Трущоб.

ГЛАВА V

Благоустройство Трущоб. — Важнейший вопрос — как добыть огонь. — Коробка спичек. — Поиски на берегу. — Возвращение журналиста и Наба. — Единственная спичка. — Пылающий костер. — Ужин. — Первая ночь на суше

Лишь только плот разгрузили, первой заботой Пенкрофа было сделать Трущобы пригодными для жилья, заложив коридоры, чтобы по ним не разгуливали сквозняки. Пустив в ход песок, камни, щиты, сплетенные из веток, и мокрую глину, Пенкроф и Герберт плотно закупорили галереи, открытые холодным ветрам, и отделили верхнюю петлю типографского знака &. Оставили только один узкий, соединявшийся с боковой галереей извилистый коридор, который должен был служить дымоходом и давать тягу для очага. Теперь Трущобы состояли из трех-четырех «комнат», если можно так назвать темные берлоги, которыми вряд ли удовольствовались бы даже дикие звери. Но здесь было сухо, и здесь можно было стоять, выпрямившись во весь рост, по крайней мере в самой большой из этих «зал», находившейся в середине. Землю везде устилал слой мелкого песка. Словом, оказалось возможным в ожидании лучшего как-нибудь приютиться в этом убежи-

ще. Работая над его благоустройством, Герберт и Пенкроф оживленно разговаривали.

— Может быть, наши товарищи отыскали что-нибудь получше этих нор, — говорил Герберт.

— Может, и отыскали, — отвечал Пенкроф, — но если не уверен, не сиди сложа руки! Лучше иметь запасное жилье, чем совсем остаться без крова.

— Ах, только бы они нашли мистера Смита! — повторял Герберт. — Тогда все будет хорошо. Больше ничего я у неба не прошу!

— Да, — отозвался Пенкроф. — Вот был человек! Настоящий человек.

— Был? Почему ты говоришь «был»? Ты, значит, больше уже не надеешься увидеть его?

— Что ты, что ты! Боже упаси! — возразил моряк.

Работа по благоустройству Трущоб закончилась быстро, и Пенкроф заявил, что он вполне доволен.

— Ну, теперь наши друзья могут возвращаться, — сказал он. — Пристанище у нас неплохое.

Оставалось только соорудить очаг и приготовить обед, — дело в сущности простое и нетрудное. В глубине первого коридора слева сложили из плоских камней очаг возле отверстия «дымохода». Конечно, не все тепло выносило бы

наружу вместе с дымом, и «комнаты» должны были нагреваться. Один из коридоров обратили в дровяник. Моряк стал укладывать в очаге дрова и мелкие сухие ветки. Он еще не закончил работу, как вдруг Герберт спросил, есть ли у них спички.

— Ну, разумеется, — ответил Пенкроф и добавил: — К счастью, есть. А то без спичек и без огнива пропадешь.

— Вовсе нет. Мы бы могли добыть огонь трением, как это делают дикари, — возразил Герберт. — Терли бы друг о друга две сухие чурки.

— Что ж, попробуй, дружок, попробуй. Увидишь, что ничего у тебя не выйдет, только руки себе натрудишь.

— Но ведь это способ очень простой, и его до сих пор применяют на многих островах Тихого океана.

— Я не говорю, что так нельзя добыть огня, — ответил Пенкроф, — но, надо полагать, дикари лучше нас за это дело умеют взяться, а может, знают, какое надо выбрать дерево. Я вот, например, не раз пытался добыть огонь таким способом, и ничего у меня не получалось. Нет, я уж лучше спичками разожгу. Куда я их подевал?

Пенкроф поискал в карманах куртки коробку со спичками, с которыми никогда не расставался,

как и полагается заядлому курильщику. Коробки там не оказалось. Он пошарил в карманах брюк, но и там не нашел драгоценной коробки.

— Вот глупость какая!.. Прямо беда! — сказал Пенкроф, растерянно глядя на Герберта. — Должно быть, из кармана выпала. Потерял я коробку. А у тебя, Герберт, ничего нет? Хоть зажигалки какой-нибудь, чтобы нашу печку растопить?

— Нет, Пенкроф, ничего нет.

Моряк, а вслед за ним и Герберт вышли из Трущоб. Пенкроф досадливо тер себе лоб.

Оба принялись усердно искать на песке и между скалами у берега реки, но поиски их оказались напрасными. А между тем медная коробочка, в которой Пенкроф держал спички, наверно, бросилась бы им в глаза.

— Слушай, Пенкроф, — спросил Герберт, — а когда мы были в гондоле, ты ее не выбросил за борт?

— Да разве бы я ее бросил! — возмутился моряк. — Только вот, может, сама выпала. Ведь нас крепко тряхнуло, а долго ли выпасть такому малому предмету? Трубки и то я лишился. Проклятая коробка! Где же она может быть?

— Тогда вот что, — сказал Герберт, — как раз сейчас отлив, пойдем на берег, к тому месту, куда

нас выкинуло. Может быть, найдем ее.

Мало было надежды разыскать коробку, — если даже море и выбросило ее, то, при большой воде, волны, вероятно, зарыли ее среди гальки. Однако не мешало попытать счастья, и Герберт с Пенкрофом поспешно направились на конец той самой косы, у которой их выбросило накануне на сушу. Это место было шагах в двухстах от Трущоб. Там они тщательно осмотрели весь берег, усыпанный галькой, каждую впадину между камнями. Бесплодные старания! Если коробка и выпала тут, — должно быть, волны унесли ее в море. По мере того как отлив обнажал дно, моряк обшаривал каждую щель между рифами, но ничего не нашел. Потеря была очень тяжелая и пока что непоправимая.

Пенкроф не мог скрыть своего огорчения. На лбу у него залегли складки, он замкнулся в угрюмом молчании. Герберту очень хотелось его утешить, и он сказал, что, вероятно, спички подмокли и все равно от них не было бы никакой пользы.

— Да нет, голубчик, — ответил моряк. — Я их держал в медной коробке, и крышка прекрасно закрывалась! Как же нам теперь быть?

— Как-нибудь ухитримся добыть огонь, — сказал Герберт. — Мистер Смит и мистер Спилет не

встанут в тупик, как мы с тобой!

— Может, и так, — уныло произнес Пенкроф. — Но сейчас-то мы не можем разжечь костер и, стало быть, плохо накормим друзей, когда они вернутся.

— Не горюй, — с живостью ответил Герберт. — Не может быть, чтоб у них не было спичек или хотя бы огнива.

— Сомневаюсь! — возразил моряк, качая головой. — Во-первых, Наб и мистер Смит не курят, а мистер Спилет, думается мне, скорее уж постарается спасти свою записную книжку, чем коробку спичек!

Герберт промолчал. Потеря коробки спичек была, разумеется, прискорбным событием, но юноша рассчитывал, что тем или другим способом огонь удастся добыть. Несмотря на свой решительный нрав, Пенкроф, как человек более опытный, не разделял уверенности своего воспитанника. Но как бы то ни было, оставалось только одно: ждать возвращения Наба и журналиста. Приходилось, однако, отказаться от намерения угостить их крутыми яйцами, а перспектива питаться сырыми ракушками вряд ли могла быть им приятной, так же, как не улыбалась она и Пенкрофу.

На тот случай, если невозможно будет разжечь огонь, моряк и Герберт пополнили запас литодомов, а затем молча направились к своему жилищу.

Пенкроф шагал, устремив взгляд в землю, так как все надеялся найти исчезнувшую коробку. Он даже прошел по левому берегу речки от устья до той заводи, где они спустили на воду плот. Потом он взобрался на верхнее плато, исходил его во всех направлениях, поискал и в высокой траве, зеленевшей на опушке леса, — все было напрасно!

Было пять часов вечера, когда Пенкроф с Гербертом вернулись в Трущобы. Разумеется, они и там все обшарили, вплоть до самых темных закоулков. Увы, от поисков спичечной коробки пришлось отказаться.

Около шести часов, когда солнце уже закатывалось за возвышенность, поднимавшуюся на западе, Герберт, который бродил у берега моря, крикнул, что идут Наб и Гедеон Спилет. Но они возвращались одни!.. У юноши сжалось сердце от невыразимой тоски. Значит, предчувствия Пенкрофа оправдались! Сайреса Смита уже не найти!

Подойдя к Герберту, журналист молча сел на обломок скалы. Он возвратился еле живой от

усталости и голода и не в силах был промолвить ни слова.

У Наба покраснели глаза, так много он плакал, и слезы, которые он и теперь не мог сдержать, ясно говорили о его отчаянии.

Передохнув, журналист рассказал о бесплодных попытках найти Сайреса Смита. Вместе с Набом он прошел по берегу больше восьми миль — следовательно, они зашли значительно дальше того места, около которого исчезли инженер и его собака Топ. Песчаный берег оказался совершенно пустынным. Ни единой приметы, никакого отпечатка. Незаметно было, что вот тут недавно перевернули камень, а там остался на песке след человеческой стопы; на всей этой части побережья не нашлось ни одного знака. Если это обитаемая земля, то, очевидно, ни один человек не появлялся на побережье. Море было так же пустынно, как и берег, близ которого инженер Смит нашел себе могилу.

Но при этих словах Наб вскочил в страстном волнении, показавшем, что надежда еще живет в нем, и воскликнул:

— Нет, нет, он не умер! Не может этого быть! Он — и вдруг так погибнуть! Не верю! Я или кто другой — может так умереть! А он — нет! Никогда!.. Он такой, такой человек… Он всякую беду одолеет!..

Силы изменили ему, он пошатнулся.

— Ох, сил больше нет, — тихо сказал он.

Герберт подбежал к нему.

— Наб, — сказал юноша. — Не теряйте надежды. Господь возвратит его нам! А сейчас успокойтесь, отдохните. Вы голодны. Подкрепитесь немного. Поешьте, прошу вас.

И, говоря это, он положил перед беднягой Набом несколько горстей ракушек. Скудная и совсем не сытная трапеза.

Наб не ел уже много часов, но и тут он отказался от пищи. Лишившись своего хозяина, он не мог, он не хотел жить!

Что касается Гедеона Спилета, он поглотил немалое количество литодомов, потом лег на песок под скалой. Он был крайне изнурен, но спокоен.

Герберт подошел к нему и сказал, взяв его за руку:

— Мистер Спилет, мы нашли убежище, где вам будет гораздо лучше, чем здесь. Уж ночь наступает. Пойдемте Вам надо отдохнуть! А завтра посмотрим, что делать..

Журналист поднялся, и Герберт повел его к Трущобам.

В эту минуту Пенкроф подошел к Спилету и

самым естественным тоном спросил, нет ли у него случайно спичек, хотя бы одной.

Журналист остановился, пошарил по карманам и, ничего там не обнаружив, ответил:

— Спички у меня были. Но, должно быть, я их выбросил.

Тогда Пенкроф окликнул Наба, задал ему тот же вопрос и получил такой же ответ.

— Эх, проклятье! — не сдержавшись, воскликнул моряк.

Услышав этот возглас, журналист подошел к Пенкрофу.

— Ни одной спички? — спросил он.

— Ни единой, и, стало быть, нечем разжечь огонь.

— Нечем, — горько повторил Наб. — Будь здесь мой хозяин, уж он бы сумел добыть огонь.

Все четверо застыли на месте, с тревогой глядя друг на друга. Герберт первым прервал тяжелое молчание:

— Мистер Спилет, вы ведь курильщик и всегда носите при себе спички! Может быть, вы плохо искали? Поищите хорошенько, пожалуйста! Нам достаточно одной спички.

Журналист снова принялся рыться в карманах жилета, брюк, пальто и, наконец, к великой ра-

дости Пенкрофа и крайнему своему удивлению, нащупал тоненькую палочку за подкладкой жилета. Он ее чувствовал сквозь ткань, он крепко сжимал пальцами спичку, но не мог вытащить. Это, несомненно, была спичка, одна-единственная спичка, и задача состояла в том, чтобы ее вытащить, не повредив фосфорной головки.

— Позвольте, я достану? — сказал Герберт.

И очень ловко, в целости и сохранности он извлек из-за подкладки жилета спичку, ничтожную, но драгоценную палочку, имевшую сейчас такое важное значение. Головка нисколько не пострадала.

— Спичка! — воскликнул Пенкроф. — Я так рад, будто у нас целый воз спичек!

Он осторожно принял из рук Герберта спичку и направился вслед за своими товарищами к Трущобам.

Спички, которые в обитаемых краях так мало ценятся, которыми пользуются так равнодушно и жгут их так расточительно, тут были сокровищем, и с этой единственной спичкой нужно было обращаться с великой бережностью. Прежде всего моряк удостоверился, что спичка совершенно сухая. Потом он сказал:

— Бумаги бы надо.

— Вот, возьмите, — отозвался Гедеон Спилет, с некоторым трепетом вырывая листочек из своей записной книжки.

Пенкроф взял протянутый ему журналистом листок и присел на корточки перед очагом. Там уже лежал хворост, искусно уложенный так, чтобы между сучьями проходил воздух, а снизу были подложены сухие листья, сухая трава и сухой мох — растопка, которая должна была сразу запылать и быстро зажечь ветки.

Листок бумаги Пенкроф свернул фунтиком, как это делают курильщики, разжигая трубку на ветру, и пристроил этот фунтик среди мха. Затем взял шершавую гальку, тщательно обтер ее и, с сильно бьющимся сердцем, затаив дыхание, легонько чиркнул спичкой о гальку.

Первая попытка не дала результатов: Пенкроф боялся раскрошить фосфор и чиркнул слишком слабо.

— Нет, не могу, — сказал он, — рука дрожит... Только спичку испорчу... Не могу!.. Не стану больше! — И, поднявшись, Пенкроф попросил Герберта заменить его.

Юноша никогда еще не испытывал такой тревоги. Сердце у него колотилось. Наверное, Прометей, решаясь похитить огонь с неба, не

ведал подобного волнения! Однако юноша, не раздумывая, быстро чиркнул спичкой о камешек. Послышался слабый треск, и на конце спички затрепетал голубоватый огонек, распространявший едкий дым. Герберт тихонько повернул спичку головкой вниз, чтоб огонек лучше разгорелся, потом осторожно просунул ее в бумажный колпачок. Бумага вспыхнула, и тотчас же загорелся мох.

Через несколько мгновений послышалось потрескивание разгоревшихся сучьев, и в темноте весело заиграло пламя, костра, который моряк раздувал изо всех сил.

— Ну, наконец-то! — вставая, воскликнул Пенкроф. — Прямо извелся! Никогда еще так не волновался!

Радостно было смотреть, как в очаге, сложенном из плоских камней, жарко горит огонь. Дым свободно выходил через узкий проход, тяга была хорошая, и вскоре по Трущобам уже разливалось приятное тепло.

За огнем, разумеется, надо было следить, а чтобы он не угасал окончательно, всегда сохранять под золой несколько раскаленных углей — дело нетрудное, требовавшее только заботы и внимания; дров в лесу было достаточно, и всегда можно было вовремя пополнить запас топлива.

Пенкроф решил прежде всего воспользоваться очагом для того, чтобы приготовить ужин посытнее, чем сырые литодомы. Герберт принес десятка три голубиных яиц. Журналист сидел в углу и безучастно смотрел на эти приготовления. Он старался разрешить три мучительных вопроса. Жив ли еще Сайрес? Если жив, то где он сейчас находится? Если он уцелел после своего падения в море, то чем объясняется то, что он не нашел возможности подать о себе весть? Вот о чем думал Гедеон Спилет, а Наб тем временем томился на берегу моря, блуждая там, словно тень, лишенная души.

Пенкроф знал пятьдесят два способа приготовленной яиц, но тут у него не было выбора:

пришлось просто испечь их в горячей золе.

Через несколько минут яйца испеклись, и моряк пригласил Гедеона Спилета принять участие в ужине. Такова была первая трапеза злополучных аэронавтов на неведомом для них берегу. Крутые яйца оказались очень вкусными, а так как в яйцах содержатся все питательные вещества, необходимые человеку, то несчастные путники хорошо подкрепились и вскоре почувствовали себя бодрее.

Ах, если бы возвратился тот, кого не хватало за этой трапезой! Если б все пятеро пленников, бежавших из Ричмонда, были сейчас вместе, в этом убежище среди скал, у этого ярко пылавшего костра, на этом сухом песке, они от души возблагодарили бы небо. Но, увы! Недоставало Сайреса Смита, человека такого изобретательного, такого ученого, признанного их главы, — он погиб, и они даже не могли предать земле его прах.

Так прошел день — 25 марта. Настала ночь. Снаружи доносилось завывание ветра и однообразный шум прибоя, ударявшегося о берег. Волны с оглушительным грохотом перекатывали камни и гальку.

Наскоро записав в свой блокнот события истекшего дня — появление неведомой земли,

возможная гибель Сайреса Смита, поиски на побережье, эпизод со спичками и т. д., — журналист улегся в углу темного коридора и, сломленный усталостью, наконец забылся сном. Герберт заснул сразу. Моряк дремал, как говорится, вполглаза, примостившись у очага, не забывая подбрасывать в него дров.

Но один из обитателей Трущоб не мог сомкнуть глаз. Как ни уговаривали Наба его спутники прилечь, отдохнуть немного, он всю ночь напролет бродил по берегу моря и звал своего хозяина.

ГЛАВА VI

Имущество потерпевших крушение. — Ровно ничего. — Опаленная тряпка. — Прогулка в лес. — Лесная флора. — Убежавший жакамар. — Следы диких зверей. — Куруку. — Тетерева. — Удивительное применение удочек

Имущество наших аэронавтов, потерпевших крушение и выброшенных на неведомую землю, перечислить нетрудно: у них не осталось ровно ничего, кроме той одежды, которая была на них в момент катастрофы. Впрочем, нужно упомянуть, что у Гедеона Спилета — вероятно, по чистей-

шей случайности — уцелели часы и записная книжка, но ни у кого не сохранилось ни оружия, ни инструментов, ни даже перочинного ножа. Пассажиры воздушного шара все выбросили за борт гондолы, чтобы облегчить груз аэростата.

Вымышленные герои Даниеля Дефо и Виса, все эти Селькирки и Рейнали, потерпевшие крушение у острова Хуан-Фернандес или в Оклендском архипелаге, никогда не попадали в такое положение. Все для себя необходимое они находили на своем разбитом корабле — зерно, и домашних животных, и инструменты, и ружья, и запасы пороха и пуль, — или же море выбрасывало на берег обломки судна и часть его груза, дававшие им возможность удовлетворять свои насущные потребности. Они не оказывались безоружными перед лицом природы. Но у наших путников не было ни одного инструмента и никакой утвари. Из ничего надо было создать все!

Если б еще судьба возвратила им Сайреса Смита, если б он своими знаниями и практическим умом помог в беде товарищам, надежда, возможно, еще не была бы потеряна. Увы! Нечего было и думать, что он вернется. Потерпевшим крушение приходилось рассчитывать только на самих себя и на помощь провидения, ибо оно никогда не

оставляет тех, кто полон искренней веры.

Но прежде чем обосноваться на этом побережье, разве не нужно было путникам узнать, куда они попали? Где они? На каком-нибудь материке или на острове? Живут ли в этих краях люди или это берег необитаемой земли?

Столь важный вопрос следовало выяснить как можно скорее — от этого зависели все дальнейшие шаги, которые могли предпринять наши путники. Однако, по совету Пенкрофа, решили подождать несколько дней, прежде чем отправиться на разведку. Сначала надо было раздобыть провиант и запастись в дорогу не голубиными яйцами и ракушками, а более сытной снедью. Вероятно, предстоят утомительные переходы, на привалах не будет крова над головой — в таких условиях людям прежде всего необходимо хоть пищей подкреплять свои силы.

Для временной стоянки можно было удовлетвориться и Трущобами. Огонь удалось разжечь, сохранять под слоем золы кучку тлеющих углей было нетрудно. Пока что достаточно имелось ракушек на берегу и яиц в гнездах диких голубей среди скал. Голуби сотнями кружили над карнизом плато, и, вероятно, нашелся бы какой-нибудь способ убить несколько штук хотя бы ударом пал-

ки или метко брошенным камнем. Может быть, в соседнем лесу растут деревья, приносящие съедобные плоды. И наконец, рядом протекает река — источник пресной воды. Словом, было решено остаться еще на несколько дней в Трущобах и заняться подготовкой к экспедиции для исследования побережья и ближайших окрестностей.

Наб горячо одобрил намерение задержаться некоторое время на стоянке — он упорно цеплялся за свою надежду и не хотел удаляться от той части берега, где произошла катастрофа. Он не верил, не хотел верить предположению, что Сайреса Смита больше нет в живых. Ему казалось просто невозможным, чтобы такой человек погиб столь нелепой смертью, чтобы волна смыла его и он утонул совсем близко от берега! Нет, пока море не выбросит на берег труп Сайреса Смита и пока он, Наб, собственными глазами не увидит его, не коснется руками, он не поверит в гибель своего хозяина! Мысль эта крепко завладела Набом, в сердце его не угасала надежда. Быть может, он сам себя обманывал, но такой самообман заслуживал уважения, и Пенкроф не решался разубеждать Наба. Сам же он был уверен, что инженер Сайрес Смит нашел себе могилу в пучине океана, но с Набом, конечно, спорить было невозможно. В

своей привязанности к Сайресу Смиту он был подобен верной собаке, которая не может уйти с того места, где умер ее хозяин, и горе так снедало его, что вряд ли он был в силах перенести свою утрату.

Утром 26 марта, чуть рассвело, Наб снова отправился на берег и пошел по направлению к северу, туда, где, по всей вероятности, волны океана сомкнулись над головой несчастного Сайреса Смита.

Завтрак в то утро опять состоял лишь из голубиных яиц и ракушек. Герберт нашел во впадине скалы соль, оставшуюся после испарения морской воды, и эта минеральная приправа пришлась очень кстати.

Покончив с едой, Пенкроф спросил журналиста, не желает ли тот пойти вместе с ним и с Гербертом в лес, где они собираются поохотиться. Но, обсудив этот вопрос, обитатели Трущоб решили, что кому-нибудь нужно остаться на стоянке для того, чтобы поддерживать огонь в очаге, а также на тот маловероятный случай, если Наб найдет хозяина и ему понадобится помощь.

Хранителем огня остался Гедеон Спилет.

— Ну, пойдем, Герберт, на охоту! — воскликнул моряк. — Пули подберем дорогой на земле, а ру-

жье выломаем в лесу.

Перед уходом Герберт сказал, что раз у них нет трута для высекания огня, было бы неплохо чем-нибудь его заменить.

— Чем? — спросил Пенкроф.

— Опаленной тряпкой, — ответил юноша. — В случае надобности она может заменить трут.

Моряк признал предложение Герберта вполне разумным. Правда, жаль было пожертвовать обрывком носового платка, но цель оправдывала такую жертву, и вскоре от обширного клетчатого платка Пенкрофа был оторван лоскут и опален на огне. Эту легковоспламеняющуюся ткань спрятали в средней «комнате», в узкой впадине каменной глыбы, — там она была защищена от ветра и от сырости.

Было девять часов утра. Погода хмурилась, дул сильный юго-восточный ветер. Герберт и Пенкроф завернули за скалы, образовавшие Трущобы, и оба бросили взгляд на струйку дыма, извивавшуюся над одним из выступов каменной кровли; затем они направились по левому берегу реки вверх по течению.

Как только дошли до леса, Пенкроф сломал две толстых ветки, которые стали палицами наших охотников; Герберт обточил концы этих дубинок

об острый край скалы. Ах, чего бы он не дал за самый обыкновенный нож! Охотники двинулись дальше по берегу, поросшему высокой травой. Начиная с той излучины, где речка резко поворачивала на юго-запад, она становилась все уже, текла в очень высоких берегах, и над ней арками сплетались ветви деревьев. Боясь заблудиться, Пенкроф решил, что и возвращаться надо будет берегом реки, — она приведет их к тому месту, откуда они вышли. Но избранный им путь оказался очень нелегким: тут мешали гибкие ветви деревьев, склонившиеся к самой воде, там дорогу преграждали лианы или колючий кустарник, и приходилось дубинкой расчищать себе путь. Зачастую Герберт с проворством дикой кошки, проскользнув между кустами, исчезал в густых зарослях. Но Пенкроф тотчас звал его обратно и настойчиво просил не отходить в сторону.

Моряк внимательно присматривался к рельефу местности, подмечал характер ее природы. Левый берег был низкий и переходил в незаметно повышавшуюся равнину. Кое-где он становился болотистым — чувствовалось, что тут под почвой целой сетью струек бегут родники, ищут себе выхода и, найдя его, изливаются в реку. Иногда зеленую чащу прорезал ручей, но через него

нетрудно было перебраться. Правый берег был высокий, неровный и отчетливо обрисовывал очертания ложбины, по которой пролегало русло реки. По его уступам росли деревья, закрывая кругозор. Идти правым берегом было бы куда труднее, так как нередко склон его становился обрывистым; деревья, сгибавшиеся к воде, держались там лишь силой крепких корней.

Нечего и говорить, что в этом лесу так же, как и на берегу моря, где они уже побывали, не было никаких признаков присутствия человека. Пенкроф заметил только свежие следы четвероногих — несомненно, здесь недавно проходили звери, но какие именно, он не мог определить. Очень возможно, думал Герберт, что сюда наведывались и грозные хищники, с которыми им, вероятно, когда-нибудь придется столкнуться, но нигде не было ни зарубки, сделанной на дереве топором, ни остатков угасшего костра, ни отпечатка человеческой ноги; впрочем, этому, пожалуй, следовало порадоваться: встреча с человеком в диких дебрях у берегов Тихого океана ничего хорошего не сулила.

Герберт и Пенкроф почти не разговаривали, так как дорога была тяжелая, и продвигались они очень медленно — за целый час едва ли прошли одну милю. Пока что охотники не могли похвастаться удачей. Кругом раздавался птичий гомон, птицы перепархивали с дерева на дерево, но все они оказались очень пугливы, как будто верный инстинкт внушал им страх перед людьми. В болотистой части леса Герберт приметил среди пернатых птицу с длинным и острым клювом, похожую на зимородка-рыболова, однако от ры-

болова она отличалась более ярким оперением с металлическим отливом.

— Это, должно быть, жакамар, — прошептал Герберт, пытаясь незаметно приблизиться к птице.

— Хорошо бы отведать этого жакамара, — заметил Пенкроф, — если он согласится попасть к нам на жаркое.

В это мгновение камень, ловко брошенный Гербертом, подбил жакамару крыло, но не свалил с ног птицу, она обратилась в бегство и вмиг исчезла.

— Экий я разиня! — воскликнул Герберт.

— Нет, голубчик, — утешал его моряк, — удар был очень меткий, другому бы ни за что так не попасть. Не горюй! Мы твоего жакамара в другой раз поймаем!

Обследование местности продолжалось. Охотники заметили, что чаша постепенно редеет, деревья уже не заглушают друг друга и разрастаются превосходно, но ни на одном не было съедобных плодов. Напрасно Пенкроф искал здесь драгоценных для человека пальмовых деревьев, которые приносят ему столько пользы и встречаются в Северном полушарии вплоть до сороковой параллели, а в Южном — до тридцать

пятой. Но тут лес состоял только из хвойных деревьев — таких, например, как деодары, которые Герберт приметил уже накануне, дугласы, похожие на те, что растут на северо-западном берегу Америки, и великолепные сосны высотою в сто пятьдесят футов.

Вдруг перед нашими охотниками пронеслась большая стая красивых пестрых птичек с длинными хвостами переливчатой окраски; они тучей спустились на ветки деревьев, роняя перышки, и усеяли землю нежным пухом. Герберт подобрал несколько перышек и, рассмотрев их, сказал:

— Это куруку.

— Лучше бы цесарку или глухаря поймать, — заметил Пенкроф. — Разве такие пташки для еды годятся?..

— Годятся, — ответил Герберт, — мясо у них очень нежное. И, если не ошибаюсь, к ним очень легко можно подобраться и убить их просто палкой.

Моряк и Герберт, прячась в высокой траве, подкрались к дереву, у которого нижние ветки были сплошь усеяны птичками. Куруку подстерегали насекомых, служивших им пищей. Видно было, как они крепко уцепились мохнатыми лапками за веточки, на которые уселись.

Охотники поднялись и, взмахивая своими дубинками, как косами, сбивали куруку, целыми рядами, но глупые птицы и не думали улетать. Лишь когда на земле их лежало уже не меньше сотни, остальные умчались прочь.

— Вот повезло! — воскликнул Пенкроф. — Дичь как раз для таких охотников, как мы! Бери ее просто руками.

Сбитых птичек моряк нанизал на гибкий прутик, и охотники отправились дальше. Они заметили, что река поворачивает к югу, но, по всей вероятности, это была лишь излучина, истоки же реки должны были находиться на севере, в горах, где ее питали тающие снега, покрывавшие склоны центральной конусообразной вершины.

Как известно. Пенкроф и Герберт отправились в поход с тем, чтобы принести для обитателей Трущоб как можно больше дичи. Задача эта еще не была выполнена. Поэтому моряк деятельно продолжал поиски и слал проклятия, когда, промелькнув перед ним в высокой траве, исчезала какая-нибудь дичь, которую он даже не успевал разглядеть. Ах, если б охотников сопровождала собака! Но Топ исчез одновременно с хозяином и, вероятно, погиб вместе с ним.

Около трех часов дня охотники увидели на

прогалинке между деревьями новую стаю птиц, которые сидели на кустах можжевельника и клевали его пахучие ягоды. Вдруг по лесу разнесся звук, похожий на пение медной фанфары. Эти странные, трубные звуки издавали птицы, принадлежавшие к семейству куриных, — тетерева, которых в Соединенных Штатах называют «тетрасы». Вскоре на прогалину вылетело несколько пар этих птиц. Окраска у них была рыжеватая, переходившая в коричневую, и темно-коричневый хвост. Герберт узнал самцов по красивому пушистому воротнику с двумя остроконечными зубцами по обе стороны шеи. Птицы эти величиною с курицу, а мясо у них такое же вкусное, как у рябчиков. Пенкроф решил во что бы то ни стало поймать хоть одного тетраса. Но задача оказалась трудной: тетерева не подпускали к себе охотников. После нескольких бесплодных попыток, только вспугнувших осторожных птиц, Пенкроф сказал:

— Ну, раз нельзя их подбить камнем, попробуем поймать на удочку.

— Будто окуней? — удивленно спросил Герберт.

— Будто окуней, — ответил моряк совершенно серьезным тоном.

Пенкроф нашел в траве с полдюжины тетеревиных гнезд, в каждом было по два, по три яйца. Моряк не тронул этих гнезд, зная, что птицы обязательно к ним вернутся, а вокруг гнезд он решил расставить свои удочки — не силки с петлей, а настоящие удочки с крючком. Он отвел Герберта в сторону и там приготовил свою удивительную спасть с терпением и ловкостью, которые сделали бы честь даже ученику Исаака Уалтона.[4] Герберт следил за его работой с вполне понятным интересом, но сомневался в успехе этого замысла. Лески Пенкроф сделал длиною в пятнадцать — двадцать футов из тонких сухих лиан, связав их между собой. Крючками послужили очень крепкие шипы с загнутым концом, которые он обломал с куста карликовой акации. Пенкроф привязал их к своим лескам и насадил на эти крючки приманку — толстых красных червяков, ползавших по земле.

Закончив работу, Пенкроф, ловко прячась в высокой траве, подобрался к тетеревиным гнездам и разложил возле них свои лески с приманкой. Потом он вернулся и, зажав в руке свободные концы лесок, спрятался вместе с Гербертом за толстое

[4] Примечания: 4
Известный автор руководства по ужению рыбы. *(Примеч. автора.)*

дерево. Оба охотника замерли в терпеливом ожидании. Герберт, однако, не очень рассчитывал на успех изобретения Пенкрофа.

Прошло с полчаса, и, как предвидел моряк, тетерева и тетерки вернулись к своим гнездам. Самцы, подпрыгивая, расхаживали около гнездовья, что-то выклевывали из земли, совсем не замечая охотников, которые, кстати сказать, постарались укрыться с подветренной стороны.

Герберта, разумеется, очень увлекла эта охота. Он ждал затаив дыхание. А моряк, замирая от волнения, не сводил глаз с тетеревов, раскрыв рот и вытянув губы трубочкой, как будто хотел проглотить лакомый кусочек.

Однако тетерева бродили между удочками, не обращая на них никакого внимания. Пенкроф легонько подергал лески, и червяки зашевелились, словно были еще живые.

Несомненно, в эту минуту моряк волновался куда сильнее, чем рыболов, который, сидя с удочкой на берегу, не может видеть сквозь толщу воды, как рыба вертится около приманки.

Червяки, колыхавшиеся от подергивания лески, привлекли к себе внимание птиц, и острые их клювы ухватили добычу. Три тетерева, видимо очень прожорливые, жадно проглотили и червя-

ков и крючки. Пенкроф сразу подсек свои удочки, и шумное трепыхание крыльев указало ему, что птицы попались.

— Ура! — закричал он и, бросившись к тетеревам, мигом схватил пойманную дичь.

Герберт захлопал в ладоши. Впервые он видел, как ловят птиц на удочку. Но Пенкроф скромно сказал, что, хотя это и не первый его опыт, однако заслуга такого изобретения принадлежит не ему.

— Способ для нас очень удобный, — заметил он. — Да и то ли нам еще придется придумывать в нашем положении.

Тетеревов привязали за лапы, и Пенкроф, просияв от мысли, что с охоты он вернется не с пустыми руками, предложил идти поскорее домой, так как уже начинает смеркаться.

Дорогу к Трущобам найти оказалось нетрудно. Нужно было только не отдаляться от реки и идти вниз по течению. Около шести часов вечера Герберт и Пенкроф, усталые, но довольные, возвратились к своему убежищу.

ГЛАВА VII

Наб все не возвращается. — Размышления Гедеона Спилета. — Ужин. — Тревожная ночь. — Буря. — Поиски в ночную пору. — Борьба с дождем и ветром. — В восьми милях от первого убежища

Гедеон Спилет неподвижно стоял на берегу, скрестив на груди руки, и смотрел, как над морем с востока быстро надвигается черная грозовая туча. Ветер крепчал, с наступлением сумерек стало холодно. Небо было каким-то зловещим, все предвещало приближение шторма.

Герберт пошел в Трущобы, а Пенкроф направился на берег моря, к журналисту. Спилет, задумавшись, не заметил, как он подошел.

— Ох, ночью и непогода же разыграется, мистер Спилет! — сказал моряк. — Штормовая, с дождем! На радость буревестникам.

Гедеон Спилет обернулся и, увидев Пенкрофа, вдруг спросил:

— Как по-вашему, на каком расстоянии от берега волна смыла нашего товарища?

Пенкроф, не ожидавший такого вопроса, удивленно посмотрел на Спилета и, подумав немного, ответил:

— Да не больше как в двух кабельтовых.

— А что такое кабельтов?

— Сто двадцать саженей, или шестьсот футов.

— Так, значит, Сайрес Смит исчез на расстоянии тысячи двухсот футов от берега?

— Вроде того.

— И собака исчезла вместе с ним?

— И собака.

— Меня вот что удивляет, — продолжал Спилет — Допустим, что наш товарищ погиб, а вместе с ним погибла и собака, — но как же это море не выбросило до сих пор на берег ни труп собаки, ни мертвое тело хозяина.

— Что ж тут удивительного? Вон какое волнение на море, — ответил Пенкроф. — А может быть, их отнесло течением далеко отсюда.

— Так вы считаете, что товарищ наш утонул? — еще раз спросил журналист.

— По-моему, утонул.

— А по-моему — нет, — сказал Гедеон Спилет. — Хотя я с уважением отношусь к вашей опытности, Пенкроф, но это бесследное исчезновение и Сайреса и его собаки — живы они или мертвы — мне кажется просто непостижимым, невероятным.

— Рад бы согласиться с вами, — ответил Пенкроф, — но, к сожалению, не могу!

Сказав это, Пенкроф возвратился в Трущобы. Там в очаге уже горел яркий огонь, Герберт под-

кинул в него охапку сухого хвороста, и высокие языки пламени осветили все темные закоулки коридора.

Пенкроф тотчас занялся приготовлением обеда. Он считал необходимым накормить товарищей посытнее, зная, как им нужно подкрепить свои силы. Нанизанных на прут птичек он оставил на завтра, но из трех тетеревов двух ощипал, выпотрошил, и вскоре представители семейства куриных уже поджаривались на импровизированном вертеле.

В семь часов вечера Наба все еще не было. Отсутствие его очень беспокоило Пенкрофа: он боялся, как бы не случилась с ним какая-нибудь беда на этой незнакомой земле. А что, если бедняга Наб в отчаянии наложил на себя руки? Но Герберт делал совсем иные выводы из долгого отсутствия Наба. Он уверял, что если Наб не возвращается, значит, что-то побудило его продолжать поиски, значит, появились какие-то обстоятельства, конечно благоприятные для Сайреса Смита. Почему Наб не возвращается? Несомненно, из-за того, что его надежда окрепла. Может быть, он обнаружил на берегу отпечатки ног Сайреса Смита, обрывок оболочки аэростата и ведет дальше свои розыски. Может быть, он уже набрел на верный след.

Может быть, даже нашел своего хозяина…

Так размышлял и так говорил Герберт. Спутники не возражали юноше. Журналист даже кивал головой в знак согласия. Но Пенкроф думал иначе — он полагал, что Наб во время поисков зашел еще дальше, чем вчера, и потому не успел вернуться засветло.

Какие-то смутные предчувствия волновали Герберта, и он несколько раз порывался пойти навстречу Набу. Но Пенкроф убеждал его, что это совершенно бесполезно: в такой темноте да еще в такую ужасную погоду невозможно найти Наба, и лучше всего подождать его в убежище. Если завтра утром негр не вернется, то Пенкроф без всяких разговоров пойдет вместе с Гербертом разыскивать Наба.

Гедеон Спилет поддержал моряка, говоря, что им не следует разлучаться, и Герберту пришлось отказаться от своего намерения, но сделал он это с горестью, из глаз его покатились слезы.

Журналист не мог удержаться и поцеловал великодушного юношу.

Тем временем действительно разыгралась непогода. С дикой силой налетели порывы юго-восточного ветра. В темноте слышно было, как море, где наступил тогда отлив, ревело и билось

вдали от берега, у первой полосы рифов. Подхватывая струи дождя, шквал дробил их в водяную пыль и мчал в пространство облаком холодной влаги. По берегу словно ползли клочья седых туманов; море с таким грохотом перекатывало камни, как будто кругом одну за другой опрокидывали телеги, груженные булыжниками. Поднимая целые тучи песку, ветер смешивал их с потоками ливня, и выдержать его напор было невозможно. Воздух был насыщен песочной и дождевой пылью. Ударяясь о прибрежный гранитный вал, ветер кружился вихрем, не находя себе иного выхода, с бешеной силой врывался в ущелье, откуда вытекала речка, и с диким воем гнал вспять ее вздувшиеся воды. Неистовые порывы ветра то и дело забивали обратно в узкую щель, служившую дымоходом, весь дым от очага, и в коридорах Трущоб нечем было дышать.

Поэтому Пенкроф, как только тетерева изжарились, погасил костер и, оставив лишь несколько тлеющих углей, прикрыл их золой.

В восемь часов вечера Наб еще не вернулся, но теперь вполне можно было предположить, что его задержала буря, что ему пришлось искать себе пристанища в какой-нибудь пещере и он пережидает, когда кончится непогода, или просто

хочет дождаться рассвета. Нечего было и думать идти ему навстречу.

Ужин состоял только из одного блюда — жареной дичи. Все отдали ему честь, тем более что мясо тетеревов славится своим превосходным вкусом. После долгой охотничьей экспедиции Пенкроф и Герберт сильно проголодались и ели теперь с волчьим аппетитом.

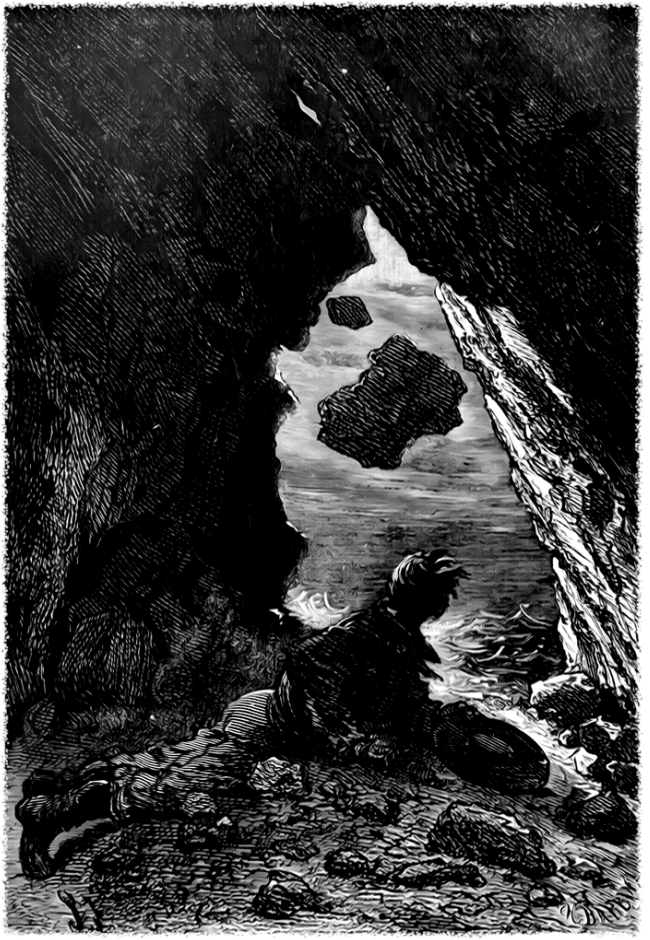
Поужинав, каждый устроился в том самом углу, где спал накануне; первым, конечно, заснул юный Герберт, прикорнув возле моряка, который расположился у костра.

Потекли ночные часы; буря все усиливалась и с грозной силой бушевала во мраке. Налетел ураган, похожий на тот, который унес пленников из Ричмонда и забросил их на эту землю среди Тихого океана. Над его бескрайней ширью нет преград для ярости ветров; бури, очень частые в пору равноденствия, свирепствуют там на полной воле, творя жестокие бедствия! Вполне понятно, что берег, обращенный к востоку, то есть как раз навстречу порывам урагана, принимал на себя все его удары, и самые яркие описания не могут передать, с какой невероятной силой он бросался в наступление на землю.

К счастью, нагромождение скал, образовавшее

Трущобы, держалось прочно. По даже среди этих огромных каменных глыб иные, наименее устойчивые, казалось, слегка покачивались.

Пенкроф заметил это: приложив ладони к гранитной глыбе, он почувствовал, что она чуть-чуть колеблется. Но он успокаивал себя, справедливо рассуждая, что бояться нечего, ибо это импровизированное жилище не рухнет. Однако он слышал, как грохочут камни, которые ветер сбивал с края верхнего плато и гнал по склону до самого моря. Иногда срывавшиеся камни падали на скалы, служившие Трущобам кровлей, и если они летели отвесно, то, ударяясь о гранит, разбивались на мелкие осколки. Два раза моряк вставал и, хватаясь за стенку каменного коридора, добирался до выхода — посмотреть, что там творится. Но обвалы были незначительны, они не представляли никакой опасности, и Пенкроф, возвратившись на свое место, снова ложился около очага, где под слоем пепла тихо потрескивали раскаленные угли.



Несмотря на свирепый ураган, вой ветра и грохот обвалов, Герберт спал крепким сном. Задремал, наконец, и Пенкроф, привыкший в своей жизни ко всяким бурям. Только Гедеон Спилет не мог заснуть. Он корил себя, зачем не пошел вместе с Набом. Мы уже говорили, что надежда не оставляла Спилета. Предчувствия, волновавшие Герберта, волновали и его самого. Он все думал о Набе. Почему Наб не вернулся? И журналист в тревоге ворочался с боку на бок на своем песчаном ложе, едва замечая битву стихий. Иногда усталость брала свое, на мгновение его отяжелевшие веки смыкались, но тотчас же какая-нибудь мысль, промелькнувшая в голове, будила его, и он открывал глаза.

Время шло. Было, вероятно, уже два часа ночи, как вдруг Пенкрофа, заснувшего крепким сном, кто-то встряхнул за плечо.

— Что? Кто тут? — вскрикнул Пенкроф, мгновенно проснувшись, как это и подобает истому моряку.

Журналист, наклонившись к нему, сказал вполголоса:

— Прислушайтесь, Пенкроф, прислушайтесь!

Моряк насторожился, но ничего не услышал, кроме завываний ветра.

— Ветер воет, — сказал он.

— Нет, — возразил Спилет, напряженно вслушиваясь. — Я как будто слышал…

— Что слышали?

— Лай собаки.

— Лай собаки? — воскликнул Пенкроф и тотчас вскочил на ноги.

— Да, да… Лай собаки…

— Нет, какое там!.. Да и буря так ревет… Разве услышишь?

— Постойте. Опять лает! — Слушайте… — быстро проговорил журналист.

Пенкроф весь обратился в слух, и действительно, в мгновение затишья как будто услышал донесшийся издали лай собаки.

— Ну что? — прошептал журналист, крепко стиснув Пенкрофу руку.

— Да, да! — ответил Пенкроф. — Это Топ лает!

— Топ! — воскликнул проснувшийся Герберт, и все трое бросились к выходу из Трущоб.

Вокруг царила непроглядная тьма. Море, небо, земля были неразличимы в этом черном мраке. Казалось, в мире нет ни единой искорки света.

Выбраться наружу стоило великого труда. При каждой попытке ветер отбрасывал их назад. Наконец удалось побороть порыв ветра, но, чтобы

удержаться на ногах, пришлось прислониться к скале. Они молча смотрели друг на друга, разговаривать было невозможно.

Несколько минут Гедеон Спилет и оба его спутника не могли ступить ни шагу — шквал словно пригвоздил их к скале, все трое промокли до нитки, песок слепил глаза. И вдруг в краткое мгновение затишья они явственно услышали отдаленный лай собаки.

Так лаять мог только Топ! Но прибежал ли верный пес один или кто-нибудь был с ним? Вероятно, один — ведь если бы вместе с ним шел Наб, он, несомненно, поспешил бы вернуться в Трущобы.

В налетевшем порыве ветра невозможно было перемолвиться ни одним словом, и моряк только крепко сжал руку Гедеону Спилету, как будто хотел сказать ему: «Подождите», и скрылся в каменном коридоре.

Через мгновение он вышел, держа в руках вязанку зажженного хвороста, и принялся размахивать ею в темноте, оглашая воздух пронзительным свистом.

Собака словно ждала этого сигнала: лай послышался ближе, и вскоре она вбежала в каменный проход. Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поспешили вслед за ней.

На тлеющие угли бросили охапку сухих сучьев. Яркое пламя осветило всю «комнату».

— Топ! Ведь это Топ! — воскликнул Герберт.

В самом деле, это был Топ, великолепная англо-нормандская гончая, получившая от скрещения двух пород необычайно тонкое чутье и быстрые ноги — качества, отличающие охотничью собаку.

Итак, собака инженера Сайреса Смита нашлась.

Но Топ прибежал один. Ни хозяин, ни Наб не пришли вслед за ним.

Но каким образом инстинкт мог привести его сюда, к Трущобам, где он никогда не бывал, да еще в такую темную ночь, в такую бурю! Непостижимое явление! И еще более странным было то, что собака не казалась усталой, изнуренной и даже не была испачкана грязью и песком…

Герберт подозвал Топа и сжал ладонями его морду. Собака, видимо, обрадовалась ласке и, вытягивая шею, терлась головой о его руки.

— Ну, раз собака нашлась, найдется и хозяин! —

сказал Гедеон Спилет.

— Дай-то бог! — отозвался Герберт. — Идемте скорей! Топ будет нашим проводником.

Пенкроф ничего не возразил ему. Он чувствовал, что появление Топа, быть может, опровергнет все его мрачные догадки.

— В дорогу! — воскликнул он.

Пенкроф разгреб жар в очаге и бережно прикрыл кучку раскаленных углей золою, чтобы можно было по возвращении разжечь огонь. И тотчас же, захватив с собою остатки ужина, он бросился к выходу вслед за Топом, который как будто подзывал их коротким, отрывистым лаем; позади моряка бежали Гедеон Спилет и юный Герберт.

Буря бушевала с неистовой яростью и, вероятно, достигла наибольшей своей силы. В ту ночь было новолуние, молодой месяц узким серпом поднимался в небе, но бледное его сияние не могло пробиться сквозь тучи. Идти становилось все труднее. Самое лучшее было положиться на инстинкт Топа. Путники так и поступили. Гедеон Спилет и Герберт шли вслед за собакой, моряк замыкал шествие. Невозможно было перемолвиться ни единым словом. Дождь уже не обрушивался водопадом, так как дыхание урага-

на развеивало его водяной пылью, но сам ураган был ужасен.

Было, однако, обстоятельство, благоприятное для Пенкрофа и его товарищей. Ветер несся с юго-востока и, следовательно, дул им в спину. Он забрасывал их сзади целыми тучами песку, но не мешал идти вперед — стоило только не оборачиваться. Порою наши путники даже двигались быстрее, чем хотели, и поневоле ускоряли шаг, для того чтобы ветер не сбил их с ног, но окрепшая надежда придавала им силы. Ведь они шли теперь не наугад, — они уже не сомневались, что Наб нашел своего хозяина и послал за ними верную собаку. Но жив ли был Сайрес Смит? Быть может, Наб звал их лишь затем, чтобы отдать последний долг умершему?

Миновав острую грань гранитного кряжа, который они благоразумно обошли сторонкой, путники остановились: всем троим надо было передохнуть. Выступ скалы защищал их от ветра; запыхавшись от быстрой ходьбы, вернее, от пятнадцатиминутного бега, они с жадностью глотали воздух. Очутившись за этим прикрытием, они могли слышать друг друга, и вдруг, когда Герберт произнес имя Сайреса Смита, Топ затявкал, будто хотел сказать, что хозяин его жив.

— Он жив! Ведь правда, Топ? Правда? — взволнованно твердил Герберт. — Он спасся!

Собака тихонько взвизгивала, словно подтверждала его слова.

Наконец двинулись дальше. Было около половины третьего. В море начинался прилив, а в такие сильные штормы прилив, да еще прилив в новолуние, отличается грозной силой. У гряды рифов ревели высокие валы, бросались на них с неистовой яростью; должно быть, эти водяные горы перекатывались и через невидимый в густом мраке островок. Теперь он уже не прикрывал, как длинная дамба, берег, по которому они шли, не защищал его от разгневанной водной стихии.

Лишь только моряк и его спутники вышли из-за выступа скалы, ветер снова, как бешеный, налетел на них. Низко согнувшись, подставляя спину его свирепым толчкам, они быстро шагали вслед за Топом, уверенно бежавшим впереди. Они двигались на север; справа от них горами вздымались и оглушительно ревели пенные волны, а слева была невидимая, незримая во тьме земля. Но они хорошо чувствовали, что поверхность ее относительно ровная и низкая, так как ветер дул теперь в одном направлении, а не кружился вихрем, как это было, когда он наталкивался на

гранитный кряж.

К четырем часам утра они, вероятно, прошли около пяти миль. Тучи уже не ползли над самой землей, а поднялись выше. Дождь почти перестал, ветер стал менее влажным, зато пронизывал холодом. И Пенкроф, и Герберт, и Гедеон Спилет продрогли до костей, но у них не вырвалось ни единого слова жалобы. Они твердо решили идти за Топом туда, куда ведет их умная собака.

Около пяти часов утра забрезжил рассвет. Сначала посветлело в вышине неба, где тучи лежали не такой густой пеленой; края их приняли жемчужно-серые тона, а вскоре ниже их, под темной плотной полосой тумана, более светлой чертой обозначился морской горизонт. По воде пробежали тусклые блики, и гребни волн опять стали белыми. С левой стороны, еще очень смутно, серыми силуэтами на черном фоне, выступили неровные очертания берега.

В шесть часов утра совсем рассвело. Высоко в небе торопливо бежали облака. Пенкроф и его спутники прошли уже около шести миль от своего убежища. Теперь они двигались по песчаному плоскому берегу, вдалеке от него в море пролегла гряда подводных скал, едва видневшихся над волнами, так как уже была полная вода. Слева

простиралась широкая пустынная равнина, занесенная песками, и на ней возвышались дюны, поросшие колючим чертополохом. Слабо изрезанный берег защищала от океанских ветров лишь прерывистая цепь невысоких холмов. Кое-где, в одиночку или купами, разбросаны были кривые, уродливые деревья, изгибавшие к западу и ствол и ветви. Далеко позади, на юго-западе, темнела опушка леса.

Вдруг собака заметалась: то она мчалась вперед, то возвращалась и подбегала к Пенкрофу, как будто молила его ускорить шаг. Потом она свернула с берега на равнину и, движимая поразительным своим чутьем, без малейшего колебания побежала между дюнами.

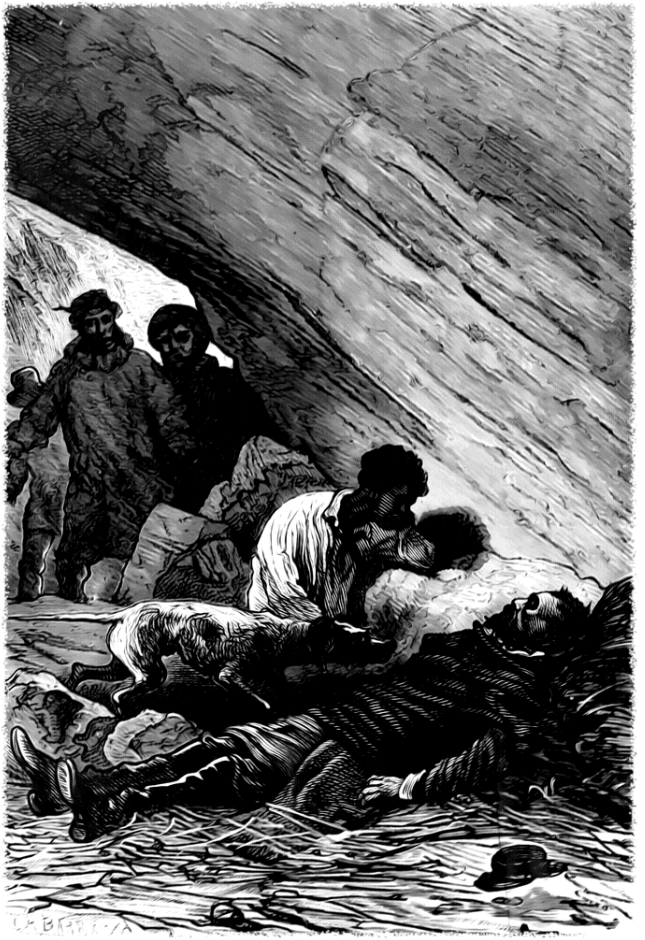
Путники двинулись вслед за нею. Кругом была глушь, ни одного живого существа. Широкая полоса дюн состояла из прихотливо разбросанных бугров, пригорков и даже холмов. Это была настоящая песчаная Швейцария, и лишь благодаря своему поразительному инстинкту собака не заблудилась.

Минут через пять после того как свернули с берега, журналист и его спутники очутились перед неглубокой пещерой, образовавшейся во внутреннем склоне высокой дюны. Топ остановился и

звонко залаял. Спилет, Герберт и Пенкроф вошли в пещеру.

Там стоял на коленях Наб, склонившись над безжизненным телом, распростертым на ложе из травы.

В недвижно лежавшем человеке они узнали Сайреса Смита.



ГЛАВА VIII

Жив ли Сайрес Смит? — Рассказ Наба. — Следы на песке. — Неразрешимая загадка. — Первые слова Сайреса Смита. — Изучение следов. — Обратно в Трущобы. — Ужас Пенкрофа

Наб не шелохнулся. Моряк бросил ему только одно слово:

— Жив?

Наб ничего не ответил. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт замер, крепко стиснув руки. Ясно было, что бедный негр так подавлен горем, что не заметил своих товарищей, не слышал вопроса Пенкрофа.

Журналист опустился на колени у распростертого тела, расстегнул на Сайресе одежду и приложил ухо к его груди. Прошла минута — целая вечность, — пока он уловил еле слышное биение сердца.

Наб приподнял голову и посмотрел вокруг невидящим взглядом. На нем лица не было — так он исстрадался. Разбитый усталостью, истерзанный душевной мукой, он изменился до неузнаваемости. Ведь он думал, что Сайрес Смит умер.

Гедеон Спилет долгим, внимательным взглядом всмотрелся в Смита и, поднявшись, сказал:

— Жив!

Тогда на колени опустился Пенкроф, прильнул ухом к груди Сайреса Смита и тоже услышал слабое биение его сердца и даже почувствовал едва заметное его дыхание.

— Воды! — коротко сказал журналист, и Герберт бросился искать воды.

Шагах в ста от пещеры он нашел струившийся в песчаном ложе прозрачный ручеек, сильно вздувшийся от вчерашнего ливня. Но чем зачерпнуть воды? В дюнах не было ни единой раковины! Тогда юноша намочил в ручье носовой платок и помчался к пещере.

К счастью, оказалось достаточным и мокрого платка: Гедеон Спилет хотел только смочить Сайресу губы. Несколько капель холодной воды оказали чудесное действие. Сайрес Смит глубоко вздохнул, казалось даже, он пытается что-то сказать.

— Мы спасем его! — воскликнул журналист.

Слова эти вновь пробудили в сердце Наба надежду. Он раздел своего хозяина, осмотрел, нет ли ран на его теле. Но нигде не было ни ран, ни ушибов, ни ссадин, что очень всех удивило,

так как волны, несомненно, пронесли его через подводные скалы; даже на руках не оказалось ни одной царапины, и было просто непостижимо, как на теле утопавшего не осталось никаких следов его борьбы со слепой стихией, его усилий пробиться через линию рифов.

Но объяснения такого удивительного обстоятельства приходилось ждать до тех пор, пока Сайрес Смит в силах будет говорить и расскажет обо всем, что с ним произошло. А сейчас нужно вернуть его к жизни. Может быть, для этого необходимы растирания? Моряк скинул с себя куртку и принялся изо всех сил растирать ею закоченевшее тело Сайреса Смита. Согревшись от этого энергичного массажа, тот слегка пошевелил руками, дыхание его стало ровнее. Он умирал от истощения, и, если б Гедеон Спилет с товарищами не подоспели вовремя, инженеру Смиту пришел бы конец.

— Так вы думали, что умер ваш хозяин? — спросил Наба моряк.

— Да, — ответил Наб. — И если бы Топ не нашел вас и вы не пришли бы сюда, я бы похоронил мистера Смита и сам помер бы у его могилы!

Как видите, жизнь Сайреса Смита висела на волоске!

Тут Наб рассказал, как он нашел хозяина. Накануне, выйдя на рассвете из Трущоб, он опять пошел на поиски, двинулся по берегу на север и дошел до того места, где уже был накануне.

И опять — хотя и без всякой надежды, как он сам признался, — Наб принялся искать: заглядывал в каждую впадину между скал, всматривался в поверхность песчаной террасы — нет ли там какого-нибудь следа, который поможет его поискам. Осматривал он главным образом ту часть берега, которую не затопляла вода, потому что у кромки моря прилив и отлив, чередуясь, несомненно, стерли все следы. Наб больше не чаял найти своего хозяина живым. Он искал тело Сайреса Смита, чтобы своими руками предать его земле!

Долго искал Наб. Все его усилия оставались бесплодными. Казалось, на этом пустынном берегу никогда не появлялся человек. Ту полосу береговой террасы, до которой доходил прилив, усеивали миллионы раковин и ни одна из них не была растоптана. На протяжении двух-трех сотен ярдов[5] Наб не мог обнаружить следов человека. Было ясно, что к берегу никто не приставал. Наб

---

[5] Примечания: 5

Ярд — мера длины, равная 0,9144 метра.

решил пройти еще несколько миль. Возможно, что тело отнесло течением. Если утопленник плывет недалеко от низкого берега, редко случается, чтоб волны рано или поздно не выбросили труп. Наб это знал, и ему хотелось в последний раз взглянуть на своего хозяина.

— Я прошел по берегу еще две мили, осмотрел во время отлива все рифы, а в часы прилива весь берег и уже отчаялся: ничего, мол, я не найду. И вдруг вчера около пяти часов вечера я заметил на песке следы человеческих ног.

— Следы человеческих ног? — воскликнул Пенкроф.

— Да! — подтвердил Наб.

— И откуда же шли эти следы? От самых рифов? — спросил журналист.

— Нет, только от границы прилива, а между ним и рифами море, должно быть, стерло следы.

— Продолжай, Наб, — сказал Гедеон Спилет.

— Я, как увидел эти следы, словно с ума сошел. Они очень ясно отпечатались и шли по направлению к дюнам. Я побежал в ту сторону; бежал с четверть мили, держась этих следов, но старался их не затоптать. Минут через пять, когда уж стало смеркаться, слышу — лает собака. Это Топ лаял. Он и привел меня сюда, к моему хозяину!

И в заключение Наб рассказал о том, как он горевал, когда увидел бесчувственное тело Сайреса Смита. Напрасно он пытался обнаружить в нем хоть какие-нибудь признаки жизни. Он искал мертвое тело, то теперь, найдя его, жаждал возродить в нем жизнь! Все его усилия были тщетны. Оставалось лишь отдать последний долг тому, кого он так любил.

И тогда Наб подумал о своих товарищах. Наверно, они тоже хотят проститься с умершим. Около него был Топ. Разве нельзя положиться на сообразительность такого умного пса, такого преданного друга? Наб несколько раз произнес имя журналиста: из спутников хозяина Топ лучше всех знал Гедеона Спилета. Потом Наб показал рукой на юг, и собака помчалась по берегу в ту сторону.

Мы уже знаем, как Топ, руководствуясь инстинктом, который может показаться почти сверхъестественным, нашел дорогу в Трущобы, хотя ни разу там не бывал.

Товарищи Наба слушали его рассказ с напряженным вниманием. Все же оставалось необъяснимым, почему у Сайреса Смита нет ни одной царапины на теле, несмотря на то, что лишь ценою тяжких усилий он мог выбраться

из бурунов, кипящих вокруг рифов. И непонятно было также, как полуживой Сайрес Смит мог пройти больше мили от берега к пещере, затерявшейся среди дюн.

— Послушай, Наб, — сказал журналист, — так, значит, это не ты перенес сюда своего хозяина?

— Нет, не я, — ответил Наб.

— Стало быть, мистер Смит сам сюда добрался — это ясно, — сказал Пенкроф.

— Ясно-то ясно, да невероятно! — заметил Спилет. Разрешить эту загадку мог один только Сайрес Смит.

Нужно было ждать, когда он в силах будет говорить. К счастью, жизнь уже возвращалась к нему. От крепких растираний восстановилось кровообращение. Сайрес Смит вновь пошевелил руками, потом повернул голову и произнес какие-то бессвязные слова.

Нагнувшись, Наб окликнул его, но Смит, казалось, ничего не слышал и по-прежнему не открывал глаз. Жизнь пробуждалась в нем, он шевелил руками, но то были непроизвольные, бессознательные движения.

Пенкроф очень жалел, что в пещере не горит костер, да и нельзя развести огня, потому что, выходя из Трущоб, он позабыл захватить с собой

жгут из опаленной тряпки, — этот заменитель трута было бы легко зажечь, высекая искры при помощи двух кремней. У инженера спичек не оказалось, во всех его карманах было пусто, только в жилетном кармане уцелели часы. Посоветовавшись, друзья Сайреса Смита пришли к единодушному решению — поскорее перенести его в Трущобы.

Благодаря заботливому уходу товарищей Сайрес Смит очнулся скорее, чем можно было ожидать. Вода, которой смачивали ему запекшиеся губы, подействовала на него благотворно. Пенкрофу пришла удачная мысль — подбавить к нее мясного сока, выжатого из остатков жаркого, которое он захватил в дорогу. Герберт побежал на берег моря и принес оттуда две большие двустворчатые раковины. Составив нечто вроде микстуры, моряк осторожно влил в рот Сайресу Смиту несколько капель, и тот с жадностью их проглотил.

Наконец, он открыл глаза. Наб и журналист наклонились над ним.

— Мистер Смит! Мистер Смит! — позвал его Наб.

Сайрес Смит услышал. Он посмотрел на Наба и Спилета, потом на двух других своих спутников

— Герберта и моряка — и каждому слабо пожал руку.

Опять он произнес что-то бессвязное, как будто те же слова, что вырвались у него в беспамятстве и выражали мысль, даже тогда не дававшую ему покоя. Но теперь эти слова можно было разобрать.

— Остров или материк? — тихо спросил он.

— Да ну его ко всем чертям! — не удержавшись, воскликнул Пенкроф. — Разве это важно? Только бы вы были живы, мистер Смит! Остров или материк! Потом узнаем.

Инженер слегка кивнул головой, соглашаясь с ним, потом как будто задремал.

Гедеон Спилет остался в пещере оберегать сон Сайреса Смита, а трое остальных, по совету журналиста, ушли приготовить носилки, чтобы перенести больного, по возможности не беспокоя его. Наб, Герберт и Пенкроф направились к высокой дюне, увенчанной купой чахлых деревьев. Дорогой моряк все твердил удивленно:

— Остров или материк? Вот о чем он думает, а ведь сам еле дышит! Ну и человек!

Взобравшись на верхушку дюны, Пенкроф и два его товарища, не имея иных орудий, кроме собственных рук, просто-напросто обломали самые

толстые ветки довольно хилого, потрепанного ветром дерева, принадлежащего к разновидности морской сосны; из веток они сделали носилки и наложили на них листьев и травы, чтобы Сайресу Смиту удобнее было лежать.

На всю эту работу ушло минут сорок, и когда моряк, Наб и Герберт возвратились в пещеру, к Сайресу Смиту, от которого не отходил Спилет, было десять часов утра.

Инженер проснулся, наконец, или, вернее, пришел в себя после своего долгого забытья. На его лице, поражавшем до той минуты восковой бледностью, выступили краски. Он приподнялся на локте и посмотрел вокруг недоуменным взглядом, как будто спрашивая, где он очутился.

— Вы можете выслушать меня? — спросил Спилет. — Или это очень утомит вас?

— Говорите, — ответил инженер.

— А по-моему, мистер Смит будет слушать вас еще лучше, если отведает вот этого желе из тетерева, — сказал моряк, — Отведайте, мистер Сайрес. Это тетерев, честное слово, тетерев, — добавил он, подавая Смиту свое «желе», в которое он добавил на этот раз немножко мяса.

Сайрес Смит свел несколько кусочков; все остальное разделили между собой его прого-

лодавшиеся товарищи и нашли свой завтрак довольно скудным.

— Не беда! — сказал моряк. — В Трущобах поедим получше. Надо вам сказать, мистер Сайрес, у нас вон там, в южной стороне, есть собственный дом в три комнаты, с постелями и с печкой, а в кладовой у нас лежит несколько десятков птичек, которых Герберт называет «куруку». Носилки для вас готовы, и, как только вы немного оправитесь, мы вас перенесем в нашу квартиру.

— Спасибо, друг мой, — ответил инженер. — Еще часок-другой полежу тут, и можно будет отправиться. А теперь рассказывайте, Спилет.

Журналист поведал обо всем, что произошло, и, описывая события, о которых Сайрес Смит не мог знать, рассказал, как воздушный шар выбросило на берег, как его пассажиры вступили на какую-то неведомую землю, по всей видимости необитаемую, хотя еще неизвестно, что она собою представляет — остров или материк; как они устроили себе убежище в Трущобах и как стали искать Сайреса Смита; рассказал о самоотверженных поисках Наба, о том, как многим они обязаны сообразительности верного пса Топа и т. д.

— Так вы, значит, не на берегу меня нашли? — слабым голосом спросил Сайрес Смит.

— Нет, — ответил Гедеон Спилет.

— И значит, не вы перенесли меня в эту пещеру?

— Нет.

— А далеко до нее от рифов?

— С полмили будет, — ответил Пенкроф. — Вам удивительно, мистер Смит, как вы сюда попали, а мы еще больше этому дивимся!

— В самом деле, странность какая! — заметил инженер.

Постепенно, оживляясь, он с возраставшим интересом слушал своих товарищей.

— Да, странно, — согласился Пенкроф. — А можете вы рассказать, что с вами было после того, как вас смыло волной?

Сайрес Смит старался собраться с мыслями. Но он мало что мог вспомнить. Волной его выбросило из сетки аэростата, и он погрузился в воду на глубину в несколько саженей. Потом выплыл на поверхность. В полумраке он заметил около себя какое-то живое существо, боровшееся с волнами. Это был Топ, бросившийся на помощь хозяину. Подняв глаза, Смит уже не увидел воздушного шара: лишь только инженер и его собака выпали из сетки и тяжесть аэростата уменьшилась, он стрелой взлетел в высоту. И вот Смит оказался

среди бушующих волн, на расстоянии в полмили от берега. Он пытался выплыть, напрягал все силы. Топ поддерживал хозяина, ухватившись зубами за его одежду; но вдруг стремительное течение подхватило его, понесло к северу, а тут захлестнула волна, и после получасовой борьбы он пошел ко дну, увлекая за собой Топа. С этого мгновения и до той минуты, когда он очнулся на руках у своих друзей, он ничего не помнил.

— Ну, так, верно, волны выбросили вас на берег, — сказал Пенкроф, — и у вас хватило сил дойти сюда, ведь Наб нашел на песке следы ваших ног.

— Да… Должно быть, так и было… — раздумчиво сказал инженер. — А других следов вы не замечали на берегу?

— Ни единого, — ответил журналист. — Да если бы вдруг и явился в грозную минуту какой-то неведомый спаситель, почему же он бросил вас после того, как вырвал из пучины океана?

— Вы правы, дорогой Спилет. Послушай, Наб, — добавил инженер, пристально глядя на своего слугу. — Может быть, это все-таки ты… Может быть, от горя у тебя тогда в голове помутилось, и ты запамятовал… Да нет, какая нелепая мысль… А следы эти еще целы? — спросил Сайрес Смит.

— Да, некоторые целы, — ответил Наб. — Вон там, у внутреннего склона этой дюны, следы сохранились, — они были тут защищены и от ветра и от дождя. А все другие буря уничтожила.

— Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — возьмите, пожалуйста, мои башмаки, посмотрите, подходят ли они к отпечаткам на песке.

Моряк выполнил его просьбу; вместе с Гербертом он пошел вслед за Набом к тому месту, где сохранились следы на песке.

Оставшись наедине с репортером, Сайрес Смит сказал:

— Здесь произошло что-то необъяснимое!

— Совершенно необъяснимое! — подтвердил Гедеон Спилет.

— Не будем пока вникать во всякие загадки, дорогой Спилет. Поговорим об этом позднее.

Через минуту Наб и Герберт вернулись.

Никаких сомнений быть не могло: подошвы башмаков Сайреса Смита в точности совпадали с уцелевшими отпечатками. Итак, следы на песке принадлежали Сайресу Смиту.

— Ну, вот и хорошо, — сказал он. — Значит, это у меня самого был провал в памяти, в котором я заподозрил Наба. Я шел, как лунатик, совсем не сознавая, что куда-то иду. А привел меня сюда

Топ, привел, следуя своему инстинкту. И он же спас меня из волн… Иди сюда, Топ, иди, хороший мой пес!

Красавец пес с радостным визгом бросился к хозяину. И конечно, был награжден за свою преданность бесчисленными ласками.

Читатель, безусловно, согласится, что объяснить спасение Сайреса Смита как-нибудь иначе было невозможно и что эта честь целиком принадлежала Топу.

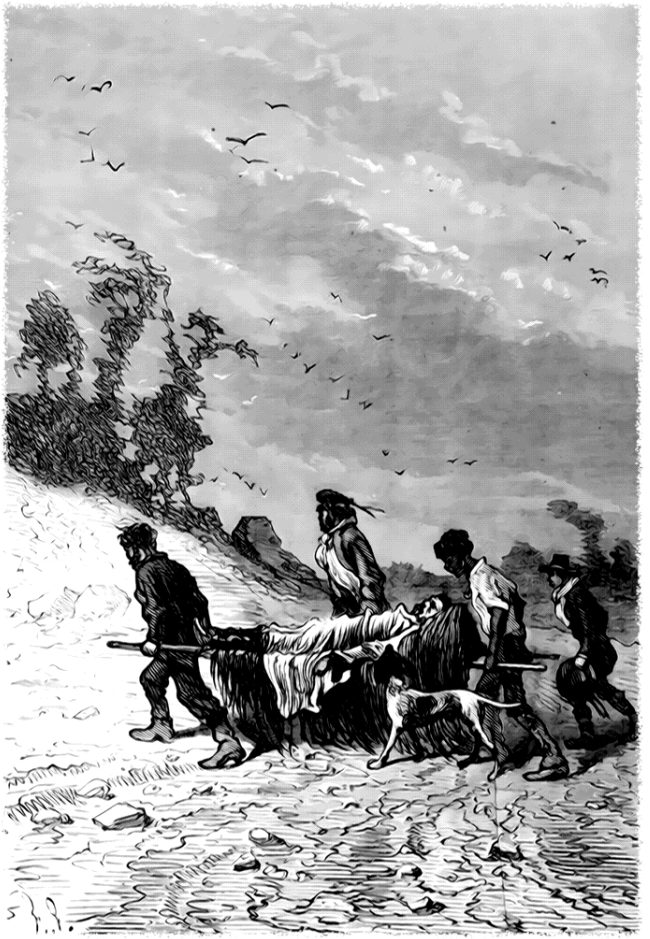
Около полудня Пенкроф спросил инженера, можно ли теперь перенести его в убежище. Вместо ответа Сайрес Смит усилием воли заставил себя подняться, но тут же ноги у него подкосились, и, чтобы не упасть, он ухватился за плечо Пенкрофа.

— Ладно уж, ладно! — сказал Пенкроф. — Подать карету господину инженеру!

Принесли носилки, покрытые мягким мхом и травой, уложили на них Сайреса Смита и понесли его к берегу. Пенкроф взялся за носилки спереди, а Наб сзади.

До Трущоб надо было пройти восемь миль, а так как нести больного следовало медленно, не спеша и, вероятно, предстояло часто останавливаться, то путники рассчитывали, что они

доберутся до места часов через шесть.



По-прежнему дул сильный ветер, но дождь, к счастью, перестал. Лежа на носилках, инженер приподнялся на локте и оглядывал берег, особенно верхнюю террасу. Он не промолвил ни слова, но смотрел внимательно, и, несомненно, очертания этого побережья, его пески, скалы и леса запечатлелись в памяти инженера Смита. Однако часа через два усталость взяла свое, он вытянулся на носилках и заснул.

К половине шестого вечера маленький караван достиг срезанного угла гранитного кряжа, а вскоре добрался до Трущоб.

Все остановились. Носилки опустили на землю. Сайрес Смит не проснулся — так крепко он спал.

К крайнему своему удивлению, Пенкроф увидел, что буря, бушевавшая ночью, изменила уже знакомую картину. Произошли довольно значительные обвалы, на песке лежали скатившиеся большие глыбы, весь берег ковром устилал толстый слой водорослей. Очевидно, волны, перекатываясь через островок, доходили до подножия гранитного кряжа.

Перед входом в убежище земля была изрыта — несомненно, и на эти глыбы бросались приступом сокрушительные морские валы.

Страшная догадка мелькнула в голове Пенкро-

фа, и он опрометью кинулся в каменный проход. Но тотчас же выбежал оттуда и замер у входа, растерянно глядя на товарищей…

Огонь потух. Мокрая земля превратилась в грязь. Опаленная тряпица, которая должна была заменять трут исчезла. Море, проникнув в глубину коридора, все там перевернуло, все уничтожило!

ГЛАВА IX

Сайрес вновь с товарищами. — Опыты Пенкрофа. — Безуспешная попытка. — Остров или материк? — Замыслы инженера Смита. — В каком месте Тихого океана? — В лесной чаще. — Сосновая шишка. — Охота на водосвинку. — Многообещающий дымок

Моряк коротко поведал Гедеону Спилету, Герберт и Набу о приключившейся беде. Однако несчастье, чреватое, по мнению Пенкрофа, печальными последствиями произвело на товарищей славного моряка далеко не одинаковое впечатление.

Наб был так счастлив возвращению хозяина, что не слушал Пенкрофа — вернее, не желал омрачать своей радости.

Герберт, казалось, до некоторой степени разделял опасения моряка.

А журналист, выслушав сетования Пенкрофа, ответил весьма просто:

— Поверьте, Пенкроф, меня это меньше всего интересует.

— Да ведь я говорю вам, что у нас нет огня!

— Подумаешь!

— И никак его теперь не добыть.

— Чепуха!

— Да что вы, мистер Спилет!..

— Разве с нами нет Сайреса? — сказал журналист. — Инженер наш цел и невредим. Уж он-то придумает, как добыть огонь.

— Да из чего?

— Из ничего.

Что мог ответить на это Пенкроф? Он промолчал, ибо в глубине души не меньше своих товарищей верил в Сайреса Смита; для них инженер Смит был чудом вселенной, кладезем премудрости и всех познаний человеческих! Лучше было сказаться с Сайресом на необитаемом острове, чем без Сайреса в самом большом и культурном городе Соединенных Штатов. С Сайресом у них ни в чем не могло быть недостатка. С ним невозможно было потерять надежду. Если б кто-

нибудь сказал этим добрым людям, что землю, на которую их выбросило, уничтожит извержение вулкана, что земля эта канет в бездну Тихого океана, они преспокойно ответили бы: «Тут Сайрес. Вы же видите, Сайрес с нами!»

Но пока что инженер, утомленный долгим путешествием на носилках, все еще спал беспробудным сном, и спутники не могли обратиться к его изобретательности. Пришлось обойтись без огня и ограничиться весьма скудным ужином. Тетеревов уже съели, а зажарить какую-нибудь другую дичь не представлялось возможным.

Прежде всего Сайреса Смита, перенесли в центральный коридор пристанища. Там ему устроили ложе из подсохших водорослей. Глубокий сон, овладевший инженером, мог принести ему только пользу, восстановив его силы лучше, чем самая обильная пища.

К ночи подул резкий северо-восточный ветер, и стало очень холодно. Так как море уничтожило перегородки, сделанные Пенкрофом в коридорах, то там теперь беспрепятственно разгуливали сквозняки, и найденное убежище стало мало пригодным для жилья. Сайрес Смит совсем бы замерз, если бы товарищи не поснимали с себя кто куртку, кто блузу и не укутали его хорошенько.

Ужин в тот вечер состоял из неизменных литодомов; Герберт и Наб принесли их множество с берега, а к ракушкам юноша добавил еще изрядное количество съедобных водорослей, найденных им на прибрежных скалах, которые затопляло только в самые большие приливы. Водоросли эти, принадлежавшие к семейству фукусовых, были разновидностью саргассов и, высыхая, давали клейкую массу, довольно богатую питательными веществами. Журналист и его товарищи, поглотив немало литодомов, принялись за саргассы и нашли, что они совсем недурны на вкус. Надо сказать, что на тихоокеанских берегах Азии туземцы довольно широко употребляют саргассы в пищу.

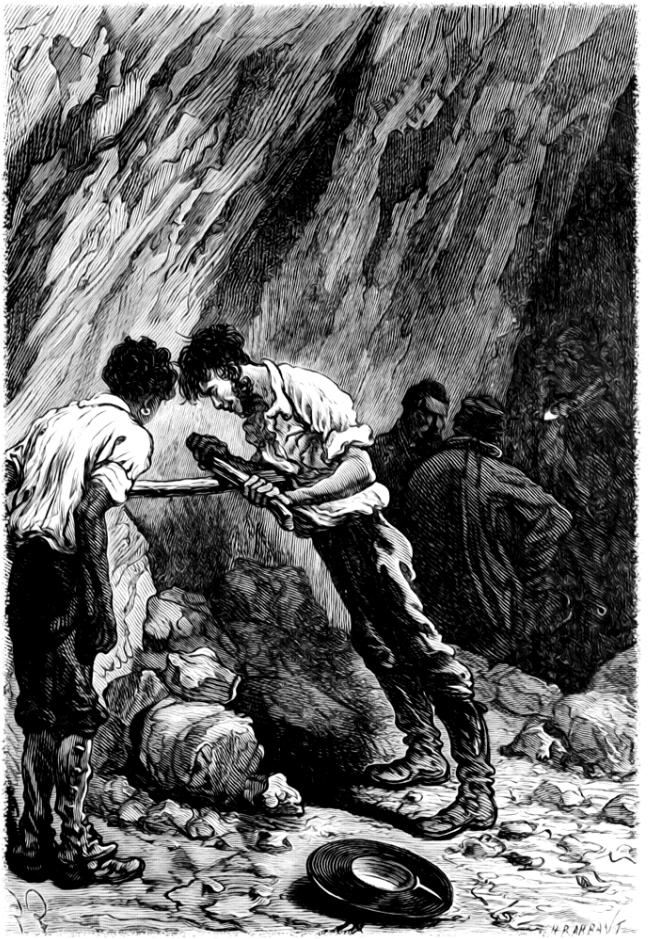
— А все-таки пора уж мистеру Смиту проснуться и прийти нам на выручку, — сказал моряк.

Меж тем холод становился все сильнее, и нечем было защититься от него.

Пенкроф, крайне раздосадованный, всячески пытался добыть огонь. Наб помогал ему в этих опытах. Они нашли немного сухого мха и, ударяя друг о друга два кремня принялись высекать искры. Но волокна мха были недостаточно сухи, и он все не загорался, тем более что вылетавшие искры были слабее тех, что высекают при помо-

щи стального огнива. Попытка не удалась.

Затем Пенкроф вздумал добыть огонь по способу дикарей и попробовал тереть друг о друга два куска дерева. Если б движения самого Пенкрофа и Наба можно было, согласно новой теории превращения энергии, обратить в тепловую энергию, ее оказалось бы достаточно чтоб закипела вода в котле паровоза. Однако огня он не добыли: куски дерева сделались горячими, а Набу и моряку стало жарко, вот и все.



Проработав час, Пенкроф, обливаясь потом, с досадой отбросил чурки.

— Так я и поверю, что дикари добывают огонь таким способом! — воскликнул он. — Дереву хоть бы что, а руки, того гляди, загорятся!

Пенкроф напрасно не верил в этот способ. Дикари действительно умеют добывать огонь быстрым трением друг о друга кусков дерева. Но не всякое дерево пригодно для этого. К тому же недаром говорится, что дело мастера боится, а Пенкроф не умел взяться за дело.

Досада скоро прошла у Пенкрофа. Куски дерева, которые он отшвырнул, подобрал Герберт и тоже принялся тереть их друг о друга. Пенкроф не мог удержаться от смеха, глядя, как хрупкий подросток вздумал тягаться с ним, здоровяком Пенкрофом, и самонадеянно повторяет его неудавшийся опыт.

— Три, дружок, три хорошенько! — язвил он.

— Да я тру только для того, чтобы согреться, как ты, Пенкроф, — ответил, смеясь, Герберт, — а то у меня зуб на зуб не попадает!

Действительно, Герберт хорошо согрелся, но и только. Попытку добыть огонь пришлось отложить до утра. Гедеон Спилет в двадцатый раз заявил, что для Сайреса Смита такая задача — су-

щий пустяк. А пока что журналист улегся спать прямо на песке в одном из коридоров Трущоб, Герберт, Наб и Пенкроф последовали его примеру, а Топ растянулся у ног своего хозяина.

На следующий день, 28 марта, инженер проснулся около восьми часов утра, увидел возле своего ложа товарищей, ожидавших его пробуждения, и так же, как накануне, прежде всего спросил:

— Остров или материк?

Как видно, мысль эта не давала ему покоя.

— Откуда же нам знать, мистер Смит? — возразил Пенкроф.

— Не знаете?

— Нет. Но обязательно узнаем, как только вы нас поведете осмотреть здешние места, — продолжал Пенкроф.

— Мне думается, я могу уже встать, — ответил инженер и без особых усилий поднялся на ноги.

— Вот и хорошо! — воскликнул моряк.

— Я просто умирал от истощения, — заметил Сайрес Смит. — Друзья мои, дайте мне немножко поесть, и все пройдет. У вас, конечно, есть огонь?

Моряк замялся и не сразу ответил на щекотливый вопрос. Наконец, собравшись с духом, сказал:

— Вот в том-то и беда, мистер Сайрес! Нет у нас огня, или, вернее сказать, был огонь, да весь вышел!

И Пенкроф рассказал о том, что случилось накануне. Инженера насмешил эпизод с единственной спичкой, а затем неудавшаяся попытка добыть огонь по способу дикарей.

— Посмотрим, — сказал он. — Если не найдем ничего такого, что может заменить трут…

— То что тогда? — спросил моряк.

— Тогда сделаем спички.

— Химические?

— Химические!

— Не такое уж это трудное дело, — сказал журналист, похлопав Пенкрофа по плечу.

Моряк совсем не разделял такого мнения, но возражать не стал. Все вышли из Трущоб. Погода была отличная. Яркое солнце поднялось над горизонтом, и лучи его весело играли на призматических гранях высоких утесов.

Окинув быстрым взглядом окрестность, инженер сел на обломок скалы. Герберт принес ему несколько пригоршней ракушек и водорослей и сказал извиняющимся тоном:

— Вот все, что у нас есть, мистер Сайрес.

— Спасибо и на том, дорогой, — ответил инженер. — На сегодняшнее утро достаточно.

Он с аппетитом съел свой скудный завтрак, запивая его прозрачной, чистой водой, которую

зачерпнули из реки большой раковиной.

Товарищи молча смотрели на него. Утолив с грехом пополам голод, Сайрес Смит скрестил на груди руки и сказал:

— Итак, друзья, вы еще не знаете, куда нас забросила судьба — на материк или на остров?

— Нет, мистер Сайрес, не знаем, — ответил юноша.

— Ну так завтра узнаем, — сказал инженер. — До завтра придется подождать.

— Только вот… — смущенно заговорил Пенкроф.

— Что вот?

— Как же с огнем-то быть? — спросил Пенкроф, у которого тоже была свои неотвязная мысль.

— Не беспокойтесь, Пенкроф, огонь мы добудем, — ответил Сайрес Смит. — А вы вот что мне скажите… Вчера, когда меня несли на носилках, я как будто видел на западе гору, возвышающуюся над всем этим краем.

— Да, — подтвердил Гедеон Спилет, — гора тут есть, и довольно высокая…

— Прекрасно, — продолжал инженер. — Завтра же мы поднимемся на ее вершину и увидим, куда мы попали — на остров или на материк. А до тех пор, повторяю, ничего не будем предпринимать.

— Как ничего? Огонь нам нужен, — упрямо повторил моряк.

— Будет у нас огонь, будет! — сказал журналист. — Потерпите немножко, Пенкроф.

Моряк поглядел на него весьма выразительным взглядом, ясно говорившим: «Да уж если на вас положиться, мистер Спилет, то не скоро мы попробуем жареной дичи!» Однако он сдержался и промолчал.

А Сайрес Смит не ответил ему ни слова, как будто вопрос об огне совсем его не интересовал. Погрузившись в свои мысли, он долго молчал и, наконец, промолвил:

— Друзья мои, положение наше, может быть, и плачевное, но очень ясное. Все очень просто. Возможно, что мы находимся на материке, а тогда после более или менее долгих странствий мы доберемся до каких-нибудь населенных мест. Но, может быть, мы попали на остров, и уж тут одно из двух: если на острове есть население, мы постараемся выпутаться из беды с помощью местных жителей, а если он необитаем, — сообразим, как нам отсюда выбраться собственными силами.

— Да, все очень просто, чего уж проще! — проворчал Пенкроф.

— Но куда же нас все-таки занес ураган? Как вы

сами-то думаете, Сайрес? — спросил журналист.

— Я, конечно, не могу этого знать наверняка, но есть все основания предполагать, что мы где-то в Тихом океане. Ведь, когда мы вылетели из Ричмонда, дул северо-восточный ветер, и сама уж сила урагана говорит за то, что направление его не менялось. А если все время сохранялось одно и то же направление — с северо-востока на юго-запад, то, значит, мы пролетели над несколькими штатами — Северной Каролиной, Южной Каролиной, Джорджией, над Мексиканским заливом, над самою Мексикой, в самой узкой ее части, потом над какой-то полосой Тихого океана. Я думаю, что всего шар пролетел не меньше шести-семи тысяч миль, и если направление ветра изменилось хоть на полрумба, он мог нас занести на Маркизские острова или на острова Туамоту, а если скорость его была больше, чем я думаю, то возможно, что мы очутились в Новой Зеландии. В таком случае нам нетрудно будет возвратиться на родину, — мы сможем рассчитывать на помощь англичан или туземного населения маори. Но если мы попали на какой-нибудь необитаемый остров Микронезии (это мы, возможно, установим, когда поднимемся на высокую гору, о которой я говорил), то уж нам придется остаться

здесь навсегда!

— Навсегда? — воскликнул журналист. — Дорогой Сайрес, что вы сказали? Навсегда?

— Разумнее всего приготовиться к самому худшему, — ответил инженер. — А все хорошее пусть будет приятной неожиданностью.

— Правильно! — заметил Пенкроф. — Но будем все-таки надеяться, что около нашего острова — если мы на острове — проходят морские суда! Иначе нам совсем худо придется!

— Ничего нельзя узнать, пока мы не поднимемся на гору, и это надо сделать как можно скорее, — ответил инженер.

— А будете ли вы завтра в силах, мистер Сайрес, совершить такое трудное восхождение? — забеспокоился Герберт.

— Надеюсь, что выдержу, — ответил инженер, — но при условии, что Пенкроф и ты, дитя мое, окажетесь умелыми и ловкими охотниками.

— Мистер Сайрес, — взмолился моряк, — раз уж вы заговорили об охоте, то позвольте вам сказать, что напрасно мы дичь принесем, если ее не на чем будет зажарить.

— Принесите, Пенкроф, принесите дичи, — сказал Сайрес Смит.

Было решено, что инженер и Гедеон Спилет останутся около Трущоб, чтобы осмотреть берег и верхнее плато. А тем временем Наб, Герберт и Пенкроф пойдут в лес, пополнят запас топлива и постараются побольше принести добычи — и пернатой и четвероногой, какая попадется.

Охотники отправились в поход в десятом часу утра. Герберт был полон надежд, Наб шел в веселом расположении духа, зато Пенкроф сердито бормотал:

— Не будет у них никакого огня. Разве что с неба молния ударит и зажжет им дрова.

Все трое двигались по берегу реки, и, когда дошли до ее излучины, моряк остановился и спросил своих спутников:

— С чего начнем? С охоты или сперва дров наберем?

— С охоты, — ответил Герберт. — Вон уж Топ ищет.

— Ладно, сперва поохотимся, а потом вернемся сюда за дровами.

Приняв такое решение, Герберт, Наб и Пенкроф выломали себе в молодом ельнике три дубинки и двинулись вслед за Топом, бежавшим в высокой траве.

На этот раз охотники отошли от берега реки

и углубились в лес. Кругом по-прежнему были хвойные деревья, главным образом сосны. Кое-где лес редел, и на открывавшейся взору поляне стояли огромные, мощные сосны. По-видимому, наши аэронавты очутились в более высоких широтах, чем предполагал инженер. Порой попадались прогалины, где торчали во все стороны сучья старого, замшелого сухостоя и земля была устлана валежником — словом, богатейший природный склад топлива. Затем опять тянулся лес, почти непроходимые заросли, смыкавшиеся сплошной стеной.

В этих незнакомых чащах, где не пролегало ни единой хоженой тропы, легко было заблудиться. Поэтому Пенкроф время от времени заламывал на деревьях ветки, намереваясь по этим вехам найти обратный путь к реке. Он уже думал, что, пожалуй, напрасно они не направились вдоль берега, как в первую свою экспедицию, ибо шли они уже целый час, а дичи как не бывало. Топ рыскал под низко нависшими ветвями и поднимал птиц, но они не подпускали к себе наших охотников. Все куруку куда-то исчезли, и Пенкроф уже подумывал, не пойти ли опять в болотистую часть леса, где он так удачно поймал на удочку тетеревов.

— Э-э, Пенкроф! — насмешливо произнес Наб. — Где же дичь? Ты ведь обещал моему хозяину много, много дичи. А гляди-ка, жарить-то будет нечего. Зря ты об огне беспокоился!

— Потерпи, Наб, — ответил моряк. — Мы свое дело сделаем, а вот что найдем, когда вернемся?

— Ты, значит, не веришь мистеру Смиту?

— Верю.

— Только не веришь, что он добудет огонь?

— Увижу огонь в очаге, тогда поверю.

— Раз мой хозяин сказал — значит, будет огонь!

— Посмотрим.

Солнце еще не достигло зенита, и экспедиция могла продолжаться. Герберт сделал открытие — нашел дерево со съедобными плодами. То была кедровая сосна, которая растет в умеренном климате Америки и Европы и дает превосходные, весьма ценимые орехи. В шишках оказались совсем спелые орехи, и Герберт с товарищами полакомились ими.

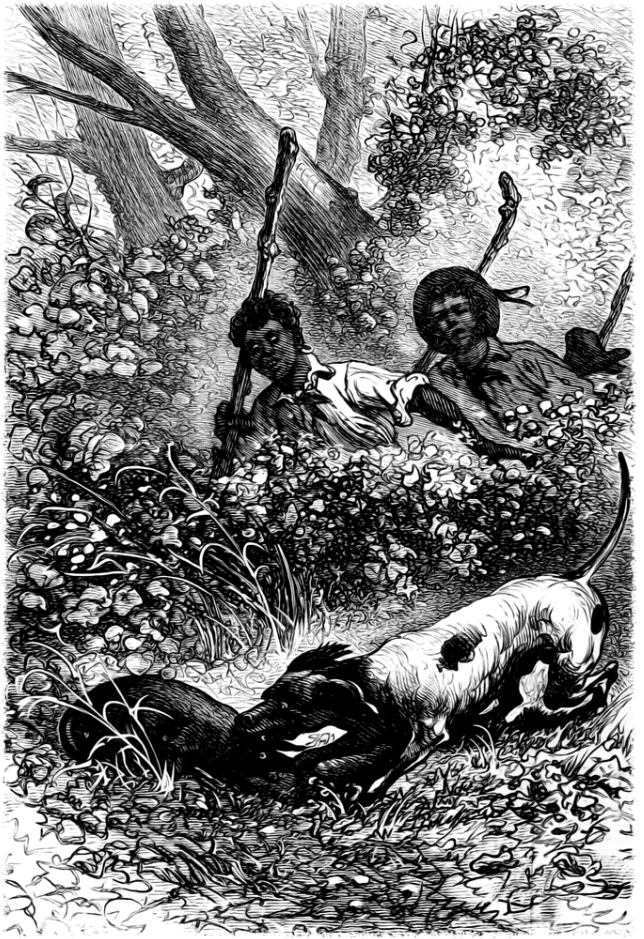
— Ну вот, — сказал Пенкроф, — вместо хлеба — водоросли, вместо мяса — сырые слизняки, а на десерт — кедровые шишки. Какой еще может быть обед у людей, раз у них нет ни единой спички!

— Да будет тебе жаловаться! — заметил Герберт.

— Я, дружок, вовсе не жалуюсь. Но уж что ни говори, в такой еде сытости мало, это ведь не мясо.

— Топ что-то высмотрел! — воскликнул Наб и побежал в чащу, откуда слышался лай, к которому примешивалось какое-то странное хрюканье.

Моряк и Герберт бросились вслед за Набом. Если попалась добыча, надо ее поймать, а не спорить, на чем ее зажарить.



Нырнув в зеленые заросли, охотники увидели, что Топ треплет какое-то животное, схватив его за ухо. Это четвероногое, похожее на поросенка, было длиной фута в два с половиной и покрыто жесткой темно-коричневой шерстью, более светлой на брюхе. Лапы, которыми оно крепко упиралось в землю, были перепончатые.

Герберт решил, что это водосвинка — один из самых крупных представителей семейства грызунов.

Водосвинка и не думала отбиваться от собаки, только таращила глупые, заплывшие жиром глаза. Вероятно, она в первый раз видела людей.

Наб покрепче сжал в руке свою дубинку и хотел было уже пристукнуть грызуна, как вдруг тот рванулся и, оставив в зубах Топа кончик своего уха, с громким хрюканьем бросился наутек, наскочил на Герберта и, чуть не сбив его с ног, исчез в лесу.

— Ах, негодяй! — воскликнул Пенкроф.

Все кинулись вслед за Топом догонять беглеца и вот-вот уже готовы были схватить его, как вдруг животное бросилось в озерко, окруженное вековыми соснами, и скрылось под водой.

Охотники в растерянности остановились. Топ прыгнул в воду, но водосвинка, нырнув на дно,

не показывалась.

— Подождем, — сказал Герберт, — она скоро вынырнет.

— А может, она утонула? — спросил Наб.

— Нет, — ответил Герберт. — Вы видели, какие у нее лапы? Перепончатые. Это почти что земноводное. Подстережем ее.

Топ все не вылезал из воды. Охотники встали на берегу в разных концах, чтобы отрезать водосвинке путь к отступлению, а Топ, разыскивая ее, плавал по озеру.

Герберт не ошибся. Через несколько минут водосвинка вынырнула, и Топ тотчас схватил ее, не давая ей уйти под воду. В одно мгновение водосвинку вытащили на берег, и Наб прикончил ее ударом палки.

— Ура! — закричал Пенкроф, любивший этот победный клич. — Теперь бы только угольков горячих, и мы этого грызуна сгрызем до косточки!

Он взвалил добычу на плечо и, определив по солнцу, что время близится к двум часам дня, подал команду к возвращению.

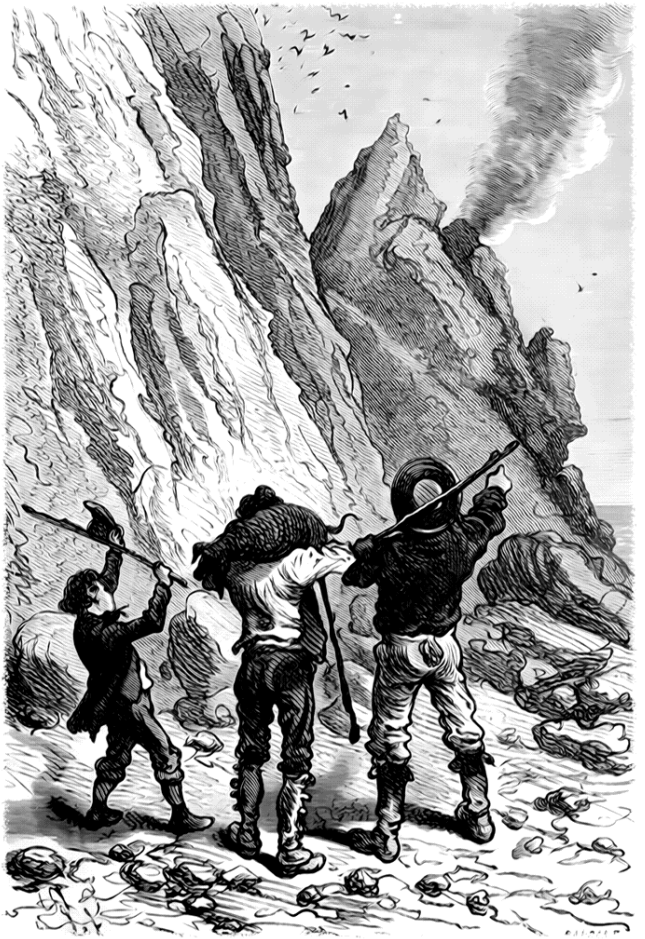
Чутье Топа и тут сослужило службу охотникам — благодаря умному животному они, не плутая, выбрались из чащи и через полчаса были уже у излучины реки.

Так же как и в первый раз, Пенкроф быстро соорудил плот из стволов деревьев, хотя это казалось ему бесцельной работой, ведь огня теперь не было; плот пустили по течению реки.

Но шагах в пятидесяти от Трущоб Пенкроф вдруг остановился и, оглушительно крикнув «ура», протянул руку указывая на край каменной крыши.

— Герберт! Наб! Глядите! — крикнул он.

Над скалами, клубясь на ветру, поднимался столб дыма.



ГЛАВА X

Изобретение инженера. — Вопрос, беспокоящий Сайреса Смита. — Экспедиция в горы. — Лес. — Вулканическая почва. — Трагопаны. — Муфлоны. — Первая площадка. — Ночлег. — На вершине горы

Минуту спустя все три охотника уже были у пылавшего в очаге огня, возле которого сидели Сайрес Смит и журналист. Пенкроф остановился и безмолвно смотрел на них, держа в руках свою добычу.

— Ну что, милейший? — воскликнул репортер. — Огонь-то горит! Самый настоящий огонь. На нем прекрасно можно изжарить сие животное, и мы устроим пиршество.

— Кто зажег?.. — недоумевал Пенкроф.

— Солнце!

Ответ был совершенно правильный. Огонь, так восхитивший Пенкрофа, дало само солнце. Моряк глазам своим не верил и так был ошеломлен, что и не подумал расспросить инженера.

— У вас было увеличительное стекло, мистер Смит? — спросил Герберт.

— Нет, дитя мое, — ответил инженер, — но я

сделал его.

И Сайрес Смит показал прибор, сыгравший роль увеличительного стекла. Он просто-напросто воспользовался двумя выпуклыми стеклами от карманных часов — своих собственных и Гедеона Спилета. Налив в стекла воды, он сложил их и слепил края глиной. У него получилось таким образом двояковыпуклое зажигательное стекло; поймав в его фокусе пучок солнечных лучей, он направил их на горсточку сухого мха, и мох воспламенился.

Моряк посмотрел на остроумное приспособление, потом посмотрел на инженера и не произнес ни слова. Но как красноречиво говорили его глаза! Если Сайрес Смит не стал для него божеством, то во всяком случае уже не был простым смертным. Наконец дар слова вернулся к Пенкрофу.

— Запишите-ка, мистер Спилет, — сказал он. — Запишите это в своей книжечке!

— Уже записано, — ответил журналист.

Затем Пенкроф с помощью Наба установил вертел, и вскоре искусно выпотрошенная водосвинка, словно молочный поросенок, уже подрумянивалась на ярком огне.

Трущобы опять стали сносным жилищем — от костра потянуло теплом по коридорам; снова

сложены были из камней перегородки.

Как мы видим, инженер Смит и его товарищи с пользой провели день. У Сайреса Смита окрепли силы, и он попробовал взобраться на верхнее плато. Оттуда он своим зорким глазом, привыкшим определять расстояния, долго смотрел на конусообразную вершину, на которую должны были завтра подняться. Гора эта отстояла миль на шесть к северо-западу, высота же ее, как казалось, достигала трех с половиной тысяч футов над уровнем моря. Следовательно, с вершины горы наблюдатель мог видеть на пятьдесят миль вокруг. Весьма вероятно, что тогда удастся разрешить вопрос: «Остров или материк?» — вопрос, который Сайрес Смит не без оснований считал пока самым важным.

Поужинали очень вкусно. Мясо водосвинки оказалось превосходным. Трапезу дополнили водоросли и кедровые орехи. Инженер почти ничего не говорил, его поглощали мысли о предстоящем путешествии.

Раза два Пенкроф высказывал свои соображения о том, что следовало бы предпринять, но Сайрес Смит, очевидно обладавший весьма методическим умом, только кивал головой.

— Завтра все выясним, — твердил он, — и в

соответствии с обстоятельствами будем действовать.

После ужина подбросили в очаг побольше дров, и все обитатели Трущоб, включая и верного пса Топа, крепко уснули.

Никакие злоключения не потревожили в ту ночь их мирный сон, и на следующее утро, двадцать девятого марта, они проснулись отдохнувшие и бодрые, все запаслись силами для экспедиции, от которой зависела их участь.

Приготовления были окончены. Остатками жаркого путники могли питаться еще сутки. К тому же они надеялись пополнить дорогой запас провианта. Так как стеклышки вставили опять на свое место — в ободок часов инженера и часов Гедеона Спилета, — то Пенкроф опалил на огне тряпицу, взамен отсутствующего трута. Кремней же можно было найти сколько угодно у подножия этих скал, состоявших, несомненно, из вулканических пород.

В половине восьмого утра исследователи, вооружившись дубинками, вышли из своего становища. По совету Пенкрофа решили идти уже знакомыми местами — через лес, а возвратиться другой дорогой. К тому же это был, несомненно, кратчайший путь к горе. Итак, все двинулись к

югу и, завернув за южный край гранитного кряжа, пошли полевому берегу реки, а от того места, где она поворачивала на юго-запад, углубились в лес. Нашли тропинку, уже проложенную нашими охотниками под сенью хвойных деревьев, и к девяти часам Сайрес Смит с товарищами вышли на опушку леса с западной его стороны.

Сначала шли по болотистой низине, потом почва стала сухой, песчаной: начался пологий подъем, который вел от берега в глубь этих незнакомых краев. Под высокими деревьями мелькали какие-то зверьки. Но не успевал Топ поднять дичь, как хозяин тотчас же его отзывал, считая, что сейчас не время охотиться, — позже видно будет. Таких людей, как инженер Сайрес Смит, нельзя отвлечь от намеченной цели, от мысли, овладевшей ими. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что он даже не обращал внимания на характер местности, по которой они проходили, на ее рельеф и природные богатства. Он поставил себе задачу взойти на гору и не хотел отвлекаться от нее.

В десять часов сделали короткий привал. Как только путники вышли из лесу, перед их глазами предстали очертания горного хребта. Самую высокую его часть составляли две конусообразные

вершины. Одна была высотою приблизительно в две с половиной тысячи футов; отроги, как будто служившие ей опорой, имели какие-то странные изгибы и напоминали когти огромной звериной лапы, вцепившейся в землю. Между этими отрогами пролегали ущелья, обрывистые склоны которых поросли деревьями вплоть до усеченной вершины первой горы. На северо-восточном склоне растительность, очевидно, была менее густой, между зелеными рощицами виднелись довольно извилистые просветы, вероятно проложенные потоками лавы.

Возле первого конуса возвышался второй; слегка округлая его макушка стояла немного вкривь, словно шапка, заломленная набекрень. На ее голых склонах во многих местах вздымались красноватые скалы.

Как раз на вершину этой второй горы им и предстояло подняться; и, очевидно, лучше всего было идти по гребням отрогов.

— Мы с вами находимся в горах вулканического происхождения, — сказал Сайрес Смит и двинулся впереди твоих спутников по извилистому и довольно пологому склону одного из отрогов, который вел к первому плато.

Поверхность земли была изрезана, вздыблена,

вспучена действием вулканических сил. Повсюду были разбросаны одиночные валуны, глыбы базальта, пемзы и обсидиана. Кое-где зеленели высокие хвойные деревья, — те же самые породы, что на несколько сот футов ниже покрывали дно и обрывы ущелий, сливаясь в густую чашу, непроходимую для лучей солнца.

В начале подъема Герберт заметил свежие следы, принадлежавшие каким-то крупным животным, возможно опасным хищникам.

Пожалуй, эти симпатичные звери не согласятся по доброй воле уступить свои владения, — сказал Пенкроф. — Ну что же, мы постараемся от них избавиться, — отвечал журналист, которому уже приходилось охотиться в Индии на тигров, а в Африке на львов. — Но пока будем держаться начеку.

Путники поднимались медленно, из-за всяческих неодолимых препятствий приходилось отклоняться от прямого пути. Иногда склон вдруг рассекала пропасть, и маленький отряд должен был ее обходить. Иной раз поневоле отступали, возвращались назад, отыскивая более удобное для подъема место. Время шло, возрастала усталость. В полдень остановились в тени высоких елей около ручейка, каскадом сбегавшего по

камням; к этому времени одолели только половину подъема на первый уступ, и стало ясно, что засветло до него не доберешься.

С места привала открывался широкий вид на море, но с правой стороны кругозор ограничивал высокий остроконечный мыс, протянувшийся к юго-востоку, и нельзя было определить, идет ли за ним море или суша. Слева Даль видна была к северу на несколько миль. На северо-западе картина завершалась горным отрогом причудливых очертаний, — он казался застывшим потоком лавы, некогда извергнутой вулканом. Итак, пока еще не было возможности дать ответ на вопрос, который Сайрес Смит хотел разрешить.

В час дня отправились дальше. Надо было повернуть на юго-запад и снова углубиться в довольно густой лес. Там на глазах путников перелетали с дерева на дерево несколько пар птиц, принадлежавших к семейству фазановых. Это были трагопаны, украшенные мясистым наростом, висевшим у зоба, и двумя цилиндрическими выступами, посаженными позади глаз. Птицы были величиной с домашнего петуха; самок облекало скромное коричневое оперение, а самцы щеголяли в великолепных красных перьях, усеянных белыми крапинками. Метко брошенным камнем

Гедеон Спилет убил одного из трагопанов, на которых Пенкроф, проголодавшись на свежем воздухе, смотрел с вожделением.

Выйдя из леса, путники, подтягивая друг друга, взобрались по обрывистой круче высотою в сто футов и поднялись на верхний почти безлесный ярус хребта, несомненно состоявший из вулканических пород. Тут нужно было опять повернуть на восток и двигаться, петляя по склону, так как подъем становился все круче, все труднее, — каждый должен был идти с осторожностью и смотреть, куда он ставит ногу. Впереди подымались Наб и Герберт, Пенкроф замыкал шествие, в середине взбирался Сайрес Смит и журналист. Животные, водившиеся на этих высотах (следов тут встречалось немало), несомненно, должны были обладать стальными мышцами и большой гибкостью, которой отличаются, например, серны и дикие козы. Некоторые из этих обитателей гор даже попадались им на глаза, и, увидев их в первый раз, Пенкроф окрестил их по-своему.

— Бараны! — воскликнул он.

Путники остановились. Шагах в пятидесяти от них стояло шесть-семь крупных животных с широкими, загнутыми назад рогами, сжатыми на концах, с длинной шелковистой шерстью бурого

цвета, прикрывающей густой подшерсток.

Это вовсе не были обыкновенные бараны, а бараны особой породы, встречающиеся в горных областях умеренного климата. Герберт назвал их муфлонами.

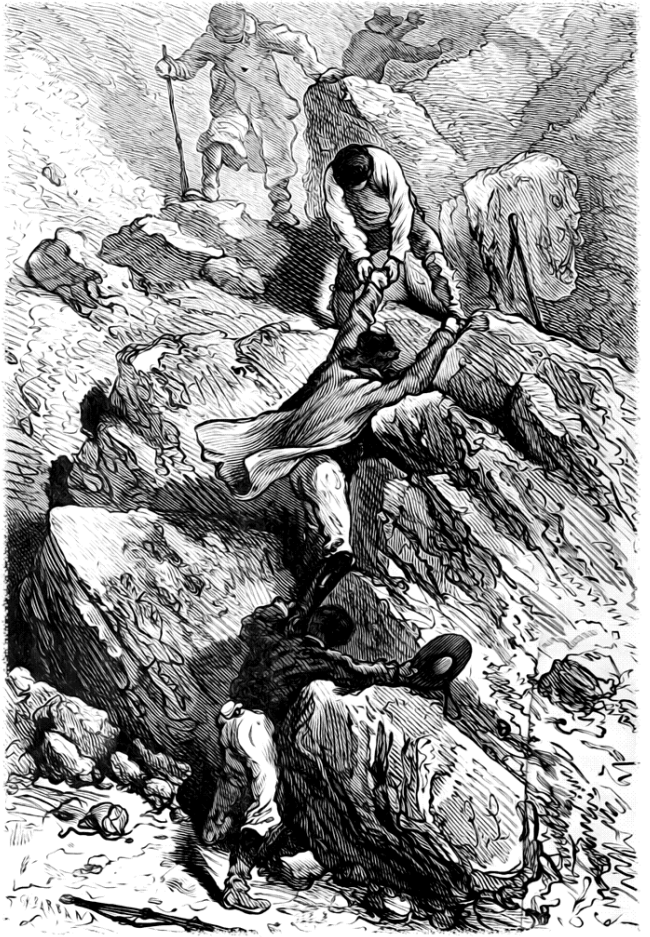
— А годятся они на жаркое или на отбивные котлеты? — спросил моряк.

— Вполне, — ответил Герберт.

— Ну, стало быть, это бараны!

Застыв неподвижно среди базальтовых глыб, муфлоны удивленно глядели на пришельцев — вероятно, они впервые видели людей. И вдруг испуганно шарахнулись и мигом исчезли между скал.

— До свиданья! — крикнул им вдогонку Пенкроф с таким забавным видом, что все невольно засмеялись.



Подъем продолжался. Часто на склоне причудливыми зигзагами выступали натеки застывшей лавы. На пути не раз попадались дымящиеся вулканчики — сольфаторы, которые приходилось огибать. Иногда сера отлагалась в форме кристаллических друз, вкрапленных в породы, которые вулкан выбрасывает перед тем, как начинает изливаться из него лава: крупнозернистые, сильно спекшиеся пуццоланы и беловатый вулканический пепел, состоящий из бесчисленных мелких кристаллов полевого шпата.

С приближением к первому плато, образованному подошвою ближнего вулкана, подниматься стало еще труднее. К четырем часам дня уже миновали лесную зону. Лишь кое-где попадались уродливо изогнутые оголенные сосны, должно быть очень живучие, раз они выдерживали на такой высоте порывы океанских ветров. К счастью для Сайреса Смита и его спутников, день был ясный, тихий — ведь на высоте в три тысячи футов сколько-нибудь резкий ветер очень затруднил бы восхождение на вершину. Небо было чистое, безоблачное, воздух совершенно прозрачный. Кругом стояла глубокая тишина. Солнце уже зашло за верхний конус вулкана, закрывавшего на западе полгоризонта; огромная тень этой горы

протянулась до самого берега и удлинялась все больше, по мере того как опускалось солнце. На востоке в небе стояли легкие, полупрозрачные облачка, и лучи заката окрашивали их во вес цвета радуги.

Только пятьсот футов отделяло наших путников от того плато, где они хотели остановиться на ночлег, но, чтобы добраться до него, пришлось столько кружить, что этот короткий путь увеличился по меньшей мере на две мили, зачастую на крутом подъеме ноги скользили на гладкой, словно отшлифованной поверхности застывшей лавы, если только выветрившиеся породы не давали достаточной точки опоры. День был на исходе, и уже надвигались сумерки, когда Сайрес Смит и его друзья, очень усталые после семичасового восхождения, добрались, наконец, до плато и остановились у подножия первого конуса.

Поскорее устроиться на привале, подкрепить свои силы ужином, а затем — спать! Второй ярус горы покоился на гранитном основании, и вокруг было столько скал, что найти среди них убежище оказалось нетрудным делом. Топлива вокруг было немного, но все же удалось развести костер, набрав мха и сухих веток кустарника, кое-где росшего на этом плато. Пока Пенкроф складывал из

камней очаг, Наб и Герберт отправились за дровами. Вскоре они принесли по большой охапке хвороста. При помощи кремней высекли искры на опаленную тряпицу, служившую трутом. Наб раздул огонь, и через несколько мгновений на привале под защитой скал, весело потрескивая, уже пылал костер.

Костер предназначался лишь для того, чтобы погреться у огня, ибо к вечеру стало очень свежо, а жарить на нем фазана не стали — Наб берег птицу на завтрашний день. На ужин пошли остатки жареной водосвинки и кедровые орехи. К половине шестого трапеза была закончена.

Сайресу Смиту пришла тогда мысль осмотреть, пока еще не стемнело, широкое округлое основание верхнего конуса. Прежде чем прилечь отдохнуть, он захотел узнать, удастся ли обойти вокруг конуса, в случае если невозможно будет подняться по крутым склонам на самую его вершину. Мысль эта не оставляла его, ведь с той стороны, куда кренилась снеговая шапка, то есть с севера, гора могла оказаться неприступной. А если нельзя будет ни подняться на вершину, ни обойти ее вокруг подножия, то, значит, окрестности, расположенные с западной стороны горы, не осмотришь и, следовательно, цель экспедиции

полностью не будет достигнута.

И вот Сайрес Смит, позабыв об усталости, зашагал по краю плато, направляясь к северу; Герберт пошел вместе с ним, меж тем как Пенкроф и Наб занялись приготовлениями к ночлегу, а Гедеон Спилет заносил в свою записную книжку события истекшего дня.

Вечер выдался ясный, тихий. Еще не совсем стемнело. Сайрес Смит и юноша шли молча. Подошва конуса то расширялась, и тогда идти было легко, то суживалась, загроможденная обвалами, и тут уже наши исследователи продвигались осторожно, один вслед другому. Минут через двадцать им пришлось остановиться. Дальше оба конуса совершенно срослись у основания. Обойти же эту гору по скату, имевшему наклон в семьдесят градусов, было невозможно.

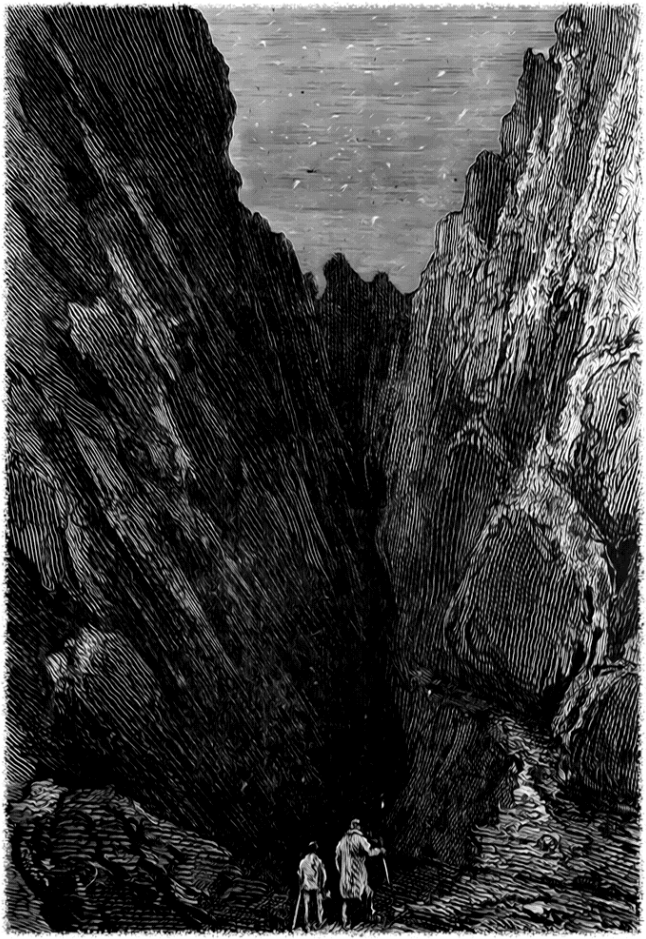
Итак, Сайрес Смит и его юный спутник потерпели не дачу в своих попытках обогнуть вершину, зато они увидели, что можно взобраться на нее.

В самом деле, перед ними была глубокая трещина, рассекавшая край верхнего кратера, или, если угодно, воронки, из которой в далекие времена, когда этот вулкан был еще действующим, вытекала расплавленная лава. Охладев, лава затвердела, и куски шлака, застывшие в ее кор-

ке, образовали как бы устроенную природой лестницу с широкими ступенями, которая могла облегчить восхождение на гору.

Сайрес Смит сразу заметил эту особенность в расположении трещины и, хотя темнота уже сгущалась, без колебаний стал взбираться по огромной «лестнице» вместе с Гербертом, не отставававшим от него.

Предстояло одолеть подъем в тысячу футов. Доступны ли были стенки кратера? Мы скоро это узнаем. Инженер решил подниматься до тех пор, пока будет возможно. К счастью, по стенкам кратера тянулись извилистые борозды, словно нарезки исполинского винта, что облегчало подъем.



Вулкан, несомненно, принадлежал к числу потухших. Ни малейшей струйки дыма не поднималось над его склонами. Ни малейшего язычка пламени не вырывалось из его глубины. Не слышно было даже слабого рокота, гула, подземного содрогания, — все было спокойно в темной бездне, доходившей, быть может, до самых недр земли. Воздух внутри кратера не был насыщен сернистыми испарениями. Вулкан не погрузился в дремоту, — нет, в нем иссякла жизнь.

Попытка Сайреса Смита сулила удачное восхождение. Вместе с Гербертом он поднимался все выше, воронка кратера ширилась все больше. Округлый клочок неба, видневшийся между краями кратера, все увеличивался. Можно сказать, что с каждым шагом Сайреса Смита и Герберта у них в поле зрения появлялись все новые звезды и великолепные, яркие созвездия Южного полушария. В зените горел красным огнем Антарес в созвездии Скорпиона, а подальше сверкала звезда бета созвездия Кентавра, которую считают ближайшей к Земле звездою.

Затем, по мере того как расширялась воронка кратера, возникли Фомальгаут из созвездия Рыбы, Звездный треугольник и, наконец, почти над самым антарктическим полюсом засверкал

Южный Крест, путеводная звезда Южного полушария, подобно Полярной звезде, указывающей путь мореходам в Северном полушарии.

Около восьми часов вечера Сайрес Смит и Герберт вышли на вершину вулкана, являвшуюся высшей точкой на острове.

Уже настала ночь, нечего было и пытаться различить что-нибудь на расстоянии в две мили. Окружает ли со всех сторон эту неведомую землю море, или она соединяется на западе с каким-либо материком, омываемым Тихим океаном, — сейчас этого нельзя было сказать. На западе четко вырисовывалась гряда облаков, еще увеличивавших сумрак; уже нельзя было отличить море от неба, они сливались в единый широкий темный круг.

Но в одной точке горизонта замерцал тусклый свет, медленно опускавшийся по мере того, как поднимались в небесную высоту облака.

То был тонкий серп месяца, уже клонившегося к закату, уже готового исчезнуть. Но в недолгом его сиянии под длинной полосой облаков, протянувшейся в небе, четко обрисовалась линия горизонта, и на краткий миг затрепетала на подернутом зыбью морском просторе лунная дорожка.

Сайрес Смит схватил юношу за руку, и, когда молодой месяц погрузился в воды океана, инженер воскликнул:

— Остров!

ГЛАВА XI

На вершине потухшего вулкана. — Внутри кратера. — Вокруг — только океан. — Вид берега с высоты птичьего полета. — Гидрография и орография. — Обитаем ли остров? — Крещение заливов, бухт, мысов, рек и так далее. — Остров Линкольна

Через полчаса Сайрес Смит и Герберт возвратились на стоянку. Инженер сказал своим друзьям, что земля, на которой они очутились по воле случая, — остров; завтра надо многое обдумать и решить, что делать. Затем каждый устроился как мог для ночлега под прикрытием базальтовой скалы на высоте в две тысячи пятьсот футов над уровнем моря, и в эту тихую ночь наши островитяне уснули мирным сном.

На следующее утро, 30 марта, после скудного завтрака, состоявшего только из трагопана, зажаренного на вертеле, инженер решил вновь подняться на вершину потухшего вулкана и

оттуда внимательно осмотреть остров, где потерпевшим крушение аэронавтам, быть может, предстояло остаться узниками на всю жизнь, если остров расположен далеко от материка и не находится на путях кораблей, посещающих тихоокеанские архипелаги. Все спутники инженера Смита решили идти вместе с ним в эту новую экспедицию. Им тоже хотелось увидеть общую картину этого острова, где они вынуждены жить и бороться за свое существование.

Около семи часов утра Сайрес Смит, Герберт, Пенкроф, Гедеон Спилет и Наб распростились с базальтовым убежищем. Никто, казалось, не тревожился о своей участи, все полны были веры в свои силы, но надо сказать, что эта вера зиждилась у Сайреса Смита на иной основе, чем у его друзей. Инженер верил в будущее потому, что чувствовал себя способным вырвать у этой дикой природы все необходимое для своей жизни и для жизни своих товарищей, а они не страшились ничего, зная, что с ними Сайрес Смит. И это было понятно. Пенкроф преисполнился такого доверия к инженеру с тех пор, как вновь запылал в очаге потухший огонь, что, окажись они все на голой скале, он и тогда не, потерял бы надежды, лишь бы там был с ними Сайрес Смит.

— Ничего! — сказал он. — Мы удрали из Ричмонда без разрешения тюремщиков. А тут у нас никаких надзирателей нет, так неужели мы в один прекрасный день не распростимся с этим благословенным уголком?

Сайрес Смит направился той же дорогой, какой он поднимался накануне. Обогнули конус вулкана по плато, на котором он вздымался, и вскоре добрались до огромной расселины. Погода стояла прекрасная. Солнце, сиявшее в безоблачном чистом небе, заливало своим светом восточный склон горы.

Подошли, наконец, к кратеру. Он оказался именно таким, каким смутно видел его Сайрес Смит в темноте, то есть огромной, расширяющейся кверху воронкой, поднятой на тысячу футов над горным плато. От нижнего конца трещины по склону горы змеились широкие и мощные окаменевшие потоки лавы, а глыбы изверженных пород раскиданы были до нижних долин, изрезавших северную часть острова.

Стенки кратера имели наклон не больше тридцати пяти — сорока градусов, и подниматься по ним оказалось совсем нетрудно. На них заметны были очень древние следы лавы — вероятно, при извержении она переливалась через верхний

край кратера, пока боковая трещина не открыла ей нового выхода.

Что касается внутреннего канала, которым кратер сообщался с недрами земли, глубину его нельзя было определить на глаз, так как он терялся в темноте. Но несомненным оставалось то обстоятельство, что вулкан принадлежит к числу потухших.

Около восьми часов утра Сайрес Смит и его спутники уже взобрались на конический бугор, торчавший на северном краю кратера.

— Море! Кругом море! — воскликнули путники в один голос, как будто не могли не произнести этих слов, подтверждавших, что они очутились на острове.

Совершая вторичное восхождение на потухший вулкан, Сайрес Смит, быть может, лелеял надежду увидеть неподалеку другую землю, другой остров, которых он накануне не рассмотрел в темноте. Но до самого горизонта, то есть на протяжении пятидесяти миль вокруг, простиралась водная пустыня. Никакой земли в виду! И ни одного паруса! Беспредельная ширь океана, и в ней затерялся их остров.

Инженер и его сотоварищи застыли в молчании и долгое стояли неподвижно, окидывая

взглядом океан. Глаза их жадно впивались в морскую даль. Но даже Пенкроф, отличавшийся чудесной зоркостью, не увидел ничего, а ведь если бы где-то на горизонте показалась земля, то пусть она даже возникла бы в виде неуловимой для другими полоски тумана, Пенкроф, несомненно, разглядел бы ее ибо природа наделила его сущими телескопами, которыми он озирал мир из-под насупленных бровей.

От океана они обратили взгляд на остров, которыми виден был весь как на ладони. Гедеон Спилет задал возникший у всех вопрос:

— А велик ли он?

Ведь остров казался таким ничтожным среди безграничных просторов океана.

Сайрес внимательно присмотрелся к очертаниям острова, принял в соображение высоту горы, на которой они стояли, и, подумав немного, сказал:

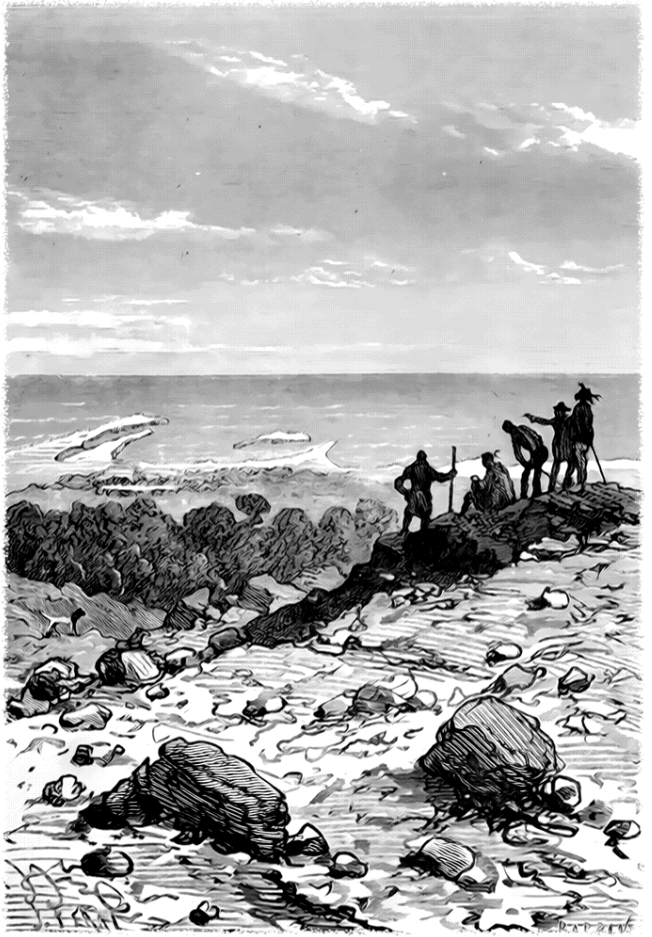
— Друзья мои, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что берега нашего острова имеют больше ста миль протяжения.

— А какая у него площадь?

— Трудно сказать. Очень уж он прихотливо изрезан.

Сайрес Смит не ошибся в своем определении

— остров по величине был приблизительно равен Мальте или остров Закинф в Средиземном море, но отличался гораздо более неправильной формой, а вместе с тем был менее богат мысами, стрелками, косами, заливами, бухтами. Его странные очертания поражали взгляд, и, когда Гедеон Спилет, по просьбе инженера, зарисовал контуры острова, все нашли, что он похож на какое-то фантастическое животное, на чудовищное крылоногое, спящее на волнах Тихого океана.



Журналистом была тотчас же составлена довольно точная карта острова.

Нелишним будет ознакомить читателей с очертаниями острова. В той части берега, куда пристали наши путники, когда их шар потерпел крушение, имелась широкая бухта, ограниченная с юго-востока остроконечным мысом, который во время первого путешествия Пенкрофа был скрыт от его глаз. С северо-востока бухту защищали две другие косы, а между ними был узкий залив, похожий на пасть огромной акулы.

В направлении с северо-востока на юго-запад берег выдавался в море округлым выступом, напоминавшим приплюснутый череп какого-то хищного зверя, а затем, близ того места, где находился потухший вулкан, поднимался горбом несколько расплывчатых контуров. Далее берег тянулся с севера на юг довольно плавной кривой вплоть до небольшой бухты, врезавшейся в берег на середине периметра острова, а за нею изгибался скалистый мыс, похожий на хвост гигантского аллигатора. Этот мыс представлял собою оконечность большого полуострова тридцати миль длиною, считая от юго-восточного мыса, о котором мы уже упоминали, внизу берег полуострова плавно изгибался, образуя широкий

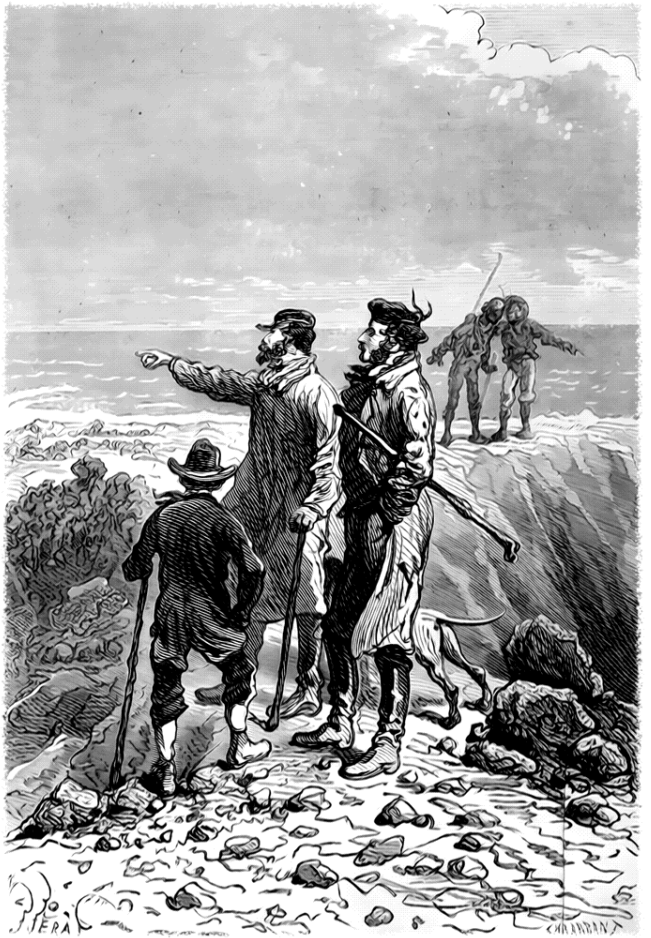
открытый залив. Таковы были причудливые очертания острова.

В самой узкой своей части — между Трущобами и бухтой, лежавшей на западном берегу, как раз напротив них, — остров имел только десять миль в поперечнике, а в самой широкой части — от северо-восточного мыса, похожего на челюсть акулы, и до юго-западной оконечности острова — не меньше тридцати миль.

Поверхность острова отличалась разнообразием: от первых отрогов горы до самого берега океана его покрывал густой лес, а северная часть была безводная, песчаная, голая. Между горой и восточным берегом Сайрес Смит и его спутники, к удивлению своему, обнаружили озеро, окаймленное зеленью. Они и не подозревали о его существовании. С высоты казалось, что озеро лежит на одном уровне с океаном, но, поразмыслив, инженер объяснил своим спутникам, что оно расположено футов на триста выше, так как водоемом служит впадина плоскогорья, являющегося продолжением гранитного берегового кряжа.

— А вода-то в нем пресная? — спросил Пенкроф.

— Разумеется, пресная, — ответил инженер. — Должно быть, его питают горные источники.



— Смотрите, вон течет маленькая речушка. Она как раз впадает в озеро, — сказал Герберт, указывая на ручей, вероятно бравший начало в западных отрогах хребта.

— Да, да, — подтвердил Сайрес Смит. — И раз эта речка впадает в озеро, там, со стороны моря, должен быть сток, по которому выливается избыточная вода. На обратном пути увидим.

Этот быстрый, довольно извилистый горный ручей и уже обследованная река, очевидно, представляли собой всю речную систему острова, насколько она была доступна взгляду наших путников. Возможно, что в лесных чащах, покрывавших две трети острова, текли к морю и другие речки. Такое предположение напрашивалось само собой, ибо лесистая часть острова была, по-видимому, весьма плодородной и изобиловала великолепными образцами флоры умеренного пояса. В северной части ничто не указывало на присутствие речек или ручьев. Возможно, что на болотистой северо-восточной оконечности острова скопились стоячие воды, — в общем, там была дикая и, видимо, бесплодная область дюн, песков и камня — местность, которая представляла собой резкий контраст с остальной территорией острова, отличавшейся богатой природой.

Вулкан, находившийся не на середине острова, а ближе к северо-западному побережью, как будто служил границей двух этих зон.

На юго-западе, на юге и на юго-востоке нижние уступы горных отрогов совсем исчезали под зеленым плащом лесов. Зато на севере можно было проследить все их разветвления и увидеть, как они, постепенно понижаясь, уступают место песчаным равнинам. Как раз с северной стороны в те далекие времена, когда происходили извержения вулкана, потоки лавы, вытекавшие из него, проложили себе широкую дорогу и вымостили ее своей застывшей толщей вплоть до того остроконечного мыса, который закрывал бухту с северо-востока.

Сайрес Смит и его товарищи пробыли на вершине горы не меньше часа. Остров лежал перед ними, словно рельефная раскрашенная карта с обычной расцветкой: зеленым цветом обозначались леса, желтым — пески, голубым — воды. Всю его поверхность они могли охватить глазом, для взгляда их оставались непроницаемы только лесные чащи, глубокие и узкие долины, где стояла тень, да теснины ущелий, черневшие у подножия вулкана.

Оставалось разрешить еще один вопрос, чрез-

вычайно важный для участи наших аэронавтов, потерпевших крушение.

Был ли это обитаемый остров?

Журналист первым задал вслух этот вопрос. Всем казалось, что, после того как они обозрели остров с вершины горы, на такой вопрос уже можно дать отрицательный ответ.

Нигде не заметно было творений рук человеческих — ни селений, хотя бы состоявших из жалких лачуг, ни одиноко стоящих хижин, ни сетей, ни рыбачьих лодок у берега. В воздух не поднималось ни малейшей струйки дыма от костра, которая указывала бы на присутствие человека. Правда, длинная, похожая на хвост аллигатора оконечность острова, протянувшаяся на юго-запад, отстояла от наблюдателей на тридцать миль, и даже зоркие глаза Пенкрофа не могли бы увидеть на таком расстоянии человеческого жилья. Невозможно было также приподнять зеленую завесу, прикрывавшую три четверти поверхности острова, и поглядеть, не таится ли в лесной глуши какой-нибудь поселок. Но обычно население тихоокеанских островов, этих клочков суши, словно выплывших из морской пучины, живет на побережье, а тут побережье казалось совсем пустынным.

Словом, до более полного исследования можно было предполагать, что остров необитаем.

Но что, если сюда наведывались, хотя бы ненадолго, туземцы с каких-нибудь соседних островов? Ответить на этот вопрос пока было невозможно. На пятьдесят миль вокруг не виднелось никакой земли. Но ведь пятьдесят миль нетрудно одолеть в малайских прао или в больших полинезийских пирогах. Все зависело от расположения острова: стоит ли он одиноко среди океана, или находится недалеко от каких-нибудь архипелагов. Удастся ли позднее Сайресу Смиту без инструментов определить широту и долготу острова? Задача очень трудная. А так как пока еще ничего не известно, не мешает принять меры предосторожности на случай возможного посещения острова соседями-дикарями.

Общее знакомство с островом было закончено, определены его конфигурация и рельеф, вычислена площадь, установлены его гидрография и орография. На плане, наскоро составленном журналистом, было в общих чертах обозначено расположение лесов и равнин. Теперь следовало спуститься по склону горы и исследовать остров в отношении его минеральных богатств, его растительного и животного мира.

Но прежде чем подать сигнал к отправлению, Сайрес Смит обратился к товарищам с маленькой речью.

— Друзья мои, — сказал он с обычным своим спокойствием и серьезностью, — волей всемогущего нас забросило на этот маленький клочок земли. Здесь нам с вами придется жить, и быть может, очень долго. Разумеется, возможно, что нежданно-негаданно придет нам помощь, если мимо нашего острова случайно пройдет корабль… Я говорю «случайно», потому что остров весьма невелик, здесь не найдется ни одной естественной гавани, пригодной для стоянки кораблей, и боюсь, что он находится вне обычных путей морских судов, то есть гораздо южнее курса кораблей, которые плавают к тихоокеанским архипелагам, и гораздо севернее курса тех судов, которые ходят в Австралию, огибая мыс Горн. Таково наше положение. Я ничего не хочу скрывать от вас…

— И хорошо делаете, дорогой Сайрес, — горячо отозвался журналист. — Вы же имеете дело с настоящими мужчинами. Мы доверяем вам. Можете на нас рассчитывать. Правда, друзья?

— Я во всем, во всем буду вас слушаться, мистер Сайрес, — сказал Герберт, сжимая руку инже-

нера.

— Я везде и всюду пойду за вами, хозяин! — воскликнул Наб.

— А я вот что скажу, — заявил моряк. — Пенкроф никогда от работы не отлынивал! И если хотите, мистер Смит, мы из этого острова сделаем маленькую Америку! Понастроим здесь городов, проложим железные дороги, проведем телеграф, и в один прекрасный день, когда мы тут все преобразим, цивилизуем, мы преподнесем этот остров правительству нашей страны. Только я об одном вас прошу…

— О чем? — спросил журналист.

— Давайте смотреть на себя не как на несчастных людей, потерпевших крушение, а как на поселенцев, прибывших на этот остров с определенной целью — основать тут колонию!

Сайрес Смит не мог удержаться от улыбки. Предложение моряка было принято. Затем инженер поблагодарил своих товарищей за доверие и добавил, что крепко рассчитывает на их энергию и на помощь неба.

— Ну что ж, пора в обратный путь к Трущобам! — воскликнул Пенкроф.

— Одну минутку, друзья, — остановил всех инженер. — Мне думается, надо дать название

и нашему острову, и каждому мысу, и косе, и речкам, которые мы тут видим.

— Отлично, — сказал журналист. — В будущем это упростит дело, когда нам придется говорить о какой-нибудь местности на нашем острове.

— Правильно! — согласился моряк. — Очень удобно, когда можно указать, куда или откуда идешь. И как-то, знаете, приличнее получится, будто мы в путном месте находимся.

— В Трущобах, например, — лукаво заметил Герберт.

— Верно, — подтвердил Пенкроф. — Очень подходящее название и само собой пришло мне на ум. Оставим за нашим первым становищем это название, так и будем говорить: «Трущобы». Согласны, мистер Сайрес?

— Конечно, Пенкроф, раз вы так окрестили их.

— Да, конечно, и другим местам названия придумать нетрудно, — продолжал, разохотившись, моряк. — Возьмем названия из книги про Робинзона — мне Герберт много читал из нее. Помните, как там написано? «Бухта Провидения», «коса Кашалотов», «мыс Обманутой надежды»!

— Нет, лучше не так, — возразил Герберт. — Лучше назовем заливы и мысы именем мистера Смита, мистера Спилета, именем Наба…

— Моим именем? — воскликнул Наб и улыбнулся широкой улыбкой, сверкнув белоснежными зубами.

— А почему бы и не назвать твоим именем? — заметил Пенкроф. — «Бухта Наба». Очень даже хорошо получается. «Мыс Гедеона»…

— Нет, по-моему, надо дать такие названия, чтобы они постоянно напоминали нам о родине, — ответил Гедеон Спилет.

— Да, для главных пунктов — для бухт, для заливов — так и надо сделать, — сказал Сайрес Смит. — Я вполне с этим согласен. Например, ту большую восточную бухту назовем: *бухта Соединения,* а ту широкую бухту у восточного берега *бухтой Вашингтона.* Гора, на которой мы сейчас стоим, пусть называется *гора Франклина,* а озеро, что лежит перед нашими глазами, пусть носит имя Гранта. Право, друзья мои, так лучше всего. Пусть эти названия напоминают нам о родине и о тех благородных гражданах, которые прославили ее. Но для рек, для маленьких заливов, для мысов, для скал, которые мы видим с высоты этой горы, я предлагаю выбрать такие названия, чтобы они говорили об их контурах, о каких-нибудь их особенностях. Такие названия лучше запоминаются и будут иметь практическую пользу. Очертания

нашего острова такие удивительные, что нам нетрудно будет придумать для них какие-нибудь образные названия. Что касается тех речек, которых мы еще не видели, но, возможно, увидим в различных концах лесистой части острова, когда отправимся ее исследовать, тех заливов и бухточек, которые впоследствии обнаружим, — то будем давать им названия по мере наших открытий. Что вы скажете, друзья мои?

Предложение инженера было принято единогласно. Остров лежал перед глазами путников, словно развернутая карта, и оставалось только дать названия каждому мысу, каждому заливу и возвышенности. Гедеон Спилет записывал эти названия, и географическая номенклатура острова была окончательно установлена. Прежде всего записали следующие наименования, предложенные инженером: бухта Соединения, бухта Вашингтона, гора Франклина.

— А теперь, — сказал журналист, — я предлагаю назвать вон тот полуостров, что тянется к юго-западу, *Извилистым,* а длинный каменистый мыс, которым он кончается, — назвать *Змеиным,* потому что он в самом деле похож на изогнутый хвост змеи.

— Принято, — сказал инженер.

— А вон тот залив, на другом конце острова, ужасно похож на раскрытую пасть акулы, — сказал Герберт. — Назовем его *залив Акулы.*

— Ловко придумал! — воскликнул Пенкроф. — Погоди, и мы от вас не отстанем. Тот мыс, что защищает бухту, предлагаю назвать *мыс Челюсть.*

— Но ведь там два мыса, — заметил журналист.

— Ну что ж, — сказал Пенкроф, — пусть у нас будут *Северная Челюсть* и *Южная Челюсть.*

— Записано, — заключил Гедеон Спилет.

— Надо еще дать название тому остроконечному мысу, что виднеется у юго-восточного берега, — напомнил Пенкроф.

— Тому, что у края бухты Соединения, — добавил Герберт.

— *Мыс Коготь,* — тотчас отозвался Наб — ему тоже хотелось стать крестным отцом какой-нибудь частицы общего владения.

Наб очень удачно придумал название — мыс действительно казался страшным когтем того фантастического животного, которое своими необыкновенными очертаниями напоминало остров. Пенкрофа привело в восхищение это веселое занятие, дававшее простор воображению.

Вскоре возникли новые названия.

Реку, ставшую для обитателей острова источником питьевой воды, ту самую реку, близ которой они нашли себе прибежище, назвали *рекой Благодарения,* в знак искренней признательности к провидению.

Островок, на который их выбросило, получил название *островок Спасения.*

Широкое плато, которое простиралось за карнизом береговой гранитной стены, возвышавшейся над Трущобами, и давало возможность охватить взглядом всю обширную бухту, назвали *плато Кругозора.* И наконец, непроходимые чащи, покрывавшие полуостров Извилистый, окрестили *лесами Дальнего Запада.*

Итак, всем доступным взгляду пунктам в разведанной части острова были даны названия. Решили, что список их будут пополнять, по мере того как появятся новые открытия.

По солнцу инженер приблизительно определил положение острова в отношении стран света, и оказалось, что бухта Соединения и плато Кругозора лежат на востоке. Но Сайрес Смит собирался на следующий день заметить точное время восхода и заката солнца, положение солнца на небе на середине пути от восхода до

заката и рассчитывал точно установить, где находится северная сторона острова, — в Южном полушарии в момент своей кульминации (то есть в полдень) солнце стоит на севере, а не на юге, в противоположность тому, что мы видим в Северном полушарии.

Итак, все было закончено; новым островитянам оставалось только спуститься с горы Франклина и направиться к своему убежищу в Трущобах, как вдруг Пенкроф воскликнул:

— Ну и хороши же мы!

— Почему? — спросил Гедеон Спилет; закрыв свою записную книжку, он уже собрался тронуться в обратный путь.

— Острову-то, острову забыли дать название!

Герберт хотел было предложить, чтобы острову дали имя Сайреса Смита, — он знал, что товарищи дружно будут приветствовать такое предложение, но инженер опередил его.

— Друзья мои, — сказал он взволнованно, — назовем наш остров в честь благороднейшего гражданина Американской республики, в честь человека, который борется сейчас, защищая ее единство. Пусть эта земля будет *островом Линкольна!*

В ответ на предложение Сайреса Смита все

радостно крикнули «ура».

В тот вечер колонисты перед сном говорили о своей родине и о той ужасной войне, которая обагряет ее кровью. Они питали твердую уверенность, что скоро Юг потерпит поражение, и благодаря Гранту и Линкольну правое дело граждан северных штатов восторжествует!

Это было 30 марта 1865 года. Разве могли они знать о том, что шестнадцать дней спустя в Вашингтоне произойдет злодейское преступление, что в страстную пятницу Авраам Линкольн падет от руки фанатика.

ГЛАВА XII

Проверка часов. — Пенкроф доволен. — Подозрительный дым. — Красный ручей. — Флора острова Линкольна. — Фауна. — Горные фазаны. — Охота на кенгуру. — Агути. — Озеро Гранта. — Возвращение в убежище

Поселенцы острова Линкольна бросили вокруг последний взгляд, обогнули кратер по узкой закраине и стали спускаться; через полчаса они уже были на первом плато, там, где останавливались на ночлег при подъеме.

Пенкроф заявил, что уже пора завтракать, и по этому поводу Сайрес Смит и журналист решили сверить свои часы.

Надо сказать, что у Гедеона Спилета часы не пострадали от воды, так как его первым выбросило на берег, где он оказался вне досягаемости для волн. Часы у него были с превосходным механизмом — настоящий карманный хронометр, и журналист ежедневно заводил их самым тщательным образом.

Сайрес Смит, разумеется, не мог заводить свои часы, пока лежал без сознания в дюнах. А тут он завел их и, определив по солнцу, что время близится к девяти часам, соответственно перевел стрелку часов.

Гедеон Спилет хотел было последовать его примеру, но Сайрес Смит остановил его, схватив за руку, и сказал:

— Нет, дорогой мой, подождите. У вас часы поставлены по ричмондскому времени?

— Да, Сайрес.

— Стало быть, часы у вас отрегулированы по меридиану этого города, — то есть, можно сказать, почти по меридиану Вашингтона.

— Совершенно верно.

— Знаете что? Не переводите стрелки. Заводите

свои часы аккуратнейшим образом, но стрелок не касайтесь — пусть будут так, как есть. Это нам пригодится.

«Для чего?» — подумал моряк.

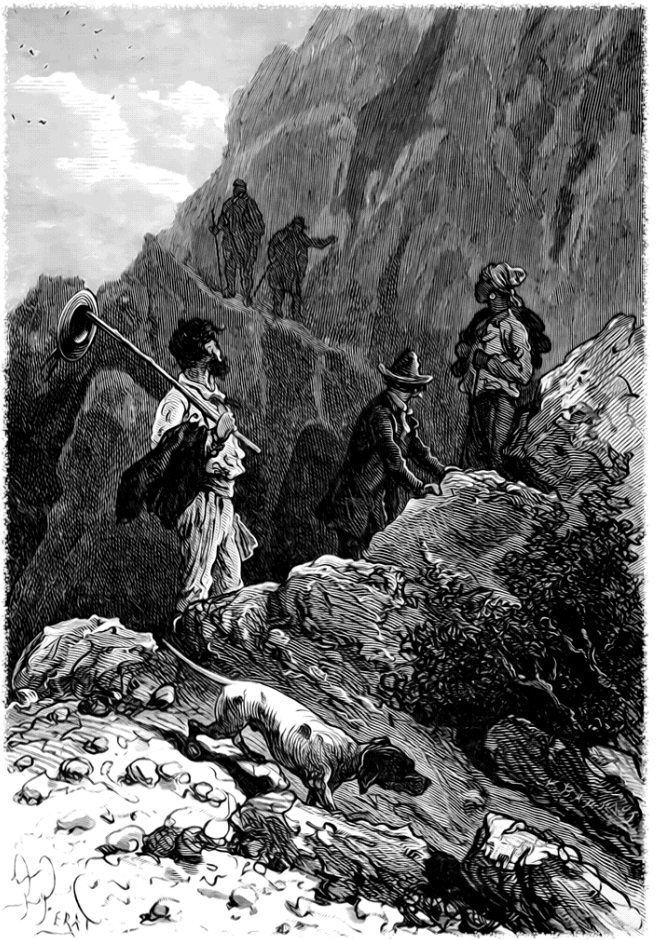
За завтраком все ели с завидным аппетитом и уничтожили весь запас дичи и орехов. Но Пенкрофа это нисколько не беспокоило — не беда, по дороге можно еще добыть провианта. Топ, наверно, не насытился своей скудной порцией и поднимет в лесу какую-нибудь дичь. Кроме того, моряк уже подумывал, не попросить ли инженера Смита изготовить пороху и парочку охотничьих ружей, — он считал, что для Сайреса Смита это не представит затруднений.

Уходя с места привала, Сайрес Смит предложил товарищам идти к Трущобам другой дорогой. Ему хотелось поближе познакомиться с озером Гранта, так красиво обрамленным деревьями. Стали спускаться по гребню одного из отрогов, меж которых, вероятно, брала начало речка, питавшая озеро. Дорогой наши колонисты вели разговор о своем острове, употребляя придуманные ими сообща названия, и легко понимали друг друга. Герберт и Пенкроф (первый — совсем еще мальчик, а второй — человек по-детски простодушный) были в восторге, и моряк, широко

шагая, говорил:

— Здорово-то как, Герберт, а? Теперь уж, голубчик, никогда не заблудишься. Хочешь — иди мимо озера Гранта, хочешь — через леса Дальнего Запада, к реке Благодарения, — все равно выйдешь к плато Кругозора, а значит, попадешь к бухте Соединения!

Путники решили, что дорогой можно разбиться на группы, но не очень отдаляться друг от друга. Весьма возможно, что в густых лесах на острове водятся хищные звери, и благоразумие требует держаться начеку. По большей части впереди шли трое — Пенкроф, Герберт и Наб, предшествуемые неутомимым Топом, который успевал обрыскать каждый кустик. Гедеон Спилет и Сайрес Смит шли вместе; журналист держал наготове свою записную книжку, чтоб занести в нее любое происшествие; молчаливый Сайрес спокойно шагал рядом с ним, отходя в сторону лишь для того, чтобы подобрать образцы минералов или сорвать какое-нибудь растение, и без лишних разговоров прятал то и другое в карман.



— Что это он там подбирает? — бормотал Пенкроф. — Я все смотрю, смотрю, а не вижу тут ничего дельного. Стоит нагибаться за такой ерундой!

Около десяти часов утра маленький отряд уже спускался по последним отрогам горного хребта. На склонах попадались лишь кусты да изредка одинокие деревья. Затем путь пошел по равнине длиною около мили, а дальше темнела опушка леса. Земля здесь была бугристая желтоватая, словно опаленная огнем, и повсюду были разбросаны извергнутые вулканом большие глыбы базальта, для охлаждения которого в земной коре согласно исследованиям Бишофа понадобилось триста пятьдесят миллионов лет. Однако нигде не замечалось следов лавы — некогда она изливалась главным образом по северному склону вулкана.

Сайрес Смит уже думал, что до речки, протекавшей, как он полагал, под деревьями, на краю долины, они дойдут без всяких приключений, как вдруг увидел, что, навстречу им опрометью бежит Герберт. Наба и моряка не видно было за скалами.

— Что у вас там, мальчик? — спросил Гедеон Спилет.

— Дым! — воскликнул Герберт. — Между скала-

ми, в ста шагах отсюда, дым поднимается!

— Значит, тут есть люди? — взволнованно сказал журналист.

— Не надо показываться им на глаза, пока не узнаем, с кем мы имеем дело, — предостерег товарищей инженер. — Может быть, на острове живут дикари, а встреча с ними, по-моему, более опасна, чем желательна. Где Топ?

— Убежал вперед.

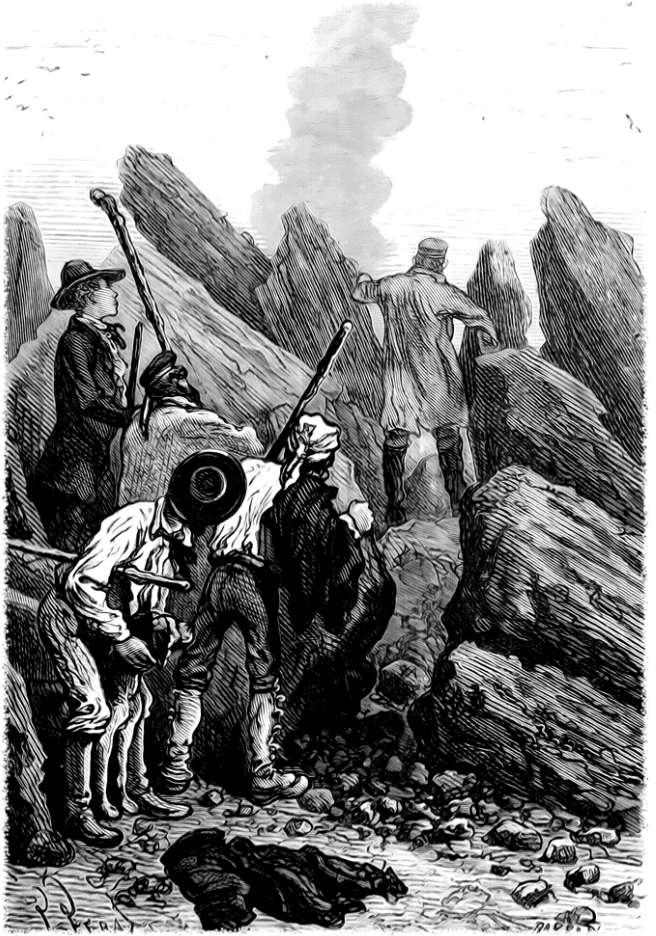
— И не лает?

— Нет.

— Странно. Постараемся все-таки позвать его.

Через несколько мгновений инженер, Гедеон Спилет и Герберт присоединились к товарищам и так же, как они спрятались за базальтовыми глыбами.

И тут все они явственно увидели, что в воздухе клубами поднимается дым характерного желтоватого цвета.



Инженер негромко присвистнул, подзывая Топа; собака тотчас подбежала к нему, и тогда Смит знаками велел товарищам подождать его, и тихонько стал пробираться между скалами.

Колонисты замерли, с тревогой ожидая результатов разведки, как вдруг послышался голос Сайреса Смита, громко окликавшего их, и они стремглав бросились к нему. Все четверо мигом очутились возле инженера и прежде всего были поражены неприятным едким запахом, пропитавшим воздух.

По этому запаху Сайрес Смит сразу догадался, откуда идет дым, сначала вызвавший у него тревогу, которая не лишена была оснований.

— Этот дым или, вернее, эти испарения — дело рук самой природы, — сказал он. — Нам просто-напросто встретился сернистый источник. Если у кого болит горло, пожалуйста, тут прекрасно можно излечиться.

— Эх, жаль! — воскликнул Пенкроф. — Жаль, что нет у меня простуды!

Путники направились к тому месту, откуда поднимался дым. Они увидали довольно обильный сернистый источник, бежавший между скалами; воды его, поглощая кислород из воздуха, издавали едкий запах сернистой кислоты.

Сайрес Смит окунул в источник руку и нашел, что вода маслянистая. Отпив глоток из горсти, он сказал, что у нее чуть сладковатый привкус, температура же ее, как он полагал, была девяносто пять градусов по Фаренгейту (35 градусов выше нуля по стоградусной шкале). Герберт спросил, на чем он основывает такое определение?

— Да просто на том, дитя мое, что, когда я опустил руку в источник, у меня не было ощущения холода, да и горячей вода мне тоже не показалась. Следовательно, у нее температура человеческого тела, то есть около девяносто пяти градусов по Фаренгейту.

Отметив на карте сернистый источник, пока не имевший для них практической ценности, колонисты направились к опушке густого леса, отстоявшего на несколько сот шагов дальше.

Как и предсказывал инженер, там бежала речка, быстрая речка с чистой, прозрачной водой; ее высокие берега были красноватого цвета, что свидетельствовало о наличии окиси железа в породах, из которых они состояли. По цвету берегов колонисты тут же дали речке название: «Красный ручей».

Да это и действительно был просто глубокий и светлый ручей, бравший начало в горах; то рав-

нинной дремотной речкой, то бурным горным потоком, то мирно протекая по песчаному дну, то с сердитым ревом прыгая по скалистый порогам или низвергаясь водопадом, одолевал он свой путь к озеру; ширина его была где тридцать, где сороке футов, а длина — полторы мили. Вода в нем оказалась пресная, и это позволяло предположить, что и в озере пресная вода. Обстоятельство это пришлось бы очень кстати, если б на берегах озера нашлось убежище более удобное, чем Трущобы.

Деревья, под сенью которых ручей пробегал несколько сот футов, по большей части принадлежали к породам распространенным в умеренном поясе Австралии и в Тасмании, и не похожи были на те хвойные деревья, которые встречались уже в исследованной части острова — в нескольких милях от плато Кругозора. В то время года, то есть в начале осени (в Южном полушарии апрель месяц соответствует нашему октябрю), они еще не лишились листвы. Больше всего тут росло казуарин и эвкалиптов; некоторые из этих пород весной, вероятно, давали сладкую манну, подобную восточной манне. На полянах вздымались купы могучих австралийских кедров, а вокруг рослая высокая трава, именуемая в Австралии

«туссок», но кокосовых пальм, которых так много на архипелагах Тихого океана, совсем не было — должно быть, остров отстоял, слишком далеко от тропиков.

— Как жаль! — сетовал Герберт. — Кокосовая пальма — очень полезное дерево, да и орехи у нее превкусные.

Птиц в лесу было множество, и они свободно порхали между ветками эвкалиптов и казуарин, — довольное жидкая зелень этих деревьев не мешала их полету. Черные, белые и серые какаду, пестрые попугаи всех цветов и оттенков, ярко-зеленые корольки с красным хохолком, небесно-голубые лори, — бесчисленное крылатое племя блистало красками, будто живая радуга, и поднимало оглушительный разноголосый гам.

Вдруг из зеленой чащи донеслись диковинные, нестройные звуки: то слышались звонкие птичьи трели, то кошачье мяуканье, то рычание зверя, то какое-то причмокиванье, как будто щелкал языком человек. Позабыв о всякой осторожности, Наб и Герберт бросились к кустам. К счастью, там не оказалось ни грозных хищников, ни притаившегося дикаря, а сидело на ветках полдюжины самых безобидных существ — певчих птиц пересмешников, которых называют «горные фазаны».

Несколько метких ударов дубинкой прекратили концерт этих имитаторов, а колонистам досталась на обед превосходная дичь.

Герберт указал своим спутникам на диких голубей, красавцев с бронзовыми крыльями, — одни украшены были великолепным хохолком, другие зеленым воротником, как их собратья на берегах залива Маккуори; но голуби и близко не подпустили к себе охотников так же, как вороны и сороки, улетевшие стаями. Выстрелив из ружья мелкой дробью, можно было бы уложить большое количество этих пернатых, но пока что у наших охотников не было не только дробовиков, не было у них ни копий, ни дротиков, ни пращей; впрочем, примитивное оружие вряд ли бы здесь помогло.

Беспомощность охотников сказалась еще яснее, когда мимо них пронеслась стая каких-то четвероногих; они мчались вприскочку и вдруг делали прыжок длиной футов в тридцать, словно взлетали на крыльях; они промчались через лес так быстро и прыгали так высоко, что казалось, будто они, как белки, проносились с дерева на дерево.

— Кенгуру! — воскликнул Герберт.

— А их едят? — тотчас справился Пенкроф.

— Потушить на медленном огне, так получишь кушанье вкуснее всякой дичи! — ответил журналист.

Не успел Гедеон Спилет договорить, как моряк, воодушевленный его словами, а вслед за ним и Наб и Герберт бросились вдогонку за кенгуру. Напрасно Сайрес Смит звал их, пытался остановить. Но тщетны оказались и попытки догнать кенгуру, которые на упругих своих ногах отскакивали от земли, словно резиновые мячи. Через пять минут охотники совсем запыхались, а кенгуру исчезли в чаще. Топа постигла такая же неудача, как и его хозяев.

— Мистер Сайрес, — сказал Пенкроф, когда Смит и Спилет догнали их. — Мистер Сайрес, сами видите, осязательно надо нам сделать ружья. В силах мы их сделать?

— Может быть, — ответил инженер. — Но прежде всего мы сделаем лук и стрелы. Я уверен, что вы научитесь так же ловко владеть ими, как австралийские охотники.

— Лук и стрелы? — с презрением переспросил Пенкроф. — Лук и стрелы — ребячья забава!

— Какой вы гордец, дружище, — заметил журналист. — А ведь долгие века люди пользовались этим оружием, и его было им достаточно, чтобы

обагрять мир кровью. Порох — совсем еще недавнее изобретение, а война, к несчастью, так же стара, как род человеческий!

— А ведь это верно, мистер Сайрес. Ей-богу, верно! Вот я всегда так — скажу не подумавши. Вы уж извините!

Но Герберт, страстно увлекавшийся естествознанием, своей любимой наукой, снова заговорил о кенгуру.

— Кстати сказать, — заявил он, — мы натолкнулись на таких кенгуру, которых поймать очень трудно. Это были огромные животные с пушистым серым мехом. Но, если не ошибаюсь, существуют кенгуру черные и кенгуру рыжие; есть еще горные кенгуру, есть кенгуру-крысы. С ними гораздо легче совладать. Всего насчитывают двенадцать видов кенгуру…

— Герберт, — наставительно сказал моряк, — для меня существует только один вид кенгуру, называется он «жареный кенгуру», а вот его-то как раз нам с тобой не досталось.

Все невольно рассмеялись, услышав эту новую научную классификацию, созданную Пенкрофом. Добряк не скрывал своей досады, думая о том, что пообедать придется только певчими фазанами, но судьба еще раз смилостивилась над ним.

В самом деле, Топ, чувствовавший, что тут затронуты и его собственные интересы, рыскал по всем кустам; голод еще обострил его чутье. Возможно, он прежде всего заботился о самом себе, и если б схватил зубами какую-нибудь дичь, охотникам ничего бы не досталось однако Наб предусмотрительно следил за ним.

Время приближалось к трем часам дня; вдруг собака нырнула в густые заросли кустарника, и вскоре глухое рычание показало, что она схватилась с каким-то животным.

Наб кинулся к месту сражения и увидел, что Топ пожирает какую-то зверушку. Через десять секунд уже нельзя было бы узнать, какую, — она исчезла бы в желудке Топа. К счастью, собака натолкнулась на целый выводок, — на земле лежали бездыханными два других грызуна (добыча Топа принадлежала к породе грызунов).

Наб, торжествуя, вышел из кустов, держа в каждой руке будущее жаркое. Зверьки были крупнее зайца и покрыты желтой шкурой с зеленоватыми подпалинами. Хвост же у них был очень куцый, можно сказать зачаточный.

Наши охотники, как жители Соединенных Штатов, сразу узнали в этих зверьках марасов — разновидность агути, но несколько круп-

нее своих собратьев, живущих в тропических странах; марасы — настоящие американские кролики, длинноухие зверьки, вооруженные с каждой стороны челюстей пятью коренными зубами, что как раз и отличает их от агути.

— Ура! — крикнул Пенкроф. — Жаркое имеется! Теперь не стыдно и домой возвратиться!

Прерванное ненадолго путешествие возобновилось. Колонисты по-прежнему шли берегом Красного ручья, несшего свои прозрачные, чистые воды под нависшим сплетением ветвей казуарин, банксий и гигантских каучуковых деревьев. Великолепные лилейные растения, достигавшие двадцати футов высоты, и какие-то незнакомые юному натуралисту древовидные кустарники склонялись к ручью, журчавшему под сенью зеленых сводов.

Ручей заметно становился шире, Сайресу Смиту казалось, что они уже приближаются к устью. И в самом деле, лишь только колонисты вышли из лесной чащи, где они дивились прекрасным деревьям, показалось и устье Красного ручья.

Исследователи вышли к западному берегу озера Гранта. На озеро действительно стоило посмотреть. Оно достигало почти семи миль в окружности, а площадь его равнялась двумстам

пятидесяти акрам; спокойную водную гладь окаймляли самые разнообразные деревья. С восточной стороны сквозь живописные просветы местами сверкало на солнце море. Северный берег озера изгибался плавной дугой, представлявшей контраст с резкими очертаниями южной его оконечности. На этом маленьком Онтарио собралось множество водяных птиц. В нескольких стах футах от южного берега из воды выступала одна-единственная скала, заменявшая собой «тысячу островов», которыми славится озеро того же названия в Соединенных Штатах. Здесь жили десятки супружеских пар зимородков-рыболовов; стоя на каком-нибудь прибрежном камне, важные, неподвижные, они подстерегали проплывавшую мимо рыбу, вдруг с пронзительным криком бросались в воду и, нырнув, через мгновение взлетали, держа добычу в клюве. А дальше, на берегах и в островке, чинно расхаживали дикие утки, пеликаны, водяные курочки, красноголовки, щурки, которых природа наделила языком в виде кисточки, два-три представителя лирохвостов, красивейшей породы пернатых, у которых хвостовые перья изящно загнуты в виде лиры.

Вода в озере оказалась пресной, прозрачной и

синеватой; а взглянув на пузырьки, в изобилии поднимавшиеся на поверхность воды, и на широко расплывавшиеся по ней круги, можно было с уверенностью сказать, что в озере этом очень много рыбы.

— А право, прекрасное озеро! — восхитился Гедеон Спилет. — Вот бы здесь пожить!

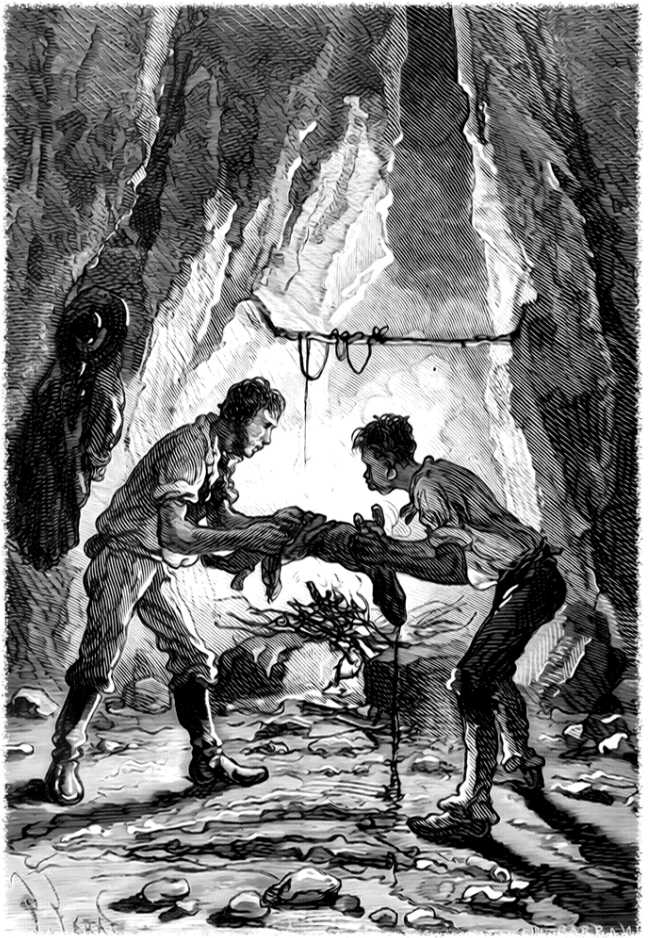
— Поживем! — лаконично ответил Сайрес Смит.

Желая вернуться в Трущобы кратчайшим путем, путники дошли до южного конца озера, где берега сходились под углом. Не без труда прокладывая себе дорогу в лесных зарослях, которых еще не касалась рука человека, они двинулись дальше к побережью, держа направление на южную часть плато Кругозора. В эту сторону они прошли две мили; наконец раздвинулась последняя завеса деревьев, и перед глазами путников возникло плато, зеленевшее густой травой, и необъятная ширь океана.

Чтобы возвратиться в Трущобы, достаточно было пересечь наискось плато и спуститься по его склону к первой излучине реки Благодарения. Но инженеру хотелось знать, где и как вытекают из озера избыточные воды, а поэтому исследователи прошли под деревьями еще полторы мили

к северу. В самом деле, было весьма вероятно, что где-то существовал сток; возможно, вода вытекала через расселину гранитной стены. Ведь озеро представляло собой огромную каменную впадину, которую Красный ручей постепенно наполнил водой; значит, избыток ее должен был где-то стекать к морю, низвергаясь водопадом. «Если это действительно так, — думал инженер, — то, может быть, удастся воспользоваться силой водопада, которая до сих пор пропадала зря, никому не принося пользы». Итак, исследование берегов озера Гранта продолжалось. Прошли по горному плато на север еще полторы мили, но вопреки своим ожиданиям Сайрес Смит нигде не обнаружил стока воды.

Стрелка часов уже показывала половину пятого. Пора было возвращаться в убежище, приготовить на очаге обед. Маленький отряд повернул обратно, и по левому берегу реки Благодарения Сайрес Смит и его товарищи дошли, наконец, до Трущоб.



Разожгли огонь. Наб и Пенкроф оказались заправскими поварами — один благодаря кулинарным способностям, свойственным неграм, а другой — как и подобает моряку, который все умеет делать; они быстро приготовили жаркое из своей охотничьей добычи, и все оказали ему честь.

После ужина, когда путники уже собирались ложиться спать, Сайрес Смит вытащил из кармана камешки — образцы различных минералов — и коротко пояснил:

— Смотрите, друзья. Вот это — железная руда, это — пирит, это — глина, это — известняк, это — уголь. Вот чем богата здесь природа. Это ее вклад в наше общее дело. Завтра очередь за нами.

ГЛАВА XIII

Что носил на себе Топ. — Лук и стрелы. — Кирпичный завод. — Гончарная печь. — Кухонная утварь. — Первая похлебка. — Полынь. — Южный Крест. — Важное астрономическое наблюдение

— Ну что ж, мистер Сайрес, с чего начнем? — спросил на следующее утро Пенкроф.

— С самого начала, — ответил инженер.

Действительно, островитянам пришлось начинать с самого начала. У них не было никаких инструментов для изготовления необходимейшей утвари; не могли они также подражать природе, у которой впереди очень много времени, и поэтому она не торопится, сберегая свои силы. У них как раз не было времени; борясь за свое существование, они должны были немедленно изготовить очень многое, и если не делать изобретения на каждом шагу, то по крайней мере воспользоваться опытом других людей. Для них железо и сталь существовали еще в состоянии минералов, гончарные изделия пока еще были просто глиной, а для одежды им предстояло еще найти материал. Надо, однако, сказать, что наши островитяне были действительно людьми в лучшем, в самом высоком значении этого слова. Инженер Смит не мог и желать себе более толковых и усердных помощников, более преданных товарищей. Он побеседовал с каждым и знал их способности и склонности.

Гедеон Спилет, талантливый журналист, изучил очень многое, чтоб иметь возможность говорить в своих статьях обо всем; он и умом и руками должен помочь устройству колонии на острове. Спилет справится с любой задачей, а

так как он страстный охотник, то пусть охота, которая до сих пор была для него развлечением, станет отныне его обязанностью.

Герберт — славный мальчик, обладающий большими познаниями в естественной истории; он окажет серьезную помощь общему делу.

Наб — это воплощенная преданность. Умный, ловкий и неутомимый, силач, обладающий железным здоровьем, он к тому же понимал толк в кузнечном деле. Наб, конечно, будет очень полезен колонии.

Пенкроф плавал по всем морям и океанам, плотничал на кораблестроительных верфях в Бруклине, бывал и подручным портного на государственных кораблях, садовником и землепашцем, когда приезжал на побывку домой, — словом, как и подобает моряку, он был мастер на все руки.

Право, тут словно нарочно подобралась пятерка товарищей, способных бороться с судьбой и победить ее.

«Начнем с самого начала», — сказал Сайрес Смит. Этим началом было устройство важного приспособления для обработки минерального сырья, которое давало природа. Известно, какую роль в этой обработке играет высокая темпера-

тура. Топлива — как дров, так и каменного угля — имелось достаточно. Нужно было только сложить печь.

— А для чего эта печь? — спросил Пенкроф.

— Понаделаем себе всяких горшков. Они нам очень нужны, — ответил Сайрес Смит.

— А из чего печь сложим?

— Из кирпичей.

— А кирпичи из чего сделаем?

— Из глины. В дорогу, друзья! Чтобы зря сырье не перетаскивать, давайте устроим мастерские на месте его добычи. Наб принесет нам провизии, а уж огня для приготовления пищи у нас будет достаточно.

— Прекрасно, — заметил журналист. — Огня будет достаточно, а вот пищи может и не быть, раз нет оружия для охоты.

— Эх, если б хоть самый обыкновенный ножик был! — вздохнул моряк.

— Что тогда? — спросил Сайрес Смит.

— Как что? Да я бы живо сделал лук и стрелы. И было бы у нас к столу сколько угодно дичи!

— Да… нож, какое-нибудь лезвие, — задумчиво произнес инженер, будто разговаривая сам с собой.

Взгляд его случайно упал на Топа, сновавшего

по берегу. Глаза Сайреса Смита заблестели.

— Топ, сюда! — крикнул он.

Пес подбежал к хозяину. Сайрес Смит обхватил руками голову собаки, расстегнул ошейник и, разломав его пополам, сказал:

— Вот вам, Пенкроф, два ножа!

В ответ моряк дважды крикнул «ура». Ошейник Топа сделан был из тонкой полосы закаленной стали. Достаточно было наточить ее о камень, чтобы получилось острое лезвие, а потом снять шероховатость осколком мелкозернистого песчаника. Такие камни в изобилии встречались на берегу, и два часа спустя в колонии уже имелось два острых клинка, к ним легко было приделать по прочной рукоятке.

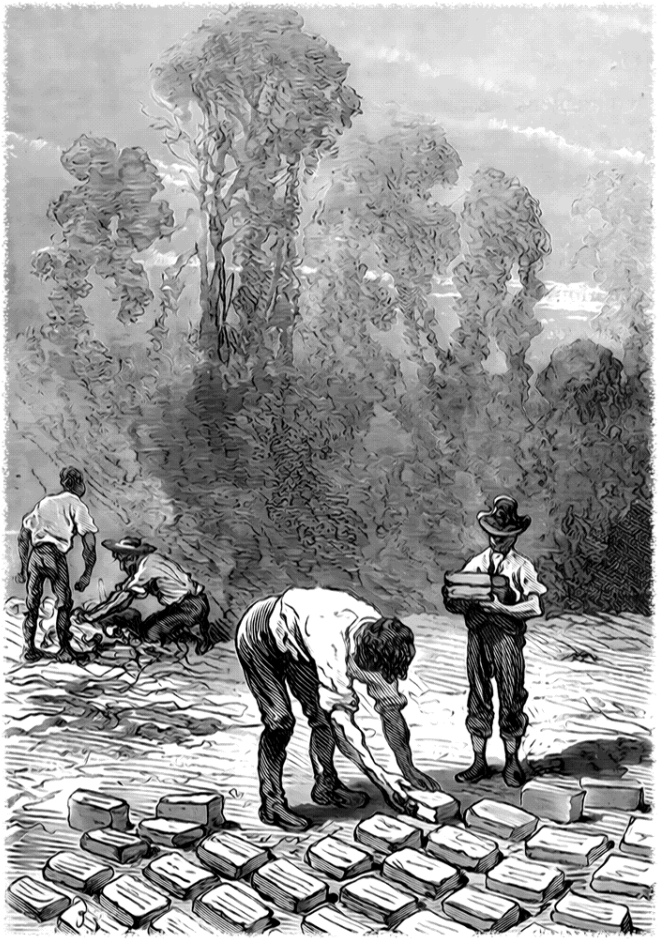
Появление первого орудия было встречено ликованием, как большая победа. Да это и действительно было победой, и притом, одержанной вовремя.

Двинулись в путь. Сайрес Смит повел товарищей на западный берег озера, туда, где он вчера заметил много глины, образец которой захватил с собой. Сначала шли вдоль реки Благодарения, потом пересекли плато Кругозора и, пройдя около пяти миль, остановились на поляне, в двухстах шагах от озера Гранта.

Дорогой Герберт нашел дерево, из ветвей которого индейцы в Южной Америке делают луки. Это дерево — крехимба — принадлежит к семейству пальмовых, но не приносит съедобных плодов. Выбрав длинные и ровные ветви, Пенкроф срезал их, ободрал листья, потом подстрогал ветки на концах так, чтобы посередине они были толще и крепче; оставалось только найти растение, пригодное для тетивы. Растение это, принадлежащее к семейству мальвовых, к роду гибиска, имеет замечательно прочные волокна, которые по прочности, пожалуй, не уступают сухожилиям животных. Так Пенкроф изготовил довольно основательные луки; не хватало только стрел. Правда, стрелы нетрудно сделать из твердых и прямых веток без сучков, но как их снабдить острыми наконечниками? Ведь материал, который мог бы заменить железо вряд ли будет легко найти. Пенкроф утешал себя мыслью, что он потрудился на совесть, а во всем остальном поможет случай.

Островитяне пришли на то место, которое они обследовали накануне. Почва здесь состояла из красной глины, которая идет на выделку кирпича и черепицы, и, следовательно, колонисты вполне могли осуществить свой замысел. Рабочие руки

имелись. Производство кирпича дело не такое уж сложное. Надобно было глину замесить с песком, слепить кирпичи и обжечь их в огне большого костра.



Обычно кирпичи делают при помощи форм, но колонистам пришлось заняться формовкой голыми руками. Весь день, до темноты, и весь следующий день посвятили выделке кирпичей. Глину, смоченную водой, месили и руками и ногами, потом массу делили на бруски равной величины. Опытный рабочий может за двенадцать часов изготовить вручную до десяти тысяч кирпичей, но пять наших мастеров на острове Линкольна за два дня работы сделали не больше трех тысяч штук; сырые кирпичи уложили рядами, так им следовало лежать, чтобы как следует высохнуть, три-четыре дня, а затем можно было приступить к обжигу.

Второго апреля днем Сайрес Смит предпринял попытку определить положение острова в отношении сторон света.

Накануне он точно заметил время, когда закатилось солнце, учтя при этом и явление рефракции. А утром 2 апреля он не менее точно установил время восхода солнца. От заката до восхода прошло двенадцать часов; двадцать четыре минуты. Итак, через шесть часов и двенадцать минут после восхода в тот день солнце должно было пройти через меридиан острова, и точка, на которой оно в тот момент окажется в небе, и

будет указывать, где находится север.[6]

В назначенное время Сайрес заметил эту точку в небе и проведя мысленно линию от солнца через два дерева, которые он избрал вехами, получил постоянный меридиан для своих астрономических наблюдений.

Перед обжигом кирпичей два дня запасали топливо. Обломали ветки на деревьях, окружавших поляну, собрали весь валежник в ближайших уголках леса. Собирая топливо, конечно, и поохотились в окрестностях, тем более что у Пенкрофа появилось теперь несколько десятков стрел с очень острыми наконечниками. Добыл их не кто иной, как верный Топ: он притащил из лесу дикобраза — животное, не очень годное для еды, но оказавшееся весьма ценным своими иглами. Иглы насадили на тонкий конец стрел, а другой конец оперили, приладив к нему перья хохлатого попугая, чтобы стрела летела ровнее. Герберт и журналист очень скоро научились превосходно стрелять из лука, и теперь в Трущобах не переводилась самая разнообразная дичь: водосвинки, голуби, агути, глухари и т. д. Удачнее всего охота шла на левом берегу реки Благодарения, в лесу,

[6] Примечания: 6

Действительно, в то время года и на той широте солнце всходило в 5 час. 53 мин. утра и заходило в 6 час. 17 мин. вечера. *(Примеч. автора.)*

который назвали лесом Жакамара в честь той птицы, которую Пенкроф и Герберт безуспешно преследовали в первый день знакомства с островом.

Дичь съедали жареной, но окорока дикого кабана закоптили в дыму костра из зеленых веток, предварительно нашпиговав мясо душистыми травами. Словом, ели наши островитяне очень сытно, но пища была однообразная, жареное мясо им надоело, все мечтали о супе и хотели услышать, как булькает на огне горшок с похлебкой. Однако варить ее было не в чем, приходилось ждать, пока сложат гончарную печь и обожгут в ней горшки.

Во время своих походов по ближайшим окрестностям «кирпичного завода» охотники заметили свежие следы каких-то крупных зверей, вооруженных могучими когтями, но какие это были звери, определить не могли. Сайрес Смит наказывал товарищам соблюдать осторожность — ведь в лесу они могли столкнуться с какими-нибудь опасными хищниками.

Совет пришелся кстати. Однажды Гедеон Спилет и Герберт видели зверя, похожего на ягуара. К счастью, хищник не напал на них, иначе охотникам пришлось бы плохо. Гедеон Спилет дал

себе слово, что, как только у них будет «серьезное снаряжение», то есть ружья которых все требовал Пенкроф, он поведет непримиримую, войну против диких зверей и избавит от них остров.

В эти дни колонисты не занимались благоустройством своего убежища в Трущобах, так как инженер надеялся что им удастся отыскать или построить себе более удобное жилище. Пока удовлетворились тем, что в коридорах на песке положили подстилки из мха и сухих листьев. На таких довольно жестких постелях усталым труженикам спалось прекрасно.

Подсчитали, сколько дней они уже провели на острове Линкольна, и решили впредь вести им точный счет. Пятого апреля, в среду, исполнилось двенадцать дней с того времени, как ураган забросил их на этот остров.

Шестого апреля, на рассвете, инженер и его товарищи собрались на той поляне, где они намеревались обжигать кирпич. Разумеется, эту операцию решили произвести под открытым небом, а не в печах, или, лучше сказать, сложили кирпичи клеткой, чтобы она представляла собой огромную печь, где обжиг производился бы сам собою. На земле аккуратно уложили вязанки хвороста, а вокруг в несколько ярусов поставили друг

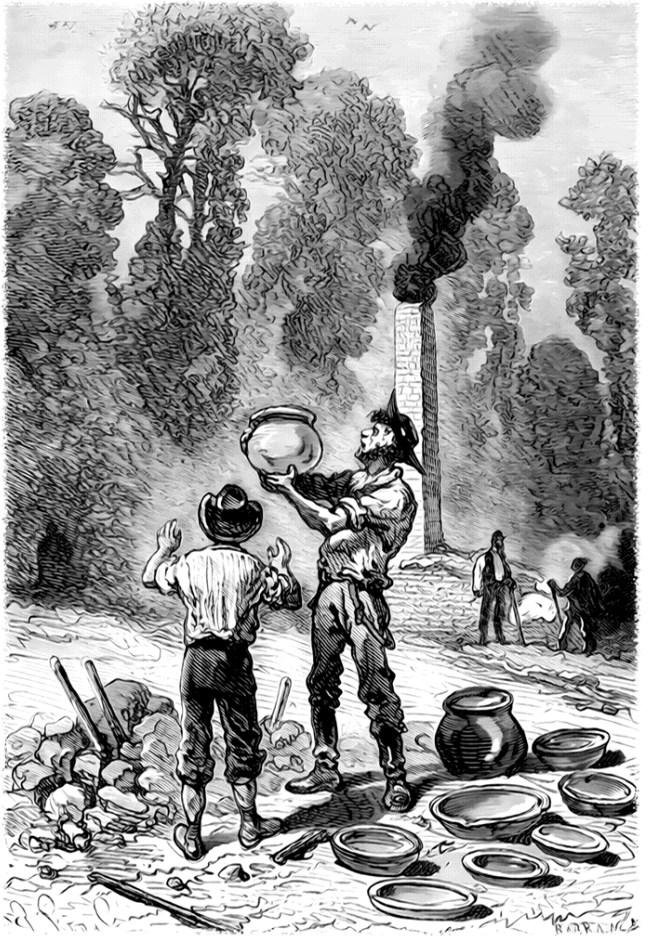
на друга высохшие кирпичи, так что получился куб, в котором оставили продушины. Работа заняла весь день, и только к вечеру зажгли хворост.

Ночью никто не ложился спать — следили за тем, чтобы огонь не ослабевал.

Обжиг шел двое суток и удался прекрасно. Затем раскаленной башне дали остынуть, а тем временем Наб и Пенкроф, по указанию Сайреса Смита, сделав из часто переплетенных веток носилки, притащили на них в несколько приемов изрядную груду известняка, весьма распространенной горной породы, которой оказалось очень много на северном берегу озера. Из этих камней, рассыпавшихся при прокаливании их на огне, получилась жирная негашеная известь, которая сильно вздувалась и бурлила при гашении, — известь такая же чистая, как та, что получается при обжигании мрамора или мела. Смешивая полужидкий раствор гашеной извести с песком, который не давал ей затвердевать слишком быстро, наши колонисты получали превосходное цементирующее вещество.

Девятого апреля в результате всех этих работ в распоряжении Смита уже было некоторое количество гашеной извести и несколько тысяч кирпичей.

Тогда принялись, не теряя ни минуты, складывать печь для обжига всяких гончарных изделий, необходимых в домашнем быту. С кладкой печи справились без особого труда. Через пять дней в топку заложили каменный уголь (Сайрес Смит нашел около устья Красного ручья залежи угля, выходившие прямо на поверхность земли), и из трубы высотою в двадцать футов поднялся первый столб дыма. Поляна превращалась в завод, и Пенкроф уже недалек был от мысли, что из этой печи выйдут все изделия современной промышленности.



В первую очередь вылепили самую обыкновенную глиняную посуду, сделанную довольно грубо, но вполне пригодную для варки пищи. Сырьем для горшечных изделий послужила та же глина, что и для кирпичей, но к ной Сайрес Смит велел добавить немного извести и кварца. Получилась настоящая гончарная глина, из которой понаделали горшков, чашек, формуя их во впадинах камней, понаделали тарелок, мисок, больших чанов для воды и т. д. Все эти изделия выходили неуклюжими, кособокими, кривыми, но когда их подвергли обжигу в печи при высокой температуре, то у колонистов появилась необходимая утварь, которая сейчас была для них дороже самых изящных фарфоровых сервизов.

Нелишним будет упомянуть, что Пенкроф, желая узнать, годится ли эта глина для выделки трубок-носогреек, сделал их себе несколько штук; трубки вышли в достаточной мере безобразными, но Пенкроф счел, что они превосходны. Увы! Курить в них было нечего: табаку на острове не обнаружили. Немалое лишение для Пенкрофа!

— Ничего! Будет у нас и табак. Все будет, — говорил Пенкроф, полный непоколебимой уверенности.

Гончарные работы шли до 15 апреля. Понятно,

колонисты зря время не теряли: став горшечниками, они добросовестно выделывали горшки. А понадобись Сайресу Смиту обратить их в кузнецов, они с таким же усердием работали бы в кузнице. Но на следующий день, 16 апреля, было воскресенье, даже пасхальное воскресенье, и все решили посвятить этот день отдыху. Эти пятеро американцев были людьми благочестивыми, соблюдали предписания Библии, а при теперешнем положении в их сердцах лишь возросла вера в творца всего сущего.

Вечером 15 апреля они возвратились в Трущобы захватив с собою последнюю партию горшков и загасив печь до новых работ. На обратном пути в убежище было сделано приятное открытие — Сайрес Смит нашел растение, которое могло заменить трут. Как известно, губчатые, бархатистые кусочки трута представляют собою высушенную мякоть грибов из семейства Polyporaceae; соответствующим образом обработанная, она мгновенно вспыхивает от искры, особенно если ее пропитать порохом или прокипятить в растворе азотнокислой соли или хлорнокислого калия. Но пока что колонистам не попадался ни один из трутовых грибов и даже сморчки, которые могли бы заменить их. И вот

в тот день инженер увидел растение, принадлежащее к роду полынных, главными видами которых являются полынь, мелисса, эстрагон и их собратья; сорвав пучок этой травы, Сайрес Смит протянул его моряку:

— Держите, Пенкроф. Травка эта доставит вам удовольствие.

Пенкроф стал внимательно рассматривать растение; стебли были густо покрыты шелковистыми длинными волосками, а листья — беловатым пушком.

— Эге! Что это такое, мистер Сайрес? Неужели табак? — спросил Пенкроф.

— Нет, — ответил Сайрес Смит. — По-ученому говоря, это растение «артемизия», в просторечии — китайский чернобыльник, а для нас оно станет трутом.

И в самом деле, высушенный чернобыльник очень легко воспламеняется; он прекрасно заменил трут нашим колонистам, в особенности когда инженер позднее стал пропитывать его раствором азотнокислой соли калия — на острове оказались целые залежи этого вещества, которое является не чем иным, как селитрой.

В тот вечер колонисты, собравшись в средней «комнате» своего пристанища, неплохо

поужинали. Наб приготовил бульон из агути, окорок дикого кабана, сдобренный душистыми травами, и подал к нему вареные клубни caladium macrorhizum, травянистого растения из семейства ароидных, которое в тропической зоне принимает древовидную форму. Клубни его очень вкусны, очень питательны и напоминают так называемое портландское саго, которое продают в Англии; в известной мере это кушанье могло заменить хлеб, ибо у колонистов острова Линкольна хлеба пока еще не было.

Поужинав, Сайрес Смит и его сотоварищи пошли на берег моря подышать чистым воздухом. Было восемь часов вечера. Близилась прекрасная тихая ночь. Луна, пять дней назад вступившая в фазу полнолуния, еще не поднялась, но на горизонте уже серебрилось нежное, бледное сияние — его можно назвать лунной зарей. Высоко в небе блистали околополюсные созвездия, и ярче всех горел Южный Крест, которым Сайрес Смит недавно любовался с вершины горы Франклина.

И сейчас Сайрес долго смотрел на это великолепное созвездие, где вверху и внизу сверкают две звезды первой величины, слева — звезда второй величины, а справа — третьей величины.

Подумав, он сказал:

— Герберт, сегодня у нас пятнадцатое апреля?

— Да, мистер Сайрес, — ответил юноша.

— Так вот, шестнадцатого апреля, если не ошибаюсь, настанет один из тех четырех дней в году, когда истинное время совпадает со средним временем, то есть завтра в полдень по часам (разница может быть лишь в несколько секунд) солнце пересечет меридиан данной местности. Если погода побалует нас ясным днем, думаю, мне удастся определить, на какой долготе находится остров, с точностью в несколько градусов.

— Без приборов, без секстана? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, — ответил инженер. — А если к ночи небо не затянут облака, я попытаюсь нынче же вечером установить и нашу широту, высчитав, как высоко над горизонтом стоит Южный Крест — созвездие Южного полюса. Вы ведь хорошо понимаете, друзья, что прежде чем, приняться за большие работы и устраиваться здесь надолго, надо по возможности определить, на каком расстоянии находится наш остров от Америки, от Австралии или от главных архипелагов Тихого океана.

— Вы правы, — заметил Гедеон Спилет. — Вместо того чтобы строить дом, для нас, возможно,

важнее будет построить корабль — если вдруг окажется, что мы всего лишь в нескольких стах милях от каких-нибудь обитаемых берегов.

— Вот потому-то я и хочу попробовать нынче же вечером определить, на какой широте находится остров Линкольна. А завтра в полдень попробую высчитать и его долготу.

Будь у инженера Смита секстан, прибор, позволяющий с большой точностью определять угловые расстояния по углу отражения предметов, задача не представляла бы для него никакой трудности. Вечером по высоте полюса над горизонтом, а завтра в полдень по прохождению солнца через меридиан данной местности он определил бы координаты острова. Но секстана не имелось, надо было чем-нибудь его заменить.

Сайрес Смит возвратился в Трущобы. При свете огня, пылавшего в очаге, он выстрогал две равных линеечки и, соединив их друг с другом, сделал нечто вроде циркуля, ножки которого можно было сдвигать и раздвигать; скрепил он линейки при помощи шипа акации, срезав его с сухой ветки, лежавшей в груде хвороста.

С этим инструментом инженер опять отправился на берег моря; надо было вычислить высоту полюса над горизонтом, для чего следовало

выбрать наиболее четкий, а именно морской горизонт; мыс Коготь закрывал южную сторону горизонта, и Сайресу Смиту пришлось искать более удобное место для наблюдения. Лучше всего было бы выйти на берег, обращенный прямо к югу, но для этого пришлось бы переправляться через довольно глубокую реку Благодарения, что представляло немалое препятствие.

Взвесив все обстоятельства, Сайрес Смит решил избрать своей обсерваторией плато Кругозора, учтя при вычислениях его высоту над уровнем моря, а высоту эту он рассчитывал определить завтра, путем применения элементарных теорий геометрии.

Пройдя по левому берегу реки Благодарения, колонисты поднялись на плато и устроили наблюдательный пункт у того края, который шел с северо-запада на юго-восток, то есть над грядой причудливых утесов, окаймлявших берег реки.

Эта часть плато поднималась на пятьдесят футов выше скалистых холмов правого берега, склоны которых шли к мысу Коготь и к южному берегу острова. Следовательно, ничто не заслоняло от наблюдателя полукружие горизонта от мыса Коготь до Змеиного мыса. На юге линия горизонта, освещенного первыми лучами вос-

ходящей луны, резко разграничивала море и небо, что должно было способствовать точности вычислений.

Южный Крест предстал перед наблюдателем как бы вверх ногами — звезда альфа этого созвездия оказалась внизу, то есть ближе всех к Южному полюсу.

Созвездие Южного Креста отстоит от Южного полюса дальше, чем Полярная звезда от Северного. Альфа Южного Креста находится от полюса приблизительно на расстоянии в двадцать семь градусов. Но Сайрес Смит это знал и решил принять во внимание при своих выкладках. Он постарался также провести наблюдение в тот момент, когда ближайшая к полюсу звезда — альфа Южного Креста — проходит меридиан острова, что должно было облегчить наблюдение.

Сайрес Смит направил один конец своего деревянного циркуля на линию горизонта, а другой на альфу Южного Креста, словно наставил на них угломер; расстояние между двумя ножками циркуля соответствовало углу между альфой и горизонтом. Желая прочно зафиксировать полученный угол, Сайрес Смит прикрепил при помощи шипов обе планки своего прибора к поперечной перекладине, чтобы расстояние между

ними не менялось.

После этого оставалось лишь вычислить полученный угол, приняв во внимание, что наблюдение производилось не на уровне моря, а для этого требовалось определить, как высоко стоит плато Кругозора. Величина угла должна была дать высоту альфы Южного Креста, а следовательно, и высоту полюса над горизонтом, то есть широту острова, ибо географическая широта какой-либо точки земного шара всегда равна высоте полюса над горизонтом в этой точке.

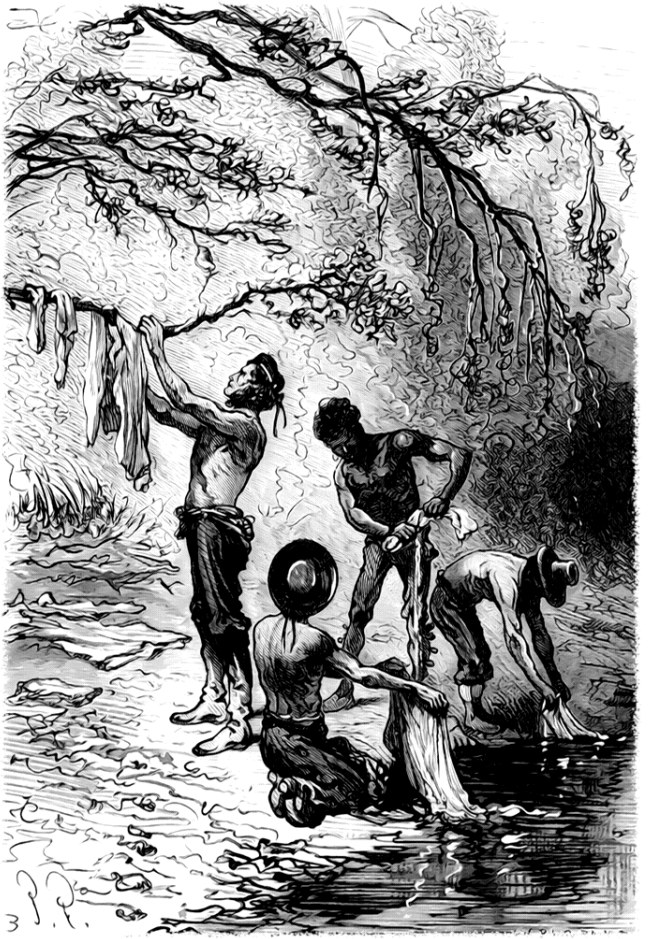
Вычисления эти были отложены до завтра, и в десять часов вечера все колонисты уже спали крепким сном.

ГЛАВА XIV

Высота гранитной стены. — Применение теоремы о подобных треугольниках. — Географическая широта острова. — Экспедиция в северную часть острова. — Устричная отмель. — Планы на будущее. — Солнце проходит через меридиан. — Координаты острова Линкольна

На следующий день, 16 апреля, в пасхальное воскресенье, колонисты уже на рассвете вышли

из убежища и принялись стирать свое белье, выколачивать и чистить платье. Инженер собирался сварить мыло, как только найдутся необходимые для этого составные части — сода или поташ, сало или какое-либо растительное масло. Важный вопрос пополнения гардероба тоже предполагалось разрешить в свое время. Одежда, даже при физическом труде ее хозяев, могла еще продержаться с полгода, так как была сшита из прочных тканей. Пока самым главным было установить, как далеко находится остров от обитаемых берегов, и колонисты хотели сделать это в тот же день, если позволит погода.



Солнце, поднимавшееся над горизонтом, сулило превосходный день, один из тех чудесных осенних дней, когда лето как будто возвращается на краткий миг, чтобы проститься с землей.

Нужно было дополнить данные вчерашних наблюдений, измерив высоту плато Кругозора над уровнем моря.

— Вам, наверно, понадобится измерительный прибор вроде вчерашнего? — спросил инженера Герберт.

— Нет, дитя мое, — ответил Сайрес Смит, — мы применим другой прием, обеспечивающий, пожалуй, не меньшую точность.

Герберт, юноша чрезвычайно любознательный, всегда стремившийся узнать что-нибудь новое, отправился вместе с инженером. Сайрес Смит отошел от гранитной стены к краю берега. Тем временем Пенкроф, Наб и журналист заняты были другими делами.

Сайрес Смит захватил с собою прямую ровную жердь длиной около двенадцати футов — длину он определил по собственному росту, который он знал совершенно точно. Герберту Сайрес Смит поручил нести отвес — то есть гибкую лиану, к концу которой был привешен обыкновенный камень.

Остановившись шагах в двадцати от кромки моря и шагах в пятистах от гранитного кряжа, Сайрес Смит воткнул жердь в песок и старательно выпрямил ее, добившись путем выверки отвесом, чтобы она стояла перпендикулярно к плоскости горизонта.

Сделав это, Сайрес Смит отошел и лег на землю на таком расстоянии, чтобы в поле его зрения находился и верхний конец жерди и гребень гранитной стены. Это место он отметил на песке колышком и, повернувшись к Герберту, спросил:

— Ты знаком с геометрией?

— Немножко, мистер Сайрес, — ответил Герберт, боясь попасть впросак.

— Помнишь свойства подобных треугольников?

— Да, — ответил юноша, — у подобных треугольников соответствующие стороны пропорциональны друг другу.

— Так вот, дитя мое, у меня тут два подобных прямоугольных треугольника, — один поменьше, в нем двумя сторонами будут: жердь, воткнутая перпендикулярно в песок, и прямая, равная расстоянию от нижнего конца жерди до колышка, а гипотенузой — мой луч зрения; у второго треугольника сторонами явятся: отвесная линия

гранитной стены, высоту которой нам нужно измерить, расстояние от колышка до подошвы стены, а в качестве гипотенузы — мой луч зрения, то есть продолжение гипотенузы первого треугольника.

— Понял, мистер Сайрес! Я все понял! — воскликнул Герберт. — Расстояние от колышка до жерди пропорционально расстоянию от колышка до подошвы стены, а высота жерди пропорциональна высоте стены.

— Правильно, Герберт, — подтвердил инженер. — И когда мы измерим оба расстояния от колышка, то, зная высоту жерди, мы быстро решим пропорцию и таким образом узнаем высоту стены, что избавит нас от труда измерять ее непосредственно.

Основания обоих треугольников были измерены при помощи той же самой жерди, высота которой над поверхностью песка равнялась десяти футам; оказалось, что расстояние между колышком и жердью — пятнадцать футов, а расстояние между колышком и подошвой стены пятьсот футов.

Закончив измерения, Сайрес Смит и юноша возвратились в Трущобы.

Там инженер взял плоский камень, принесен-

ный им из прежних экспедиций, нечто вроде шиферного сланца, на котором легко было нацарапать цифры остроконечной ракушкой. И на этой аспидной доске Сайрес Смит составил следующую пропорцию:

15: 500 = 10: x

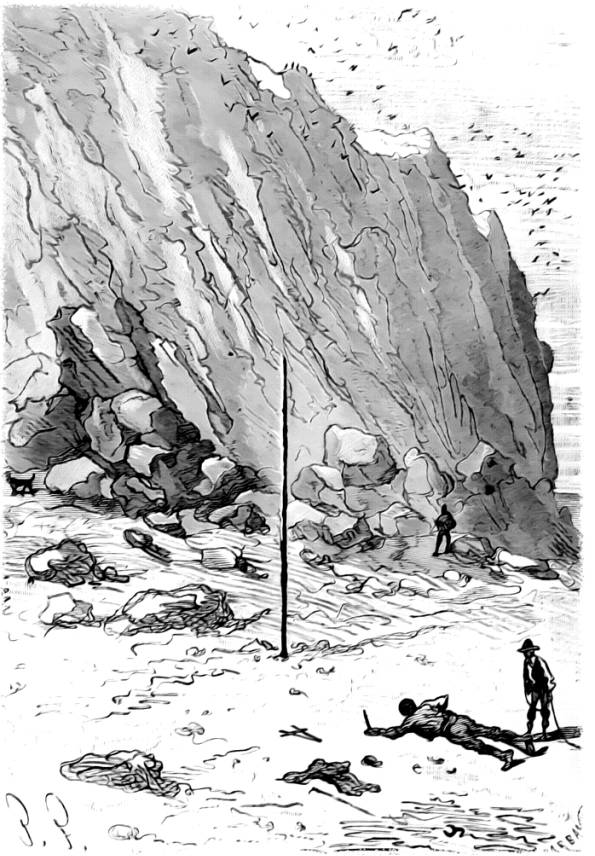
500 * 10 = 5000

5000 / 15 = 333,33

Следовательно, высота гранитной стены равнялась тремстам тридцати трем футам.[7]

[7] Примечания: 7

Имеется в виду английский фут, равный тридцати сантиметрам. *(Примеч. автора.)*



Тогда Сайрес Смит взял инструмент, который

сделал накануне; угол между раздвинутыми ножками циркуля соответствовал угловому расстоянию от альфы Южного Креста до плоскости горизонта. Он точно отмерил этот угол по кругу, разделив его на триста шестьдесят равных частей. Угол оказался равным десяти градусам. Увеличив этот угол на двадцать семь градусов, отделяющих альфу от Южного полюса, и сделав поправку на высоту плоскогорья, на котором производилось наблюдение, он получил тридцать семь градусов. Итак, Сайрес Смит пришел к выводу, что остров Линкольна находится на тридцать седьмом градусе южной широты; но, учитывая, что несовершенство его наблюдений и выкладок могло привести к ошибке в пять градусов, он счел более правильным заключить, что остров находится между тридцать пятой и сороковой параллелью.

Чтобы иметь обе координаты острова, оставалось определить долготу. Сайрес Смит решил попытаться это сделать в тот же день, в полдень, когда солнце будет проходить через меридиан данной местности.

Воскресный день решили употребить на прогулку, или, вернее, на исследование той части острова, которая находилась между северным

берегом озера и заливом Акулы, а если позволит погода, дойти и до северного склона мыса Южная челюсть. Для обеда намеревались сделать привал в дюнах и вернуться в Трущобы только к вечеру.

В половине девятого утра маленький отряд уже шел по берегу пролива, отделявшего остров Линкольна от островка Спасения, где, важно переваливаясь, расхаживали у воды короткокрылые пингвины, похожие на безруких людей. Они великолепно плавали и ныряли, и их сразу можно было узнать по характерному, очень неприятному крику, похожему на рев осла. Пенкрофа они заинтересовали лишь со стороны кулинарной, и он не без удовольствия услышал, что мясо этих птиц, хотя и темное вполне съедобно.

У самого моря на песке ползали какие-то крупные животные — вероятно, тюлени, избравшие островок своим лежбищем. Помышлять о пригодности тюленей для еды было невозможно — их жирное мясо отвратительно на вкус; однако Сайрес Смит очень внимательно их рассматривал и, не поделившись ни с кем своими мыслями, сказал товарищам, что в скором времени надо будет, наведаться на островок.

Берег, по которому шли колонисты, усеивали бесчисленные раковины; некоторые из них об-

радовали бы зоологов, изучающих моллюсков. Среди этих раковин были фазианеллы, сверлильщики, тригонии и много других. Но куда более полезным открытием была устричная отмель, обнажившаяся при отливе; Наб обнаружил ее между рифами, милях в четырех от Трущоб.

— Наб молодец, даром времени не теряет! — воскликнул Пенкроф, осматривая отмель, тянувшуюся в открытое море.

— В самом деле, очень важная находка, — заметил журналист. — Говорят, каждая устрица дает в год пятьдесят — шестьдесят тысяч яиц, и, значит, у нас будет неистощимый запас устриц.

— Но, думается мне, устрицы не очень сытная пища, — сказал Герберт.

— Не очень, — подтвердил Сайрес Смит. — В устрице очень мало белковых веществ, и, если питаться одними устрицами, их надо съедать дюжин по пятнадцати-шестнадцати в день.

— Ну и что ж, — заметил Пенкроф, — мы можем глотать их сотнями, пока не уничтожим все это устричное поселение. Не захватить ли несколько дюжин на обед?

И, не дожидаясь ответа, Пенкроф и Наб принялись отрывать раковины от камней. Собранные устрицы положили в кошелку, сплетенную из

волокон гибиска; в ней уже лежала снедь, припасенная для обеда. Затем путники двинулись дальше по берегу, тянувшемуся мимо дюн.

Сайрес Смит то и дело посматривал на часы, чтоб успеть подготовиться к наблюдению, которое полагалось произвести ровно в полдень.

Вся эта полоса берега была дикой, голой, бесплодной вплоть до того скалистого мыса, который замыкал бухту Соединения и был назван Южной челюстью. Кругом виднелись только пески, раковины да каменные глыбы. На этот унылый берег прилетали морские птицы — бакланы, ширококрылые альбатросы и дикие утки, вполне заслуженно вызывавшие у Пенкрофа охотничье волнение. Он пустил было в них стрелу, но попытка осталась напрасной — утки не садились на землю, их можно было подстрелить лишь на лету. И тогда моряк еще раз сказал Сайресу Смиту:

— Сами видите, мистер Сайрес, как нам нужны ружья. Хоть бы парочку, хоть одно ружье! А то что у нас за снаряжение…

— Конечно, хорошо бы иметь ружья, Пенкроф, — ответил ему журналист, — но тут уж все зависит от вас! Достаньте сталь для ствола, сталь для казенной части, селитры, древесного угля и серы — для пороха, ртути и азотной кислоты —

для запала и, наконец, свинца для пуль и дроби, и Сайрес сделает вам первоклассное ружье.

— Да, да, — подтвердил инженер. — И все эти материалы, несомненно, найдутся на острове, но изготовить огнестрельное оружие — дело сложное, тут нужны хорошие инструменты и приборы большой точности. Но ничего, потом посмотрим…

— Эх, зачем мы выбросили за борт оружие, которое лежало в гондоле, и все наши инструменты, и даже перочинные ножи! — воскликнул Пенкроф.

— Да ведь если б их не утопили, шар нас самих утопил бы в океане, — возразил Герберт.

— Пожалуй, правильно ты говоришь, голубчик, — согласился моряк и тут же добавил: — Хотел бы я видеть физиономию Джонатана Форстера и его приятелей! Пришли утречком на площадь, а там пусто — улетел шар!

— Вот уж нисколько меня не беспокоят переживания этих господ! — сказал журналист.

— А кому пришла в голову мысль воспользоваться для бегства их шаром? Мне! — с гордым видом заявил моряк.

— Да, прекрасная мысль вам пришла, Пенкроф, — смеясь, заметил Гедеон Спилет. — Благодаря ей мы и оказались на необитаемом острове!

— По-моему, лучше быть на необитаемом острове, чем в руках мятежников! — заявил Пенкроф. — А с тех пор как мистер Сайрес опять с нами, я нисколько не жалею, что мы очутились здесь.

— И я тоже, честное слово! — отозвался журналист. — Да и чего нам тут не хватает? Все есть.

— А может, наоборот? Ровно ничего нет, — проговорил Пенкроф, расхохотавшись, и повел своими широкими плечами. — Ну, не беда, рано или поздно, а уж мы придумаем, как нам отсюда выбраться.

— И, быть может, скорее, чем вы полагаете, друзья мои, — сказал инженер, — если только остров Линкольна не слишком далеко отстоит от какого-нибудь обитаемого архипелага или материка. Через час мы будем это знать. У меня нет карты Тихого океана, но я очень ясно представляю себе его южную часть. По широте, которую мы с вами сегодня установили, остров Линкольна, несомненно, должен быть расположен на параллели, пересекающей на западе Новую Зеландию, а на востоке — Чили. Но между двумя этими пределами расстояние не меньше шести тысяч миль. Теперь нам надо установить, в какой же точке этой обширной полосы океана находится наш остров, и мы это сейчас установим, надеюсь, с

достаточной точностью, когда определим географическую долготу острова.

— Мне кажется, на той же широте ближе всего к нам лежит архипелаг Туамоту. Верно? — спросил Герберт.

— Да, — подтвердил инженер, — но и до него все-таки тысяча двести миль.

— А там что? — спросил Наб, с напряженным вниманием слушавший этот разговор, и указал рукой на юг.

— Там ничего нет, пусто, — ответил Пенкроф.

— В самом деле пусто, — подтвердил инженер.

— Так что ж, Сайрес, — спросил журналист, — как нам быть, если окажется, что от острова Линкольна до Новой Зеландии или до берегов Чили всего двести или триста миль?

— Тогда мы не станем строить себе дом, а построим корабль, и капитан Пенкроф поведет наше судно…

— А что ж, мистер Сайрес, — воскликнул моряк, — готов… Могу и за капитана сойти, если только вы сумеете построить такое суденышко, чтоб оно держалось на волнах!

— Построим, если понадобится, — сказал Сайрес Смит.

Пока эти люди, поистине не знавшие сомнений,

вели меж собой такой разговор, приближался час, когда следовало произвести задуманное наблюдение. Но как же Сайрес Смит осуществит его? Как он, не имея ни одного прибора, уловит момент прохождения солнца через меридиан острова? Герберт не мог этого понять.

Наблюдатели находились уже в шести милях от Трущоб — около тех дюн, где был найден Сайрес Смит после его загадочного спасения. Тут сделали привал и занялись приготовлениями к обеду, так как было уже половина двенадцатого. Захватив кувшин, принесенный Набом, Герберт побежал за водой к ручью, журчавшему неподалеку.

Тем временем Сайрес Смит все приготовил для своих астрономических наблюдений. Он выбрал на берегу совершенно ровное место, которое море во время отлива превосходно выровняло и отшлифовало. Мелкий песок, покрывавший его, лежал слоем гладким, как зеркало. Впрочем, не имело особого значения, горизонтальная ли эта поверхность, так же, как не стоило добиваться того, чтобы палочка длиною в шесть футов, которую инженер воткнул в песок, была к ней строго перпендикулярна. Напротив, он наклонил ее к югу, то есть в сторону, противоположную солнцу, ибо не надо забывать, что для колонистов

острова Линкольна в силу того, что он находился в Южном полушарии, видимое свое полуденное движение сияющее светило совершало, поднимаясь над северной, а не над южной стороной горизонта.

И тогда Герберт понял, каким образом инженер хочет установить кульминационную точку восхождения солнца, то есть прохождение его через меридиан острова, — иными словами, определить полдень для данного места. Сайрес Смит хотел это сделать, воспользовавшись тенью, отбрасываемой на песок воткнутой палочкой, — способ этот и без астрономических инструментов мог дать ему с достаточным приближением искомый результат.

В самом деле, тот момент, когда длина тени окажется наименьшей, явится полднем. Достаточно будет следить за концом этой тени, чтобы уловить, как она после постепенного своего укорачивания вновь начнет удлиняться. Наклонив палочку в сторону, противоположную солнцу, Сайрес Смит тем самым удлинил отбрасываемую тень, а от этого легче было следить за ее изменениями. Ведь чем длиннее стрелка, движущаяся по циферблату, тем легче заметить перемещение ее кончика. Тень от палочки была подобием

стрелки, двигавшейся по кругу.

Решив, что уже пора начать наблюдение, Сайрес Смит опустился на колени и, втыкая в песок маленькие деревянные колышки, стал отмечать последовательное сокращение тени, отбрасываемой палочкой. Товарищи исследователя, низко наклонившись, сосредоточенно наблюдали за его действиями.

Журналист держал в руке хронометр, готовясь отметить минуту и секунду, в которую тень достигнет наименьшей своей длины. Так как Сайрес Смит производил свое наблюдение шестнадцатого апреля, то есть в тот день, когда истинное время и среднее время совпадают, то час, отмеченный Гедеоном Спилетом, был бы истинным временем для Вашингтона, что облегчало бы выкладки.

Солнце медленно поднималось, тень от палочки все больше укорачивалась, и лишь только Сайресу Смиту показалось, что она начинает удлиняться, он спросил:

— Который час?

— Одна минута шестого, — ответил Гедеон Спилет.

Теперь оставалось вычислить результаты наблюдения — дело совсем нетрудное. Выяснилось, что расстояние между меридианом Вашингтона и меридианом острова Линкольна давало пятичасовую разницу во времени: на острове Линкольна был полдень, а в Вашингтоне уже пять часов вечера. Однако Солнце в видимом своем движении вокруг Земли проходит в каждые четыре минуты один градус, а в час — пятнадцать градусов; помножив пятнадцать градусов на пять, Гедеон

Спилет получил семьдесят пять градусов.

Раз географическая долгота Вашингтона равна 77°3′11″, а с округлением — семидесяти семи градусам от Гринвичского меридиана, который и англичане и американцы принимают за отправную точку при определении долгот, — то, следовательно, остров находился к западу от Гринвичского меридиана на семьдесят семь градусов (долгота Вашингтона) плюс семьдесят пять градусов — то есть на сто пятьдесят втором градусе западной долготы.

Сайрес Смит сообщил товарищам результат своих выкладок и, учитывая, как и при определении широты, вероятные ошибки в наблюдении, счел возможным заявить, что остров Линкольна лежит между тридцать пятой и тридцать седьмой южной параллелью и между сто пятидесятым и сто пятьдесят пятым меридианом к западу от меридиана Гринвича.

Как видите, он допускал возможность ошибки в пять градусов при определении обеих координат, а так как градус равен шестидесяти милям, то действительная широта и долгота острова, быть может, на триста миль отклонилась от вычисленных данных.

Но эта ошибка ни в коем случае не могла по-

влиять на решение, которое пришлось принять. Стало совершенно ясно, что остров Линкольна отстоит слишком далеко от всякой земли: нечего и пытаться преодолеть это расстояние в утлом челноке.

Полученные координаты указывали, что по меньшей мере тысяча двести миль отделяют его от Таити и островов архипелага Туамоту, что от него до Новой Зеландии свыше тысячи восьмисот миль и больше четырех с половиной тысяч миль, — до берегов Америки.

Но сколько Сайрес Смит ни обращался к своей памяти и познаниям в географии, он не мог припомнить в этой части Тихого океана ни одного острова, который был бы расположен так же, как остров Линкольна.

ГЛАВА XV

Зимовка неизбежна. — Вопросы металлургии. — Исследование островка Спасения. — Охота на тюленей. — Диковинный зверь. — Коала. — Каталонский способ. — Выплавка железа. — Как получить сталь

В понедельник, 17 апреля, первые слова, кото-

рые произнес утром Пенкроф, были обращены к Гедеону Спилету:

— Ну как, мистер Спилет, кем мы нынче будем?

— Это уж как Сайрес скажет, — ответил журналист.

Оказалось, что из мастеров по выделке кирпича и из гончаров им теперь предстояло сделаться металлургами.

Накануне после завтрака они продолжили свое путешествие и дошли до острого выступа мыса Челюсть, находившегося милях в семи от Трущоб. Там кончалась длинная череда песчаных дюн и шли бугры из вулканических пород. Кругом уже не вздымались гранитные валы с плоскими вершинами, как плато Кругозора, а тянулась гряда скал необыкновенно причудливых очертаний, обрамлявшая узкую бухту, отгороженную двумя мысами вулканического происхождения. Дойдя до этого места, колонисты повернули обратно и к ночи достигли своего убежища, но не ложились спать до тех пор, пока окончательно не решили вопроса, можно ли им сейчас предпринять попытку выбраться с острова Линкольна.

От архипелага Туамоту их отделяло значительное расстояние — тысяча двести миль. Для такого

плавания простая лодка не годится, особенно в осеннюю непогоду, категорически заявил Пенкроф. И ведь не так-то легко построить хотя бы обыкновенную лодку, даже имея необходимые для этого инструменты, а у колонистов острова Линкольна не было никаких инструментов. Значит, им в первую очередь следовало изготовить молотки, топоры, топорики, пилы, буравы, рубанки и т. д., а на все это требовалось время. Итак, было решено зазимовать на острове и найти себе жилище поудобнее Трущоб — такое, где легче будет провести холодное время года.

Прежде всего следовало пустить в дело железную руду из тех месторождений, которые инженер обнаружил в северо-западной части острова, и добыть из нее железо и даже сталь.

В земной коре металлы обычно не встречаются в чистом виде. В большинстве случаев находят их химические соединения с кислородом или с серой. Как раз два образца, которые принес в Трущобы Сайрес Смит, и были такими соединениями: первый — магнитный железняк без примеси углерода, а второй — пирит, то есть железный колчедан. Легче было обработать первую руду, представлявшую собою окисел железа, — прокаливать ее вместе с углем, чтобы удалить

из нее кислород и получить чистое, железо. Для удаления кислорода руду и уголь доводят до высокой температуры — либо весьма простым «каталонским» способом, который требует только одного процесса для получения железа, либо прибегая к доменным печам, в которых из руды выплавляется чугун, а затем, удаляя из чугуна три-четыре процента углерода, входившего в него, получают железо.

Что нужно было Сайресу Смиту? Получить чугун, и притом самым скорым способом; кстати сказать, руда, которую он обнаружил, казалась чистой и богатой железом, это был окисел железа — руда, которая встречается рыхлыми залежами темно-серого цвета, дает черноватую пыль, кристаллизуется из растворов правильными восьмигранниками и образует иногда природные магниты; она служит в Европе сырьем для выплавки первоклассной стали, которой славятся Швеция и Норвегия. На острове Линкольна неподалеку от месторождения этой руды имелись и залежи каменного угля, которым уже воспользовались колонисты. Следовательно, обработка руды очень облегчалась, поскольку все элементы, необходимые для производства, сосредоточивались в одном месте. Подобные

обстоятельства превосходно используются в Соединенных Штатах, где каменный уголь служит для выплавки металла, добытого в той же местности, что и уголь.

— Так, стало быть, мистер Сайрес, мы теперь будем выплавлять железо? — спросил Пенкроф.

— Да, друг мой, — ответил инженер. — А для этого мы, с вашего разрешения, сначала отправимся на островок Спасения и поохотимся там на тюленей.

— На тюленей? — удивленно переспросил моряк и повернулся к журналисту. — Разве для обработки руды нужны тюлени?

— Раз Сайрес так говорит, значит, нужны! — ответил журналист.

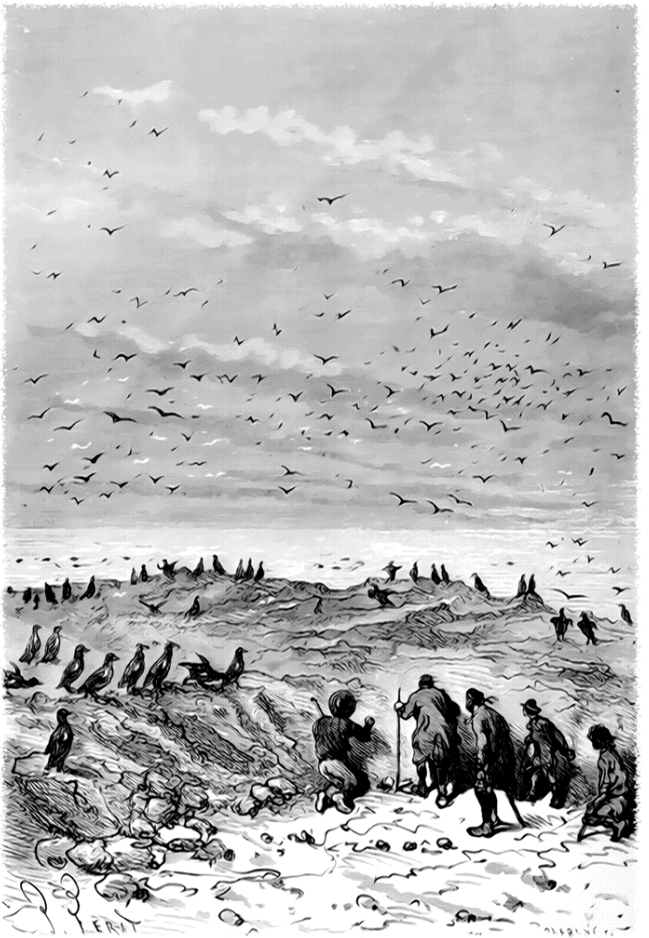
Но инженер уже вышел из убежища, и Пенкроф занялся приготовлениями к охоте на тюленей, не получив более вразумительных разъяснений.

Вскоре Сайрес Смит, Герберт, Гедеон Спилет, Наб и моряк собрались на берегу пролива, в том месте, где его было легко перейти вброд при малой воде. Как раз наступил отлив, и охотники переправились на островок вброд; вода доходила им только до колен.

Сайрес Смит впервые попал на островок Спасения, а его товарищи очутились там во второй

раз, так как именно сюда их выбросил воздушный шар.

Сотни пингвинов, восседавших на берегу, смотрели на них самым доверчивым взглядом. Колонисты были вооружены тяжелыми дубинками и без труда могли бы убить немалое количество птиц из этого полчища, но они и не подумали заняться таким бесполезным избиением, тем более что не хотели испугать тюленей, лежавших на песке в нескольких кабельтовых. Итак, они пощадили глупых уродцев, у которых крылья похожи на обрубки, плоские как плавники, и покрыты жидкими перышками, напоминающими чешуйки.



Колонисты осторожно двигались к северной оконечности островка; весь берег был в промоинах, служивших гнездами для морских птиц. Вдали от берега виднелись в море большие черные пятна, плававшие на поверхности воды: казалось, там пришли в движение подводные камни.

То были тюлени. Колонисты пришли ради охоты на них. Но надо было подождать, пока тюлени вылезут на берег, — благодаря узкой веретенообразной форме тела, густой и очень короткой шерсти тюлени великолепно плавают, и поймать их в море трудно, а на земле они могут лишь медленно ползать на своих коротких ластах.

Зная привычки тюленей, Пенкроф посоветовал не начинать охоты, пока они не выйдут на берег и не залягут погреться на солнышке, — тут они быстро уснут крепким сном, и тогда нужно отрезать тюленям путь к отступлению в море и наносить им удары по переносице.

Охотники спрятались за скалами, разбросанными по побережью, и замерли в ожидании.

Прошел час, и тюлени, наконец, вылезли погреться на солнце. Было их с полдюжины. Пенкроф и Герберт отделились от товарищей и крадучись обогнули отмель, чтобы напасть

на тюленей со стороны моря, отрезав им путь к отступлению. Тем временем Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Наб, ползком пробравшись вдоль скал, появились на поле битвы.

Вдруг на берегу поднялась высокая фигура Пенкрофа, и он издал громкий клич; инженер и двое его спутников помчались стремглав, чтобы не подпустить тюленей к воде. Двух тюленей убили ударом дубинки, остальным удалось доползти до моря, и они мгновенно исчезли в волнах.

— Тюлени к вашим услугам, мистер Сайрес! — сказал Пенкроф, подходя к инженеру.

— Прекрасно, — ответил Сайрес Смит. — Мы сделаем из них кузнечные мехи!

— Кузнечные мехи? — воскликнул Пенкроф. — Вот какая честь нашей добыче!

Инженер действительно рассчитывал сделать из тюленьей шкуры кузнечные мехи, необходимые для раздувания огня при выплавке металла. Убитые тюлени были средней величины, не больше шести футов, мордой они походили на собак.

Так как тащить с собою таких тяжелых животных было совершенно бесполезно, Наб и Пенкроф решили снять с них шкуру на месте, а Сайрес Смит и журналист тем временем продолжали свою разведку на островке.

Моряк и Наб прекрасно справились с делом, и три часа спустя в распоряжении Сайреса Смита оказались две тюленьи шкуры, которые он решил поскорее употребить для мехов, не подвергая их

дублению.

Колонисты выждали малой воды и, перейдя тогда через пролив, возвратились в Трущобы.

Далеко не легким делом оказалось высушить тюленьи шкуры, натянув их на деревянные рамы, служившие распорками, сшить эти шкуры при помощи тонких лиан, так, чтобы через швы не выходил из мехов воздух. Пришлось несколько раз переделывать работу. В распоряжении Сайреса Смита было лишь два стальных лезвия, сделанные из ошейника Топа, но у него были такие ловкие руки, товарищи так толково помогали ему, что через три дня маленькая колония получила еще один инструмент — кузнечные мехи, предназначенные для нагнетания воздуха при прокаливании руды — условие, необходимое для успеха дела.

Двадцатого апреля с утра начался «металлургический период», как его назвал журналист в своих записях. Как мы уже упоминали, инженер считал самым удобным вести работу на месте залежей угля и железной руды. По его наблюдениям, залежи эти находились у северо-восточных отрогов горы Франклина, то есть в шести милях от Трущоб. Нечего было и думать о ежедневном возвращении на ночлег в свое обжитое убежище,

и «металлурги» предпочитали ютиться в шалаше из веток, лишь бы начатые важные работы шли непрерывно круглые сутки.

Приняв такое решение, отправились в то же утро к месту работ. Наб и Пенкроф тащили на большой плетенке кузнечные мехи и кое-какую провизию — дичь и съедобные растения, рассчитывая дорогой пополнить запасы.

Путь выбрали через лес Жакамара и пересекли его наискось с юго-востока на северо-запад. Пришлось прокладывать себе в зарослях дорогу, и впоследствии она стала кратчайшей тропой между плато Кругозора и горой Франклина. Никем не тронутые, росли здесь вековые великолепные деревья — все тех же пород, какие уже встречались на острове нашим колонистам. Но Герберт обнаружил новые породы и среди них драцену, которую Пенкроф презрительно назвал «хвастливым пореем», так как драцена, несмотря на свою высоту, принадлежит к тому же самому семейству лилейных, к которому относится лук обыкновенный, лук зубчатый, лук шарлот и спаржа. Волокнистые корни драцены в вареном виде — превкусное кушанье, а подвергнув отвар из них брожению, делают очень приятный напиток. Колонисты запаслись в лесу этими корнями.

Лесом шли долго — целый день, но благодаря такому путешествию познакомились с флорой и фауной острова. Топ, которого преимущественно интересовала фауна, рыскал в траве и в кустах, поднимая любую дичь без разбора. Герберт и Гедеон Спилет стрелами убили двух кенгуру и еще какое-то животное, похожее и на ежа и на муравьеда: на ежа оно походило тем, что сворачивалось клубком, выставляя для самозащиты иглы, а сходство с муравьедом придавали ему когти землеройки, узкая мордочка, заканчивавшаяся неким подобием клюва, тонкий длинный язык, весь в крошечных колючках, предназначенных для захватывания и удерживания насекомых.

Поглядев на диковинного зверя, Пенкроф задал вполне естественный вопрос:

— А на что он будет похож, если сварить из него суп?

— На кусок превосходной говядины, — ответил Герберт.

— Ну, от него больше ничего и не требуется, — сказал моряк.

Во время этой экспедиции колонисты видели диких кабанов, которые, однако, и не пытались напасть на них; казалось, что в этом лесу не грозит встреча с опасными хищниками, как вдруг в

густой чаще журналист увидел в нескольких шагах от себя на нижних ветках дерева мохнатого зверя, которого он принял за медведя, и стал его зарисовывать. К счастью для Гедеона Спилета, его натурщик не принадлежал к грозному семейству «стопоходящих» — оказалось, что это обыкновенный коала, известный также под именем ленивца, безобидный зверь величиною с большую собаку, покрытый лохматым мехом бурого цвета и снабженный длинными крепкими когтями, позволяющими ему лазать на деревья, — он питается листвой. Когда было установлено, какой именно зверь служит натурой Гедеону Спилету, продолжавшему при обсуждении вопроса работать карандашом, художник стер сделанную под наброском надпись «Медведь» и начертал вместо нее «Коала». Затем все двинулись дальше.

В пять часов вечера Сайрес Смит подал сигнал к отдыху. К этому времени колонисты уже вышли из лесу и были у подножия мощных отрогов, служивших подступами к горе Франклина с востока. В нескольких стах шагах от места остановки протекал Красный ручей, следовательно, за водой ходить было недалеко.

Колонисты тотчас принялись устраивать себе становище. Через какой-нибудь час на опушке

леса под сенью деревьев выросло сносное убежище — шалаш из веток, переплетенных лианами и покрытых слоем глины. Геологические изыскания отложили до следующего дня. Занялись приготовлением ужина; развели перед шалашом яркий костер, зажарили на вертеле дичь, а в восемь часов вечера путники уже спали сладким сном, только один сидел у костра и поддерживал огонь на тот случай, если вокруг бродит какой-нибудь опасный зверь.

На следующий день, 21 апреля, Сайрес Смит в сопровождении Герберта отправился на поиски той возвышенности древней формации, где он нашел образцы железных руд. Обнаруженные им залежи, выходившие на поверхность земли, были расположены у подножия одного из северо-восточных отрогов. Легкоплавкая руда, очень богатая железом, вполне подходила для того способа обработки, который думал применить Сайрес; способ этот, называемый каталонским, в упрощенном виде широко применяют на Корсике.

Настоящий каталонский способ требует сооружения больших плавильных печей и тиглей; руда и уголь закладываются в печь чередующимися слоями, превращаются в металл и освобожда-

ются от шлака. Но Сайрес Смит, желая избежать громоздких сооружений, решил просто сложить руду и уголь огромным кубом и в середину его нагнетать при помощи мехов струю воздуха. Должно быть, такой же способ применял некогда библейский Тувалкаин и первые металлурги обитаемого мира. И то, что удавалось правнукам Адама, что все еще приводило к хорошим результатам в краях, богатых железной рудой и топливом, несомненно, можно было сделать и в условиях острова Линкольна.

Уголь наши металлурги добыли без труда близ своего лагеря — из месторождения, лежавшего на поверхности земли. Руду раскололи на мелкие куски и вручную очистили от комьев земли и от песка. Затем перемежающимися слоями насыпали большую груду угля и руды, как складывают дрова угольщики, когда пережигают их на уголь. Под действием воздуха, нагнетаемого мехами, уголь в этой груде превращался в двуокись, а затем в окись углерода, которая, воздействуя на окись железа, отнимала от нее кислород.

Сайрес Смит сделал для этого все, что следовало. Возле насыпанной кучи руды и угля установили мехи, сшитые из тюленьих шкур; воздух выходил из мехов через трубку, сделанную из огнеупорной

глины, — трубку эту специально изготовили и обожгли в гончарной печи. Привели в действие механизм мехов, состоявший из подвижной рамы, самодельной веревки и противовеса, и тотчас из трубки вырвалась сильная струя воздуха; поднимая температуру прокаливаемой груды, она способствовала также химическому процессу образования железа при взаимодействии руды и угля.

Работа была сложная. Колонистам понадобилось много терпения и сообразительности, чтобы справиться с ней. Но, наконец, они одержали победу и получили железную крицу с корявой губчатой поверхностью; это железо еще надо было проковывать, чтобы снять с него корку приварившегося шлака. У самоучек кузнецов, разумеется, не было кузнечного молота, но они вышли из положения подобно своим собратьям, металлургам первобытного общества, сделав то же, что делали и они.

Первую железную чушку привязали к рукояти, и она послужила молотом; этим молотом принялись ковать на гранитной наковальне следующие крицы и таким образом получили железо грубой поковки, но пригодное для всяких изделий.

И вот после тяжких трудов и усилий 25 апреля было выковано несколько железных болванок, а в дальнейшем их превратили в инструменты — щипцы, клещи, кирки, ломы и т. д. Пенкроф и Наб объявили их сущими драгоценностями.

Однако гораздо больше пользы, чем чистое железо, могла принести сталь. Сталь же представляет собою соединение железа и углерода, которое получают двояким способом: либо из

чугуна, отнимая от него избыток углерода, либо из железа, прибавляя к нему отсутствующий углерод. В первом случае путем обезуглероживания чугуна получают натуральную, или пудлинговую, сталь, а путем добавления к чистому железу углерода — томленую сталь.

Как раз такую сталь Сайресу Смиту и хотелось выплавить, ибо у него уже имелось чистое железо. И он добился этого, переплавив железо вместе с толченым углем в тигле из огнеупорной глины.

Сталь поддается и горячей и холодной обработке. Под умелым руководством Сайреса Смита Наб и Пенкроф наделали топоров, накалили их докрасна и окунули в холодную воду; топоры получили превосходную закалку.

Кузнецы изготовили — разумеется, грубо — лезвия для рубанков, топоры, топорики, стальные полосы, пилы и плотничьи ножницы, кирки, заступы, ломы, молотки, гвозди и т. д.

Пятого мая первый «металлургический период» закончился, и кузнецы возвратились в Трущобы, а вскоре, принявшись за новые работы, они овладели новыми навыками и получили право называться мастерами и других ремесел.

ГЛАВА XVI

Вторичное обсуждение вопроса о жилище. — Фантазии Пенкрофа. — Исследование северной части острова. — Северный край плоскогорья. — Змеи. — Дальний край озера. — Беспокойство Топа. — Топ бросается в озеро. — Битва под водой. — Дюгонь

Настало 6 мая — день, соответствующий 6 ноября в странах Северного полушария. Уже несколько дней небо хмурилось, пора было устраиваться для предстоящей зимовки. Особого похолодания, правда, не наблюдалось, и будь на острове Линкольна стоградусный термометр, он показывал бы среднюю температуру в десять-двенадцать градусов выше нуля. Такое явление не должно нас удивлять, ведь остров Линкольна, весьма вероятно, был расположен между тридцать пятой и сороковой параллелью Южного полушария и, следовательно, находился в тех же климатических условиях, что Сицилия и Греция Однако известно, что в Греции и на острове Сицилия бывают сильные холода, со снегопадами, и обитателям острова Линкольна тоже следовало ожидать морозов в разгар зимы и своевременно

защититься от них.

Во всяком случае, холода еще только грозили нагрянуть, но уже близился период дождей, а на этом одиноком острове, затерявшемся в Тихом океане, где бушуют свирепые штормы, вероятно, бури бывали частыми и грозными гостьями.

Колонисты снова обсудили вопрос о жилище, более пригодном, чем Трущобы, и быстро приняли решение.

Пенкроф, разумеется, питал некоторое пристрастие к убежищу, которое он нашел в первые страшные дни, но он хорошо понимал, что надо искать другое жилище. Ведь волны морские, как читатель, вероятно, помнит, уже заглянули в каменные проходы Трущоб и нельзя было вторично подвергаться риску подобного вторжения.

— И к тому же нам с вами надо предохранить себя от всякого нашествия, — сказал Сайрес Смит, беседуя в тот день с товарищами о дальнейшей жизни на острове.

— Зачем? Остров же необитаем! — удивился журналист.

— Возможно, — ответил инженер, — хотя не забывайте, что мы обследовали еще далеко не весь остров. Но если на нем и не найдется ни одной живой души, то тут водится много опасней-

шего зверья. Надо оградить себя от возможного нападения, а иначе придется нам по очереди дежурить по ночам, чтобы поддерживать огонь в костре. И вообще, друзья, надо быть начеку и все предусмотреть. В этой части Тихого океана не редкость столкнуться с малайскими пиратами…

— Что? — удивленно воскликнул Герберт. — Так далеко от всякой земли?

— Да, представь себе, дитя мое, — ответил инженер. — Пираты — смелые мореходы и отъявленные злодеи. Нам обязательно нужно принять меры предосторожности.

— Ладно, — согласился Пенкроф. — Сделаем укрепления в защиту от двуногих и четвероногих хищников. А не лучше ли нам, мистер Смит, сейчас обследовать весь остров, а потом уж решить, что предпринять?

— Да, так будет лучше, — поддержал его Гедеон Спишет. — Как знать, может быть, на другой стороне острова мы найдем хорошую сухую пещеру, какой мы здесь до сих пор не могли отыскать.

— Так-то оно так, — ответил инженер, — но вы, друзья мои, забываете, что нам надо поселиться вблизи источника питьевой воды, а с вершины горы Франклина мы не обнаружили в западной части острова ни речки, ни ручья. Здесь же мы

находимся между рекой Благодарения и озером Гранта — большое преимущество, которым нельзя пренебрегать. Кроме того, этот берег защищен от пассатов, дующих в Южном полушарии на северо-запад.

— А знаете что, мистер Смит? Давайте построим себе дом на берегу озера. У нас теперь есть и кирпич и инструменты. Были мы мастерами-кирпичниками, гончарами, литейщиками, кузнецами, а теперь будем каменщиками. Какого дьявола, неужто не справимся?

— Конечно, справимся, друг мой. Но прежде чем принять такое решение, надо поискать. Быть может, мы найдем жилище, которое соорудила для нас сама природа. Это избавит нас от долгого, утомительного труда, и у нас будет надежное убежище, защищенное от врагов, таящихся на острове, и от всех, какие могут пожаловать сюда с океана.

— Вы правы, Сайрес, — сказал журналист. — Но ведь мы уже осмотрели весь береговой гранитный вал, — ни одной пещеры, даже ни одной трещины!

— Как есть ни одной! — подхватил Пенкроф. — Эх, если б выдолбить себе жилье в этом самом гранитном валу — довольно высоко, чтоб снизу

никто не мог напасть на нас. Вот бы хорошо! Я так и вижу — шесть, а то и семь комнат, с окнами на море…

— С окнами, и не какими-нибудь, а с большими окнами, чтоб было много света… — смеясь, сказал Герберт.

— И чтоб лестница была! — добавил Наб.

— Ну что вы смеетесь? — возмутился моряк. — Или я что-нибудь невозможное предложил? Разве у нас нет кирок и ломов? И разве мистер Сайрес не может сделать порох? Тогда мы заложим мину и взорвем скалу. Верно мистер Сайрес? Ведь когда нам понадобится, вы сделаете для нас порох?

Сайрес Смит внимательно выслушал Пенкрофа, излагавшего свои фантастические планы. Врезаться в этот гранитный вал, даже путем взрыва пороховой мины, было бы геркулесовым трудом. Оставалось только пожалеть, что природа не взяла на себя самую трудную часть работы. Но Сайрес Смит не стал разочаровывать Пенкрофа, а только предложил хорошенько осмотреть всю гранитную стену — от устья речки до того угла, которым она заканчивалась на севере.

Отправившись в разведку, колонисты прошли около двух миль, самым тщательным образом исследуя гранитную стену. Но нигде, решительно

нигде, не было ни единой впадины на ее ровной, отвесной поверхности. Скалистые голуби, летавшие над нею, гнездились в углублениях, встречавшихся лишь на гребне гранитного кряжа и меж причудливых зубцов его карниза.

Отсутствие пещеры было обстоятельством очень досадным, ибо не приходилось и думать, что удастся самим пробить для себя в этом граните грот достаточной величины, пустив в ход кирки и даже порох. Волею случая на всей этой полосе берега имелось только одно место, пригодное хотя бы для временного убежища, — те самые Трущобы, которые открыл Пенкроф; но теперь с этим приютом необходимо было расстаться.

Свое исследование колонисты закончили у северного края стены, где она переходила в длинный скат, полого спускавшийся к самому морю. От этого места и до западной оконечности острова береговая возвышенность шла под уклон не более чем в сорок пять градусов, представляя собою нагромождение камней, земли и песка скрепленных корнями кустов, низкорослых деревьев трав. Кое-где из рыхлой толщи наружного покрова острыми скалами пробивался гранит. По склонам ярусами поднимались купы деревьев и зеленела довольно густая трава. Но книзу

растительности становилось все меньше, и от подножия откоса до моря унылой, бесплодной полосой простирался песок.

У Сайреса Смита мелькнула не лишенная основания мысль, что где-нибудь здесь низвергается из озера Гранта водопад. Ведь должен же был найти себе выход избыток воды, которую непрестанно нес в озеро Красный ручей. Однако до сих пор инженер нигде не находил этого стока, хотя исследовал берег озера от устья ручья до плато Кругозора.

Сайрес Смит предложил товарищам подняться по склону кряжа и возвратиться в Трущобы через плато Кругозора, исследовав дорогой северный и восточный берег озера.

Предложение было принято, и через несколько минут Герберт и Наб уже вскарабкались на плоскогорье. Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф более медленно и степенно шли вслед за ними.

В двухстах футах от края плоскогорья, сквозь сплетение ветвей сверкала на солнце спокойная гладь прекрасного озера. Пейзаж кругом был чудесный. Лаская взгляд своей пожелтевшей и бронзовой листвой, теснились друг к другу в рощах деревья. На зеленом ковре густой травы выделялись черные стволы рухнувших испо-

линских деревьев, сраженных рукою времени. В воздухе стоял звон от птичьего щебета, от криков шумливых какаду, порхавших с ветки на ветку, словно живая крылатая радуга. Казалось, солнечный свет проникал в эти необыкновенные рощи, лишь разбившись на все цвета своего спектра.

Вместо того чтобы сразу направиться к северному берегу озера, путники обогнули плато, намереваясь добраться до левого берега ручья у самого его устья. Они сделали крюк мили в полторы, но путь оказался легким, так как лес поредел и между деревьями оставались свободные проходы. Чувствовалось, что тут кончается плодородная часть острова — здесь уж не было такой буйной растительности, как в зоне, простиравшейся от Красного ручья до реки Благодарения.

Сайрес Смит и его товарищи довольно осторожно продвигались в этом новом для них уголке острова. Ведь оружием им служили только луки и стрелы да дубинки, окованные железом. Впрочем, ни один хищный зверь не показывался. Возможно, эти опасные враги предпочитали лесные чащи южной части острова. И вдруг произошла весьма неприятная встреча. Топ сделал стойку перед большой змеей четырнадцати-пятнадцати футов длиною. Наб убил ее дубинкой. Осмотрев

змею, Сайрес Смит сказал, что она не ядовитая и принадлежит к породе «алмазных змей», которых в Новом Южном Уэльсе туземцы употребляют в пищу. Но, несомненно, тут водились и другие змеи, укус которых смертелен, как, например, «глухие гадюки» с раздвоенным хвостом, которые вдруг взвиваются из-под ног, «крылатые змеи» с двумя выростами, благодаря которым они бросаются на свою жертву с молниеносной быстротой. Оправившись от растерянности, Топ принялся охотиться на змей с такой яростью, что становилось страшно за него. Поэтому хозяин то и дело подзывал его к себе.

Вскоре участники экспедиции дошли до устья Красного ручья, и, когда переправились на другой берег, перед ними предстала знакомая картина, которую они уже видели, спускаясь с горы Франклина. Сайрес Смит убедился, что дебит Красного ручья довольно значителен, — следовательно, природа должна дать выход излишним водам, иначе озеро могло бы переполниться. Но где же этот сток? Обязательно надо его найти и воспользоваться силой падения воды как механическим двигателем.

Разбившись на группы, но не отдаляясь друг от друга, колонисты двигались по крутому берегу озера. По многим признакам видно было, что в нем очень много рыбы, и Пенкроф решил воспользоваться этим богатством, сделав для такой цели рыболовную снасть.

Сначала направились к северо-восточному узкому краю озера. Имелись достаточные основания предполагать, что вода вытекает как раз в этих местах, ибо озеро тут доходило почти до края плоскогорья. Предположения эти не оправдались, и колонисты пошли дальше по берегу озера, которое после небольшой излучины тянулось параллельно побережью океана.

В этой стороне берег уже не был лесистым,

живописно разбросанные вокруг купы деревьев увеличивали очарование пейзажа. Озеро Гранта предстало перед путниками все целиком, и ни единое дуновение ветерка не морщило его зеркальной глади. Рыская среди кустов, Топ поднимал самых различных птиц; Гедеон Спилет и Герберт встречали их стрелами. Одна из птиц, жертва меткости юного охотника, упала в высокие камыши. Топ бросился туда и принес красивую водяную птицу аспидно-черного цвета, с коротким клювом, с выпуклой лобной костью, с зубчатой кромкой на пальцах и с белой каймой на крыльях. Величиной она была с крупную куропатку, носила название «лысуха», как пояснил Герберт, и принадлежала к группе длиннопалых птиц, которые представляют собою переход от отряда голенастых к перепончатолапым. Дичь незавидная, с жестким и невкусным мясом, но поскольку Топ проявлял меньше разборчивости, чем его хозяева, решили отдать ему лысуху на ужин.

Колонисты шли по восточному берегу и уже приближались к исследованным местам. Сайрес Смит, к крайнему своему удивлению, нигде не видел никаких признаков стока воды из озера. Разговаривая с Гедеоном Спилетом и Пенкрофом,

он не скрыл от них своего изумления.

Вдруг Топ, бежавший впереди хозяина, забеспокоился. Умный пес принялся нервно рыскать по берегу и, внезапно остановившись, уставился в воду и поднял лапу, словно делал стойку над какой-то невидимой дичью; потом он яростно залаял, будто подзывая хозяина, и внезапно умолк.

Ни Сайрес Смит, ни его товарищи сначала не обратили внимания на поведение Топа, но вскоре собака залилась отчаянным лаем, и инженер встревожился.

— Ну что там такое, Топ? — сказал он.

Собака помчалась было к нему, но тотчас повернула обратно и вдруг кинулась в озеро.

— Топ, сюда! Топ! — закричал Сайрес Смит, не желая пускать собаку на поиски добычи в незнакомых и, возможно, опасных водах.

— Что там такое? — спросил Пенкроф, глядя на озеро.

— Должно быть, Топ почуял какое-нибудь земноводное животное, — сказал Герберт.

— А вдруг там аллигатор! — заметил журналист.

— Нет, не думаю, — возразил Сайрес Смит. — Аллигаторы водятся в более низких широтах.

Топ выскочил из воды по приказу хозяина,

но ни секунды не мог остаться в покое; он возбужденно прыгал в высокой траве, словно чуял какое-то невидимое людям животное, которое плыло под водой у самого берега. Однако вода оставалась совершенно спокойной, ни малейшей ряби не пробегало по безмятежной глади. Несколько раз колонисты останавливались на берегу и настороженно всматривались. Из воды никто не появлялся. Все это казалось загадкой. Инженера Смита она очень занимала.

— Доведем до конца нашу разведку, — сказал он.

Полчаса спустя колонисты дошли до юго-восточного края озера и вновь очутились на плато Кругозора. Исследование берегов озера могло считаться завершенным, но Сайресу Смиту так и не удалось обнаружить, где и каким образом уходит из озера избыточная вода.

— Несомненно, здесь где-то имеется сток, — повторял он, — и раз его не видно на поверхности земли, значит, вода пробила себе дорогу сквозь гранитный кряж.

— Вы, очевидно, считаете, что для нас очень важно знать, где этот сток? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, довольно важно, — ответил инженер. —

Ведь если вода проложила себе выход сквозь этот кряж, то весьма вероятно, что там есть пещера, и, быть может, нам удалось бы отвести от нее ручей и приспособить эту пещеру для жилища.

— А разве не может вода уходить через дно озера и стекать в море по подземному руслу? — спросил Герберт.

— Конечно, может, — ответил инженер, — и если это так, то вскоре нам придется самим строить себе дом, поскольку природа не пожелала помочь нам, выступив в роли каменщика.

Колонисты уже собирались пересечь плато, чтобы возвратиться к Трущобам, так как было пять часов вечера, как вдруг Топ снова забеспокоился. Он неистово залаял и, прежде чем хозяин успел его удержать, вторично бросился в озеро.

Все подбежали к берегу. Собака уже отплыла от него футов на двадцать, и Сайрес Смит громко звал ее. Вдруг из воды высунулась огромная голова какого-то животного; озеро оказалось тут неглубоким.

Герберт сразу узнал, к какому роду земноводных принадлежит это безобразное чудовище с конической мордой, глазами навыкате и длинными шелковистыми усами.

— Ламантин! — воскликнул он.

Но это был не ламантин, а другой представитель водных млекопитающих, который носит название «дюгонь», ноздри расположены у него в верхней части морды. Чудовище ринулось к собаке. Напрасно Топ хотел увернуться и доплыть до берега. Хозяин ничего не мог сделать, чтобы спасти бедного пса. Не успели Гедеон Спилет и Герберт нацелиться и пустить в страшилище стрелы, как дюгонь схватил собаку и исчез с нею под водой.

Крепко сжав в руке окованную железом палицу, Наб хотел уже броситься на помощь собаке и сразиться со свирепым животным даже в воде, его стихии.

— Нет, Наб, не пущу, — воскликнул инженер, схватив смельчака за руку.

Однако под водой происходила борьба, казалось бы необъяснимая, — ведь собака не могла в таких условиях оказывать зверю сопротивление, борьба отчаянная, ибо поверхность озера буквально кипела, борьба безнадежная, ибо исходом ее могла быть лишь гибель несчастного пса! И вдруг среди пенистого круга из воды вынырнул Топ. Подброшенный в воздух какой-то неведомой силой, он взлетел над озером на десять футов, снова упал в бурлящие волны, потом поплыл,

стремительно работая лапами, и вскоре выбрался из воды, спасенный каким-то чудом и даже не получив ни одной серьезной раны.

Сайрес Смит и его товарищи остолбенели от изумления. Но затем их ошеломило обстоятельство еще более загадочное — под водой как будто продолжалась борьба. Должно быть, на дюгоня напал какой-то могучий противник, и чудовище, выпустив собаку, теперь защищало свою собственную жизнь.

Но схватка была недолгой. Вода обагрилась кровью, и на поверхности озера, чернея средь расплывающихся алых кругов, выплыло недвижимое тело дюгоня, а волна выбросила его на узкую песчаную отмель в южном конце озера.

Колонисты побежали туда. Дюгонь был мертв. Он оказался действительно огромным — футов пятнадцати-шестнадцати в длину и весил, вероятно, три или четыре тысячи фунтов. На шее у него зияла рана, словно, нанесенная острым лезвием.

Какое же земноводное животное уничтожило грозного дюгоня, нанеся ему такую страшную рану? Никто из колонистов не мог разрешить эту загадку, и, возвращаясь в свое убежище, все были озадачены необыкновенным происшествием.

ГЛАВА XVII

Исследование озера. — Течение указывает. — План Сайреса Смита. — Жир дюгоня. — Применение серного колчедана. — Сернистое железо. — Как делается глицерин. — Мыло. — Селитра. — Серная кислота. — Азотная кислота. — Рождение водопада

На следующий день, 7 мая, Сайрес Смит и Гедеон Спилет, оставив Наба дома готовить обед, поднялись на плато Кругозора, а Герберт с Пенкрофом отправились вверх по течению реки за дровами.

Сайрес Смит и журналист быстро дошли до той песчаной отмели у южного края озера, на которую волны выбросили дюгоня. На его мясистую тушу уже слетелись стаи птиц. Пришлось разогнать их камнями, так как инженер хотел сохранить жир убитого чудовища для нужд колонии. Мясо дюгоня, не только съедобное, но очень вкусное, прекрасно могло пойти в пищу, — недаром в некоторых областях Малайи его подают лишь к столу туземных царьков. Но такими делами ведал Наб. Сайрес Смит был поглощен другими мыслями. У него из головы не выходило вчераш-

нее приключение. Ему хотелось разгадать тайну подводной схватки и узнать, какой сородич мастодонтов или морских чудовищ нанес дюгоню такую удивительную рану.

Инженер молча стоял на берегу и пристально смотрел на озеро, но ничего не было видно в спокойных, прозрачных водах, блестевших серебром под первыми лучами солнца.

У песчаной полоски берега, где лежал труп дюгоня, было довольно мелко, но постепенно глубина увеличивалась, и на середине озера было, вероятно, очень глубоко. Котловина озера казалась большой каменной чашей, которую Красный ручей наполнил водой.

— Ну, что вы смотрите, Сайрес? — спросил журналист. — По-моему, в этом озере нет ничего подозрительного.

— Ничего подозрительного, дорогой мой, — подтвердил инженер. — Но я, право, не знаю, как объяснить то, что случилось вчера!

— Признаться, и я удивлен, — сказал журналист. — Рана у этого зверя по меньшей мере странная. А как объяснить, что Топа с такой силой вышвырнуло из воды? Ей-богу можно подумать, что его подбросила чья-то сильная рука и эта же рука, вооруженная кинжалом, нанесла дюгоню

смертельную рану.

— Да, — задумчиво протянул Сайрес Смит. — Тут есть что-то непонятное. А скажите, дорогой Спилет, вы понимаете, каким образом я был спасен из пучины океана? Кто перенес меня в дюны? Не понимаете, правда? И вот я чувствую, что здесь кроется какая-то тайна. Но мы с вами, конечно, когда-нибудь ее раскроем. Будем наблюдать, внимательно наблюдать, но пока не станем говорить при товарищах об этих необыкновенных приключениях. Давайте хранить наблюдения про себя и делать свое дело.

Как читателям уже известно, Сайрес Смит все еще не мог установить, где именно вытекает из озера избыточная вода, но так как не было ни малейших признаков, что оно когда-либо выходило из берегов, то, значит, где-то с шествовал водосток. И тут вдруг Сайрес Смит с некоторым удивлением приметил, что в том месте, у которого он стоит, проходит довольно сильное течение. Он бросил в воду несколько веточек и увидел, как они поплыли к южному краю озера. Тогда он пошел берегом вниз по течению, и оно привело его к южной оконечности озера. А там уровень воды сразу понизился, как будто она внезапно уходила в какую-то трещину.

Сайрес Смит лег на берег ничком, внимательно прислушался, чуть не прильнув ухом к воде, и явственно различил шум потока, низвергавшегося куда-то под землю.

— Вот оно что! — воскликнул он, поднимаясь на ноги. — Вон куда уходит из озера вода. Она проложила себе дорогу сквозь гранитный кряж и вытекает в море, пробегая через какую-нибудь пещеру. А мы ее перехитрим и сами воспользуемся этой пещерой! Ну-ка, проверим!

Сайрес Смит срезал длинную ветку, ободрал с нее листья, погрузил в воду в том месте, где два берега озера сходились под углом, и установил, что там действительно есть широкое отверстие, на глубине всего лишь одного фута от поверхности воды. Подземный сток, который Сайрес Смит тщетно искал до сих пор, нашелся. Сила течения, устремлявшегося в него, была так велика, что ветку вырвало из рук инженера и мгновенно унесло.

— Ну, теперь уж сомневаться нечего, — сказал Сайрес Смит, — тут под водой отверстие стока. Я обнажу его.

— Каким образом? — спросил Гедеон Спилет.

— Опущу уровень воды в озере на три фута.

— А как вы это сделаете?

— Открою воде другой выход, шире этого.

— Где, Сайрес?

— Там, где озеро ближе всего подходит к краю плато Кругозора.

— Но ведь там гранитная стена, — заметил журналист.

— Так что ж, — ответил Сайрес Смит, — я взорву гранитную стену, вода ринется в пролом, уровень ее в озере спадет, и отверстие стока обнажится…

— А на берег океана будет низвергаться водопад, — добавил журналист.

— Да, водопад! — подтвердил Сайрес. — И мы воспользуемся его силой. Идемте, идемте скорей!

И инженер быстрым шагом двинулся в обратный путь, увлекая за собой своего друга. Тот так верил в Сайреса Смита, что ни на минуту не усомнился в успехе его замыслов. Однако ж намерения эти были крайне дерзкими. Как проломить гранитный вал? Как без пороха, с жалкими самодельными инструментами раздвинуть несокрушимые скалы? Не затевал ли инженер Смит непосильное дело?

Когда Сайрес Смит и журналист вернулись в Трущобы, Герберт и Пенкроф разгружали плот, на котором они привезли дрова.

— Сейчас дровосеки свое дело кончат, мистер

Сайрес, — смеясь, сказал моряк, — и если вам понадобятся каменщики…

— Каменщики не понадобятся, а вот химики требуются, — ответил инженер.

— Да, да, — подхватил Гедеон Спилет. — Хотим остров взорвать…

— Взорвать остров? — изумленно воскликнул Пенкроф.

— Во всяком случае, часть острова! — внес поправку Гедеон Спилет.

— Вот слушайте, друзья мои, — начал инженер.

Он рассказал товарищам о сделанном открытии. По его мнению, внутри гранитного кряжа, на котором находится плато Кругозора, должна быть более или менее обширная пещера, и Сайрес Смит намеревался проникнуть в нее. Для этого следует, говорил он, понизить уровень воды в озере и обнажить отверстие стока, по которому выливается избыточная вода. Как же это сделать? Очень просто: дать воде другой, более широкий выход. Итак, необходимо приготовить взрывчатое вещество и, пустив его в ход, сделать озеру изрядное «кровопускание» в другом месте берега. И вот он, Сайрес Смит, попробует составить сильную взрывчатую смесь из тех материалов, какие

природа предоставила в его распоряжение.

Нечего и говорить, что все, и особенно Пенкроф, с восторгом встретили этот план. Употребить героические меры, взорвать гранит, создать водопад — моряку это пришлось по душе! И раз инженеру Смиту понадобились химики, Пенкроф способен был выступить в роли химика с таким же успехом, как в роли каменщика или сапожника. Он готов был делать все что угодно, даже обратиться в учителя танцев и хороших манер, если сие понадобится, говорил он Набу.

В первую очередь Набу и Пенкрофу было поручено освежевать убитого дюгоня, срезать с туши весь жир, а мясо сохранить впрок. Посланцы немедленно направились к озеру, даже не попросив более подробных разъяснений. Их вера в Сайреса Смита не знала сомнений.

Несколько минут спустя тронулись в путь и три остальных колониста — Сайрес Смит, Герберт и Гедеон Спилет; волоча за собой большую плетенку, они шли вверх по течению реки к месторождению каменного угля, где было также очень много серного колчедана, который встречается в переходных формациях сравнительно недавнего происхождения. Сайрес Смит уже приносил образцы этого минерала.

Весь день трое геологов перетаскивали в Трущобы груды пирита, к вечеру его скопилось там несколько тонн.

В понедельник, на следующее утро, 8 мая, инженер приступил к своим опытам. Пиритоносные сланцы в основном состоят из углерода, кремнезема, окиси алюминия и сернистого соединения железа — его как раз там больше всего; нужно было выделить сернистое железо и как можно скорее превратить его в железный купорос, а получив железный купорос, добыть из него серную кислоту.

Такую задачу и поставил перед собой Сайрес Смит. Серная кислота нашла широкое применение во всем мире; ее потребление для нужд производства является показателем промышленного развития любой страны. В дальнейшем серная кислота оказалась очень полезной колонистам при изготовлении ими свечей, дублении кож и т. д. Но сейчас инженер хотел добыть ее для других целей.

Выбрав позади Трущоб площадку, колонисты тщательно ее выровняли, сложили там костер из хвороста и дров, на него положили куски железного колчедана, так, чтоб между ними проходил воздух, а сверху засыпали тонким слоем серного

колчедана, раздробленного на мелкие кусочки, величиной с орех.

Сложив все это, зажгли костер; накалившиеся сланцы воспламенились, потому что содержали в себе углерод и серу. Тогда сверху положили еще несколько слоев дробленого колчедана, и всю эту огромную кучу прикрыли сверху землей и дерном, оставив лишь несколько отверстий, как это делается, когда складывают груду дров, пережигая их на уголь.

Горящую под спудом груду минералов и топлива, в которой происходили химические превращения, оставили в покое — нужно было не меньше десяти — двенадцати дней для того, чтобы колчедан превратился в сернистое железо и далее в железный купорос, а окись алюминия — в сернокислый алюминий, то есть в одинаково растворимые соединения, тогда как кремнезем и углерод, перешедшие в золу, нерастворимы.

Пока происходили эти химические процессы, колонисты под руководством Сайреса Смита занялись другой работой и делали ее не только усердно, но с каким-то неистовым рвением.

Наб и Пенкроф срезали весь жир с туши дюгоня и сложили его в большие глиняные корчаги. Из этого жира нужно было выделить одну из

составных его частей — глицерин. Для этого достаточно было обработать его содой, или известью. И в том и в другом случае получилось бы мыло и выделился необходимый Сайресу Смиту глицерин. Как мы знаем, извести у колонистов имелось достаточно, но обработка жира известью дает нерастворимое и, следовательно, бесполезное мыло, тогда как при обработке содой получилось бы растворимое мыло, которое могло пригодиться колонистам в их домашнем быту… Как человек практический, Сайрес Смит решил обработав жир содой. Добыть соду оказалось не так уж трудно. Море выбрасывало на берег очень много водорослей — кремнистые, фукоиды, морской мох и другие. И вот колонисты собрали целые груды водорослей, сначала их высушили, а потом сожгли в открытых ямах. Сгорание длилось несколько дней, и температура поднялась так высоко, что зола расплавилась; в результате пережигания получилась сплошная сероватая масса, давно известная под названием натуральной соды.

Теперь Сайрес Смит имел возможность обработать жир содой, получив таким образом растворимое мыло и нейтральное вещество — глицерин.

Но этого еще было недостаточно. Для будущих работ Сайресу Смиту нужна еще была азотнокислая соль, более известная под названием селитры. Сайрес Смит мог бы получить ее, обработав азотной кислотой углекислую соль поташа, которую легко извлечь из золы растений. Но азотной кислоты у него не имелось, — как раз ее-то он и хотел получить. Словом, тут был порочный круг; казалось, выхода не найти. К счастью, сама природа предоставила инженеру Смиту селитру — пришлось только потрудиться, чтобы ее собрать. Герберт открыл целые залежи селитры в северной части острова, у подножия горы Франклина; оставалось только очистить эту азотнокислую соль.

Все эти разнообразные работы заняли с неделю; закончились они прежде, чем произошло превращение сернистого железа в железный купорос. Колонисты еще успели до тех пор изготовить глиняные огнеупорные сосуды и сложить кирпичную печь особого устройства для предстоящей перегонки железного купороса. Все было закончено 18 мая и в тот же день почти завершились происходившие химические процессы. Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф под руководством инженера стали превосходными

рабочими. Впрочем, необходимость — лучший учитель, и ее больше всех слушаются.

Когда всю груду колчедана пережгли, в результате химических превращений получился железный купорос, сернокислый алюминий, кремнезем, остаточный уголь и зола. Все это положили в корчагу, наполненную водой, разболтали в ней, дали отстояться, и когда жидкость стала прозрачной, ее слили — она представляла собой раствор железного купороса и сернокислого алюминия, все остальные вещества остались на дне корчаги в виде нерастворимого осадка. Жидкость частично выпарили, при этом отложились кристаллы железного купороса, а невыпаренную воду, содержавшую в себе купорос алюминия, оставили без употребления.

Теперь в распоряжении Сайреса Смита было изрядное количество кристаллов железного купороса; предстояло получить из него серную кислоту.

В промышленной практике для производства серной кислоты требуется дорогостоящая установка. Тут нужны и заводы и лаборатории, специально оборудованные платиновой посудой, свинцовые камеры, в которых происходят химические реакции (свинец не поддается дей-

ствию кислоты) и т. д. Конечно, у Сайреса Смита и в помине не было такого оборудования, но он знал, что в некоторых странах, например в Богемии, серную кислоту производят более простым способом и при этом даже достигают лучших результатов — получают кислоту более сильной концентрации. В частности, этим способом вырабатывается так называемая кислота Нордхаузена.

Для получения серной кислоты Сайресу Смиту оставалось произвести сухую перегонку: прокалить в закрытом сосуде кристаллы железного купороса для того, чтобы серная кислота выделилась в виде паров, а затем, конденсируясь, эти пары превратились бы в жидкую серную кислоту.

Для перегонки послужили приготовленные огнеупорные глиняные сосуды, в которые положили кристаллы железного купороса, и специально сложенная печь. Перегонку и конденсацию провели превосходно, и 20 мая, через двенадцать дней после начала всего процесса, в распоряжении Сайреса Смита был сильнейший реактив, который он рассчитывал употреблять позднее для самых разнообразных целей.

Для чего же ему нужна была серная кислота в

первую очередь? Да просто для получения азотной кислоты; получить ее оказалось нетрудно: обработав серной кислотой селитру, он путем дистилляции добился выделения азотной кислоты.

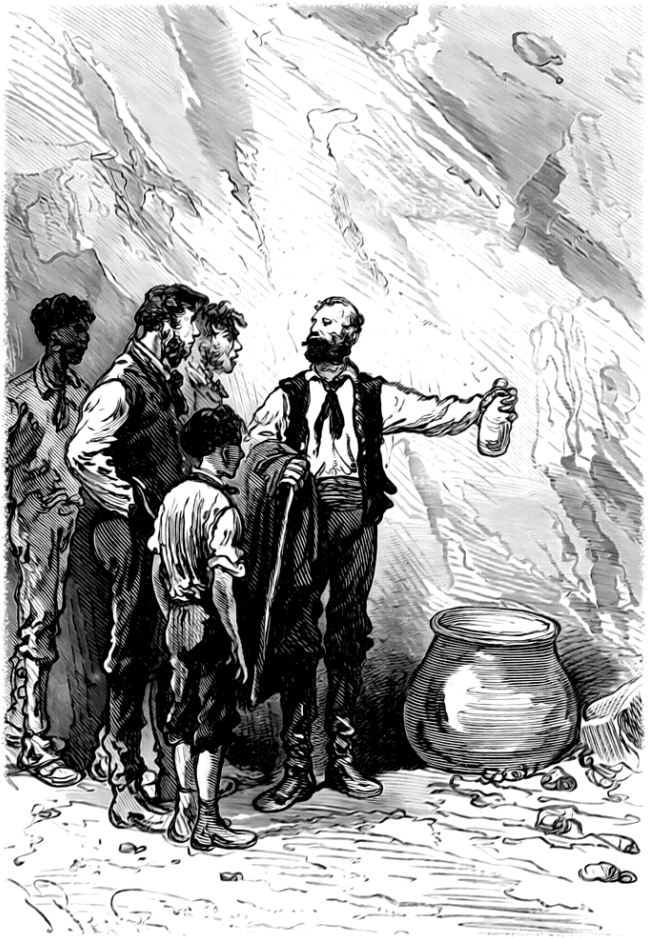
Но зачем понадобилась Сайресу Смиту азотная кислота? Этого сотоварищи инженера пока еще не знали — он не посвятил их в конечную цель своих работ.

Однако инженер уже приближался к своей цели, и последние его опыты дали, наконец, то вещество, для получения которого понадобилось столько трудов.

Добыв азотную кислоту, Сайрес Смит подлил к ней глицерина, предварительно сгустив его путем выпаривания в водяной бане, и получил (даже без добавления охлаждающей смеси) несколько пинт желтоватой маслянистой жидкости.

Составление смеси Сайрес Смит произвел один и поодаль от Трущоб, так как это соединение являлось опасным и могло привести к взрыву; а когда он принес своим товарищам сосуд с полученной жидкостью, то коротко сказал:

— Вот нитроглицерин!



Действительно, он добыл это ужасное взрывчатое вещество, пожалуй, в десять раз превосходящее по силе действия порох и уже вызвавшее столько несчастных случаев. Правда, применение нитроглицерина стало более безопасным с тех пор, как химики нашли способ превращать его в динамит, смешивая с такими веществами, как сахар или глина, которые могут впитывать в себя эту опасную жидкость. Но в то время когда колонисты очутились на острове Линкольна, динамит еще не был известен.

— И вот этой самой жидкостью вы хотите взорвать здешние скалы? — недоверчиво спросил Пенкроф.

— Да, друг мой, — ответил инженер. — Нитроглицерин произведет свое действие, и тем более сильное, что гранит, как исключительно твердая горная порода, не так-то легко поддается взрыву.

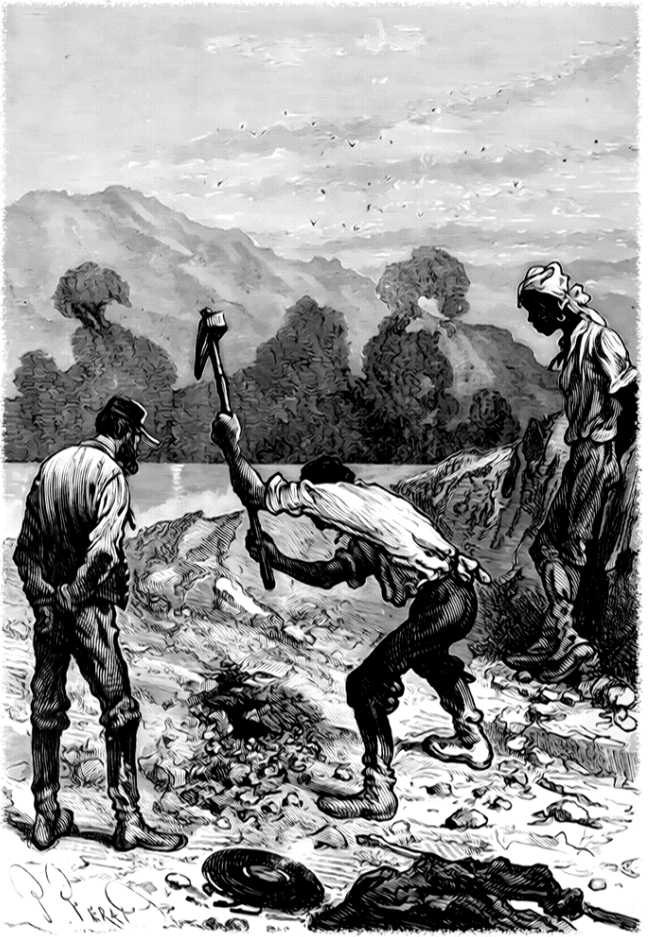
— А когда мы это увидим, мистер Смит?

Завтра, как только выроем яму и заложим мину, — ответил инженер.

На следующий день, 21 мая, минеры на рассвете направились к заливчику, образованному озером Гранта, всего лишь в пятистах шагах от побережья океана. В этом месте край плато Кругозора был ниже уровня озера, и воды его сдерживала

лишь гранитная круча высокого берега. Было совершенно ясно, что, если удастся пробить эту каменную ограду, вода вырвется из озера через этот выход, польется по наклонной плоскости горного плато и водопадом низвергнется на берег океана. В результате уровень озера понизится и отверстие прежнего водостока обнажится, чего и хотел добиться Сайрес Смит.

Итак, колонистам предстояло проломить гранитную ограду озера. Под руководством инженера Пенкроф, вооружившись киркой, принялся ловкими и сильными ударами выдалбливать углубление в камне. Гранит начал долбить у горизонтальной основы берега и вели выемке наискось, с таким расчетом, чтобы дно ее оказалось ниже уровня воды в озере. Сила взрыва, раздробив скалу должна была дать воде широкий выход и заметно понизить ее уровень.



Работа шла долго, так как инженер хотел произвести взрыв чудовищной силы, употребив для этого не менее десяти литров нитроглицерина. Но Пенкроф и Наб, сменяя друг друга, работали с таким рвением, что к четырем часам дня яма для закладки мины уже была готова.

Осталось разрешить вопрос, как воспламенить взрывчатую смесь. Обычно для нитроглицерина это делается при помощи запальных патронов из гремучей ртути. Для того чтобы произошел взрыв, нужен толчок, а если просто зажечь нитроглицерин, он будет спокойно гореть и не взорвется.

Для Сайреса Смита, конечно, не представляло особого труда сделать запальные патроны. Гремучей ртути у него не было, но он мог получить вещество, подобное хлопчатобумажному пороху, так как уже имел в своем распоряжении азотную кислоту. А достаточно было опустить в нитроглицерин патрон, набитый таким порохом, и поджечь его при помощи фитиля, как он, вспыхнув, вызвал бы взрыв.

Но Сайрес Смит поступил проще, зная, что нитроглицерин обладает свойством взрываться от удара. Он решил воспользоваться этим его свойством, а в случае неудачи применить иной способ.

Действительно, стоило налить несколько капель нитроглицерина на камень и ударить по камню в этом месте молотком, как произошел бы взрыв. Однако тот, кто произвел бы такой опыт, оказался бы его жертвой. И вот Сайрес Смит придумал способ избегнуть опасности. Он решил установить над ямой с нитроглицерином козлы и подвесить к ним железный брусок весом в несколько фунтов, прикрепив его веревкой, сплетенной из лиан. От середины этой веревки отходила другая, пропитанная серой, веревка, которую он протянул по земле; свободный ее конец находился в нескольких футах от ямы. Стоило поджечь эту веревку — и огонь побежал бы по ней, достиг с бы первой веревки, поддерживавшей железный брусок, она перегорела бы, и тяжелая кувалда с силой ударила бы по нитроглицерину.

Установили это приспособление, потом инженер велел товарищам отойти подальше от опасного места и, наполнив яму до краев нитроглицерином, пролил несколько капель своей взрывчатой смеси на камень как раз под железным бруском.

Сделав все это, Сайрес Смит зажег свободный конец веревки, пропитанной серой, и присоединился к своим товарищам, ожидавшим его в Трущобах.

По его расчетам, лиана должна была гореть минут двадцать пять; и действительно через двадцать пять минут раздался взрыв неописуемой силы. Казалось, дрогнул весь остров до самых своих недр. В воздух фонтаном взлетели камни, словно при извержении вулкана. От сотрясения земли и воздуха зашатались каменные глыбы, громоздившиеся друг на друга в Трущобах. Колонистов, хотя они находились в двух милях от места взрыва, швырнуло на землю.

Они вскочили, выбежали из своего убежища и, взобравшись на плато Кругозора, помчались к тому берегу озера, где произошел взрыв…

А лишь только они добежали, то от восторга трижды прокричали «ура». В гранитном береге озера зияла широкая пробоина! Бурля и пенясь,

вырывался из нее на плато быстрый поток и, достигнув края плоскогорья, с высоты трехсот футов низвергался на берег моря!

ГЛАВА XVIII

Пенкроф больше не знает сомнений. — Прежний водосток. — Подземный ход. — Сквозь гранитный кряж. — Топ исчез. — Центральная пещера. — Нижний колодец. — Тайна. — Ударами кирки. — Возвращение

Итак, замыслы Сайреса Смита осуществились, но, по своему обыкновению, он ничем не выразил своего удовлетворения, и, застыв неподвижно, крепко сжав губы, молча смотрел на необыкновенное зрелище. Наб прыгал от радости, а Пенкроф, покачивая головой, бормотал:

— Вот так штука! Здорово работает наш инженер!

В самом деле, взрыв оказал разительное действие. Выход для воды был так широк, что теперь из озера выливалось втрое больше воды, чем через старый сток. И не удивительно, что вскоре после взрыва уровень озера понизился не меньше чем на два фута.

Колонисты возвратились в Трущобы, захватили кирки, колья, окованные железом, огниво и трут, и снова направились к озеру. Топ сопровождал их. Дорогой моряк не мог не поделиться поразившей его мыслью:

— А знаете, мистер Сайрес, вы приготовили такую симпатичную настойку, что, пожалуй, можете взорвать весь остров.

— Совершенно верно, Пенкроф. И остров, и материки, и всю землю, — ответил Сайрес Смит. — Все дело только в количестве.

— А не можете вы употребить этот ваш нитроглицерин для ружейных зарядов? — спросил моряк.

— Нет, Пенкроф, нитроглицерин — взрывчатое вещество слишком большой разрушительной силы. Но нам нетрудно будет изготовить хлопчатобумажный или даже обыкновенный порох, раз у нас есть азотная кислота, селитра и уголь. Беда только, что ружей у нас нет.

— Ну, мистер Сайрес, — возразил моряк, — вы уж постарайтесь, пожалуйста.

Как видно, Пенкроф решительно вычеркнул слово «невозможно» из словаря обитателей острова Линкольна. Достигнув плато Кругозора, колонисты направились к тому краю озера, где

находился старый сток, — теперь он должен был обнажиться, и, поскольку вода больше не бежала в него, вероятно, нетрудно было проникнуть туда и посмотреть, что там делается.

Несколько минут спустя колонисты уже были у южного края озера. Бросив на него взгляд, они убедились, что желанная цель достигнута.

В самом деле, в гранитном береге, теперь уже выше уровня воды, виднелось отверстие стока, который они так долго искали. Обнажившийся узкий выступ берега позволил добраться до него. Ширина отверстия была приблизительно двадцать футов, а высота — только два фута, — оно напоминало отверстие сточной трубы, чернеющее за решеткой у края тротуара. Итак, проникнуть в этот подземный канал оказалось нелегко, но Наб и Пенкроф взялись за кирки, и через какой-нибудь час туда уже можно было войти.

Инженер подошел к стоку и, всмотревшись, убедился, что вначале он идет вниз с уклоном не более чем в тридцать — тридцать пять градусов. Значит, не так уж трудно будет спуститься по нему и, если крутизна уклона не увеличивается, добраться до самого моря. Вполне вероятно, что внутри гранитного кряжа окажется большая

пещера, которой удастся воспользоваться.

— Ну как, мистер Смит? Чего же мы ждем? — спросил моряк, нетерпеливо стремившийся проникнуть в темный проход. — Смотрите, Топ уже побежал туда!

— Отлично, — ответил инженер. — Надо, однако, посветить. Наб, ступай-ка нарежь сосновых веток.

Наб и Герберт побежали к ближайшей рощице и вскоре вернулись с охапкой смолистых ветвей, из которых они тут же сделали нечто вроде факелов. При помощи огнива зажгли эти ветки, и колонисты во главе с Сайресом Смитом двинулись по темному подземному проходу, по которому еще так недавно устремлялись избыточные воды озера.

Вопреки опасениям наших исследователей, проход все расширялся, и вскоре уже не нужно было нагибаться при спуске. Но гранитное русло, которое вода полировала целую вечность, стало скользким, и упасть тут было опасно. Поэтому путники связали себя друг с другом веревкой, как это делается при восхождении на вершины гор. К счастью, спуск облегчали попадавшиеся под ногами каменные выступы, похожие на ступени. Капли воды, еще сочившиеся по граниту,

переливались при свете факелов всеми цветами радуги, и казалось, что с темного свода свисают бесчисленные сталактиты. Инженер внимательно оглядывал черные гладкие стены подземного прохода. Ни одного наслоения, ни одной трещины! Необыкновенно плотная, мелкозернистая гранитная твердь. Подземный ход, вероятно, существовал со времен возникновения острова. Разумеется, не вода проложила себе этот путь. Скорее всего, гранитный кряж пробила рука самого Плутона, а не Нептуна — на стенках прохода видны были следы вулканических толчков, еще не совсем сглаженные водой.

Путники продвигались очень медленно. Все молчали, ибо испытывали невольное волнение, спускаясь в недра каменного кряжа, куда, несомненно, впервые проник человек, и, вероятно, не одному из них приходила мысль, что в каком-нибудь темном закоулке этого подземного канала, сообщающегося с океаном, таится спрут или иной исполинский головоногий. Нужно было продвигаться с осторожностью.

Впрочем, впереди маленького отряда исследователей бежал Топ, и можно было положиться на его чутье и сообразительность: в случае опасности он поднял бы тревогу.

Спустившись довольно извилистым проходом футов на сто, Сайрес Смит, возглавлявший шествие, остановился. Спутники подошли к нему. В этом месте проход, расширяясь, образовывал небольшую пещеру. С каменного ее свода падали капли воды, но они попали сюда не вследствие просачивания из озера через трещины в граните — то просто были еще свежие следы потока, так долго бежавшего тут. Воздух был влажный, но в нем не чувствовалось никаких тлетворных испарений.

— Ну, дорогой Сайрес, — сказал Гедеон Спилет, — вот вам и убежище, весьма уединенное и прекрасно скрытое в горных недрах. Жаль только, что жить в нем нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Пенкроф.

— Тесно и темно.

— А разве мы не можем его расширить и пробить стенку, чтоб впустить сюда свет и воздух? — воскликнул моряк — он теперь уж решительно ни в чем не знал сомнений.

— Пойдемте дальше, — сказал Сайрес Смит, — продолжим разведку. Когда спустимся ниже, может быть, окажется, что природа избавила нас от лишних трудов.

— Мы спустились только еще на одну треть

высоты этого кряжа, — заметил Герберт.

— Да, приблизительно на треть, — подтвердил Сайрес. — Мы прошли футов сто от входа, а когда одолеем еще сто футов, то, возможно…

— Где же собака? — встревоженно воскликнул Наб, прерывая хозяина.

Обошли всю пещеру, Топа в ней не было.

— Наверно, вперед убежал, — предположил Пенкроф.

— Пойдемте-ка за ним, — сказал Сайрес Смит.

Все двинулись дальше. Инженер внимательно следил за многочисленными извилинами прохода и без особого труда определил, что, несмотря ни на что, общее его направление сохраняется: он ведет к морю.

Колонисты спустились еще на пятьдесят футов, считая по вертикали, и вдруг внимание их привлекли какие-то отдаленные звуки, доносившиеся из глубины прохода. Все остановились, прислушались. Звуки эти долетали по каменному коридору совершенно отчетливо, словно через слуховую трубку.

— Это Топ лает! — воскликнул Герберт.

— Да, — отозвался Пенкроф. — И еще как лает! Прямо рассвирепел наш славный пес!

— У нас есть оружие — окованные железом

колья, — сказал Сайрес Смит. — Держитесь начеку. Вперед!

— Все интереснее делается! — прошептал Гедеон Спилет на ухо моряку, и тот утвердительно кивнул головой.

Сайрес Смит и его товарищи бросились на помощь Топу. Лай его становился все явственнее. И в этом отрывистом лае чувствовалась какая-то необыкновенная ярость. Может быть, пес схватился с каким-нибудь животным, случайно потревожив его в логове? В непреодолимом волнении путники совсем и не думали об опасности, возможно грозившей им. Они уже не просто спускались, они скатывались по скользкому дну канала и, очутившись за несколько секунд на пятьдесят футов ниже, увидели Топа.

В этом месте проход выводил в большую и очень красивую пещеру, где рыскал Топ, заливаясь злобным лаем. Пенкроф и Наб, размахивая факелами, освещали все выступы и впадины гранитных стен, а Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Герберт, подняв окованные железом колья, приготовились встретить любого врага. Но огромная пещера оказалась пустой. Путники обследовали ее вдоль и поперек — в ней не было ни одного живого существа. А Топ лаял все так же неистово. Ни

ласками, ни угрозами его не могли утихомирить.

— Вероятно, здесь есть где-нибудь выход, через который озерная вода стекала в море, — сказал инженер.

— Да уж наверняка есть, — согласился Пенкроф. — Осторожнее, друзья! Как бы нам не провалиться в яму.

— Топ, ищи, ищи! — крикнул Сайрес Смит.

Собака встрепенулась и, кинувшись в дальний конец пещеры, залаяла там еще громче.

Колонисты двинулись вслед за ней и при свете факелов увидели черный провал, разверзавшийся в граните. Несомненно, туда и стекала вода, совсем еще недавно пробегавшая внутри каменного кряжа, но этот сток уже не представлял собою коридора с наклонным скатом, а настоящий колодец, и проникнуть в него было невозможно.

Наклонили над отверстием колодца факелы, но ничего там не могли различить. Сайрес Смит взял одну из горящих веток и бросил ее в зияющую пропасть. Смолистая ветка, разгоревшись еще больше от быстрого падения, осветила колодец изнутри, и снова путники ничего не увидели. Потом пламя, затрепетав угасло — должно быть, ветка коснулась воды, значит, достигла моря.

Сосчитав, сколько секунд длилось падение ветки, Сайрес Смит определил, что глубина колодца равняется приблизительно девяноста футам.

Итак, пол гранитной пещеры находился на высоте девяноста футов над уровнем моря.

— Вот и жилище для нас, — сказал Сайрес Смит.

— Но ведь в нем, вероятно, жило какое-то животное, — заметил Гедеон Спилет, — его любопытство не было удовлетворено.

— Ну что ж, прежний хозяин — амфибия или иное существо — уступил нам место, а сам бежал через колодец, — ответил инженер.

— А все-таки хотелось бы мне оказаться тут на месте Топа четверть часа назад, — проговорил моряк. — Ведь не зря же пес так лаял!

Сайрес Смит посмотрел на свою собаку, и если б его товарищи стояли в ту минуту поближе, они услышали бы, как он сказал вполголоса:

— Да, думается мне, Топу многое известно. Куда больше, чем нам!

Оказалось, что найденная пещера удовлетворяет почти всем требованиям колонистов. Волею случая, которому пришла на помощь необыкновенная проницательность их руководителя, в распоряжении колонистов оказалась

обширная пещера, размеры которой они еще не могли определить при тусклом свете факелов, но, несомненно, ее нетрудно было разделить кирпичными перегородками на несколько «комнат», и у них получился бы если не настоящий дом, то по крайней мере просторное убежище. Вода из него ушла и уж никогда не вернется. Место было свободно.

Правда, еще оставались две трудности: как осветить огромный грот, скрытый в гранитном кряже, и как сделать вход в него более доступным? Прорубить отверстие вверху нечего было и думать — слишком большая толща гранита лежала над сводом. Но что, если удастся пробить окно в передней стене, обращенной к морю? Спускаясь подземным коридором, Сайрес Смит приблизительно определил его наклон, а следовательно, и длину, и теперь полагал, что передняя стена пещеры не должна быть очень уж толстой. А если удастся прорубить в ней окна, то можно будет пробить и дверь, сделать наружную лестницу, а тогда и вход станет удобнее.

Инженер поделился своими замыслами с товарищами.

— Так что ж, мистер Сайрес, — за работу! — ответил Пенкроф. — Кирка при мне. Будьте

покойны, окошко мы прорубим. Где надо бить?

— Вот здесь, — ответил инженер и указал силачу Пенкрофу на довольно глубокую впадину, благодаря которой толщина стены в этом месте, несомненно, уменьшилась.

Пенкроф принялся при свете факелов долбить киркой; вокруг него веером сыпались осколки камня, из-под кирки вылетали искры. Через полчаса его сменил Наб, а после Наба киркой вооружился Гедеон Спилет.

Работа шла уже два часа, и можно было опасаться, что киркой не продолбишь гранита, но вдруг последний удар, сделанный Гедеоном Спилетом, пробил стену, и кирка выпала наружу.

— Ура! Ура! Еще раз ура! — крикнул Пенкроф.

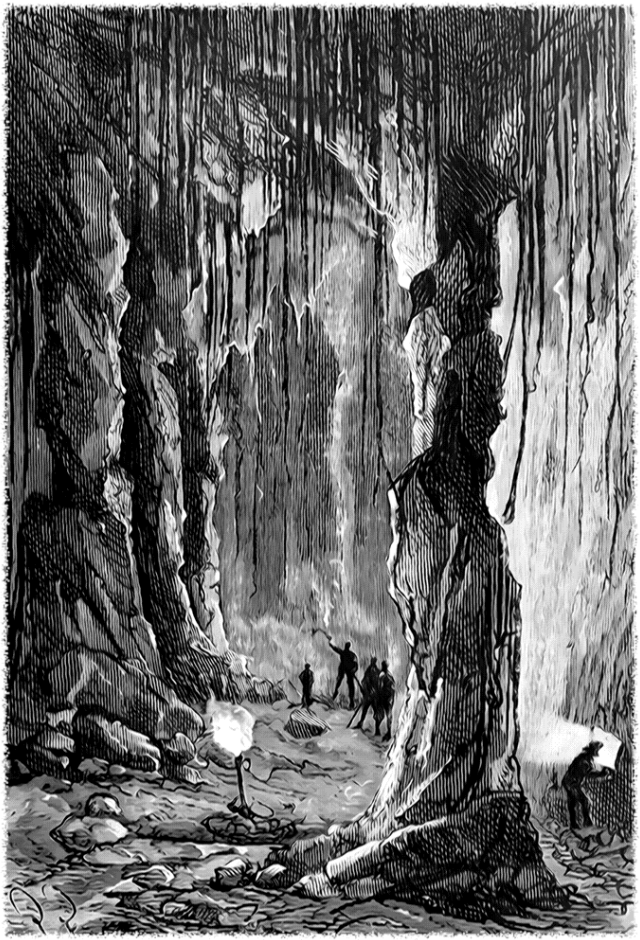
Толщина стены не превышала трех футов.

Сайрес Смит поглядел в отверстие, пробитое на высоте девяноста футов. Он увидел песчаную полосу берега, островок Спасения, беспредельный простор океана.

Граниту нанесли значительный урон — отверстие вышло довольно широким, в пещеру хлынули потоки света, и перед колонистами открылось величественное зрелище.

В левой стороне пещера была не больше тридцати футов высоты и такой же ширины, а длиной

в сто футов; зато правая ее часть была огромна; гранитный свод изгибался там округлым куполом на высоте более чем в девяносто футов. Кое-где в прихотливом беспорядке вздымались гранитные колонны, поддерживавшие свод, словно в главном приделе собора. Этот купол опирался по бокам на массивные столбы, соединенные то каменными полукружиями, то высокими стрельчатыми арками, уходившими вдаль темными пролетами, разубран был множеством выступов, похожих на искусные лепные украшения, и поражал своеобразным и живописным сочетанием черт, характерных для византийского, романского и готического зодчества. Пещера казалась дворцом, воздвигнутым зодчим, меж тем она была творением самой природы, создавшей в недрах гранитного кряжа эту великолепную Альгамбру.



Колонисты замерли от восхищения. Там, где они думали найти тесную пещеру, перед ними возник дивный чертог, и Наб обнажил голову, словно очутился в храме!

Минута молчания сменилась шумными возгласами восторга. Под высоким сводом пронеслись крики «ура» и, отдаваясь гулким эхом, затихли где-то в темных проходах.

— О друзья мои! — воскликнул Сайрес Смит. — Мы впустим свет, много света в недра этого гранитного вала; в левой стороне устроим комнаты, склады, мастерские, а вот в этом великолепном гроте у нас будет рабочий кабинет и музей.

— Как мы назовем эту пещеру? — спросил Герберт.

— Гранитный дворец, — ответил Сайрес Смит, и все встретили это название новыми криками «ура».

Факелы уже догорали и, так как нужно было потратить еще немало времени, чтобы выбраться подземным ходом на плато Кругозора, решили отложить работы по устройству нового жилища до следующего дня.

Перед уходом Сайрес Смит еще раз нагнулся над темным колодцем, отвесно спускавшимся к самому морю. Он внимательно прислушался. Из

черной глубины не доносилось ни малейшего звука, даже отдаленного шума волн, — а ведь они должны были иногда плескаться в этом провале. Опять бросили туда горящую смолистую ветку. На мгновение стенки колодца осветились, но, как и в первый раз, ничего подозрительного путники там не увидели. Если какое-нибудь морское чудовище и было застигнуто врасплох нежданным иссяканием подземного потока, оно, вероятно, бежало на дно океана, пробравшись тем самым каналом, по которому изливались в море избыточные воды из озера, пока им не открыли новый сток.

И все же Сайрес Смит долго стоял у провала и, устремив взгляд в его темное жерло, напряженно прислушивался, не произнося ни слова. Моряк подошел к нему и, тронув его за плечо, сказал:

— Мистер Смит…

— Вы что, друг мой? — спросил инженер, словно очнувшись от сна.

— Факелы наши, того и гляди, угаснут.

— В дорогу! — скомандовал Сайрес Смит.

Маленький отряд распростился с пещерой и стал подниматься по темному водостоку к берегам озера. Топ на этот раз замыкал шествие и, как это ни странно, время от времени все еще

злобно рычал. Подъем был довольно трудный. Колонисты решили передохнуть и на несколько минут остановились в верхнем гроте, представлявшем собою как бы площадку на середине этой длинной лестницы с гранитными ступенями. Затем все снова принялись карабкаться вверх.

Вскоре на них пахнуло свежим ветерком. На стенках канала уже не блестели капли воды — она испарилась. Побледнел свет горевших факелов. Факел Наба последний раз вспыхнул и угас. Надо было поторапливаться, чтобы не идти в кромешной тьме.

Путники прибавили шагу, и около четырех часов дня, когда потух последний факел, который нес Пенкроф, Сайрес Смит и его товарищи уже выходили из отверстия водостока.

ГЛАВА XIX

План Сайреса Смита. — Фасад Гранитного дворца. — Веревочная лестница. — Мечты Пенкрофа. — Душистые травы. — Природный кроличий садок. — Водопровод для нового жилища. — Вид из окон Гранитного дворца

На следующий день, 22 мая, начались работы

по благоустройству нового жилища. Колонистам не терпелось поскорее переселиться из Трущоб, пристанища очень неудобного, в просторное сухое жилище, скрытое в горном кряже, не доступное ни волнам морским, ни ливням небесным. Совсем забросить Трущобы колонисты не собирались. Сайрес Смит предполагал устроить там мастерскую.

Прежде всего Сайрес Смит постарался точно установить, в какую сторону обращен фасад Гранитного дворца. Он поспешил на берег моря, к подножию гранитного вала, и поскольку кирка, оброненная журналистом, несомненно, упала на берег, то достаточно было найти ее, чтобы определить, куда обращено отверстие, проделанное в стене пещеры.

Кирку Гедеон Спилет разыскал без труда — она вонзилась в песок как раз под окном, пробитым приблизительно на высоте в восемьдесят футов от берега. Скалистые голуби уже влетали и вылетали через это оконце, как будто колонисты для них и отыскали Гранитный дворец.

Инженер задумал разделить левую сторону пещеры на несколько комнат и прихожую, пробить для них «по фасаду» пять окон и дверь. Пять окон! Пенкроф был этим очень доволен, но дверь счи-

тал бесполезной роскошью, поскольку старый водосток представлял собой устроенную самой природой лестницу, по которой всегда легко будет проходить в Гранитный дворец.

— Друг мой, — заметил Сайрес Смит, — если нам легко будет по этой лестнице войти к себе в дом, то и другие также легко смогут туда попасть. Я, наоборот, собираюсь крепко-накрепко замуровать отверстие водостока и, если понадобится, совсем его скрыть, а для этого возвести плотину и поднять уровень воды в озере.

— А как же мы будем входить? — спросил моряк.

— По наружной лестнице, — ответил Сайрес Смит. — Сделаем веревочную лестницу. Лишь только взберемся, поднимем ее, и тогда уж никому не влезть в наше убежище.

— Да зачем такая осторожность? — удивился Пенкроф. — Звери здесь, кажется, не очень опасные. А туземцев на нашем острове не имеется.

— Вы вполне в этом уверены, Пенкроф? — спросил Сайрес Смит, глядя на него.

— Ну, как сказать… Совсем быть уверенным нельзя, пока не обследуем весь остров, — ответил моряк.

— Да, — подтвердил Сайрес Смит, — мы ведь по-

ка знаем лишь небольшую часть острова. Но если у нас здесь и нет врагов, могут нагрянуть незваные гости из других мест — эти широты Тихого океана пользуются недоброй славой. Давайте-ка примем меры против возможных опасностей.

Доводы Сайреса Смита были резонны, и Пенкроф без лишних разговоров приготовился выполнить его распоряжения.

Итак, с одной стороны пещеры, представлявшей собою квартиру, следовало пробить по фасаду Гранитного дворца пять окон и дверь, а в великолепный грот, который решили обратить в парадный зал, свет должен был проникать в изобилии через широкий проем в передней стене и круглые оконца. Фасад, находившийся на высоте восьмидесяти футов над берегом, был обращен на восток, и первыми своими лучами солнце слало привет Гранитному дворцу. Новое жилище находилось в той части кряжа, которая тянулась от выступа возле реки Благодарения и до циклопического нагромождения каменных глыб, которое Пенкроф назвал Трущобами. Поэтому порывы лютого норд-оста задевали его лишь вскользь — защитой ему служил вышеуказанный выступ кряжа. Впрочем, в ожидании тех дней, когда будут сделаны рамы, инженер

намеревался закрывать оконные проемы прочными ставнями, которые защищали бы жилище от ветра и дождя, а в случае нужды могли быть даже замаскированы.

Но в первую очередь следовало, конечно, пробить эти отверстия, — их еще не было. Долбить твердый гранит ломом было бы очень долго, а, как нам уже известно, Сайрес Смит любил действовать решительно. У него еще оставалось некоторое количество нитроглицерина, это взрывчатое вещество принесло и тут большую пользу. Инженер умело локализовал его действие, и пробоины в граните получились именно в тех местах, которые он наметил. Затем киркой и ломом придали стрельчатую форму пяти оконным проемам «квартиры», широкому окну, слуховым окнам и двери, выровняли края этих пробоин, имевших довольно прихотливые очертания, и через несколько дней благодаря усердию каменщиков Гранитный дворец с восходом солнца уже заливали потоки яркого света, проникавшего в самые темные его тайники.

По замыслу Сайреса Смита, «квартиру» следовало разделить на пять «комнат» с видом на море: налево — передняя с прорубленной дверью, к которой предполагалось добираться по веревоч-

ной лестнице, затем кухня шириной в тридцать футов, столовая сорок футов шириной, спальня таких же размеров, и, наконец (по настоянию Пенкрофа), комната для друзей, смежная парадным залом.

«Комнаты» шли в ряд, и «квартира» не занимала всей пещеры, еще оставалось место для коридора, отделявшего ее от длинного и просторного склада для инструментов, провианта и всякого рода запасов. Все, что флора и фауна острова могли дать для нужд колонистов, прекрасно сохранялось бы здесь, не портясь от сырости. Места в складе было достаточно, помещение позволяло все разложить и расставить по порядку. Кроме того, в распоряжении хозяев Гранитного дворца была и маленькая верхняя пещера, которая могла служить амбаром.

Итак, план выработали, оставалось лишь его осуществить. Минеры опять стали кирпичниками, а затем носильщиками: изготовленные ими кирпичи они перенесли на берег и сложили у подножия Гранитного дворца. Сайрес Смит и его товарищи все еще проникали в пещеру через прежний водосток. Такой способ сообщения был очень неудобен: приходилось подниматься на плато Кругозора, обойдя гранитную стену

по левому берегу реки, затем спускаться подземным коридором на двести футов вниз, а на обратном пути подниматься по нему. Словом, дорога отнимала много времени и очень утомляла. Сайрес Смит решил, что медлить нечего и пора изготовить веревочную лестницу. Стоило обитателям Гранитного дворца, поднявшись по этой лестнице, убрать ее, никто уже снизу не мог бы проникнуть к ним.

Лестницу изготовили с величайшей тщательностью, ссучив веревки из волокнистых растений при помощи деревянной «вертушки»; прочностью они не уступали толстому канату… Для перекладин взяли легкие и крепкие дощечки, вырезанные из красного кедра; все было сделано умелыми руками Пенкрофа.

Ссучили из волокон растений и другие веревки и установили у двери нечто вроде лебедки. Хотя это приспособление и было сделано довольно грубо, оно очень упростило переноску строительных материалов, и тотчас начались работы внутри пещеры. Извести запасли достаточно, кирпичи лежали в штабелях, готовые к услугам. Строители без особого труда поставили деревянные, довольно топорные стойки для перегородок, и в очень короткий срок «квартира» была разделена

на комнаты и склад.

Под руководством Сайреса Смита работа шла чрезвычайно быстро; он и сам орудовал то плотничьим топором, то соколком каменщика. Инженер Смит знал, кажется, любое ремесло и всегда подавал пример своим сметливым и усердным товарищам. Дело спорилось, трудились дружно и даже весело. Пенкроф, работавший и за веревочника, и за плотника, и за каменщика, всех умел посмешить, всех заражал своей бодростью. Его вера в таланты Сайреса Смита была непреложна, ничто не могло бы ее поколебать. Он считал, что инженер Смит способен провести с успехом любое начинание. Как обновить изношенную одежду и обувь (вопрос бесспорно очень важный), чем освещаться в долгие зимние вечера, как воспользоваться дарами природы в плодородной части острова и превратить дикую растительность в культурные насаждения — все теперь казалось Пенкрофу легким: Сайрес Смит поможет справиться со всяческими трудностями, и в свое время колония ни в чем не будет знать недостатка. Пенкроф мечтал о каналах, которые облегчат перевозку добытых природных богатств острова, о разработке каменоломен и шахт, о машинах для всяких промышленных изделий,

о целой сети железных дорог, которая покроет весь остров.

Инженер не разочаровывал Пенкрофа, не высмеивал непомерных мечтаний этого славного человека. Он знал, как заразительна уверенность; он даже улыбался, слушая Пенкрофа, и ничего не говорил о тревоге, которую испытывал порой, думая о будущем. Ведь можно было опасаться, что в этой части Тихого океана, далекой от морских путей, ни один корабль не придет им на помощь. Они могли рассчитывать только на самих себя, ибо преодолеть огромное расстояние, отделявшее их остров даже от ближайшей земли, да еще проплыть его в самодельной убогой лодке, было бы, несомненно, попыткой дерзкой и более чем опасной.

Но, как говорил Пенкроф, колонисты острова Линкольна стоили во сто раз больше, чем все прежние Робинзоны, для которых каждая даже малая удача казалась просто-напросто чудом. Ведь у наших аэронавтов были знания, а раз у людей есть знания, они всегда выйдут победителями там, где других ждет прозябание и неминуемая гибель.

На работах по устройству жилища очень отличился Герберт. Умный и деятельный юноша

быстро все схватывал и хорошо выполнял. Сайрес Смит с каждым днем все больше к нему привязывался. Герберт любил инженера глубокой и почтительной любовью. Пенкроф видел, как возрастает эта дружба, но не ревновал своего питомца. Наб оставался все таким же, как прежде, и каким вероятно, ему предстояло быть всегда — воплощением мужества, усердия, преданности и самоотверженности. Верил он в своего хозяина, конечно, не меньше Пенкрофа, но не так шумно проявлял свои чувства. Когда моряк бурно восторгался, Наб посматривал на него с таким видом, словно хотел сказать: «А иначе и быть не может!» Он крепко подружился с Пенкрофом, и они уже давно перешли на «ты».

Гедеон Спилет в работе не отставал от других и отнюдь не отличался неловкостью, к великому удивлению Пенкрофа: как же так — «газетчик», способный не только красноречиво говорить, но и хорошо работать руками.

Двадцать восьмого мая установили, наконец, лестницу длиной в восемьдесят футов, сделав на ней по меньшей мере сто ступеней. К счастью, Сайресу Смиту удалось разделить ее на две части, воспользовавшись уступом гранитной стены, имевшимся на высоте приблизительно в сорок

футов. Старательно выровняв киркой этот уступ, его обратили в своего рода лестничную площадку и закрепили на ней конец первой лестницы, которая теперь раскачивалась вдвое меньше; при помощи веревки ее можно было втянуть в Гранитный дворец. Что касается второй лестницы, то ее нижний конец тоже опирался на эту «площадку», а верхний прикрепили к самой двери. Благодаря такому устройству подниматься по лестнице стало не очень трудно. Впрочем, Сайрес Смит рассчитывал устроить впоследствии гидравлический подъемник, чтобы сберечь время и силы обитателей Гранитного дворца.

Колонисты быстро привыкли взбираться по лестнице, а все они были ловкие, проворные, и Пенкроф, в качестве, моряка, привыкшего лазать по вантам и реям, мог преподать им уроки. Но ему пришлось обучать и Топа. Бедное четвероногое животное совсем не было создано для таких акробатических упражнений. Но Пенкроф оказался терпеливейшим учителем, и в конце концов Топ довольно сносно научился карабкаться по перекладинам лестницы, а через некоторое время взбирался на самый ее верх не хуже дрессированных собак, которых показывают в цирке. Трудно сказать, гордился ли моряк успехами своего ученика; как бы то ни было, поднимаясь по лестнице, он частенько тащил Топа, взвалив его себе на спину, причем пес никогда не выражал неудовольствия на такой способ восхождения.

Заметим, что работы велись самым энергичным образом, ибо приближалось ненастное время; при этом колонисты еще успевали запасаться на зиму провиантом. Журналист и Герберт положительно сделались поставщиками дичи для колонии и ежедневно посвящали охоте несколько часов. Они промышляли только в лесу Жакамара, на левом берегу реки Благодарения, — ни моста через реку, ни лодки у них пока

что не было, а поэтому на правый берег они еще не заглядывали. Огромные лесные чащи, которым они дали название лесов Дальнего Запада, оставались для них еще неведомыми. Важную экспедицию для их обследования отложили до первых теплых дней будущей весны. Но в лесу Жакамара имелось достаточно дичи; кенгуру и кабаны водились там в изобилии, и в умелых руках наших охотников заостренные колья, окованные железом, лук и стрелы творили чудеса. Кроме того, Герберт нашел к юго-западу от заводи реки Благодарения кроличий садок, устроенный самой природой: кролики избрали для своих нор сыроватый луг, осененный ивами и поросший душистыми травами, разливающими в воздухе благоухание: тимьяном, богородицыной травкой, базиликом, чебрецом и всякого рода ароматическими растениями из семейства губоцветных, до которых кролики большие охотники.

Увидев эту поляну, журналист сказал, что, раз тут приготовлено такое лакомое угощение для кроликов, будет просто удивительно, если на ней не окажется кроликов. Охотники самым тщательным образом осмотрели природный крольчатник, но вместо кроликов пока что обнаружили только множество полезных растений,

которые привлекли бы внимание натуралиста, как интересные образцы растительного царства. Герберт нарвал также базилика, розмарина, мелиссы, буквицы и других целебных трав, из которых одни помогают от грудной болезни, другие от лихорадки, от сердечных спазм или от ревматизма. Когда Пенкроф увидел принесенную Гербертом охапку трав, он спросил, для чего понадобилось это «сено»?

— Это целебные травы, — ответил юноша. — Будем лечиться, если захвораем.

— А зачем нам хворать? Ведь докторов-то на нашем острове нет, — совершенно серьезно ответил Пенкроф.

Против такого соображения возразить было нечего, но все же оно не помешало Герберту собрать большую жатву, и в Гранитном дворце ее встретили благожелательно, тем более что, помимо целебных растений, Герберт принес еще много золотой монарды, известной в Северной Америке под названием «чая Освего»; настой этой травы — превосходный напиток.

После долгих поисков наши охотники набрели, наконец, в тот же день на поляну, которая оказалась сущим кроличьим садком. Вся земля была изрыта там норами и казалась дырявой,

как шумовка.

— Норы! — воскликнул Герберт.

— Да, да, — проговорил журналист.

— А есть там кто?

— Это еще вопрос!

Вопрос, однако, быстро разрешился: почти тотчас же во все стороны прыснули сотни маленьких животных, похожих на кроликов и мчавшихся с такой быстротой, что даже Топ за ними не мог бы угнаться. Охотники с собакой тщетно преследовали грызунов — кролики исчезли в мгновение ока. Но Гедеон Спилет твердо решил не уходить, пока он не поймает с полдюжины этих зверьков. Сейчас он хотел только снабдить кроличьими тушками кухню Гранитного дворца, но думал заняться позднее разведением кроликов. Поймать их было бы нетрудно, для этого стоило поставить у отверстия нор несколько силков. Но, силков еще не припасли, а на месте их не из чего было смастерить. Волей-неволей пришлось осматривать каждую нору, шарить в ней палкой — словом, вооружиться терпением, так как иного выхода не было.

Целый час обшаривали норы и наконец изловили четырех грызунов. Оказалось, что эти животные, которых обычно называют американскими кроликами, очень похожи на своих европейских родичей.

Охотники принесли свою добычу в Гранитный дворец и там из них приготовили ужин. Мясо кроликов оказалось превкусным, и поэтому отнюдь не следовало пренебрегать обнаруженным кроличьим поселением: оно могло стать очень ценным подспорьем для колонии, как неистощимый источник мясной пищи.

Тридцать первого мая закончили установку перегородок. Оставалось только обставить комнаты мебелью, но эту работу отложили до скучных зимних дней. В первой комнате, служившей кухней, сложили очаг. Над трубой для дымохода печникам-самоучкам пришлось повозиться. Сайрес Смит нашел, что будет проще всего сделать глиняную трубу; вывести ее через свод, упиравшийся в каменную толщу плоскогорья, конечно, было совершенно невозможно, поэтому пробили дыру в передней стене над окном кухни и наклонно протянули к ней трубу, как делают дымоходы для железных переносных печурок. При сильном восточном ветре, который штурмо-

вал Гранитный дворец с фасада, печка, вероятно, должна была дымить, но с востока ветер дул редко, и к тому же главный повар Наб не придирался к таким пустякам.

Когда устройство квартиры закончили, Сайрес Смит предпринял другую работу — решил заложить жерло прежнего водостока, чтобы совсем преградить доступ в Гранитный дворец со стороны озера. К отверстию подкатили каменные глыбы и, завалив вход, скрепили их цементом. Сайрес Смит пока не счел необходимым затопить этот замурованный вход, подняв плотиной воду в озере до прежнего уровня. Он только замаскировал его, насадив меж камнями травы и кусты; весной они должны были буйно разрастись.

Все же он воспользовался водостоком для того, чтобы отвести из озера пресную воду в новое убежище. Через узкое отверстие, сделанное ниже уровня озера, по водостоку бежала теперь тоненькая струйка, и этот ручеек давал ежедневно от двадцати пяти до тридцати галлонов[8] чистой, прозрачной воды. Итак, обитателям Гранитного дворца никогда не пришлось бы страдать от недостатка в питьевой воде.

Наконец все работы были завершены, и как раз вовремя — наступила ненастная пора. Окна стали закрывать прочными тяжелыми ставнями — в ожидании тех дней, когда инженер удосужится изготовить оконное стекло.

Вокруг окон Гедеон Спилет насадил разнообразные растения, лианы с вьющимися побегами, декоративные травы, красиво расположив их по выступам скалы, и теперь оконные проемы живописно обрамляла зеленая листва.

Обитатели Гранитного дворца не могли нарадоваться на свое прочное, надежное и здоровое убежище. Недаром вложили они в него столько труда! Из окон их взорам открывался широкий морской горизонт, замыкавшийся с севера двумя

---

[8] Примечания: 8
Галлон — мера жидких тел, равная 4,5 литра

мысами Челюстей, а с юга — мысом Коготь. Перед ними развертывалась великолепной картиной бухта Соединения. Славные труженики испытывали вполне понятное удовлетворение, Пенкроф не жалел похвал новому жилищу, которое он юмористически называл «квартиркой на шестом этаже со всеми удобствами».

ГЛАВА XX

Сезон дождей. — Вопрос одежды. — Охота на тюленей. — Изготовление свечей. — Работа по отделке Гранитного дворца. — Два мостика. — Снова на устричной отмели. — Что Герберт нашел у себя в кармане

Зима наступила в июне — этот месяц соответствует декабрю в Северном полушарии. Зимняя пора началась холодными ливнями и свирепыми ветрами, завывавшими без передышки. И тут обитатели Гранитного дворца могли как следует оценить свое жилище, недосягаемое для: ярости стихий. Прежнее их убежище плохо защищало бы их от зимних холодов; могло случиться также, что туда снова вторгнутся волны во время больших приливов, когда; их подхлестывают ветры,

налетающие с открытого моря. Предвидя такую беду, Сайрес Смит даже принял некоторые меры предосторожности; он желал уберечь от порчи кузнечный горн и плавильные печи, сложенные теперь в Трущобах.

Весь июнь колонисты употребили на различные работы, не забывая, однако, охоты и рыбной ловли, так что запасы в их кладовой не оскудевали. Пенкроф собирался, как только у него выдастся свободный часок, заняться устройством всякого рода западней, на которые он возлагал большие надежды. Он наделал из волокон растений множество силков, и теперь крольчатник ежедневно доставлял Гранитному дворцу изрядное количество кроличьих тушек. Набу некогда было и передохнуть — он все трудился над соленьем и копченьем мяса, запасая его впрок.

Давно пора было подумать об одежде. У колонистов имелось только то платье, в котором они были, когда их выбросило на остров. Одежда эта была теплая, сшита из добротных, прочных тканей, каждый берег ее, старался держать в чистоте, но все же она поизносилась и требовала замены. А кроме того, в случае суровой зимы она плохо защищала бы от холода.

Но как раз об одежде изобретательный Сайрес

Смит не позаботился — он занят был удовлетворением других, более насущных нужд: устройством убежища, обеспечением пищей, и, хотя вот-вот могли нагрянуть холода, вопрос об одежде еще не был разрешен. Колонисты смирились с мыслью, что первую зиму всем придется немного померзнуть. Ничего не поделаешь, роптать на испытания не следует. Вот придет весна, тогда поведут охоту на муфлонов, которых видели при обследовании горы Франклина, и настригут с них шерсти. А уж Сайрес Смит сумеет изготовить из этой шерсти теплые и прочные ткани… Каким образом? Он придумает.

— Ну что ж, придется зимой сидеть в Гранитном дворце да греться у камелька, — сказал Пенкроф. — Дров у нас много, нечего их жалеть.

— Да ведь остров Линкольна находится не на очень высоких широтах, — заметил Гедеон Спилет. — Может быть, зима тут совсем и не суровая. Помнится, вы говорили, Сайрес, что в Северном полушарии на тридцать пятой параллели лежит Испания. Правда?

— Совершенно верно, — ответил инженер, — но ведь и в Испании случаются очень суровые зимы, — холод, снег, лед! Может быть, зима не щадит и остров Линкольна. Но как бы то ни было,

это все же остров, и поэтому климат на нем должен быть более мягкий.

— А почему, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Видишь ли, голубчик, море является как бы огромным хранилищем тепла, которое накапливается в нем в летнюю пору. Летом солнце нагревает его, а зимой море отдает в воздух сбереженное тепло, поэтому на побережьях морей и океанов средняя температура летом ниже, а зимой выше, чем в глубине материка.

— Посмотрим, посмотрим, — заключил Пенкроф. — Будут холода или не будут — это меня мало беспокоит. А вот дни уже стали короче, вечера длиннее. Не обсудить ли нам вопрос об освещении нашего дома?

— Ничего нет легче, — ответил Сайрес Смит.

— Обсудить? — спросил моряк.

— Разрешить.

— А когда начнем разрешать?

— Завтра. Устроим охоту на тюленей.

— Будем, значит, делать сальные свечи?

— Ну что вы, Пенкроф! Стеариновые, а не сальные.

Действительно, таков был замысел инженера — замысел вполне осуществимый, так как в рас-

поряжении колонии имелись теперь известь и серная кислота, а тюлени, облюбовавшие островок Спасения, могли дать жир, необходимый для изготовления свечей.

Наступило воскресенье, 4 июня. Это был праздник — троицын день, и решено было отметить его. Все работы прекратили, посвятив этот день отдыху и молитве. Теперь колонисты острова Линкольна возносили к небу благодарения. Они уже не были несчастными людьми, потерпевшими крушение и выброшенными на голый островок. Они больше ни о чем не просили, они благодарили провидение.

На следующий день, 5 июня, в довольно пасмурную погоду, отправились на островок Спасения. Чтобы переправиться вброд через пролив, надо было ждать, когда, спадет вода, и тут колонисты решили, что они обязательно построят, как сумеют, лодку, — тогда им легче будет сообщаться с островком и с любым местом на побережье и можно будет подняться в ней вверх по реке Благодарения во время большой экспедиции для обследования юго-западной части острова, которое было отложено до первых вешних дней.

Тюленей на лежбище оказалось много, и охотники вооружившись палицами с железными

наконечниками, без особого труда забили с полдюжины тюленей. Наб и Пенкроф освежевали туши, но принесли в Гранитный дворец только жир и шкуры — из шкур предполагалось сшить прочную обувь.

Охота принесла Сайресу Смиту около трехсот килограммов тюленьего жира, и инженер решил употребить его на выделку свечей.

Способ производства он применил самый простой, и если не получил свечей высшего сорта, то все же они были вполне пригодны для освещения. Будь у Сайреса Смита одна только серная кислота, и то он мог бы, обработав ею какое-либо вещество, вроде тюленьего жира, выделить из этой смеси глицерин, а затем, залив полученное соединение крутым кипятком, он без труда высвободил бы из него олеин, пальметин и стеарин. Но для упрощения дела Сайрес Смит предпочел омылить жир раствором извести. Таким способом он получил известковое мыло, которое под действием серной кислоты легко было разложить на сернистую известь и на жирные кислоты.

Из трех этих кислот — олеиновой, пальметиновой и стеариновой — олеиновая кислота, находившаяся в жидком состоянии, была отжата давлением, а две остальные образовали ту массу,

из которой надо было отливать свечи.

Изготовление свечей заняло лишь сутки. Фитили после нескольких проб сделали из растительных волокон и окунули их в расплавленную массу; получились настоящие стеариновые свечи, сформованные вручную, им не хватало лишь отбелки и полировки. Конечно, они уступали качеством свечам фабричной выделки, у которых фитиль пропитывается борной кислотой, а поэтому стекленеет по мере сгорания и сгорает весь целиком, но Сайрес Смит сделал пару превосходных щипчиков, чтобы снимать нагар, и в долгие зимние вечера самодельные свечи сослужили большую службу обитателям Гранитного дворца и получили высокую оценку с их стороны.

Весь июнь кипела работа по отделке нового жилища. Столярам нашлось много дела. Принялись также улучшать изготовленные раньше инструменты, считая их теперь слишком топорными; пополнили набор инструментов новыми. Так, например, в Гранитном дворце появились ножницы. Наконец-то колонисты могли постричься, и если не побриться, то хоть подправить бороду и придать ей любую форму по своему вкусу. Правда, Герберт был еще безусым юнцом, а у Наба борода плохо росла, зато их товарищи так обросли, что

появление ножниц оказалось очень кстати.

Бесконечных трудов стоило сделать ручную пилу, так называемую ножовку, но в конце концов ее смастерили, и направляемая сильной рукой, она прекрасно резала древесину и вдоль и поперек. При помощи пилы наделали столов, табуреток, скамеек, шкафов и обставили этой мебелью главные комнаты; соорудили кровати, но единственной постельной принадлежностью у каждого был тюфяк из морской травы. Прекрасный вид имела теперь кухня с ее многоярусными полками и расставленной на полках разнообразной глиняной утварью, с кирпичной печкой и даже с кусками пемзы для чистки посуды, Наб священнодействовал там, словно химик в своей лаборатории.

Вскоре столяры стали плотниками: после того как был создан при помощи взрыва новый водосток, стало необходимым построить два моста — один на плато Кругозора, другой на берегу моря. Ведь теперь и плато и берег пересекал быстрый поток, через который приходилось перебираться, чтобы попасть в северную часть острова. Желая избежать переправы, колонисты волей-неволей делали большой крюк и огибали плато с западной стороны, доходя до самых истоков Красного

ручья. Проще всего было перебросить два мостика длиною в двадцать — двадцать пять футов; для наведения их потребовалось несколько стволов деревьев, кое-как обтесанных топором. Эти работы заняли несколько дней, а как только мосты были готовы, Наб и Пенкроф воспользовались ими для путешествия к устричной отмели, которую в свое время открыл Герберт. Они захватили с собой грубо сделанную тележку, заменившую прежнюю неудобную плетенку, и привезли с отмели несколько тысяч устриц, которые быстро прижились на новом месте. Среди подводных скал, близ устья реки Благодарения, появилась новая устричная колония. Устрицы были превосходного вкуса, и в Гранитном дворце ежедневно лакомились ими.

Как видите, остров Линкольна, хотя он был исследован поселенцами лишь в незначительной части, уже доставлял им все необходимое. И казалось весьма вероятным, что в его лесах, тянувшихся от реки Благодарения до Змеиного мыса, в самых потаенных уголках щедрая природа припасла для них новые сокровища.

Только одного ее дара не хватало поселенцам острова, и это оказалось для них тяжелым лишением. У них было достаточно и мясной пищи

и растительной, служившей приправой к мясу; отвар из корней драцены, подвергнутый брожению, давал им кисловатый, похожий на пиво напиток, который они предпочитали воде; хотя на острове не было ни сахарного тростника, ни сахарной свеклы, они даже выделывали сахар, собирая для этого сладкий сок сахарного клена (Acer sacharinum) — одного из представителей семейства кленовых, произрастающих во всех странах умеренного климата, на острове его было довольно много; они приготовляли очень приятный чай из монарды, обильно разросшейся в крольчатнике, и, наконец, у них в избытке имелась соль, единственный минерал, употребляющийся человеком в пищу, — не было у них только хлеба.

Быть может, впоследствии колонистам удалось бы заменить хлеб каким-нибудь похожим на него суррогатом: крупой из сердцевины саговой пальмы или мучнистыми плодами хлебного дерева — возможно, что это ценнейшее дерево росло в лесах южной части острова, но пока оно еще не встречалось колонистам.

Однако и тут провидение пришло им на помощь. Правда, эта помощь явилась в виде бесконечно малой величины, но при всей своей

изобретательности, при всем своем уме, Сайрес Смит не мог бы создать того, что Герберт совершенно случайно нашел однажды за подкладкой своей куртки, когда занялся ее починкой.

В этот день с неба потоками низвергался ливень, обитатели Гранитного дворца коротали время за разными поделками, собравшись вместе в своем «зале», и вдруг юноша воскликнул:

— Вот так штука! Смотрите, мистер Сайрес, — зернышко пшеницы!

И он показал товарищам зерно, одно-единственное зернышко, попавшее из дырявого кармана куртки за подкладку.

Находка объяснялась очень просто. В Ричмонде Герберт всегда сам кормил диких голубей, которых подарил ему Пенкроф, и имел обыкновение держать для них в кармане корм.

— Зерно пшеницы? — с живостью спросил инженер.

— Да, мистер Сайрес. Но только одно, одно-единственное!

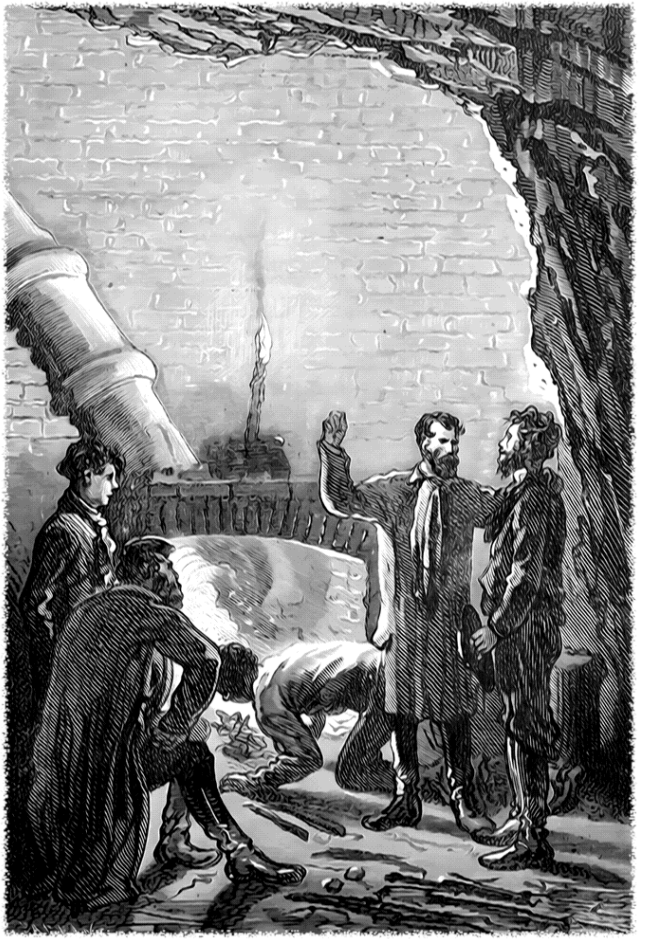
— Ну, голубчик, одолжил! — смеясь, воскликнул Пенкроф. — Право, одолжил!.. Да что ж мы можем сделать из одного зернышка?

— Хлеб будем печь, — ответил Сайрес Смит.

— Хлеб, булки, пирожные, торты! — насмешли-

во подхватил моряк. — Много воды утечет, пока это зернышко накормит нас до отвала хлебом.

Не придавая никакого значения своей находке, юноша хотел было бросить ее на пол, но Сайрес взял зерно из рук Герберта и, внимательно его рассмотрев, определил, что оно нисколько не повреждено.



— Пенкроф, — спокойно спросил он, глядя на моряка в упор, — сколько колосьев вырастает из одного хлебного зерна? Вы знаете?

— Один колос, я полагаю, — ответил моряк, удивленно посмотрев на него.

— Нет, Пенкроф, — десять! А вы знаете, сколько зерен в одном колосе?

— Ей-богу, не знаю.

— В среднем — восемьдесят, — сказал Сайрес Смит. — И вот, если мы посадим это зерно, то при первом урожае соберем восемьсот зерен, а они дадут нам при втором урожае шестьсот сорок тысяч зерен, а при третьем — пятьсот двенадцать миллионов, а при четвертом — более четырехсот миллиардов зерен. Вот какова пропорция!

Товарищи молча его слушали. Такие цифры их ошеломили. Однако подсчеты Сайреса Смита были правильны.

— Да, друзья мои, — продолжал инженер. — Волею природы потомство хлебного зернышка возрастает в геометрической прогрессии. Впрочем, размножение пшеницы, зерно которой дает при первом урожае восемьсот зерен, — ничто по сравнению с маком, у которого в одной коробочке тридцать две тысячи зерен, и с табаком, у которого один корень дает триста шестьдесят

тысяч семечек. Если б не многочисленные причины, мешающие их размножению, два этих растения заполонили бы в несколько лет весь шар земной.

И инженер снова принялся допрашивать Пенкрофа:

— А теперь скажите, Пенкроф, вы знаете, сколько буассо составят четыреста миллиардов зерен?

— Нет, не знаю, — ответил моряк. — Зато уж наверняка знаю, что я — дурень.

— Да будет вам известно, что это составит три миллиона буассо, считая по сто тридцать тысяч зерен на буассо.

— Три миллиона буассо? — воскликнул Пенкроф.;

— Три миллиона.

— За четыре года?

— За четыре года, — подтвердил Сайрес Смит, — и даже за два, если в этих широтах мы будем собирать, как я надеюсь, два урожая в год.

Тут уж Пенкроф не мог удержаться и, по своему обыкновению, оглушительно крикнул «ура».

— Итак, Герберт, — добавил инженер, — твоя находка очень важна для нас. В тех условиях, в каких мы здесь оказались, друзья мои, все может сослужить нам службу. Не забывайте этого,

прошу вас.

— Не беспокойтесь, мистер Сайрес, не забудем, — ответил Пенкроф. — И если я найду семечко табаку, которое дает по триста шестьдесят тысяч семечек, то — уж будьте уверены — я не пущу его по ветру! А теперь, знаете, что мы должны сделать?

— Посадить зернышко, — ответил Герберт.

— Да, — согласился Гедеон Спилен, — и надо посадить его с должной почтительностью, ибо в нем заложены наши будущие урожаи.

— Только бы оно проросло! — воскликнул моряк.

— Обязательно прорастет, — ответил Сайрес Смит.

Дело происходило 20 июня, в пору, самую благоприятную для посадки единственного и оттого драгоценного зернышка пшеницы. Сперва хотели было посадить его в глиняный горшок, но, рассудив, решили положиться на природу и доверить его непосредственно земле. Посев произвели в тот же день, и, разумеется, приняты были все меры, чтобы это важнейшее дело прошло успешно.

Погода немного прояснилась; колонисты поднялись на плато Кругозора и выбрали неподалеку

от Гранитного дворца защищенный от ветра уголок, куда солнце, наверно, слало в полдень весь жар своих лучей. Землю там очистили от камней, старательно вскопали, разрыхлили, можно сказать даже перебрали руками, растирая каждый комочек, удалили всех червей и жучков, подбавили слой перегноя, подмешав к нему немного извести, и, наконец, торжественно посадили зерно в увлажненную землю и обнесли это место изгородью.

У колонистов было такое чувство, словно они заложили краеугольный камень величественного здания. Пенкрофу вспомнился тот день, когда он с такими предосторожностями готовился зажечь единственную уцелевшую спичку. Но теперь дело было куда важнее — ведь огонь злополучные аэронавты тем или иным способом, рано или поздно добыли бы, но никакие силы человеческие не могли бы возродить пшеничное зернышко, если б оно, к несчастью, погибло.

ГЛАВА XXI

Несколько градусов ниже нуля. — Обследование болотистой юго-восточной части острова. — Лисицы. — Картина моря. — Беседа о судьбах Тихого океана. — Непрестанная работа инфузорий. — Что станется с Землей. — Охота. — Утиное болото

Теперь не проходило ни одного дня, чтобы Пенкроф не побывал на «хлебном поле», как он совершенно серьезно называл то место, где посадили зерно пшеницы. И плохо приходилось насекомым, дерзавшим забраться туда! Пенкроф не давал им пощады.

В конце июня, после бесконечных дождей, наступила зима. И 29 июня термометр Фаренгейта наверняка показал бы не больше двадцати градусов выше нуля (6,67° мороза по Цельсию).

Следующий день, 30 июня, соответствующий в Северном полушарии 31 декабря, пришелся на пятницу. Наб посетовал, что год кончается «несчастливым днем», на это Пенкроф ответил, что новый год зато приходится на субботу — на «счастливый день», а это гораздо приятнее.

Как бы то ни было, новый год начался сильным морозом. В устье реки Благодарения громоздились льдины, вскоре замерзло и озеро.

Несколько раз пришлось пополнять запас топ-

лива. Пока река еще не стала, Пенкроф несколько раз сплавил по ней огромные плоты. Словно неутомимый двигатель, тащила она бревна вниз по течению, но тут и ее сковало льдом. К дровам, в изобилии добытым в лесу, добавили несколько тележек каменного угля, за которым пришлось путешествовать к подножию отрогов горы Франклина. Сильный жар, который дает каменный уголь, был оценен в Гранитном дворце должным образом, ибо холода усилились, и 4 июля температура упала до восьми градусов по Фаренгейту (13° мороза по Цельсию). Сложили вторую печку, в столовой, где теперь все вместе проводили время за работой.

В морозные дни Сайрес Смит мог только порадоваться, что ему в свое время пришла в голову мысль отвести к Гранитному дворцу ручеек из озера. Вода просачивалась подо льдом в отверстие прежнего стока, бежала под землей, не замерзая, и заполняла водоем, устроенный в углу пещеры, за складом, а избыток ее стекал через колодец в море.

Погода все это время стояла совершенно сухая, и колонисты, одевшись насколько возможно теплее, отправились на разведку, решив посвятить целый день обследованию юго-восточной части

острова — между рекой Благодарения и мысом Коготь. В этих болотистых местах они собирались и поохотиться, полагая, что там должно быть очень много водяной птицы.

До болот нужно было пройти восемь-девять миль да столько же обратно, и, следовательно, экспедиция должна была занять весь день. Поскольку она направлялась в места, совсем еще не разведанные, решили, что в ней примет участие вся колония. И вот 5 июля, в шесть часов утра, едва забрезжил рассвет, Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, вооружившись палицами, силками, луками и стрелами и захватив достаточный запас провизии, вышли из Гранитного дворца. Топ, которого тоже взяли с собой, весело бежал впереди отряда.

Решили идти кратчайшим путем, перебравшись через реку Благодарения по ледяным торосам.

— Не очень это удобно! — заметил Гедеон Спилет. — Настоящий мост надежнее.

Тут же было решено включить в план предстоящих работ постройку «надежного моста».

Исследователи впервые вступили на правый берег реки Благодарения и смело двинулись через лес, где высились в глубокой тишине покрытые снегом хвойные деревья-великаны.

Не успели колонисты пройти и полмили, как из лесной чащи выскочило и понеслось стремглав целое семейство каких-то зверей, которых вспугнул Топ.

— Смотрите, смотрите, как будто лисицы! — закричал Герберт, глядя вслед удиравшей стае.

Это и в самом деле были лисицы, но необыкновенно крупные и лаявшие, как собаки. Последнее обстоятельство так поразило Топа, что он, растерявшись, остановился, и быстроногие звери исчезли.

Топу, неискушенному в естествознании, можно было простить его удивление. Но как раз этот лай и помог Герберту определить происхождение этих странных лисиц — рыжевато-серых с

черным хвостом, украшенным на конце белой кисточкой. Он сразу же определил, что они относятся к породе американских диких собак, которые водятся в Чили, на Фолклендских островах и во всех странах Америки, лежащих между тридцатой и сороковой параллелью. Герберт очень досадовал, что Топу не удалось поймать ни одного из этих хищников.

— А их едят? — спросил Пенкроф, который рассматривал любых представителей островной фауны с гастрономической точки зрения.

— Нет, — ответил Герберт. — Но вот что любопытно, зоологи до сих пор еще не установили, как устроен зрачок у этих лисиц, — могут ли они видеть не только днем, но и ночью, и не следует ли отнести их к породе настоящих собак.

Сайрес Смит с невольной улыбкой слушал объяснения юного натуралиста, свидетельствовавшие о его недюжинных познаниях и уме. У Пенкрофа же пропал всякий интерес к лисицам, раз оказалось, что они не съедобны. Однако он заметил, что когда при Гранитном дворце устроят птичник, то надо будет принять меры против возможных нападений этих четвероногих разбойников. Никто ему не возражал.

Обогнув мыс Находки, путники увидели длин-

ную полосу песчаного берега и морскую ширь. Было восемь часов утра. Чистую лазурь неба не омрачало ни одно облачко, как то нередко бывает в сильные холода; пощипывал мороз, но Сайрес Смит и его товарищи, разогревшись от ходьбы, почти его не замечали. Впрочем, день был тихий, безветренный, а когда ветра нет, куда легче переносить даже крепкие морозы. Солнце сияло, но не грело, его огромный диск, поднимавшийся над водой, как будто тихо покачивался в небе. Море простиралось спокойной гладью, ярко-синее, словно залив Средиземного моря в погожий день. Вдали, милях в четырех к юго-востоку, четко вырисовывались очертания мыса Коготь, изогнутого, как турецкий ятаган. Слева болотистую низину отграничивала узкая стрелка, казавшаяся в лучах восходящего солнца огненной чертой. Несомненно, в этой части бухты Соединения, ничем, даже песчаной отмелью, не отделенной от открытого моря, корабли, гонимые восточными ветрами, не нашли бы себе пристанища. По застывшей, спокойной поверхности моря, по ровному синему цвету воды, не замутненной желтоватыми пятнами, и, наконец, по отсутствию рифов чувствовалось, что берег обрывается кручей и тут сразу же начинаются

страшные глубины океана. Леса Дальнего Запада остались позади, — милях в четырех едва виднелись темной стеной их первые заросли. Картина вокруг была унылая, колонисты как будто очутились на мрачных берегах какого-нибудь острова Антарктики, покрытого снегом и льдами. Путники сделали привал, чтобы позавтракать. Разожгли костер из высохших водорослей. Наб приготовил завтрак, состоявший из холодного мяса и «чая Освего».

Колонисты ели, настороженно глядя вокруг, — эта часть острова Линкольна оказалась такой бесплодной, представляла такой резкий контраст с западной его стороной! И журналист сказал, что если б по воле случая они, потерпев крушение, очутились на этом берегу, у них составилось бы самое безотрадное представление о своих будущих владениях.

— Я даже думаю, что вряд ли нам удалось бы достигнуть этого берега, — добавил Сайрес Смит. — Глубина здесь большая, из моря не поднимается ни одной скалы, на которой мы могли бы найти себе пристанище. Близ Гранитного дворца в море есть хоть отмели, есть островок — это все же увеличивало возможности спасения. А здесь ровно ничего — только бездна!

— Странное дело, — задумчиво сказал Гедеон Спилет, — остров наш довольно мал, а какое тут разнообразие поверхности и почвы! В сущности говоря, подобное разнообразие можно было ожидать лишь на обширном пространстве суши, на каком-нибудь материке. Западная часть острова поражает своими природными богатствами и плодородием почвы. Словно ее омывает теплое течение, идущее из Мексиканского залива, а к северным и юго-восточным берегам как будто подступает Ледовитый океан.

— Вы правы, дорогой Спилет, — сказал Сайрес Смит. — Меня это тоже поражает. Весь остров, его очертания, его природа какие-то необыкновенные. Здесь словно собраны образцы всех пейзажей, какие можно встретить на материке, и я не удивлюсь, если окажется, что наш остров был когда-то частью материка.

— Что? Материк посреди Тихого океана? — воскликнул Пенкроф.

— А почему это невозможно? — спросил Сайрес Смит. — Разве не может быть, что Австралия, Новая Ирландия и все, что английские географы называют Австралазия, некогда представляли собою вместе с нынешними архипелагами Тихого океана единый материк, шестую часть света,

такую же большую, как Европа или Азия, как Африка и обе Америки? Я вполне допускаю, что все острова, поднимающиеся ныне над бескрайней ширью Великого океана, не что иное, как горные вершины материка, поглощенного морской пучиной, но в доисторические времена он возвышался над водами океана.

— Так же, как Атлантида? Верно? — сказал Герберт.

— Да, дитя мое… Если только Атлантида когда-нибудь существовала.

— Так что ж, может, остров Линкольна был частью этого затонувшего материка? — спросил Пенкроф.

— Весьма возможно, — ответил Сайрес Смит, — и тогда вполне понятным станет разнообразие даров природы, какие мы тут встречаем.

— И значительное количество животных, которые водятся на нем, — добавил Герберт.

— Да, дружок, — ответил инженер. — Вот ты мне и подсказал еще один довод в пользу моего предположения. Ведь мы на нашем острове видели очень много животных, и любопытнее всего, что животный мир отличается здесь большим разнообразием. Причина же, по моему мнению, та, что остров Линкольна некогда был частью

какого-то обширного материка, который постепенно погрузился в пучину океана.

— Вот как! — отозвался Пенкроф, видимо не совсем доверяя сказанному. — Стало быть, даже этот остаток прежнего материка тоже может исчезнуть, и тогда уж между Америкой и Азией не будет никакой суши?

— Нет, отчего же, — ответил Сайрес Смит, — будут новые материки. Их сейчас строят миллиарды миллиардов крошечных существ.

— Кто строит? Какие такие каменщики?

— Коралловые полипы, — ответил Сайрес Смит. — Ведь это они непрестанной своей работой создали остров Клермон-Тоннер, многочисленные атоллы и другие коралловые острова Тихого океана. Сорок семь миллионов этих полипов весят только один гран, а все же такие микроскопические организмы, поглощая соли и другие твердые вещества, растворенные в морской воде, усваивая их, вырабатывают известняк, а из него образуются огромные подводные сооружения, плотностью и твердостью не уступающие граниту. Некогда, в первозданные времена, природа творила Землю при помощи огня, вздымала складками кору земную, а теперь она возложила на микроорганизмы обязанность заменить огонь,

ибо в недрах земного шара его движущая сила явно уменьшилась — об этом говорит нам большое количество потухших вулканов, разбросанных по поверхности нашей планеты. И я полагаю, что пройдут века и неустанная работа коралловых полипов, быть может, обратит Тихий океан в обширный материк, где поселятся грядущие поколения людей и принесут туда цивилизацию.

— Ой, долго ждать! — заметил Пенкроф.

— Природа не торопится, время работает на нее, — ответил инженер.

— А зачем нам новые материки? — спросил Герберт. — Мне кажется, человечеству вполне достаточно тех пределов Земли, какие сейчас у него есть. А ведь природа не делает ничего бесполезного.

— Действительно, ничего бесполезного она не делает, — согласился Сайрес Смит. — Но вот как можно объяснить, зачем в будущем человечеству понадобятся новые материки, и как раз в тропической зоне, где встречаются коралловые острова. По-моему, такое объяснение вполне допустимо.

— Мы слушаем, мистер Сайрес, — отозвался Герберт.

— Вот в чем дело: большинство ученых схо-

дятся во мнении, что земной шар когда-нибудь погибнет, или, вернее, что из-за его охлаждения всякая жизнь на Земле окажется невозможной. Не согласны они лишь в объяснении причины такого охлаждения. Одни считают, что оно произойдет из-за понижения температуры Солнца, которое наступит через многие миллионы лет, другие говорят, что постепенно угаснет тот огонь, что горит в недрах Земли. Влияние его, на мой взгляд, гораздо значительнее, чем это обычно предполагают. Я лично как раз придерживаюсь этой последней гипотезы, и вот почему. Возьмем, например, Луну. Это совершенно остывшее светило, и на ней уже невозможна никакая жизнь, хотя количество тепла, которое Солнце изливает на ее поверхность, не изменилось. Остыла же Луна из-за того, что в ее недрах совершенно угасли огненные вихри, которым она обязана своим возникновением, как и все тела звездного мира. Короче говоря, какая бы ни была причина, но Земля наша когда-нибудь остынет; остывание произойдет, конечно, не сразу, а постепенно. Что же тогда случится? В более или менее далеком будущем зона умеренного климата станет такой же необитаемой, как теперь необитаемы полярные области. Населяющие ее люди и

животные отхлынут к широтам, получающим больше солнечного тепла. Совершится великое переселение. Европа, Центральная Азия, Северная Америка постепенно будут оставлены так же, как Австралазия и удаленные от экватора области Южной Америки. Растительность последует за переселением человечества. Флора, а вместе с ней и фауна передвинутся к экватору, жизнь сосредоточится главным образом в центральных частях Южной Америки и Африки. Лопари и самоеды найдут привычные им климатические условия побережья Ледовитого океана на берегах Средиземного моря. Кто может поручиться, что в эту эпоху экваториальные области не окажутся слишком тесны для человечества, что они смогут вместить и прокормить все население земного шара? Почему не предположить, что предусмотрительная природа уже теперь закладывает близ экватора основы нового материка для грядущего переселения растительного и животного мира и что она возложила созидание этого материка на коралловых инфузорий? Я часто размышлял над всеми этими вопросами, друзья мои, и серьезно думаю, что когда-нибудь облик нашей планеты совершенно изменится. Поднимутся из бездн морских новые континенты, а старые опустятся в

пучину океанов. В грядущие века новые Колумбы откроют уже неведомые человечеству земли, образованные вершинами Чимборасо, Гималаев или Монбланом, — клочки, поглощенные океанами материков — Америки, Азии, Европы. А потом и новые материки тоже станут необитаемы, угаснет тепло Земли так же, как угасает оно в бездыханном теле, исчезнет жизнь на нашей планете, если не на веки веков, то на какое-то долгое время. И может быть тогда наш сфероид, казалось почивший смертным сном, возродится к жизни в каких-то новых, лучших условиях! Но все это, друзья, тайны мироздания, ведомые лишь творцу всего сущего. Заговорив о работе коралловых полипов, я, может быть, слишком увлекся догадками о судьбах Земли.

— Дорогой Сайрес, — ответил Гедеон Спилет, — эти теории для меня — пророчества. Когда-нибудь они исполнятся.

— Это тайна провидения, — ответил Сайрес Смит.

— Ну и дела! — воскликнул Пенкроф, слушавший инженера с напряженным вниманием. — А скажите, пожалуйста, мистер Сайрес, может, и остров Линкольна тоже построен полипами?

— Нет, — ответил Сайрес Смит, — он чисто вул-

канического происхождения.

— Значит, он когда-нибудь исчезнет?

— Возможно.

— Надеюсь, нас тогда уже тут не будет.

— Конечно, не будет. Успокойтесь, Пенкроф. Зачем нам тут вековать? Уж мы как-нибудь отсюда выберемся.

— Но пока что давайте устраиваться здесь как будто навсегда, — сказал Гедеон Спилет. — Ничего не надо делать наполовину.

Слова эти стали заключением беседы. Завтрак закончился. Исследователи двинулись дальше и дошли до кромки болот.

Болота занимали огромное пространство, тянулись до округлого выступа на юго-восточной оконечности острова, общая их площадь составляла приблизительно двадцать квадратных миль. Топкая почва состояла из глины и кремнезема, смешанных с гниющими остатками растений. Тут росли тростник, болотный мох, осока, рогоз; кое-где поверхность трясины покрывал толстый слой дерна, похожий на ковер из зеленого бобрика, кое-где поблескивали на солнце затянутые льдом «окна» болота. Никакие дожди, никакие разливы внезапно вздувшейся реки не могли бы так затопить эти низины. Само

собою напрашивалась правильная мысль, что здесь просачивались на поверхность земли грунтовые воды. Следовало опасаться, что в летнюю жару воздух на болоте насыщали вредоносные миазмы, порождающие болотную лихорадку.

Над камышами и у самой поверхности воды летало множество птиц. Искусные стрелки, знатоки охоты на болотах, не потеряли бы здесь зря ни одного выстрела. Дикие утки, шилохвости, чирки, кулики жили тут большими стаями, и вся эта непуганая дичь свободно подпускала к себе людей.

Одним зарядом дроби наверняка удалось бы уложить несколько десятков птиц — так тесно сидели они у воды. Наши охотники могли бить их только стрелами. Трофеев это давало, конечно, меньше, но бесшумные стрелы имели то преимущество, что не распугивали птиц, тогда как от гулкого выстрела они разлетелись бы во все стороны. Охотники удовольствовались на первый раз скромной добычей, состоявшей из дюжины уток; у этих уток было белое оперение с коричневой опояской, зеленая шапочка, черные крылья с белыми и рыжими крапинками, плоский клюв — Герберт сразу узнал в них казарок. Топ усердно подбирал подстреленных птиц; в их честь

стоячим водам дали название «Утиное болото». Итак, у колонистов появился новый обильный источник дичи. В дальнейшем следовало только не лениться ходить туда. Кроме того, было весьма вероятно, что некоторые породы этих птиц удастся если не обратить в домашних, то хотя бы переселить в окрестности озера, где они были бы у охотников под рукой.

В пятом часу вечера Сайрес Смит и его товарищи тронулись в обратный путь, пересекли Утиное болото и перебрались через реку Благодарения по ледяному мосту.

В восемь часов вечера все уже были в Гранитном дворце.

ГЛАВА XXII

Западни. — Лисицы. — Пекари. — Ветер с северо-запада. — Вьюга. — Корзинщики. — В разгар морозов. — Сахароварение. — Загадочный колодец. — Проектируемое исследование. — Дробинка

Холода стояли до пятнадцатого августа, но особенно сильных морозов не было. В безветренную погоду переносить их было довольно легко, но когда дул ветер, колонистам приходилось туго,

так как одежда плохо их защищала. Пенкроф уже досадовал, что на острове Линкольна не нашли себе приюта несколько медвежьих семейств вместо лисиц и тюленей, у которых, по его мнению, мех немножко подгулял.

— Да, вот медведи хорошо одеты — по-зимнему! — говорил он. — Снять бы с какого-нибудь мишки шубу да на себя ее приспособить… Тепло!

— Ишь ты какой! — смеясь, поддразнивал Наб. — Так тебе и отдаст мишка добровольно свою шубу. Он не из добреньких.

— Не даст, так сами возьмем, Наб. Придется ему отдать, придется, — непререкаемым тоном возразил Пенкроф.

Но медведей не водилось на острове, по крайней мере они ни разу не показывались.

Все же Герберт, Пенкроф и журналист принялись ставить западни на плато Кругозора и на опушке леса. Пенкроф считал, что любая добыча придется кстати, и обновят ли западни грызуны или хищники, они будут приняты в Гранитном дворце с почетом.

Кстати сказать, западни были устроены очень просто: вырытая яма сверху была прикрыта ветками и травой, а на дне — приманка, привлекавшая зверей сильным запахом, — вот и все.

Ямы рыли не где попало, а там, где встречались многочисленные следы, указывающие, что четвероногие часто посещают эти места. Охотники ежедневно ходили осматривать свои западни и в первый же день нашли там трех представителей той самой породы лисиц, которые им уже встречались на правом берегу реки Благодарения.

— Да что ж это такое! От лис проходу нет в здешних краях! — возмущался Пенкроф, вытащив из ямы третью лису, имевшую весьма озадаченный вид. — А звери-то совсем никудышные!

— Ну, не скажи, — заметил Гедеон Спилет. — И лисицы пригодятся!

— На что они нам?

— Пойдут на приманку для западней!

Журналист был прав: тушки убитых лис положили в ямы в качестве приманки.

Моряк наделал также силков из волокон гибиска, от них было больше толку, чем от вырытых ям. Редкий день не попадали в силки обитатели крольчатника. Неизменно к столу подавалось жаркое из кролика, но Наб умел разнообразить соусы, и его сотрапезникам не приходилось жаловаться.

В середине августа раза два-три из ям вытаскивали не лисиц, а животных более полез-

ных, — туда попало несколько пекари, какие уже встречались на севере острова. Пенкроф не стал спрашивать — съедобны ли они, — это сразу было видно по их сходству с домашними свиньями, которых разводят в Америке и в Европе.

— Только ты поосторожнее, Пенкроф, — предупредил Герберт. — Это ведь не домашняя свинья.

— Полно, голубчик, — ответил Пенкроф и, наклонившись над ямой, вытащил оттуда добычу за маленький закрученный шнурочек, служивший хвостом этому представителю семейства парнокопытных. Позвольте уж мне думать, что это настоящие свиньи.

— А зачем тебе так думать?

— Приятно.

— Ты так любишь свиней?

— Свинину люблю, особенно свиные ножки. Будь у свиней не четыре, а восемь ног, я еще больше любил бы их.

Пойманные животные принадлежали к одному из четырех видов пекари, а именно к виду «таясу», представители которого отличаются темным цветом шкуры и не имеют торчащих длинных клыков, какими вооружены их сородичи. Пекари обычно живут небольшими стадами, и, вероятно, их водилось много в лесистой части острова. Как и обыкновенные свиньи, они съедобны с головы до ног. Пенкроф больше ничего от них и не требовал.

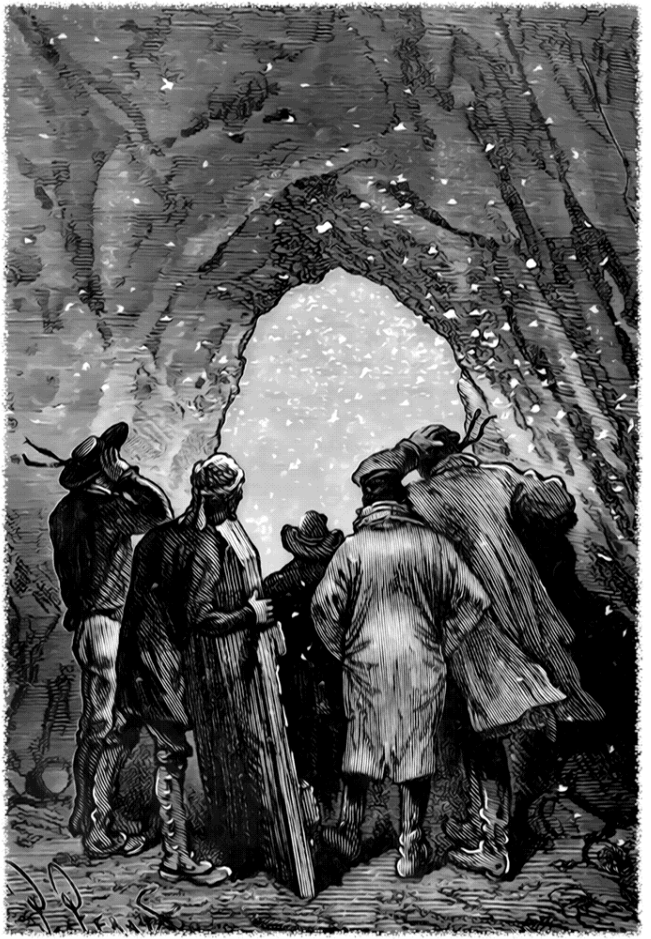
В середине августа вдруг произошла резкая перемена погоды: подул северо-западный ветер, мороз уменьшился на несколько градусов, и водяные испарения, скопившиеся в воздухе, выпали в

виде снега. Весь остров покрылся белой пеленой и предстал перед своими обитателями в новом облике. Снег шел густыми хлопьями несколько дней, толщина его покрова быстро достигла двух футов.

Ветер все крепчал, вскоре перешел в бурю, и с высоты Гранитного дворца слышно было, как море ревет и бьется о скалы. На иных поворотах берега носились вихри и, поднимая высокие столбы снега, кружили их с бешеной силой, словно водяные смерчи, которые мчатся, покачиваясь в нижней своей воронке, — те самые гибельные смерчи, в которые суда стреляют из пушек. Как уже известно, ураган налетел на остров с северо-запада, Гранитный же дворец был так расположен, что избежал прямых ударов бури. В такую страшную вьюгу, бушевавшую будто в полярных краях, ни Сайрес Смит, ни его товарищи при всем желании не могли выйти из дому и целых пять дней, с двадцатого по двадцать пятое августа, сидели взаперти. Слышно было, как воет ветер в лесу Жакамара. Должно быть, немало бед натворил он там, немало повалил деревьев, но Пенкроф утешался мыслью, что по крайней мере не придется рубить лес.

— Ветер пошел в дровосеки. Пусть старается, —

говорил Пенкроф, — не будем ему мешать.



Да разве могли бы люди помешать буйной силе ветра? Как должны были в эту непогоду обитатели Гранитного дворца благодарить небо, устроившее в каменных недрах берега прочное, несокрушимое убежище. Заслуженная доля признательности доставалась и Сайресу Смиту, но ведь создала эту пещеру сама природа, а он только открыл ее. Здесь все были в безопасности, недосягаемы для свирепых порывов бури. А если б они построили себе кирпичный или деревянный дом на плато Кругозора, он бы не устоял перед силой урагана. По дикому реву прибоя, доносившемуся с берега, ясно было, что прежнее пристанище теперь совсем непригодно для жилья, ибо волны, перехлестывая через островок, бьют в него с неодолимой силой. Но здесь, в Гранитном дворце, укрытые в каменной твердыне, против которой были бессильны и море и ветер, они могли ничего не страшиться.

В дни своего невольного затворничества колонисты не сидели без дела. На складе у них лежал изрядный запас досок, и постепенно обстановка комнат пополнилась новыми столами и стульями, если и не изящными, зато прочными, ибо материала на них не жалели. Это тяжеловесное движимое имущество нелегко было передви-

гать, но Наб и Пенкроф не променяли бы мебель, сделанную их собственными руками, на самые искусные изделия краснодеревцев и даже самого Буля.

Затем столяры обратились в корзинщиков и достигли, больших успехов в своем новом ремесле. На северном берегу озера Гранта оказались целые заросли ивняка; и среди них — немало ивняка-краснотала. Еще до дождей Пенкроф и Герберт запасли и тщательно очистили множество веток этого полезного кустарника, и теперь прутья можно было с успехом пустить в дело. Первые опыты в плетении корзин оказались неудачными, корзины получались безобразные, но благодаря ловкости и сообразительности плетельщики справились с делом; они советовались друг с другом, припоминали образцы прежде виденных корзин, состязались в усердии, и вскоре в инвентаре Гранитного дворца появились корзины всевозможных размеров и всевозможных фасонов. Сделали корзины и для кладовой, и Наб теперь держал в них сбор съедобных кореньев, орехов и корней драцены.

В последнюю неделю августа погода опять переменилась — стало холоднее, но буря улеглась. Колонисты поспешили выйти на воздух. На бе-

регу нанесло снегу не меньше чем на два фута, но по затвердевшему насту можно было ходить без особого труда. Сайрес Смит и его товарищи поднялись на плато Кругозора.

Какая перемена! Леса, которые еще так недавно они видели зелеными, особенно в окрестностях Гранитного дворца, где преобладали хвойные деревья, покрылись однообразной белой пеленой. Все стало белым — от макушки горы Франклина до побережья — леса, луг, озеро, река и берег моря. Вода в реке Благодарения текла под ледяным панцирем, и при каждом приливе и отливе он с грохотом разбивался на куски. Над замерзшим озером летали утки и чирки, шилохвости и чистики. Их тут было тысячи. Скалы, меж которых с края плато низвергался водопад, ощетинились ледяными иглами, рогами, наплывами — вода текла как будто из гигантского желоба, который художники Возрождения отчеканили в виде разверстой пасти чудовища. Какой урон нанесла лесам буря, судить было нельзя, пока не спала с них белая пелена.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт отправились осматривать западни. С трудом нашли они их под сугробами снега. Пришлось двигаться осторожно, чтоб не свалиться в яму, вырытую для зверей, —

это было бы опасно да и досадно: попасть в собственную свою западню! Такой неприятности они избежали, но все ямы оказались пустыми, а приманки нетронутыми. Ни одно животное не попалось в западню, однако кругом ясно были видны многочисленные следы, и в числе их отпечатки когтистых лап. Герберт уверенно сказал, что эти следы оставлены каким-то хищником из семейства кошачьих, — следовательно, подтверждалось предположение Сайреса Смита, что на острове водятся опасные звери. Вероятно, они жили в густых лесах Дальнего Запада, но голод выгнал их оттуда, и они забрели на плато Кругозора. Может быть, они почуяли людей.

— Какая ж это кошачья порода? — спросил Пенкроф.

— Ягуары, — ответил Герберт.

— Я думал, что они водятся только в жарких странах.

— В Новом Свете они водятся на пространстве от Мексики до аргентинских пампа, — сказал юноша. — А так как остров Линкольна находится приблизительно на той же широте, что и залив Ла-Плата, — не удивительно, что на нем встречаются тигры.

— Ладно. Значит, держи ухо востро! — заметил

Пенкроф.

Наконец потеплело — и настолько, что снег начал таять. Пошли дожди и смыли белый покров. Несмотря на ненастье, колонисты пополнили свои запасы растительной пищи — орехов, корней драцены и других съедобных кореньев, кленового сока, а запасы мясной пищи им доставляли кролики из крольчатника, агути и кенгуру Несколько раз они ходили в лес на охоту и убедились, что буря действительно повалила там немало деревьев. Пенкроф с Набом неоднократно путешествовали с тележкой к залежам каменного угля, решив запасти его несколько тонн. Дорогой они заметили, что труба гончарной печи сильно повреждена ветром и верхушка ее сбита не меньше чем на шесть футов.

Кроме угля, запасли еще и дров для Гранитного дворца и сплавили их на плоту по реке Благодарения, сбросившей с себя оковы льда. Можно было опасаться, что опять наступят сильные холода.

Навестили также и Трущобы, и, побыв в прежнем своем убежище, колонисты могли только порадоваться, что они не жили там во время бури. Море оставило в каменном лабиринте неоспоримые следы своего вторжения. Ветры, разгулявшись на океанских просторах, гнали

водяные горы, и волны, перехлестывая через островок, с дикой силой бросались в проходы между гранитных глыб; они до половины забили эти коридоры песком, покрыли камни толстым слоем водорослей. Пока Наб, Герберт и Пенкроф охотились и ходили за дровами, Сайрес Смит с Гедеоном Спилетом наводили порядок в Трущобах; к их великой радости, горн и плавильные печи почти не пострадали, так как кучи песка, нанесенные морем, защитили их от разыгравшейся бури.

Колонисты не напрасно запаслись топливом, — морозы еще не кончились. Как известно, февраль в Северном полушарии всегда бывает отмечен сильными холодами, а в Южном полушарии конец августа соответствует северному февралю, и на острове Линкольна эта пора не была исключением из правила.

К 25 августа после переменной погоды с дождем и снегом подул юго-восточный ветер, и сразу ударил мороз. По мнению Сайреса Смита, ртутный столбик термометра Фаренгейта показывал бы не меньше, чем восемь градусов ниже нуля (22° холода по Цельсию), и державшийся несколько дней мороз переносить было еще труднее из-за резкого ветра. Опять пришлось колонистам запе-

реться в Гранитном дворце, закупорить дверь и окна, оставив лишь узкое отверстие для доступа свежего воздуха; свечей жгли очень много и, чтобы поберечь их, зачастую довольствовались отсветами огня от топившегося очага, для которого дров не жалели. Несколько раз то один, то другой обитатель Гранитного дворца спускался на берег моря, где ежедневно прилив нагромождал целые груды льдин, но, продрогнув, спешил возвратиться домой и не без труда поднимался по лестнице, хватаясь за перекладины замерзшими, коченевшими руками. На морозе обледенелые ступени обжигали пальцы. Нужно было как-то заполнить вынужденные досуги, когда поневоле пришлось сидеть взаперти. И тогда Сайрес Смит придумал работу, которой можно было заняться в четырех стенах.

Читатель, вероятно, помнит, что колонисты употребляли вместо сахара сладкий кленовый сок, который они добывали из стволов дерева, делая в них глубокие надрезы. Сок этот они собирали в глиняные кувшины и пользовались им для кулинарных надобностей, тем более успешно, что, отстоявшись, он становился прозрачным и густым, как сироп.

Но в такой способ получения сахара можно

было внести усовершенствования, и в один прекрасный день Сайрес Смит объявил своим товарищам, что они займутся сахароварением.

— Сахароварением? — удивился Пенкроф. — Кажется, за таким делом жарко бывает.

— Очень жарко! — подтвердил инженер.

— Значит, как раз ко времени! — сказал Пенкроф.

При слове «сахароварение» всегда представляются сахарные заводы с их сложным оборудованием и рабочими разных специальностей. В данном случае об этом, конечно, и речи быть не могло. Для кристаллизации сахара прежде всего очистили кленовый сок, прибегнув к очень простому приему. Сок поставили на огонь в больших глиняных мисках, подвергли его выпариванию, и вскоре на поверхность сиропа всплыла пена; ее сняли, а лишь только сироп начал густеть, Наб принялся осторожно помешивать его деревянной лопаточкой, чтобы он скорее выпаривался и не подгорал.

Несколько часов подряд жидкость кипела на жарком огне, который шел на пользу и процессу сахароварения и согревал сахароваров, и в мисках получился очень густой сироп. Его слили в глиняные сосуды, заранее слепленные и обожженные

в духовке кухонной плиты. На следующий день остывший сироп затвердел, приняв форму сахарных голов и брусков. Колонисты сварили самый настоящий сахар, правда, желтоватого цвета, но почти прозрачный и превосходного вкуса.

Холода продержались до половины сентября, и узникам Гранитного дворца наскучило их затворничество. Почти ежедневно они выбирались на свежий воздух, но вылазки их поневоле бывали короткими. Работа по благоустройству жилья продолжалась. За работой шли беседы. Сайрес Смит знакомил своих товарищей с самыми разнообразными предметами — главным образом с прикладными науками. У колонистов не имелось никакой библиотеки, но инженер Смит был живой энциклопедией, всегда готовой к услугам товарищей, всегда открытой на той странице, которая была нужна тому или иному, и к этому источнику, освещавшему любой интересовавший их вопрос, они обращались очень часто. Так проводили; время эти стойкие люди, казалось совсем не боявшиеся будущего.

Однако уже близился конец их пленению. А всем так хотелось, чтобы поскорее пришли весенние дни или хоть прекратились бы невыносимые холода. Если б колонисте были тепло одеты и

могли не бояться морозов, сколько путешествий совершили бы они, наведались бы и в дюны и на Утиное болото! Теперь к дичи легко было подобраться, и охота, конечно, проходила бы удачно. Но Сайрес Смит не соглашался, чтоб его товарищи, его сильные и сметливые помощники, рисковали своим здоровьем.

Надо сказать, что нетерпеливее всех (за исключением Пенкрофа) переносил свое заключение Топ. Бедный пес томился в Гранитном дворце, сновал из комнаты в комнату и на свой лад, но очень ясно, выказывал свою тоску и досаду на долгое и надоевшее заключение.

Сайрес Смит не раз замечал, что, как только пес приближался к провалу, сообщавшемуся с морем и открывавшему свой черный зев в углу склада, Топ скалил зубы и рычал; он все кружил около этого колодца, прикрытого теперь дощатым трапом. Иногда он даже пытался просунуть под этот трап передние лапы, как будто хотел приподнять его. И лаял он тогда как-то странно — злобно и тревожно.

Инженер не раз наблюдал за такими непонятными выходками Топа. Что же таилось в этой пропасти? Что могло так волновать умную собаку? Провал, несомненно, достигал моря. Быть

может, внутри гранитного кряжа он разветвлялся на узкие проходы. Быть может, он сообщался с какой-нибудь другой пещерой, скрытой в недрах гранита. Уж не приплывало ли порою какое-нибудь морское чудовище отдохнуть на дне этого колодца? Сайрес Смит не знал, что и думать, и невольно у него возникали самые странные предположения. Привыкнув глубоко заглядывать в мир научно объяснимой действительности, он не мог простить себе, что воображение влечет его в область каких-то загадочных и почти сверхъестественных явлений. Но как же объяснить тот факт, что собака, которая не отличалась особой нервозностью и никогда, например, не выла на луну, так упорно обнюхивает крышку колодца и настороженно прислушивается, делая стойку над ней. Почему она так волнуется, если в этой пропасти не происходит ничего подозрительного? Поведение Топа интриговало инженера Смита больше, чем он решался признаться в этом самому себе.

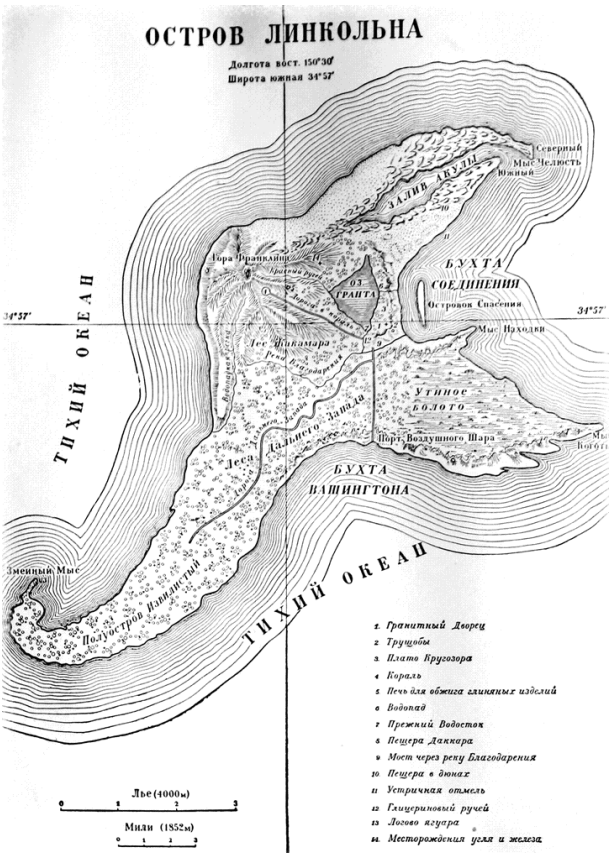
Во всяком случае, он поделился своими наблюдениями только с Гедеоном Спилетом, считая излишним посвящать своих товарищей в размышления, на которые его наводят странные повадки, а может быть, и просто причуды Топа.

Наконец морозы кончились. Пошли дожди, вперемежку с мокрым снегом или градом, бывали шквалы, но непогода не затянулась. Лед растаял, растопились снега, стали доступны и побережье океана, и берега реки Благодарения, и лес. Пришла весна, к великой радости обитателей Гранитного дворца, и вскоре они уже проводили дома лишь часы, отведенные для сна и трапез. Во второй половине сентября колонисты много охотились, и тут уж Пенкроф снова стал настойчиво требовать ружей, утверждая, что Сайрес Смит обещал их сделать. Инженер уклонялся, откладывал исполнение обещанного, зная, что без специальных инструментов почти невозможно сделать сколько-нибудь годное ружье. Он уговаривал Герберта и Гедеона Спилета подождать немного, так как они уже отлично научились стрелять из лука и приносили с охоты превосходную добычу всех видов, и четвероногую и пернатую: агути, кенгуру, пекари, голубей, дроф, диких уток, чирков. Но упрямый моряк ничего не желал слышать и не давал Сайресу Смиту покоя, добиваясь, чтобы тот исполнил его желание. Впрочем, и Гедеон Спилет поддерживал Пенкрофа.

— На острове, надо полагать, — говорил он, — водятся дикие звери, и следует подумать, как с

ними бороться и истреблять их. Может, настанет час, когда это будет для нас первейшей необходимостью.

Но пока что Сайреса Смита беспокоил вопрос не об оружии, а об одежде. Платье, которое было надето на колонистов, выдержало зиму, но до следующей зимы явно не могло дожить. Во что бы то ни стало требовалось раздобыть звериные шкуры или шерсть жвачных животных, а так как на острове водилось немалое количество муфлонов, надо было найти способ приручить их, завести целое стадо и разводить муфлонов для нужд колонии. Весной и летом предстояла новая работа: устроить загон для домашних животных и большой птичник — словом, основать в каком-нибудь уголке острова нечто вроде фермы.


ОСТРОВ ЛИНКОЛЬНА
Долгота вост. 150°30′
Широта южная 34°57′
ТИХИЙ ОКЕАН
ТИХИЙ ОКЕАН
34°57′
34°57′
Северный Мыс
Челюсть Южный
ЗАЛИВ АРГУЛЬ
Гора Гранитная
ОЗ. ГРАНТА
БУХТА СОЕДИНЕНИЯ
Островок Спасения
Мыс Находки
Лес Никамара
Утиное болото
Порт Воздушного Шара
Лес Дальнего Запада
БУХТА ВАШИНГТОНА
Змеиный Мыс
Полуостров Извилистый
Лье (4000м)
Мили (1852м)
1. Гранитный Дворец
2. Трущобы
3. Плато Кругозора
4. Кораль
5. Печь для обжига глиняных изделий
6. Водопад
7. Прежний Водосток
8. Пещера Даккара
9. Мост через реку Благодарения
10. Пещера в дюнах
11. Устричная отмель
12. Глицериновый ручей
13. Логово ягуара
14. Месторождения угля и железа

Для осуществления этого необходимо было прежде всего произвести разведку в еще не исследованной части острова Линкольна — в густых лесах, тянувшихся по правому берегу реки Благодарения, от ее устья до конца полуострова Извилистого, и по всему западному берегу острова. Но эту экспедицию приходилось отложить до тех пор, пока установится хорошая погода, то есть выждать еще с месяц.

Начала разведки колонисты ждали с нетерпением, и вдруг произошло событие, которое еще больше разожгло стремление колонистов исследовать все свои владения.

Случилось это 24 октября. В тот день Пенкроф отправился проверить западни, которые он всегда аккуратно осматривал и менял в них приманку. В одной из ям он обнаружил лакомую добычу — три упавших туда пекари — свинью с двумя поросятами.

Очень довольный такой удачей, Пенкроф возвратился в Гранитный дворец и, как всегда, принялся расхваливать свои охотничьи трофеи.

— Ну, мистер Сайрес, нынче мы вам состряпаем вкусный обед! Да-с, мистер Спилет, будете кушать да пальчики облизывать!

— Прекрасно, — ответил журналист. — Чем же

вы нас угощаете сегодня?

— Молочным поросенком.

— Ах вот что! Молочный поросенок… А послушать вас, Пенкроф, так можно подумать, что нам подадут за обедом куропатку с трюфелями.

— Что? Куропатку? — удивленно протянул Пенкроф. — Неужели вы не любите жареной поросятины?

— Нет, отчего же, люблю, — ответил Гедеон Спилет без особого, впрочем, восторга. — Если не злоупотреблять этим кушаньем…

— Вот вы какой привереда, господин газетчик! — возмутился Пенкроф, не допускавший критического отношения к своей охотничьей добыче. — Право, очень вы стали разборчивы! А ведь семь месяцев тому назад, когда нас выбросило на этот остров, вы были бы счастливы поесть такого мясца!..

— Ну понятно, — отозвался журналист. — Человек существо несовершенное. Никогда он не бывает доволен.

— Ладно уж, ладно… — продолжал Пенкроф. — Надеюсь, Наб сегодня отличится. Поглядите-ка на этих поросят. Ведь им не больше трех месяцев, мясо у них, верно, нежное, как у перепелок. Пойдем-ка, Наб, на кухню. Я сам послежу, как они

будут жариться.

Подхватив Наба под руку, моряк проследовал в кухню и погрузился в поварские труды.

Никто, конечно, не препятствовал его кулинарным затеям. Вместе с Набом он состряпал отличный обед, в него входили оба поросенка, суп из кенгуру, копченый окорок, орехи, пиво из отвара драцены, «чай Освего» — словом, все, что было лучшего в кладовой, но все кушанья затмевало главное блюдо — тушеное мясо пекари.

К пяти часам обед был готов, и обитатели Гранитного дворца собрались в столовую. На столе уже дымился в миске суп из кенгуру. Все нашли его превосходным.

За супом последовали жареные поросята. Пенкроф пожелал сам разрезать мясо и подал каждому сотрапезнику огромную порцию.

Жаркое действительно оказалось отменным, и Пенкроф уплетал свою долю с завидным аппетитом, как вдруг у него вырвалось ругательство.

— Что с вами? — спросил Сайрес Смит.

— Зуб!.. Зуб сломал! — ответил моряк.

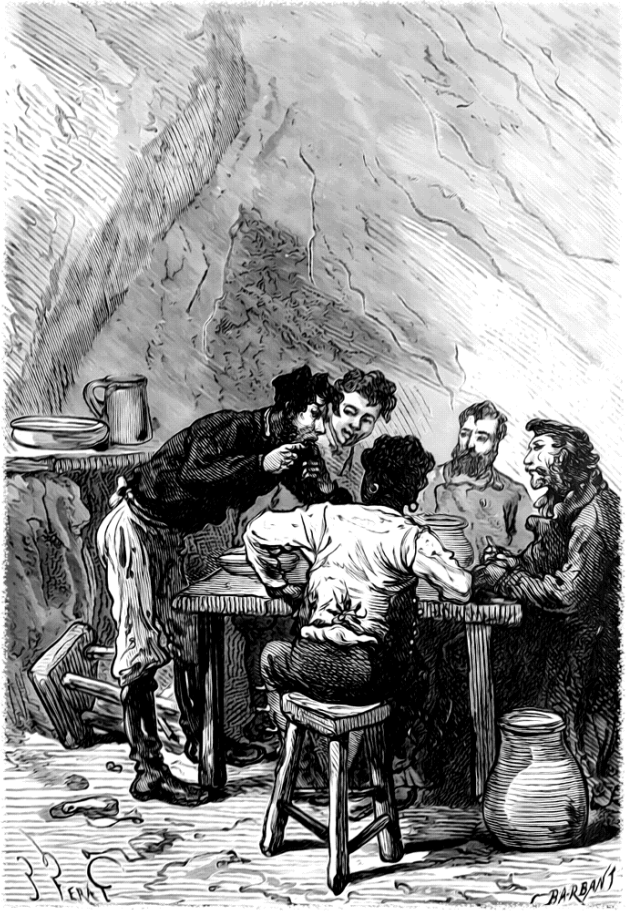
— Как же так? В ваших пекари оказались камешки? — спросил Гедеон Спилет.

— Должно быть, — согласился с ним моряк и вытащил изо рта что-то твердое, стоившее ему

коренного зуба.

Но то был не камешек… то была дробинка.

Часть вторая
ПОКИНУТЫЙ


BENET
C. BARBANT

ГЛАВА I

Дробинка. — Постройка пироги. — Охота. — На верхушке каури. — Ничто не говорит о присутствии человека. — Наб и Герберт на рыбной ловле. — Черепаха перевернута. — Черепаха исчезла. — Сайрес Смит дает объяснение

Прошло ровно семь месяцев с того дня, как пассажиры воздушного шара очутились на острове Линкольна. И с той поры, несмотря на все поиски, они не обнаружили ни единого человеческого существа. Ни разу не видели они дымка, говорящего о том, что на острове есть человек. Ни разу не нашли вещи, сделанной рукой человека и свидетельствующей о том, что он жил тут в древние или недавние времена. Казалось, остров этот необитаем; должно быть, здесь еще никогда не бывал человек. И вот теперь из-за дробинки, найденной в теле безобидного зверька, рухнули все догадки и умозаключения!

В самом деле, дробинка вылетела из огнестрельного оружия, а кто же, кроме человека, мог воспользоваться таким оружием?

Пенкроф положил дробинку на стол, и его

товарищи изумленно посмотрели на нее. Очевидно, они сразу представили себе, как важны последствия этого, казалось бы, незначительного случая. Даже если бы они вдруг увидели нечто сверхъестественное, то не были бы так поражены.

Сайрес Смит тотчас же высказал кое-какие предположения по поводу этой удивительной и неожиданной находки. Он взял дробинку двумя пальцами, повертел ее, пощупал, потом спросил Пенкрофа:

— Уверены ли вы, что пекари, раненному этой дробинкой, было месяца три?

— Никак не больше, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф. — Поросенок сосал мать, когда я нашел его в яме.

— Итак, — продолжал инженер, — около трех месяцев тому назад на острове Линкольна кто-то выстрелил из ружья…

— И дробинка, — добавил Гедеон Спилет, — ранила, хоть и не смертельно, этого зверька.

— Неоспоримо, — продолжал Сайрес Смит. — И вот какие выводы следует сделать из всего этого: или на острове до нас кто-нибудь жил, или люди высадились здесь месяца три назад, не больше. По своей ли воле, против ли нее они пристали к

нашим берегам, потерпели ли они крушение на корабле или на аэростате — кто знает? Все выясним позже. И европейцы они или малайцы, враги наши или друзья — нам тоже пока не разгадать. Да мы и не знаем, живут ли они еще на острове, покинули ли его. Но эти вопросы касаются нас так близко, что нельзя дольше оставаться в неизвестности.

— Сто раз, тысячу раз готов повторить, что нет на острове Линкольна никого, кроме нас, — воскликнул моряк, поднимаясь из-за стола. — Черт возьми! Остров невелик, и мы-то уж заметили бы кого-нибудь из его обитателей!

— Вот если бы пекари родился с дробинкой, это было бы, по-моему, чудом, — ответил журналист.

— Если только она не сидела у Пенкрофа в зубе, — с самым серьезным видом заметил Наб.

— Еще чего выдумал! — живо отозвался Пенкроф.

— Что ж, по-твоему, я не замечал бы ее целых полгода! Да и где же она могла застрять? — добавил моряк, открывая рот и показывая два ряда великолепных зубов. — Посмотри-ка хорошенько, Наб, и если отыщешь дупло, выдирай хоть полдюжины зубов!

— Предположение Наба действительно неле-

по, — сказал Сайрес Смит, который не мог сдержать улыбку, хоть и был поглощен своими мыслями. — Нет сомнений, кто-то стрелял на острове из ружья, и не больше трех месяцев тому назад. Но я ручаюсь, что люди, высадившиеся на острове, пробыли здесь совсем недолго и просто обошли его. Жили бы они здесь в ту пору, когда мы обследовали остров с горы Франклина, мы увидели бы их, а они — нас. Может статься, буря выбросила сюда потерпевших кораблекрушение лишь несколько недель назад. Во всяком случае, все это необходимо выяснить.

— По-моему, нужно действовать осторожно, — заметил журналист.

— Я того же мнения, — ответил Сайрес Смит, — боюсь, не высадились ли на остров малайские пираты.

— А не лучше ли, мистер Сайрес, — сказал моряк, — сначала построить лодку, а потом и отправиться на разведку: поднимемся вверх по реке, а если понадобится, выйдем в море и обогнем остров! Лишь бы нас врасплох не застигли.

— Хорошая мысль, Пенкроф, — ответил инженер, — но ждать нельзя. Ведь скорее чем за месяц лодку не построишь…

— Настоящую лодку, — ответил моряк. — Да

ведь нам не нужна лодка, чтобы по морю плавать, а за пять дней, самое большее, я берусь построить пирогу — для нашей реки она сойдет.

— За пять дней берешься соорудить лодку? — воскликнул Наб.

— Да, Наб, лодку по индейскому образцу.

— Из дерева? — спросил негр с сомнением.

— Из дерева, — ответил Пенкроф, — или, вернее, из коры. Повторяю, мистер Сайрес, — за пять дней можно это дельце обделать.

— Если за пять дней — согласен.

— Но отныне нам придется быть настороже, — заметил Герберт.

— Неизменно быть настороже, друзья, — сказал Сайрес Смит. — И я прошу вас, не охотьтесь далеко от Гранитного дворца.

Обед прошел не так весело, как хотелось Пенкрофу.

Итак, на острове живут или еще совсем недавно жили какие-то люди. После того как была найдена дробинка, это стало неоспоримым фактом, что встревожило колонистов.

Перед сном Сайрес Смит и Гедеон Спилет долго разговаривали о дробинке. Уж не было ли тут связи с необъяснимым спасением инженера и другими странными явлениями, которые не раз

их изумляли? Когда они все обсудили, Сайрес Смит сказал:

— Словом, хотите знать мое мнение, дорогой Спилет?

— Конечно, Сайрес!

— Так вот: мы ничего не обнаружим, как бы тщательно ни исследовали остров.

На следующий же день Пенкроф принялся за работу. Он не собирался строить шлюпку со шпангоутами и обшивкой, а хотел смастерить простую плоскодонку, чтобы спокойно плавать по реке Благодарения, особенно у ее истоков, где было мелко. Из кусков коры, соединенных друг с другом, должно было получиться легонькое суденышко — в случае необходимости его можно было бы перенести на руках. Пенкроф собирался сшить длинные полосы коры деревянными гвоздями, да так, чтобы лодка оказалась водонепроницаемой.

Следовало выбрать деревья с гибкой и прочной корой.

Ураган, пронесшийся недавно, свалил несколько хвойных деревьев, они вполне годились для постройки суденышка.

Деревья лежали на земле, и оставалось лишь одно: содрать со стволов кору, но инструменты у

наших колонистов были так несовершенны, что это и оказалось труднее всего. В конце концов справились и с этим делом.

Пока Пенкроф, не теряя ни минуты, работал под руководством инженера, Гедеон Спилет и Герберт тоже не сидели сложа руки. На них лежала обязанность снабжать провизией всю колонию. Журналист не мог налюбоваться Гербертом, который отлично стрелял из лука и метал копье. Юноша был отважен и хладнокровен, а эти качества можно назвать «разумной смелостью». Оба товарища по охоте придерживались совета Сайреса Смита и не заходили дальше чем за две мили от Гранитного дворца. Но даже вблизи, не забираясь в чащу леса, они находили немало агути, кенгуру, пекари и всякой другой живности. С тех пор как кончились холода, звери стали реже попадаться в западни, зато кроличьи садки всегда были полны и могли бы прокормить всех поселенцев острова Линкольна.

Часто во время охоты Герберт заводил разговор с Гедеоном Спилетом о дробинке и о тех выводах, которые сделал инженер; как-то — было это 26 октября — он сказал журналисту:

— Не правда ли, мистер Спилет, просто не верится, что люди, потерпевшие кораблекрушение,

если они в самом деле высадились на нашем острове, до сих пор не побывали вблизи Гранитного дворца?

— Да, просто удивительно, если они еще здесь, — ответил журналист, — но ничуть не удивительно, если их уже нет!

— Значит, вы думаете, что их уже нет на острове? — спросил Герберт.

— Вероятно, нет, дружок. Ведь мы бы обнаружили людей, если бы они жили на острове.

— Но раз им удалось отсюда выбраться, — заметил юноша, — значит, они не потерпели кораблекрушения?

— Почему же, Герберт? Я назвал бы их, пожалуй, потерпевшими временное кораблекрушение. Вполне возможно, что ураган выбросил их на остров, не разбив судна, а когда ураган стих, они снова вышли в море.

— Мне кажется, — заметил Герберт, — что мистер Смит не только не хочет, но даже опасается встретить людей на нашем острове.

— Что правда, то правда, — ответил журналист, — он считает, что в здешних водах могут плавать одни малайские пираты, а эти господа — сущие злодеи, их нужно остерегаться.

— Но ведь не исключена возможность, — за-

метил Герберт, — что мы обнаружим на острове следы пребывания людей, и тогда решительно все поймем, не правда ли, мистер Спилет?

— Не отрицаю, дружок, — покинутый лагерь, потухший костер могут навести нас на след. Мы и будем искать, производить разведку.

Так разговаривая, охотники зашли в ту часть леса, где протекала река Благодарения и росли удивительно красивые деревья. Были тут и великаны — прекрасные хвойные деревья высотою почти в двести футов: жители Новой Зеландии называют их «каури».

— Знаете, что мне пришло в голову, мистер Спилет? — сказал Герберт. — А не вскарабкаться ли на верхушку какого-нибудь каури? Оттуда мне удастся осмотреть довольно обширное пространство.

— Мысль удачная, — ответил журналист. — Но доберешься ли ты до макушки такого исполина?

— А я попытаюсь.

Ловкий и проворный юноша влез на нижние ветви, которые росли так, что подниматься по ним было очень удобно, и в несколько минут очутился на самой макушке каури, возвышавшейся над целым морем зеленых округлых вершин.

Взгляду юноши открылась вся южная окра-

ина острова, от мыса Коготь на юго-востоке до Змеиного мыса на юго-западе. На северо-западе возвышалась гора Франклина, заслонявшая горизонт.

Со своего наблюдательного пункта Герберт видел часть острова, еще неведомую колонистам; быть может, там и укрылись люди, о присутствии которых колонисты подозревали.

Юноша с величайшим вниманием стал осматривать море. Но ни на горизонте, ни вблизи острова не белело ни единого паруса; правда, лесной массив скрывал побережье, волны, быть может, и выбросили на берег какое-нибудь судно, особенно если оно потеряло рангоут, но Герберту попросту не было бы его видно. Он ничего не мог рассмотреть и в чаще лесов Дальнего Запада. Леса раскинулись ковром, непроницаемым для взгляда, и тянулись на многие квадратные мили без единой прогалины, без единого просвета. Невозможно было проследить за руслом реки и разглядеть то место в горах, где она брала начало. Вероятно, и другие речки бежали к западу — впрочем, утверждать это было трудно.

Герберту не удалось обнаружить и признака лагеря, но он все ждал, не появится ли дымок, свидетельствующий о присутствии человека?

Воздух был так чист, что юноша заметил бы на фоне неба даже тоненькую струйку дыма.

Вдруг Герберту показалось, что он видит легкий дымок на западе; он всмотрелся повнимательнее и понял, что ошибся. А смотрел он зорко, и зрение у него было превосходное… Нет, ничего, решительно ничего не было видно.

Герберт слез с дерева, и оба охотника вернулись в Гранитный дворец. Выслушав рассказ юноши, Сайрес Смит покачал головой и задумался. Да и что можно было сказать, пока они не исследовали остров более подробно.

Через день, 28 октября, произошло еще одно событие, которому никто так и не нашел объяснения.

Герберт и Наб бродили по песчаному берегу в двух милях от Гранитного дворца и натолкнулись на черепаху; экземпляр был великолепный — настоящая морская черепаха с панцирем в красивых зеленых переливах.

Герберт заметил черепаху, когда она пробиралась между скалами к морю.

— Сюда, Наб, сюда! — крикнул он.

Наб подбежал к юноше.

— Хороша черепаха! — воскликнул он. — Но как ее унесешь?

— Да очень просто, Наб, — ответил Герберт. — Перевернем черепаху на спину, она от нас не удерет. Возьми палку и делай, как я…

Черепаха, почуяв опасность, вобрала голову и лапы; она лежала неподвижно под защитой своего панциря, словно каменная.

Тут Герберт и Наб подсунули палки под черепаху и общими усилиями — не без труда — перевернули животное на спину. Длиной черепаха была в три фута и, должно быть, весила четыреста фунтов, не меньше.

— Отлично! — воскликнул Наб. — Вот обрадуется дружище Пенкроф!

И в самом деле, как было Пенкрофу не обрадоваться — ведь мясо черепах, питающихся водорослями, превосходно. В этот миг из-под панциря показалась маленькая приплюснутая головка, расширявшаяся к шее, с сильно обозначенными височными впадинами.

— Как же нам быть, что делать с нашей добычей? — спросил Наб. — Ведь мы не дотащим ее до Гранитного дворца.

— Оставим черепаху здесь, она не перевернется, — ответил Герберт, — и вернемся за ней с тележкой.

— Решено!

Для большей предосторожности, хоть Наб и находил это излишним, Герберт придавил животное большими камнями. Затем наши охотники вернулись домой по песчаному берегу, широко обнажившемуся во время отлива. Герберту хотелось сделать Пенкрофу сюрприз, и он ничего не сказал о «превосходном экземпляре» животного из отряда морских черепах, который ждал их на песке; через два часа, прихватив тележку, они с Набом вернулись туда, где лежала черепаха.

Но «превосходного экземпляра» не оказалось.

Наб и Герберт переглянулись, стали осматриваться. Да, они пришли на то самое место, где оставили черепаху. Юноша даже разыскал камни, которыми ее придавил, — следовательно, он не ошибся.

— Вот так штука! — воскликнул Наб. — Выходит, что черепахи переворачиваются.

— Очевидно, — ответил Герберт, он ничего не мог понять и внимательно разглядывал камни, разбросанные на песке.

— И огорчен же будет Пенкроф!

«А мистеру Смиту будет нелегко объяснить исчезновение черепахи!» — подумал Герберт.

— Что же, мы никому ничего не скажем, — сказал Наб, которому хотелось умолчать об этом неприятном случае.

— Напротив, Наб, нужно обо всем рассказать, — возразил Герберт.

И оба, захватив тележку, которую напрасно притащили, отправились к Гранитному дворцу.

Когда они пришли на то место, где инженер и моряк мастерили лодку, Герберт рассказал обо всем, что произошло.

— Ну и разини! — воскликнул моряк. — Упустить черепаху! Полсотни супов пропало, не меньше!

— Но мы не виноваты, Пенкроф, — возразил Наб, — черепаха удрала — это верно, но ведь сказано тебе, что мы ее перевернули!

— Значит, плохо перевернули! — съязвил возмущенный моряк.

— Как плохо? — воскликнул Герберт.

И он рассказал, что даже придавил черепаху камнями.

— Просто чудеса! — заметил Пенкроф.

— А я-то думал, мистер Сайрес, — сказал Герберт, — что если перевернешь черепаху на спину, она ни за что не встанет на лапы, особенно если она такая большая.

— Правильно, дружок, — ответил Сайрес Смит.

— Как же это могло случиться?..

— А далеко ли от моря вы оставили черепаху? — спросил инженер, отложив работу и размышляя о странном происшествии.

— Да футах в пятнадцати, — сказал Герберт.

— Во время отлива?

— Да, мистер Сайрес.

— Вероятно, в воде черепахе удалось сделать то, чего она не могла сделать на песке. Она перевернулась, когда ее подхватил прилив, и преспокойно уплыла в море, — заметил инженер.

— Ну и разини же мы! — воскликнул Наб.

— Именно это я уже имел честь вам сообщить, — отозвался Пенкроф.

Объяснение Сайреса Смита, конечно, было правдоподобно. Но верил ли он сам в свое объяснение? Утверждать трудно.

ГЛАВА II

Первое испытание пироги. — Вещи, найденные на берегу моря. — Буксир. — Мыс Находки. — Содержимое ящика. — Инструменты, оружие, приборы, одежда, книги, утварь. — Чего не хватает Пенкрофу. — Евангелие. — Стих из священной книги

Двадцать девятого октября лодка была вполне готова. Пенкроф сдержал обещание и за пять дней смастерил из коры нечто вроде пироги, корпус которой скрепил гибкими прутьями крехимбы. Банка на корме, банка посередине, для укрепления бортов, третья банка на носу, планшир — для уключин, два весла, кормовое весло для управления — так было снаряжено суденышко длиной в двенадцать футов и весом не более двухсот фунтов. Спустить его на воду было не трудно. Легкую пирогу отнесли на песчаный берег и поставили у самого моря против Гранитного дворца, а прилив

поднял ее. Пенкроф тотчас же вскочил в лодку, попробовал управлять кормовым веслом и убедился, что пирога годится для намеченной цели.

— Ура! — крикнул моряк, не пренебрегая случаем похвалиться своим успехом. — На этой посудине можно совершить путешествие вокруг…

— Света? — подхватил Гедеон Спилет.

— Нет, вокруг острова. Несколько камней для балласта, на нос мачту и парус, который мистер Сайрес нам как-нибудь смастерит, и мы пустимся в дальнее плавание! Ну что же, мистер Сайрес, мистер Спилет, Герберт, и ты, Наб, неужто вы не хотите испытать наше новое судно? Черт возьми! Нужно же нам узнать, выдержит ли оно нас всех пятерых!

И правда, следовало проделать этот опыт. Пенкроф одним взмахом весла подвел лодку к песчаной отмели по узкому проливу между скалами, и друзья решили, что они сегодня же испытают пирогу, пройдут на ней вдоль берега до первого мыса в южной части бухты Соединения.

Наб крикнул, подойдя к лодке:

— Да в твоем суденышке, Пенкроф, полно воды!

— Пустяки, Наб, — ответил моряк, дереву нуж-

но намокнуть. Дня через два воды в нашей лодке будет столько же, сколько в утробе у пьянчуги. Влезайте!

Итак, все сели в лодку, и Пенкроф повел ее в открытое море. Погода стояла великолепная, океанская ширь была спокойна, как поверхность небольшого озера, и пирога могла смело плыть, словно по реке Благодарения. Наб греб одним веслом, Герберт — вторым, а Пенкроф, стоя позади, управлял кормовым веслом.

Моряк пересек пролив и обогнул южную оконечность островка Спасения. Слабый ветерок дул с юга. Волнения не было ни в проливе, ни в открытом море. Легкая зыбь ничуть не отражалась на тяжело нагруженной пироге. Путешественники отплыли приблизительно на полмили от берега, чтобы увидеть гору Франклина во всем ее величии.

Затем они повернули пирогу и возвратились к устью реки. Теперь она скользила вдоль берега, который, изгибаясь, заканчивался остроконечным мысом и скрывал от взгляда мореплавателей Утиное болото.

Мыс этот находился приблизительно в трех милях от реки Благодарения, считая не по прямой, а по линий берега. Колонисты решили добраться

до крайней точки мыса и оттуда бегло осмотреть все побережье до мыса Коготь.

Итак, лодка шла не больше чем в двух кабельтовых, то и дело огибая подводные камни, почти скрытые приливом. От устья реки до мыса каменистый берег постепенно снижался. То было нагромождение причудливых гранитных глыб, совсем не похожее на кряж, образующий плато Кругозора: пейзаж был суровый. Здесь словно опрокинулась исполинская повозка с обломками скал. Ни былинки не росло на крутом гребне каменной гряды, уходившей на две мили в глубь острова; она казалась рукой великана, торчавшей из зеленого рукава — леса.

Лодка легко шла на двух веслах. Гедеон Спилет, вооружившись карандашом и записной книжкой, крупными штрихами зарисовывал берег. Наб, Пенкроф и Герберт переговаривались, рассматривая эту, еще неведомую часть своих владений, пирога плыла все дальше к югу, и оба мыса Челюсть словно перемещались, еще тесней замыкая вход в бухту Соединения.

Сайрес Смит молчал и смотрел на все таким настороженным взглядом, будто исследовал землю, полную тайн.

Так они плыли три четверти часа; уже пирога

почти достигла оконечности мыса и Пенкроф приготовился было обогнуть его, как вдруг Герберт вскочил и, указывая на какое-то темное пятно, крикнул:

— Что это там виднеется на песке?!

Все посмотрели в ту сторону.

— И правда, там что-то лежит, — произнес журналист, — какие-то обломки, наполовину занесенные песком.

— Эге! — крикнул Пенкроф. — А я вижу, что это такое.

— Что же? — спросил Наб.

— Бочки, бочки — и, может статься, полные! — ответил моряк.

— Держите к берегу, Пенкроф! — приказал Сайрес Смит.

Несколько взмахов весел — и пирога, войдя в маленькую бухту, причалила к берегу и путешественники выскочили на песок.

Пенкроф не ошибся. На берегу лежали две бочки, наполовину занесенные песком и крепко привязанные к объемистому ящику, который они поддерживали на воде, пока их не выбросила волна.

— Неужели вблизи нашего острова произошло кораблекрушение? — спросил Герберт.

— Очевидно, — ответил Гедеон Спилет.

— А что в ящике? — воскликнул Пенкроф с вполне понятным нетерпением. — Что в ящике? Он закрыт и нечем сбить крышку! Разве вот камнем ударить…

Моряк поднял увесистый камень и хотел было вышибить одну из стенок ящика, но инженер остановил его.

— Пенкроф, — сказал он, — неужели нельзя подождать?

— Но, мистер Сайрес, подумайте-ка сами! Может быть, в нем есть все, чего нам не хватает.

— Мы это узнаем, Пенкроф, — отвечал инженер, — но послушайте, не ломайте ящик — право, он нам пригодится. Переправим его в Гранитный дворец, там его и вскроем. Он прекрасно упакован, и если доплыл сюда, значит, благополучно доплывет и до устья реки.

— Ваша правда, мистер Сайрес, я чуть дело не испортил, — ответил моряк, — да ведь не всегда с собой совладаешь.

Предложение инженера было разумно. И действительно, в пироге, пожалуй, не поместились бы все вещи, находившиеся в ящике, очевидно тяжелом, так как он держался на воде при помощи двух пустых бочек. Лучше было взять его на

буксир и доплыть с ним до Гранитного дворца.

Но откуда же волны принесли ящик? Вопрос был важный. Сайрес Смит и его спутники внимательно оглядели все вокруг. Они прошли по берегу несколько сот шагов, но больше ничего не обнаружили. Друзья долго осматривали море. Герберт и Наб поднялись на высокую скалу, но горизонт был пустынен. В море не виднелось ни гибнущего корабля, ни судна под парусом.

И все же произошло кораблекрушение. Они в этом не сомневались.

Быть может, находка имеет какое-то отношение к дробинке? Быть может, люди с судна высадились на другом конце острова? Быть может, они еще там? Колонисты решили, что потерпевшие крушение не малайские пираты, так как было очевидно, что вещи, выброшенные морем, американского или европейского происхождения.

Все окружили ящик, длиной он был в пять футов, шириной в три. Сделан он был из дубовых досок, очень тщательно сколочен и обшит толстой кожей, прибитой медными гвоздями. Две большие герметически закупоренные бочки, судя по звуку, пустые, были прикреплены к ящику прочными веревками, завязанными, как заявил Пенкроф, морским узлом. Ящик, казалось, сохра-

нился отлично — ведь его выбросило на песок, а не на скалы. Колонисты тщательно осмотрели его и пришли к заключению, что он недолго пробыл в воде и попал на берег совсем недавно. Вода, по-видимому, не просочилась в него, и, значит, вещи не попортились.

Очевидно, ящик выбросили за борт судна, потерпевшего крушение, и он плыл по воле волн к острову, а экипаж, в надежде добраться до берега и потом найти там ящик, привязал его к бочкам.

— Возьмем находку на буксир, а дома сделаем опись вещей, — сказал инженер. — Если найдем на острове людей, оставшихся в живых после предполагаемого крушения, возвратим им все вещи. Если же никого не найдем…

— Оставим вещи себе! — воскликнул Пенкроф. — До чего же не терпится узнать, что там!

Начинался прилив: волны подбирались к ящику и, казалось, вот-вот унесут его в море. Колонисты отвязали одну из веревок от бочки и закрепили ее на корме лодки. Затем Пенкроф и Наб веслами разгребли песок и вытащили ящик; лодка, взяв его на буксир, отчалила и поплыла, огибая мыс, который путешественники окрестили мысом Находки. Груз был тяжелый, и бочки еле-еле удерживали ящик на поверхности воды. Моряк боялся, что ящик отвяжется и пойдет ко дну; но, к счастью, страхи Пенкрофа оказались напрасными, и через полтора часа — столько времени понадобилось, чтобы проплыть расстояние в каких-нибудь три мили, — пирога пристала к берегу возле Гранитного дворца.

Лодку и ящик вытащили на песок; начался отлив, волна уже не могла их захлестнуть. Наб сбегал за инструментами, ящик осторожно вскрыли и тут же приступили к описи содержи-

мого. Пенкроф явно был взволнован.

Моряк сначала отвязал бочки, которые были в полной сохранности и, само собой разумеется, могли пригодиться. Затем вытащил гвозди и поднял крышку.

Под ней находился второй ящик, сделанный из цинка, очевидно, он предохранял вещи от сырости.

— Ой, а вдруг там консервы? — закричал Наб.

— Надеюсь, что нет, — заметил журналист.

— Ах, если бы там нашелся… — пробормотал Пенкроф.

— А что именно? — спросил Наб, услыхав его слова.

— Да нет, ничего!

Цинковую крышку рассекли посредине, отогнули к краям ящика, стали извлекать самые разнообразные предметы и складывать их на песок. Как только появлялась какая-нибудь вещь, Пенкроф кричал «ура», Герберт хлопал в ладоши, а Наб танцевал негритянский танец. Были там и книги, которые привели Герберта в восторг, и кухонная посуда, которую Наб готов был расцеловать.

Все колонисты были просто счастливы, потому что в ящике нашлись и инструменты, и оружие, и приборы, и одежда, и книги, и многое другое; вот точный перечень вещей, занесенный в записную книжку Гедеона Спилета:

Инструменты:
3 ножа с несколькими лезвиями,
2 лесорубных топора,
2 плотничьих топора,
3 рубанка,
2 маленьких тесла,
1 двусторонний топор,
6 стамесок,
2 напильника,
3 молотка,
3 бурава,
2 сверла,
10 мешков с гвоздями и винтами,
3 пилы разных размеров,
2 коробки с иголками.

Оружие:
2 кремневых ружья,
2 пистонных ружья,
2 карабина центрального боя,
5 охотничьих ножей,

4 абордажных палаша,
2 бочонка с порохом, фунтов по двадцать пять в каждом,
12 коробок с пистонами.

Приборы:
1 секстан,
1 бинокль,
1 подзорная труба,
1 готовальня,
1 карманный компас,
1 термометр Фаренгейта,
1 барометр-анероид,
1 коробка с фотографическим аппаратом и набором принадлежностей — объектив, пластинки, химические вещества для проявления и т. д.

Одежда:
2 дюжины рубашек из ткани, похожей на шерстяную, но, очевидно, сделанной из растительного волокна.
3 дюжины носков из той же ткани.

Утварь:
1 чугунный котелок,
6 медных луженых кастрюль,
3 чугунные сковородки,

10 алюминиевых приборов,
2 чайника,
1 маленькая переносная печка,
6 столовых ножей.

Книги:

1 Библия с Ветхим и Новым заветом,
1 атлас,
2 словаря полинезийских наречий,
1 Энциклопедия естественных наук в шести томах,
3 стопы писчей бумаги,
2 конторские книги.

Закончив опись предметов, журналист сказал:

— Владелец ящика был человек предусмотрительный, ничего не скажешь. Тут есть все, решительно все: инструменты, оружие, приборы, одежда, посуда, книги, — ничего не забыто. Право, можно подумать, что он ждал кораблекрушения и даже заранее к нему приготовился!

— Да, действительно ничего не забыто, — прошептал Сайрес Смит, о чем-то размышляя.

— И уж конечно, — добавил Герберт, — судно, разбитое бурей, ящик и его владелец не имеют никакого отношения к малайским пиратам!

— Если только владелец не был в плену у пира-

тов, — заметил Пенкроф.

— Вряд ли, — возразил журналист, — вернее всего, буря застигла близ берега какое-нибудь американское или европейское судно, а пассажиры, чтобы спасти самое необходимое, уложили вещи в ящик и бросили его в море.

— А ваше мнение, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Я тоже так думаю, дружок, — ответил инженер, — пожалуй, так все и было. Вероятно, предвидя кораблекрушение, люди сложили в ящик предметы первой необходимости, надеясь, что потом найдут их на берегу.

— И даже фотографический аппарат! — заметил с недоверчивым видом моряк.

— И мне непонятно, зачем понадобился фотографический аппарат, — ответил Сайрес Смит, — для нас, как и для всех потерпевших крушение, было бы куда лучше иметь лишнюю смену одежды да побольше боевых припасов!..

— А нет ли на приборах, инструментах и книгах фабричной марки или названия города? Мы узнали бы тогда, откуда прибыл их владелец, — сказал Гедеон Спилет.

Они решили осмотреть все вещи. Внимательно обследовали каждый предмет, особенно книги,

приборы и оружие. Но, против обыкновения, на ружьях и книгах не было указано, где они производились или печатались, а ведь фабричная марка не могла стереться, ибо вещи, очевидно, еще не были в употреблении; кухонная посуда и инструменты тоже были совсем новыми. Словом, все доказывало, что люди не впопыхах бросили вещи в ящик, а, напротив, выбирали каждый предмет обдуманно, тщательно. Об этом свидетельствовал и внутренний металлический ящик, предохранявший вещи от сырости, его нельзя было запаять в спешке.

Энциклопедический словарь и словарь полинезийских наречий напечатаны были на английском языке, но ни фамилии издателя, ни года издания указано не было.

Библия, тоже английская, была превосходно издана in quarto,[9] и, казалось, ее много раз читали и перечитывали.

На великолепном атласе с картами обоих полушарий, в проекции Меркатора и с географическими названиями на французском языке, тоже не было указано ни года издания, ни фамилии издателя.

---

[9] Примечания: 9
В четверть бумажного листа *(лат.)*.

Колонисты тщательно осмотрели все вещи, но не могли догадаться, какой стране принадлежало судно, очевидно недавно побывавшее в здешних водах. Но откуда бы ни появился ящик, он обогатил колонистов острова Линкольна. До сих пор они пользовались лишь дарами природы, все делали сами, а разум и знания помогали им выходить из трудного положения. Не провидение ли, желая вознаградить их, ниспослало им фабричные изделия? И поселенцы вознесли к небесам благодарственную молитву.

Впрочем, один из них — Пенкроф — был не вполне доволен. Очевидно, в ящике не оказалось именно того, чего ему так недоставало, и пока извлекали предмет за предметом, все тише и тише раздавалось его «ура», а когда опись была закончена, все услышали, как он пробурчал:

— Все это чудесно, но сами видите — для меня в ящике ничего не нашлось.

Тут Наб его спросил:

— А чего же ты ждал, дружище?

— Полфунтика табачку! — серьезно ответил Пенкроф. — Уж тогда я был бы вполне счастлив.

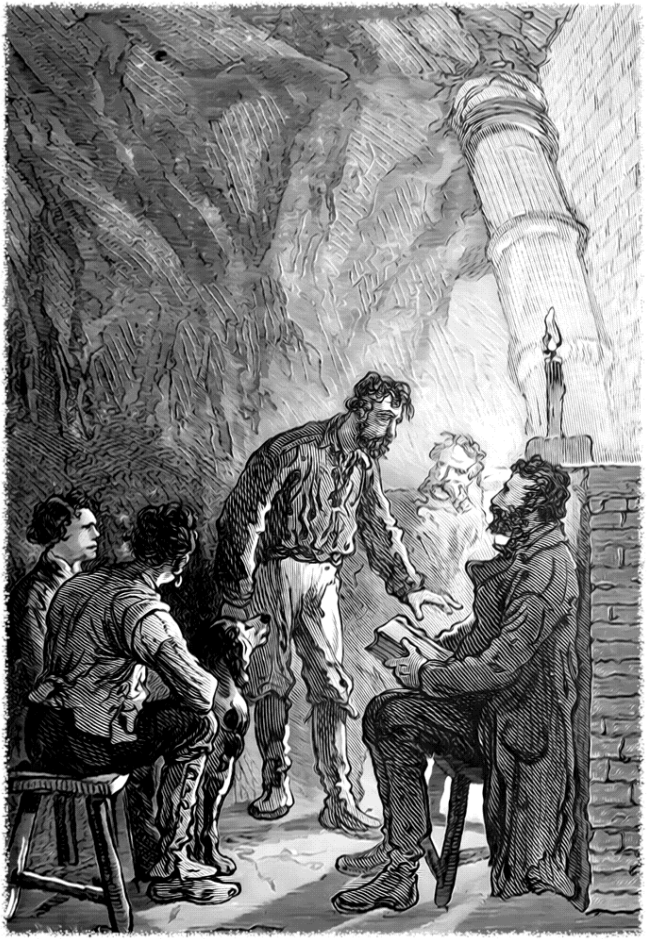
При этом замечании Пенкрофа все весело засмеялись. Теперь, после находки, необходимо было тщательнее, чем прежде, обследовать остров.

Друзья решили на другой же день, с рассветом, пуститься в путь, подняться вверх по реке Благодарения и добраться до западной части острова. Быть может, потерпевшие кораблекрушение высадились там на побережье и оказались в бедственном положении, — колонистам хотелось поскорее прийти к ним на помощь.

За день поселенцы перенесли все вещи в Гранитный Дворец и аккуратно уложили в большой комнате.

В тот день, 29 октября, было воскресенье, и, прежде чем лечь спать, Герберт спросил инженера, не прочтет ли он им несколько строк из Евангелия.

— Охотно прочту, — ответил Сайрес Смит.



Он взял книгу и собрался было открыть ее, но Пенкроф вдруг сказал:

— Мистер Сайрес, я суеверен. Откройте-ка наугад и прочтите нам первый стих, какой попадется вам на глаза. Посмотрим, подойдет ли он к нашему положению.

Сайрес Смит усмехнулся, но исполнил желание моряка — он открыл Евангелие как раз на том месте, где была вложена закладка.

И вдруг его взгляд упал на красный крестик, сделанный карандашом перед восьмым стихом VII главы Евангелия от Матфея.

И он прочел этот стих, гласивший:

«Просите, и дано будет вам; ищите — и найдете».

ГЛАВА III

Отплытие. — Начало прилива. — Вязы и крапивные деревья. — Различные растения. — Жакамар. — Лесной пейзаж. — Эвкалипты-великаны. — Деревья, предохраняющие от лихорадки. — Стаи обезьян. — Водопад. — Ночлег

На следующий день, 30 октября, колонисты собрались в путь. Теперь, после всего, что недавно

произошло, исследование острова нельзя было откладывать.

Действительно, обстоятельства сложились так, что обитатели острова Линкольна уже не думали о том, как помочь себе, а готовы были сами оказать помощь.

Они решили подняться как можно дальше вверх по, реке Благодарения. Таким образом, большая часть пути будет не слишком утомительной, и им удастся переправить на лодке продовольствие и оружие почти до западного побережья острова.

Надо было решить, какое снаряжение необходимо взять с собой, помня о том, что, может быть, придется привезти какие-то вещи в Гранитный дворец. Если и в самом деле у берегов острова произошло кораблекрушение, как это предполагалось, найдется немало вещей выкинутых морем и, вероятно, очень полезных. Конечно повозка была бы удобнее утлой пироги, но в тяжелую и громоздкую повозку пришлось бы впрячься самим, и это заставило Пенкрофа пожалеть, что в ящике не оказалось не только «полуфунтика табачку», но и пары сильных породистых нью-джерсийских лошадей, которые оказали бы столько услуг поселенцам.

Наб уже погрузил в лодку провизию: солонину, несколько галлонов пива и напитка из корней драцены, то есть съестные припасы на три дня — самый долгий срок, назначенный Сайресом Смитом для путешествия. Кроме того, поселенцы рассчитывали пополнить запасы в дороге, и Наб предусмотрительно захватил, кроме всего прочего, и переносную печурку.

Они взяли с собой также два топора, чтобы прокладывать дорогу в чаще леса, бинокль и карманный компас. Из оружия выбрали два кремневых ружья, более пригодных здесь, чем пистонные ружья, так как для кремневых ружей нужны лишь кремни, а их нетрудно было заменить: запас пистонов при частом употреблении скоро бы иссяк; путешественники взяли также карабин и патроны. Они захватили с собой и запас пороха — в бочонках его было около пятидесяти фунтов; к тому же инженер собирался взамен его изготовить какое-то взрывчатое вещество. К огнестрельному оружию добавили пять охотничьих ножей в кожаных чехлах; при таком снаряжении можно было смело углубиться в девственный лес, а в случае необходимости и постоять за себя.

Нечего говорить, что Пенкроф, Герберт и Наб,

вооружившись до зубов, были вне себя от радости, хотя они и обещали Сайресу Смиту не делать без нужды ни единого выстрела.

В шесть часов утра спустили пирогу на воду. Путешественники, считая и Топа, разместились в ней и поплыли по морю к устью реки Благодарения.

Прилив начался всего лишь полчаса назад. Значит, он должен был продлиться еще несколько часов, и этим следовало воспользоваться: ведь позже, при отливе, плыть против течения было бы трудно. Прилив был высокий, ибо через три дня наступало полнолуние, и пирога, которую он подгонял вверх по течению, быстро скользила между двух высоких берегов, даже без помощи весел.

За несколько минут друзья доплыли до излучины реки и оказались у того места, где полгода назад Пенкроф соорудил первый плот.

Здесь река довольно круто поворачивала и, делая излучину, текла к юго-западу под сенью больших хвойных деревьев.

Берега реки Благодарения были очень живописны. Сайрес Смит и его друзья любовались красотами природы, которые она создает с такой легкостью, сочетая леса и реки. Они продвига-

лись вперед, и породы деревьев менялись. На правом берегу ярусами поднимались великолепные деревья из семейства ильмовых — могучие вязы, древесина которых долго не портится в воде, поэтому за ними так и охотятся кораблестроители. Были тут и целые рощи других деревьев, относящихся к тому же семейству, были тут и крапивные деревья, плоды которых дают полезный продукт — масло. А еще дальше Герберт приметил несколько лардизабаловых деревьев — из их гибких ветвей, вымоченных в воде, получаются превосходные канаты — и два-три ствола черного дерева, густого темного цвета с причудливыми прожилками.

В иных местах, там, где легко было причалить, лодка останавливалась. И Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф, с ружьями наперевес, в сопровождении Топа обследовали берег. Здесь попадалась не только дичь, но и полезные растения, пренебрегать которыми не следовало; юный натуралист был очень доволен, ибо он открыл разновидность дикого шпината из семейства лебедовых и множество крестоцветных растений, принадлежащих к роду капустных, — их, без сомнения, можно было выращивать, пересадив на другую почву; тут росли кресс луговой, хрен, репа и

небольшие, в метр высотой, покрытые пушком, кустистые растения с коричневатыми семенами.

— Знаешь, что это за растение? — спросил Герберт моряка.

— Да это табак! — воскликнул Пенкроф, которому, очевидно, доводилось видеть свое излюбленное зелье только в трубке.

— Нет, Пенкроф! — ответил Герберт. — Не табак, горчица.

— Горчица так горчица, — сказал моряк, — но ежели случайно, сынок, на глаза тебе попадется табак — не пренебрегай им.

— Найдем и его когда-нибудь! — заметил Гедеон Спилет.

— Вот было бы хорошо! — воскликнул Пенкроф. — Право, в тот день у нас на острове только птичьего молока не будет!

Они тщательно выкапывали различные растения, переносили их в пирогу, из которой не выходил Сайрес Смит; он сидел в ней и о чем-то размышлял.

Журналист, Герберт и Пенкроф высаживались несколько раз то на правом, то на левом берегу. Правый был не такой крутой, а левый более лесистый. Инженер определил по компасу, что от первой излучины река течет с юго-запада на северо-восток почти по прямой линии на протяжении трех миль. Быть может, дальше ее течение

менялось, и она поворачивала к северо-западу, к отрогам горы Франклина, откуда, вероятно, и брала начало.

Гедеону Спилету удалось поймать на берегу двух самцов и двух самок из семейства куриных. То были птицы с длинными и тонкими клювами, длинной шеей, короткими крыльями и без признаков хвоста. Герберт был совершенно прав, определив, что это скрытохвосты, и тут же было решено, что они станут первыми обитателями будущего птичника.

Но до сих пор ружья молчали, и только когда появилась красивая птица, похожая на зимородка, в лесах Дальнего Запада раздался первый выстрел.

— Узнаю ее, — крикнул Пенкроф, ружье которого словно само выстрелило.

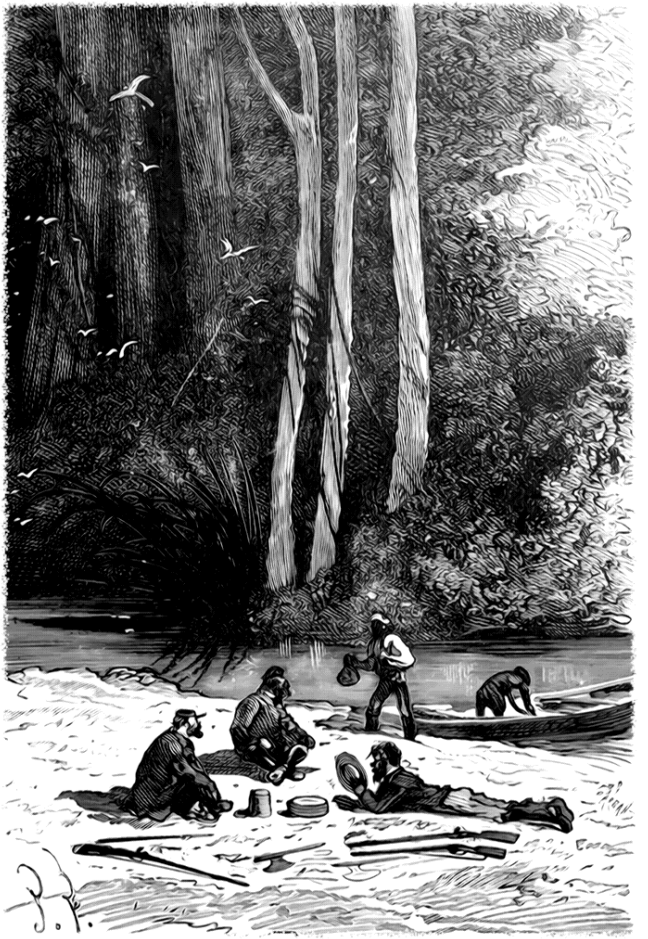
— Кого вы узнаете? — спросил журналист.

— Да птицу! Она-то и улизнула от нас, когда мы в первый раз исследовали остров, — в ее честь мы окрестили лес!

— Жакамар! — воскликнул Герберт.

И правда, это был жакамар — прекрасная птица с довольно жестким оперением, отливающим металлическим блеском. Несколько дробинок убили жакамара наповал, и Топ принес его в лод-

ку, а за ним с дюжину хохлатых попугайчиков из семейства парнопалых, величиною с голубя; оперение у них ярко-зеленое, полкрыла — малиновое, а на хохолке — белый ободок. Юноше принадлежала честь удачного выстрела, и он был очень горд. Попугайчики вкуснее жакамара, — его мясо жестковато, но Пенкрофа было трудно убедить, что на свете найдется дичь лучше, чем убитый им жакамар.



В десять часов утра пирога очутилась у второй излучины реки — в пяти милях от устья. Путешественники устроили привал, позавтракали и отдохнули с полчаса в тени высоких красивых деревьев.

Ширина реки достигала тут шестидесяти — семидесяти футов, а глубина — шести. Инженер заметил, что в реку впадают многочисленные притоки, делая ее полноводнее, но что все эти речушки несудоходны. Лес же, который поселенцы называли лесом Жакамара, а также лесом Дальнего Запада, тянулся все дальше, и казалось, ему нет конца. Но ни в чаще, ни у берега реки ничто не свидетельствовало о присутствии человека. Путники не обнаружили ничего, что говорило бы о том, что здесь есть люди, и было ясно, что топор еще не касался деревьев, что охотничий нож еще не рассекал лиан, перекинувшихся со ствола на ствол, среди непроходимого кустарника и высоких трав. И если люди, потерпевшие кораблекрушение, и высадились на острове, то, очевидно, нашли убежище где-нибудь на берегу, у самого моря, а не здесь, в непроходимых зарослях.

Поэтому-то инженер и торопил товарищей — он спешил добраться до западного берега острова

Линкольна, по его расчетам находившегося по крайней мере в пяти милях. Они снова пустились в путь, и хотя им казалось, что русло реки ведет их не к берегу, а скорее к горе Франклина, все же было решено плыть до тех пор, пока под днищем пироги будет достаточно воды, — так сохранялись силы и выгадывалось время; если бы они пошли лесом, им пришлось бы прокладывать дорогу топором.

Но вскоре течение перестало помогать им, может быть, оттого, что ослабел прилив — действительно в этот час пора было начаться отливу, — а может быть, оттого, что прилив не чувствовался на таком расстоянии от устья реки Благодарения. Пришлось взяться за весла. Наб и Герберт уселись на банку, Пенкроф — за кормовое весло, служившее рулем, и пирога снова поплыла вверх по течению.

Чем дальше плыли они к лесам Дальнего Запада, тем реже становился лес. Деревья росли не так густо и даже кое-где стояли поодиночке. Но именно потому, что между ними было много места, света и воздуха, они разрослись на приволье и были великолепны.

Какие роскошные представители растительного мира встречаются в этих широтах! Посмотрев

на них, ботаник без колебания определил бы, на какой параллели лежит остров Линкольна.

— Эвкалипты! — крикнул Герберт.

И действительно, то были величественные деревья, последние исполины субтропической зоны, сородичи тех эвкалиптов, что растут в Австралии и Новой Зеландии, лежащих на той же широте, что и остров Линкольна. Иные из них были высотою в двести футов. Окружность ствола достигала у основания двадцати футов, а кора, по которой стекала душистая смола, была толщиной в пять дюймов. Нет на свете ничего чудеснее и своеобразнее этих огромных деревьев из семейства миртовых, листья которых повернуты ребром к свету и не загораживают солнечных лучей, доходящих до самой земли!

У подножия эвкалиптов землю покрывала сочная трава, из нее стаями вылетали крошечные птички, переливаясь в сверкающих лучах солнца, как крылатые рубины.

— Вот так деревья! — воскликнул Наб. — Только есть ли от них прок?

— Э! Видно, бывают на свете великаны деревья, как и великаны люди! — подхватил Пенкроф. — Их только на ярмарке показывать — какой от них еще прок!

— Думаю, что вы ошибаетесь, Пенкроф, — заметил Гедеон Спилет, — эвкалипт начинают применять — и весьма успешно: из него мастерят красивые столярные изделия.

— Кроме того, — добавил Герберт, — эвкалипты принадлежат к группе, в которой есть множество полезных видов: фейхоа, дающая плоды фейхоа; гвоздичное дерево, из цветов которого приготовляют пряности; гранатовое, приносящее гранаты; «eugenia cauliflora», из ее плодов получается вполне сносное вино, мирт «ugni», его сок — вкусный алкогольный напиток; мирт «caryophillus» — из его коры добывается превосходная корица; «eugenia pimenta» дает ямайский стручковый перец; мирт обыкновенный, ягоды которого заменяют перец; «eucalyptus robusta», из которого добывается очень вкусная манна; «eucalyptus Gunei», из перебродившего сока которого приготовляется пиво; наконец, деревья, известные под названием «деревья жизни», или «железные деревья», которые принадлежат к тому же семейству миртовых, оно насчитывает сорок шесть родов и тысячу триста видов.

Юношу не прерывали, и он с воодушевлением преподал этот урок ботаники. Сайрес Смит слушал его с улыбкой, а Пенкроф с гордостью, не

поддающейся описанию.

— Молодец Герберт, — сказал моряк, — но готов побиться об заклад: все полезные растения, которые ты тут перечислил, не такие великаны, как вот эти!

— Что верно, то верно, Пенкроф.

— Выходит, я прав, — заметил моряк, — великаны никуда не годятся!

— Вы ошибаетесь, Пенкроф, — сказал инженер, — как раз эти гигантские эвкалипты, под которыми мы расположились, годятся для многого.

— Для чего же?

— Для оздоровления края, где они растут. Знаете ли вы, как их называют в Австралии и Новой Зеландии?

— Нет, мистер Сайрес.

— Их называют «гонителями лихорадки».

— Они изгоняют лихорадку?

— Нет, предохраняют от нее.

— Так. Записываю, — заметил журналист.

— Записывайте, любезный Спилет, — доказано, что эвкалипты оздоровляют местность. Это благодетельное средство, данное самой природой, испробовали на юге Европы и в Северной Африке, где почва чрезвычайно болотиста, — и что же?

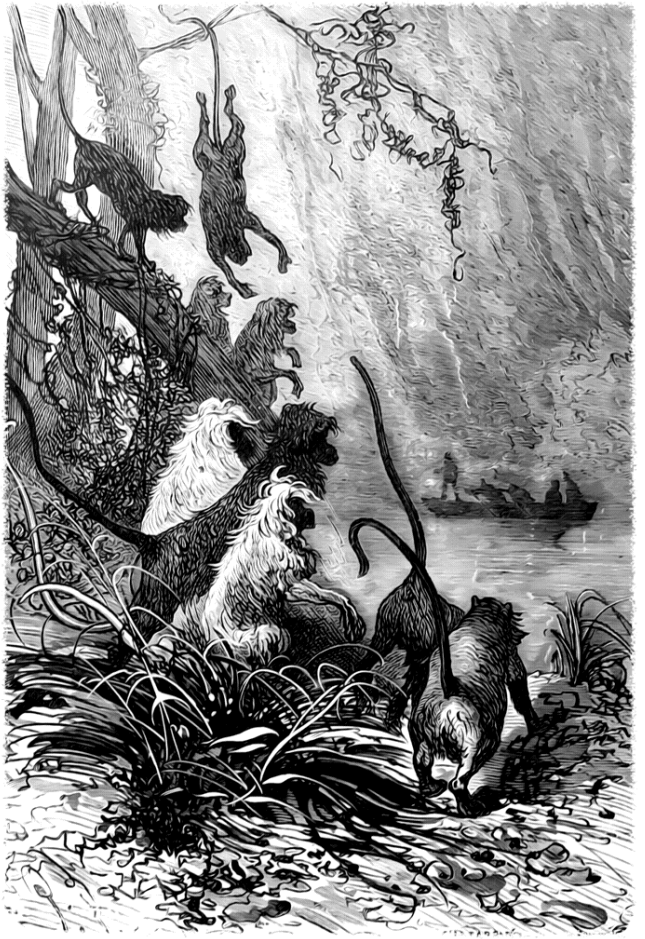
Состояние здоровья местных жителей мало-помалу улучшалось. В районах, покрытых лесами эвкалиптов, не встречается перемежающейся лихорадки. Факт этот уже не внушает сомнений, что очень приятно и для нас, поселенцев острова Линкольна.

— Ну и остров! Благословенная земля — наш остров! — воскликнул Пенкроф. — Говорю вам — на нем все есть, чего ни пожелаешь… вот только если бы…

— И это будет, Пенкроф, и его отыщем, — сказал инженер, — но пора в путь, будем плыть до тех пор, пока река не обмелеет.

Итак, путешественники продолжали исследовать край. Они проплыли еще мили две среди эвкалиптов, которые в этой части острова возвышались над всеми другими деревьями. Эвкалиптовые леса были необозримы; они тянулись по обе стороны реки Благодарения, которая змеилась, теснясь между крутыми зелеными берегами. Местами русло заросло высокими травами, из воды выступали острые скалы, что затрудняло плавание. Грести было нелегко, и Пенкрофу пришлось отталкиваться шестом. Видно было, что вода в реке постепенно спадает и что недалек тот час, когда придется стать

из-за мелководья. Уже солнце склонялось к горизонту и на землю ложились длинные тени деревьев. Сайрес Смит, понимая что засветло им не добраться до западного берега острова решил расположиться на ночлег в том месте, где из-за мелководья надо будет прервать плаванье. Он полагал, что до морского берега оставалось еще пять-шесть миль, — расстояние было слишком велико, не стоило идти ночью, особенно по этим неведомым лесам.



Лодка плыла вверх по течению, среди леса, который становился все гуще, казалось, что в нем и зверья водилось больше, ибо моряк, если зрение его не обманывало, видел стаи обезьян, снующих между деревьями. Порой то одна, то другая останавливалась неподалеку от лодки и смотрела на путешественников без всякого страха, будто видела людей впервые и еще не знала, что их нужно бояться. Было очень легко перестрелять обезьян, но Сайрес Смит восстал против бессмысленного уничтожения животных, хотя это и соблазняло страстного охотника Пенкрофа. Да и стрелять было неблагоразумно, ибо сильные и необычайно проворные обезьяны в ярости страшны и лучше их не раздражать.

Правда, моряк смотрел на обезьяну с чисто кулинарной точки зрения; и в самом деле, мясо этих травоядных животных превосходно. Но путешественники не нуждались в съестных припасах и не хотели понапрасну расходовать патроны.

Время близилось к четырем часам пополудни; плыть по реке Благодарения стало еще труднее, ибо водоросли и камни преграждали путь. Берега поднимались все выше: река извивалась между первыми отрогами горы Франклина. Очевидно, ее истоки были неподалеку отсюда, они питались

водами, бегущими с южных склонов горы.

— И четверти часа не пройдет, как нам придется остановиться, мистер Сайрес.

— Ну что же, и остановимся, Пенкроф, расположимся на ночлег.

— Далеко ли мы отплыли от Гранитного дворца? — спросил Герберт.

— Да миль на семь, — ответил инженер, — но я принимаю во внимание повороты реки, из-за них мы отклонились на северо-запад.

— Поплывем дальше? — спросил журналист.

— Да, пока это возможно, — ответил Сайрес Смит, — завтра на рассвете высадимся из лодки, надеюсь, часа за два доберемся до побережья и за день исследуем прибрежную полосу.

— Вперед! — крикнул Пенкроф.

Но вскоре лодка стала задевать каменистое дно реки, ширина которой в этом месте не достигала и двадцати футов. Густая зелень аркой перекидывалась над рекой и окутывала ее полутьмою. Довольно отчетливо слышался шум водопада, и это говорило о том, что неподалеку отсюда вверх по течению находится естественная плотина.

И действительно, за поворотом реки путешественники сквозь деревья увидели небольшой водопад. Лодка ударилась о дно, а через несколь-

ко минут ее привязали к стволу дерева у правого берега.

Было около пяти часов. Последние лучи заходящего солнца проникали сквозь густую листву деревьев, преломляясь в струях воды, и мелкие брызги, разлетавшиеся веером, искрились всеми цветами радуги. А дальше река Благодарения терялась в лесной заросли — там, где брала начало. Речушки, впадавшие в нее на всем протяжении, превращали ее ближе к устью в настоящую реку, здесь же она была прозрачным мелким ручьем.

В этом прелестном уголке путники и расположились на ночлег. Они разгрузили лодку, разожгли костер и приготовили ужин в небольшой рощице крапивных деревьев, в ветвях которых Сайрес Смит и его товарищи могли в случае необходимости найти приют на ночь.

С ужином покончили быстро, потому что все очень проголодались, и теперь оставалось одно — лечь спать. Но лишь только стемнело, раздалось рычание, послышался рев каких-то зверей, поэтому путники подбросили сучьев в костер — пусть горит всю ночь, пусть его сверкающее пламя охраняет спящих. Наб и Пенкроф дежурили по очереди и не жалели топлива. Вероятно, они не ошиблись, думая, что видят тени каких-

то животных, — звери бродили вокруг лагеря, мелькали среди ветвей деревьев; однако ночь прошла без приключений, и на следующий День, 31 октября, все уже были на ногах с пяти часов утра, готовясь продолжать путь.

ГЛАВА IV

По пути к побережью. — Обезьяны. — Еще одна река. — Почему не ощущается прилив. — Лес вместо берега. — Змеиный мыс. — Герберт завидует Гедеону Спилету. — Как горит бамбук

Было шесть часов утра, когда колонисты, покончив с завтраком, пустились в путь, им хотелось поскорее достигнуть западного берега. За сколько часов доберутся они туда? Сайрес Смит сказал, что за два, но, очевидно, это зависело от того, какие препятствия встанут у них на пути. Эта часть Дальнего Запада, казалось, была покрыта сплошными лесами — росли там самые разнообразные породы деревьев. Путникам, вероятно, предстояло прокладывать себе дорогу топором сквозь заросли трав, кустарника, лиан, не выпуская из рук, конечно, и ружья, — недаром ночью слышалось рычание хищных зверей.

Точное местоположение лагеря можно было определить по горе Франклина; вулкан возвышался на севере, на расстоянии по крайней мере трех миль, — значит, чтобы добраться до побережья, нужно было идти прямо к юго-западу.

Путешественники тщательно привязали лодку и пустились в дорогу. Пенкроф и Наб несли съестные припасы — их было вполне достаточно для маленького отряда по крайней мере на два дня. Решили не охотиться. Инженер посоветовал своим спутникам без нужды не стрелять, чтобы не выдать своего присутствия вблизи от берега моря.

Первыми ударами топора они расчистили себе путь среди густых зарослей, чуть повыше водопада; и Сайрес Смит с компасом в руке пошел вперед, указывая дорогу.

Почти все деревья, растущие тут, в лесу, уже встречались им на озере и на плато Кругозора. Были тут деодары, дугласы, казуарины, камедные деревья, эвкалипты, драцены, гибиски, кедры и деревья других пород, но росли они так тесно, что почти все были низкорослы. Путники медленно продвигались по тропинке, которую прокладывали на ходу, — Сайрес Смит задумал соединить ее впоследствии с дорогой вдоль Красного ручья.

Они все время шли вниз, спускаясь по широким уступам, характерным для орографической системы острова; почва была сухая, но ее покрывала роскошная растительность, которую, очевидно, питали подземные ручьи, а может быть, поблизости протекала речка. Однако Сайрес Смит не заметил, когда восходил на потухший вулкан, других речек, кроме Красного ручья и реки Благодарения.

Путники шли уже несколько часов, когда им встретились целые стаи обезьян, проявлявших живейшее любопытство, ибо они видели людей впервые. Гедеон Спилет шутливо спрашивал, уж не принимают ли эти проворные и сильные четверорукие его самого и его спутников за своих собратьев-выродков? И правда, путники на каждом шагу останавливались перед зарослями кустарника, путались в лианах, спотыкались о поваленные деревья и не могли блеснуть ловкостью по сравнению с обезьянами, которые легко прыгали с ветки на ветку и преодолевали любые препятствия. Обезьян было множество, но, к счастью, они не проявляли враждебных намерений.

Попадались также кабаны, агути, кенгуру и разные грызуны, а раза два-три — сумчатый медведь. Пенкроф с удовольствием всадил бы в

зверей несколько пуль.

— Охота еще не разрешена, — говорил он. — Прыгайте пока, приятели, скачите и летайте спокойно. На обратном пути мы с вами потолкуем.

В половине десятого утра безымянная горная речка шириной в тридцать — сорок футов преградила им путь; течение у нее было стремительное, бурное; волны бились о скалы и шумно бурлили. Плыть по этому глубокому и прозрачному потоку на лодке было невозможно.

— Вот путь и отрезан! — воскликнул Наб.

— Нет, — ответил Герберт, — ведь это всего-навсего ручей, и мы его переплывем.

— Зачем же? — сказал Сайрес Смит. — Ясно, что он течет к морю. Пойдемте вдоль левого берега; держу пари, речка очень скоро выведет нас к морю. Идемте же!

— Погодите, друзья! — воскликнул журналист. — А как мы назовем речку? Пусть не будет «белых пятен» на нашей карте.

— Верно! — одобрил Пенкроф.

— Ну-ка, дружок, дай ей название, — обратился инженер к Герберту.

— Не лучше ли нам подождать и сначала обследовать ее до самого устья? — заметил юноша.

— Ну что ж, — сказал Смит. — Идемте вниз по течению, живее!

— Погодите-ка! — воскликнул Пенкроф:

— Что такое? — спросил журналист.

— Охота запрещена, а вот рыбная ловля, я полагаю разрешается.

— Нельзя терять времени, — ответил инженер.

— Всего пять минут, — возразил Пенкроф. — Задержу вас только на пять минут, — ведь обед от этого выиграет.

И Пенкроф лег на берег, опустил руки в быстрые воды и вмиг наловил несколько дюжин превосходных раков, кишевших между скалами.

— Отличная будет закуска! — воскликнул Наб, помогая другу.

— Я ведь говорил, что, за исключением табака, все есть на этом острове, — пробормотал Пенкроф, вздыхая.

За пять минут наловили уйму раков — так много водилось их в речке. Наполнив целый мешок этими раками с синим, точно кобальт панцирем и небольшими клешнями, колонисты снова двинулись в путь.

Идти вдоль потока стало легче, и путники продвигались вперед быстрее. По-прежнему ничто вокруг не говорило о присутствии человека.

Время от времени попадались следы крупных животных, спускавшихся к речке на водопой, — вот и все; разумеется, не в этой части Дальнего Запада в пекари попала дробинка, из-за которой Пенкроф поплатился зубом.

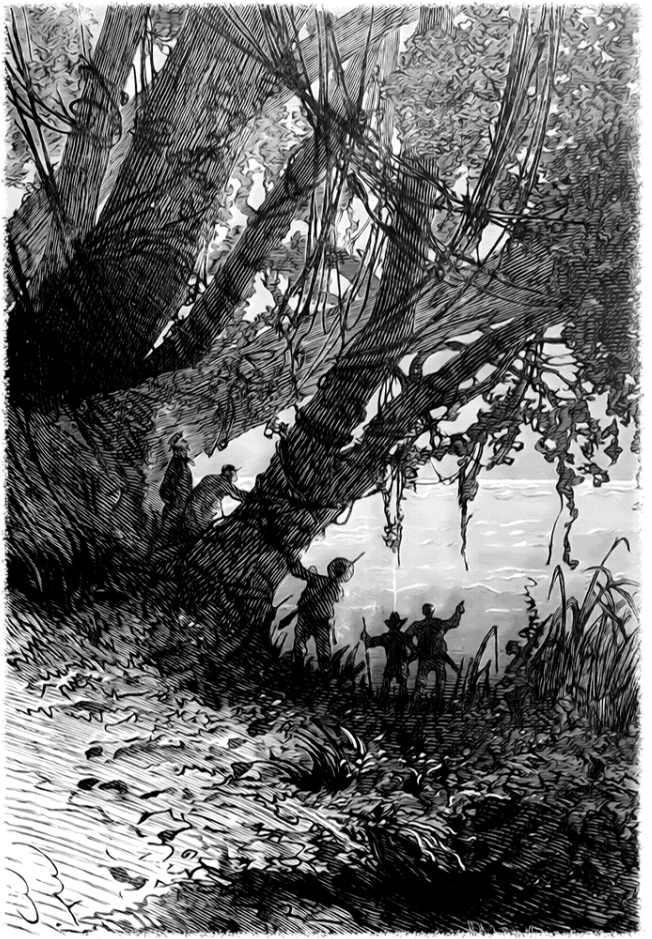
Однако, наблюдая за быстрым потоком, бежавшими к морю, Сайрес Смит предположил, что они находятся гораздо дальше от западного берега, чем думают. Действительно, уже наступил прилив, и он непременно погнал бы вспять воды потока, если бы устье находилось лишь в нескольких милях отсюда. Однако река текла по естественному уклону. Инженер был изумлен; он то и дело посматривал на компас, чтобы удостовериться, не уводит ли их извилистое течение обратно в дебри лесов Дальнего Запада.

А поток все расширялся, и воды его становились все спокойнее. Деревья на правом берегу росли так же густо, как и на левом, чаща была непроницаема, но, конечно, леса были необитаемы — ведь Топ не лаял, а умный пес тотчас же оповестил бы о присутствии людей, если бы они расположились неподалеку от речки.

В половине одиннадцатого, к великому удивлению Сайреса Смита, Герберт, опередивший своих спутников, вдруг остановился и крикнул:

— Море!

Через несколько секунд путники вышли на опушку леса, и перед их глазами предстал западный берег острова.



Но как отличался этот берег от восточного, на который их выбросило волнами! Тут — ни гранитного кряжа, ни рифов, ни песка! Прибрежная полоса поросла лесом, волны добегали до деревьев, склонившихся к воде. То не был обычный берег, каким его создает природа, расстилая обширный песчаный ковер, причудливо нагромождая скалы, то была чудесная лесная опушка с прекраснейшими на свете деревьями. Русло реки было расположено так высоко, что до него не доходило море даже в часы самых сильных приливов; на плодородной почве с гранитным основанием величественные деревья всех пород пустили такие же прочные корни, как и там, в глубине острова.

Колонисты очутились у небольшой бухты, в которой не поместилось бы даже два-три рыболовных судна; она-то и являлась устьем реки; ее воды не впадали в море, плавно катясь по пологому склону, а низвергались с высоты сорока футов, а то и больше, — вот почему прилив не изменял течения потока. Никогда еще, вероятно, волны Тихого океана, как бы высок ни был прилив, не достигали берегов речки, которая как бы образовала естественный шлюз, и, без сомнения, только через миллионы лет водам суждено было

подточить его гранитное дно и проложить удобный путь для реки, впадающей в море. Поэтому, с общего согласия, потоку дали название «Водопадная речка».

Лес тянулся к северу по самому берегу, почти на протяжении двух миль; а дальше он редел, и за деревьями вдоль побережья, идущего почти по прямой линии, виднелась живописная гряда холмов. Вся южная часть берега между Водопадной речкой и Змеиным мысом сплошь была покрыта лесом, морские волны доходили до великолепных деревьев с прямыми или склонившимися к воде стволами. Именно здесь, то есть на полуострове Извилистом, и надо было продолжать поиски, ибо в этой части побережья, а не в другой, бесплодной и дикой, очевидно, нашли убежище люди, потерпевшие кораблекрушение, кем бы они ни были.

Стояла отличная, ясная погода, и с высокого скалистого берега, на котором Наб с Пенкрофом готовили обед открывался широкий вид. На горизонте не белело ни паруса. На всем побережье, насколько мог охватить глаз, не виднелось ни лодки, ни обломков кораблекрушения. Но Сайрес Смит все же решил исследовать побережье, вплоть до оконечности полуострова Извили-

стого.

С обедом быстро покончили; в половине двенадцатого Сайрес Смит дал сигнал собираться в дорогу; перед ними лежал не каменистый берег, не прибрежная песчаная полоса, а им приходилось пробираться через чащу, у самой воды.

Расстояние, отделяющее устье Водопадной речки от Змеиного мыса, равнялось милям двенадцати. Его можно было бы пройти за четыре часа по хорошей дороге, но наши путники шли вдвое дольше, так как приходилось огибать деревья, прорубать густой кустарник и разрывать лианы, в которых путались ноги.

Все это значительно удлиняло путь.

Друзья так и не обнаружили следов кораблекрушения. Быть может, как справедливо заметил Гедеон Спилет, волны все унесли в море; если даже не удастся найти ни одного обломка, нельзя утверждать, будто море не выбросило разбитый корабль на западный берег острова Линкольна.

Журналист рассуждал правильно, кроме того, случай с дробинкой неопровержимо доказывал, что месяца три тому назад на острове кто-то выстрелил из ружья.

Было уже пять часов вечера, а путникам оставалось еще пройти две мили до крайней точки

полуострова Извилистого. Было ясно, что, дойдя до Змеиного мыса, они не успеют до захода солнца вернуться к тому месту, где утром устроили привал, — близ истоков реки Благодарения. Поэтому предстояло провести ночь на мысе. Съестных припасов у них было достаточно, и это оказалось очень кстати, ибо в лесу, на побережье, зверей не попадалось. Птиц же было множество: жакамары, куруку, трагопаны, тетерева, маленькие и большие попугаи, какаду, фазаны, голуби и сотни других пернатых. Не было дерева без гнезда, не было гнезда, из которого не доносилось бы хлопанье крыльев!

К семи часам вечера изнуренные, усталые путники подошли к Змеиному мысу, причудливым завитком выдававшемуся в море. Здесь кончался лес, и берег на юге острова превратился в самый обычный морской берег — появились скалы, рифы и песчаные отмели. Может быть, где-нибудь здесь и был выброшен корабль, потерпевший крушение, но уже стемнело, исследование пришлось отложить на завтра.

Пенкроф и Герберт принялись искать место, удобное для ночлега. Лес обрывался, а за ним юноша с удивлением заметил густую бамбуковую рощу.

— Ценное открытие! — воскликнул он.

— Почему же ценное? — спросил Пенкроф.

— А вот почему, — ответил Герберт, — видишь ли, Пенкроф, стволы бамбука, изрезанные на тонкие гибкие полоски, служат для плетения корзин; если его стебли вымочить и превратить в тесто, можно приготовить китайскую бумагу; из бамбуковых стволов, в зависимости от их толщины, выделывают трости, чубуки, водопроводные трубы; большие бамбуки — прекрасный, легкий и прочный строительный материал, его не подтачивает червь. Распилив ствол между двумя узлами, сохранив в качестве дна поперечную перегородку, мастерят прочные и удобные сосуды, они очень распространены в Китае. Но зачем я все это рассказываю, ведь тебе неинтересно. Но вот еще что…

— А что?..

— Знай же, если еще не знаешь, что в Индии бамбук едят вместо спаржи.

— Спаржа в тридцать футов высотой! — воскликнул Пенкроф. — И вкусная?

— Превкусная! — ответил Герберт. — Только в пищу идут, конечно, не тридцатифутовые стволы бамбука, а молодые побеги.

— Отлично, сынок, отлично!

— Молодые побеги, замаринованные в уксусе, — отменная приправа.

— Еще того лучше, Герберт!

— И, наконец, в стволах бамбука содержится сахаристый сок, а из него приготовляют приятный напиток.

— И это все? — спросил моряк.

— Все.

— А случайно, курить его нельзя?

— Нельзя, дружище.

Герберт и моряк недолго искали место, удобное для ночлега. Волны, подгоняемые юго-западным ветром, нещадно били в прибрежные скалы, и там зияли глубокие пещеры, в них можно было переночевать, укрыться от непогоды. Только приятели собрались войти в одну из пещер, как вдруг услышали яростное рычание.

— Назад! — крикнул Пенкроф. — Наши ружья заряжены лишь дробью, а дробь для зверей с таким громким голосом — крупинка соли.

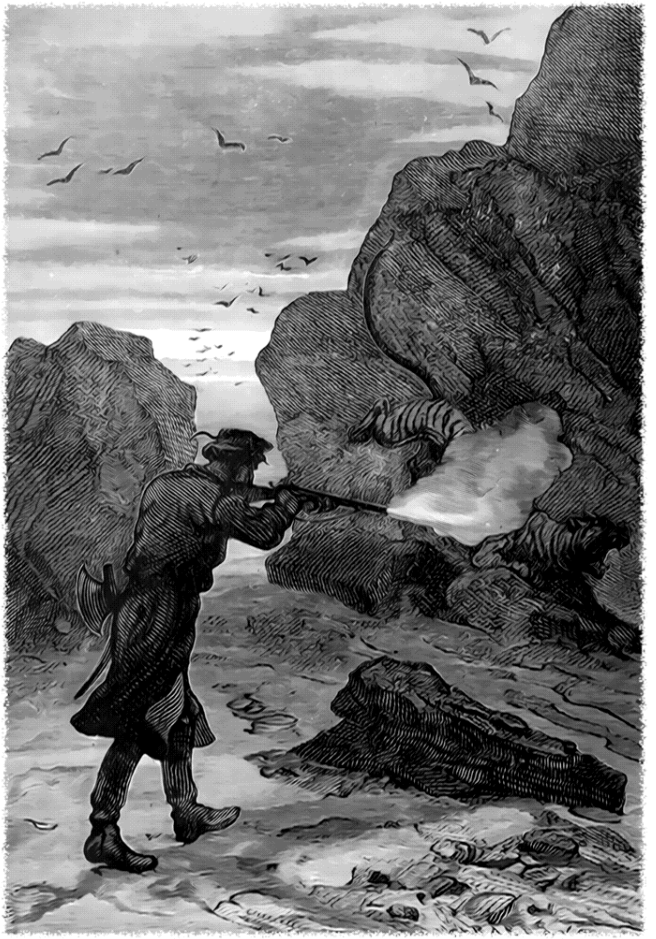
Схватив Герберта за руку, моряк оттащил его под прикрытие скалы, и в тот же миг из пещеры вышел великолепный зверь.

Это был ягуар, такой же величины, как его сородичи в Азии, то есть длиной в пять футов. Его рыжую шкуру покрывали черные пятна. Они осо-

бенно ярко выделялись на белой шерсти брюха. Герберт узнал кровожадного соперника тигра, еще более опасного, чем кагуар, который всего лишь — соперник волка!

Ягуар сделал несколько шагов, потом остановился и стал озираться, шерсть у него поднялась дыбом, глаза засверкали, словно он уже не впервые сталкивался с человеком.

В эту минуту из-за высоких скал появился журналист, и Герберт, думая, что Спилет не заметил ягуара, бросился было к нему, но Гедеон Спилет знаком остановил его и продолжал идти вперед. Ему случалось охотиться на тигров; подойдя шагов на десять к зверю, он замер, целясь в него из карабина. На лице охотника не дрогнул ни один мускул.



Ягуар сжался в комок, готовясь броситься на человека, но в этот миг пуля попала ему между глаз: зверь был убит наповал.

Герберт и Пенкроф кинулись к ягуару, Наб и Сайрес Смит тоже прибежали, и все стали рассматривать зверя, распростертого на земле, решив, что его великолепная шкура украсит зал Гранитного дворца.

— Ах, мистер Спилет! Как я восхищен вами, как я вами завидую! — воскликнул Герберт в порыве вполне понятного восторга.

— Да ты, дружок, выстрелил бы не хуже.

— Я-то, с таким хладнокровием?..

— Надо только представить себе, Герберт, что вместо тигра перед тобой заяц, и ты преспокойно выстрелишь.

— Только и всего, Герберт, — заметил Пенкроф, — штука не хитрая.

— Вот что, — сказал Гедеон Спилет, — раз ягуар покинул свое логовище, почему бы нам и не переночевать у него?

— А вдруг вернутся другие! — с беспокойством заметил Пенкроф.

— А мы разведем костер у входа в пещеру, — возразил журналист, — и они не посмеют войти.

— Итак, вперед, в гости к ягуару! — воскликнул

моряк, потащив за собой убитого зверя.

Колонисты направились к покинутому логовищу, а пока Наб сдирал с ягуара шкуру, его товарищи собрали у входа огромную кучу хвороста, которого в лесу было сколько угодно.

Сайрес Смит, увидев бамбуковую рощу, срезал несколько бамбуков и подмешал их к хворосту.

Покончив с делами, все расположились в пещере на песке, покрытом обглоданными костями; ружья были заряжены на случай внезапного нападения; путники поужинали и, прежде чем лечь спать, зажгли костер, разложенный у входа.

И сейчас же, словно по команде, раздался треск ружейных залпов — это загорелся бамбук, он вспыхнул, как настоящий фейерверк! Одного грохота было довольно, чтобы отпугнуть самых бесстрашных хищников.

Этот способ не был изобретением инженера, ибо, по свидетельству Марко Поло, его издревле применяли монголы, чтобы отпугивать от своих походных лагерей страшных хищников Средней Азии.

ГЛАВА V

Решено вернуться назад по южному побережью. — Очертания берега. — Поиски следов кораблекрушения. — То, что осталось от воздушного шара. — Открытие естественной гавани. — В полночь на берегу реки Благодарения. — Лодка уплыла

Сайрес Смит и его спутники отлично выспались в пещере, любезно предоставленной им ягуаром.

С восходом солнца все уже были на берегу, на самой оконечности мыса, и снова осматривали горизонт, широко открывавшийся в этом месте. Инженер еще раз убедился что на море не видно ни паруса, ни остова разбитого судна, он ничего не обнаружил, даже глядя в подзорную трубу.

Ничего не было видно и на берегу моря, во всяком случае на южной стороне мыса — почти прямой полосе в три мили длиною, ибо дальше изгиб небольшого залива скрывал от взора остальную часть побережья; и, даже стоя на крайнем выступе полуострова Извилистого, нельзя было разглядеть мыс Коготь, заслоненный высокими береговыми скалами.

Итак, оставалось одно — исследовать южную

часть острова. Но стоило ли отправляться немедленно в эту экспедицию и посвящать ей весь день 2 ноября?

Это не входило в первоначальный план колонистов. Действительно, оставив пирогу у истоков реки Благодарения, они решили после осмотра западного берега вернуться за ней и плыть вниз по течению реки до Гранитного дворца. Тогда Сайрес Смит рассчитывал найти на западном берегу гибнущее судно или корабль, бросивший там якорь, но теперь приходилось искать в южной части острова то, что они не нашли в западной.

Гедеон Спилет предложил обследовать остров, чтобы окончательно решить вопрос, не произошло ли здесь кораблекрушение, и спросил, сколько приблизительно миль отделяет мыс Коготь от крайней точки полуострова.

— Да около тридцати, если идти по берегу, — ответил инженер.

— Тридцать миль! — повторил Гедеон Спилет. — Ведь это целый день пути. И все же, по-моему, мы должны вернуться в Гранитный дворец по южному берегу.

— Но от мыса Коготь до Гранитного дворца еще по меньшей мере десять миль, — заметил Герберт.

— Что ж, сорок так сорок! — ответил журналист. — Пойдемте не теряя времени. Ведь мы узнаем неведомую часть побережья, и нам больше не придется ее исследовать.

— Все это верно, — сказал Пенкроф, — ну, а как быть с пирогой?

— Оставим пирогу у истоков, — ответил Гедеон Спилет, — ничего с ней не случится за два дня! Нельзя пожаловаться, что на острове нет прохода от грабителей!

— Однако стоит мне вспомнить о черепахе, как я начинаю во всем сомневаться.

— «Черепаха, черепаха»! — воскликнул журналист. — Разве вам не известно, что ее перевернуло волной!

— Как знать? — пробормотал инженер.

— Да, но… — начал было Наб.

Очевидно, Набу хотелось что-то сказать, потому что он открыл рот, словно собираясь говорить, но так и не вымолвил ни слова.

— Что ты хочешь сказать, Наб? — спросил инженер.

— Если мы вернемся по берегу, обогнув мыс Коготь, то будем отрезаны от дома, — ответил Наб.

— Рекой Благодарения! Это верно, — сказал Герберт. — Ни лодки, ни моста у нас не будет, и

нам не переправиться на другой берег.

— Пустяки, мистер Сайрес, — заметил Пенкроф, — соорудим плот и без труда переплывем реку.

— А все же, — произнес Гедеон Спилет, — нам придется перекинуть мост через реку, чтобы наладить сообщение с лесами Дальнего Запада.

— Подумаешь, мост! — воскликнул Пенкроф. — Да ведь мистер Смит у нас инженер! Понадобится нам мост, он и построит мост; ну, а сегодня вечером я берусь переправить всех вас на другой берег, да так, что вы даже ног не замочите. Съестных припасов у нас хватит еще на день — это все, что нам нужно, да и дичи, надо думать, попадется не меньше, чем вчера. В путь!

Все горячо одобрили предложение журналиста, поддержанное Пенкрофом, ибо каждому тоже хотелось покончить со своими сомнениями и, обогнув мыс Коготь, завершить обследование острова. Но нельзя было терять ни минуты — ведь предстоял долгий путь в сорок миль, и путники не надеялись, что дойдут засветло до Гранитного дворца.

В шесть часов утра маленький отряд двинулся в дорогу. Друзья были начеку и, готовясь к встрече с двуногими или четвероногими зверями, заря-

дили ружья пулями, а Топ, бежавший впереди, получил приказ облазить опушку леса.

Начиная от мыса, похожего на хвост гигантского пресмыкающегося, там, где заканчивался полуостров, берег слегка изгибался на протяжении пяти миль; путники быстро прошли их, но, несмотря на самые тщательные исследования, ничего не обнаружили — ни следов давнишнего или недавнего кораблекрушения, ни следов привала, ни золы от потухшего костра, ни отпечатка человеческой ноги.

Наконец они пришли на то место, где берег поворачивал к северо-востоку, образуя бухту Вашингтона, и взору их открылось все южное побережье острова. В двадцати пяти милях еле виднелся в утреннем тумане мыс Коготь, и казалось — путников обманывало зрение, — будто он приподнят и висит между небом и водой. От этой точки и до конца обширной бухты тянулся ровный, плоский песчаный берег, на заднем плане окаймленный темной полосой леса. Дальше берег был сильно изрезан, острые косы уходили в море, а на самом краю мыса Коготь чернели скалы, нагроможденные в причудливом беспорядке.

Вот какие были очертания у этой части острова, которую исследователи видели впервые; они

остановились, чтобы оглядеть все побережье.

— Судно, попавшее сюда, наверное, погибло, — сказал Пенкроф. — Песчаные мели, уходящие в открытое море, а за ними — подводные рифы! Опасные места!

— Но ведь что-нибудь да осталось бы! — заметил журналист.

— На рифах остались бы обломки судна, а вот на песке ничего бы и не осталось, — ответил моряк.

— Почему же?

— Потому что пески опаснее всяких скал, они все засасывают. За несколько дней мог исчезнуть бесследно корпус корабля, даже в несколько сот тонн.

— Значит, Пенкроф, — проговорил инженер, — нет ничего удивительного, что от корабля и следа не осталось, если он погиб тут на отмелях?

— Да, мистер Сайрес, время или буря, должно быть, замели все следы. И все же странно, что на берегу, подальше от моря, не видно ни обломков мачт, ни досок.

— Будем же продолжать поиски! — сказал инженер.

В час пополудни поселенцы дошли до середины бухты Вашингтона — уже было пройдено двадцать миль.

Сделали привал, чтобы позавтракать.

Берег изменился: он был скалист, причудливо изрезан длинной грядой выстроились подводные камни, сменившие отмели; море, сейчас спокойное, должно было их обнажить во время отлива. Волны, отороченные пенистой бахромой, мягко разбивались о верхушки подводных утесов. Отсюда до мыса Коготь берег тянулся узкой полосой, стиснутой между грядой рифов и лесом.

Идти становилось все труднее: обломки скал преграждали путь вдоль моря. Все выше становился гранитный кряж, деревья, растущие на нем, казалось, отступали назад — виднелись одни лишь зеленые макушки, — они словно застыли в неподвижном воздухе.

Передохнув с полчаса, путники двинулись дальше и осмотрели каждый уголок в прибрежных скалах и на берегу. Пенкроф и Наб отважно добирались до самых отдаленных рифов, когда что-нибудь привлекало их внимание. И всякий раз обманывались, принимая за обломок корабля какой-нибудь причудливый выступ скалы. Лишь одно они обнаружили, что берег усыпан съедобными ракушками, но собирать их было бесполезно, пока через реку Благодарения не будет переправы и пока колонисты не обзаве-

дутся более совершенными перевозочными средствами.

Итак, здесь тоже не удалось обнаружить следов предполагаемого кораблекрушения, а ведь путники непременно заметили бы, скажем, остов судна или его обломки, если бы море выбросило все это на берег, как выбросило оно ящик, найденный по крайней мере в двадцати милях отсюда. Нет, ровно ничего не было видно.

К трем часам Сайрес Смит и его друзья подошли к тесной, закрытой бухте — туда не впадало ни одной речушки. То была естественная гавань, неприметная с моря; узкий проход извивался между подводными скалами.

Очевидно, сильный подземный толчок расколол гряду утесов в глубине бухты, образовался пологий скат, по которому легко было взобраться на площадку, расположенную менее чем в десяти милях от мыса Коготь и, следовательно, в четырех милях по прямой линии от плато Кругозора.

Гедеон Спилет предложил спутникам сделать привал; они согласились, у всех разыгрался аппетит, и, хоть время обеда еще не наступило, никто не отказался подкрепить силы кусочком дичи. Если сейчас перекусить, можно потерпеть до ужина в Гранитном дворце.

Несколько минут спустя колонисты уселись под чудесными морскими соснами. Наб извлек из походной сумки съестные припасы, и все принялись за еду.

Площадка раскинулась на высоте пятидесяти — шестидесяти футов над уровнем моря. Перед глазами путников расстилалось довольно обширное пространство, до бухты Соединения, синевшей за скалистым мысом. Но не было видно ни островка, ни плато Кругозора, их нельзя было разглядеть, так как рельеф почвы и стена высоких деревьев скрывали северную часть горизонта.

Перед глазами путников открылась беспредельная ширь океана, но никто из них не приметил корабля; тщетно инженер наводил на горизонт подзорную трубу — паруса нигде не белело.

Друзья так же внимательно осмотрели в подзорную трубу и ту часть побережья, которую еще предстояло исследовать, начиная от песчаного берега до рифов, но не обнаружили никаких следов кораблекрушения.

— Да, — сказал Гедеон Спилет, — придется нам, как видно, примириться с очевидностью. Будем утешаться, что никто не станет оспаривать наших прав на остров Линкольна.

— Ну, а как же дробинка? — спросил Герберт. —

Ведь она-то нам не пригрезилась!

— Черт возьми, конечно, нет! — воскликнул Пенкроф, вспомнив о сломанном зубе.

— Какой же вывод? — спросил журналист.

— А вот какой, — ответил инженер, — около трех месяцев тому назад неизвестный корабль, по доброй воле или вынужденно, пристал…

— Значит, вы допускаете, Сайрес, что корабль бесследно исчез? — спросил журналист.

— Нет, дорогой Спилет, но согласитесь, что теперь его здесь нет.

— Значит, если я вас правильно понял, мистер Сайрес, — сказал Герберт, — корабль отплыл?

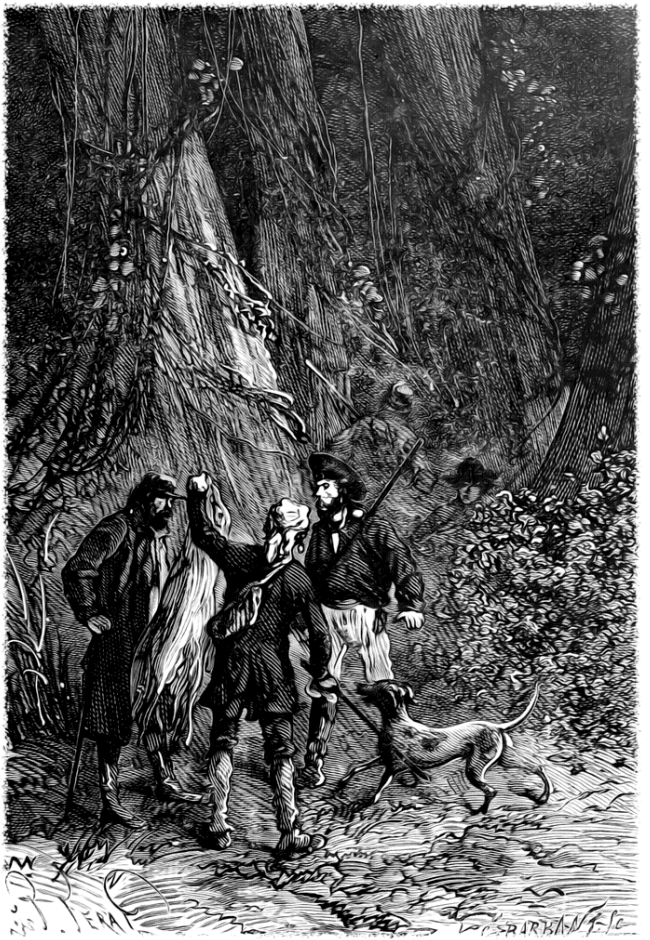
— Очевидно!

— И мы навеки упустили случай вернуться на родину? — воскликнул Наб.

— Боюсь, что да.

— Что ж, раз случай упущен, тронемся в путь, — сказал Пенкроф, который уже соскучился по Гранитному дворцу.

Но едва он поднялся, как раздался громкий лай Топа, и собака выскочила из леса, держа в зубах грязный лоскут.



Наб выхватил лоскут из пасти собаки. Это был кусок толстого полотна.

Топ возбужденно лаял, бегал и прыгал, будто приглашая хозяина пойти следом за ним в лес.

— А ведь там, вероятно, и есть разгадка дробинки! — воскликнул Пенкроф.

— Человек, потерпевший кораблекрушение! — крикнул Герберт.

— Может быть, раненый, — сказал Наб.

— Или мертвый! — добавил журналист.

И все пошли за собакой, пробираясь между высокими соснами, стеной стоявшими на опушке. На всякий случай Сайрес Смит и его спутники взвели курки.

Поселенцы углубились в лес, но, к своему великому разочарованию, не обнаружили отпечатков человеческих ног. Кустарник и лианы были нетронуты, приходилось разрубать их топором, как в непроходимых чащах Дальнего Запада. Трудно было допустить, что здесь побывал человек, а между тем Топ бегал взад и вперед не так, как он бегал, обнюхивая случайные следы, а будто настойчиво добиваясь какой-то цели.

Путники шли семь-восемь минут, пока Топ не остановился. Они очутились на прогалине, окаймленной высокими деревьями, осмотрелись

и ничего не увидели ни под кустарником, ни между стволами.

— Да что с тобой, Топ? — спросил Сайрес Смит.

Топ лаял еще громче, прыгая у подножия исполинской сосны.

Вдруг Пенкроф воскликнул:

— Вот так здорово! Вот так штука!

— Что такое? — спросил Гедеон Спилет.

— А мы-то ищем обломки кораблекрушения на море и на суше!

— Ну так что же?

— А то, что они — в воздухе.

И моряк показал на какое-то огромное полотнище, белевшее на верхушке сосны: Топ, очевидно, принес лоскут, валявшийся на земле.

— Да ведь это не обломок погибшего корабля, — воскликнул Гедеон Спилет.

— Позвольте-ка… — произнес Пенкроф.

— Неужели же это…

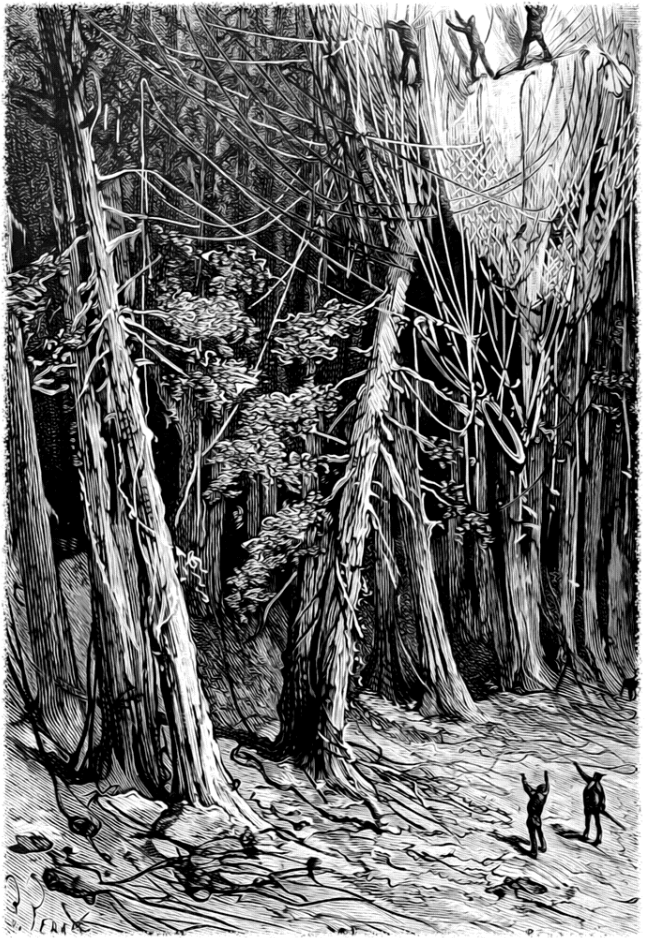
— Да, это все, что осталось от нашего воздушного шара, он повис там, на дереве.

Пенкроф не ошибался и, громко крикнув «ура», добавил:

— А вот и отличная материя! Будет у нас из чего шить себе белье много лет подряд! Сделаем носовые платки и рубашки! А ну, мистер Спилет,

что вы скажете об острове, где рубашки растут на деревьях?

И в самом деле, поселенцам острова Линкольна повезло: воздушный шар, в последний раз взмыв в небо, упал на остров, и им посчастливилось его найти. Они решили сохранить оболочку шара на тот случай, если им вздумается вновь предпринять воздушное путешествие, или же с пользой употребить несколько сот локтей бумажной ткани отменного качества, предварительно обезжирив ее. Понятно, что все разделяли радость Пенкрофа.



Но нужно было снять оболочку шара с дерева и спрятать ее в надежном месте — задача не из легких. Наб, Герберт и моряк влезли на верхушку сосны, совершая чудеса ловкости, и принялись отцеплять огромный лопнувший аэростат.

Они возились более двух часов и, наконец, спустили на землю не только оболочку с клапаном, пружинами, медными частями, но и сетку, иначе говоря, веревки и тросы — будущий такелаж, а в придачу — обруч и якорь. Оболочка сохранилась хорошо, если не считать, что нижняя ее часть была порвана.

Целое богатство свалилось им с неба.

— А ведь если нам, мистер Смит, вздумается покинуть остров, то в путь мы пустимся не на воздушном шаре, верно? Воздушные корабли никак не желают лететь, куда тебе хочется, нам-то это известно! Послушайте, давайте построим хороший бот, этак тонн на двадцать. С вашего позволения, я вырежу из этой парусины фок и кливер, а из остального сошьем себе белье!

— Посмотрим, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, посмотрим.

— А пока надо все спрятать в надежное место, — заметил Наб.

Действительно, нечего было и думать о до-

ставке такого тяжелого груза — полотна, тросов, веревок — в Гранитный дворец, для этого нужна была повозка, а пока следовало уберечь богатство от непогоды. Поселенцы общими усилиями донесли все на берег; там они обнаружили в скалах довольно большое углубление, почти пещеру, защищенную от ветра, дождя и морского прибоя.

— Вам понадобился шкаф, вот вам шкаф, — сказал Пенкроф, — на ключ его не запрешь — значит, нелишним будет заделать отверстие. О двуногих ворах я не думаю, а думаю о ворах четвероногих!

В шесть часов вечера работа была закончена. Окрестив бухту «Портом Воздушного шара», путники отправились к мысу Коготь. Пенкроф и инженер беседовали о планах, которые следовало осуществить в ближайшее время. Прежде всего нужно перекинуть мост через реку Благодарения, чтобы наладить сообщение с южной частью острова, затем отправиться с тележкой за аэростатом, ибо на лодке его не перевезешь, и, наконец, соорудить пагубное судно; Пенкроф оснастит его как шлюп; и тогда можно будет пуститься в кругосветное путешествие… вокруг острова, а затем…

Близилась ночь; уже начало темнеть, когда наши путники добрались до мыса Находки, где

был обнаружен драгоценный ящик. Они и тут не нашли следов кораблекрушения; пришлось согласиться с выводом, к которому уже давно пришел Сайрес Смит.

От мыса Находки до Гранитного дворца оставалось еще четыре мили, они были быстро пройдены; путники дошли берегом до устья реки Благодарения; наступила полночь, когда они добрались до первой ее излучины.

Ширина реки тут равнялась восьмидесяти футам, и переплыть реку было нелегко, но Пенкроф обещал преодолеть эту трудность и должен был сдержать слово.

Надо сказать, что наши путники выбились из сил. Переход был длинный, а отдохнуть им после находки шара не удалось. Всем хотелось поскорее добраться до Гранитного дворца, поужинать и лечь спать — был бы мост, они через четверть часа очутились бы дома.

Ночь была очень темная. Пенкроф собирался выполнить обещание — соорудить нечто вроде плота, чтобы переправиться через реку Благодарения. Наб и моряк вооружились топорами, облюбовали у самой воды два дерева, пригодные для плота, и принялись рубить их под корень.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет сидели на берегу

и ждали, когда понадобится их помощь, а Герберт бродил неподалеку.

Вдруг юноша, который в эту минуту шел вверх по течению, бегом вернулся и, показывая на реку, крикнул:

— Смотрите, что там такое?

Пенкроф бросил работу и увидел, что по реке плывет какой-то предмет, смутно видневшийся в темноте.

— Да это лодка! — воскликнул он.

Все двинулись туда и, к своему великому удивлению, увидели, что вниз по течению плывет лодка.

— Эй, там, на лодке! — крикнул Пенкроф по привычке, свойственной морякам, не подумав, что лучше, пожалуй, было бы помолчать.

В ответ — ни слова. Лодка все приближалась, и когда она оказалась шагах в двенадцати, моряк изумленно воскликнул:

— Да ведь это наша пирога! Фалинь оборвался, и она поплыла вниз по течению. Право, вовремя явилась!

— Наша пирога?.. — пробормотал инженер.

Пенкроф был прав. То была их лодка. Очевидно, фалинь лопнул, и лодка приплыла сюда от истоков реки Благодарения! Итак, надо было поймать

пирогу, пока быстрое течение не унесло ее в море, что Наб и Пенкроф умело сделали с помощью длинного шеста.

Лодка пристала к берегу. Инженер прыгнул в нее первым, схватил фалинь, пощупал его и убедился, что он действительно перетерся о скалу. Журналист сказал ему вполголоса:

— Я бы назвал это случаем…

— И очень странным! — подхватил Сайрес Смит.

Так или иначе, но случай был счастливый! Герберт, журналист и Пенкроф в свою очередь влезли в лодку. Они не сомневались, что фалинь перетерся; всего удивительней было то, что лодка появилась именно в тот миг, когда колонисты находились на берегу, где им удалось ее перехватить; через четверть часа она уплыла бы в море.

Случись все это во времена, когда верили в духов, путники с полным правом могли бы подумать, что на острове поселилось сверхъестественное существо, даривше людей, потерпевших крушение, своими милостями!

Несколько взмахов веслами, и поселенцы оказались в устье реки Благодарения. Лодку вытащили на песчаный берег возле Трущоб, и все направились к веревочной лестнице Гранитного

дворца.

Но вдруг яростно залаял Топ, а Наб, искавший на ощупь первую ступень лестницы, закричал…

Лестница исчезла.

ГЛАВА VI

Окрики Пенкрофа. — Ночь в Трущобах. — Стрела Герберта. — План Сайреса Смита. — Неожиданно найден выход. — Что произошло в Гранитном дворце. — Как у поселенцев появился новый слуга

Сайрес Смит молча остановился. Его товарищи обшарили в темноте гранитную стену, сначала подумав, что ветер сдвинул лестницу, потом решив, что она оборвалась, поискали на земле. Но лестница исчезла бесследно. Может быть, ее забросило шквалом на первую площадку, находившуюся на половине подъема к Гранитному дворцу, но выяснить это в непроглядной тьме было просто невозможно.

— Если это чья-нибудь шутка, — воскликнул Пенкроф, — то шутка глупая. Пришли домой и не нашли лестницы, чтобы подняться к себе в комнату, — тут усталым людям не до смеха.

Наб только охал.

— Но ведь ветра не было! — заметил Герберт.

— Начинаю подозревать, что на острове Линкольна творятся странные дела! — пробурчал Пенкроф.

— Странные дела? — переспросил Гедеон Спилет. — Право же, Пенкроф, все это вполне естественно. Кто-нибудь пришел, пока нас не было, расположился в нашем жилище и поднял лестницу.

— Кто-нибудь! — воскликнул моряк. — Да кто же, по-вашему?

— Скажем, охотник, ранивший пекари, — ответил журналист, — уж тогда он за все перед нами отчитается.

— Вот что, если там наверху кто-нибудь есть, — сказал Пенкроф и выругался: он потерял терпение, — то мы сейчас получим ответ.

И моряк крикнул громовым голосом:

— Эй, вы там!

Но только эхо многократно повторило его окрик.

Поселенцы прислушались: им показалось, что там наверху, кто-то насмешливо хихикнул, но невозможно было понять кто. Однако Пенкрофу не ответили, и он снова стал кричать.

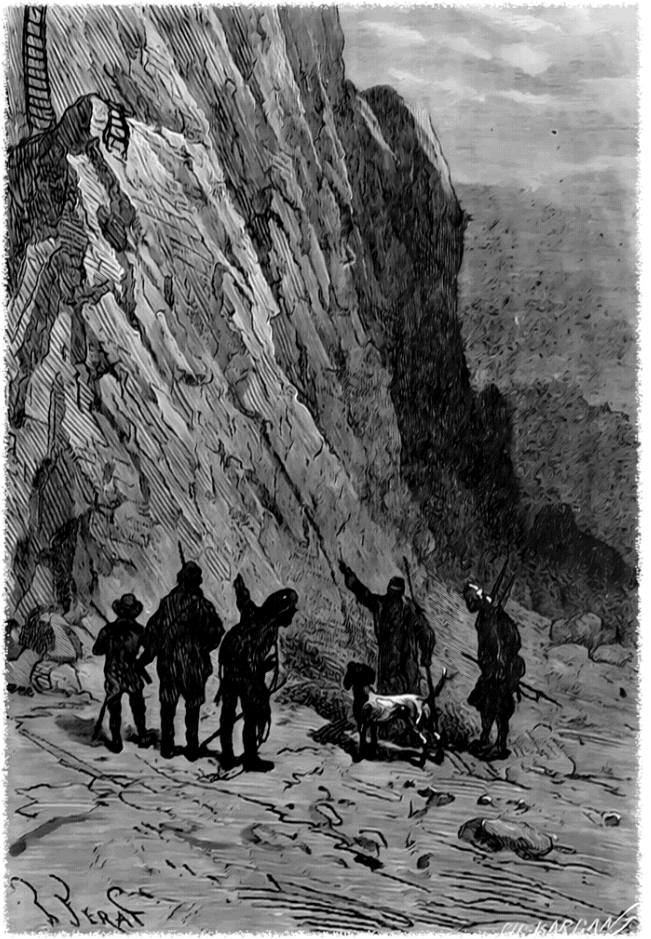
Событие это, конечно, могло ошеломить даже

людей сторонних, а поселенцев тем более. В их положении каждый пустяк приобретал известное значение, но, право же, за семь месяцев, проведенных на острове, такого удивительного происшествия с ними еще не случалось.

Словом, колонисты позабыли об усталости и были так поглощены всем происшедшим, что стояли у подножия Гранитного дворца, не зная, что думать, что предпринять. Они задавали друг другу вопросы, остававшиеся без ответа, и строили предположения, одно другого невероятней. Наб, обманутый в своих ожиданиях, горько сетовал, что не может попасть в кухню, да и съестные припасы, взятые в дорогу, кончились, и он не знал, где раздобыть еду.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — нам остается только одно: дождаться утра и тогда, смотря по обстоятельствам, действовать. А пока пойдемте в Трущобы. Там мы найдем пристанище — правда, останемся без ужина, зато выспимся.

— Да что это за наглец сыграл с нами такую шутку, а? — все возмущался Пенкроф, который никак не мог успокоиться.


PERAT

Кем бы ни был этот «наглец», путникам оставалось одно — последовать совету Сайреса Смита: добраться до Трущоб и дождаться там утра. На всякий случай Топу было приказано оставаться под окнами Гранитного дворца, а если Топ получал приказ, то выполнял его беспрекословно. Итак, верный пес остался у подножия гранитной стены, а его хозяин с товарищами нашли приют среди скал.

Если бы мы сказали читателям, что поселенцы, несмотря на усталость, хорошо спали, лежа на песке в Трущобах, мы погрешили бы против истины. Они были очень встревожены, понимая, что в их жизни снова свершилось что-то важное. Случайность ли это, виновница которой — стихия, или, напротив, дело рук человеческих, обо всем они узнают наутро; к тому же им было очень неудобно лежать на голой земле. Так или иначе, но их жилище заняли, и попасть домой было невозможно.

Кроме того, Гранитный дворец не только был жилищем, но и складом. В нем хранилось все их имущество: оружие, инструменты, приборы, боевые запасы, всякая снедь и прочее.

Если все это расхищено, поселенцам придется снова обзаводиться хозяйством, снова мастерить

оружие и инструменты. Дело нелегкое! Они были так встревожены, что не сомкнули глаз: то один, то другой поминутно выходил посмотреть, хорошо ли Топ несет свою службу. Один лишь Сайрес Смит ждал утра с присущим ему хладнокровием, и хотя его мысль упорно работала, он терялся в догадках, не находя объяснений; инженер негодовал, размышляя о том, что они окружены какими-то, очевидно, могущественными силами, а он не в состоянии понять, что это такое. Гедеон Спилет разделял чувства друга, и оба они не раз обменивались мнениями, правда вполголоса, о странных обстоятельствах, обнаруживших всю их недальновидность, всю беспомощность. Без сомнения, с островом связана какая-то тайна, но как ее разгадать? Герберт не знал, что и думать, ему очень хотелось расспросить обо всем Сайреса Смита. А Наб в конце концов решил, что все это не его дело, а дело его хозяина, и если бы славный негр не побоялся показаться неучтивым, он в эту ночь спал бы так же крепко, как и на кровати в Гранитном дворце.

Зато Пенкроф был вне себя от ярости.

— Хороша шутка, — ворчал он, — кто же учинил такую шутку! Не любитель я этаких шуток, и шутнику несдобровать, если он попадется мне

под руку!

Как только занялась заря, поселенцы, вооруженные надлежащим образом, отправились на берег, к кромке подводных скал. Гранитный дворец выходил прямо на восток, с минуты на минуту его должно было озарить восходящее солнце.

И действительно, еще не было пяти часов, как оно осветило сквозь завесу листвы закрытые ставни окон.

Казалось, что все было в порядке, но поселенцы невольно вскрикнули, заметив, что дверь, которую они, уходя, затворили, раскрыта настежь.

Кто-то проник в Гранитный дворец. Сомнений быть не могло.

Верхняя лестница, которая вела от площадки к двери, была на месте, а вот нижнюю лестницу кто-то притянул к самому порогу. Было ясно, что люди, вторгшиеся в дом, решили обезопасить себя от всяких неожиданностей.

Узнать же, что там за непрошеные гости и сколько их, пока было невозможно, потому что на пороге никто не показывался.

Снова раздался окрик Пенкрофа. В ответ ни звука.

— Негодяи! — крикнул моряк. — Изволят спать,

словно у себя дома. Эй, вы там, пираты, разбойники, корсары, отродье Джона Буля!

Если Пенкроф, истый американец, называл кого-нибудь «отродьем Джона Буля», значит, хотел нанести смертельное оскорбление.

В эту минуту совсем рассвело, и фасад Гранитного дворца вспыхнул под солнечными лучами. Но внутри дома, как и снаружи, было тихо, спокойно.

Поселенцы недоумевали — да вторгся ли кто-нибудь в Гранитный дворец? Впрочем, сомневаться не приходилось — ведь лестницу кто-то убрал, к тому же незваные гости, кем бы они ни были, не могли убежать! Но как до них доберешься?

Герберту пришла в голову мысль привязать к стреле веревку и пустить стрелу так, чтобы она прошла между нижними ступенями лестницы, болтавшейся у порога, потом тихонько потянуть за веревку — лестница упадет на землю, тогда можно будет подняться в Гранитный дворец.

Ничего другого, очевидно, не оставалось делать, и при известной ловкости можно было добиться успеха. По счастью, луки и стрелы хранились в одном из коридоров Трущоб, нашлось и несколько саженей тонкой веревки из растительного

волокна. Пенкроф размотал веревку и прикрепил ее к хорошо оперенной стреле. Затем Герберт вложил стрелу в лук и тщательно прицелился в конец лестницы, свисавшей вниз.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Пенкроф и Наб отступили назад они наблюдали за окнами Гранитного дворца. Журналист, приставив карабин к плечу, направил дуло на дверь.

Тетива натянулась, стрела просвистела, взлетев вместе с веревкой, и прошла между двумя последними ступеньками лестницы.

Дело было сделано.

Герберт сейчас же схватил конец веревки; но в ту минуту, когда он потянул ее, чтобы спустить лестницу, в дверном пролете мелькнула чья-то рука, схватила лестницу и втащила ее в Гранитный дворец.

— Тварь негодная! — закричал моряк. — Хочешь получить пулю, сейчас получишь.

— Да кто же это? — спросил Наб.

— Как? Ты не узнал?..

— Нет.

— Да ведь это обезьяна, макака, сапажу, мартышка, орангутанг, бабуин, горилла, сагуин! Наше жилище захватили обезьяны — взобрались по лестнице, пока нас не было.

И в эту минуту, будто подтверждая, что моряк прав, три или четыре четвероруких показались в окнах: обезьяны открыли ставни и стали кривляться и гримасничать, словно по-своему приветствовали настоящих владельцев дома.

— Так я и знал, что все это — чья-то шутка, — крикнул Пенкроф, — пусть же один из шутников и поплатится за всех!

Моряк вскинул ружье, быстро прицелился и выстрелил. Обезьяны исчезли, и лишь одна, смертельно раненная, упала на песчаный берег.

Это была большая обезьяна, и принадлежала она к первому разряду четвероруких, в этом не было сомнения. Какой она была породы — шимпанзе, орангутанг, горилла или гиббон, — неизвестно, но относилась она к человекообразным обезьянам, названным так благодаря сходству с людьми. К тому же Герберт объявил, что это орангутанг, а мы знаем, что юноша был сведущ в зоологии.

— Замечательное животное! — воскликнул Наб.

— Допустим, что замечательное, — ответил Пенкроф, — но вот не знаю, попадем ли мы домой!

— Герберт — превосходный стрелок, — сказал журналист, — ведь у него есть лук!.. Пусть он снова…

— Хорошо! Но обезьяны ведь хитрущие! — проговорил Пенкроф. — Они уже не сунутся в окна, и нам не удастся их перестрелять, а как я подумаю о том, что они натворили в комнатах и кладовой…

— Терпение, — заметил Сайрес Смит, — животные недолго будут нам помехой.

— Поверю в это, когда увижу их на земле, — ответил моряк. — Кстати, не знаете ли, мистер Сайрес, сколько там, наверху, этих шутников?

Ответить на вопрос Пенкрофа было трудно; юноше не так-то легко было попасть в цель, потому что нижний конец лестницы убрали за дверь; когда же он снова потянул за веревку, она лопнула, а лестница осталась на прежнем месте.

Колонисты оказались в трудном положении. Пенкроф бесновался. Была во всем этом и смешная сторона, но он не находил тут ничего забавного. Поселенцы понимали, что в конце концов они попадут в свое жилище и выгонят обезьян. Но когда и каким образом? Этого никто не мог сказать.

Прошло два часа, а обезьяны все не показывались; они притаились в доме, но несколько раз то обезьянья морда, то лапа появлялась в дверях или в окне, и животных тут же встречали ружейные выстрелы.

— Давайте-ка спрячемся, — предложил инженер. — Может быть, обезьяны вообразят, что мы ушли, и снова покажутся. А Герберт и Спилет засядут в скалах и будут стрелять, как только появится хоть одна обезьяна.

Все выполнили приказ инженера, а лучшие

стрелки — журналист и юноша — заняли удобную позицию между скалами, обезьянам их не было видно. Между тем Наб, Пенкроф и Сайрес Смит взобрались на плато и отправились в лес пострелять дичь: наступило время завтрака, а есть было нечего.

Не прошло и получаса, как охотники вернулись; они принесли несколько скалистых голубей и на скорую руку зажарили. А из дома так и не показалась ни одна обезьяна.

Гедеон Спилет и Герберт тоже позавтракали, пока Топ сторожил под окнами. Закусив, они вернулись на свой пост.

Прошло еще два часа, но положение ничуть не изменялось. Четверорукие не подавали никаких признаков жизни, можно было подумать, что они разбежались; очевидно, их так напугала гибель сородича, так устрашил грохот выстрелов, что они забились в какой-нибудь укромный уголок Гранитного дворца, может быть даже в кладовую.

Поселенцы, вспоминая о богатствах, хранившихся кладовой, теряли хладнокровие и, несмотря на уговоры инженера, приходили в ярость, откровенно говоря, не без причин.

— Преглупая история, — в конце концов сказал

журналист, — и, право, нет основания полагать, что она когда-нибудь кончится.

— Однако пора выгонять негодяев! — воскликнул Пенкроф. — Мы справимся и с двадцатью обезьянами! Только бы схватиться с ними; неужели никаким способом до них не добраться?

— Есть один способ, — ответил инженер, который, по-видимому, что-то придумал.

— Один? Что ж, и это хорошо, раз других нет. Какой же?

— Попытаемся спуститься к Гранитному дворцу через старый водосток, — ответил инженер.

— Сто тысяч чертей! — крикнул моряк. — Как же я сам не додумался!

Действительно, только таким способом и можно было проникнуть в Гранитный дворец, сразиться со стаей обезьян и выгнать их. Правда, отверстие водостока было заделано прочной каменной кладкой, которую придется разрушить; ну что ж, потом ее можно восстановить. По счастью, Сайрес Смит еще не осуществил свой замысел и не затопил отверстие, подняв уровень воды в озере, — вот тогда пришлось бы потратить немало времени, чтобы проложить дорогу в дом.

Уже было за полдень, когда колонисты, хорошо вооружившись и захватив с собой мотыги и за-

ступы, покинули Трущобы, прошли под окнами Гранитного дворца, приказав Топу оставаться на месте; они собирались пройти по левому берегу реки Благодарения до плато Кругозора.

Но не успели они сделать и пятидесяти шагов, как услышали яростный лай собаки. Казалось, Топ в отчаянии звал их.

Они остановились.

— Бежим обратно, — предложил Пенкроф.

Поселенцы бросились бежать со всех ног по берегу реки. Обогнув кряж, они увидели, что положение изменилось.

И в самом деле, обезьяны, объятые внезапным и непонятным страхом, пытались найти путь к бегству. Две или три метались, подбегая то к одному, то к другому окну, прыгая с ловкостью клоунов; обезьяны даже не попытались спустить лестницу и, вероятно, от страха позабыли, что это облегчило бы им побег. Вот пять или шесть обезьян оказались хорошей мишенью, поселенцы спокойно прицелились и открыли огонь. Раздались пронзительные вопли, раненые и убитые животные падали в комнаты. Остальные же стали прыгать вниз и разбивались насмерть; несколько минут спустя в Гранитном дворце, очевидно, не осталось ни одной обезьяны.

— Ура, ура! — закричал Пенкроф.

— Рано кричать «ура», — заметил Гедеон Спилет.

— Почему? Ведь все они перебиты, — ответил моряк.

— Согласен, но в дом мы все-таки войти не можем.

— Пойдемте к водостоку! — предложил Пенкроф.

— Придется, — сказал инженер. — Однако было бы лучше…

В этот миг, словно в ответ на замечание Сайреса Смита, они увидели, как лестница выскользнула из-за порога двери, затем развернулась и упала вниз.

— Клянусь трубкой! Вот это здорово! — закричал моряк, глядя на Сайреса Смита.

— Да, здорово! Но не слишком ли? — пробормотал инженер и первым стал взбираться по лестнице.

— Осторожней, мистер Сайрес, — крикнул Пенкроф, — может быть, обезьяны еще там…

— Сейчас увидим, — произнес инженер, не останавливаясь.

Его товарищи стали взбираться вслед за ним и через минуту добрались до порога.

Обыскали весь дом. Никого не обнаружили ни в комнатах, ни в кладовой — в ней четверорукие изрядно похозяйничали.

— А как же лестница? — заметил моряк. — Что за джентльмен ее спустил?

В это время раздался крик, и огромная обезьяна, спрятавшаяся в коридоре, бросилась в зал — за ней гнался Наб.

— Ах ты разбойник! — крикнул Пенкроф.

И он взмахнул топором, собираясь размозжить животному голову, но Сайрес Смит остановил его, говоря:

— Пощадите обезьяну, Пенкроф!

— Помиловать черномордую тварь?

— Да ведь она сбросила нам лестницу.

И инженер произнес это таким странным тоном, что трудно было понять, говорит ли он серьезно или шутит.

Все кинулись на обезьяну, она храбро защищалась, но ее повалили и связали.

— Уф, — отдувался Пенкроф, — а что же мы станем с ней делать?

— Возьмем в услужение, — ответил Герберт.

Говоря это, юноша и не думал шутить — он знал, какую пользу может принести умная обезьяна.

Тут все подошли к обезьяне и внимательно стали ее рассматривать. Она принадлежала к тому разряду человекообразных, лицевой угол которых не очень отличен от лицевого угла австралийцев и готтентотов. Это был орангутанг, а орангутангам не свойственны ни кровожадность бабуина, ни легкомыслие макаки, ни нечистоплотность сагуина, ни непоседливость маго, ни дурные наклонности павиана! У представителей этого семейства человекообразных наблюдаешь черты, свидетельствующие чуть ли не о человеческом разуме. Ручные орангутанги умело прислуживают за столом, убирают комнаты, приводят в порядок одежду, чистят обувь, ловко управляются с ножом, ложкой, вилкой и даже пьют вино… под стать двуногим слугам и не в обезьяньей шкуре. Известно, что орангутанг служил Бюффону, как преданный и усердный слуга.

Связанный орангутанг, лежавший в зале Гра-

нитного дворца, был просто великаном, шести футов ростом; сложение у него было пропорциональное, грудь широкая, голова средней величины, лицевой угол равен был шестидесяти пяти градусам, череп был круглый, нос крупный, тело покрыто мягкой лоснящейся шерстью — словом, то был превосходный представитель человекообразных обезьян. Глаза у него были поменьше человеческих, взгляд — живой, умный, белые зубы сверкали из-под усов, а небольшая вьющаяся бородка была каштанового цвета.

— Просто красавчик! — сказал Пенкроф. — Знали бы мы его язык, побеседовали бы с ним!

— Так это правда, хозяин? Он будет нам служить?

— Да, Наб, — улыбаясь, ответил инженер. — Только не ревнуй!

— Надеюсь, что он будет превосходным слугой, — заметил Герберт. — Очевидно, он еще молод, и воспитать его будет нетрудно. Нам не придется прибегать к силе или вырывать у него клыки, как это делается в таких случаях! Он, наверно, привяжется к хозяевам, если они будут добры к нему.

— Конечно, мы будем к нему добры, — ответил Пенкроф, забывший, как он сердился на «шут-

ников».

И, приблизившись к орангутангу, спросил:

— Ну, как дела, приятель?

Орангутанг в ответ тихонько заворчал, не обнаруживая особенно плохого расположения духа.

— Так, значит, хотим войти в семью поселенцев? — спросил моряк. — И станем служить мистеру Сайресу Смиту, так, что ли?

Послышалось одобрительное ворчание.

— И вместо жалования хватит с нас и пищи?

В третий раз послышалось довольное ворчание.

— Речь у него немного однообразна, — заметил Гедеон Спилет.

— И хорошо, — возразил Пенкроф. — Чем меньше говорит слуга, тем лучше. И кроме того — без жалованья! Слышите, приятель? Для начала жалованья вам не назначаем, зато в дальнейшем будете получать вдвойне, если вами будут довольны!

Так появился на острове еще один поселенец, который впоследствии оказал всем множество услуг. Прозвали его по просьбе моряка и в память об обезьяне, которую он знавал когда-то, Юпитером, а сокращенно — Юпом.

Вот каким образом дядюшка Юп без особых

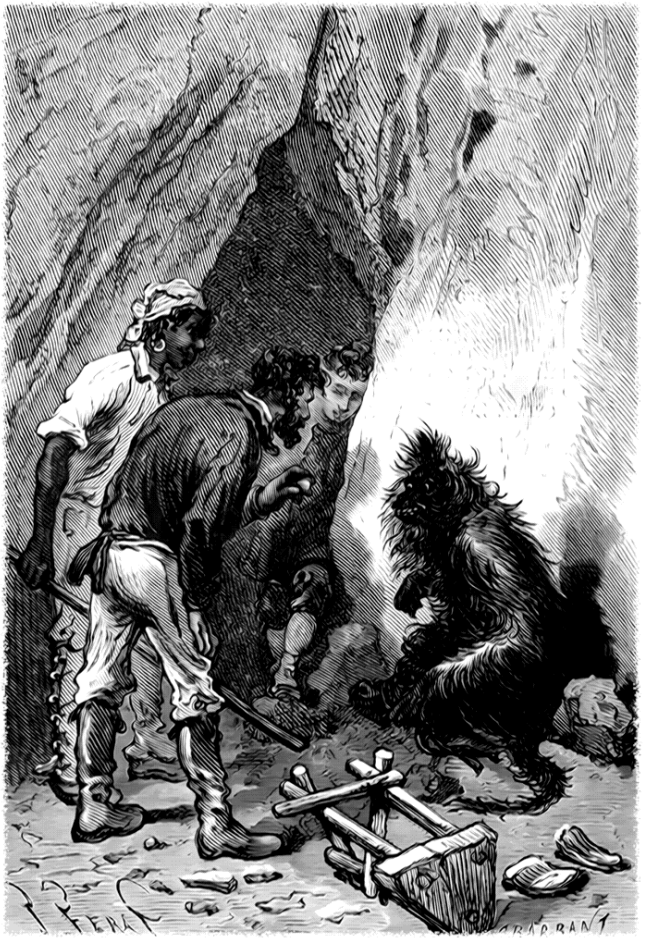
церемоний поселился в Гранитном дворце.

ГЛАВА VII

Работы, которые не терпят отлагательства. — Мост через реку Благодарения. — Плато Кругозора превратится в остров. — Подъемный мост. — Сбор зерна. — Ручей. — Мостики. — Птичий двор. — Голубятня. — Онагры. — Упряжка. — Поездка в порт Воздушного шара

Итак, поселенцам острова Линкольна удалось вновь завладеть своим жилищем, не прибегая к заброшенному водостоку и не превращаясь снова в каменщиков. И в самом деле, им посчастливилось, ибо в тот миг, когда он уже собрались приступить к работам, стаю обезьян охватил внезапный и необъяснимый ужас, который выгнал их из Гранитного дворца. Быть может, животные почуяли, что им грозит нападение с другой стороны? Только так и можно было истолковать их стремительное бегство. В конце дня поселенцы перенесли трупы обезьян в лес и зарыли; затем они привели в порядок жилище: непрошеные гости все перевернули вверх дном, но почти ничего не поломали. Наб разжег плиту и приготовил из

запасов, хранившихся в кладовой, вкусный обед, которому все отдали должное.



Не забыли и Юпа, он с аппетитом съел кедровые орехи и корнеплоды, которыми его просто закормили. Пенкроф развязал ему руки, но решил ноги ему не развязывать до той поры, пока не убедится в его послушании.

А перед сном Сайрес Смит и его товарищи, сидя вокруг стола, обсудили некоторые планы, которые следовало осуществить поскорее.

Самым важным и спешным делом они считали постройку моста через реку Благодарения — надо было установить сообщение между Гранитным дворцом и южной частью острова; затем следовало устроить кораль для муфлонов и других животных, которых решено было приручить.

Осуществив оба плана, поселенцы разрешили бы самый насущный вопрос — обзавелись бы одеждой. В самом деле, через мост легко будет переправить оболочку шара, из которой получится прекрасное белье, а в корале можно будет настричь шерсти для зимней одежды.

Сайрес Смит намеревался устроить кораль у истоков Красного ручья, вблизи горных пастбищ, где было вдоволь сочного и обильного корма. Дорога между плато Кругозора и истоками Красного ручья была почти проложена, а когда они обзаведутся более усовершенствованной тележ-

кой, передвигаться им будет легче, в особенности если удастся поймать какое-нибудь упряжное животное.

Но если кораль можно было устроить вдали от Гранитного дворца, то не так обстояло дело с птичником, на этом Наб и остановил внимание поселенцев. И в самом деле, домашней птице надлежало быть под рукой главного повара. И все нашли, что нет удобнее места для птичьего двора, чем на берегу озера, рядом со старым водостоком, водяная птица жила бы там на приволье, как и все другие пернатые. Решено было сделать первую попытку и приручить самца и самку скрытохвостов, пойманных во время недавней экспедиции.

Утром 3 ноября предстояло приняться за новые работы — за постройку моста, и в этом важном деле должны были участвовать все поселенцы. Они превратились в плотников и, вскинув на плечи пилы, топоры, прихватив клещи, молотки, пошли к берегу реки.

Пенкроф высказал такую мысль:

— А что, если, пока нас не будет, дядюшке Юпу взбредет в голову втащить лестницу, которую он так учтиво спустил нам вчера?

— Прикрепим-ка ее за нижний конец, — отве-

тил Сайрес Смит.

И они привязали лестницу к двум кольям, глубоко вбитым в землю. Затем поселенцы поднялись по левому берегу реки Благодарения и вскоре дошли до первой излучины реки.

Они остановились, чтобы проверить, можно ли тут перекинуть мост. Место показалось им удобным.

И правда, отсюда до порта Воздушного шара, открытого накануне на южном берегу, было всего лишь три с половиной мили: между этими двумя точками нетрудно проложить проезжую дорогу, которая соединит Гранитный дворец с южной частью острова.

Сайрес Смит поделился с товарищами планом, который он уже давно обдумал. Осуществить его было очень легко, и он принес бы огромную пользу всей колонии. План состоял в том, чтобы оградить от внешнего мира плато Кругозора, обезопасить его от нападения четвероногих и четвероруких. Таким образом, Гранитный дворец, Трущобы, птичий двор и вся верхняя часть плато, которую предполагалось засеять, были бы защищены от хищников.

Выполнить такой проект было довольно просто, и вот каким образом рассчитывал инженер

действовать.

Плато и так уже было ограждено с трех сторон озером и двумя реками — искусственной и естественной.

На северо-западе расстилалось озеро Гранта, берег его шел от заливчика прежнего водостока до пробоины, сделанной в восточном берегу для спуска воды.

Из этой пробоины на севере плоскогорья низвергало в море недавно созданный водопад; поток проложил себе путь по склону кряжа и по песчаному берегу. Достаточно было углубить на всем протяжении русло этой искусственной горной речки, и она станет непреодолимой преградой для диких животных.

Вдоль всего восточного края плато, от устья этой речки и до устья реки Благодарения, защитой служило море. Наконец на юге плато было ограничено нижним течением реки Благодарения, от ее устья до той излучины, где поселенцы собирались соорудить мост.

Таким образом, оставался незащищенным лишь западный край плато между излучиной реки и южным берегом озера; длиной он был около мили и открыт для любого вторжения. Поселенцам надо было вырыть широкий и глубокий ров,

заполнить водой из озера, устроив второй водосток, на этот раз — в сторону реки Благодарения. Конечно, уровень воды в озере из-за этого немного понизился бы, но Сайрес Смит рассчитал, что Красный ручей даст вполне достаточно воды для осуществления его замысла.

— Таким образом, — добавил инженер, — плато Кругозора превратится в настоящий остров, окруженный со всех сторон водой, а сообщаться с остальными нашими владениями можно будет благодаря целой системе мостов: один мы перекинем через реку Благодарения, два мостика мы уже соорудили — у самого начала водопада и у его впадения в море, и, наконец, мы построим еще два мостика — один через ров, который, по-моему, следует вырыть, а второй — через реку Благодарения. Итак, если и мосты и мостики будут подъемными, никто больше не вторгнется на плато Кругозора.

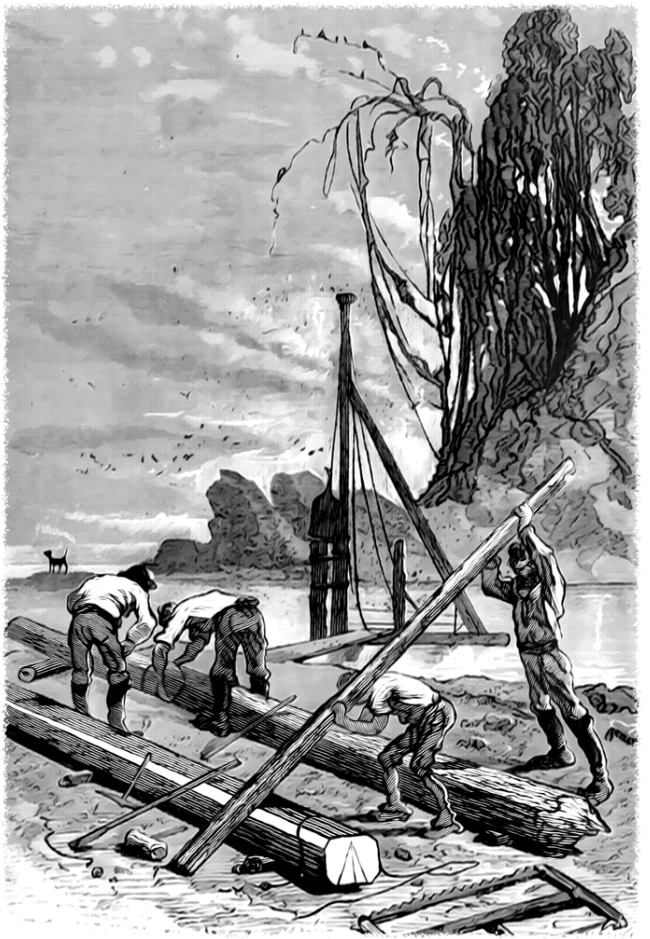
Сайрес Смит нарисовал карту плато, чтобы яснее растолковать все это своим товарищам, для которых тотчас же стал понятен его замысел. Они единодушно одобрили его, а Пенкроф, размахивая топором, воскликнул:

— Мост прежде всего!

Дело было неотложное. Строители выбрали де-

ревья, повалили их, обрубили ветви, распилили стволы на балки, брусья и доски. Часть моста, прилегающую к правому берегу реки Благодарения, решили укрепить, а его левую половину поднимать при помощи противовесов, как ворота в некоторых шлюзах.

Работа, конечно, была сложная, и, как бы умело ее ни выполняли, времени ушло много, ибо ширина реки достигала в этом месте восьмидесяти футов. Забили сваи на них должна была покоиться неподвижная часть моста, — а для этого пришлось соорудить копер. Сваями заменили устои моста, так что он мог выдержать большую нагрузку.



К счастью, не было недостатка ни в инструментах, ни в гвоздях, ни в изобретательности. Инженер знал дело, а его товарищи за семь месяцев приобрели много навыков и теперь помогали ему с великим рвением. Нужно сказать, что Гедеон Спилет не отставал от других и даже состязался в ловкости с самим моряком, который «никак не ожидал такой прыти от журналиста».

Строили мост через реку Благодарения три недели и заняты были только этим. Обедали тут же, на месте работы. Погода стояла великолепная, поэтому домой возвращались лишь к ужину.

За это время все убедились, что дядюшка Юп легко осваивается в новой обстановке и привыкает к своим хозяевам, на которых смотрит с живейшим любопытством. Однако Пенкроф из предосторожности не снял с него всех пут, он решил подождать — и это было благоразумно — того дня, когда закончатся работы и плато станет неприступным, а бегство с него невозможным. Топ и Юп подружились и охотно играли вместе, хотя Юп вообще все делал с очень важным видом.

Двадцатого ноября закончили постройку моста. Подъемная часть, уравновешенная противовесами, легко поднималась — достаточно было

лишь небольшого усилия: между шарниром и последней поперечиной, на которую она обычно опиралась, получался пролет в двадцать футов шириной, а это преграждало дорогу любому зверю.

И тут встал вопрос, не пора ли отправиться за оболочкой аэростата, которую поселенцам не терпелось спрятать в безопасном месте; но чтобы перевезти ее, необходимо было доставить тележку в порт Воздушного шара, а следовательно — проложить дорогу сквозь лесную чащу; Дальнего Запада. На это требовалось время. Наб и Пенкроф отправились на разведку; дойдя до бухты, они удостоверились, что «запас бельевого полотна» ничуть не пострадал в пещере, где они его припрятали, поэтому было решено не прерывать работ и поскорее превратить в остров плато Кругозора.

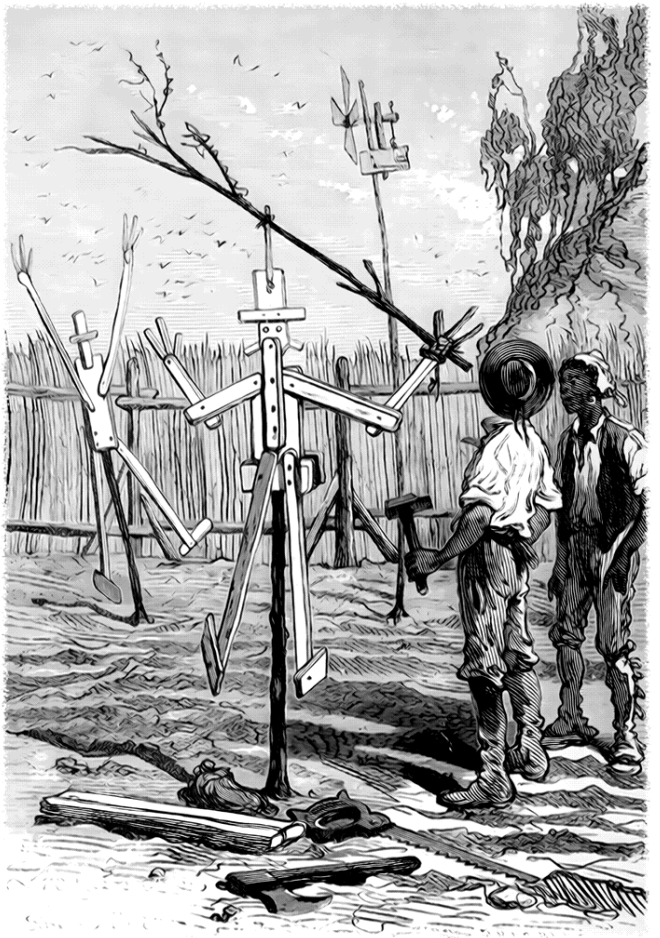
— Вот когда, — заметил Пенкроф, — мы наилучшим образом устроим и птичник: не придется больше опасаться, что туда наведается лиса или пролезут всякие другие зловредные твари.

— А кроме того, — добавил Наб, — можно будет вспахать землю, пересадить дикие растения…

— И подготовить для посева наше второе хлебное поле! — воскликнул моряк с торжествующим

видом.

Дело в том, что первое поле, в которое было брошено одно-единственное зерно, дало благодаря заботам Пенкрофа чудесные всходы. Он взрастил десять колосьев, обещанные инженером, и так как каждый колос принес восемьдесят зерен, колония получила восемьсот зерен, и притом за полгода, что предвещало два урожая в год.



Из восьмисот зерен пятьдесят надо было спрятать про запас из предосторожности, а остальные посеять на новом поле — и не менее тщательно, чем первое и единственное зерно. Поле вспахали, затем обнесли прочным забором из высоких остроконечных кольев, так что зверям перебраться через него было бы очень трудно. Птиц должны были отпугивать трещотки и страшные чучела — фантастические творения Пенкрофа. Семьсот пятьдесят зерен поселенцы посадили, аккуратно проведя для них бороздки, остальное должна была завершить природа.

Двадцать первого ноября Сайрес Смит стал чертить план рва, которым решили защитить плато с запада, от южной оконечности озера Гранта до излучины реки Благодарения. Слой плодородной почвы в два-три фута толщиной прикрывал в этом месте гранитный массив. Снова пришлось готовить нитроглицерин, и он произвел обычное действие. Не прошло и двух недель, как в твердом грунте плато удалось проделать ров шириной в двенадцать футов и глубиной в шесть. Таким же способом была сделана еще одна пробоина в скалистом берегу озера, и вода устремилась по новому руслу, образовав речушку, которую окрестили «Глицериновым ручьем», он впадал

в реку Благодарения. Как и предсказывал инженер, уровень воды в озере понизился, но почти неприметно. Наконец, чтобы превратить плато в неприступную твердыню, русло ручья, впадавшего в море, порядком расширили, а его песчаные берега укрепили изгородью из двойного ряда кольев.

В первой половине декабря поселенцы закончили все эти работы. Плато Кругозора, напоминавшее по форме неправильный пятиугольник с периметром, приблизительно равным четырем милям, было защищено от любого вторжения благодаря водяному кольцу.

Декабрь стоял знойный. Однако колонистам не хотелось даже на время отказаться от осуществления своих планов, а так как устройство птичьего двора становилось делом неотложным, то они приступили к новым работам. Нечего и говорить, что они предоставили полную свободу дядюшке Юпу, как только оградили плато от внешнего мира.

Орангутанг не расставался со своими хозяевами и не обнаруживал ни малейшего желания убежать. Он был замечательно силен, ловок и отличался кротким нравом. Поселенцы, взбираясь по лестнице в Гранитный дворец, и не пытались

состязаться с ним в быстроте. Ему уже поручали кое-какую работу: он приносил вязанки дров и таскал камни, оставшиеся после работ на берегу Глицеринового ручья.

— Хоть он еще не каменщик, но уже превосходная обезьяна, — шутил Герберт, намекая на то, что каменщики называют своих подмастерьев «обезьянами». И никогда еще это прозвище не было так уместно.

Птичий двор раскинулся на двухстах квадратных ярдах, на юго-восточном берегу озера. Его окружили частоколом, внутри ограды построили помещения для будущих пернатых жильцов — сараи, разделенные перегородками на клетушки.

Первыми обитателями стали скрытохвосты; они скоро обзавелись многочисленным потомством. К ним присоединилось полдюжины уток, водившихся на берегу озера. Было тут и несколько китайских уток, у которых крылья раскрываются наподобие веера, а оперение такое яркое и блестящее, что они могут соперничать с золотистыми фазанами. Несколько дней спустя Герберт поймал самца и самку из отряда куриных с длинноперым закругленным хвостом — великолепных «хохлачей», которых поселенцы приручили очень быстро. А пеликаны, зимород-

ки, водяные курочки сами явились на берег, к птичьему двору; и пернатое население, щебечущее, пищащее, кудахтающее, сначала ссорилось, а потом пришло к соглашению; птиц становилось все больше и больше, так что за пропитание поселенцев можно было не тревожиться.

Сайрес Смит, стремясь завершить начатое дело, построил в уголке птичьего двора голубятню. Туда водворили дюжину тех самых голубей, которые гнездились на высоких скалах плато. Голуби быстро привыкли возвращаться по вечерам в новое жилище, и приручить их оказалось гораздо легче, чем их сородичей — вяхирей, которые к тому же не размножаются в неволе.

Наконец пришло время воспользоваться оболочкой аэростата и сшить из нее белье. В самом деле, хранить оболочку, чтобы очертя голову покинуть остров и лететь на шаре, наполненном теплым воздухом, над беспредельной ширью океана, могли только люди, доведенные до крайности, а Сайрес Смит, человек рассудительный, об этом и не помышлял.

Итак, речь шла о том, как переправить оболочку шара в Гранитный дворец, и поселенцы переделали тележку, она стала удобнее и легче. Повозкой они обзавелись — надо было найти

тягловую силу. Неужели на острове не водилось жвачных животных, которые могли бы заменить лошадь, осла, быка или корову? Никто не мог ответить на этот вопрос.

— Право же, — говорил Пенкроф, — тягловый скот нам очень пригодится, пока мистеру Сайресу не вздумается соорудить для нас тележку с паровым двигателем или даже паровоз. Не сомневаюсь, в один прекрасный день от Гранитного дворца до порта Воздушного шара пройдет железная дорога с веткой на гору Франклина.

И славный моряк, говоря все это, верил в свои слова! О воображение, ты всемогуще, когда тебя подкрепляет вера!

Но не будем преувеличивать — самое обычное упряжное животное вывело бы Пенкрофа из затруднительного положения, а так как провидение питало к нему слабость, то оно и не заставило моряка долго ждать.

Однажды, дело было 23 декабря, вдруг раздались крики Наба и громкий лай Топа. Поселенцы, работавшие в Трущобах, побежали в ту сторону, откуда неслись крики, опасаясь, не случилась ли беда.

Что же они увидели? Два прекрасных животных забрели на плато, — мостики были опущены.

Животные, самец и самка, напоминали лошадей, скорее, пожалуй, ослов; они были буланой масти, хвост и ноги — белые, а голова, шея, туловище — в черных полосах, как у зебры.

Животные спокойно приближались, ничуть не тревожась и посматривая умными глазами на людей, которых еще не признавали хозяевами.

— Да это онагры! — воскликнул Герберт. — Четвероногие животные — нечто среднее между зеброй и квагой.

— А почему не назвать их попросту ослами? — спросил Наб.

— А потому, что уши у них не такие длинные и сами они изящнее.

— Осел или лошадь, не все ли равно, — вставил Пенкроф, — и то и другое — «тягловая сила». Значит, их надо поймать!

Моряк дополз, прячась в траве, чтобы не испугать животных, до мостика, перекинутого через Глицериновый ручей, и развел его — онагры остались в плену.

Как же с ними поступить — захватить силой и заставить ходить в упряжке? Нет. Было решено так: пусть несколько дней свободно побродят по плато, заросшему травой, а за это время около птичьего двора под руководством инженера бу-

дет построена удобная конюшня, — если онагры забредут туда, они найдут мягкую подстилку и пристанище на ночь.

Таким образом, поселенцы оставили красивых животных на свободе и старались не подходить к ним близко, чтобы не вспугнуть. Не раз, однако, казалось, что онагры стремятся убежать, что им, привыкшим к вольным просторам и лесным чащам, тесно на плато. Поселенцы видели, как они пытаются выйти за непреодолимую преграду — водное кольцо, как с пронзительным ржаньем скачут по лугу, а затем, успокоившись, целыми часами смотрят на огромные леса, в которые им никогда не вернуться!

Поселенцы изготовили упряжь и постромки из растительных волокон, а через несколько дней, после того как поймали онагров, не только смастерили повозку, но и провели прямую дорогу — прорубили просеку через лес Дальнего Запада, от излучины реки Благодарения до порта Воздушного шара; по ней можно было проехать на повозке. И вот в конце декабря в первый раз попробовали запрячь онагров.

Пенкрофу уже удалось приручить животных: они сами подходили к нему, ели из рук, подпускали к себе, но стоил только запрячь онагров, как

они встали на дыбы, с ними едва удалось справиться. Впрочем, они скоро покорились своей участи. Вообще онагров, не таких строптивых, как зебры, часто запрягают в горных местностях Южной Африки, они приживались даже в относительно холодных поясах Европы.

В тот день все колонисты, кроме Пенкрофа, шагавшего впереди онагров, взобрались на повозку и поехали в порт Воздушного шара. Нечего говорить, что их изрядно трясло на неровной, ухабистой дороге, но все же повозка добралась до места благополучно, и в тот же день поселенцы погрузили в нее оболочку и различные части аэростата. В восемь часов вечера повозка, переехав по мосту через реку Благодарения, спустилась по ее левому берегу и остановилась у моря, перед Гранитным дворцом. Онагров распрягли, отвели в конюшню, а Пенкроф, перед тем как заснуть, так громко вздохнул от удовольствия, что многоголосое эхо откликнулось во всех уголках и закоулках Гранитного дворца.

ГЛАВА VIII

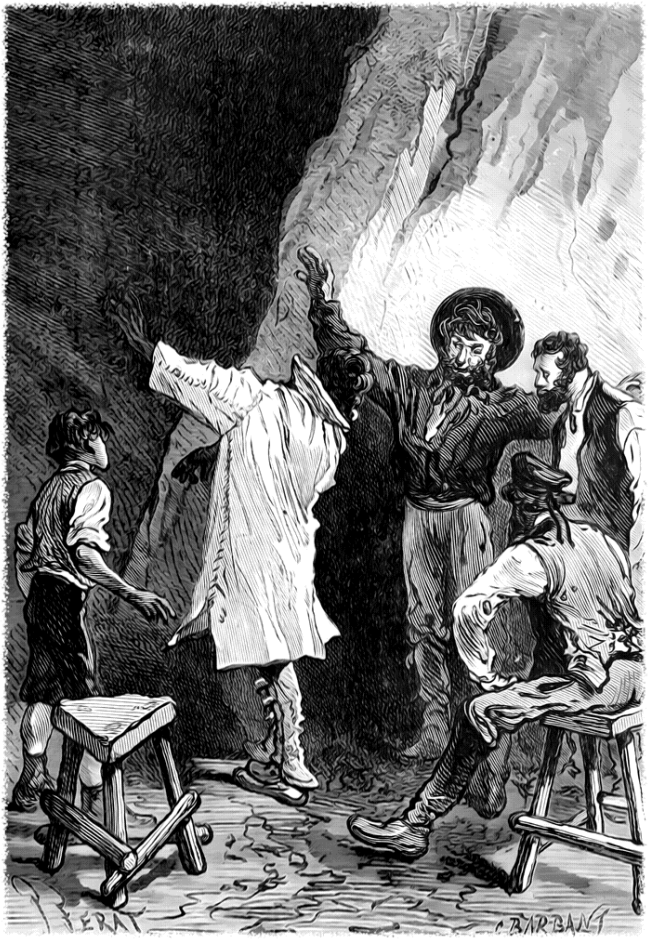
Белье. — Обувь из тюленьей кожи. — Изготовление пироксилина. — Пересадка растений. — Рыбная ловля. — Черепашьи яйца. — Дядюшка Юп делает успехи. — Кораль. — Охота на муфлонов. — Новые богатства растительного и животного мира. — Воспоминание о далекой родине

Вся первая неделя января была посвящена шитью белья, необходимого колонистам. Иголки, найденные в ящике, мелькали в не очень гибких, но зато сильных пальцах, и можно было с уверенностью сказать, что все вещи сделаны на совесть.

В нитках недостатка не было: Сайрес Смит предложил воспользоваться нитками, которыми была сшита оболочка аэростата. Гедеон Спилет и Герберт с удивительным терпением распороли ее на длинные полосы, Пенкроф же отказался от этой работы, которая его несказанно раздражала. Зато шил он лучше всех. Как известно, моряки наделены необычайной способностью к портняжному ремеслу.

Полотно, из которого была сшита оболочка аэростата, обезжирили при помощи соды и поташа, полученных из золы сожженных растений, и промасленная ткань снова стала мягкой и

эластичной; потом ее расстелили на солнце она выцвела и побелела.


C. BARBANT

Смастерили несколько дюжин рубашек и носков — носков, разумеется, не вязаных, а матерчатых. С каким наслаждением поселенцы наконец облачились в белье конечно очень грубое, — но такие мелочи их не смущали — и легли спать на простыни: жителям Гранитного дворца показалось, что они легли в настоящие постели.

В эту же пору они сшили себе обувь из тюленьей кожи — и вовремя, так как ботинки и сапоги, вывезенные из Америки, совсем износились. Можно с уверенностью сказать, что новая обувь была просторна и ни капли не жала.

Наступил новый, 1866 год. Зной не спадал, но охота в лесах продолжалась. Агути, пекари, водосвинки, кенгуру и всевозможная пернатая дичь кишмя кишели на острове. Гедеон Спилет с Гербертом были превосходными стрелками и не давали промаха.

Сайрес Смит советовал им беречь боевые припасы и принял кое-какие меры, чтобы заменить порох и пули, найденные в ящике, — ему хотелось сохранить их на будущее. И в самом деле, мало ли куда случай мог забросить его самого и товарищей, если они покинут свои владения? Нужно было заранее приготовиться ко всяким неожиданностям и беречь боевые припасы, заме-

няя их другими веществами, которые легко было бы добывать.

Вместо свинца, которого не обнаружили на острове, инженер употребил без ущерба для дела дробленое железо, изготовляемое без особого труда. Железная дробь; была легче свинцовой, поэтому пришлось ее делать крупнее; правда, в заряде таких дробинок было меньше, но ловкость охотников возмещала этот недостаток. Сайрес Смит мог бы изготовлять и порох, так как в его распоряжении были селитра, сера и уголь, но выделка его требует особой тщательности, и без специальных приспособлений трудно получить порох хорошего качества.

Поэтому Сайрес Смит предпочел изготовлять пироксилин, то есть взрывчатое вещество, обычно получаемое из хлопчатой бумаги. Однако можно было обойтись и без хлопка, который применяется только ради содержащейся в нем клетчатки. А клетчатка — иными словами, первичная ткань растений — имеется почти в чистом виде не только в хлопке, но и в волокнах льна и конопли, в бумаге, старых тряпках, в сердцевине бузины и т. д. Бузина же росла в изобилии близ устья Красного ручья, и поселенцы заваривали вместо кофе ягоды этого растения, принадлежа-

щего к семейству жимолостных.

Следовательно, надо было запастись сердцевиной бузины, то есть клетчаткой; другое вещество, необходимое для изготовления пироксилина, — дымящаяся азотная кислота. У Сайреса Смита была серная кислота, и ему нетрудно было добыть азотную кислоту, обработав серной кислотой селитру, которую природа предоставила в его распоряжение.

Итак, он решил изготовлять и употреблять пироксилин, хоть и признавал довольно крупные его недостатки, а именно: неравномерность действия, быстрая воспламеняемость (при ста семидесяти градусах вместо двухсот сорока) и, наконец, мгновенная вспышка, которая может попортить огнестрельное оружие. Зато преимущества пироксилина в том, что он не боится сырости, не загрязняет ствола ружья и обладает в четыре раза большей взрывной силой, чем порох.

Чтобы получить пироксилин, достаточно погрузить на четверть часа клетчатку в дымящуюся азотную кислоту, затем промыть ее в воде и просушить. Как видит читатель, нет ничего проще.

В распоряжении Сайреса Смита была только обыкновенная азотная кислота, а не дымящаяся

или крепкая, то есть такая, которая на влажном воздухе выделяет беловатые пары; но, заменив дымящуюся азотную кислоту обыкновенной азотной кислотой, смешанной в пропорции трех к пяти с концентрированной серной кислотой, инженер должен был добиться тех же результатов и действительно добился. Итак, у островитян-охотников скоро появилось превосходное взрывчатое вещество, которое при умелом употреблении отлично им служило.

К этому времени колонисты распахали три акра земли на плато Кругозора, а остальные земли отвели под пастбища для онагров. Несколько раз ходили поселенцы в лес Жакамара и в леса Дальнего Запада и приносили оттуда рассаду дикорастущих овощей — шпинат, кресс-салат, хрен, репу; скоро, при умелом уходе, овощи должны были улучшиться и внести разнообразие в мясную пищу, которой пока приходилось довольствоваться колонистам острова Линкольна. Привозили они из леса и немало дров и угля. Каждая поездка улучшала дороги — колеса повозки постепенно их утрамбовывали.

Кроликов к услугам хозяев Гранитного дворца становилось все больше и больше. Крольчатник находился чуть выше Глицеринового ручья,

поэтому его обитатели не могли проникнуть на заповедное плато и, следовательно, повредить молодым насаждениям. На отмели, расположенной среди береговых скал, поселенцы собирали устриц и постоянно обновляли запас этих вкусных моллюсков. Кроме того, поселенцы ловили рыбу в озере и в реке Благодарения; улов бывал теперь обильный, потому что Пенкроф установил донные удочки с железными крючками, и на них часто ловилась превосходная форель и еще какая-то замечательная рыба, серебристая с желтыми крапинками. Таким образом, главный повар Наб мог вносить приятное разнообразие в ежедневное меню колонистов. За трапезой все еще не было хлеба, и это, как мы уже говорили, для всех являлось истинным лишением. Поселенцы стали охотиться и на морских черепах, вылезавших на мыс Челюсть. Песчаный берег был весь в бугорках — там лежали яйца шаровидной формы с твердой белой скорлупой, белок которых не свертывается, как белок птичьих яиц. Под действием солнечного тепла вылупливались крошечные черепахи; яиц было превеликое множество, так как одна черепаха может нести ежегодно до двухсот пятидесяти яиц.

— Просто яичное поле, — говорил Гедеон Спи-

лет, — остается одно — снять урожай.

Но поселенцы не только собирали яйца, но и охотились на самих черепах, и после каждой охоты в Гранитном дворце появлялась дюжина этих пресмыкающихся, мясо которых ценится знатоками. Черепаховый суп, приправленный душистыми травами и овощами из семейства крестоцветных, приносил заслуженные похвалы Набу, который мастерски его варил.

Надобно упомянуть об одном счастливом обстоятельстве, позволившем увеличить запас снеди на зиму. В реку Благодарения заплыли косяки лососей — они поднялись на несколько миль вверх по течению. То была пора, когда самки в поисках удобных мест для нереста идут впереди самцов, с шумом рассекая воду в реках. Итак, сотни этих рыб плыли по реке. Поселенцы соорудили несколько заграждений, и множество лососей попалось в плен. Не одну сотню лососей выловили, засолили и спрятали про запас, потому что зимой, когда реки покрываются льдом, рыбная ловля невозможна.

В эту пору Юпа — он оказался очень сообразительным — возвели в должность камердинера. Его нарядили в куртку, штаны, сшитые из белого полотна, и передник с карманами, которые

ему очень нравились. Он ходил, заложив руки в карманы, и никому не позволял проверять их содержимое. Наб хорошо вымуштровал смышленого орангутанга — когда Наб разговаривал с Юпом, казалось, будто они превосходно понимают друг друга. Юп привязался к Набу, а Наб отвечал ему тем же. Если никто не нуждался в услугах Юпа — не надо было возить дрова или влезать на какое-нибудь высокое дерево, — орангутанг не уходил из кухни и старался во всем подражать Набу. Впрочем, учитель с удивительным терпением и даже рвением обучал ученика, а ученик с поразительной понятливостью применял знания, преподанные учителем.

Судите сами, какое удовольствие неожиданно доставил Юп своим хозяевам. Как-то во время обеда он принялся прислуживать за столом с салфеткой в руке. Он был так ловок, так внимателен, так безукоризненно выполнял свои обязанности — менял тарелки, приносил блюда, наливал напитки, — делал все это с таким важным видом, что поселенцы от души забавлялись, а Пенкроф пришел в неописуемый восторг.

— Юп, еще супу!

— Юп, кусочек агути!

— Юп, тарелку!

— Юп, славный Юп, молодец Юп!

Только эти возгласы и раздавались за столом, а Юп, ничуть не растерявшись, все выполнял, за всем следил и с понимающим видом кивнул головой, когда Пенкроф снова пошутил:

— Право, Юп, жалованье вам придется удвоить!

Нечего и говорить, что орангутанг в ту пору уже совсем освоился в Гранитном дворце, он часто сопровождал своих хозяев в лес и даже не пытался убежать. Надо было видеть, с каким потешным видом он выступает, вскинув вместо ружья на плечо дубинку, которую смастерил для него Пенкроф. Понадобится, бывало, сорвать плод

с макушки дерева, и Юп стремглав влезает на самый верх; увязнет в грязи колесо повозки — силачу Юпу стоит только подтолкнуть ее плечом, чтобы выкатить на хорошую дорогу.

— Ну и молодчина! — восклицал Пенкроф. — Был бы он злым, не нашлось бы на него управы!

К концу января поселенцы предприняли большие работы в центральной части острова. Недалеко от истоков Красного ручья, у подошвы горы Франклина, решено было устроить кораль для жвачных животных — они мешали бы поселенцам близ Гранитного дворца; кораль предназначался главным образом для муфлонов, которые должны были давать колонии шерсть для зимней одежды.

Каждое утро колонисты, иногда все вместе, а чаще только Сайрес Смит, Герберт и Пенкроф, отправлялись к истокам Красного ручья, словно совершая увеселительную прогулку, так как все пять миль онагры везли их по дороге, недавно проложенной под зеленым сводом деревьев и названной «Дорогой в кораль».

Друзья облюбовали обширный луг, лежащий между двумя отрогами горы. Участок этот, кое-где поросший деревьями, был очень удобен. Его не только защищали горы, но и пересекал ручеек,

бравший начало на одном из склонов и впадавший в Красный ручей. Трава там была сочная, а редкие деревья не мешали ветерку гулять по лугу. Надо было окружить участок таким высоким частоколом, чтобы животные, даже самые проворные, не могли через него перепрыгнуть, и подвести ограду с двух сторон к отрогам горного кряжа. Кораль предназначался для сотни голов рогатого скота — муфлонов или диких коз — и молодняка, который появится на свет.

Инженер наметил границы кораля; теперь следовало приступить к рубке деревьев для частокола; но колонисты, прокладывая дорогу, уже свалили немало деревьев, их-то и перевезли сюда, сделали не одну сотню кольев и крепко-накрепко забили в землю.

В передней части — частокола проделали довольно широкие двустворчатые ворота, сбитые из толстых досок и брусьев.

Колонисты трудились недели три и не только обнесли кораль частоколом, но и построили под руководством Сайреса Смита вместительные дощатые сараи — убежище для скота. Старались сделать все строения поосновательнее, потому что муфлоны сильны, и колонисты опасались что, попав в неволю, они будут неистовствовать.

Колья, заостренные сверху и для прочности обугленные, были скреплены поперечными брусьями, а дополнительные подпорки делали частокол еще крепче.

С коралем покончили, теперь предстояло устроить облаву на жвачных животных у подножия горы Франклина, на лугах, где они паслись. 7 февраля, в ясный летний день, все приняли участие в облаве. Очень пригодились оба онагра, уже довольно хорошо объезженные, на них скакали верхом Гедеон Спилет и Герберт.

Все дело сводилось к тому, чтобы окружить муфлонов и коз и, постепенно сужая круг, погнать их к коралю. Сайрес Смит, Пенкроф, Наб и Юп расположились в разных концах лощины, а оба верховых и Топ скакали вокруг кораля на расстоянии полумили.

В этой части острова водилось множество муфлонов; эти красивые животные, с большими рогами и длинной сероватой шерстью, были не больше лани и походили на аргали или диких баранов.

Охотники очень устали на облаве. Сколько они суетились, бегали взад и вперед, сколько кричали! Они окружили целую сотню муфлонов, но животные стали разбегаться, стадо уменьши-

лось втрое, и к коралю удалось пригнать всего лишь тридцать муфлонов и десять диких коз; животные увидели открытые ворота и, очевидно вообразив, что нашли путь к спасению, ринулись туда и попали в плен.

В общем, все прошло удачно, и сетовать поселенцам не приходилось. Самок оказалось больше, и некоторые должны были скоро принести приплод. Нечего было и сомневаться, что стадо увеличится и что поселенцы получат вдоволь шерсти и кожи.

Вечером охотники вернулись в Гранитный дворец изнемогая от усталости. Но на следующий же день они отправились в кораль. Пленники, очевидно, пытались разнести изгородь, но тщетно — теперь они стали смирнее.

За февраль месяц не произошло никаких важных событий. Своим чередом шли все будничные работы, поселенцы, улучшая дороги к коралю и к порту Воздушного шара, одновременно начали прокладывать третью дорогу, ведущую от кораля к западному берегу. Все еще не удавалось обследовать один участок острова Линкольна — полуостров Извилистый, покрытый густыми лесами, где водились хищные звери; Гедеону Спилету очень хотелось избавить от них свои

владения.

До наступления холодов друзья усердно выращивали дикорастущие овощи, пересаженные из леса на плато Кругозора. Герберт всегда приносил из своих экскурсий всякие полезные растения: то цикорий, из семян которого можно выжимать превосходное масло; то обычный щавель, противоцинготными свойствами которого не стоило пренебрегать; приносил он и драгоценные корнеплоды, выращиваемые во все времена в Южной Америке, — картофель, его теперь насчитывают больше двухсот сортов. За огородом следили, его заботливо поливали, заботливо охраняли от птиц; на грядках росли салат, картофель, щавель, репа, редька и другие крестоцветные. Земля на плато была поразительно плодородна, и поселенцы надеялись, что соберут обильный урожай.

Не было недостатка и в самых разнообразных напитках, и даже привереды не могли бы жаловаться при одном условии: не требовать вина. К «чаю Освего», который собирали с губоцветных, и шипучему напитку, приготовленному из корней драцены, Сайрес Смит добавлял настоящее пиво; он изготовлял его из молодых побегов «abies nigra»; если их вскипятить и подвергнуть брожению, получается приятный и чрезвычайно

полезный напиток, который англо-американцы называют «spring-berr», то есть еловое пиво.

К концу лета на птичьем дворе завелись самец и самка дроф, из породы дроф-красоток, с пышным оперением, под стать пелеринке, дюжина крупных широконосок с выростами по обеим сторонам клюва и великолепные дикие индюки, напоминавшие мозамбикских индюков, — они с важным видом, словно гордясь своим черным оперением, гребешком и зобом, расхаживали по берегу озера.

Итак, все шло успешно благодаря энергии мужественных и умных людей. Конечно, провидение во многом поддерживало их, а главное — поселенцы, соблюдая мудрую заповедь, сами помогали себе, а уже потом им помогали небеса.

Вечером, после знойного летнего дня, в тот час, когда с моря дул легкий ветерок, колонисты любили посидеть, закончив труды, на плато Кругозора, под навесом из вьющихся растений, которые собственноручно посадил Наб. Они вели беседу, делились знаниями, строили планы на будущее, а грубоватые, добродушные шутки моряка вносили веселье в этот маленький мирок, в котором неизменно царило полнейшее согласие.

Говорили они и о своей родине, о дорогой их

сердцу Америке. Идет ли по-прежнему гражданская война между Севером и Югом? Не может быть, чтобы она еще продолжалась. Ричмонд, без сомнения, быстро сдался генералу Гранту! Падение столицы рабовладельческих штатов, должно быть, и послужило заключительным актом кровавой битвы. Север, конечно, восторжествовал в борьбе за правое дело. Как хотелось изгнанникам, приютившимся на острове Линкольна, прочесть газету. Вот уже одиннадцать месяцев, как они отрезаны от мира. Скоро 24 марта — годовщина того дня, когда воздушный шар выбросил их на эти, никому не ведомые берега. Тогда они были потерпевшими крушение и не знали, удастся ли им спасти в борьбе со стихиями свою жизнь. А теперь благодаря знаниям своего руководителя, благодаря своему собственному уму они превратились в колонистов; у них есть оружие, орудия, инструменты, приборы; они сумели поставить себе на службу животных, растения и минералы острова, то есть все три царства природы.

Да, они часто говорили обо всем этом, строили новые и новые планы на будущее!

А Сайрес Смит почти всегда молчал, слушая своих товарищей. Порой какое-нибудь замечание Герберта или забавная выходка Пенкрофа

вызывали у него улыбку, но всегда и всюду он размышлял о тех необъяснимых явлениях, о той странной загадке, тайну которой не мог постичь.

ГЛАВА IX

Ненастье. — Гидравлический подъемник. — Изготовление оконного стекла и посуды. — Саговая пальма. — Поездки в король. — Прирост стада. — Вопрос журналиста. — Точные координаты острова Линкольна. — Предложение Пенкрофа

В первую же неделю марта погода изменилась, начале месяца было полнолуние и все еще стояла невыносимая жара. Чувствовалось, что воздух насыщен электричеством; следовало опасаться, что на довольно долгое время установится период дождей и гроз.

И действительно, 2 марта с неистовой силой грянул гром. Ветер дул с востока, и град стал бить прямо по фасаду Гранитного дворца — шум стоял такой, будто сыпалась картечь. Пришлось плотно затворить дверь и ставни на окнах, иначе затопило бы комнаты.

Увидев, что идет град, а иные градины были величиной с голубиное яйцо, Пенкроф стал бить

тревогу: ведь его хлебное поле подвергалось большой опасности. И он немедля побежал на поле, где колосья уже подняли зеленые головки, и прикрыл его полотнищем от оболочки аэростата. Моряка тоже изрядно побил град, но он не жаловался.

Плохая погода продержалась с неделю, и все это время беспрерывно гремел гром. Гроза разражалась за грозой — только затихнет одна, не отшумят еще глухие раскаты грома за горизонтом, а уже раздаются новые неистовые удары. Молнии зигзагами прорезали небо, сожгли немало деревьев на острове, а среди них и огромную сосну, возвышавшуюся близ озера, на опушке леса. Два-три раза молния ударила в песчаный берег и расплавила песок, превратив его в стекло. Когда инженер обнаружил «громовые стрелы», он подумал о том, что можно вставить в окна толстые и крепкие стекла, которые выдержат порывы ветра, потоки дождя и град.

Спешных работ на острове не было, и поселенцы воспользовались плохой погодой, чтобы поработать в Гранитном дворце, который они по-хозяйски обставляли все лучше, каждый день добавляя что-нибудь новое. Инженер устроил токарный станок и выточил на нем кое-какие туалетные принадлежности и кухонную утварь; сделал он и пуговицы, необходимые колонистам. Они смастерили козлы для оружия, которое содержали с редкостной аккуратностью, шкафы и полки. Поселенцы пилили, строгали, отделывали, обтачивали, и пока стояли ненастные дни,

в ответ на громовые раскаты раздавался визг и скрежет инструментов, жужжание станка.

О дядюшке Юпе тоже не забыли: около главного склада ему отвели отдельную комнатку, похожую на каюту, с подвесной койкой, покрытой подстилкой, — там ему было очень уютно.

— Молодец у нас Юп, всем-то он доволен, бранного слова от него не услышишь, — часто повторял Пенкроф. — Вот кто отменный слуга, Наб, право, отменный!

— Мой ученик, — отвечал Наб, — скоро меня догонит.

— Перегонит, — посмеивался моряк, — потому что ты, Наб, много болтаешь, а он помалкивает!

Юп действительно до тонкости знал свои обязанности. Он вытряхивал одежду, поворачивал вертел, подметал комнаты, прислуживал за столом, складывал дрова и, что особенно восхищало Пенкрофа, перед сном всегда укутывал одеялом достопочтенного моряка.

Здоровье у всех членов маленькой колонии — двуногих и двуруких, четвероруких и четвероногих — было превосходным. Жили колонисты на свежем воздухе, в краю с хорошим, умеренным климатом, заняты были умственным и физическим трудом; им нечего было опасаться

болезней.

И в самом деле, все чувствовали себя великолепно. Герберт за этот год вырос на два дюйма. Его лицо стало строже, мужественнее, и по всему было видно, что из него выйдет хороший человек, наделенный физической и моральной силой. Когда у него оставалось время, свободное от работы, он учился; юноша прочитал все книги, найденные в ящике, а после практических занятий, которые были непосредственно связаны с жизнью на острове, он обращался к инженеру или журналисту, и те с радостью помогали ему пополнять образование: Сайрес Смит — в области науки, Гедеон Спилет — в знании языков.

Инженеру страстно хотелось передать юноше все то, что он знал, наставить его и примером и словом; к чести Герберта следует сказать, что он сделал большие успехи, занимаясь со своим учителем.

«Если я умру, — думал Сайрес Смит, — он заменит меня!»

Буря стихла 9 марта, но небо так и не прояснилось до конца этого последнего летнего месяца. Сильные электрические разряды нарушали спокойствие атмосферы, небо так и не обрело прежней ясности, почти все время лил дождь

и клубился туман, выпало всего лишь три-четыре дня, благоприятствующих всевозможным походам.

В ту пору самка онагра произвела на свет детеныша, на удивление крепкого — тоже самку. В корале увеличивалось и поголовье муфлонов: в сараях блеяли ягнята, к великой радости Наба и Герберта, — у каждого из них были любимцы среди новорожденных.

Поселенцы попробовали приручить пекари, и опыт великолепно удался. Около птичьего двора выстроили хлев, и вскоре там появились поросята, жаждавшие приобщиться к цивилизации, то есть откормиться благодаря заботам Наба. Дядюшке Юпу поручили носить им ежедневно пищу — помои, кухонные отбросы, и он добросовестно выполнял свои обязанности. Правда, иногда он потешался над своими подопечными и дергал их за хвостики, но делал это любя, а не со зла — его очень забавляли хвостики, завитые колечком, словно игрушечные, ведь натура у него была совсем детская.

Как-то в марте Пенкроф напомнил инженеру об одном его обещании, которое тот до сих пор не выполнил.

— Вы обещали сделать машину взамен длинной

лестницы Гранитного дворца, мистер Сайрес, — сказал ему моряк. — Неужели вы так ее и не устроите?

— Вы говорите о лифте? — спросил инженер.

— Лифт так лифт, это как вы хотите, — ответил моряк. — Дело ведь не в названии, только бы без труда добираться до нашего жилья.

— Да тут нет ничего сложного, Пенкроф, но будет ли от подъемника польза?

— Разумеется, будет, мистер Сайрес. Всем необходимым мы обзавелись, подумаем-ка теперь об удобствах. Для людей, если вам угодно, подъемник — роскошь, но когда ты с грузом, он — необходимость. Ведь не так уж удобно карабкаться по длинной лестнице с тяжелой ношей!

— Хорошо, Пенкроф, попробуем доставить вам это удовольствие, — сказал Сайрес Смит.

— Но у вас ведь нет машины?

— А мы ее сделаем.

— Паровую машину?

— Нет, водяную.

И действительно, в распоряжении инженера была естественная сила, которой можно было воспользоваться без особого труда, чтобы привести в действие подъемник.

Достаточно было увеличить количество воды в

небольшом канале, отведенном от озера и снабжавшем водой Гранитный дворец. Поселенцы расширили отверстие, пробитое в скалах и поросшее травой в верхнем конце прежнего водостока, и целый водопад ринулся в канал — избыток воды уходил во внутренний колодец. Под водопадом инженер установил цилиндр с лопастями, который был соединен с колесом, находящимся снаружи и обмотанным прочным канатом; к канату привязали подъемную корзину. При помощи длинной веревки, свисавшей до земли и позволявшей включать и выключать гидравлическое приспособление, можно было подняться в корзине до дверей Гранитного дворца.

Семнадцатого марта, ко всеобщему удовольствию, подъемник заработал в первый раз. Отныне это простое устройство, заменившее примитивную лестницу, о которой никто и не думал сожалеть, поднимало наверх уголь, продовольствие и самих поселенцев. Топ был просто в восторге от усовершенствования: ведь он не мог соревноваться в ловкости с дядюшкой Юпом и с трудом карабкался по лестнице; прежде Набу и даже Юпу часто приходилось нести его на спине, когда они поднимались в Гранитный дворец.

В те же дни Сайрес Смит попробовал изготовить

стекло. Дело было новое, но он воспользовался старой гончарной печью. Возникло много затруднений, но после ряда бесплодных попыток ему все же удалось устроить мастерскую для выделки стекла. Гедеон Спилет и Герберт, истинные помощники инженера, не выходили из нее несколько дней.

В состав стекла входят песок, мел и сода (углекислый или сернокислый натрий). На берегу было сколько угодно песка, из отложений известняка поселенцы добывали мел, из водорослей — соду, из серного колчедана — серную кислоту, а из земных недр — каменный уголь для нагревания печи до нужной температуры. Итак, у Сайреса Смита было все необходимое для производства стекла.

Оказалось, что всего труднее изготовить «трость» стеклодува — железную трубку пяти-шести футов длиной, одним концом которой набирают расплавленную стеклянную массу. Но Пенкроф взял тонкую длинную полосу железа, свернул ее наподобие ружейного ствола — получилась трубка, которой колонисты вскоре и воспользовались.

Двадцать восьмого марта печь накалили. Сто частей песку, тридцать пять мелу, сорок серно-

кислого натрия смешали с двумя-тремя частями угольного порошка и эту массу положили в тигли из огнеупорной глины. Когда все это расплавилось под действием высокой температуры в печи, вернее, превратилось в вязкое месиво, Сайрес Смит набрал в трубку немного стекольной массы и стал ее перемешивать на заранее приготовленной металлической пластине, придавая массе форму, удобную для дутья; затем он протянул трубку Герберту и предложил ему подуть в нее.

— Так, будто выдуваешь мыльные пузыри? — спросил юноша.

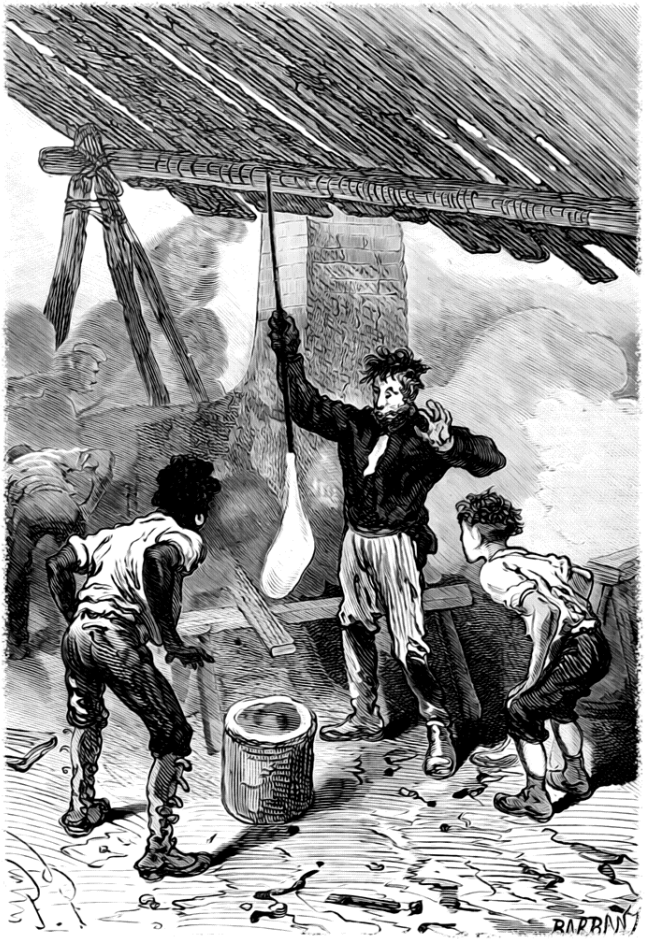
— Вот именно, — ответил инженер.

Герберт набрал воздуха и, старательно вращая трубку, стал дуть в нее сильно, но осторожно, выдувая стеклянный пузырь. Добавили еще стекольной массы, и немного погодя образовался пузырь диаметром в один фут. Тогда Сайрес Смит взял трубку из рук юноши и стал ее раскачивать, как маятник, — мягкий стеклянный пузырь вытянулся и принял форму конусообразного цилиндра.

Итак, удалось выдуть стеклянный цилиндр с двумя полусферическими поверхностями на концах, их без труда срезали острым ножом, смоченным в холодной воде; таким же способом

разрезали цилиндр в длину, снова нагрели и, размягчив, положили на металлическую пластину, затем раскатали деревянной скалкой.

Так приготовлено было оконное стекло. Повторив пятьдесят раз тот же процесс, они получили пятьдесят стекол. И вот в окна Гранитного дворца вставили стекла, не очень прозрачные, но хорошо пропускающие свет.


RARBAN

Изготовление стеклянной посуды, стаканов и бутылок стало для поселенцев развлечением. Все шло в ход, даже если плохо получалось. Пенкроф тоже испросил разрешения «подуть» — и какое же это доставило ему удовольствие! Правда, он дул с такой силой, что его творения приобретали самые удивительные формы, искренне его восхищавшие.

Как-то, отправившись в экспедицию, поселенцы обнаружили дерево новой породы, которое еще больше разнообразило их питание.

В тот день Сайрес Смит и Герберт пошли на охоту в леса Дальнего Запада, на левый берег реки Благодарения; как всегда, юноша задавал инженеру множество вопросов, на которые тот с удовольствием отвечал. Но охота, как и любое дело, требует внимания, иначе успеха не добьешься. Сайрес Смит охотником не был, а Герберт увлекся химией и физикой, поэтому немало кенгуру, водосвинок и агути спаслись от их пуль, хотя и находились на расстоянии ружейного выстрела. И вдруг, когда день уже был на исходе и охотники, казалось, провели время без всякой пользы, Герберт остановился и радостно воскликнул:

— Ах, мистер Сайрес, взгляните-ка на это дерево! II он указал ему на деревце, скорее, на куст,

ствол которого был покрыт чешуйчатой корой, а листья испещрены параллельными прожилками.

— Что же это за дерево, оно похоже на маленькую пальму? — спросил Сайрес Смит.

— Это «cycas revoluta», оно изображено на рисунке в нашей энциклопедии естественных наук.

— Что-то на кусте не видно плодов.

— Плодов нет, мистер Сайрес, — ответил Герберт, — зато в стволе содержится мука, — природа нас снабдила мукой.

— Так, значит, это саговая пальма?

— Да, саговая пальма.

— Что же, для нас, дружок, пока не уродится пшеница, это драгоценная находка. За дело, и дай-то бог, чтобы ты не ошибся!

Герберт не ошибся. Он разрубил ствол дерева, состоящий из пористой коры и мучнистой сердцевины, которая проросла волокнами, разделенными концентрическими кольцами из того же вещества. Крахмал был пропитан клейким соком неприятного вкуса, но его легко было удалить. Получалась очень питательная мука наилучшего качества; некогда закон запрещал вывозить ее из Японии.

Сайрес Смит и Герберт, тщательно обследовав тот участок лесов Дальнего Запада, где росли «cycas revoluta», сделали отметки на деревьях и поспешили вернуться в Гранитный дворец, чтобы рассказать товарищам о своем открытии.

На другой день поселенцы отправились за мукой. И Пенкроф, все более и более восторгавшийся островом, сказал инженеру:

— Не думаете ли вы, мистер Смит, что есть на свете острова для потерпевших крушение?

— Что вы хотите сказать, Пенкроф?

— А то, что есть на свете такие острова, возле которых не страшно потерпеть крушение, — там бедняги вроде нас из всех бед выйдут!

— Может быть, — с улыбкой ответил Сайрес.

— Так оно и есть, мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф, — и ясно, что остров Линкольна к ним и принадлежит.

В Гранитный дворец вернулись с обильной жатвой — со стволами саговой пальмы. Инженер устроил пресс, отжал клейкий сок, смешанный с крахмалистым веществом, и получил довольно много муки; в руках Наба она превратилась в печенье и пудинги. Вкус хлеба напоминал им настоящий пшеничный хлеб.

В ту пору онагры, козы и муфлоны, находив-

шиеся в корале, ежедневно давали поселенцам молоко. Поэтому приходилось часто бывать в корале; ездили в повозке, вернее, в легкой коляске, которая ее заменила; когда приходила очередь Пенкрофа, он брал с собой Юпа и заставлял его править; Юп хлопал кнутом, выполняя порученное ему дело с обычной своей сообразительностью.

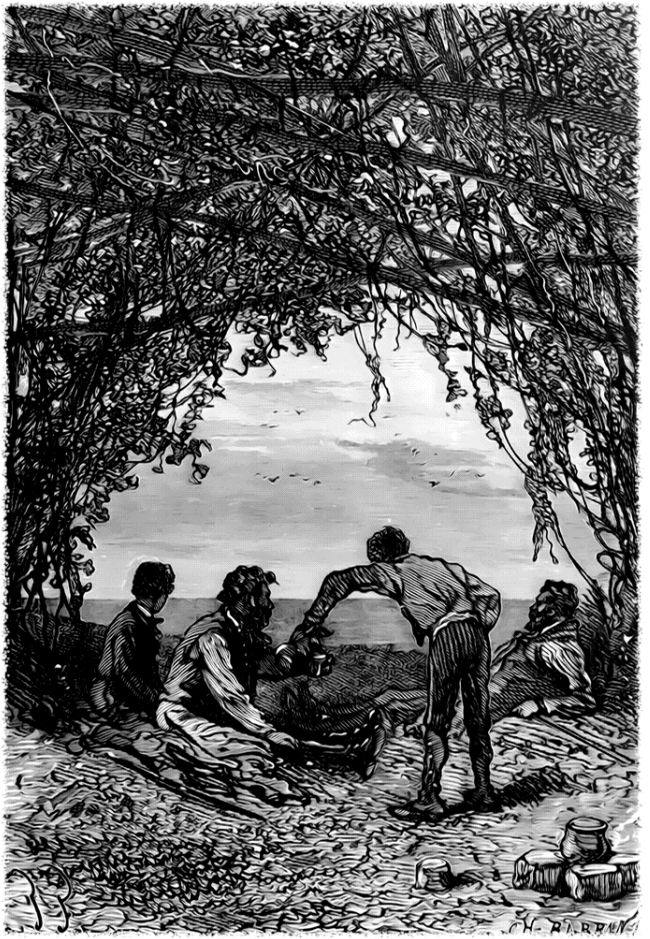
В общем, все шло отлично и в Гранитном дворце и в корале, и колонисты ни на что не сетовали бы, не будь они оторваны от родины. Они так приспособились к условиям жизни на острове, так привыкли к нему, что с печалью и сожалением покинули бы этот гостеприимный край!

Но любовь к родине владеет сердцем человека с непреодолимой силой, и если бы поселенцы приметили корабль, то стали бы давать сигналы, привлекая внимание команды. А пока они жили беспечальной жизнью и скорее боялись, нежели хотели, чтобы ее нарушило какое-либо событие.

Но кто может похвалиться тем, что счастье вечно, что ты огражден от превратностей судьбы!

Поселенцы часто беседовали об острове Линкольна, на котором жили уже больше года, и однажды затронул вопрос, который привел к важным последствиям.

Дело было в воскресенье, 1 апреля, в первый день пасхи, — Сайрес Смит и его товарищи посвятили время отдыху и молитве. День выдался отличный — такая погода бывает в октябре в Северном полушарии.


CH. BARBANT

После обеда все собрались под навесом из зелени краю плато Кругозора и смотрели, как постепенно меркнет небосклон. Вместо кофе Наб подал напиток из бузины; разговор шел об острове, о том, как одиноко стоит он среди Тихого океана, как вдруг Гедеон Спилет спросил:

— Скажите-ка, дорогой Сайрес, вы не определяли положение нашего острова при помощи секстана, найденного в ящике?

— Нет, — ответил инженер.

— А ведь стоило бы это сделать, секстан — прибор совершенный, им точней определишь координаты, чем тем способом, которым вы пользовались.

— А чего ради? — спросил Пенкроф. — Ведь положение острова не изменится.

— Конечно, — заметил Гедеон Спилет, — но, быть может, из-за несовершенства прибора обсервация была не верна, результаты теперь легко проверить…

— Вы правы, любезный Спилет, — ответил инженер, — следовало сделать это раньше; впрочем, если ошибка и вкралась, то она не превышает пяти градусов долготы или широты.

— Как знать? — продолжал журналист. — Как знать, не ближе ли мы к обитаемой земле, чем

думаем?

— Завтра узнаем, — ответил Сайрес Смит, — если бы не такой недосуг, мы узнали бы это раньше.

— Ну и отлично, — сказал Пенкроф. — Мистер Сайрес такой мастер, что не мог ошибиться, и если остров не сдвинулся с места, то находится именно там, куда он его поместил!

— Увидим.

На другой же день при помощи секстана произвели необходимые обсервации, чтобы проверить координаты, которые инженер определил раньше.

По первоначальным данным остров Линкольна находился:

между 150° и 155° западной долготы,
между 30° и 35° южной широты.

Последующие совершенно точные вычисления дали:

150° 30′ западной долготы,
34° 57′ южной широты.

Таким образом, несмотря на несовершенный способ измерений, Сайрес Смит в первый раз

определил координаты с такой точностью, что его ошибка не превысила пяти градусов.

— Ведь теперь у нас есть не только секстан, но и атлас, — сказал Гедеон Спилет. — Посмотрим-ка, дорогой Сайрес, в каком именно месте Тихого океана расположен остров Линкольна.

Герберт принес атлас, изданный, очевидно, во Франции, потому что географические названия были на французском языке.

Развернули карту Тихого океана; инженер с циркулем в руке собрался определить местоположение острова.

Вдруг он замер на месте, говоря:

— Да в этой части Тихого океана на карту нанесен остров.

— Остров! — воскликнул Пенкроф.

— Наш, конечно? — сказал Гедеон Спилет.

— Нет, — ответил инженер. — Этот остров расположен на сто пятьдесят третьем градусе долготы и тридцать седьмом градусе одиннадцатой минуте широты, на два градуса с половиной западнее и на два градуса южнее острова Линкольна.

— Что же это за остров? — спросил Герберт.

— Остров Табор.

— Остров велик?

— Нет, это маленький островок, затерянный в Тихом океане, — на него, вероятно, никто не высаживался!

— А мы высадимся, — заявил Пенкроф.

— Мы?

— Да, мистер Сайрес. Построим палубное судно, я берусь им управлять. А в каком мы расстоянии от острова Табор?

— Приблизительно в ста пятидесяти милях к северо-востоку, — ответил Сайрес Смит.

— В ста пятидесяти милях! Сущие пустяки, — заявил Пенкроф. — При попутном ветре будем там через двое суток.

— А зачем? — спросил журналист.

— Да так просто. Надо же посмотреть!

После такого ответа колонисты решили, что судно будет построено и что они пустятся в плавание в октябре, когда наступит хорошая погода.

ГЛАВА X

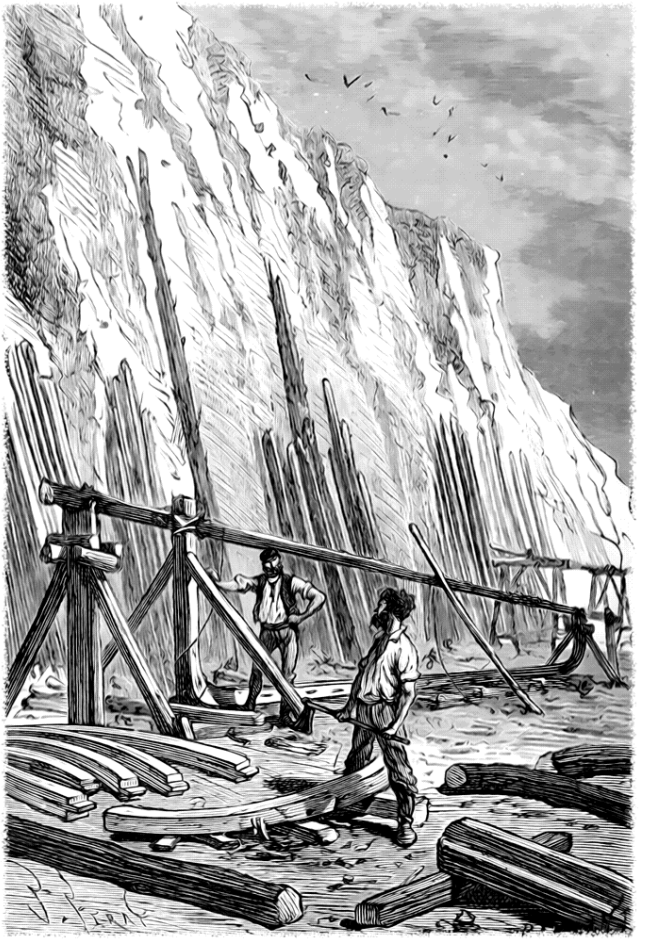
Постройка судна. — Вторая жатва. — Охота на сумчатых медведей. — Новое растение, скорее приятное, нежели полезное. — Кит в море. — Гарпун из Вайнъярда. — Туша кита разделана. — На что употребили китовый ус. — В конце мая. — Пенкрофу больше ничего не нужно

Если Пенкрофу приходила в голову какая-нибудь мысль, он не успокаивался, пока ее не осуществлял. Задумал он, например, добраться до острова Табор, для чего необходимо было довольно большое судно, — и вот пришлось взяться за постройку.

Инженер, с одобрения моряка, остановился на таком проекте.

Длина судна будет равна тридцати пяти футам, ширина — девяти, что придаст ему быстроходность, если удачно выйдут обводы и осадка окажется нормальной: она не должна превышать шести футов, однако судну для устойчивости следует довольно глубоко сидеть в воде. Палубу решили настлать сплошную, от носа до кормы, и, проделав в ней два люка, устроить спуск в две каюты, разделенные непроницаемой переборкой, оснастить судно, как большой шлюп, косым гротом, латинским фоком, брифоком, топселем

и кливером, то есть парусами, которыми легко управлять, маневрировать во время шторма или идти круто в бейдевинд. И, наконец, решили, что корпус будет построен с высоким надводным бортом, доски наружной обшивки будут соединены впритык, а не наложены друг на друга; обшивка судна будет пригнана к фальшивым шпангоутам, а затем прикреплена к набору судна.



Из какого же дерева построить судно? Из вяза или сосны, в таком изобилии растущих на острове? Остановились на сосне — правда, дерево это, по выражению плотников, очень уж «колкое», зато обрабатывать его нетрудно и сосна не боится воды.

Продумав все до мелочей, поселенцы решили, что постройкой судна займутся только Сайрес Смит и Пенкроф, ибо до весны оставалось еще целых полгода. Гедеон Спилет и Герберт будут по-прежнему охотиться, а Наб и его помощник, дядюшка Юп, — выполнять свои обязанности по хозяйству.

Итак, остановились на сосне и тотчас же срубили несколько деревьев, обтесали бревна и, как заправские пильщики, распилили их на доски. А неделю спустя в естественном углублении между Трущобами и гранитным кряжем, там, где находилась верфь, уже лежал тридцатипятифутовый брус — киль судна с ахтерштевнем позади и форштевнем впереди.

Сайрес Смит приступил к работе со знанием дела. Он разбирался в кораблестроении, как и во многом другом, и прежде всего сделал чертеж судна. Правда, у него был отличный помощник — Пенкроф, несколько лет проработавший на

Бруклинских верфях и понимавший толк в судостроении. После тщательных расчетов и долгих размышлений они решили сделать добавочные шпангоуты.

Пенкроф, само собой разумеется, с воодушевлением принялся за постройку судна и готов был работать без передышки.

Но ради одного дела он как-то, правда лишь на день, ушел со стапеля. Это было 15 апреля, когда он во второй раз снял урожай пшеницы. Урожай был отличный, как и в первый раз, — сколько предполагалось, столько и собрали зерна.

— Пять буассо, мистер Сайрес! — крикнул Пенкроф, тщательно взвесив свое богатство.

— Пять буассо, — повторил инженер. — А в буассо — сто тридцать тысяч зерен; значит, всего у нас шестьсот пятьдесят тысяч зерен.

— Уж теперь мы все зерно посеем, только самую малость оставим про запас, — заметил моряк.

— Согласен, Пенкроф. И если урожай будет таким же, то мы соберем четыре тысячи буассо.

— И будем с хлебом?

— Будем с хлебом.

— Придется построить мельницу!

— И мельницу построим.

Поэтому в третий раз под хлебное поле отвели

участок куда обширнее, чем прежде, и, самым тщательным разом обработав землю, посеяли пшеницу. Покончив с этим делом, Пенкроф снова принялся за постройку судна.

А Гедеон Спилет и Герберт все это время охотились в окрестностях или углублялись в неведомые дебри лесов Дальнего Запада, держа наготове ружья, заряженные пулями. Не раз они попадали в непроходимые заросли, где деревья стояли ствол к стволу, словно им не хватало места. Исследовать лесные чащи оказалось делом чрезвычайно трудным, и журналист всегда брал с собой компас, потому что солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густые ветви и легко было заблудиться. Дичи, разумеется, здесь попадалось меньше, так как зверям и птицам не было простора. И все же наши охотники во второй половине апреля подстрелили трех крупных травоядных. То были сумчатые медведи (поселенцы уже как-то видели сумчатых медведей на северном берегу озера); животные попытались спрятаться от охотников за густыми ветвями, но были убиты меткими выстрелами. Охотники принесли шкуры в Гранитный дворец, обработали серной кислотой, выдубили, и они стали пригодны для употребления.

Однажды во время охоты была сделана драгоценнейшая находка, правда совсем в ином духе; честь открытия принадлежала Гедеону Спилету.

Дело было 30 апреля. Охотники зашли в юго-западную часть леса Дальнего Запада, причем журналист, опередив Герберта шагов на пятьдесят, очутился на полянке — деревья там словно расступились и дали дорогу солнечным лучам.

Гедеона Спилета поразил чудесный аромат: благоухало какое-то растение с гроздьями цветов, с прямыми, стройными стеблями и коробочками крохотных семян. Журналист сорвал два-три стебля и вернулся к юноше, говоря:

— Посмотри-ка, Герберт, что это такое?

— А где вы сорвали цветы, мистер Спилет?

— Вон там, на поляне, их там полно.

— Как вам будет благодарен Пенкроф за эту находку, мистер Спилет!

— Неужели это табак?

— Да, правда, не первосортный, но все же табак.

— До чего обрадуется Пенкроф! Но не выкурит же он все, черт возьми! Нам оставит!

— Знаете что, мистер Спилет, не будем пока говорить Пенкрофу о находке, — предложил Герберт. — Приготовим табак и в один прекрасный

день преподнесем ему набитую трубку.

— Отлично придумано, Герберт, и тогда нашему другу Пенкрофу больше нечего будет желать в этом мире.

Журналист и Герберт набрали изрядную охапку драгоценных листьев и пронесли их в Гранитный дворец «контрабандой» — с такими предосторожностями, как будто Пенкроф был таможенным надсмотрщиком. Они посвятили в тайну Сайреса и Наба, а моряк ничего не подозревал в продолжение всего того долгого времени, пока тонкие листья сушились, пока их рубили и держали на горячих камнях. На это ушло два месяца, все удалось проделать так, что Пенкроф ничего и не приметил: он был поглощен своим ботом и только поздно вечером возвращался домой.

Первого мая ему все же пришлось прервать любимую работу и вместе со своими товарищами поохотиться за одним редкостным животным.

Уже несколько дней в двух-трех милях от берегов острова Линкольна в открытом море плавал кит исполинских размеров. Очевидно, это был капский или южный кит.

— Как бы нам изловчиться и загарпунить кита? — как-то раз сказал моряк. — Было бы у нас подходящее судно да прочный гарпун, я бы

первый сказал: «Пошли бить кита, — себя не пожалею, а его одолею».

— Хотелось бы мне посмотреть, как вы орудуете гарпуном, Пенкроф, — заметил Гедеон Спилет. — Зрелище, вероятно, прелюбопытное.

— Прелюбопытное и преопасное. Но мы безоружны, — сказал инженер, — поэтому нечего нам и думать о ките.

— Удивительно, — продолжал журналист, — как это кит заплыл в такие широты?

— Что вы, мистер Спилет, — возразил Герберт, — ведь мы находимся именно в той части Тихого океана, которую английские и американские рыбаки называют «китовым полем», — именно тут, между Новой Зеландией и Южной Америкой, попадается наибольшее количество китов Южного полушария.

— Что верно, то верно, — вставил Пенкроф, — просто даже не пойму, отчего их здесь так мало. А впрочем, какой от них толк, раз невозможно к ним подойти.

И Пенкроф, вздыхая, принялся за работу, ибо каждый матрос в душе рыбак, а если удовольствие от рыбной ловли прямо пропорционально улову, то посудите сами, какие чувства волнуют гарпунщика, когда он видит кита.

Да если бы все сводилось к одному лишь удовольствию! Ведь колонисты понимали, какую ценную добычу они упускают, как пригодились бы им и ворвань и китовый ус.

А кит словно и не думал покидать воды острова. Наблюдение за животным велось то с плато Кругозора, то из окон Гранитного дворца; когда Герберт и Гедеон Спилет не охотились, они поминутно смотрели в подзорную трубу, как и Наб, иногда отходивший от плиты.

Кит попал в обширную бухту Соединения и стремительно бороздил ее воды от мыса Челюсть до мыса Коготь; он плыл при помощи своего удивительно мощного хвостового плавника, на который он налегал, продвигаясь вперед какими-то скачками и развивая скорость, порою достигавшую двенадцати миль в час. Иногда он так близко подходил к острову, что его можно было хорошо рассмотреть. Оказалось, что это настоящий южный кит; он был черного цвета, голова у него была приплюснута больше, чем у китов Северного полушария.

Было видно, как у него из водометных отверстий высоко взлетает облако пара… или фонтан воды, ибо, как это и не странно, естествоиспытатели и китобои до сих пор ведут споры по этому

поводу. Что же он выбрасывает — пар или воду? Есть предположение, что это пар, который превращается в воду, соприкасаясь с холодным воздухом, и оседает, рассыпаясь брызгами.

Одним словом, огромное млекопитающее занимало все помыслы колонистов. Особенно прельщал кит Пенкрофа, даже отвлекал его от работы. Кончилось тем, что наш моряк стал думать только об одном: как бы поймать кита, — так запретный плод манит ребенка. Моряк даже во сне видел кита, и если бы у него было снаряжение гарпунщика да был бы готов бот, он, конечно, не раздумывая, пустился бы в море вслед за китом.

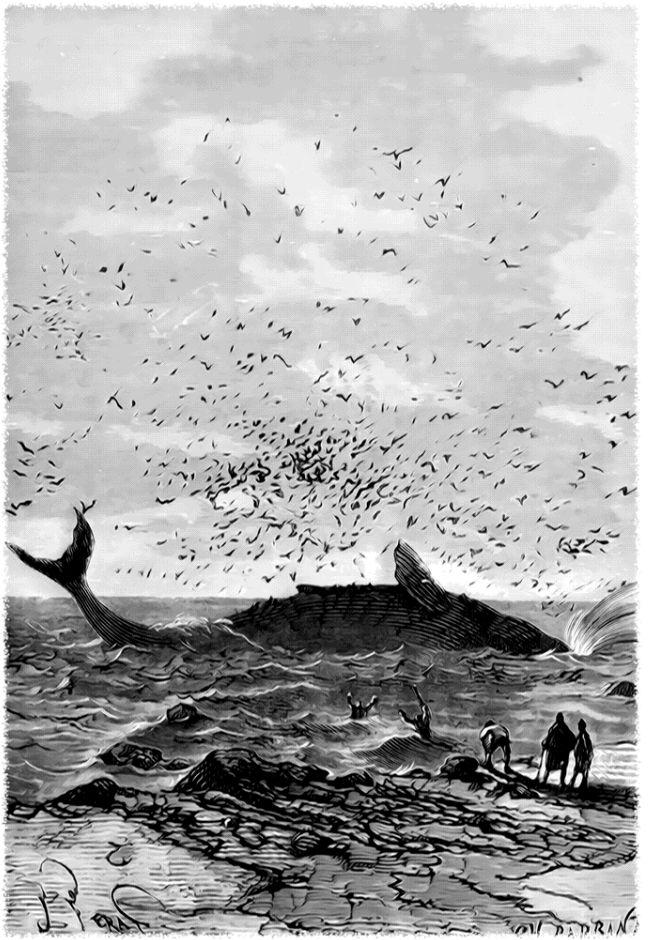
Но то, что не могли сделать колонисты, сделал случай. 3 мая раздались крики; Наб, стоявший на наблюдательном посту у кухонного окна, сообщил, что кит попал на мель. Герберт и Гедеон Спилет, собравшиеся было на охоту, побросали ружья, Пенкроф отшвырнул топор, Сайрес Смит и Наб присоединились к друзьям, и все побежали к отмели, на которой лежал кит.

Вода спала, а он остался на песчаной отмели у мыса Находки, в трех милях от Гранитного дворца. Очевидно, киту нелегко было оттуда выбраться. Так или иначе друзья решили, не теряя времени, отрезать ему все пути к отступлению.

Прихватив пики, колья с железными наконечниками, колонисты побежали к мысу. Вот они миновали мост через реку Благодарения, перебрались на правый берег реки, вот идут по песку, а спустя двадцать минут — они уже возле огромного животного, над которым тучей кружат птицы.

— Ну и чудовище! — воскликнул Наб.

Замечание было правильно: кит, принадлежавший к породе южных китов, оказался настоящим исполином восьмидесяти футов длиной, весил, должно быть, не меньше ста пятидесяти тысяч фунтов.



Чудовище лежало на отмели, не било хвостом, не пыталось всплыть, пока прилив был еще высок.

Когда начался отлив, колонисты обошли вокруг кита и поняли, отчего он лежит неподвижно.

Он был мертв: в его левом боку колонисты увидели гарпун.

— Следовательно, в наши края заплывают китобойные суда! — живо сказал Гедеон Спилет.

— Откуда вы взяли? — спросил моряк.

— Но ведь гарпун…

— Полно, мистер Спилет, это ничего не значит, — ответил Пенкроф. — Иной кит тысячу миль проплывет с гарпуном в боку; может статься, нашего кита хватили на самом севере Атлантического океана, а он приплыл умирать на юг Тихого океана.

— И все же… — произнес Гедеон Спилет, которого не убедили слова Пенкрофа.

— Это вполне возможно, — заметил Сайрес Смит, — но давайте-ка посмотрим, что это за гарпун. Может быть, китобои, по существующему обычаю, вырезали на нем название своего судна!

И правда, выхватив гарпун, вонзившийся в бок кита, Пенкроф прочел следующую надпись:

«Мария-Стелла» Вайнъярд».[10]

— Корабль-то из Вайнъярда! Из моих родных краев! — воскликнул моряк. — «Мария-Стелла»! Ей-богу, отменное китобойное судно. Отлично его знаю. Ах, други вы мои, судно из Вайнъярда, китобойное судно из Вайнъярда!

И моряк, размахивая гарпуном, взволнованно повторял название, говорящее так много его сердцу, название порта, где он родился!

Нечего было ждать, что подплывет «Мария-Стелла», что ее экипаж потребует отдать ему кита, раненного гарпуном, поэтому решили разрубить китовую тушу на части, пока она не разложилась. Хищные птицы, уже несколько дней выслеживавшие богатую добычу, налетели на мертвого кита; колонисты разогнали их, выстрелив из ружей.

Оказалось, что они нашли самку кита, — из ее сосцов бежало молоко, а молоко это, по мнению естествоиспытателя Диффенбаха, вполне заменяет коровье, от которого не отличается ни по вкусу, ни по цвету, ни по густоте.

Пенкроф прежде служил на китобойном судне,

---

[10] Примечания: 10
Порт в штате Нью-Йорк. *(Примеч. автора.)*

поэтому тушу разделывали под его руководством по всем правилам: занятие было не из приятных и длилось три дня, но ни один колонист не отказался от работы — даже Гедеон Спилет, который, как заявил Пенкроф, «сумеет из всякой беды выбраться».

Сало разрезали на ровные ломти в два с половиной фута толщиной, затем их разделили на куски весом, вероятно, по тысяче фунтов и растопили в огромных глиняных чанах, которые колонисты привезли к месту работы, ибо им не хотелось загрязнять окрестности плато Кругозора; жира вышло на треть меньше. Но все же запасы получились изрядные: из одного лишь языка добыли шесть тысяч фунтов жира, а из нижней губы — четыре тысячи.

Пригодился не только жир, благодаря которому колонисты надолго запаслись стеарином и глицерином, мог найти применение и китовый ус, хотя жители Гранитного дворца обходились без зонтов и корсетов. В пасти кита с двух сторон верхней челюсти свисало по ряду эластичных роговых пластинок, их было около восьмисот. Пластинки сужались книзу, и их ряды напоминали две огромные «гребенки» с зубьями в шесть футов длиною. Эти гребенки задерживали уйму

микроскопических животных, рыбешек и моллюсков, которыми питается кит.

Закончив, к общему удовольствию, работу и оставив тушу на растерзание прожорливым птицам, под клювами которых она должна была бесследно исчезнуть, колонисты вернулись домой к своим каждодневным делам.

Однако Сайрес Смит не сразу приступил к постройке судна, а принялся что-то мастерить; глядя на него, колонисты сгорали от любопытства. Он взял дюжину пластинок китового уса, разрезал каждую на шесть равных частей и отточил по концам.

— Что мы с ними будем делать, мистер Смит? — спросил Герберт, когда инженер обточил пластинки.

— Будем бить волков, лисиц и даже ягуаров, — ответил Сайрес Смит.

— Теперь?

— Нет, зимой, когда нам поможет лед.

— Ничего не понимаю… — произнес Герберт.

— Сейчас поймешь, дружок, — отозвался инженер. — Не я изобрел эту штуку — она в ходу у охотников-алеутов в той части Америки, которая

принадлежит русским.[11] Так вот, друзья мои, как только наступят морозы, я согну в кольца все эти пластинки китового уса и буду поливать их водой, покуда они не покроются льдом, — им тогда и не распрямиться; потом начиню ими куски сала и разбросаю по снегу. Что же будет, если голодный зверь проглотит такую пластинку? А вот что: лед в желудке растает от тепла, китовый ус распрямится, острые его концы пронзят внутренности хищника.

— Хорошо придумано! — воскликнул Пенкроф.

— Вот мы и сбережем порох и пули, — добавил Сайрес Смит.

— Да это получше всякой западни! — вставил Наб.

— Что ж, подождем до зимы!

— Подождем до зимы.

Между тем работы по постройке судна подвигались, и к концу месяца оно было наполовину обшито. Уже и теперь можно было сказать, что судно получается превосходное и будет отлично держаться на воде.

Пенкроф работал с несказанным воодушев-

---

[11] Примечания: 11

Аляска была открыта в 1741 году русскими и принадлежала России, но в 1867 году (вместе с Алеутскими островами) была продана США царским правительством.

лением и только благодаря своему могучему здоровью мог преодолевать усталость; а тем временем товарищи, в награду за все его труды, готовили ему приятный сюрприз, и 31 мая ему суждено было испытать чуть ли не самую большую радость в жизни.

В тот день Пенкроф, пообедав, собрался было встать из-за стола, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему на плечо руку.

То была рука Гедеона Спилета; журналист сказал:

— Постойте, дорогой Пенкроф, что же вы убегаете? А десерт?

— Благодарю, мистер Спилет, — ответил моряк, — мне некогда.

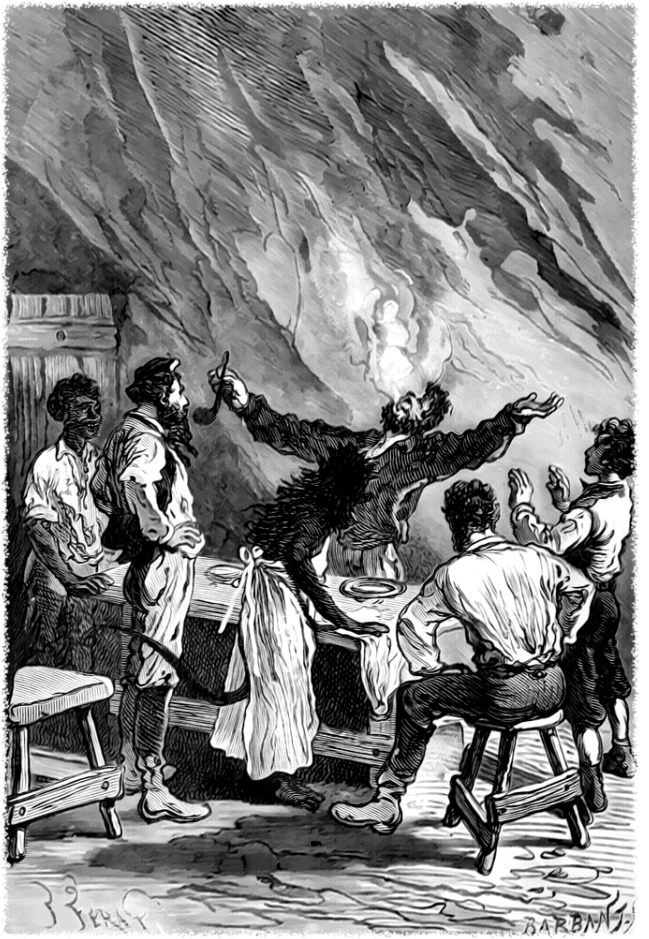
— Ну хоть чашечку кофе, дружище?

— Не хочется.

— Ну, а трубочку?

Пенкроф вдруг вскочил, и его широкое добродушное лицо побледнело: он увидал, что журналист протягивает ему набитую трубку, а Герберт — уголек.

Моряк хотел что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова; он схватил трубку, поднес ее к губам, прикурил об уголек и сделал несколько затяжек.



Сизый душистый дымок заклубился облаком, а из этого облака раздался радостный голос:

— Табак, воистину табак!

— Да, Пенкроф, — отозвался Сайрес Смит, — и табак отменный!

— О, божественное провидение! Творец всего сущего! — воскликнул моряк. — Теперь на нашем острове есть все, что душе угодно!

И Пенкроф курил, курил без конца.

— А кто же нашел табак? — спросил он вдруг. — Конечно, ты, Герберт.

— Нет, Пенкроф, мистер Спилет.

— Мистер Спилет! — воскликнул моряк, сжимая в объятиях журналиста, которому еще не доводилось попадать в такие тиски.

— Ох, Пенкроф! — простонал Гедеон Спилет, с трудом переводя дыхание. — Воздайте благодарность и Герберту, который определил, что это табак, и Сайресу Смиту, который приготовил курево, и Набу, которому так трудно было держать язык за зубами.

— Да, друзья, я вас непременно отблагодарю. До самой смерти не забуду!

ГЛАВА XI

Зима. — Валяние шерсти. — Сукновальня. — Неотвязная мысль Пенкрофа. — Приманки из китового уса. — Какую услугу может оказать альбатрос. — Горючее грядущих веков. — Топ и Юп. — Буря. — Разрушения на птичьем дворе. — Экскурсия на болото. — Сайрес Смит остается дома. — Исследование колодца

Зима наступила в июне — этот месяц в Южном полушарии подобен декабрю северных широт. Пора было позаботиться о теплой и прочной одежде.

Колонисты настригли шерсти с муфлонов, и теперь предстояло изготовить ткань из этого драгоценного сырья.

Само собой разумеется, у Сайреса Смита не было ни чесальной, ни трепальной, ни гладильной, ни прокатной, ни сучильной, ни прядильной машины, ни механической прялки, чтобы прясть шерсть, ни ткацкого станка, чтобы изготовить ткань, и ему пришлось обойтись самыми простыми средствами, так чтобы не ткать и не прясть. Он и в самом деле решил попросту воспользо-

ваться тем, что шерсть, когда ее раскатываешь, сваливается, волокна ее сцепляются и переплетаются, — таким образом изготовляют войлок. Итак, войлок можно было изготовить самым простым способом и, валяя шерсть, получить грубую, но очень теплую материю. Шерсть у муфлонов была короткая, а для изготовления войлока как раз такая и нужна.

Инженер с помощью своих товарищей, считая и Пенкрофа, которому еще раз пришлось бросить постройку бота, принялись за подготовительные работы: надо было очистить шерсть от пропитавших ее маслянистых и жирных веществ, которые называются «жиропотами». Шерсть обезжирили так: погрузили ее в чаны, наполненные водой, нагретой до семидесяти градусов, и продержали там сутки; затем как следует промыли в содовом растворе, выжали под прессом, и шерсть была готова для валянья, то есть для производства войлока — плотной, но грубой материи, не имеющей особой ценности в промышленных центрах Европы и Америки, но весьма дорогой на «рынках острова Линкольна».

Войлок был известен издавна — первые сукна изготовлялись по тому же способу, к которому прибегнул Сайрес Смит.

Познания в области техники очень пригодились инженеру, когда он приступил к постройке валяльной машины; для работы сукновальни он искусно применил не использованную до тех пор движущую силу водопада.

Машина получилась допотопная. Вал, оборудованный кулачками, которые попеременно то поднимали, то опускали вертикальные вальцы, ящики, предназначенные для шерсти, по которой и били эти вальцы, прочная деревянная рама, соединяющая все устройство, — вот какой была эта машина в течение многих веков, пока изобретатели не заменили вальцы компрессорами, пока не перестали валять шерсть, а стали ее прокатывать.

Сайрес Смит руководил работой, и все шло отлично. Шерсть валяли, предварительно смочив ее мыльной водой для того, чтобы шерстинки стали скользкими и мягкими, лучше сцеплялись друг с другом и не рвались бы при валянии; из сукновальни выходили толстые полотнища войлока. Шерстинки благодаря крохотным бороздкам и бугоркам, которые всегда на них бывают, переплелись и свалялись так плотно, что получился материал, пригодный и для одеял и для одежды. Что и говорить, далеко ему было до

ткани из шерсти мериноса, до муслина, шотландского кашемира, до штофа, репса, китайского атласа, орлеанской шерсти, альпага, тонкого сукна, фланели. То был «линкольнский войлок»; промыслы острова Линкольна расширились.

У колонистов была добротная одежда, спали они под одеялами и могли без страха встретить зиму.

В двадцатых числах июня наступили настоящие холода, и Пенкрофу, к великой его досаде, пришлось отложить постройку бота; впрочем, он решил во что бы то ни стало закончить его к весне.

Его неотступно преследовала одна мысль — обследовать остров Табор, хотя Сайрес Смит не одобрял это путешествие, считая, что оно предпринимается из пустого любопытства, — кто же мог оказать им помощь на скалистом островке, пустынном и бесплодном? Его тревожила мысль, что Пенкроф собирается проплыть сто пятьдесят миль на утлом суденышке по неведомому морю. А что, если бот, попав в открытое море, не доберется до Табора, а вернуться на остров Линкольна не сможет? Что тогда станется с ним посреди грозного океана, полного опасностей? Сайрес Смит часто говорил об этом с Пенкрофом

но моряк с каким-то непонятным упрямством отстаивал свою затею, должно быть сам не отдавая себе отчета отчего он так упорствует.

— Как же так, друг мой, — сказал ему однажды инженер, — вы расхваливали остров Линкольна, жалели, что придется его покинуть, а теперь сами хотите с ним расстаться.

— Всего лишь на несколько дней, — отвечал Пенкроф, — всего на несколько дней, мистер Сайрес. Доберусь туда и тотчас поверну обратно, только посмотрю, что это за островок!

— Да ведь его не сравнишь с островом Линкольна!

— Заранее в этом уверен.

— Зачем же вам рисковать!

— Хочу узнать, что происходит на острове Табор.

— Да ничего там не происходит и не может происходить!

— Как знать!

— Ну, а если разыграется буря?

— Весной это не страшно, — ответил Пенкроф. — Но вот что, мистер Сайрес, ведь все надобно предвидеть, и я прошу вас отпустить со мной в это путешествие одного лишь Герберта.

— Знайте же, Пенкроф, — произнес инженер,

положив руку ему на плечо, — если с вами и с юношей, который по воле обстоятельств для всех нас — сын, что-нибудь случится, мы будем безутешны.

— Мистер Сайрес, — ответил Пенкроф с непоколебимой уверенностью, — никогда мы не причиним вам такого горя. Мы еще вернемся к этому разговору, когда придет время. Впрочем, я уверен, что как только вы увидите, до чего прочно построен, до чего хорошо оснащен наш бот, и убедитесь в его мореходных качествах, когда мы обогнем наш остров — ведь мы сделаем это вместе, — то, повторяю, я уверен, вы отпустите меня без колебаний. Не скрою, ваше судно будет сделано на славу!

— Положим, *наше* судно, Пенкроф, — ответил инженер, которого обезоружили слова моряка.

На этом и прервался разговор, но он возобновлялся не раз, однако Сайрес Смит и моряк так и не переубедили друг друга.

Снег выпал в конце июня. Поселенцы заготовили в корале изрядный запас корма, поэтому отпала необходимость ездить туда ежедневно, и они решили бывать там раз в неделю.

Снова расставили западни и впервые испробовали на деле выдумку Сайреса Смита. Кольца из

китового уса, покрытые льдом и густо смазанные жиром, разбросаны были у опушки леса, в том месте, где обычно проходили звери, направляясь к озеру.

Инженер был доволен — изобретение алеутских рыбаков действовало отлично. На приманку попалось с дюжину лисиц, несколько кабанов и даже один ягуар: пластинки китового уса пропороли им желудок.

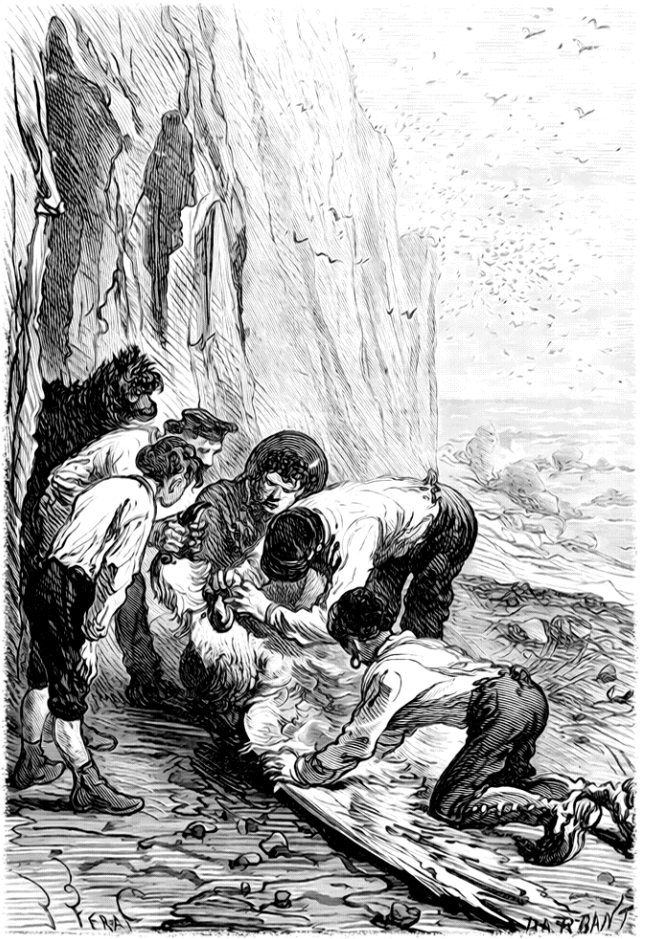
Следует рассказать о том, как колонисты впервые попытались установить связь с внешним миром.

Гедеон Спилет давно подумывал, не бросить ли в море бутылку с запиской, рассчитывая, что течение вынесет ее к берегам, населенным людьми, или не послать ли весть о себе с голубем. Но разве можно было уповать на голубей или на бутылку: ведь остров был удален от других земель на тысячу двести миль! Надеяться было бы просто безумием.

Тридцатого июня поселенцы не без труда поймали альбатроса, — Герберт слегка ранил его в ногу, выстрелив из ружья. Птица была великолепная, с широкими крыльями, размах которых достигал десяти футов; альбатросы перелетают даже через Тихий океан.

Герберту очень хотелось сохранить прекрасную птицу — рана у нее быстро зажила, и юноша мечтал ее приручить, — но Гедеон Спилет убедил его, что нельзя пренебрегать возможностью снестись с побережьем Тихого океана и упустить такого гонца, и Герберту пришлось сдаться: ведь если альбатрос прилетел из края, населенного людьми, то стоит его выпустить на свободу — он тотчас полетит в родные места.

Быть может, Гедеон Спилет, в душе которого иногда пробуждался газетчик, и не прочь был отдать на волю случая увлекательный очерк о приключениях колонистов острова Линкольна! Шумный успех ждал постоянного корреспондента «Нью-Йорк геральд»! Читатели вырывали бы друг у друга номер газеты со статьей, если бы ей суждено было попасть к главному редактору, достопочтенному Джону Бенету!



Гедеон Спилет написал короткую заметку, и ее спрятали в мешочек из непромокаемой ткани, приложив записку с просьбой доставить находку в редакцию газеты «Нью-Йорк геральд». Мешочек привязали к шее, а не к ноге альбатроса, так как он любил отдыхать на поверхности моря, затем быстрокрылого вестника выпустили на свободу, и колонисты не без волнения следили за его полетом, пока он не исчез в туманной дали, на западе.

— Куда же он держит путь? — спросил Пенкроф.

— К Новой Зеландии, — ответил Герберт.

— Счастливо добраться! — крикнул моряк, хотя он и не надеялся на такого почтальона.

Зимой поселенцы стали работать дома: они чинили одежду, мастерили разные вещи; они сделали паруса для бота, выкроили их из оболочки аэростата, которой, казалось, не будет конца…

В июле начались сильные холода, но у колонистов было тепло — они не жалели топлива. Сайрес Смит устроил второй камин в большом зале; возле него друзья и коротали длинные зимние вечера. Проводили время с пользой: в часы работы вели беседы, в часы досуга — читали.

Колонисты испытывали истинное блаженство, когда сидя после сытного обеда у горящего камелька в зале, ярко освещенном свечами, за чашкой «кофе» из бузины, покуривали трубки с душистым табаком и слушали, как за окнами Гранитного дворца завывает буря. Они были вполне довольны, если только могут испытывать полное довольство люди вдали от близких, не имея даже возможности подать о себе весть! И они всегда говорили о своей родине, о далеких друзьях, о могучей американской республике, о ее возрастающем значении, и Сайрес Смит хорошо разбиравшийся во внутреннем положении Соединенных Штатов, многое рассказывал, делился с друзьями выводами, предположениями, и все слушали его с живейшим любопытством.

Однажды Гедеон Спилет спросил:

— Не думаете ли вы, любезный Сайрес, что неизменному промышленному и техническому прогрессу, о котором вы говорите, рано или поздно придет конец?

— Придет конец! Чем же, по-вашему, он будет вызван?

— Отсутствием каменного угля, который поистине является ценнейшим из полезных ископаемых!

— Согласен, уголь — ценнейшее из полезных ископаемых, — ответил инженер, — и природа как будто решила доказать это, создав алмаз, ибо он в сущности не что иное, как кристаллический углерод.

— Не хотите ли вы сказать, мистер Сайрес, — вставил Пенкроф, — что алмаз будут сжигать вместо угля в топках паровых котлов?

— Что вы, друг мой! — засмеялся Сайрес Смит.

— Однако я утверждаю, и вы не будете этого отрицать, — продолжал Гедеон Спилет, — что настанет день, когда все залежи каменного угля истощатся.

— Ну, залежи каменного угля еще так велики, что их не исчерпать и сотне тысяч рабочих, извлекающих из недр земли ежегодно сто миллионов квинталов угля.

— Но потребление угля возрастает, — возразил Гедеон Спилет, — и можно предвидеть, что вскоре углекопов будет не сто тысяч, а двести тысяч и что добыча угля удвоится.

— Без сомнения. Но когда европейские угольные копи истощатся, хотя при помощи новых машин разрабатываются и очень глубокие пласты, промышленность еще долго будут питать залежи угля в Америке и Австралии.

— Сколько же времени? — спросил журналист.

— По крайней мере двести пятьдесят — триста лет.

— Для нас это утешительно, зато бедным нашим правнукам не поздоровится, — вставил Пенкроф.

— Они изобретут еще что-нибудь, — заметил Герберт.

— Нужно надеяться, — ответил Гедеон Спилет, — ведь если не будет угля, не будет и машин, а без машин не будет железных дорог, пароходов, фабрик — словом, всего, что порождено современным техническим прогрессом.

— Но что же еще изобретут? — спросил Пенкроф. — Вы представляете себе это, мистер Сайрес?

— Более или менее представляю, друг мой.

— Какое топливо заменит уголь? Вода, — ответил инженер.

— Вода? — переспросил Пенкроф. — Вода будет гореть в топках пароходов, локомотивов, вода будет нагревать воду?

— Да, но вода, разложенная на составные части, — пояснил Сайрес Смит. — Без сомнения, это будет делаться при помощи электричества, которое в руках человека станет могучей силой,

ибо все великие открытия — таков непостижимый закон — следуют друг за другом и как бы дополняют друг друга. Да, я уверен, что наступит день, и вода заменит топливо; водород и кислород, из которых она состоит, будут применяться и раздельно; они окажутся неисчерпаемым и таким мощным источником тепла и света, что углю до них далеко! Наступит день, друзья мои, и в трюмы пароходов, в тендеры паровозов станут грузить не уголь, а баллоны с двумя этими сжатыми газами, и они будут сгорать с огромнейшей тепловой отдачей. Следовательно, бояться нечего. Пока землю населяют люди, она их не лишит своих благ, ни света, ни тепла, она отдаст в их распоряжение растения, минералы и животных. Словом, я уверен, когда каменноугольные залежи иссякнут, человек превратит в топливо воду, люди будут обогреваться водой. Вода — это уголь грядущих веков.

— Хотелось бы мне поглядеть на все это, — заметил моряк.

— Рано ты появился на свет, Пенкроф, — вставил Наб, до тех пор не проронивший ни слова.

Но на этом замечании Наба беседа оборвалась, — залаял Топ, и лаял он опять как-то странно, что уже не раз заставляло инженера

призадуматься. Топ, как бывало и прежде, с лаем вертелся вокруг колодца в конце внутреннего коридора.

— И что это Топ опять так лает? — воскликнул. Пенкроф.

— Да и Юп разворчался, — добавил Герберт.

Орангутанг в самом деле вторил собаке; он явно был чем-то возбужден, — странное дело, казалось, будто они встревожены, но не рассержены.

— Очевидно, — сказал Гедеон Спилет, — колодец соединен с океаном, и какое-нибудь морское животное время от времени заплывает туда, чтобы подышать.

— Должно быть, ведь другого объяснения не придумаешь, — отозвался моряк. — А ну замолчи, Топ, — добавил он, повернувшись к собаке, — Юп, ступай к себе.

Обезьяна и собака притихли. Юп отправился спать, а Топ остался в зале и весь вечер глухо рычал.

Больше об этом не говорили, но вид у инженера был озабоченный.

Весь конец июля то лил дождь, то шел снег. Температура не опускалась так низко, как прошлой зимой, морозы не превышали восьми градусов по Фаренгейту (13,33° ниже нуля по Цельсию).

Но хотя зима и выдалась не очень холодная, зато свирепствовали бури, дули ветры. Бушующие волны не раз с неистовой силой подступали к Трущобам. Казалось, будто внезапный прибой, вызванный подводными толчками, вздымал чудовищные валы и обрушивал их на стены Гранитного дворца.

Колонисты любовались величественным зрелищем, глядя из окон дома, как волны высотою с гору идут приступом на берег, как они отступают, вскидывая фонтаны брызг, как в бессильной ярости бушует океан, как грозные валы в ослепительно белой пене заливают песчаный берег. Казалось, что гранитный кряж выступает из морской пучины, в брызгах пены, взлетавшей на сто футов ввысь.

Трудно и опасно было ходить по дорогам: когда бушевала буря — ветер подчас валил деревья. И все же колонисты непременно раз в неделю отправлялись в кораль. К счастью, коралю, защищенному юго-восточными отрогами горы Франклина, бешеные ураганы не принесли особого ущерба, они словно щадили деревья, постройки и частокол. Зато птичник, расположенный на плато Кругозора и, следовательно, открытый восточным ветрам, изрядно пострадал.

Дважды сбросило голубятню, повалило ограду. Все это надо было перестроить, и попрочнее, ибо теперь стало ясно, что остров Линкольна расположен в самой бурной части Тихого океана. Казалось, он является центром притяжения могучих циклонов, которые нередко стегали его, как хлыст стегает по волчку. Только в данном случае волчок был неподвижен, а хлыст вертелся.

Наступил август, и в первую же неделю буря стала стихать, небо обрело спокойствие, которое, как еще недавно казалось, утратило навсегда. Стало тихо, но гораздо холоднее, и градусник Фаренгейта показывал восемь градусов ниже нуля (—22° по Цельсию).

Третьего августа колонисты предприняли давно задуманный поход на юго-восточную часть острова, к Утиному болоту. Их привлекала дичь, водившаяся там в изобилии зимой: дикие утки, бекасы, чирки, нырки, шилохвости; было решено посвятить день охоте. В походе приняли участие не только Гедеон Спилет и Герберт, но и Пенкроф с Набом. Только Сайрес Смит, сославшись на занятость остался дома.

Итак, охотники отправились на болото по дороге ведущей к порту Воздушного шара, пообещав вернуться к вечеру. Их сопровождали Топ и Юп.

Когда путники перешли мост через реку Благодарения, инженер его поднял и вернулся домой — он решил осуществить давно задуманный план и для этого остался дома.

Инженеру хотелось тщательно исследовать колодец, зиявший в полу коридора Гранитного дворца; колодец этот, несомненно, сообщался с морем, ибо раньше служил стоком для избыточной воды из озера. Почему Топ так часто вертится вокруг него? Почему так странно лает, почему тревожно подбегает к отверстию? Почему и Юп разделяет беспокойство Топа? Быть может, подземные ответвления идут от колодца, соединявшегося с морем, к другим частям острова? Все это и хотел выяснить Сайрес Смит, никого не посвящая в свои сомнения. Он решил исследовать колодец, когда все уйдут из дому, и случай, наконец, представился.

Было нетрудно спуститься в глубь колодца по веревочной лестнице, которой колонисты не пользовались с той поры, как установили подъемник; длина у нее была вполне достаточная. Инженер приволок лестницу к колодцу, диаметр отверстия которого был равен почти шести футам, и, крепко-накрепко привязав за верхний конец, сбросил вниз. Затем он зажег фонарь, во-

оружился карабином, заткнул за пояс нож и стал спускаться по ступенькам.

Гранитные стены были гладкие, но кое-где торчали выступы, и какое-нибудь проворное животное, цепляясь за них, могло вскарабкаться до самого верха.

Подумав об этом, инженер осветил фонарем все эти выступы, но не обнаружил ни единого следа, ни единое зазубрины, ничто не говорило о том, что по ним, как по лестнице, кто-нибудь взбирался.

Сайрес Смит спустился еще глубже, освещая каждую пядь стены.

Он не заметил ничего подозрительного.

Добравшись до последних ступеней, инженер почувствовал под ногами воду, которая в тот миг была совершенно спокойна. Ни тут, у ее поверхности, ни в стенах не было видно подземного хода, который вел бы от колодца к какой-нибудь части острова. Сайрес Смит простукал стену рукояткой ножа и определил, что пустот нет. Ни одно живое существо не могло бы проложить себе дорогу в сплошном граните; чтобы попасть на дно колодца, а потом подняться наверх, надо было пройти по каналу, затопленному водой и соединяющему этот колодец с морем под скалистым берегом, а это могли сделать лишь одни морские животные. Выяснить же, где именно впадает этот канал в море и на какой глубине, было невозможно.

Исследовав колодец, Сайрес Смит поднялся, втащил лестницу, закрыл отверстие колодца и вернулся в большой зал Гранитного дворца, задумчиво повторяя:

— Я ничего не обнаружил, но все же там скрывается какая-то тайна!

ГЛАВА XII

Оснастка бота. — Нападение диких собак. — Юп ранен. — Юпа лечат. — Юп поправился. — Постройка бота закончена. — Пенкроф торжествует. — «Бонадвентур». — Первое плавание к южному берегу острова. — Бутылка в море

Вечером вернулись охотники — им повезло, и они буквально были увешаны дичью; они притащили ее столько, сколько в силах унести четыре человека. У Топа вокруг шеи висели связки шилохвостей, а у Юпа на поясе — кулики.

— Вот, мистер Сайрес, — воскликнул Наб, — мы на славу поработали! Сколько наготовим впрок копченой дичи, сколько вкусных паштетов! Но пусть кто-нибудь мне подсобит. Рассчитываю, Пенкроф, на тебя.

— Ну нет, Наб, — отозвался моряк. — Я занят оснасткой бота, обойдешься без меня.

— А вы, Герберт?

— Я, Наб, завтра еду в кораль.

— А вы, мистер Спилет, не поможете?

— Охотно помогу, Наб, только предупреждаю: пронюхаю о всех твоих кулинарных тайнах и

напечатаю твои рецепты в газетах!

— Как вам будет угодно, мистер Спилет, — ответил Наб, — как вам будет угодно!

Итак, наутро Гедеон Спилет водворился в кухне и стал помогать Набу. А накануне инженер рассказал журналисту о том, как он обследовал колодец, и Гедеон Спилет согласился с Сайресом Смитом, считавшим, что там кроется какая-то тайна, хоть ничего и не удалось обнаружить.

Еще неделю держались холода; колонисты сидели дома и выходили лишь посмотреть, все ли благополучно в птичнике. В их жилище вкусно пахло — благоухали кушанья, искусно приготовленные Набом и журналистом; однако не всю дичь, подстреленную на болоте, заготовили в впрок, удалось сохранить птицу и в свежем виде, на морозе; колонисты лакомились жарким из диких уток и другой дичи и похваливали, заявляя, что нет на свете ничего вкуснее водяной птицы.

Всю эту неделю Пенкроф с помощью Герберта, ловко управлявшегося с иглой, сшивал паруса и работал с таким рвением, что скоро все было готово. На снасти должны были пойти тросы, из которых была сплетена сетка, найденная вместе с оболочкой воздушного шара. Канаты и тросы отличались превосходным качеством, и

моряк ими воспользовался. Паруса были обшиты прочными лик-тросами; тросов хватило для изготовления фалов, вант, шкотов и прочего такелажа. По совету Пенкрофа, Сайрес Смит выточил на токарном станке необходимые блоки. Таким образом, вся оснастка была изготовлена раньше, чем построили бот. Пенкроф даже смастерил флаг, расцветив белый фон красной и синей краской, добытой из красящих растений, которых на острове было очень много. К тридцати семи звездам, изображающим тридцати семь штатов на флагах американских судов, моряк прибавил тридцать восьмую — звезду «штата Линкольна», ведь он считал, что остров уже присоединен к Американской республике.

— Чувствую это сердцем, хоть факт еще не свершился, — говаривал он.

А пока флаг не взвился на судне, колонисты под троекратное «ура» подняли его над главным входом в Гранитный дворец.

Тем временем зима подходила к концу, и колонисты надеялись, что и вторая зима пройдет без особых событий; как вдруг в ночь на 11 августа плато Кругозора чуть не подверглось опустошению.

Поселенцы, устав от дневных трудов, спали

крепким сном, но около четырех часов утра их разбудил лай Топа.

На этот раз собака не бегала с лаем вокруг колодца, а бросалась на дверь, словно хотела ее выломать. Юп пронзительно вопил.

— Потише, Топ! — крикнул Наб, проснувшийся раньше всех.

Но собака залаяла еще яростнее.

— Что случилось? — спросил Сайрес Смит.

Все наспех оделись и, распахнув окна, посмотрели вниз.

Перед их глазами расстилался снежный покров, чуть белевший в ночной тьме. Колонисты ничего не приметили, но в темноте раздавался странный лай. Было ясно, что на берег вторглись какие-то звери, но их невозможно было разглядеть.

— Что же это за звери? — спросил Пенкроф.

— Волки, ягуары или обезьяны, — ответил Наб.

— Черт возьми! Как бы они не добрались до плато, — произнес журналист.

— Пропал наш птичник, — воскликнул Герберт, — пропали посевы!..

— Да как же они пробрались сюда? — спросил Пенкроф.

— Вероятно, по мостику, — ответил инженер, — кто-нибудь из нас забыл его поднять.

— Ах да, вспоминаю, я забыл… — сказал Гедеон Спилет.

— Удружили, нечего сказать! — вскипев, воскликнул Пенкроф.

— Что сделано, то сделано, — заметил Сайрес Смит, — подумаем, как нам теперь быть.

Сайрес Смит и его товарищи торопливо обменялись несколькими словами. Всем было ясно, что какие-то неведомые звери перебрались по мостику, вторглись на побережье и что, поднявшись по левому берегу реки Благодарения, они могли добраться до плато Кругозора. Надо было не мешкая прогнать их и, если понадобится, вступить с ними в бой.

— Но что же это за звери? — недоумевали колонисты, а лай между тем становился все громче.

Герберт прислушался и, вздрогнув, вспомнил, что слышал точно такой лай, когда в первый раз побывал у истоков Красного ручья.

— Это стая диких американских собак! — воскликнул юноша.

— Вперед! — крикнул Пенкроф.

И колонисты, вооружившись топорами, карабинами и ружьями, быстро влезли в подъемник и спустились на берег.

Стаи голодных диких собак опасны. И все же

колонисты отважно бросились в самую гущу, первые же их выстрелы, молнией сверкнувшие в темноте, заставили, врага отступить.

Прежде всего нельзя было допустить хищников на плато Кругозора, ибо там они расправились бы с птичником, вытоптали бы насаждения и, конечно, нанесли бы всему огромный, быть может непоправимый, ущерб, особенно хлебному полю. Но звери могли вторгнуться на плато только по левому берегу реки Благодарения, поэтому надо было встать непреодолимой преградой на узкой части берега между рекой и гранитной стеной.

Колонисты отлично поняли это и по приказу Сайреса Смита поспешили туда; стаи собак ринулись за ними.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб выстроились сомкнутым рядом. Топ, разинув свою страшную пасть, встал впереди, а за ним — Юп, размахивая узловатой дубинкой, как палицей.

Ночь выдалась очень темная. Только при вспышках выстрелов, причем нельзя было стрелять впустую, колонисты видели не меньше сотни зверей, идущих на приступ, с горящими, как угли, глазами.

— Неужели они прорвутся! — воскликнул

Пенкроф.

— Нет, не прорвутся! — ответил инженер.

Звери не прорывали живого заслона, хоть и теснили его. Задние ряды надвигались на передние, и колонисты беспрерывно стреляли и наносили удары топором. Немало убитых собак уже валялось на земле, но стая, казалось не редела; как будто звери все шли и шли через мостик на берег.

Вскоре звери вплотную подступили к колонистам, и дело не обошлось без ранений, к счастью легких. Герберт выстрелил и убил зверя, который, словно дикая кошка взобрался на спину Наба. Топ сражался с неукротимой яростью: он впивался клыками в горло диких собак и душил их. Юп нещадно избивал врагов дубиной — его невозможно было оттащить назад. Он, очевидно, обладал способностью видеть в темноте; он был в самой гуще боя, то и дело пронзительно свистел, а это означало у него высшую степень возбуждения. В воинственном пылу он ринулся вперед, и при вспышке выстрела все увидели, что его окружили пять-шесть огромных зверей, причем он отбивался от них с редкостным хладнокровием.

Колонисты добились победы, но после упорного сражения, длившегося два часа! При первых

же проблесках зари звери, конечно, отступили и убежали к северу по мостику, который Наб тотчас же поднял. Когда солнце осветило поле битвы, колонисты сосчитали убитых животных, валявшихся на берегу, — оказалось, что их около полусотни.

— А где же Юп? — вдруг крикнул Пенкроф. — Где наш Юп?

Юп пропал. Наб звал его, но Юп впервые не откликнулся на зов друга.

Друзья бросились на поиски, их страшила мысль, что Юп валяется среди убитых зверей. Колонисты разгребли трупы на обагренном кровью снегу и откопали Юпа из-под целой груды убитых собак; раздробленные челюсти, перебитые хребты свидетельствовали о том, что на зверей обрушились сокрушительные удары дубинки неустрашимого Юпа. Бедный Юп все еще сжимал в руке обломок дубины: звери, вероятно, набросились на него, безоружного, и сбили с ног; глубокие раны зияли на груди Юпа.

— Он жив! — крикнул Наб, наклонившись над ним.

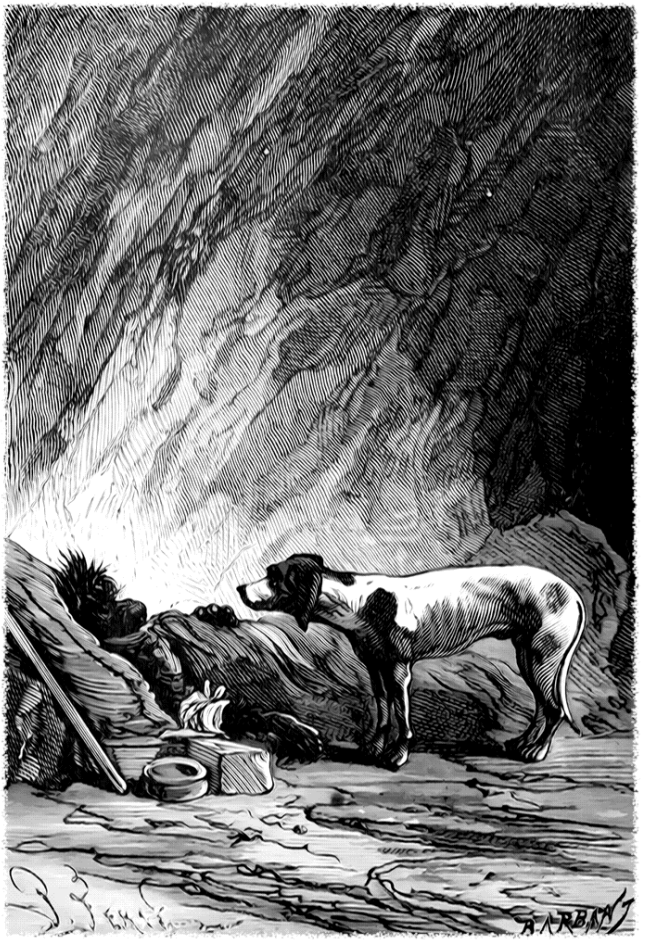
— И мы его вылечим, — заявил моряк, — будем ходить за ним, как за сыночком!..

Юп словно понял, потому что припал головой

к плечу моряка, как бы в знак признательности. Моряк тоже был ранен, но и его раны и раны его товарищей были не опасны, — огнестрельное оружие почти все время держало зверей на расстоянии. Тяжело пострадала одна лишь обезьяна.

Пенкроф и Наб отнесли Юпа в подъемник, и только тут он слабо застонал. Его осторожно подняли в Гранитный дворец, уложили на матрацы, сняв их с одной из кроватей, и с трогательной заботливостью промыли ему раны. Судя по всему, внутренние органы обезьяны не были задеты, но Юп очень ослаб от потери крови и у него была высокая температура.

Итак, его перевязали, уложили и прописали строжайшую диету, «как доподлинному человеку», — заметил Наб; потом больного заставили выпить несколько чашек жаропонижающего питья, сваренного из лекарственных трав, хранившихся в аптечке Гранитного дворца.



Сначала Юп забылся тревожным сном, но постепенно дыхание его стало ровнее, и колонисты ушли, чтобы дать ему полный покой. Иногда только Топ тихонько, словно на цыпочках, пробирался в комнату друга, как будто одобряя заботу о нем. Юп лежал, свесив лапу, и Топ ее лизал с сокрушенным видом.

В то же утро колонисты оттащили убитых зверей к лесу Дальнего Запада, где и закопали.

Нападение зверей, которое могло повлечь за собой неприятные последствия, послужило колонистам хорошими уроком, и с той поры они не ложились спать, не удостоверившись, что мосты подняты и что вторжение невозможно.

Между тем Юп, за жизнь которого колонисты очень тревожились, в несколько дней преодолел болезнь. Юпа выручил могучий организм; жар мало-помалу спал, и Гедеон Спилет, сведущий в медицине, скоро заявил, что Юп вне опасности. 16 августа Юп с удовольствием поел. Наб стряпал для него вкусные сладкие блюда, и больной поглощал их с упоением, так как у него был грешок — он любил полакомиться, а Наб не боролся с этим недостатком.

— Что поделаешь? — говорил Наб Гедеону Спилету, когда журналист упрекал его за то, что он

балует Юпа. — Ведь у бедняги Юпа только одно удовольствие — полакомиться, и я очень рад, что могу отблагодарить его за верную службу.

Дядюшка Юп десять дней пролежал в постели; 21 августа ему разрешили встать. Его раны зажили, и было видно, что скоро он снова будет силен и ловок. У Юпа, как и у всех выздоравливающих, появился ненасытный аппетит, и журналист позволил ему есть вволю, полагаясь на инстинкт, который зачастую отсутствует у людей: он должен был предохранить орангутанга от излишеств. Наб пришел в восторг, увидев, что его ученик ест с прежним аппетитом.

— Ешь, приятель, — говорил он Юпу, — ешь все, что твоя душа пожелает. Ты пролил кровь ради нас, и мой долг помочь тебе поправиться.

Как-то — дело было 25 августа — раздался крик Наба:

— Мистер Сайрес, мистер Гедеон, Герберт, Пенкроф, скорее сюда!

Колонисты, сидевшие в большом зале, вскочили и побежали на зов в каморку, отведенную Юпу.

— Что случилось? — спросил журналист.

— Да вы только посмотрите! — ответил Наб и расхохотался.

И что же они увидали! Дядюшка Юп мирно сидел на корточках у порога Гранитного дворца, под стать турку, и покуривал трубочку.

— Моя трубка! — воскликнул Пенкроф. — Взял у меня трубку! Что ж, старина, бери ее в подарок! Кури, кури, дружище!

А Юп с важностью выпускал густые клубы дыма и, по-видимому, был несказанно доволен.

Сайрес Смит ничуть не удивился; он рассказал, как ручные обезьяны становились завзятыми курильщиками, и привел множество примеров.

С этого дня у Юпа завелась собственная трубка, принадлежавшая прежде моряку; она висела у Юпа в комнате рядом с кисетом. Он ее набивал, сам прикуривал о горящий уголек и, казалось, был счастливее всех обезьян на свете. Понятно, что общность вкусов скрепила узы дружбы, уже соединявшие Юпа и достойного моряка.

— А может быть, он человек? — иногда говорил Пенкроф Набу. — Ты не удивишься, если он в один прекрасный день заговорит с нами?

— Честное слово, не удивлюсь, — отвечал Наб, — меня скорее удивляет, что он не говорит!

— Вот была бы потеха, — продолжал моряк, — если бы он вдруг сказал мне: «Давай меняться трубками, Пенкроф!»

— До чего же обидно, — заметил Наб, — что он немой от рождения!

Наступил сентябрь. Кончилась зима, и колонисты с жаром принялись за работу.

Постройка бота быстро подвигалась. Корпус уже был обшит, и сейчас обшивали судно изнутри досками, обработанными паром, которые легко было пригонять по лекалу к обводам шпангоутов.

Леса было достаточно, и Пенкроф предложил инженеру сделать и эту внутреннюю обшивку водонепроницаемой, чтобы увеличить прочность бота. Неизвестно, что ждало их в будущем, поэтому Сайрес Смит одобрил намерение моряка построить добротное судно.

Внутреннюю обшивку и палубу окончили к 15 сентября. Судно проконопатили сухой морской травой, которую забили деревянной колотушкой в пазы палубы, а также внутренней и внешней обшивки; затем залили их кипящей смолой, добытой из сосен, в изобилии растущих в лесу.

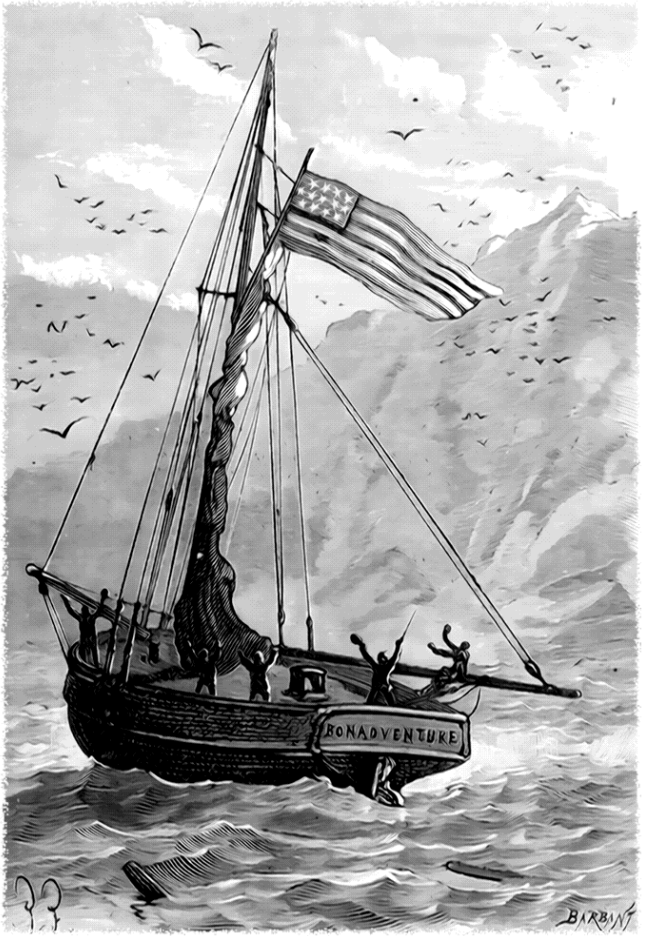
Судно было оборудовано чрезвычайно просто. Прежде всего вместо балласта в трюм погрузили гранитные глыбы, весом приблизительно в двенадцать тысяч фунтов, и прочно их укрепили. Над балластом настлали палубу; внутри бот был

разделен на две каюты, в каждой, вдоль переборки, стояло по две койки, служивших и сундуками. Основание мачты приходилось как раз посредине перегородки, разделявшей каюты; из кают вели на палубу люки с плотно закрывавшейся крышкой.

Пенкроф без труда отыскал дерево для мачты. Он выбрал молодую, прямую ель с гладким стволом, срубил ее, обтесал и закруглил верхушку. Оковки мачты, руля и корпуса были изготовлены в кузнице Трущоб, грубо, зато прочно. Реи, гики, флагшток и весь прочий рангоут, а также весла и другие части были закончены в первую неделю октября, и колонисты решили испытать судно вблизи берегов острова, чтобы посмотреть, как оно держится на воде и можно ли на нем пуститься в дальнее плавание.

Тем временем каждодневные работы шли своим чередом. В корале были сделаны новые постройки, потому что и у муфлонов и у коз появилось немало молодняка, которому нужны были кров и корм. Колонисты по-прежнему часто бывали на устричной отмели, в крольчатнике, в местах залежей угля и железа и даже в неисследованных дебрях Дальнего Запада, где водилось много дичи.

Они нашли еще кое-какие местные растения, может быть и не такие уж необходимые, зато вносившие разнообразие в меню Гранитного дворца. Это были полуденники различных видов, у одних были мясистые съедобные листья, из семян других добывали что-то вроде муки.


RONADVENTURE
BARBANT

Десятого октября бот спустили на воду. Пенкроф сиял от радости. Все прошло отлично. Вполне оснащенное судно на катках подкатили к самому берегу, где его подхватил прилив, и оно гордо поплыло под рукоплескания колонистов; особенно громко хлопал в ладоши Пенкроф, не проявивший при этом ни малейшей скромности. Его тщеславию льстило и то, что, построив судно, он будет им командовать. Его назначили капитаном при всеобщем одобрении.

Чтобы удружить капитану Пенкрофу, решили прежде всего окрестить судно, и после длительных споров все сошлись на том, чтобы назвать его «Бонадвентур», ибо так был наречен при крещении почтенный моряк.

Как только «Бонадвентур» поплыл по волнам, все убедились, что у него отличная осадка и что он будет хорошо держаться на воде при любом ходе.

Впрочем, в тот же день испытали судно на деле, отправившись в плавание вокруг острова. Стояла отличная погода, ветер был свежий, но волнение было не сильное, особенно у южного побережья; уже больше часа дул норд-вест.

— Пора в путь! — кричал капитан, готовясь к отплытию.

Но, прежде чем пуститься в плавание, следовало позавтракать, а кроме того, захватить провизию с собой, на тот случай, если прогулка затянется до вечера.

Сайресу Смиту тоже хотелось поскорее испытать бот, сделанный по его чертежам, и хотя он не раз менял некоторые детали по совету моряка, но все же не был так непоколебимо уверен в судне, как Пенкроф, и надеялся, что моряк отказался от намерения отправиться на остров Табор, потому что речь об этом больше не заходила. Сайрес Смит не хотел и думать, что двое-трое его товарищей отважатся плыть на таком маленьком суденышке, водоизмещением не больше пятнадцати тонн.

В половине одиннадцатого все были на борту корабля, даже Топ и Юп. Наб и Герберт подняли якорь, зарывшийся в песок около устья реки Благодарения, и «Бонадвентур», подняв косой грот с развевающимся на мачте флагом острова Линкольна, пустился в открытое море под командованием капитана Пенкрофа.

Чтобы выйти из бухты Соединения, нужен был попутный ветер, и оказалось, что при фордевинде бот развивал неплохую скорость. Когда обогнули мыс Находки и мыс Коготь, Пенкрофу пришлось

держаться круто к ветру, чтобы плыть вдоль южного берега острова, и, лавируя, он заметил, что «Бонадвентур» может идти в пяти румбах от ветра, не сильно дрейфуя. Он очень хорошо ложился на другой галс, делая поворот оверштаг, как говорят моряки, и даже выигрывал время при этом маневре. Пассажиры «Бонадвентура» поистине были в восхищении. У них появилось превосходное судно, которое в случае необходимости окажет им большие услуги, а сейчас, в этот чудесный день, да еще при благоприятном ветре, плыть было очень приятно.

Пенкроф повел бот в открытое море, держась в трех-четырех милях от берега и направляя «Бонадвентур» на траверз порта Воздушного шара. Остров предстал перед ними по-новому: во всем своем великолепии развернулась панорама побережья от мыса Коготь до Змеиного мыса: на переднем плане стеной стоял лес, хвойные деревья темнели на фоне молодой, едва распустившейся зелени лиственных деревьев, а над всем возвышалась гора Франклина, на вершине которой белел снег.

— Как красиво! — воскликнул Герберт.

— Да, наш остров красив и гостеприимен, — ответил Пенкроф. — Я его люблю, как любил

родную мать! Он приютил нас, бедных и обездоленных, а разве теперь чего-нибудь не хватает его сыновьям, упавшим на берег прямо с неба?

— У нас всего достаточно, — ответил Наб, — всего, капитан!

И оба доблестных островитянина крикнули троекратно громкое «ура» в честь своего острова.

Тем временем Гедеон Спилет, прислонившись к мачте, рисовал панораму, развернувшуюся перед глазами мореплавателей.

Сайрес Смит молча всматривался в берег.

— Ну, мистер Сайрес, — обратился Пенкроф к инженеру, — что скажете о нашем боте?

— Как будто хорошо держится! — ответил инженер.

— Отлично! А как вы думаете, можно ли предпринять на нем длительное путешествие?

— Какое путешествие, Пенкроф?

— Ну, например, на остров Табор?

— Друг мой, — ответил Сайрес Смит, — я думаю, что в случае нужды можно без колебания вверить свою судьбу «Бонадвентуру» и даже предпринять более длительное путешествие; но знайте, я бы не хотел отпускать вас на остров Табор, вам там делать нечего.

— Надо же познакомиться с соседями, — отве-

тил Пенкроф, упрямо настаивавший на своем. — Остров Табор — наш единственный сосед! Хоть из вежливости следует его навестить!

— Черт возьми, — заметил Гедеон Спилет, — наш друг Пенкроф, оказывается, соблюдает светские приличия!

— И не думаю, — проворчал моряк, которого сердил отказ инженера, хотя ему и не хотелось его огорчать.

— Слушайте, Пенкроф, ведь нельзя же пускаться в плавание без спутников?

— Одного спутника с меня достаточно.

— Предположим, — ответил инженер. — Следовательно, из-за вас колония острова Линкольна может лишиться двух поселенцев, а ведь всего-то нас пятеро!

— Шестеро, — заметил Пенкроф, — вы забыли Юпа.

— Семеро! — добавил Наб. — Топ не хуже нас с вами!

— Риска тут никакого нет, мистер Сайрес, — возразил моряк.

— Может быть, Пенкроф; но повторяю, вы подвергаете себя ненужной опасности.

Упрямый моряк не ответил, но про себя решил при случае возобновить разговор. Он не думал,

что случай так скоро придет ему на помощь и превратит его ничем не оправданную прихоть в человеколюбивый поступок.

После плавания в открытом море «Бонадвентур» приблизился к берегу, направляясь к порту Воздушного шара. Следовало выяснить, может ли он пройти между отмелью и подводными рифами, так как колонисты собирались постоянно держать судно в этой маленькой бухте.

До берега оставалось всего полмили, и приходилось лавировать, чтобы идти против ветра. Плыли медленно — высокие берега ослабляли силу ветра, и он лишь слегка наполнял паруса; под его порывами по зеркальной поверхности моря изредка пробегала рябь.

Герберт, стоявший на носу и указывавший фарватер, вдруг крикнул:

— Держи к ветру, Пенкроф, держи к ветру!

— Что такое? — спросил, вставая, моряк. — Скала?

— Нет… подожди-ка, — ответил Герберт, — не разгляжу… держи к ветру… так, хорошо… чуть-чуть вперед…

Говоря это, Герберт свесился через борт, быстро опустил руку в воду и крикнул:

— Бутылка!

Он держал закупоренную бутылку, которую поймал в нескольких кабельтовых от берега.

Сайрес Смит взял бутылку, молча вышиб пробку и вытащил кусок подмокшей бумаги, на котором можно было разобрать такие слова:

> Потерпел кораблекрушение… Остров Табор 153° западной долготы, 37°11′ южной широты.

ГЛАВА XIII

Решено плыть. — Предположение. — Сборы. — Три пассажира. — Первая ночь. — Вторая ночь. — Остров Табор. — Поиски на песчаном берегу. — Поиски в лесу. — На острове никого нет. — Животные. — Растения. — Жилье. — В домике пусто

— Кто-то потерпел кораблекрушение, — крикнул Пенкроф, — и совсем один живет в каких-нибудь ста милях от нас, на острове Табор! Ну, мистер Сайрес, теперь вы не станете противиться путешествию!

— Не стану, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — и надо отправляться как можно скорее.

— Завтра?

— Завтра.

Инженер несколько секунд рассматривал бумагу, которую вытащил из бутылки. Он о чем-то размышлял, потом произнес:

— На основании этого документа, друзья мои, можно сделать следующие выводы: во-первых, пострадавший, с острова Табор — человек, сведущий в морском деле, ибо широта и долгота острова, указанные им, совпадают с теми, которые мы определили с точностью до одной минуты; во-вторых, он англичанин или американец, так как документ написан по-английски.

— Вполне логичное замечание, — заявил Гедеон Спилет, — вот вам и разгадка; понятно, откуда ящик, который мы нашли на берегу. Произошло кораблекрушение, раз нашелся человек, потерпевший крушение. И кто бы он ни был, а ему повезло, что Пенкрофу пришла мысль построить бот и сегодня испробовать его; день промедления — и бутылка, пожалуй, разбилась бы о подводные камни.

— Правда, — проговорил Герберт, — как хорошо, что «Бонадвентур» прошел мимо, пока бутылка держалась на воде.

— А вам не кажется это странным? — спросил Сайрес Смит Пенкрофа.

— Мне кажется, что это счастливый случай, вот и все, — ответил моряк. — А вы разве видите в этом что-то необычное, мистер Сайрес? Ведь бутылка куда-нибудь да попала бы? Почему бы ей и не попасть сюда?

— Быть может, вы и правы, Пенкроф, — ответил инженер, — однако…

— Но ведь ничто не доказывает, — заметил Герберт, — что бутылка уже давно плавает по морю?

— Ничто, — ответил Гедеон Спилет, — и даже записка как будто написана недавно. Что вы об этом думаете, Сайрес?

— Трудно сказать, но мы непременно все выясним! — ответил Сайрес Смит.

Во время этого разговора Пенкроф не сидел сложа руки. Он повернул на другой галс, и «Бонадвентур» на всех парусах помчался к мысу Коготь. Каждый думал о человеке, заброшенном судьбой на остров Табор. А вдруг они опоздали и его не спасти? В жизни колонистов произошло большое событие. Они сами потерпели крушение, но боялись, что этому человеку не так повезло, как им, и считали своим долгом поспешить на помощь несчастному.

«Бонадвентур» обогнул мыс Коготь и в четыре часа стал на якорь возле реки Благодарения.

В тот же вечер колонисты подробно обсудили план путешествия. Благоразумнее всего было отправиться на остров Пенкрофу и Герберту, так как оба умели управлять судном. Отплыв на другой день, 11 октября, они могли пристать к острову тринадцатого днем, ибо при попутном ветре за двое суток легко было пройти сто пятьдесят миль; день они пробудут на острове, три-четыре дня потратят на обратный путь, значит, 17 октября они должны вернуться на остров Линкольна. Погода стояла прекрасная, барометр плавно поднимался, направление ветра как

будто установилось, — словом, все благоприятствовало отважным путешественникам, которые покинули свой милый остров из чувства долга и из любви к ближнему.

Итак, решено было, что Сайрес Смит, Наб и Гедеон Спилет останутся дома; но Гедеон Спилет, не забывший о том, что он корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», вдруг заявил, что готов пуститься вплавь, а подобного случая не упустит, и тоже попал в число путешественников.

Вечером колонисты перенесли на борт «Бонадвентура» кое-какие постельные принадлежности, посуду, оружие, боевые припасы, компас, провизию на неделю и, быстро погрузив все это, вернулись в Гранитный дворец. На другой день в пять часов утра три друга не без волнения попрощались с остающимися, и Пенкроф, подняв паруса, взял курс на мыс Коготь, который нужно было обогнуть, прежде чем плыть на юго-запад.

«Бонадвентур» уже был в четверти мили от берега, когда его пассажиры заметили, что два человека стоят на площадке у Гранитного дворца и машут им на прощание. То были Сайрес Смит и Наб.

— Вот они, наши друзья! — воскликнул Гедеон Спилет. — Мы впервые расстаемся за полтора года.

Пенкроф, журналист и Герберт помахали им в последний раз, и Гранитный дворец скоро исчез за высокими скалами мыса.

Все утро «Бонадвентур» шел в виду южной части острова Линкольна, напоминавшего издали зеленую корзину, из которой торчала гора Франклина. Гористая его поверхность, сглаженная расстоянием, вряд ли могла бы привлечь внимание кораблей, случайно попавших в эти воды.

Около часа дня миновали Змеиный мыс в десяти милях от берега. Отсюда уже нельзя было разглядеть западную часть побережья, простиравшуюся до отрогов горы Франклина, а три часа спустя клочок суши, называвшийся островом Линкольна, скрылся за горизонтом.

«Бонадвентур» шел отлично. Он легко всходил на волну и развивал порядочную скорость. Пенкроф поднял топсель; бот, идя на всех парусах,

держал курс прямо ни остров Табор по компасу.

Время от времени Герберт сменял Пенкрофа за рулем; он так уверенно управлял, что бот не отклонялся от курса и капитану не в чем было упрекнуть своего помощника. Гедеон Спилет вел беседу то с моряком, то с Гербертом а иногда помогал им ставить или убирать паруса. Капитан не мог нахвалиться своим экипажем и обещал «поднести вахтенным по стаканчику винца».

Под вечер в прозрачных сумерках показался тонкий серп луны, первая четверть которой должна была появиться шестнадцатого числа; он быстро померк. Наступила темная, но звездная ночь, предвещавшая погожий день. Пенкроф из предосторожности убрал топсель, чтобы не подставлять верхний парус под неожиданный порыв ветра. Быть может, это и была излишняя предосторожность, потому что ночь стояла тихая, но Пенкроф принадлежал к числу благоразумных моряков — не будем его за это упрекать.

Журналист проспал почти всю ночь. А Пенкроф Герберт каждые два часа несли вахту у руля. Моряк полагался на Герберта, как на самого себя: хладнокровие и рассудительность юноши оправдывали его доверие. Пенкроф давал ему указания, как капитан рулевому, и Герберт не позволял

судну уклониться в сторону.

Ночь прошла благополучно, и днем 12 октября ничего нового не произошло. Юго-западного направления строго придерживались весь день, и если только «Бонадвентур» не относило в сторону неведомое течение, он должен был выйти прямо к острову Табор.

Море, по которому они шли, было пустынно. Только иногда какая-нибудь большая птица — альбатрос или фрегат — пролетала на расстоянии ружейного выстрела. И Гедеон Спилет задавался вопросом, не одному ли из этих крупных пернатых доверил он свой очерк, написанный для «Нью-Йорк геральда». Казалось, что только эти могучие птицы и могли залететь в воды, омывавшие, остров Табор и остров Линкольна.

— А ведь в это время года, — заметил Герберт, — китобои обычно отправляются в южную часть Тихого океана. По правде говоря, я думаю, что нигде на свете не найдешь такого безлюдья.

— Уж не такое здесь безлюдье! — возразил Пенкроф.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил журналист.

— Да ведь мы-то здесь. Или вы принимаете наше судно за обломок кораблекрушения, а нас

самих — за дельфинов?

И Пенкроф расхохотался собственной шутке.

Вечером путешественники рассчитали, что за тридцать часов «Бонадвентур», по-видимому, отплыл от острова Линкольна на сто двадцать миль, ибо он шел со скоростью более трех миль в час. Дул такой слабый ветер, что казалось, он вот-вот совсем стихнет. И все же можно было надеяться, что на рассвете появится остров Табор, если только расчеты были правильны и если бот не снесло с курса.

Но никто из них — ни Гедеон Спилет, ни Герберт, ни Пенкроф — не сомкнул глаз в ночь с 12 на 13 октября. Они ждали утра и не могли преодолеть тревоги. Их обуревало столько сомнений! Находятся ли они вблизи острова Табор? Жив ли еще человек, потерпевший кораблекрушение, на помощь которому они спешат? Кто этот человек? Не внесет ли он разлад в дружную семью колонистов? Захочет ли он сменить одну тюрьму на другую? Все эти вопросы, которые, очевидно, должны были разрешиться на другой день, не давали им уснуть, и при первых проблесках утра они, не отрываясь, стали смотреть на запад, вглядываться в линию горизонта.

J. Berat

— Земля! — вдруг крикнул Пенкроф около шести часов утра.

Пенкроф, конечно, не мог ошибиться — значит, действительно это была земля.

Можно себе представить радость маленького экипажа. Через несколько часов они высадятся на берег!

Пологий островок чуть виднелся среди волн, не дальше чем в пятнадцати милях. Курс «Бонадвентура», которого чуть отнесло к югу, был выправлен, и бот плыл теперь прямо к острову; солнце всходило, и кое-где все яснее вырисовывались невысокие холмы.

— Куда этому островку до нашего острова Линкольна, — заметил Герберт, — но, вероятно, он тоже вулканического происхождения.

В одиннадцать часов утра «Бонадвентуру» осталось пройти всего лишь две мили, и Пенкроф, отыскивая фарватер, вел судно по незнакомым водам с крайней осторожностью.

Теперь друзьям был виден весь островок, на котором зеленели камедные и еще какие-то огромные деревья похожие на те, что росли на острове Линкольна. Но как ни странно, мореплаватели нигде не приметили ни дымка — верного признака того, что остров обитаем, ни сигнала

бедствия. А ведь записка гласила, что на острове живет человек, потерпевший кораблекрушение, и он, конечно, ждет помощи!

Между тем «Бонадвентур» отважно плыл между рифами, по извилистым проходам, и Пенкроф с напряженным вниманием вглядывался в каждый их изгиб. Он доверил Герберту руль, а сам, стоя на носу, вглядывался в воду и, взяв фал, готов был немедленно спустить парус. Гедеон Спилет осматривал берег в бинокль, но ничего не приметил.

Наконец около полудня форштевень «Бонадвентура» ударился о песчаный берег. Бросили якорь, спустили паруса, и экипаж бота высадился на сушу.

Не могло быть сомнений в том, что это остров Табор, ибо, судя по последним картам, иного острова между Новой Зеландией и побережьем Америки в Тихом океане не существовало.

Судно крепко пришвартовали, чтобы его не унес отлив. Затем Пенкроф и оба его товарища, хорошенько вооружившись, направились к холму конической формы, который возвышался футов на двести пятьдесят — триста над уровнем моря, в полумиле от берега.

— Осмотрим островок с вершины горки и полу-

чим о нем общее представление, а это облегчит нам поиски, — заметил Гедеон Спилет.

— Так сделал мистер Смит на острове Линкольна, взобравшись на гору Франклина! — воскликнул Герберт.

— Именно так, — подтвердил журналист, — с этого и надо начать!

Друзья, беседуя, шли по лугу, доходившему до подножия холма. Над ними кружились стая скалистых голубей и морских ласточек, таких же, как на острове Линкольна. Слева тянулся лес, и оттуда доносился треск сучьев; путники увидали, как заколыхалась трава, — вероятно, почуяв их, разбежались какие-то пугливые зверьки; однако ничто не указывало на присутствие человека.

Колонисты дошли до подножия холма, мигом взобрались на него и осмотрели окрестности.

Они попали на островок, имевший форму удлиненного овала; размеры его не превышали шести миль в окружности, а ровная линия берега почти не была изрезана мысами, бухтами и заливами. Вокруг, сливаясь с горизонтом, расстилалась водная пустыня. Ни земли, ни паруса не было видно.

Островок сплошь был покрыт лесами, не то что остров Линкольна, безводный и дикий в од-

ной части и только в другой — плодородный и богатый растительностью. Над ровным ковром зелени возвышались два-три невысоких холма. Ручей, бежавший по обширному лугу, пересекал наискось остров и впадал в море на западном берегу, слегка расширяясь в устье.

— Да, маловаты владения, — заметил Герберт.

— Маловаты, — отозвался Пенкроф, — нам тут негде было бы разгуляться.

— И к тому же, — добавил журналист, — островок, очевидно, необитаем.

— Действительно, — согласился Герберт, — ничто не указывает на присутствие человека.

— Спустимся, — предложил Пенкроф, — и поспешим на поиски.

Моряк и его товарищи вернулись на берег, к стоянке «Бонадвентура». Они решили обойти пешком побережье, а потом углубиться в лес. Таким образом они исследуют весь остров.

Идти по берегу было легко, только кое-где возвышались скалы, но колонисты их обходили; они держали путь к югу, вспугивая водяных птиц и стада тюленей, которые бросались в море, еще издали заметив людей.

— Животные не впервые видят человека, — сказал журналист. — Они боятся нас, значит, люди

им знакомы.

Через час трое друзей добрались до южного берега, заканчивающегося острым мысом, потом повернули к северу, идя вдоль западного берега, тоже покрытого песком и скалами и окаймленного густым лесом.

Они обошли все побережье за четыре часа и нигде не обнаружили жилья, нигде не приметили следа человеческой ноги.

Это было поразительно. Казалось, что остров Табор вообще необитаем или что тут уже давно никто не живет. Быть может, кто-то написал записку несколько месяцев или даже лет тому назад, — значит, потерпевший кораблекрушение либо вернулся на родину, либо умер от лишений.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт, строя всяческие предположения, наспех пообедали на боте — они торопились вновь пуститься в путь, чтобы исследовать остров до наступления темноты.

И вот в пять часов вечера они углубились в лесную чащу.

Друзья вспугнули каких-то животных, разбежавшихся врассыпную: оказалось, что это козы и свиньи, явно напоминавшие европейских. По всей вероятности, их сюда случайно завезло

китобойное судно, и они быстро размножились. Герберт решил во что бы то ни стало поймать несколько самок и самцов и отвезти их на остров Линкольна.

Сомнений не оставалось — на островке побывали люди. Путники убедились в этом, войдя в лес: там валялись стволы деревьев, срубленных топором, и повсюду виднелись следы борьбы человека с природой; правда, стволы почти сгнили, ибо были срублены много лет назад, отметины, сделанные топором, замшели, а тропинки заросли такой густой и высокой травой, что их трудно было отыскать.

— Очевидно, — сказал Гедеон Спилет, — люди не только высадились здесь, но даже некоторое время жили. Что же это были за люди? Сколько их было? Сколько осталось?

— В записке говорится лишь об одном человеке, — заметил Герберт.

— Быть не может, чтобы мы его не отыскали! — воскликнул Пенкроф.

Итак, поиски продолжались. Моряк и его друзья пошли по дороге, наискось пересекавшей островок, и она привели их к речке, впадающей в океан.

Не только животные, вывезенные из Европы,

не только следы топора, но и растения, встречающиеся здесь, неоспоримо доказывали, что человек побывал на острове. Кое-где на полянках, в давние времена, очевидно, были разбиты грядки.

Герберт очень обрадовался, когда обнаружил картофель, морковь, капусту, репу: ведь если собрать клубни и семена, можно и на острове Линкольна развести все эти овощи!

— Вот хорошо! — воскликнул Пенкроф. — Набу пригодится, да и нам тоже! Пусть не найдем потерпевшего крушение, все равно не зря попутешествовали, господь нас вознаградил.

— Все это так, — возразил Гедеон Спилет, — но раз огороды в таком запустении, значит, на острове давным-давно никто не живет.

— Верно, — согласился Герберт, — кто бы стал пренебрегать овощами!

— Что тут и толковать, сразу видно, что потерпевший кораблекрушение покинул остров! — добавил Пенкроф.

— По-вашему, записка написана очень давно?

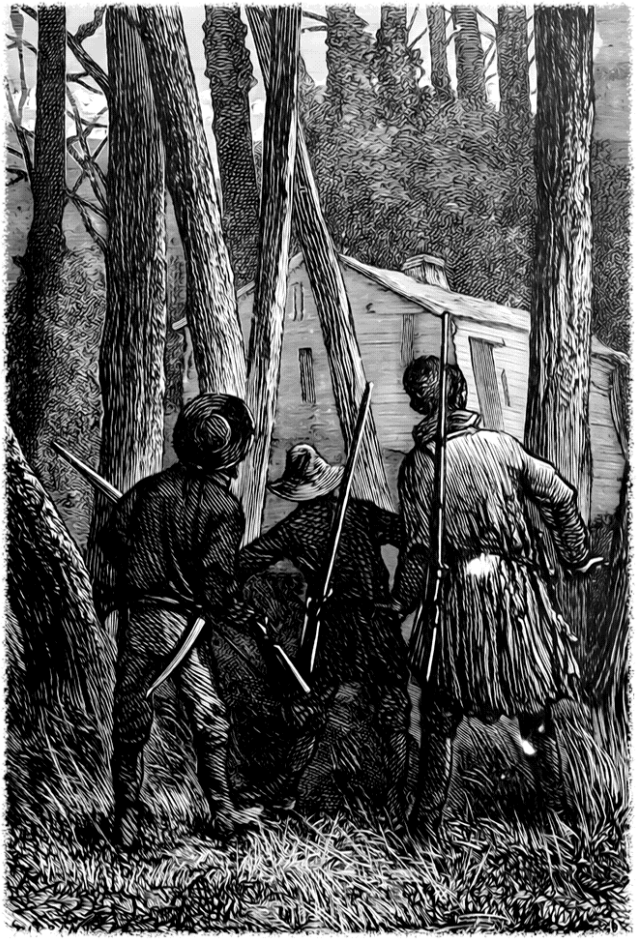
— Разумеется.

— И бутылка долго плавала по морю, пока ее не выбросило на остров Линкольна?

— Что же тут особенного? — ответил Пенкроф

и добавил: — Уже темнеет, пора прекратить поиски.

— Вернемся на судно, а завтра все начнем сызнова, — предложил журналист.



Совет был мудрый, и все собрались ему последовать, как вдруг Герберт воскликнул, указывая на какое-то сооружение, темневшее между деревьями:

— Хижина!

И трое друзей тотчас же поспешили к хижине. В сумерках можно было разглядеть, что она построена из досок и покрыта толстой просмоленной парусиной.

Пенкроф распахнул полуоткрытую дверь и вбежал в хижину.

Там было пусто!

ГЛАВА XIV

Опись вещей. — Ночь. — Несколько букв. — Поиски продолжаются. — Растения и животные. — Герберт избежал гибели. — На борту. — Отплытие. — Непогода. — Привычка сказывается. — Затеряны в море. — Спасительный свет

Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет молча стояли в темной хижине.

Пенкроф громко окликнул хозяина.

Ответа не последовало.

Тогда моряк высек огонь и зажег сухую ветку;

свет на миг озарил каморку, и она показалась путникам нежилой. В очаге, сложенном из необтесанных камней, виднелась зола, а на ней — охапка хвороста. Пенкроф бросил туда горящую ветку, хворост затрещал, и яркое пламя осветило хижину.

И тут друзья заметили кровать, покрытую отсыревшими, пожелтевшими одеялами, — очевидно, ею уже давно никто не пользовался; у очага валялись два ржавых котелка и опрокинутая миска; в шкафу висела кое-какая матросская одежда, покрытая плесенью; на столе виднелись оловянные тарелки и Библия, позеленевшая от сырости; в углу лежали инструменты — лопата, кирка мотыга и два охотничьих ружья, причем одно было сломано; на полке стояли бочонок с порохом, бочонок с дробью и несколько коробок с капсюлями; все было покрыто густым слоем пыли, накопившейся, быть может, за долгие годы.

— Никого нет, — наконец произнес журналист.

— Никого! — подтвердил Пенкроф.

— Тут давно никто не живет, — заметил Герберт.

— О да, очень давно, — ответил журналист.

— А не переночевать ли нам в хижине, мистер Спилет? — предложил Пенкроф.

— Согласен, Пенкроф, — ответил Гедеон Спилет, если хозяин и придет, он, право, не рассердится на непрошеных гостей.

— Хозяин не придет! — сказал моряк, качая головой.

— По-вашему, он уехал? — спросил журналист.

— Нет, если бы уехал, захватил бы оружие и инструменты, — ответил Пенкроф. — Ведь вы знаете, как дорожит человек вещами, которые вместе с ним уцелели при кораблекрушении. Да нет же, нет, — повторил моряк с глубокий убеждением, — он не покинул острова. Если он смастерив лодку и пустился на ней в путь, он ни за что не оставил самых необходимых вещей! Нет, он на острове!

— И он жив? — спросил Герберт.

— Может быть, жив, а может быть, умер. А если и умер, то ведь не зарыл же он сам себя, — ответил Пенкроф, — стало быть, мы найдем его останки.

Итак, друзья решили провести ночь в покинутой хижине; они жарко натопили ее, благо дров было припасено достаточно. Закрыв дверь, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет уселись на скамью; они были погружены в свои думы и лишь изредка перебрасывались словами. В таком расположении духа человек строит всяческие

догадки и готов ко всяческим неожиданностям; они жадно ловили звуки, доносившиеся из леса. И если бы дверь вдруг распахнулась и кто-нибудь вошел, они ничуть не удивились бы, хотя домик и был заброшен; они от всей души пожали бы руку человека, потерпевшего кораблекрушение, — неизвестного, которого ждали, как друга.

Но они так и не услышали шума шагов, дверь так и не отворилась, а время текло.

Какой же длинной показалась ночь моряку и его спутникам! Герберт, правда, проспал часа два, ибо в его возрасте сон необходим. Всем троим хотелось поскорее снова приняться за поиски и осмотреть все укромные уголки острова. Разумеется, Пенкроф сделал правильные выводы, и можно было с уверенностью сказать, глядя на покинутую хижину и уцелевшие в ней инструменты, утварь и оружие, что человек, живший здесь, погиб. Поэтому было решено разыскать его останки и похоронить их по христианскому обычаю.

Рассвело. Пенкроф и его товарищи тотчас же начали осматривать хижину.

Место для нее было выбрано очень удачно, у подножия холма, под сенью пяти-шести великолепных камедных деревьев. Перед фасадом

была прорублена широкая просека, хорошо было видно море. Лужайка, обнесенная почти развалившейся деревянной изгородью, спускалась к берегу, а слева от нее в море впадал ручей.

Хижина была построена из досок, по всей вероятности, из обшивки корпуса или палубы какого-то судна. Разбитое судно было, очевидно, выброшено на островок, кто-нибудь спасся и, раздобыв инструменты, построил хижину из обломков корабля.

Никаких сомнений не осталось, когда Гедеон Спилет, обойдя вокруг хижины, заметил на одной из досок — вероятно, бывшего фальшборта — такие, почти стершиеся буквы:

«Б…тан…я».

— «Британия»! — закричал моряк, которого подозвал журналист. — Так часто называют корабли, и я, право, не знаю, американское или английское было это судно.

— Это неважно, Пенкроф!

— Неважно, что и говорить, — согласился Пенкроф, — если моряк еще жив, мы спасем его, откуда бы он ни был родом. Но пока мы не возобновили поиски, навестим-ка «Бонадвентур».

Пенкроф стал беспокоиться о своем судне. А

что, если на острове живут люди и кто-либо из его обитателей завладел ботом? Но он сам пожал плечами, сделав такое невероятное предположение.

К тому же он охотно бы позавтракал на борту «Бонадвентура». Дорожка, ведущая к берегу, была не длинна — самое большее с милю. Итак, все направились к боту, по дороге заглядывая в лес и заросли кустарника, куда убегали целые стада коз и свиней.

Через двадцать минут они вновь увидели восточный берег острова и свой бот, державшийся на якоре, глубоко засевшем в песке.

Пенкроф облегченно вздохнул. Ведь судно было его детищем, а отцы имеют право поддаваться тревоге, не внимая голосу разума. Путники поднялись на судно и плотно позавтракали, чтобы не проголодаться до обеда, иными словами — до позднего вечера; покончив с едою, они снова отправились на остров и исследовали его самыми тщательным образом.

Вероятнее всего, единственный обитатель острова погиб. Поэтому Пенкроф и его товарищи искали, пожалуй, не человека, а его останки. Но все поиски были тщетны: полдня друзья без толку бродили по лесам, покрывающим островок. Они пришли к выводу, что потерпевший кораб-

лекрушение умер и от него не осталось ни следа: очевидно, хищные звери пожрали труп.

— Отправимся в обратный путь с рассветом, — сказали Пенкроф спутникам, когда около двух часов дня все расположились на отдых в тени под соснами.

— Думаю, — заметил Герберт, — что мы без угрызения совести можем увезти утварь, оружие и инструменты принадлежавшие хозяину хижины. Не правда ли?

— Согласен, — ответил Гедеон Спилет, — все это нам пригодится. Если не ошибаюсь, в хижине немалые запасы пороха и дроби.

— Да, — проговорил Пенкроф, — не забыть бы прихватить парочку свиней, ведь их у нас на острове Линкольна нет…

— И собрать семена, — добавил Герберт, — будут нас тогда все овощи и Старого и Нового Света.

— А не пожить ли нам еще денек на острове Табор: перетащили бы на судно все, что может нам понадобиться, — заметил журналист.

— Ну нет, мистер Спилет, — воспротивился Пенкроф, — прошу вас — уедем завтра же с самого утра. По-моему, ветер меняет направление и начинает дуть с запада; нас сюда подгонял попут-

ный ветер, с попутным будем и возвращаться.

— Значит, не стоит терять времени! — воскликнул Герберт, вскакивая.

— Да, не стоит, — повторил Пенкроф. — Займись сбором семян, в них ты разбираешься получше нашего, а мы с мистером Спилетом поохотимся на свиней; надеюсь, нам удастся поймать несколько штук даже без Топа.

Герберт пошел по дорожке, ведущей к полям и огородам, а моряк с журналистом углубились в лес.

Тут водились свиньи самых различных пород; но на редкость проворные животные и не думали подпускать к себе людей и разбегались в разные стороны. Через полчаса охотникам все же удалось поймать среди густых зарослей самца и самку, как вдруг в нескольких сотнях шагов к северу раздались крики. Крикам вторило какое-то страшное звериное рычание.

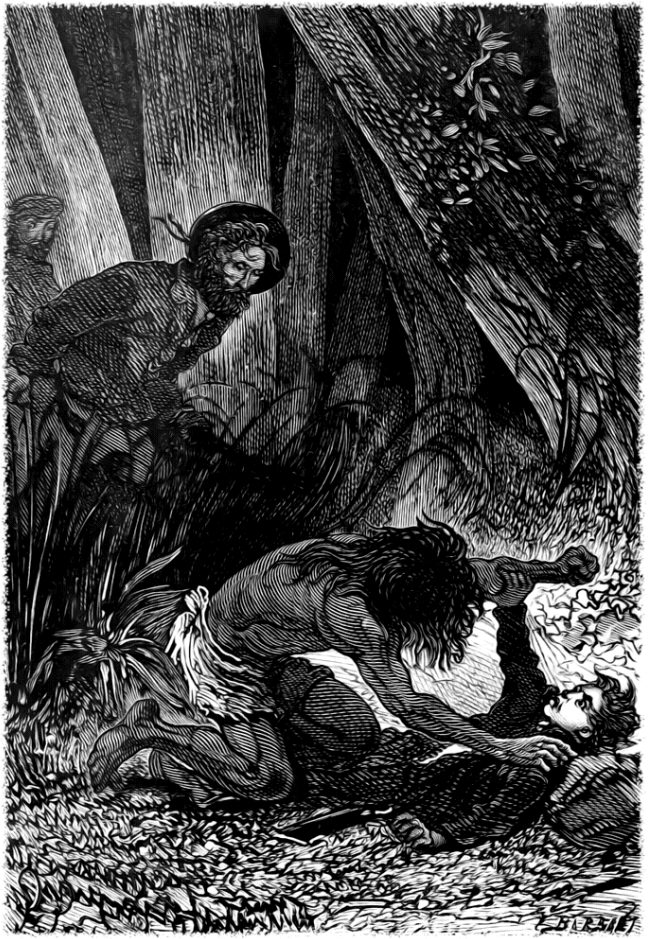
Пенкроф и Гедеон Спилет выпрямились и стали прислушиваться; свиньи, которых моряк не успел связать, разбежались.

— Да это голос Герберта! — воскликнул журналист.

— Бежим! — закричал Пенкроф.

И оба со всех ног побежали к тому месту, откуда

доносились крики.



Спешили они не напрасно: когда дорожка, повернув, вывела их на поляну, они увидели, что какой-то дикий зверь, очевидно огромная обезьяна, душит юношу, повалив его на землю.

Пенкроф и Гедеон Спилет с быстротой молнии бросились на чудовище, сбили с ног и, освободив из его лап Герберта, прижали к земле. Моряк был могуч, как Геркулес, журналист тоже отличался немалой силой, и хоть пленник сопротивлялся, его связали так крепко, что он не мог пошевельнуться.

— Ты цел и невредим, Герберт? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, да.

— Попробовала бы эта обезьяна растерзать тебя!.. — с угрозой воскликнул Пенкроф.

— Да это не обезьяна! — возразил Герберт.

При этих словах Пенкроф и Гедеон Спилет взглянули на странное существо, лежавшее на земле.

Действительно, то не была обезьяна. Это было человеческое существо, — то был человек! Но какой человек! Дикарь в самом ужасном смысле этого слова, тем более страшный оттого, что дошел он до последней степени одичания.

Взъерошенные волосы, грязная борода, сви-

савшая на грудь, вместо одежды — набедренная повязка, какой-то рваный лоскут, блуждающие глаза, огромные руки с непомерно длинными ногтями, кожа на лице темная, под стать черному дереву, ступни заскорузлые, будто роговые. Вот какой был облик у жалкого создания, именуемого, однако, человеком. И невольно возникал вопрос: сохранилась ли душа у этого существа, или же уцелели одни только животные инстинкты?

— А вы уверены, что это человек или что он бы когда-то человеком? — спросил Пенкроф журналиста.

— Увы! Сомнений тут быть не может, — ответил журналист.

— Так это и есть потерпевший кораблекрушение? — воскликнул Герберт.

— Да, — подтвердил Гедеон Спилет, — но несчастный потерял человеческий облик!

Журналист был прав. И всем стало ясно, что если пленник и был прежде разумным существом, одиночество превратило его в зверя, а не просто в дикаря. Он рычал, ощерив зубы, острые, как у хищников, и словно созданные, чтобы разгрызать сырое мясо. Должно быть, он уже давным-давно позабыл, кто он такой, отвык пользоваться инструментами, оружием, разучился добывать

огонь. Он был ловок, статен, но, очевидно, эти физические качества развились в нем в ущерб качествам умственным.

Гедеон Спилет заговорил с ним. Но он, казалось, ничего не понял и как будто даже не услышал… И, однако, взглянув повнимательнее ему в глаза, журналист увидел, что разум этого существа еще не вполне угас.

А между тем пленник не отбивался и не пытался порвать веревки, связывающие его. Быть может, он смирился, увидев людей, увидев себе подобных? Или какое-нибудь мимолетное воспоминание заставило его почувствовать, что он вновь стал человеком? Убежал бы он или остался, если бы его освободили? Неизвестно; но колонисты и не собирались его освобождать; посмотрев с величайшим вниманием на несчастного, Гедеон Спилет сказал:

— Кем бы он ни был, чем бы ни занимался в прошлом и что бы с ним ни случилось в будущем, наш долг — отвезти его на остров Линкольна!

— О конечно, — подхватил Герберт, — и быть может, нам удастся, окружив несчастного заботами, пробудить его разум!

— Душа не умирает, — сказал журналист, — и мы будем вознаграждены сторицей, если про-

светлим разум божьего создания.

Пенкроф с сомнением покачал головой.

— Во всяком случае, следует попытаться, — продолжал журналист, — хотя бы из чувства человеколюбия.

Действительно, таков был долг каждого человека и христианина. Все трое понимали это и хорошо знали, что Сайрес Смит одобрит их поступок.

— Что ж, не будем его развязывать? — спросил моряк.

— Быть может, он пойдет с нами, если развязать ему ноги? — предложил Герберт.

— Попробуем! — согласился Пенкроф.

И они разрезали веревки, мешавшие пленнику идти, руки же у него по-прежнему были крепко связаны. Он встал и даже не попытался убежать. Его острый взгляд следил за тремя людьми, которые шли рядом, но, по-видимому, неизвестный так и не вспомнил, что он сам — человек или что по крайней мере прежде был человеком. Пленник тяжело дышал, вид у него был угрюмый, но он не сопротивлялся.

По совету журналиста, пленника повели в хижину. Колонисты надеялись, что сознание его прояснится, когда он увидит свои вещи. Быть

может, достаточно искорки, чтобы пробудить его затемненный разум, чтобы воскресить угасшую душу.

До хижины было недалеко. Путники очутились там через несколько минут; пленник, казалось, попал в незнакомые места, он словно не сознавал, что пришел домой!

Уже по одному тому, насколько одичал несчастный, можно было судить, что он давно живет на островке, превратившемся для него в тюрьму, что, попав сюда разумным человеком, он под влиянием одиночества потерял рассудок.

Журналист решил попытать, не подействует ли на пленника огонь, и тотчас же яркое пламя, которое привлекает даже животных, вспыхнуло в очаге.

Сначала пламя как будто приковало внимание несчастного, но немного погодя он отошел от очага, его взгляд потускнел и снова стал бессмысленным.

Да, очевидно, одно только и оставалось — отвести пленника на борт «Бонадвентура»; колонисты так и поступили, и караулить его вызвался Пенкроф.

Герберт и Гедеон Спилет отправились на берег, чтобы завершить начатое дело, и спустя

несколько часов вернулись с утварью и оружием, с запасом огородных семян, дичью и свиньями. Они погрузили все это на судно; «Бонадвентур» готовился сняться с якоря утром, как только начнется прилив.

Пленника поместили в каюту на носу, и он сидел там спокойно, молча, словно глухонемой.

Пенкроф предложил ему поесть, но он оттолкнул вареное мясо, от которого, конечно, уже отвык. И действительно, как только моряк поднес ему утку, подстреленную Гербертом, он набросился на нее и съел жадно, как зверь.

— Неужто вы думаете, что ум его прояснится? — спросил Пенкроф, с сомнением покачав головой.

— Допускаю, — ответил журналист, — благодаря нашим заботам, ибо он стал таким от одиночества, а отныне он не будет одинок.

— Очевидно, бедняга уже давно утратил всякое человеческое подобие, — заметил Герберт.

— Допускаю, — вновь сказал Гедеон Спилет.

— Сколько же ему лет? — спросил юноша.

— Трудно определить, — ответил журналист, — ведь лицо у него скрыто густой бородой, но он не молод: думаю, что ему по крайней мере пятьдесят лет.

— Заметили ли вы, мистер Спилет, как запали

у него глаза? — спросил юноша.

— Да, Герберт, и должен добавить, что в глазах у него светится мысль, хотя по его внешности и не скажешь, что он разумное существо.

— Ну, там посмотрим, — произнес Пенкроф. — А любопытно, как отнесется Сайрес Смит к нашему дикарю. Поехали за человеком, а привезли страшилище. Ничего не поделаешь!

Ночь прошла; спал ли пленник, бодрствовал ли, было неизвестно, во всяком случае, он не двигался, хотя его и развязали. Он напоминал хищного зверя, которого неволя сначала подавляет, а потом приводит в ярость.

Ранним утром 15 октября, как и предвидел Пенкроф, погода изменилась: подул северо-западный ветер, благоприятный для «Бонадвентура», но море разбушевалось, что предвещало трудное плавание.

В пять часов утра снялись с якоря. Пенкроф зарифил грот и взял курс на восток-северо-восток, направляясь к острову Линкольна.

В первый день плавания не случилось ничего примечательного. Пленник притих у себя в каюте, на носу судна, — ведь он был моряком, поэтому волнение на море, очевидно, оказывало на него благотворное действие. Быть может, он

вспоминал службу на корабле? Во всяком случае, он вел себя смирно и, казалось, был скорее удивлен, чем подавлен.

На другой день, 16 октября, ветер усилился, подул почти с севера, что не благоприятствовало «Бонадвентуру». Волны швыряли бот. Пенкрофу пришлось держать судно еще круче к ветру; волны с яростью обрушивались на нос бота, и моряк был встревожен, хотя не говорил этом спутникам. Было ясно, что если ветер не изменится, то до острова Линкольна придется плыть дольше, чем они плыли до острова Табор.

Действительно, 17 октября утром минуло двое суток с того часа, как «Бонадвентур» вышел в море, а ничто не указывало на близость острова. Впрочем, было невозможно рассчитать, сколько миль они прошли, так как и направление и скорость все время менялись.

Минули еще сутки, а земля все не появлялась. Дул восточный ветер, и море бушевало. То и дело приходилось маневрировать парусами бота, который заливало волнами, брать рифы, часто менять курсы, идя короткими галсами. Случилось, что 18 октября «Бонадвентур» целиком накрыла волна, и если бы мореплаватели заранее, из предосторожности, не привязали себя на

палубе, их смыло бы волной.

Пенкроф и его товарищи буквально сбились с ног, но тут им неожиданно помог пленник; он выскочил из люка, словно в нем заговорил инстинкт моряка, и могучим ударом вымбовки пробил фальшборт, чтобы сошла вода, залившая палубу; а когда бот освободился от лишнего груза, пленник, не произнеся ни слова, спустился к себе в каюту.

Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет, застыв от изумления, предоставили ему свободу действий.

Однако они попали в трудную переделку; моряк опасался, что они затерялись в безбрежном море, что им не доплыть до острова!

Ночь с 18 на 19 октября выдалась темной и холодной. Но около одиннадцати часов ветер стих, волнение улеглось, «Бонадвентур» уже не так швыряло, скорость хода увеличилась. В общем, бот превосходно выдержал бурю.

Ни Пенкроф, ни Гедеон Спилет, ни Герберт не сомкнули глаз. Они бодрствовали и с напряженным вниманием всматривались в море: если остров Линкольна неподалеку, он откроется на рассвете, если же «Бонадвентур» отнесло течением и ветром, то будет почти невозможно определить правильный курс.

Пенкроф, чрезвычайно встревоженный, однако, не унывал, ибо он был закален и душа у него была стойкая; управляя рулем, он всматривался в густой мрак, окружавший суденышко.

BONADVENTURE

Около двух часов ночи он вдруг вскочил с криком:

— Огонь! Огонь!

И действительно, яркий сноп света показался в двадцати милях от них, в северо-восточном направлении. Там, на острове Линкольна, пылал яркий костер, очевидно разведенный Сайресом Смитом, и указывал им путь.

Бот отклонился далеко к северу; Пенкроф взял курс на огонь, блестевший на горизонте, как звезда первой величины.

ГЛАВА XV

Возвращение. — Спор. — Сайрес Смит и неизвестный. — Порт Воздушного шара. — Третья жатва. — Ветряная мельница. — Мука и хлев. — Самоотверженность инженера. — Испытание. — Слезы

На другой день, 20 октября, в семь часов утра, после четырехдневного плавания «Бонадвентур» осторожно причалил к берегу в устье реки Благодарения.

Сайрес Смит и Наб, встревоженные непогодой и долгими отсутствием друзей, с самой зари поднялись на плато Кругозора и, наконец, увидали

долгожданный «Бонадвентур».

— Слава богу, они вернулись! — воскликнул Сайрес Смит.

А Наб от радости пустился плясать, закружился, хлопая в ладоши и громко повторяя:

— Ах, хозяин, хозяин!

И эта пантомима была трогательнее всяких пышных речей!

Сначала инженер, сосчитав людей на палубе «Бонадвентура», решил, что Пенкроф не разыскал на острове Табор человека, потерпевшего кораблекрушение, или что несчастный отказался расстаться со своим островком и сменить одну тюрьму на другую.

И действительно, на палубе стояли только трое: Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет.

Когда судно причалило, инженер и Наб уже ждал друзей на берегу, и не успели путешественники ступить на землю, как Сайрес Смит сказал:

— Мы очень тревожились за вас, друзья мои, вы запоздали! Не случилось ли с вами какой-нибудь беды?

— Нет, — ответил Гедеон Спилет, — напротив, все вполне благополучно. Сейчас все вам расскажем.

— Однако вам не удалось никого найти; вы

втроем уехали, втроем и вернулись.

— Прошу прощения, мистер Сайрес, — возразил моряк, — нас четверо.

— Вы нашли потерпевшего кораблекрушение?

— Да.

— И вы его привезли?

— Да.

— И он жив?

— Да.

— Где же он? Кто он такой?

— Он — человек, или, вернее, когда-то был человеком! — произнес Гедеон Спилет. — Вот и все, Сайрес, что мы можем вам сказать!

И друзья тотчас же поведали инженеру обо всем, что приключилось с ними во время путешествия. Рассказали о своих поисках, о том, как обнаружили на островке одну-единственную хижину, давным-давно покинутую, как, наконец, попался в плен потерпевший кораблекрушение, который, казалось, не принадлежал более к роду человеческому.

— Никак не пойму, хорошо ли мы поступили, что привезли его сюда?

— Конечно, хорошо, Пенкроф, — живо отозвался инженер.

— Но это же умалишенный!

— Допускаю, однако всего несколько месяцев назад он был таким же человеком, как мы с вами. Кто знает, что случится с тем из нас, кто, пережив друзей, останется в одиночестве на этом острове? Горе тому, кто одинок, друзья мои, и, надо полагать, одиночество быстро доводит человека до безумия, если бедняга впал в такое состояние.

— Но, мистер Сайрес, — воскликнул Герберт, — почему же вы думаете, что несчастный одичал всего лишь несколько месяцев тому назад?

— Потому что записка, найденная нами, написана недавно, а написать ее мог только он, — ответил Сайрес Смит.

— Или его товарищ, ныне умерший, — вставил Гедеон Спилет.

— Это невозможно, любезный Спилет.

— Почему же? — спросил журналист.

— А потому, что в записке упоминались бы два лица, — пояснил Сайрес, — в ней же говорится лишь об одном.

Герберт в нескольких словах рассказал о том, что случилось на обратном пути, как к пленнику вернулся разум в тот миг, когда бешеный шквал словно пробудил в нем моряка; юноша обратил особое внимание Сайреса Смита на этот любопытный факт.

— Да, Герберт, — ответил инженер, — ты прав, придавая большое значение этому факту. Несчастного можно излечить, ибо он лишился разума, поддавшись отчаянию. Теперь же он будет жить среди людей, и раз в нем еще есть душа, мы исцелим его.

Пленника, привезенного с острова Табор, на которого с глубоким состраданием смотрел инженер и с величайшим удивлением Наб, вывели из каюты, находившейся на носу судна; ступив на землю, он попытался вырваться и убежать.

FERAT
CH. BARBIER

Но Сайрес Смит подошел к нему и, властным жестом положив ему руку на плечо, посмотрел на него с неизъяснимой добротой. И несчастный, слово подчиняясь какой-то силе, затих, опустил глаза, поник головой и перестал сопротивляться.

— Бедный, всеми покинутый человек! — прошептал инженер.

Сайрес Смит внимательно наблюдал за пленником. Судя по наружности, в жалком этом существе не осталось ничего человеческого, но Сайреса Смита, так же как перед этим и Гедеона Спилета, поразил какой-то неуловимый проблеск мысли в его глазах.

Было решено поселить пленника, или неизвестного, как с отныне стали называть его новые товарищи, в одной из комнат Гранитного дворца, откуда он не мог убежать. Пленник, не сопротивляясь, вошел в свое новое жилище, поэтому поселенцы острова Линкольна стали надеяться, что, окружив его заботой, они в один прекрасный день приобретут еще одного товарища.

За завтраком, который Наб приготовил на скорую руку, потому что журналист, Герберт и Пенкроф умирали от голода, Сайрес Смит попросил подробно рассказать ему обо всем, что приключилось с ними во время путешествия.

Он согласился с друзьями, что неизвестный — очевидно, англичанин или американец: само название «Британия» говорило за себя, к тому же Сайрес Смит не сомневался, что, несмотря на косматую бороду и всклокоченные волосы, распознал в лице незнакомца черты, характерные для англосакса.

— Да, кстати, — сказал Гедеон Спилет, обращаясь к Герберту, — ты и не рассказал нам о встрече с этим дикарем. И мы знаем лишь одно, что он задушил бы тебя, не подоспей мы вовремя к тебе на помощь!

— Право же, — ответил Герберт, — мне трудно рассказать о том, что случилось. Я, помнится, собирал растения, когда услышал грохот, будто что-то обрушилось с вершины дерева… Не успел я обернуться, как этот несчастный — а он, очевидно, притаился в ветвях — бросился на меня с быстротой молнии, и, не будь мистера Гедеона и Пенкрофа, я…

— Дружок, — произнес Сайрес Смит, — ты подвергался смертельной опасности, но иначе вы не нашли бы беднягу и у нас не было бы нового товарища.

— Значит, вы надеетесь, Сайрес, что вам удастся сделать его человеком? — спросил журналист.

— Надеюсь, — подтвердил инженер.

Позавтракав, Сайрес Смит и его товарищи вышли из дому и отправились на берег. Они разгрузили «Бонадвентур», и инженер, осмотрев оружие и инструменты, не обнаружил ничего такого, что помогло бы ему установить личность неизвестного.

Свиньи, привезенные с островка, были встречены с одобрением, — они обогатили хозяйство колонии острова Линкольна; животных отвели в хлев, и, конечно, они должны были скоро привыкнуть к новому месту.

Инженер похвалил друзей за то, что они привезли бочонок с порохом и бочонок с дробью, а также ящики с капсюлями. Колонисты задумали устроить маленький пороховой погреб около Гранитного дворца или же в верхней пещере. Тогда не страшен будет никакой взрыв.

Однако все же было решено по-прежнему пользоваться пироксилином, потому что применение этого вещества давало отличные результаты и не стоило заменять его порохом.

Когда судно разгрузили, Пенкроф сказал инженеру:

— По-моему, мистер Сайрес, наш бот нужно держать в более надежном месте.

— А вы считаете, что стоянка возле устья реки Благодарения не годится? — спросил Сайрес Смит.

— Не годится, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Во время отлива бот стоит на песке, а это ему вредит. Видите ли, бот у нас отменный. Он превосходно справился с бурей, которая нас изрядно потрепала на обратном пути.

— А не держать ли его в устье реки?

— Конечно, можно и там держать, но устье не защищено от восточного ветра, и я боюсь, как бы волны не повредили «Бонадвентуру».

— Где же вы думаете поставить бот, Пенкроф?

— В порту Воздушного шара, — ответил моряк. — На мой взгляд, этот маленький залив, защищенный скалами именно то, что нам нужно.

— Не далековато ли?

— Что вы! Да он всего лишь в трех милях от Гранитного дворца, и туда проложена превосходная прямая дорога!

— Действуйте, Пенкроф, ведите туда «Бонадвентур», — согласился инженер, — хотя я предпочел бы, чтобы он был поближе к нам. На досуге оборудуем для него порт.

— Вот это славно! — воскликнул Пенкроф. —

Порт с маяком, молом и сухим доком! Ей-богу, мистер Смит, с вами из любого затруднения выйдешь!

— Да, дружище, только с вашей помощью, потому что три четверти всех работ выполняете вы!

И вот Герберт и моряк отправились на судно, снялись с якоря, подняли парус и, подгоняемые попутным ветром, быстро пошли к мысу Коготь. Часа через два «Бонадвентур» уже стоял в тихом порту Воздушного шара.

Можно ли было сказать, наблюдая за тем, как ведет себя неизвестный в первые дни пребывания в Гранитном дворце, что его нелюдимый характер смягчился? Прояснилось ли его сознание? Воспрянул ли он душой? Да, без сомнения, и это было настолько очевидно, что Сайрес Смит и журналист начали думать, что вряд ли разум несчастного совсем омрачен.

Вначале на неизвестного, привыкшего к вольному простору и той безудержной свободе, которой он пользовался на острове Табор, находили приступы глухой ярости, и колонисты боялись, как бы он не выбросился из окна Гранитного дворца. Но мало-помалу он смирился, и ему предоставили больше свободы.

У поселенцев появилась надежда. Неизвестный

отрешился от своих кровожадных инстинктов; он больше не ел сырое мясо, которым питался на островке, а вареное мясо не вызывало в нем отвращения, как вначале, на борту «Бонадвентура».

Однажды Сайрес Смит, воспользовавшись тем, что неизвестный заснул, подстриг гриву косматых волос и длинную бороду, которые придавали ему такой устрашающий вид. Инженер надел на него более подобающую одежду вместо того лоскута, который он носил. И вот, наконец, в лице неизвестного, окруженного заботой, появилось нечто человеческое и взгляд его, казалось, смягчился. Должно быть, прежде, когда в глазах его светилась мысль, он был просто красив.

Сайрес Смит поставил себе за правило ежедневно проводить несколько часов в его обществе. Он приходил в комнату к неизвестному с работой и всеми силами старался чем-нибудь его заинтересовать. Инженер надеялся, что проблеск мысли озарит его темную душу, какое-нибудь воспоминание вернет к сознательной жизни. Ведь случилось же это на борту «Бонадвентура» во время бури.

Инженер рассказывал ему о чем-нибудь, стараясь разбудить его дремлющий ум, заставляя

незнакомца прислушиваться и приглядываться. Иногда в комнату входил то один, то другой колонист, порой друзья собирались все вместе. Чаще всего они говорили о мореходстве — о том, что ближе всего любому моряку. Порой неизвестный как будто вслушивался в речи колонистов, и друзья скоро пришли к убеждению, что он кое-что понимает. Иногда они подмечали у него на лице скорбное выражение, говорившее о душевных страданиях, ибо трудно было предположить, что он притворяется; но несчастный молчал, хотя не раз им чудилось, что слова готовы сорваться с его уст…

Он хранил какое-то печальное спокойствие. Но не было ли его спокойствие кажущимся? Не тосковал ли он в неволе? Трудно было сказать. А может быть, он постепенно менялся к лучшему, ведь это было так естественно. Он попал в тесный круг друзей, в спокойную обстановку, жил в полном довольстве, постоянно общался с колонистами, к которым в конце концов привык, всегда был сыт и тепло одет. Но облагородила ли его новая жизнь, которую он теперь вел, или же, и это слово здесь уместнее, его попросту удалось приручить? Вот в чем был вопрос, и Сайресу Смиту хотелось поскорее разрешить свои сомнения,

но он боялся отпугнуть больного, ибо считал его больным! Впрочем, исцелится ли когда-нибудь неизвестный?

Инженер непрестанно наблюдал за ним. Он следил за каждым движением его души, если только это слово можно было применить к неизвестному. Как хотелось Сайресу Смиту постичь эту душу!

Колонисты с искренним волнением следили за тем, как протекало лечение, предпринятое Сайресом Смитом. Они старались помочь ему в этом деле, продиктованном человеколюбием, и все, за исключением, пожалуй, одного маловера Пенкрофа, надеялись, как и Сайрес Смит, на исцеление неизвестного.

Как уже говорилось, незнакомец хранил невозмутимое спокойствие, но все видели, что он по-своему привязался к инженеру. Поэтому Сайрес Смит решил испытать его и, вырвав из привычной обстановки, отпустить на берег океана, прежде расстилавшегося перед его глазами, на опушку леса, который должен был напомнить ему те леса, где он провел столько лет!

— Но, пожалуй, получив свободу, он убежит от нас? — спросил Гедеон Спилет.

— Однако необходимо произвести этот опыт, —

ответил Сайрес Смит.

— Вот увидите, — заметил Пенкроф, — наш красавчик сейчас же улепетнет, как только очутится на вольном воздухе и почует свободу!

— Не думаю, — ответил Сайрес Смит.

— Попробуем, — произнес Гедеон Спилет.

— Попробуем! — повторил инженер.

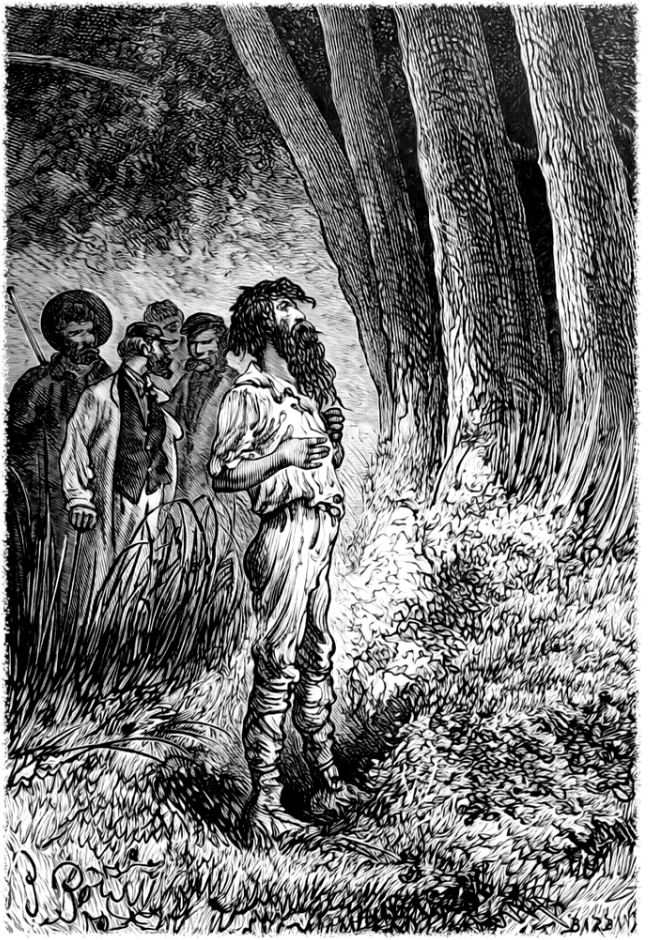
Дело было 30 октября; неизвестный с острова Табор уже девять дней провел в неволе, в Гранитном дворце. Было жарко, и солнечный свет заливал остров.

Когда Сайрес Смит и Пенкроф вошли в комнату, пленник лежал у окна и смотрел на небо.

— Идемте с нами, друг мой! — сказал ему инженер.

Неизвестный вскочил. Пристально посмотрев на Сайреса Смита, он пошел вслед за ним, а моряк, шагая позади, всем своим видом показывал, что ничуть не верит в успех предприятия.

У дверей Сайрес Смит и Пенкроф усадили неизвестного в подъемник, а Наб, Герберт и Гедеон Спилет ждали внизу. Корзина спустилась, и через несколько минут все собрались на берегу.



Колонисты отошли от незнакомца, чтобы не стеснят его.

Он сделал несколько шагов к морю, глаза его возбужденно блестели, но он и не думал убегать. Он смотрел как волны, разбившись об островок, лениво плещут о берег.

— Пока он видит только море, — заметил Гедеон Спилет, — и оно, быть может, не вызывает у него желания убежать.

— Вы правы, — ответил Сайрес Смит, — надо его отвести на плато к опушке леса. Там испытание будет убедительней.

— А ведь бежать-то ему не удастся: мосты разведены, — заметил Наб.

— Как же, — воскликнул Пенкроф, — так он и испугался твоего Глицеринового ручья! Он мигом через него переберется!

— Посмотрим, — только и сказал Сайрес Смит, глядя в глаза своему подопечному.

Колонисты отвели неизвестного к устью реки Благодарения; поднявшись по левому берегу, все вышли на плато Кругозора.

Когда неизвестный очутился на опушке леса и увидел роскошные деревья, листву которых колыхал легкий ветерок, он с упоением стал глотать благоуханный лесной воздух, и глубокий

вздох вырвался из его груди.

Колонисты стояли поодаль и готовы были схватить его при малейшей попытке к побегу.

И действительно, несчастный чуть не бросился в ручей, отделявший от него лес, — мускулы на его ногах на миг напряглись… Но он тотчас же отступил, опустился на землю, и крупная слеза скатилась по его щеке!

— Ты плачешь, — воскликнул Сайрес Смит, — значит, ты снова стал человеком!

ГЛАВА XVI

Необъяснимая тайна. — Первые слова незнакомца. — Двенадцать лет жизни на островке. — Признания. — Исчезновение. — Сайрес Смит не теряет веры. — Постройка ветряной мельницы. — Хлеб испечен. — Преданность. — Рукопожатие честных людей

Да, несчастный плакал! Очевидно, какое-то воспоминание тронуло его душу, и, как сказал Сайрес Смит, слезы пробудили в нем человека.

Колонисты отошли, оставив его на плато, чтобы он я почувствовал себя на свободе, но неизвестный и не думал пользоваться этой свободой,

и Сайрес Смит вскоре отвел его в Гранитный дворец.

Спустя два дня после этой сцены неизвестный как будто стал интересоваться жизнью колонии. Было ясно, что он все слышит, все понимает, но упорно не желает разговаривать с окружающими. Однажды вечером Пенкроф, приложив ухо к двери его комнаты, услышал, как он бормочет:

— Нет, только не им!

Моряк передал его слова товарищам.

— Тут кроется какая-то печальная тайна, — проговорил Сайрес Смит.

И вот, наконец, неизвестный взялся за работу — он начал вскапывать грядки на огороде, но часто бросал лопату и подолгу стоял неподвижно, погрузившись в свои думы; колонисты по совету инженера не нарушали уединения, к которому он так стремился. Если кто-нибудь приближался к нему, он убегал, и его плечи содрогались от сдержанных рыданий.

Быть может, его мучили угрызения совести? Так, вероятно, оно и было; однажды Гедеон Спилет, не выдержав, сделал следующее замечание:

— Он молчит потому, что должен сделать слишком тяжкое признание.

Пришлось запастись терпением и ждать.

Несколько дней спустя, 3 ноября, неизвестный, работавший на плоскогорье, вдруг бросил лопату, и Сайрес Смит, издали наблюдавший за ним, опять увидел, что он плачет. В неудержимом порыве, поддавшись жалости, инженер подошел к нему и прикоснулся к его плечу.

— Послушайте, друг мой! — промолвил он.

Неизвестный отвел глаза, а когда Сайрес Смит попытался взять его за руку, отшатнулся.

— Друг мой, — повторил Сайрес Смит твердым голосом, — я хочу, чтобы вы посмотрели мне в глаза.

Неизвестный посмотрел на инженера, подчиняясь его воле, как человек, находящийся под гипнозом. Он хотел было убежать. Но вдруг лицо его преобразилось. Глаза загорелись. С губ готовы были сорваться какие-то слова. Он больше не мог сдерживаться!.. Наконец, скрестив руки на груди, он спросил приглушенным голосом:

— Кто вы такие?

— Мы тоже потерпели крушение, как и вы, — отвечал с несказанным волнением инженер. — Вы в кругу своих, среди людей…

— Среди людей… Нет, я уже не человек!

— Вы — среди друзей.

— Среди друзей! У меня нет друзей!.. — закричал неизвестный, закрыв лицо руками. — Нет… и никогда не будет… Оставьте меня, оставьте…

Он побежал к самому краю плато, возвышавшемуся над морем, и долго стоял там. Сайрес Смит присоединился к товарищам и рассказал им обо всем, что произошло.

— Да, в жизни этого человека есть какая-то тайна, — заметил Гедеон Спилет, — и, по-видимому, лишь угрызения совести разбудили в нем человека.

— Привезли мы сюда какого-то чудака нелюдима, — заявил моряк. — Очень уж он скрытен…

— Он хранит какую-то тайну, и мы обязаны ее уважать, — живо ответил Сайрес Смит. — Если он и совершил проступок, то жестоко за него поплатился, и да простятся ему грехи его.

Два часа неизвестный провел один на берегу; очевидно, под наплывом воспоминаний в его душе ожило прошлое, и, конечно, прошлое печальное; колонисты не теряли из виду несчастного, но не пытались нарушать его уединения.

И вот после долгого раздумья он словно принял какое-то решение и подошел к Сайресу Смиту. Его глаза покраснели от слез, но он больше не плакал. Казалось, он был испуган, пристыжен, ему хотелось сжаться, стать незаметным, взгляд его был потуплен.

— Сэр, — обратился он к Сайресу Смиту, — вы и ваши товарищи — англичане?

— Нет, мы — американцы, — ответил инженер.

— Ах, вот что, — воскликнул неизвестный и негромко добавил: — Тем лучше.

— А вы, мой друг? — спросил инженер.

— Англичанин, — быстро ответил он.

Ему, очевидно, нелегко было произнести эти несколько слов, потому что он тотчас же ушел с берега; он бежал от водопада к устью реки и,

казалось, был вне себя от волнения.

Как-то раз, проходя мимо Герберта, он остановился и спросил сдавленным голосом:

— Какой теперь месяц?

— Ноябрь, — ответил Герберт.

— А год?

— Тысяча восемьсот шестьдесят шестой.

— Двенадцать лет! Двенадцать лет! — повторил неизвестный. И внезапно убежал.

Герберт рассказал колонистам об этом разговоре.

— Наш несчастный пленник, — заметил Гедеон Спилет, — потерял счет месяцам и годам.

— Да, — прибавил Герберт, — значит, он прожил двенадцать лет на острове Табор!

— Двенадцать лет! — повторил Сайрес Смит. — Да, если двенадцать лет прожить в одиночестве да еще с пятном на совести, рассудок потерять нетрудно.

— По-моему, — сказал тут Пенкроф, — этот человек вовсе и не терпел кораблекрушения, а просто его отвезли на остров Табор в наказание за какое-то преступление.

— Пожалуй, вы правы, Пенкроф, — поддержал его журналист, — а если это так, то люди, высадившие его на острове, непременно вернутся

за ним!

— И не найдут его, — заметил Герберт.

— Значит, надо отправиться на остров... — заметил Пенкроф.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — не будем обсуждать этот вопрос, пока не узнаем, в чем тут дело. Я уверен, что несчастный исстрадался, что он жестоко поплатился за свои проступки, как бы велики они ни были, что он томится желанием открыть нам свою душу. Не будем пока принуждать его к этому. Он, конечно, все сам расскажет, и тогда мы увидим, как поступить. К тому же только неизвестный может сказать нам, надеется ли он, верит ли он, что когда-нибудь вернется на родину. Я лично сомневаюсь, что это будет ему дозволено.

— Почему же? — спросил журналист.

— Потому что, если его осудили на определенный срок, он ждал бы освобождения и не бросил бы записки в море. Нет, скорее всего, ему был вынесен приговор, обрекавший его на пожизненное заключение, на вечное одиночество.

— Никак я не пойму одного, — заметил моряк.

— Чего же именно?

— Если двенадцать лет назад человека высадили на острове Табор, стало быть, он уже много лет

пребывает в том одичалом состоянии, в каком мы его и нашли!

— Вполне вероятно, — сказал Сайрес Смит.

— Выходит, он написал записку несколько лет назад!

— Без сомнения… Однако по всему видно, что записка написана недавно…

— Да и не может быть, чтобы бутылка с запиской несколько лет плыла от острова Табор до острова Линкольна.

— В этом как раз нет ничего невероятного, — возразил журналист. — А может быть, ее уже давным-давно прибило к нашему острову.

— Ну, нет! — отвечал Пенкроф. — Не могло ее волной смыть с берега, и думать нечего — ведь на южной стороне полно скал, и она сразу же разбилась бы.

— Вы правы, — произнес Сайрес Смит, о чем-то размышляя.

— Да кроме того, — прибавил моряк, — пролежи записка несколько лет в бутылке, она наверняка попортилась бы от сырости. А ведь она была в целости и сохранности.

Замечание моряка было вполне правильным: в этом-то и заключалось самое непонятное, ибо записка, найденная колонистами, казалось, бы-

ла написана недавно. Больше того, в ней точно указывались широта и долгота острова Табор, а это говорило о больших познаниях ее автора в гидрографии, которых не могло быть у простого матроса.

— Опять мы встречаемся с чем-то необъяснимым, — сказал, наконец, инженер, — но все же не следует вызывать на откровенность нашего нового товарища. Он сам расскажет нам все, друзья мои, когда захочет.

Прошло еще несколько дней; неизвестный не произнес ни слова и ни разу не вышел за частокол, окружавший плато. Не покладая рук, не теряя ни минуты, он работал на огороде, но поодаль от остальных. В часы отдыха он не поднимался в Гранитный дворец и довольствовался сырыми овощами, хотя все звали его к столу. Он не приходил ночевать в отведенную ему комнату и спал на плато под деревьями, а в ненастную пору прятался среди скал, — словом, он жил так же, как на острове Табор, когда его единственным пристанищем был лес; все попытки колонистов изменить привычки неизвестного были тщетны — им пришлось запастись терпением. И вот, наконец, в нем заговорил голос совести, и ужасные признания невольно сорвались с его губ, словно

под воздействием непреодолимой силы.

Десятого ноября, около восьми часов вечера, когда колонисты сидели в сумерках под навесом, увитым зеленью, перед ними неожиданно предстал неизвестный. Его глаза как-то странно блестели, а на лице вновь появилось свирепое выражение.

Сайрес Смит и его товарищи были поражены, увидев, что неизвестный так взволнован: его зубы стучали, будто от озноба. Что с ним? Быть может, он ненавидит людей? Или ему надоело жить в семье честных тружеников? Или в нем снова заговорили кровожадные инстинкты? Колонисты так и подумали, услышав его бессвязную речь.

— Зачем вы меня привезли сюда? По какому праву разлучили с моим островком?.. Что между нами общего? Да известно ли вам, кто я?.. Что я совершил?.. Почему влачил свои дни там… в одиночестве? А что, если я изгнанник?.. Если осужден умереть там, на острове? Известно ли вам мое прошлое?.. Быть может, я украл, убил… быть может, я отверженный и несу клеймо проклятия… Что, если мне место только среди хищных зверей… Вдали от людей?.. Отвечайте же… известно ли вам все это?

Колонисты слушали, не прерывая полупризнаний неизвестного, которые лились будто помимо его воли. Сайрес Смит хотел успокоить несчастного и подошел к нему, но тот отшатнулся.

— Отойдите! — крикнул он. — Скажите одно лишь слово… Я свободен?

— Да, вы свободны, — ответил инженер.

— Тогда прощайте! — воскликнул он и бросился бежать, словно обезумев.

Наб, Пенкроф, Герберт погнались за ним в лес, но вернулись, так и не догнав.

— Пусть поступает как хочет, — сказал Сайрес Смит.

— Он никогда не вернется, — воскликнул Пенкроф.

— Вернется, — ответил инженер.

С тех пор прошло немало дней, но Сайрес Смит, словно предвидя, по-прежнему был уверен, что несчастный изгнанник рано или поздно вернется.

— Это последняя вспышка необузданного, дикого характера, — твердил инженер, — она вызвана угрызениями совести, но теперь он уже не вынесет одиночества.

Тем временем колонисты продолжали работать, и на плато Кругозора и в корале, где

Сайрес Смит задумал построить ферму. Семена, собранные Гербертом на острове Табор, были, разумеется, посеяны самым тщательным образом. На плато раскинулся обширный огород с аккуратными, хорошо возделанными грядками, и колонистам приходилось трудиться не покладая рук. Там для них всегда находилась работа. Овощей становилось все больше, начали вскапывать под огороды даже луга. Но пастбищ на острове было множество, и онагры не остались бы без корма. Разумнее всего было отвести под огороды плато Кругозора, защищенное кольцом глубоких ручьев; животные могли бы пастись на лугах, которые не нужно было оберегать от нашествия зверей.

Пятнадцатого ноября колонисты в третий раз собрали урожай пшеницы. Поле стало неузнаваемым за полтора года, с того дня, когда там было брошено в землю первое зернышко. На второй год посеяли шестьсот тысяч зерен и получили четыре тысячи буассо, то есть свыше пятисот миллионов хлебных зерен. Теперь в колонии вдоволь будет пшеницы, ибо поселенцам достаточно будет ежегодно сеять около десяти буассо, чтобы собирать хороший урожай, обеспечивая хлебом и себя и домашний скот.

Итак, убрав урожай, колонисты посвятили весь конец ноября подготовке к обмолоту зерна.

В самом деле, у них было зерно, но не было муки, и постройка мельницы стала насущной необходимостью. Сайрес Смит сперва хотел воспользоваться вторым водопадом, низвергавшимся в реку Благодарения, чтобы построить там водяную мельницу, ибо первый водопад уже приводил к движение сукновальню, но, поразмыслив, друзья решили построить самую обычную ветряную мельницу на плато Кругозора. Сделать это было не так трудно; кроме того, колонисты не сомневались, что на плато, открытом всем ветрам, дующим с моря, ветряной двигатель будет хорошо работать.

— Вдобавок ветряная мельница оживит и украсит пейзаж, — заметил Пенкроф.

Колонисты принялись за работу, выбрали строевой лес для корпуса и других составных частей. Из глыб песчаника, найденных на северном берегу озера, можно было сделать жернова, а на крылья решили пустить ткани из того неисчерпаемого запаса, каким являлась оболочка воздушного шара.

Сайрес Смит сделал чертежи; мельницу решили поставить чуть правее птичника, у берега

озера. Корпус должен был покоиться на стояке, вделанном в сруб, и вращаться целиком, вместе со всем механизмом под действием ветра.

Мельницу построили быстро. Наб и Пенкроф, ставшие заправскими плотниками, работали по чертежам инженера. Вскоре на берегу выросла будка с остроконечной крышей, с виду похожая на перечницу. Мельничные крылья были прочно насажены на вал с помощью железных скрепов. Без особого труда изготовили и внутренние части мельницы: ящик для двух жерновов — неподвижного и подвижного; большое квадратное корыто, расширяющееся кверху, из которого зерно сыплется на жернова, кошель для равномерной подачи зерна, называемый также «потрясок», оттого что он непрерывно трясется, и, наконец, сито, через которое просеивается мука, отделяясь от отрубей. Инструменты у колонистов были хорошие, работа оказалась несложной, так как все, составные части мельницы очень просты.

Колонисты сообща трудились над постройкой мельницы, и 1 декабря все было готово.

Как всегда, Пенкроф восхищался своей работой, не сомневаясь, что мельница получилась превосходная.

— Подул бы ветер посильнее, и наша мельница отлично обмолотила бы все зерно.

— Пусть дует ветер, только не сильный, Пенкроф!

— Но ведь крылья нашей мельницы быстрее завертятся!

— Не нужно, чтобы они вертелись очень быстро, — ответил Сайрес Смит. — Опыт показал, что число оборотов крыльев мельницы должно определенным образом зависеть от скорости ветра, выраженной в футах в секунду. Так, при среднем ветре, скорость которого двадцать четыре фута в секунду, крылья должны делать шестнадцать оборотов в минуту, а большего и не требуется.

— Как раз подул северо-восточный ветер, — воскликнул Герберт, — он нам и поможет!

Колонисты торжествовали и решили, не откладывая обмолотить зерно, ибо им не терпелось отведать хлеба собственного приготовления. В тот же день они за утро перемололи два-три буассо зерна, а на другой день коврига превосходного хлеба, пожалуй слишком крутого, хоть он и был замешен на пивных дрожжах, красовалась на

обеденном столе жителей Гранитного дворца. Колонисты уплетали хлеб за обе щеки, и нетрудно себе представить, с каким удовольствием!

А незнакомец все не подавал признаков жизни. Не раз Гедеон Спилет и Герберт ходили по лесу в окрестностях Гранитного дворца, но незнакомца не встретили и даже не обнаружили следов его пребывания. Колонисты начали за него тревожиться. Конечно, человек, который жил, как дикарь, на острове Табор, найдет себе пропитание в лесах Дальнего Запада, богатых дичью, но не вернется ли он к своим старым привычкам и не оживут ли на свободе его кровожадные инстинкты? И все же Сайрес Смит упорно повторял, что беглец придет, словно так подсказывал ему какой-то внутренний голос.

— Вот увидите, он придет, — твердил инженер с уверенностью, которую отнюдь не разделяли его товарищи. — Когда бедняга жил на острове Табор, он знал, что одинок, теперь он знает, что мы его ждем. Он уже почти признался нам в своем прошлом; кающийся грешник возвратится и все нам расскажет, и в тот день он войдет в нашу семью.

События доказали, что Сайрес Смит был прав.

Третьего декабря Герберт спустился с плато Кругозора и отправился удить рыбу на южный

берег озера. Он не взял с собой ружья: бояться было нечего, ибо дикие животные не появлялись в этой части острова.

В это время Пенкроф с Набом что-то делали в птичнике, а Сайрес Смит и журналист приготовляли соду, так как у них кончилось мыло.

Вдруг раздались крики:

— Помогите, помогите!

Сайрес Смит и журналист были так далеко, что не услышали криков. А Пенкроф вместе с Набом выбежали из птичника и бросились к озеру.

Но впереди них бежал неизвестный, о присутствии которого никто и не подозревал, — он перебрался через Глицериновый ручей, отделявший плато от леса, и выскочил на противоположный берег.

К Герберту подкрался громадный ягуар, напоминавший ягуара, убитого на Змеином мысе. Юноша был захвачен врасплох; он прислонился к дереву, а зверь, припав к земле, готовился к прыжку… И в этот миг неизвестный, выхватив нож, кинулся на хищника; зверь обернулся и напал на нового противника.

BARBIN

Схватка была молниеносной. Неизвестный отличался необыкновенной силой и ловкостью. Одной рукой он сжал, как клещами, горло зверя, а другой всадил ему в сердце нож, не обращая внимания на то, что когти хищника вонзились в его тело.

Ягуар упал. Неизвестный оттолкнул его ногой и, очевидно, намеревался убежать, но тут на поле боя появились колонисты, и Герберт бросился к нему с криком:

— Постойте же, не уходите!

Сайрес Смит подошел к незнакомцу, и тот, увидев его, нахмурился. Кровь залила его плечо, обагрила разорванную рубашку, но он будто и не замечал этого.

— Друг мой, — сказал Сайрес Смит, — отныне мы ваши должники. Ведь вы чуть не пожертвовали своей жизнью ради спасения нашего сына!

— Своей жизнью! — пробормотал неизвестный. — Разве моя жизнь чего-нибудь стоит? На что мне она?

— Вы ранены?

— Позвольте пожать вам руку!

Герберт подбежал к своему спасителю, чтобы поблагодарить его, но неизвестный скрестил руки; его грудь бурно вздымалась, взгляд затума-

нился — казалось, он решил убежать, но, сделав над собой невероятное усилие, произнес резким голосом:

— Кто вы и что вам от меня нужно?

Очевидно, ему хотелось узнать историю колонистов. Быть может, услышав об их злоключениях, он расскажет и о себе?

В нескольких словах Сайрес Смит поведал обо всем, что произошло с ними после бегства из Ричмонда, рассказал, как им удалось спастись и чем они обзавелись тут, на острове.

Неизвестный слушал с напряженным вниманием.

Затем инженер стал говорить о своих товарищах — Гедеоне Спилете, Герберте, Пенкрофе, Набе — и добавил, что самую большую радость с тех пор, как все они живут на острове Линкольна, они испытали в тот день, когда «Бонадвентур» вернулся из плавания, когда они узнали что у них появился новый товарищ.

Услышав эти слова, неизвестный вспыхнул и опустил голову: вид у него был смиренный и растерянный.

— А теперь, когда вы знаете о нас, — промолвил Сайрес Смит, — пожмем друг другу руку!

— Нет, это невозможно, — глухим голосом от-

ветил неизвестный, — потому что вы — честные люди, я же…

ГЛАВА XVII

Всегда в одиночестве. — Просьба неизвестного. — Постройка фермы в корале. — Прошло двенадцать лет! — Боцман «Британии». — Покинутый на острове Табор. — Рукопожатие Сайреса Смита. — Загадочная записка

Слова эти подтверждали догадку колонистов. В прошлом несчастный совершил какое-то тяжкое преступление, быть может, он искупил его перед людьми, но не перед самим собой. Преступника мучила совесть, он раскаивался, и, конечно, новые друзья с сердечной теплотой пожали бы ему руку, но он чувствовал, что не достоин пожатия руки честных людей! Однако после схватки с ягуаром он не вернулся в лес и с этого дня уже не покидал плато Кругозора.

Что же за тайна была в его жизни? Откроет ли он ее когда-нибудь? Одно только и оставалось: ждать. Во всяком случае, колонисты твердо решили не расспрашивать его и вести себя так, словно они ничего не подозревают.

Спустя несколько дней жизнь на острове вошла в свою колею. Сайрес Смит и Гедеон Спилет работали вместе, занимаясь то химией, то физикой. Только иногда журналист отправлялся на охоту с Гербертом, ибо теперь, колонисты боялись отпускать юношу одного в лес; приходилось быть настороже. А Наб и Пенкроф трудились — один день в загоне и птичнике, другой день — в корале, к тому же хлопотали по хозяйству, — словом, дел у них набиралось достаточно.

Неизвестный работал в стороне от товарищей, по-прежнему не садился за общий стол, спал под деревом на плато и не принимал участия в беседах. Казалось, что он и в самом деле не выносит общества своих спасителей.

— И чего ради, спрашивается, он обратился за помощью к людям? Зачем бросил записку в море? — недоумевал Пенкроф.

— Он сам обо всем нам расскажет, — неизменно отвечал Сайрес Смит.

— Когда же?

— Быть может, раньше, чем вы думаете, Пенкроф.

И действительно, день признания близился. Десятого декабря, через неделю после возвращения в Гранитный дворец, неизвестный подошел

к Сайресу Смиту и тихо, смиренно сказал:

— Сэр, я хочу кое о чем попросить вас.

— Пожалуйста, — ответил инженер, — но сперва позвольте мне кое-что вам сказать.

При этих словах неизвестный покраснел и чуть было не убежал. Сайрес Смит понял душевное состояние преступника, который, очевидно, боялся, что его начнут расспрашивать о прошлом.

Сайрес Смит удержал его.

— Послушайте, — произнес он, — мы для вас не только товарищи по несчастью, но и друзья. Вот все, что я хотел сказать вам, а теперь я вас слушаю.

Неизвестный провел рукой по глазам. Он дрожал и несколько секунд не мог выговорить ни слова.

— Сэр, — наконец произнес он, — я хочу просить вас об одной милости.

— О какой же?

— В четырех-пяти милях отсюда, у подножия горы, находится ваш кораль, там вы держите домашних животных. Они нуждаются в уходе. Не позволите ли вы мне жить при них?

Сайрес Смит посмотрел на несчастного с глубоким состраданием. Затем ответил:

— Друг мой, в корале нет жилья, одни хлевы,

они и для животных не очень-то пригодны…

— А мне, сэр, там будет хорошо.

— Друг мой, — сказал инженер, — мы вам ни в чем не будем перечить. Вам хочется поселиться в корале? Пусть будет по-вашему. Впрочем, вы всегда желанный гость в Гранитном дворце. Но раз вы предпочитаете жить в корале, мы постараемся устроить вас там поудобнее.

— Мне будет удобно в любых условиях.

— Друг мой, — ответил Сайрес Смит, — который умышленно так называл неизвестного, — позвольте нам в данном случае поступить по собственному разумению.

— Благодарю вас, сэр, — ответил неизвестный и тотчас же ушел.

Инженер не преминул рассказать товарищам о просьбе неизвестного, и они решили построить в корале деревянный домик и обставить его поуютнее.

В тот же день поселенцы отправились в кораль, прихватив с собой инструменты; не прошло недели, как жилище было готово и ждало хозяина. Домик стоял на пригорке, футах в двадцати от хлевов, оттуда удобнее всего было наблюдать за стадом муфлонов, насчитывающим уже более восьмидесяти голов. Смастерили кое-что из

мебели — кровать, стол, скамью, шкаф, сундук, привезли в кораль оружие, боевые припасы и набор инструментов.

Надо сказать, что неизвестный не ходил смотреть на свое будущее жилище и, не обращая внимания на колонистов, работающих на постройке, трудился на плато, очевидно желая довести до конца начатое дело. И действительно, благодаря его усердию земля была обработана и только ждала, когда наступит пора сева.

Двадцатого декабря все работы по благоустройству домика были закончены. Инженер объявил неизвестному, что его жилище готово, и тот ответил, что сегодня же будет там ночевать.

В тот вечер жители Гранитного дворца собрались большом зале. Время близилось к восьми часам — неизвестному пора было уходить. Они не хотели стеснять его, не хотели прощаться с ним, решив, что это будет для него тягостно, поэтому, окончив работу, оставили его в одиночестве, а сами отправились домой.

Итак, они беседовали, сидя в большом зале, когда в дверь негромко постучали. В зал быстро вошел неизвестный и сказал без всякого вступления:

— Господа, расставаясь с вами, я хочу, чтобы

на прощание вы узнали всю правду обо мне, слушайте же.

Простые эти слова произвели большое впечатление Сайреса Смита и его товарищей.

Инженер поднялся и сказал неизвестному:

— Мы ни о чем вас не спрашиваем, друг мой. Вы вправе молчать…

— Мой долг рассказать все.

— Садитесь же.

— Я постою.

— Мы охотно выслушаем ваш рассказ, — произнес Сайрес Смит.

Неизвестный отступил в полутемный угол комнаты. Он стоял обнажив голову, скрестив руки на груди, и глухим голосом, будто через силу, повел рассказ, который слушатели ни разу не прервали:

— Двадцатого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года паровая яхта «Дункан», принадлежавшая богатому шотландскому землевладельцу лорду Гленарвану, бросила якорь у западного берега Австралии, у мыса Бернуилли, лежащего на тридцать седьмой параллели. На борту яхты находились Гленарван с женой, майор английской армии, француз-географ и дети капитана Гранта — молоденькая девушка и мальчик. Корабль их отца «Британия» год тому назад затонул, экипаж погиб. Вел яхту капитан Джон Манглс; команда состояла из пятнадцати человек.

Вот какая причина привела яхту «Дункан» к берегам Австралии.

Полгода назад экипаж яхты подобрал в Ирландском море бутылку с запиской на трех языках: английском, немецком и французском. В записке кратко сообщалось, что во время крушения «Британии» спаслось трое — капитан Грант и два матроса, что они попали на какую-то землю;

указывались и широта и долгота, но невозможно было разобрать, какая это долгота, — цифру размыло.

Итак, в записке говорилось, что спасенные находятся на тридцать седьмом градусе одиннадцатой минуте южной широты. Но долгота была неизвестна. Поэтому разыскивать капитана Гранта и его спутников надо было где-то на тридцать седьмой параллели, и можно было с уверенностью сказать, что, обследовав материки и океаны, удастся их найти.

Английское адмиралтейство отказалось снарядить спасательную экспедицию, но лорд Гленарван решил сделать все возможное, чтобы отыскать капитана Гранта. Он познакомился с Мери и Робертом Грант. Яхту снарядили в дальнее плавание, в котором пожелали принять участие жена лорда и дети капитана Гранта; и вот «Дункан» покинув Глазго, пересек Атлантический океан, вышел Магеллановым проливом в Тихий океан и направился к берегам Патагонии, где, по некоторым предположениям — сначала именно так истолковали записку, — капитан Грант томился в плену у туземцев.

Пассажиры «Дункана» высадились на западном побережье Патагонии, а яхта поплыла дальше, —

она должна была ждать их на восточном берегу, у мыса Корриентес.

Гленарван и его спутники прошли всю Патагонию, следуя по тридцать седьмой параллели, и, не найдя никаких следов пребывания капитана Гранта, тринадцатого ноября снова сели на яхту, чтобы продолжать поиски в открытом море.

Они обследовали, но тщетно, два острова, лежащих по пути — Тристан-да-Кунья и Амстердам, — и «Дункан», как я уже говорил, двадцатого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года приблизился к мысу Бернуилли, расположенному на австралийском побережье.

Гленарван, решив пересечь Австралию, как до этого он пересек Южную Америку, высадился на сушу. В нескольких милях от берега стояла ферма некоего ирландца, который радушно принял путешественников. Лорд Гленарван рассказал ирландцу о том, что привело его в эти края, и спросил, нет ли у него сведений об английском трехмачтовом судне «Британия», потерпевшем крушение; около двух лет назад где-то у западных берегов Австралии.

Ирландцу никогда не приходилось слышать о потонувшем корабле, но, к великому удивлению всех присутствующих, в разговор вмешался один

из его слуг.

— Милорд, воздайте хвалу господу богу и возблагодарите его, — сказал он. — Если капитан Грант еще жив, то живет он на австралийской земле.

— Кто вы? — спросил лорд Гленарван.

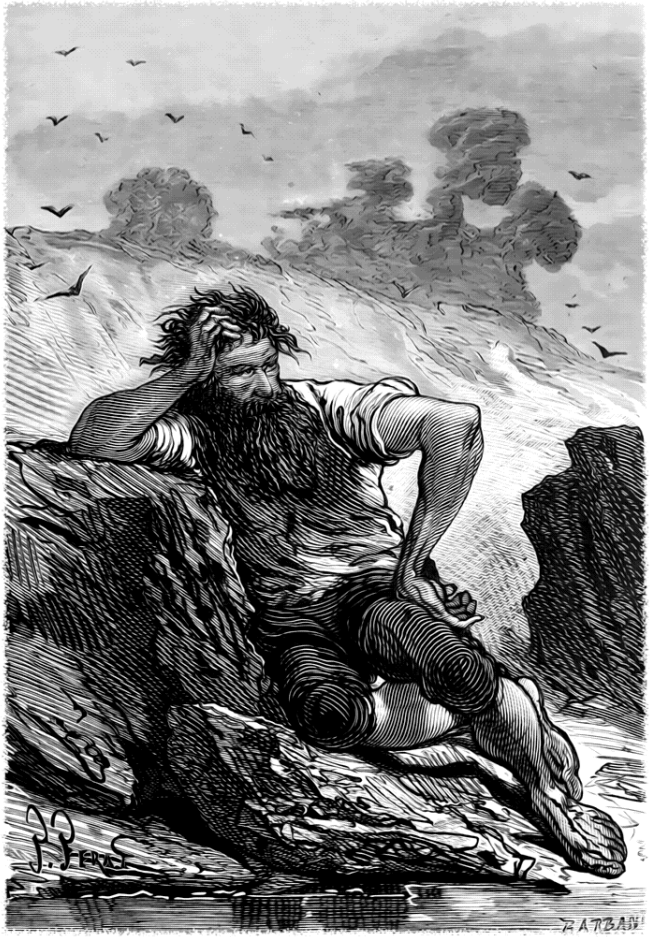
— Шотландец, как и вы, милорд, — ответил незнакомец, — я один из спутников капитана Гранта, спасся при крушении.

Фамилия этого человека была Айртон. Его документы удостоверяли, что он действительно служил боцманом на «Британии». Он рассказал, что будто потерял из виду капитана в тот миг, когда корабль разбился о прибрежные рифы, будто до сих пор был убежден, что из всего экипажа «Британии» уцелел только он, что капитан Грант погиб вместе со всеми.

— Однако, — добавил Айртон, — «Британия» потерпела крушение не у западных, а у восточных берегов Австралии, и если капитан Грант еще жив, о чем свидетельствует записка, значит, он в плену у туземцев где-нибудь на восточном побережье.

Айртон говорил с подкупающей искренностью, смотрел прямо в глаза. В его словах нельзя было сомневаться, к тому же за него ручался ирлан-

дец, у которого он прослужил больше года. Лорд Гленарван поверил, что Айртон человек честный, и по его совету решил пересечь Австралию вдоль тридцать седьмой параллели. Гленарван, его жена, дети капитана Гранта, майор, географ, капитан Манглс и несколько матросов, собравшись в небольшой отряд, пустились в путь во главе с Айртоном, а «Дункан» под командой Тома Остина, помощника капитана яхты, взял курс на Мельбурн, где должен был ждать распоряжений Гленарвана.



Двадцать третьего декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года отряд отправился к восточным берегам Австралии.

Надо вам сказать, что Айртон был предателем. Он и в самом деле служил боцманом на «Британии», но вступил в пререкания с капитаном и пытался подговорить экипаж к мятежу — хотел захватить корабль. Капитан Грант высадил его на западном берегу Австралии восьмого апреля тысяча восемьсот пятьдесят второго года — то была вполне справедливая кара.

Следовательно, негодяй этот даже не слышал о гибели «Британии». Впервые он узнал обо всем из рассказа Гленарвана. С той поры как Айртона высадили на берег, он под именем Бена Джойса возглавил шайку беглых каторжников, теперь же нагло утверждал, что кораблекрушение произошло на восточном берегу. Он нарочно, направил лорда Гленарвана по ложному пути, в надежде, что, пока тот будет путешествовать, ему удастся завладеть яхтой, превратить ее в пиратское судно и стать грозой морей.

Неизвестный помолчал. Потом заговорил снова дрожащим голосом:

— Отряд двинулся в путь, намереваясь пересечь австралийский материк. Нет ничего удивитель-

ного, что его ждали неудачи: ведь шайка Айртона, или Бена Джойса, называйте его как угодно, шла то впереди, то позади экспедиции, готовясь выполнить замысел своего главаря.

Между тем «Дункан» стоял на ремонте в Мельбурнском порту. Айртон уговорил лорда Гленарвана, что нужно приказать «Дункану» из Мельбурна отправиться на восточное побережье, — там бандиты легко завладели бы яхтой. Айртон завел экспедицию в непроходимые леса неподалеку от побережья, где она терпела неимоверные лишения, затем убедил Гленарвана написать письмо помощнику капитана яхты и взялся доставить это письмо, в котором Гленарван приказывал экипажу незамедлительно привести «Дункан» в залив Туфолда, расположенный на восточном побережье в нескольких днях пути от стоянки отряда. Там Айртона должна была поджидать его шайка.

Предателю чуть было не вручили приказ на имя помощника капитана, но тут его неожиданно разоблачили, и ему пришлось бежать. Однако письмо отдавало во власть Айртона яхту, и он постарался раздобыть его любой ценой. Это удалось, и через два дня Айртон уже был в Мельбурне.

До сих пор преступнику везло, и он вообразил,

что так будет и дальше: он отправит «Дункан» в залив Туфолда, шайка бандитов перебьет экипаж и завладеет судном, а он, Бен Джойс, будет хозяйничать в здешних морях. Господь не дал злодею привести в исполнение свои кровавые замыслы.

Явившись в Мельбурн, Айртон передал приказ помощнику капитана, Тому Остину, и тот, ознакомившись с его содержанием, тут же велел сняться с якоря; но можно себе представить разочарование и ярость Айртона, когда на второй день плавания он узнал, что помощник капитана ведет яхту не в залив Туфолда, а к восточному берегу Новой Зеландии! Айртон попытался воспротивиться, но Остин показал ему письмо. И правда, благодаря счастливой случайности — описке француза-географа — кораблю велено было отправиться к восточным берегам Новой Зеландии.

Все планы Айртона рухнули! Он вздумал бунтовать. Его заперли. Итак, он плыл против воли в Новую Зеландию, не зная, что сталось с его шайкой, что сталось с отрядом лорда Гленарвана.

«Дункан» плавал вдоль берегов Новой Зеландии до третьего марта. В тот день Айртон услышал выстрелы. «Дункан» палил из всех коронад, и вскоре лорд Гленарван вместе со своими

спутниками поднялся на борт яхты.

Вот что произошло за это время.

После множества испытаний, множества опасностей отряд лорда Гленарвана вышел к восточному побережью Австралии и добрался до залива Туфолда. Яхты там не было! Гленарван телеграфировал в Мельбурн. Ему ответили: «Восемнадцатого сего месяца «Дункан» отплыл в неизвестном направлении».

Гленарван решил, что его отважный экипаж попал в руки Бена Джойса, а яхта стала пиратским судном.

И все же Гленарван не отказался от поисков. То был смелый и благородный человек. Он сел на первое попавшееся торговое судно, доплыл на нем до западных берегов Новой Зеландии, пересек ее, следуя по тридцать седьмой параллели, но не нашел никаких следов капитана Гранта; зато на восточном берегу он, к своему изумлению и благодаря божьей помощи, обнаружил «Дункан», который по приказу помощника капитана ждал его здесь целых пять недель!

Случилось это третьего марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года. Итак, Гленарван снова вступил на борт «Дункана», — там уже находился и Айртон. Его привели к Гленарвану, который

хотел выведать у злодея, знает ли он что-нибудь об участи капитана Гранта. Айртон отвечать отказался. Гленарван предупредил негодяя, что в первом же порту сдаст его английским властям. Но Айртон безмолвствовал.

«Дункан» продолжал плыть вдоль тридцать седьмой параллели. А тем временем леди Гленарван решила побороть упорство злодея. В конце концов ей это удалось, и Айртон обещал все рассказать Гленарвану, но при условии, что его не выдадут английским властям, а высадят на одном из островов Тихого океана. Гленарван согласился, ибо готов был на все, лишь бы что-нибудь узнать об участи капитана Гранта.

Тут Айртон рассказал историю своей жизни, признавшись, что с тех пор, как его высадили на побережье Австралии, он ничего не знает о капитане Гранте.

Гленарван тем не менее сдержал свое слово. «Дункан» плыл все дальше, и вот однажды показался остров Табор. На нем и решено было оставить Айртона; и вот на этом клочке суши, лежащем на тридцать седьмой параллели произошло чудо: оказалось, что там нашли приют капитан Грант и двое его матросов. Вместо них на пустынном острове должен был поселиться

преступник. Когда он покидал яхту, Гленарван напутствовал его такими словами:

— Айртон, вы будете отрезаны от мира, от людей. Вам не удастся бежать с островка, на который мы вас высаживаем! Вы будете одиноки, как перст, под всевидящим оком господа бога, который читает в тайниках человеческого сердца, и никто не станет тревожиться о вас, как мы тревожились о капитане Гранте. Вы и не достойны того, чтобы о вас помнили честные люди, но они вас не забудут, Айртон! Мне известен этот остров, я знаю, где вас найти. Память мне никогда не изменит!

И «Дункан», снявшись с якоря, вскоре исчез из виду!

Произошло это восемнадцатого марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года.

Айртон остался один, но его снабдили всем необходимым: оружием, инструментами, съестными припасами. В его распоряжении был дом, выстроенный достойным капитаном Грантом. Изгнаннику суждено было одиноко влачить свои дни и искупить содеянные им преступления.

И он раскаялся, господа, совесть не давала ему покоя; он был так несчастен! Он решил, что если в один прекрасный день люди приедут за ним,

ему надлежит вернуться в мир иным человеком! Как исстрадался этот отверженный! Как много работал, надеясь, что труд исправит! Как много времени проводил в молитвах, зная, что молитва переродит его!

Так жил Айртон два, три года; но его угнетало одиночество, и он не сводил глаз с горизонта, надеясь увидеть корабль и вопрошая себя, долго ли еще ему придется искупать свою вину? Он мучился, и вряд ли кому доводилось так мучиться. Ведь жизнь в одиночестве — пытка для того, чью душу терзают муки совести!

Но, очевидно, небо еще недостаточно покарало несчастного, ибо он стал замечать, что превращается в дикаря. Он чувствовал, что начинает терять рассудок. Трудно сказать, когда это произошло — через два ли года, через четыре ли, но в конце концов изгнанник утратил всякое подобие человека — таким вы и нашли его!

Нет нужды говорить вам, господа, что Айртон, Бен Джойс и я — одно и то же лицо.

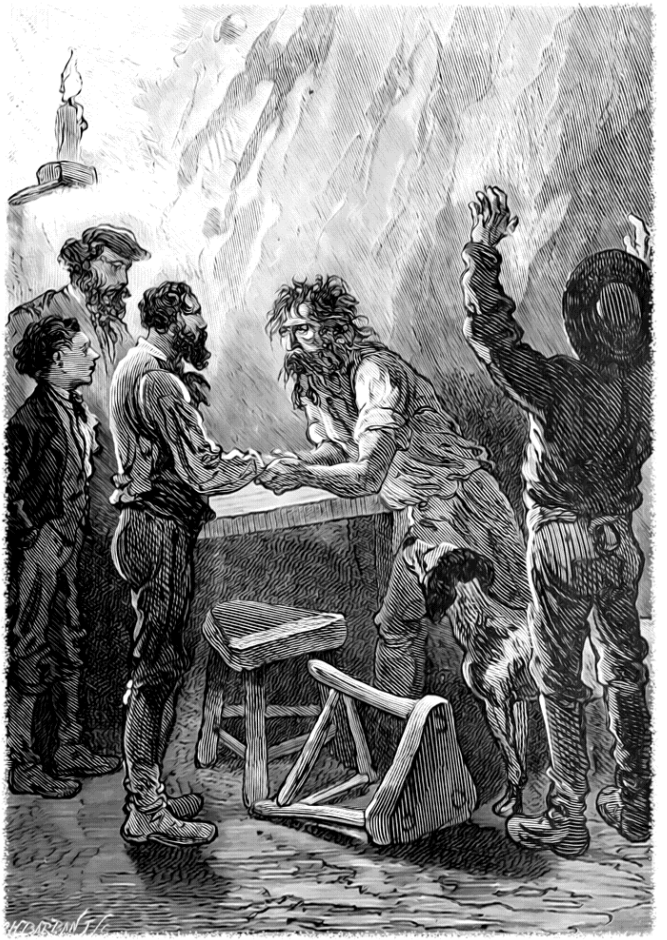
Конец этой исповеди Сайрес Смит и его товарищи выслушали стоя. Трудно передать, как она их взволновала! Они увидели столько искренней скорби, муки, отчаяния!

— Айртон, — торжественно сказал Сайрес

Смит, — вы были закоренелым преступником, но я уверен, что господь бог отпустил вам все грехи! И в доказательство он вернул вас к людям. Вы прощены, Айртон! Скажите же, хотите быть нашим товарищем?

Айртон отшатнулся.

— Пожмем друг другу руки, — сказал инженер.



Айртон бросился к Сайресу Смиту, крепко пожал ему руку, и крупные слезы полились из его глаз.

— Согласны вы теперь жить вместе с нами? — спросил Сайрес Смит.

— Мистер Смит, — ответил Айртон, — лучше мне еще немного побыть одному в корале.

— Воля ваша, Айртон, — ответил Сайрес Смит.

Айртон уже собирался уйти, но инженер остановил его.

— Постойте-ка, друг мой, — сказал он. — Ведь вы намеревались жить в одиночестве, зачем же вы бросили в море записку, которая навела нас на ваш след?

— Какую записку? — удивился Айртон, очевидно не зная, о чем идет речь.

— Я говорю о записке, вложенной в бутылку: мы нашли ее в море, в ней сообщались точные координаты острова Табор.

Айртон провел рукой по лбу. Затем, подумав, ответил:

— Я никогда не писал этой записки и не бросал бутылки в море.

— Никогда? — переспросил Пенкроф.

— Никогда!

И Айртон, поклонившись, вышел.

ГЛАВА XVIII

Беседа. — Сайрес Смит и Гедеон Спилет. — Идея инженера. — Электрический телеграф. — Провода. — Батарея. — Алфавит. — Лето. — Процветание колонии. — Фотография. — Мнимый снег. — Два года на острове Линкольна

— Бедный Айртон! — сказал Герберт, возвращаясь в комнату после безуспешной попытки догнать Айртона, который спустился по веревке и скрылся во мраке.

— Он вернется, — сказал Сайрес Смит.

— Вот так штука, мистер Сайрес! — воскликнул Пенкроф. — Что это значит? Как же так? Выходит, бутылку с запиской бросил не Айртон? Кто же ее бросил?

Вопрос этот напрашивался сам собой.

— Айртон и бросил записку, — заметил Наб, — только в ту пору он уже ничего не соображал.

— Да, — подхватил Герберт, — он не сознавал, что делает.

— Другого объяснения не найти, друзья мои, — тотчас же согласился Сайрес Смит, — понятно также, почему Айртон знал точные координаты

острова Табор — он узнал их еще до того, как его высадили на остров.

— Выходит, что он написал записку до того, как помешался, — заметил Пенкроф, — значит, бросил бутылку в море лет этак семь-восемь назад, отчего же записка так хорошо сохранилась?

— Это доказывает, — ответил Сайрес Смит, — что Айртон потерял рассудок не так давно, как ему кажется.

— Очевидно, так оно и есть, — согласился Пенкроф, иначе тут ничего не поймешь.

— Вы правы, — подтвердил инженер, не желая продолжать разговор на эту тему.

— Как вы думаете, Айртон рассказал нам всю правду? — допытывался моряк.

— Разумеется, — ответил журналист. — Все это — сущая правда. Я отлично помню, что в газетах печатали сообщение о спасательной экспедиции Гленарвана и об ее успешном завершении.

— Айртон рассказал нам правду, сомневаться нечего, Пенкроф, — добавил Сайрес Смит, — и правду жестокую. Люди, изобличая себя, всегда говорят правду!

На другой день, 21 декабря, колонисты обошли берег, затем поднялись на плато, но нигде не нашли Айртона. Он еще ночью ушел в кораль,

и колонисты решили не мешать ему. Они надеялись, что время сделает то, чего не сделало их дружеское участие.

Герберт, Пенкроф и Наб принялись за свою каждодневную работу. А Сайрес Смит и журналист встретились в мастерской, в Трущобах.

— Послушайте, дорогой Сайрес, — начал разговор Гедеон Спилет, — ваше вчерашнее объяснение меня отнюдь не удовлетворило. Быть не может, чтобы Айртон позабыл о записке, которую сам же написал и, вложив в бутылку, бросил в море.

— Следовательно, дорогой Спилет, бросил бутылку не он.

— Значит, вы предполагаете…

— Ничего не предполагаю, ничего не знаю, — возразил Сайрес Смит, прерывая журналиста. — Просто причисляю этот случай ко всем тем загадкам, которые до сих пор не могу объяснить.

— Да, вы правы, Сайрес, все это непостижимо, — согласился Гедеон Спилет. — И то, как вы спаслись, и ящик, выброшенный на берег, и поведение Топа, и, наконец, эта бутылка… Да разгадаем ли мы когда-нибудь все эти загадки?

— Разгадаем! — не задумываясь, ответил инженер. — Весь остров перерою, а тайну разгадаю.

— Быть может, нам на помощь придет случай?

— Случай! Что вы, Спилет! Не верю я в случай, как не верю во всякие таинственные силы. Нет в мире следствий без причин, и я найду причину всех этих необъяснимых явлений. А пока будем работать и наблюдать.

Наступил январь. Начался новый, 1867 год. Как всегда летом, у колонистов было много работы. Однажды Герберт и Гедеон Спилет посетили кораль и убедились, что Айртон живет в домике, который был для него выстроен. Он заботливо ухаживал за большим стадом и избавил колонистов от лишних трудов: они уже не наведывались в кораль каждые два-три дня. Однако, чтобы не оставлять Айртона подолгу в одиночестве, они все же довольно часто навещали своего нового друга.

Кроме того, за этой частью острова, которая внушала кое-какие подозрения инженеру и Гедеону Спилету, следовало наблюдать, и случись там что-нибудь, Айртон непременно сообщил бы о всех новостях жителям Гранитного дворца.

А вдруг ему понадобилось бы немедленно уведомить о чем-нибудь инженера? Ведь там, даже не говоря обо всем, что было связано с тайной острова Линкольна, могло приключиться нема-

ло всяких событий, требующих немедленного вмешательства колонистов: появится судно, произойдет кораблекрушение, высадятся пираты и так далее.

Поэтому Сайрес Смит решил установить прямую связь между коралем и Гранитным дворцом.

Десятого января он рассказал товарищам о своем замысле.

— Да что же вы думаете сделать, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф. — Уж не провести ли телеграф?

— Вот именно, — ответил инженер.

— Электрический? — вскрикнул Герберт.

— Электрический, — подтвердил Сайрес Смит. — У нас есть все необходимое для устройства батарей, труднее будет изготовить железную проволоку, но думаю, что с помощью волочильни мы и с этим справимся.

— Ну, знаете, — заявил моряк, — я не удивлюсь, если в один прекрасный день мы будем разъезжать по острову в поезде!

И вот колонисты взялись за работу, начав с самого трудного, то есть с выделки проволоки, ибо они понимали, что если в этом деле их постигнет неудача, то незачем будет изготовлять батареи

и все прочее.

Как известно, железо на острове Линкольна отличалось превосходным качеством, и, следовательно, из него можно было сделать проволоку. Сайрес Смит прежде всего приступил к изготовлению волочильни — стальной доски с отверстиями конусообразной формы и различного диаметра: через них последовательно пропускают проволоку, доводя ее до нужной толщины. Закалив доску волочильни «до отказа», как говорят сталевары, он закрепил ее на подставке, врытой в землю в нескольких шагах от большого водопада; инженер снова решил воспользоваться движущей силой этого водопада.

Там же стояла сукновальня, в ту пору бездействующая с помощью ее вала, приведенного в движение потоком воды, можно было протягивать проволоку, которая на него наматывалась.

Дело было сложное и хлопотливое. Колонисты вставляли длинные, тонкие железные прутья, заостренные с одного конца напильником, в самое большое отверстие волочильни, а вращающийся вал сукновальни, на который наматывалось двадцать пять — тридцать футов проволоки, вытягивал ее, затем проволока разматывалась, и ее пропускали в отверстия поменьше. В конце

концов изготовили куски проволоки длиной от сорока до пятидесяти футов; соединив их, получили провод длиною в пять миль — как раз такое расстояние и отделяло кораль от Гранитного дворца.

Всю эту работу завершили за несколько дней; как только установили волочильню, Сайрес Смит поручил ее товарищам, а сам занялся батареей.

Он собирался изготовить батарею постоянного тока. Как известно, в современных батареях элементы состоят из искусственного графита, цинка и меди. Меди у инженера не было, — несмотря на все поиски, он не обнаружил даже признаков ее на острове Линкольна; пришлось обойтись без этого металла. Искусственный графит получается на газовых заводах после того, как из каменного угля в ретортах выделится весь водород. Наши колонисты могли бы добыть такой графит, но для этого пришлось бы установить специальные приборы — задача слишком сложная.

Зато цинк у них был. Как помнят читатели, в ящик, найденный на мысе Находки, был вложен второй, цинковый, и лучшего применения для этого цинка нельзя было и придумать.

Итак, после зрелых размышлений Сайрес Смит решил сделать самую простую батарею, наподо-

бие той, которую в 1820 году изобрел Беккерель, ибо для этой батареи нужен один лишь цинк. Других же веществ — азотной кислоты и поташа — у инженера было сколько угодно.

Расскажем, как была устроена эта батарея, работавшая благодаря взаимодействию азотной кислоты и поташа.

Инженер изготовил несколько стеклянных банок и наполнил их азотной кислотой. Затем закупорил каждую банку пробкой, прорезал посредине отверстие и вставил в него стеклянную трубку, нижний конец которой заткнул глиняной втулкой и обмотал лоскутком ткани. Опустив в кислоту трубку этим концом, он влил в ее верхнее отверстие раствор поташа, добытого из золы некоторых растений; таким образом, пройдя сквозь глиняную втулку поташ вступал в реакцию с азотной кислотой.

Затем Сайрес Смит взял две цинковые пластинки погрузил одну в азотную кислоту, а другую — в раствор поташа. И тотчас же возник электрический ток; он побежал по проволоке от отрицательного полюса — от пластинки, погруженной в азотную кислоту, к положительному полюсу — к пластинке, погруженной в раствор поташа. Итак, теперь надо было соединить все эти банки, чтобы получить целую батарею, ток которой привел бы в действие электрический телеграф.

Остроумное и простое изобретение помогло Сайрес Смиту установить телеграфную связь между Гранитным дворцом и коралем.

Шестого февраля колонисты начали ставить

вдоль всей дороги, ведущей в кораль, столбы со стеклянными изоляторами и натягивать провод. Через несколько дней все было готово, надо было только пустить ток, он побежал бы по проводу со скоростью ста тысяч километров секунду; добавим, что земля должна была служить тем проводником, по которому ток возвращался к отправной точке.

Изготовили две батареи: одну — для Гранитного дворца, другую — для кораля, чтобы установить между ними двустороннюю телеграфную связь.

Приемный и передаточный аппараты были очень просты. На обеих станциях провод был намотан на электромагнит, то есть брусок мягкого железа. В цепь включался ток; он шел по проводу от положительного полюса к электромагниту, временно намагничивал его и возвращался через землю к отрицательному полюсу. Стоило току прекратиться, как электромагнит размагничивался. Возле электромагнита поместили пластинку из мягкого железа, которая притягивалась к нему, когда проходил ток, и возвращалась в исходное положение, как только ток прерывался. Сайрес Смит использовал движение пластинки для перемещения стрелки, которая всякий раз останавливалась против нужной буквы алфави-

та, нанесенного на циферблате. Таким образом, инженер установил телеграфное сообщение между Гранитным дворцом и коралем.

Все было окончательно готово 12 февраля. В этот день Сайрес Смит включил ток и запросил Айртона, все ли у него благополучно, а через несколько секунд получил положительный ответ.

Изобретение доставляло огромнейшее удовольствие Пенкрофу; он утром и вечером посылал телеграммы Айртону и никогда не оставался без ответа.

Два преимущества телеграфной связи сразу же дали о себе знать: во-первых, всегда можно было убедиться, дома ли Айртон, а во-вторых, он не был теперь так одинок, как прежде. Впрочем, не проходило недели, чтобы Сайрес Смит не навестил его, а иногда и сам Айртон являлся в Гранитный дворец, где его всегда радушно встречали.

Лето прошло в обычных трудах. Запасы колонистов с каждым днем увеличивались, овощи и злаки были у них в изобилии; растения, вывезенные с острова Табор, принялись превосходно. Плато Кругозора радовало колонистов. Они в четвертый раз сняли отличный урожай пшеницы, и теперь никому и в голову не пришло удосто-

вериться, действительно ли собрано четыреста миллиардов зерен! Впрочем, Пенкроф совсем было собрался пересчитать зерна, но тотчас же отказался от своего намерения, ибо Сайрес Смит втолковал почтенному моряку, что на эту затею ушло бы около пяти с половиной тысяч лет, даже если бы удалось отсчитывать по триста зерен в минуту или по девяти тысяч зерен в час.

Погода стояла великолепная: днем бывало очень жарко, зато к вечеру зной спадал, дул свежий морской ветерок, и обитатели Гранитного дворца наслаждались ночной прохладой. Несколько раз над островом Линкольна разражались непродолжительные, но необычайно сильные грозы. В небе подолгу сверкали молнии, а раскатам грома, казалось, не будет конца.

В ту пору хозяйство маленькой колонии достигло небывалого расцвета. Теперь колонисты питались домашней птицей, ибо ее развелось так много, что они решили сократить число пернатых обитателей. Свиньи опоросились, поэтому Набу и Пенкрофу приходилось много с ними возиться. Гедеон Спилет и Герберт, ставший под руководством журналиста превосходным наездником, нередко катались верхом на онаграх, которые тоже принесли потомство — двух прехо-

рошеньких ослят. Иногда же онагров запрягали в тележку и привозили в Гранитный дворец дрова, каменный уголь, различные материалы, необходимые инженеру.

Поселенцы часто отправлялись на разведку в дебри лесов Дальнего Запада. Их не страшила невероятная жара, ибо солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву, шатром раскинувшуюся над ними. Так обошли они весь левый берег реки Благодарения до дороги, соединявшей кораль с устьем Водопадной речки.

Отправляясь в поход, исследователи брали с собой оружие, ибо им нередко попадались свирепые кабаны, встреча с которыми не сулит ничего хорошего.

Этим же летом колонисты пошли войной на ягуаров. Гедеон Спилет ненавидел их лютой ненавистью, и Герберт разделял его чувства. Оба были превосходно вооружены и ничуть не боялись страшных хищников. Все восхищались отвагой Герберта и хладнокровием журналиста. Штук двадцать великолепных шкур уже украшало большой зал Гранитного дворца, и если бы погода позволила, охотники достигли бы своей цели и истребили всех ягуаров на острове.

Иногда инженер отправлялся на разведку

неисследованных частей острова, осматривая местность с особым вниманием. Он, очевидно, искал чьи-то следы в непроходимых лесных чащах, однако ни разу не приметил ничего подозрительного. Топ и Юп, которых он брал с собой, вели себя спокойно, а между тем дома собака часто с лаем бегала вокруг колодца, который не так давно тщетно исследовал инженер.

В те дни Гедеон Спилет и его помощник Герберт воспользовались найденным в ящике фотографическим аппаратом, который до сих пор лежал без применения, и сделали множество снимков в самых живописных уголках острова.

Кроме аппарата с сильным объективом, нашлось все, что необходимо фотографу. В их распоряжении был коллодий для обработки пластинок, азотнокислое серебро, делающее пластинки светочувствительными, гипосульфит для фиксажа, хлористый аммоний, в котором вымачивается бумага для позитивов, уксуснокислый натрий и хлористое золото, в котором ее пропитывают. В ящике нашлась и бумага, уже пропитанная хлором; прежде чем наложить ее на негатив, надо было сделать только одно: окунуть на несколько минут в раствор азотнокислого серебра.

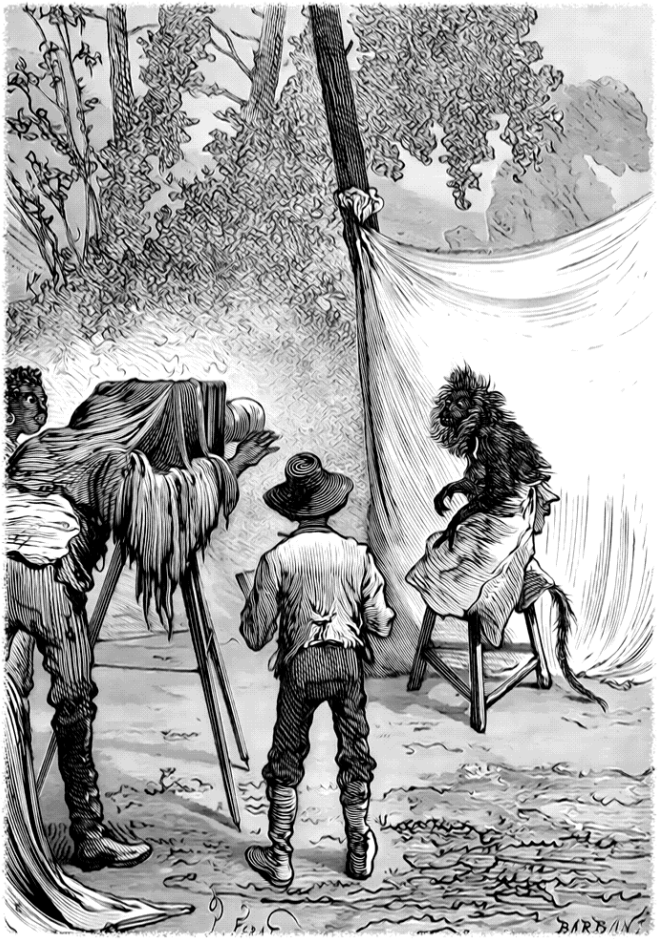
Вскоре журналист и его помощник стали искусными фотографами; у них получались удачные видовые снимки — панорама острова с горой Франклина на горизонте, снятая с плато Кругозора, устье реки Благодарения, живописно обрамленное высокими скалами, лесная опушка и кораль, прилепившийся к отрогам горы, причудливые очертания мыса Коготь и мыса Находки.

Фотографы не забыли запечатлеть на снимках и всех обитателей острова без исключения.

— Мы множимся, — шутил Пенкроф.

Моряк был в восторге от собственного портрета, украшавшего вместе с другими снимками стены Гранитного дворца; он рассматривал с удовольствием и подолгу эту выставку, точно перед ним была витрина роскошного магазина на Бродвее.

Откровенно говоря, удачнее всего получился дядюшка Юп. Он позировал фотографу с неописуемой важностью и вышел на снимке как живой!


BARBANT

— Будто сейчас скорчит гримасу, — посмеивался моряк.

Характер у Юпа был норовистый, он бы вспылил, не придись портрет ему по вкусу; но снимок был так хорош, что он созерцал его с умиленным и самодовольным видом.

В марте стало прохладнее. Порой выпадали дожди, но воздух по-прежнему был теплый. В этом году март — а он соответствует сентябрю в Северном полушарии — оказался дождливее и холоднее, чем ждали. Быть может, это предвещало раннюю и суровую зиму.

Как-то утром, дело было 21 марта, всем даже показалось, что выпал первый снег. Встав рано поутру, Герберт подошел к окошку и вдруг крикнул:

— Смотрите, весь островок Спасения в снегу!

— Рановато идти снегу, — заметил журналист, выглянув в окно.

К ним подбежали друзья — все убедились, что не только островок, но и берег у подножия Гранитного дворца покрыт ровной белой пеленой.

— Самый настоящий снег! — заявил Пенкроф.

— Или что-то вроде него, — отозвался Наб.

— По ведь термометр показывает пятьдесят восемь градусов (14° выше нуля по стоградусному

термометру)! — заметил Гедеон Спилет.

Сайрес Смит смотрел на белую пелену молча, ибо не знал, чем объяснить, что снег выпал в такое время года и при такой теплой погоде.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Все наши насаждения вымерзнут!

Моряк уже собрался спуститься вниз, но непоседа Юп опередил его.

Не успел орангутанг ступить на землю, как толстый пласт снега взвился вверх и рассыпался в воздухе бесчисленными хлопьями, на мгновение заслонив солнце.

— Птицы! — крикнул Герберт.

Действительно, то были стаи морских птиц с ослепительно белым оперением. Сотни тысяч птиц опустились на островок и на побережье, а теперь, взмыв в небо, исчезли вдали, на глазах у изумленных колонистов, перед которыми, точно на сцене, зима неожиданно сменилась летом. К сожалению, все произошло так внезапно, что Гедеону Спилету и Герберту не удалось подстрелить ни одной птицы. Так друзья и не узнали, к какой породе принадлежат эти пернатые и как они называются.

Спустя несколько дней, 26 марта, исполнилось два года с тех пор, как аэронавты, потерпевшие крушение, попали на остров Линкольна!

ГЛАВА XIX

Воспоминания о родине. — Надежды. — Планы исследования побережья. — 16 апреля — день отплытия. — Вид с моря на полуостров Извилистый. — Базальтовые скалы на западном берегу. — Непогода. — Наступление ночи. — Еще одна загадка

Прошло целых два года! Два года колонисты жили вдали от людей! Они не ведали о том, что творится в цивилизованном мире, и, попав на остров, затерянный среди океана, словно очутились на крошечном астероиде Солнечной системы.

Что сейчас происходит у них на родине? Их неотступно преследовала мысль о родной стране, стране, которую раздирала гражданская война в тот час, когда они ее покидали, — может быть, мятеж южан заливает ее потоками крови! Мысль эта наполняла их тревогой, и они часто беседовали о родине, не сомневаясь, однако, что правое дело северян восторжествует во славу Соединенных Штатов.

За эти два года ни один корабль не прошел в виду острова, ни один парус не появился на горизонте. Очевидно, остров Линкольна находился в стороне от морских путей и о нем никто не знал, о чем свидетельствовали также и карты. Иначе

источники пресной воды, бесспорно, привлекали бы сюда корабли, хоть на острове и не было удобной бухты.

Безбрежное море, расстилавшееся вокруг, было всегда пустынно, и колонисты знали, что никто не поможет им вернуться на родину, что надо рассчитывать только на самих себя. И все же у них была единственная возможность спастись, о ней колонисты и говорили как-то в начале апреля, собравшись в зале Гранитного дворца.

Речь зашла об Америке, о родной стране, которую они почти не надеялись увидеть снова.

— Право же, у нас только одна возможность покинуть остров Линкольна, — сказал Гедеон Спилет, — надо построить корабль, чтобы пройти по морю несколько сот миль. Раз нам удалось построить бот, построим и корабль.

— И доберемся до островов Туамоту, раз добрались до острова Табор, — подхватил Герберт.

— Я не против этого, — ответил Пенкроф, обладавший решающим голосом во всех вопросах, касавшихся мореплавания, — не против, хотя одно дело — проплыть большое расстояние, а другое — проплыть маленькое! Когда мы плыли на остров Табор, ветер играл нашим ботом, как щепкой, но мы знали, что берег недалек, а тысяча

двести миль — не малый путь: ведь до ближайшей земли не меньше!

— Неужели, Пенкроф, вы не отважитесь? — спросил журналист.

— Я-то на все готов, мистер Спилет, — ответил моряк, — сами знаете, перед опасностью я не отступаю!

— Заметь-ка, Пенкроф, ведь у нас завелся еще один моряк, — вставил Наб.

— Кто же? — удивился Пенкроф.

— Айртон.

— Верно, — подтвердил Герберт.

— Если только он захочет отправиться с нами! — сказал Пенкроф.

— Что вы, Пенкроф! — воскликнул журналист. — уж не думаете ли вы, что если бы яхта Гленарвана пристала к острову Табор в те дни, когда Айртон жил там, он отказался бы уехать?

— Вы забываете, друзья, — заметил Сайрес Смит, — что разум у Айртона помутился только за последние годы. Но дело не в этом. Надо решить, можно ли рассчитывать, что шотландский корабль вернется за Айртоном? Ведь Гленарван обещал возвратиться на остров Табор, когда сочтет, что Айртон искупил свою вину, и я уверен, он сдержит свое слово.

— Несомненно, — сказал журналист, — и приедет скоро, ибо Айртон в изгнании уже двенадцать лет!

— Да и я согласен с вами, — сказал Пенкроф, — лорд Гленарван вернется, и ждать его недолго. Но где, по-вашему, пристанет его яхта? Конечно, к острову Табор, а не к острову Линкольна.

— Совершенно верно, — вмешался в разговор Герберт, — тем более что остров Линкольна даже не нанесен на карту.

— Поэтому-то, друзья мои, — продолжал инженер, — надо принять меры и известить того, кто приплывет к острову Табор, что Айртон и мы сами находимся на острове Линкольна.

— Что верно, то верно, — сказал журналист, — по-моему, проще всего оставить в хижине, где жил капитан Грант, а затем Айртон, записку с точными координатами нашего острова, да положить так, чтобы она бросилась в глаза Гленарвану или его спутникам.

— До чего же досадно, — воскликнул моряк, — что мы не сообразили сделать это, когда были на острове Табор!

— Нам это и в голову не пришло! — заметил Герберт. — Ведь мы не знали о прошлом Айртона, не знали, что за ним обещали приехать; все стало

известно только осенью, но тогда из-за ненастья нельзя было возвратиться на остров Табор.

— Да, — подтвердил Сайрес Смит, — тогда было уже поздно, теперь придется ждать до весны.

— А что, если шотландская яхта явится именно теперь? — спросил Пенкроф.

— Вряд ли, — ответил инженер, — зимой Гленарван не пустится в дальнее плавание. Но, может статься за те пять месяцев, что Айртон живет здесь, Гленарван побывал на острове Табор, если же нет, то нам еще долго его ждать, и мы не опоздаем; в октябре, когда наступит хорошая погода, отправимся на остров Табор и оставим там записку.

— Не повезло нам, — заметил Наб, — если яхта «Дункан» уже побывала в этих морях.

— Надеюсь, что нет, — отозвался Сайрес Смит, — провидение не лишит нас возможности попасть на родину!

— Во всяком случае, — заметил журналист, — если яхта и подплывала к острову Табор, мы это заметим, когда будем там; на месте и решим, как поступать.

— Совершенно верно, — ответил инженер. — Итак, друзья, запасемся терпением и будем надеяться, что на яхте вернемся к родным бере-

гам; а если надежда нас обманет, тогда подумаем, как быть.

— И уж конечно, — добавил Пенкроф, — мы покинем остров Линкольна не потому, что нам здесь плохо!

— Разумеется, Пенкроф, — отозвался инженер, — покинем потому, что оторваны от всего, что дорого человеку — от семьи, друзей и отчизны!

Приняв такое решение, колонисты больше не заводили разговор о постройке большого корабля, о дальнем плавании на север, к архипелагам, или на запад к берегам Новой Зеландии, и приступили к повседневным делам, готовясь к третьей зимовке в Гранитном дворце.

Правда, до наступления ненастных дней колонисты решили обойти на боте вокруг острова. Они еще как следует не обследовали побережье, и у них было весьма туманное представление о его северной и западной частях, лежавших между устьем Водопадной речки и мысом Челюсть, а также об узком заливе, похожем на разверстую пасть акулы.

Это был замысел Пенкрофа, и Сайрес Смит, которому хотелось осмотреть свои владения, вполне одобрил его.

Погода стояла неустойчивая, но барометр не делал резких скачков, поэтому колонисты рассчитывали, что атмосферные условия будут благоприятствовать плаванию. В начале апреля стрелка барометра пошла вниз, пять-шесть дней дул сильный западный ветер, а потом она пошла на «ясно» и замерла на уровне 29,9 дюйма (759,45 миллиметра); колонисты сочли, что пришло время пуститься в путь.

Решили отплыть 16 апреля, и «Бонадвентур», стоявший на якоре в порту Воздушного шара, был снаряжен для путешествия, которое могло затянуться.

Сайрес Смит предупредил Айртона о предполагаемой экспедиции и предложил принять в ней участие, но Айртон отказался, и они условились, что до возвращения колонистов он будет жить в Гранитном дворце. Вместе с ним должен был остаться и дядюшка Юп, который отнесся к решению вполне благосклонно.

Утром 16 апреля колонисты в сопровождении Топа пустились в путь. Дул сильный юго-западный ветер, и «Бонадвентур», выйдя из порта Воздушного шара, лавировал, держа курс на Змеиный мыс. Окружность острова равнялась девяноста милям, а южная часть побережья, от

гавани до мыса, — двадцати милям. Все эти двадцать миль колонисты плыли против ветра.

Прошел почти весь день, пока бот достиг мыса, ибо через два часа после его отплытия кончился отлив, и «Бонадвентуру» пришлось шесть часов подряд бороться с приливом. Только с наступлением ночи он обогнул мыс.

Тут Пенкроф, взяв два рифа на парусах, предложил инженеру продолжать путь с небольшой скоростью. Но Сайрес Смит предпочел стать на якорь в нескольких кабельтовых от острова, чтобы днем осмотреть берег. Условились плыть только днем, чтобы получше исследовать побережье, а с наступлением сумерек бросить якорь поближе к земле.

Итак, бот простоял на якоре у мыса всю ночь; ветер улегся, клубился туман, и было очень тихо. Мореплаватели, кроме Пенкрофа, уснули, хотя и не таким крепким сном, как у себя дома.

Семнадцатого апреля Пенкроф с восходом солнца снялся с якоря и пошел левым галсом полным бакштагом, держась вблизи западного берега.

Колонистам уже был знаком живописный берег, поросший лесом, по опушке которого они как-то шли пешком, однако они восторгались ландшафтом и на этот раз. Чтобы получше все

рассмотреть, плыли, стараясь держаться поближе к суше, осторожно обходя стволы деревьев, носившиеся по волнам. Несколько раз даже бросали якорь, и Гедеон Спилет фотографировал прекрасные пейзажи.

Около полудня «Бонадвентур» подошел к устью Водопадной речки. Вдоль ее правого берега тянулся негустой лес, а подальше, в трех милях отсюда, виднелись лишь редкие рощицы, разбросанные между западными отрогами бесплодного кряжа, спускавшегося к самому морю.

Как отличались друг от друга южная и северная части побережья! С одной стороны — яркая зелень лесов, с другой — дикие, бесплодные скалы! Южный берег можно было бы назвать «железным берегом» — так в иных краях именуют подобные места; вздыбленные скалы, казалось, свидетельствовали о том, что здесь в одну из геологических эпох произошла внезапная кристаллизация кипящей лавы. Колонисты ужаснулись бы при виде страшного нагромождения глыб, если бы случай забросил их сюда в час крушения! Оглядывая окрестности с вершины горы Франклина, они не представляли себе, как зловещ и мрачен этот берег, ибо смотрели на него с большой высоты, а сейчас он предстал перед ними во всей своей

неповторимой самобытности; быть может, нигде на свете нельзя было лицезреть подобного ландшафта.

«Бонадвентур» прошел в полумиле от берега. На таком расстоянии нетрудно было увидеть, что побережье завалено глыбами высотою от двадцати до трехсот футов и самых причудливых очертаний: глыбы цилиндрической формы напоминали башни, призматической — колокольни, пирамидальной — обелиски, конической — фабричные трубы. Даже хаотическое нагромождение торосов в ледовитых морях не являло бы собою такого величественного и страшного зрелища. То чудилось, будто видишь мостики, переброшенные со скалы на скалу, то — арки, подобные вратам храма, в глубине которого терялся взгляд; подальше — обширные пещеры с монументальными сводами; а рядом — лес шпилей, пирамидальных башенок, шпицев, каких не найти ни в одном готическом соборе. Творения природы, более разнообразные и причудливые, нежели произведения, созданные воображением человека, придавали нечто величественное этому берегу, тянувшемуся на восемь-девять миль.

Сайрес Смит и его спутники, застыв от изумления, смотрели на побережье. Зато Топ без

стеснения нарушал тишину и громко лаял, пробуждая в базальтовых скалах многоголосое эхо. Лай этот показался странным инженеру — именно так лаял пес, бегая вокруг отверстия колодца — в Гранитном дворце.

— Причалим, — распорядился Сайрес Смит.

И «Бонадвентур» почти вплотную подошел к скалистому берегу. Быть может, там обнаружится какой-нибудь грот, который следовало бы обследовать? Но Сайрес Смит ничего не обнаружил — ни пещеры, ни углубления, негде было притаиться живому существу, ибо волны в прибой заливали подножия скал. Вскоре Топ умолк, и судно поплыло дальше, по-прежнему в нескольких кабельтовых от берега.

Северо-западная часть побережья была пологой и песчаной; кое-где над болотистой низиной, уже знакомой колонистам, торчали одинокие деревья; водяные птицы оживляли пейзаж, представлявший разительный контраст с пустынным берегом, оставшимся позади.

Вскоре «Бонадвентур» бросил якорь у северной оконечности острова в небольшой, но такой глубокой бухточке, что удалось причалить прямо к берегу. Ночь прошла спокойно, ибо ветер, если можно так выразиться, угас с последними

лучами солнца и снова ожил только с первыми проблесками зари.

Сойти на берег было нетрудно, поэтому Герберт и Гедеон Спилет, признанные лучшими охотниками колонии, с рассветом отправились в лес и через два часа вернулись со связками уток и куликов. Топ творил чудеса, и благодаря его проворству и усердию они не упустили ни одной птицы.

В восемь часов утра «Бонадвентур» поднял якорь и при попутном ветре, который заметно свежел, понесся к мысу Северная Челюсть.

— Я ничуть не удивлюсь, — вдруг сказал Пенкроф, — если с запада подует штормовой ветер. Вчера закат был багровым, а утром на небе появились «кошачьи хвосты», а они не сулят ничего хорошего.

«Кошачьими хвостами» называют длинные облака, разбросанные в зените и напоминающие легкие хлопья ваты; они не спускаются ниже пяти тысяч футов наш уровнем моря и обычно предвещают бурю.

— Ну что ж! — произнес Сайрес Смит. — Помчимся на всех парусах и поищем убежище в заливе Акулы. Думаю, что там «Бонадвентуру» не будет угрожать опасность.

— Совершенно верно, — подтвердил Пенкроф, — к тому же на северном берегу скучно

— одни дюны.

— Я бы охотно провел не только ночь, но и весь завтрашний день в этом заливе, — добавил инженер, — его стоит осмотреть как следует.

— Полагаю, что нам волей-неволей придется это сделать, — ответил Пенкроф, — поглядите-ка, что творится на западе! Черным-черно!

— Во всяком случае, при попутном ветре мы успеем добраться до мыса Северная Челюсть, — заметил журналист.

— Ветер-то попутный, — отозвался моряк, — а лавировать придется, иначе в залив не войдешь, и делать это лучше засветло: ведь мы не знаем, какое там дно!

— Дно там, вероятно, усеяно рифами, — подхватил Герберт, — если судить по южной части залива Акулы.

— Вам виднее, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — мы на вас полагаемся.

— Будьте покойны, мистер Сайрес, — ответил моряк, — зря рисковать не стану! Пусть лучше меня пырнут ножом, только бы нутро «Бонадвентура» не пострадало.

«Нутром» Пенкроф называл подводную часть судна, ведь он дорожил ботом больше, чем своей жизнью.

— Который час? — спросил Пенкроф.

— Десять, — ответил Гедеон Спилет.

— А сколько миль осталось до мыса Северная Челюсть, мистер Сайрес?

— Около пятнадцати, — сказал инженер.

— Через два с половиной часа, — сказал моряк, — то есть в половине первого, мы выйдем на траверз мыса. Досадно, что прилив в эту пору схлынет и настанет отлив. Трудно, пожалуй, будет войти в бухту против течения и ветра, вот чего я боюсь.

— Тем более, — сказал Герберт, — что сегодня полнолуние и что сейчас, в апреле, будут сильные приливы и отливы.

— Как по-вашему, Пенкроф, — спросил Сайрес Смит, — нельзя ли бросить якорь у оконечности мыса?

— Бросить якорь у самого берега, когда вот-вот разразится буря! — воскликнул моряк. — Да вы что, мистер Сайрес! Захотели по своей охоте ко дну пойти?

— Как же быть?

— Постараюсь продержаться в открытом море до начала прилива, то есть до семи часов вечера, и если еще не совсем стемнеет, попытаюсь войти в залив; не удастся — ляжем в дрейф на всю ночь,

а на заре я проведу бот в бухту.

— Повторяю, Пенкроф, мы полагаемся на вас, — сказал Сайрес Смит.

— Эх, — вздохнул Пенкроф, — стоял бы здесь маяк, нам плыть по морю было бы куда легче!

— Верно, — поддержал Герберт, — но сейчас на берегу нас не ждет заботливый друг, никто не разожжет костра, не укажет нам пути в бухту!

— Да, кстати, дорогой Сайрес, — обратился к инженеру Гедеон Спилет, — мы даже не поблагодарили вас, а ведь, по совести говоря, нам бы ни за что не увидеть острова, если бы не костер…

— Костер? — с удивлением переспросил Сайрес Смит.

— Речь идет о том, мистер Сайрес, что нам туго пришлось на борту «Бонадвентура», — ответил за журналиста Пенкроф, — когда мы возвращались домой. Мы наверняка прошли бы мимо острова, если бы вы не позаботились, не зажгли костра на площадке возле Гранитного дворца в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября.

— Да, да, конечно… — проговорил инженер, — мысль была удачная!

— А вот сейчас некому оказать нам такую услугу, разве только Айртон догадается, — добавил моряк.

— Да, некому! — подтвердил Сайрес Смит.

А несколько минут спустя, оставшись вдвоем с журналистом на носу судна, инженер тихо сказал:

— Знаю лишь одно, Спилет, что в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября я не зажигал костра на площадке возле Гранитного дворца, да и нигде в ином месте!

ГЛАВА XX

Ночь в море. — Залив Акулы. — Признание. — Подготовка к зиме. — Ранняя зима. — Холода. — Колонисты работают дома. — Полгода спустя. — Фотографический снимок. — Неожиданность

Все произошло именно так, как предвидел Пенкроф, — чутье не обмануло его. Ветер все свежел и, разразившись бурей, достиг скорости сорока — сорока пяти миль в час;[12] парусники, застигнутые таким ветром в открытом море, обычно спешат взять рифы и убрать брамселя. Было около шести часов вечера, когда «Бонадвентур» пришел на траверз залива Акулы, но начался отлив, и судну не удалось войти в бухту. Капитан Пенкроф, вынужденный держаться в открытом море, при всем желании не мог бы добраться даже до устья реки Благодарения. Итак, зарифив грот и поставив кливер, он выжидал, повернув бот носом к суше.

К счастью, несмотря на бешеные порывы ветра, море, защищенное берегом, разбушевалось не

---

[12] Примечания: 12

Около 106 километров в час. *(Примеч. автора.)*

очень сильно. Нечего было опасаться валов, удары которых гибельны для маленьких суденышек. Да и «Бонадвентур», вероятно, не перевернулся бы, ибо был нагружен балластом по всем правилам, но огромные валы обрушивались на палубу и могли разбить судно. Пенкроф — опытный моряк — приготовился к бою. Он безгранично верил в достоинства своего бота, но все же ждал утра с некоторым беспокойством.

За всю ночь Сайресу Смиту и Гедеону Спилету ни разу не удалось остаться с глазу на глаз, а между тем, судя по словам, которые инженер шепнул журналисту, следовало поговорить о новом проявлении таинственной силы, по-видимому управляющей островом Линкольна. Гедеона Спилета неотступно преследовала мысль о новой загадке — о костре, горевшем на взморье. Ведь не приснился же ему костер! Герберт и Пенкроф тоже его видели! Костер помог им в непроглядной тьме определить положение острова; они не сомневались, что его разжег инженер, а теперь, извольте-ка видеть, Сайрес Смит решительно утверждает, что он тут ни при чем!

Журналист дал себе слово обсудить все это с инженером, как только они вернутся домой, и убедить Сайреса Смита, что в тайну необходимо

посвятить всех. Быть может, надо сообща исследовать остров Линкольна!

Как бы то ни было, но в эту ночь огонь не появился на побережье у входа в неисследованный залив, и бот до утра дрейфовал в открытом море.

Когда на востоке появились первые проблески зари, ветер чуть утих и переменил направление на два румба, что позволило Пенкрофу без труда провести бот по узкому проливу. Часов в семь утра «Бонадвентур», обогнув мыс Северная Челюсть, осторожно миновал пролив и вошел в бухту, обрамленную глыбами застывшей лавы самых причудливых очертаний.

— Отменный рейд, тут мог бы разместиться целый флот! — воскликнул Пенкроф.

— Примечательнее всего здесь то, — заметил Сайрес Смит, — что берега залива образованы двумя потоками вулканической лавы, очевидно, с каждым извержением ее накапливалось все больше. Поэтому залив превосходно защищен: должно быть, даже во время шторма море тут спокойно, словно озеро.

— Верно, — ответил моряк, — ветер может ворваться сюда только через узкую горловину между двумя мысами, к тому же северный мыс прикрывает южный, так что, шквалам сюда

вторгнуться трудновато. Ей-богу, наш «Бонадвентур» мог бы тут целый год спокойно простоять на якорях.

— Залив для него великоват! — заметил журналист.

— Ваша правда, мистер Спилет, — сказал моряк, — для «Бонадвентура» он великоват; но я думаю, что если флоту Соединенных Штатов понадобится надежное убежище в Тихом океане, то лучшего и не найти!

— Мы будто попали в пасть акулы, — заметил Наб, — намекая на очертания залива.

— В самую пасть, старина Наб! — отозвался Герберт. — Нечего бояться — акула нас не проглотит.

— Да я, Герберт, и не боюсь, — ответил Наб, — но все же залив мне не по душе. Очень уж тут мрачно!

— Что же ты, Наб, делаешь, — воскликнул Пенкроф, — порочишь мой залив, а я ведь собрался было преподнести его в дар Америке!

— Как вы думаете, глубоко ли здесь? — осведомился инженер. — Ведь то, что подходит нашему «Бонадвентуру», пожалуй, не подойдет бронированным судам.

— Проверить нетрудно, — ответил Пенкроф.

И моряк бросил в воду самодельный лот — длинный линь с железным грузилом. Этот линь, а в нем было около пятидесяти морских саженей, размотался до конца, но лот дна не коснулся.

— Ну, наши бронированные суда войти могут, на мель не сядут, — заметил Пенкроф.

— Действительно, — согласился Сайрес Смит, — тут настоящая пучина; но ведь остров вулканического происхождения, и потому нет ничего удивительного, что в морском дне попадаются такие глубокие впадины.

— Берега залива возвышаются словно отвесные скалы, — заметил Герберт, — я думаю, Пенкроф не достал бы дна, брось он у их подножия веревку в пять-шесть раз длиннее.

— Все это хорошо, — сказал журналист, — но, по-моему, вашему порту, Пенкроф, кое-чего недостает.

— Чего именно, мистер Спилет?

— Выступа, выемки, чтобы выбраться на берег; стена такая гладкая, что по ней и не вскарабкаешься.

И действительно, к высоким, крутым стенам из лавы, окружающим залив, нельзя было подступиться. Словно то были неприступные валы бастиона или берега норвежских фиордов, но

еще суровее. «Бонадвентур» шел вдоль стен, чуть ли не касаясь их, но путешественники не обнаружили ни единого выступа, который помог бы им сойти на берег.

Пенкроф утешался тем, что в случае надобности можно будет миной подорвать стену; потом, решив, что в заливе делать больше нечего, направил бот к выходу из бухты и около двух часов пополудни очутился в открытом море.

— Уф! Наконец-то! — воскликнул Наб и вздохнул полной грудью.

Очевидно, нашему славному негру было не по себе в огромной акульей пасти!

От мыса Челюсть до устья реки Благодарения насчитывалось не более восьми миль. Распустив паруса, «Бонадвентур» взял курс на Гранитный дворец и поплыл, Держась на расстоянии мили от берега. Громады скал из застывшей лавы вскоре сменились живописными дюнами, где некогда чудом спасся инженер. Там сотнями водились морские птицы.

Около четырех часов пополудни бот обогнул слева островок Спасения, вошел в пролив, отделяющий островок от побережья, а в пять часов якорь «Бонадвентура» вонзился в песчаное дно устья реки Благодарения.

Трое суток колонисты не были дома. Айртон ждал их на берегу, а дядюшка Юп радостно бросился им навстречу, посапывая от удовольствия.

Итак, друзья закончили полное обследование побережья, не обнаружив ничего подозрительного. Если на острове и жило некое таинственное существо, то оно, вероятно, пряталось в чаще непроходимых и еще не исследованных лесов, на полуострове Извилистом.

Обсудив все эти вопросы, Гедеон Спилет и инженер решили, что следует указать друзьям на все те странные происшествия, которые случились на острове, особенно на последнее, самое необъяснимое.

Когда они заговорили о костре, зажженном кем-то на берегу, Сайрес Смит не мог удержаться, чтобы в двадцатый раз не переспросить журналиста:

— Да не ошиблись ли вы? Не приняли ли вы за костер сноп огня, вырвавшегося из кратера вулкана, или падающий метеор?

— Нет, Сайрес, — ответил журналист, — это был костер, зажженный человеком. Впрочем, спросите Пенкрофа и Герберта. Они тоже видели его и подтвердят мои слова.

И вот несколько дней спустя, вечером 25 ап-

реля, когда все колонисты собрались на плато Кругозора, Сайрес Смит обратился к ним с такими словами:

— Друзья мои! Считаю своим долгом указать вам на некоторые странные явления, и мне хотелось бы знать ваше мнение о них. Эти, я бы сказал, сверхъестественные явления…

— Сверхъестественные! — воскликнул моряк, дымя трубкой. — Стало быть, наш остров можно назвать сверхъестественным?

— Нет, Пенкроф, но безусловно — таинственным, ответил инженер, — хотя, может быть, вам и удастся объяснить то, чего мы со Спилетом до сих пор не в силах понять.

— Расскажите же, в чем тут дело, мистер Сайрес, — попросил моряк.

— Так вот! Можете ли вы понять, — продолжал Сайрес, — как я, чуть было не утонув в море, очутился в четверти мили от берега, причем я понятия не имею, как добрался до пещеры.

— Вероятно, в беспамятстве… — заметил Пенкроф.

— Это немыслимо, — возразил инженер. — Далее. Можете ли вы понять, каким образом Топ разыскал ваше убежище, — ведь оно находится в пяти милях от той пещеры, где я лежал!

— Ему помог инстинкт… — сказал Герберт.

— При чем тут инстинкт? — перебил его журналист. — В ту ночь лил дождь и бушевал ветер, а Топ явился в Трущобы сухим и чистым.

— Далее, — продолжал инженер. — Можете ли вы понять, что за непостижимая сила выбросила из воды нашего пса после схватки с дюгонем?

— Нет, признаюсь, не могу, — сказал Пенкроф, — как и не могу понять, кто вспорол брюхо дюгоню, ведь рана была ножевая…

— Далее, — продолжал Сайрес Смит. — Можете ли вы, друзья, понять, каким чудом угодила дробинка в тело пекари, каким образом море выбросило, на наше счастье, ящик с необходимыми вещами, хотя мы и не обнаружили следов кораблекрушения; по чьей воле бутылка с запиской попала к нам в руки именно в тот день, когда мы впервые пустились в плавание; почему оборвался фалинь и пирога, плывя вниз по реке Благодарения, подоспела в тот миг, когда мы в ней так нуждались; как случилось, что после нашествия обезьян лестница упала из двери Гранитного дворца, и кто, наконец, автор той записки, которую Айртон, так он, по крайней мере, утверждает, никогда не писал?

Сайрес Смит, ничего не упуская, перечислил

все странные происшествия, случившиеся на острове. Герберт, Пенкроф и Наб переглядывались, не зная, что ответить, ибо впервые все эти события предстали перед ними как звенья одной цепи и несказанно поразили их.

— Ей-богу, вы правы, мистер Сайрес, — воскликнул, наконец, Пенкроф, — трудно объяснить все это!

— Так вот, друзья мои, — продолжал инженер, — добавлю еще один факт, не менее странный и непонятный.

— Какой же, мистер Сайрес? — с живостью спросил Герберт.

— Вы утверждаете, Пенкроф, — продолжал инженер, — что, возвращаясь с острова Табор, увидели костер, пылавший на берегу острова Линкольна?

— Точно так, — ответил моряк.

— И вы твердо уверены, что видели огонь?

— Разумеется.

— А ты, Герберт?

— Ах, мистер Сайрес, — воскликнул Герберт, — огонь блестел, как звезда первой величины!

— Быть может, это и была звезда? — допытывался инженер.

— Ну нет, — возразил Пенкроф. — Ведь тяжелые

тучи застилали небо, да и разве звезда могла повиснуть над самым горизонтом? Мистер Спилет тоже видел костер, пусть он подтвердит наши слова!

— Должен прибавить, — заметил журналист, — что огонь горел очень ярко, напоминая сноп электрического света.

— Совершенно верно… — воскликнул Герберт, — и, без сомнения, горел на площадке у Гранитного дворца.

— Так вот, друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября ни я, ни Наб не разводили костра на берегу.

— Как, вы не… — И пораженный Пенкроф даже не закончил фразы.

— Мы не выходили из Гранитного дворца, — ответил Сайрес Смит, — и если в эту ночь на побережье горел костер, мы тут ни при чем.

Пенкроф и Герберт остолбенели от изумления. Нет, они не могли обмануться: в ночь с 19 на 20 октября они действительно видели огонь, горевший на берегу.

Да! Пришлось согласиться: все это было окружено тайной! Некая непостижимая сила, благосклонно относившаяся к колонистам, очевидно, владела островом Линкольна и вовремя приходи-

ла им на помощь. Друзья сгорали от любопытства. Уж не скрывается ли таинственное существо где-нибудь в заповедном месте? Вот что нужно было узнать, и любой ценой!

Сайрес Смит напомнил товарищам о том, как странно вели себя Топ и Юп, бегая вокруг колодца, который спускался из дома прямо к морю, и признался, что обследовал колодец, но не обнаружил ничего подозрительного. Колонисты закончили беседу, решив в первые же весенние дни обыскать весь остров.

С того вечера Пенкроф стал задумчив и озабочен. Ему все казалось, что на острове, который он до сих пор считал своей собственностью, теперь появился еще один хозяин, и что всем им волей-неволей приходится ему подчиняться. Они с Набом часто толковали о загадках острова Линкольна, а так как оба были суеверны, то в конце концов почти поверили, что остров во власти какой-то сверхъестественной силы.

Подошел май, напоминающий ноябрь в Северном полушарии, и потянулись ненастные дни. Надвигалась ранняя суровая зима. Поэтому надо было, не откладывая, подготовиться к зимовке.

Впрочем, колонисты во всеоружии встречали и самые сильные холода. У них был немалый

запас самодельной одежды, а многочисленное стадо муфлонов в избытке снабжало их шерстью, необходимой для изготовления грубой, но теплой материи.

Разумеется, Айртона тоже одели по-зимнему. Сайрес Смит предложил ему с наступлением холодов переселиться в Гранитный дворец, где было гораздо уютнее, чем в корале, и Айртон обещал перебраться, как только закончит все работы. Он сдержал слово и переселился в середине апреля. С той поры Айртон стал жить вместе со всеми колонистами; он был услужлив, держался скромно, но вид у него был печальный, и он никогда не принимал участия в развлечениях товарищей.

Почти всю зиму — третью зиму на острове Линкольна — колонисты не выходили из дома. Бушевали бури, свирепствовали ужасающие ураганы, утесы содрогались под натиском ветра. Огромные волны, казалось, вот-вот зальют остров: корабль, случайно бросивший якорь у берега, непременно разбился бы о скалы. Дважды во время шторма река Благодарения разливалась и грозила снести мосты и мостики. Колонистам даже пришлось укрепить мосты, наведенные на побережье и исчезавшие под водой всякий раз,

когда волны били о берег.

Разумеется, вихри с дождем и снегом, напоминавшие смерч, натворили немало бед на плато Кругозора. Особенно досталось мельнице и птичнику. Колонистам то и дело приходилось спешно чинить повреждения, спасая от гибели пернатых.

Нередко в те дни, когда разыгрывалась непогода, ягуары, бродившие парами, и стаи обезьян, подгоняемые голодом, подходили к плато; самым ловким и смелым ничего не стоило перебраться через ручей, тем более скованный льдом. Колонисты опасались, как бы от хищников не досталось огородам, полям и домашним животным, и всегда были начеку: нередко приходилось выстрелами из ружья отгонять непрошеных гостей. Конечно помимо этих забот у зимовщиков всегда находилось множество всяких дел, ибо они непрестанно занимались благоустройством своего жилища.

Иногда, даже в эти холодные дни, они отправлялись поохотиться на Утиное болото. Гедеон Спилет и Герберт с помощью Юпа и Топа поднимали целые тучи уток, куликов, чирков, чибисов и шилохвостей и били их без промаха. Добраться до этих мест, изобилующих дичью, было нетрудно — либо по дороге, ведущей к порту Воздушного

шара через реку Благодарения, либо обогнув мыс Находки; словом, охотники удалялись от дома на две-три мили, не больше.

Так миновали четыре самых суровых зимних месяца — июнь, июль, август и сентябрь. Вообще же обитатели Гранитного дворца не очень страдали от непогоды, так же как и обитатели кораля, который стоял не на таком открытом месте, как Гранитный дворец, и был с одной стороны защищен горой Франклина, а с других — лесами и высоким скалистым берегом; разбиваясь об эти преграды, шквалы теряли свою сокрушительную силу. Поэтому бури принесли коралю совсем незначительный урон, и деятельный, умелый Айртон все быстро исправил, прожив там несколько дней во второй половине октября.

Никаких таинственных происшествий зимой на острове не случилось. Ничего загадочного не произошло, хотя Пенкроф и Наб готовы были видеть нечто таинственное в каждом пустяке. Топ и Юп больше не вертелись вокруг колодца и вели себя спокойно. Цепь сверхъестественных явлений словно оборвалась, хотя обитатели Гранитного дворца вечерами часто говорили о них и не меняли решения обыскать весь остров, вплоть до самых неприступных его уголков.

Но одно важное событие, чреватое роковыми последствиями, внезапно нарушило все планы Сайреса Смита и его товарищей.

Случилось это в октябре. Приближалась весна. Живительные лучи солнца обновили природу, и на опушке леса, среди хвойных деревьев, уже зазеленели крапивные деревья, банксии, деодары.

Читатель помнит, что Гедеон Спилет и Герберт много раз фотографировали остров Линкольна.

Однажды, дело было 17 октября, около трех часов пополудни, Герберт решил воспользоваться ясной погодой и запечатлеть на фотографии всю бухту Соединения, раскинувшуюся против Гранитного дворца от мыса Челюсть до мыса Коготь.

Четко вырисовывалась линия горизонта, дул легкий ветерок, и море кое-где покрылось легкой рябью, а вдали походило на безмятежно-спокойное озеро; то тут, то там на его глади вспыхивали яркие блики.

Герберт поставил фотографический аппарат на подоконник в большом зале Гранитного дворца, откуда открывался широкий вид на берег и бухту. Сделав по всем правилам снимок, юноша пошел проявить его в темный чулан.

А когда он вернулся и при ярком свете разгля-

дел негатив, то заметил, что на линии горизонта чернеет еле заметное пятнышко.

«Пластинка с изъяном», — подумал Герберт.

Но все же он решил рассмотреть пятнышко в увеличительное стекло, вынутое из подзорной трубы.

Юноша взглянул на снимок и вскрикнул, чуть было не выпустив его из рук.

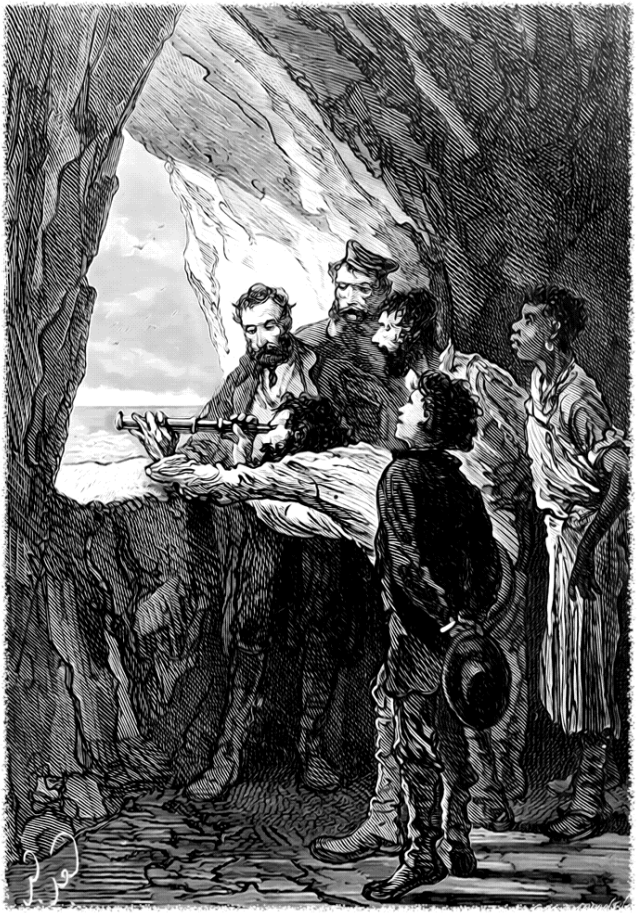
Вбежав в комнату, где работал Сайрес Смит, он протянул ему негатив и лупу и указал на пятнышко.

Сайрес Смит всмотрелся в точку, черневшую на снимке, и, схватив подзорную трубу, бросился к окошку. Он навел трубу на подозрительное пятнышко. Рассмотрев его, он опустил руку и произнес одно лишь слово:

— Корабль!

И действительно, на горизонте вырисовывался корабль.

Часть третья
ТАЙНА ОСТРОВА



ГЛАВА I

Гибель или спасение? — Срочный вызов Айртона. — Важный спор. — Это не «Дункан». — Подозрительный корабль. — Необходимо принять меры. — Корабль приближается. — Пушечный выстрел. — Бриг становится на якорь! — Наступление ночи

Два с половиной года прошло со знаменательного дня гибели воздушного шара, а его пассажирам, выброшенным на остров Линкольна, все еще не удалось установив связи с внешним миром. Однажды журналист попытался воспользоваться для этой цели птицей и, написав несколько слов, доверил крылатой вестнице тайну их исчезновения, но вряд ли можно было рассчитывать на то, что послание попадет к людям. За эти годы только один Айртон, при уже известных читателям обстоятельствам присоединился к маленькой колонии. И вдруг нежданно-негаданно в день 17 октября на вечно пустынной глади моря показалось судно!

Не могло быть и сомнения: в виду острова шел корабль! Но пройдет ли он мимо или приблизится к острову? Через два-три часа все выяснится.

Сайрес Смит и Герберт тотчас же позвали Спилета, Пенкрофа и Наба в большой зал Гранитного дворца и поделились с ними новостью. Схватив подзорную трубу, Пенкроф поспешно оглядел горизонт и обнаружил черную точку как раз в том месте, где на фотографической пластинке виднелось еле заметное пятнышко.

— Тысяча чертей! Да это действительно корабль! — произнес он без особого, впрочем, восторга.

— А куда он направляется? В нашу сторону? — осведомился Гедеон Спилет.

— Трудно что-либо утверждать, — ответил Пенкроф. — Пока из-за горизонта видны только мачты, а корпус еще не показался.

— Что же нам делать? — воскликнул юноша.

— Ждать, — ответил Сайрес Смит.

Несколько часов колонисты хранили молчание, отдавшись бурному потоку мыслей, чувств, страхов и надежд, порожденных этим происшествием, самым значительным со дня их прибытия на остров Линкольна.

Конечно, нельзя было сравнивать наших колонистов с теми злополучными жертвами кораблекрушения, которых море выбрасывает на бесплодный остров, где надо отвоевывать у

мачехи-природы право даже на самое жалкое существование и где человека терзает неотступное желание вернуться на обитаемую землю. В первую очередь был бы огорчен разлукой со своим островом Наб, да и Пенкроф тоже, чувствовавшие себя здесь такими счастливыми и богатыми. Оба они свыклись со своим новым существованием, они жили среди своих собственных владений, которые силою человеческого разума как бы приобщились к цивилизованному миру. Но ведь корабль — это вести с материка, это, быть может, частичка родины, и вот он теперь с каждой минутой приближается к ним, на его борту находятся люди, существа им подобные, — как же было не затрепетать сердцам колонистов при виде этого судна.

Время от времени Пенкроф брал подзорную трубу и подходил к окну. Отсюда он, напрягая все свое внимание, всматривался в очертания судна, которое теперь находилось в двадцати милях к востоку от острова. Значит, нечего было и думать, что оттуда заметят сигналы. Поднять флаг? Но флаг не увидят, звуки выстрелов не услышат и не разглядят дыма костра.

Тем не менее было совершенно ясно, что остров, над которым господствовала гора Франклина,

не мог ускользнуть от взора сигнальщиков, сидящих на мачте корабля. Но с какой стати судно пристанет к пустынному берегу? Разве не по чистой случайности очутилось оно в этой части Тихого океана, там, где на географических картах не указывается никаких земель, если не считать островка Табор, да и то он лежит в стороне от обычного курса, которым следуют суда дальнего плавания, направляющиеся к Полинезийским островам, к Новой Зеландии и берегам Америки?

Этот вопрос вставал перед каждым членом колонии, и ответил на него неожиданно для всех Герберт.

— А вдруг это «Дункан»? — воскликнул он.

Имя «Дункан», как помнит читатель, носила яхта лорда Гленарвана, который высадил Айртона на островке Табор и должен был рано или поздно вернуться за ним. А ведь этот островок находится довольно близко от острова Линкольна, и судно, державшее курс на остров Табор, так или иначе пройдет в виду колонистов. Оба острова разделяет всего сто пятьдесят миль по меридиану и семьдесят пять по параллели.

— Необходимо предупредить Айртона и срочно вызвать его сюда, — заметил Гедеон Спилет. — Только он, один может нам сказать, «Дункан»

это или нет.

Все согласились с мнением журналиста, и он, подойдя к телеграфному аппарату, связывавшему Гранитный дворец с коралем, выстукал следующие слова:

«Приходите немедленно».

Через несколько мгновений раздался ответный звонок.

«Иду», — сообщал Айртон.

Колонисты вновь обратили взоры на корабль.

— Если это «Дункан», — сказал Герберт, — Айртон конечно, сразу же его узнает, ведь он сам плавал некоторое время на этой яхте.

— И если узнает, — добавил Пенкроф, — вот-то взволнуется, бедняга.

— Да, — согласился Сайрес Смит, — но теперь Айртон может вступить на борт «Дункана» с гордо поднятой головой, и я от души желаю, чтобы это действительно оказалась яхта лорда Гленарвана, вряд ли другое судно может с добрыми намерениями явиться сюда! Недаром же эти места пользуются дурной славой, и я опасаюсь, как бы нам не нанесли визит малайские пираты.

— Мы будем защищать наш остров! — воскликнул Герберт.

— Конечно, дружок, но было бы лучше, чтобы

нас не вынуждали к защите, — с улыбкой заметил инженер.

— А знаете что? — вдруг произнес Гедеон Спилет. — Ведь остров Линкольна не нанесен на географические карты даже последних выпусков и, следовательно, мореплавателям неизвестен. И не кажется ли вам, Сайрес, что именно поэтому судно, случайно обнаружившее новую землю, скорее предпочтет обследовать ее, нежели пройти мимо?

— Разумно сказано, — заметил Пенкроф.

— Вполне согласен с вами, — подтвердил инженер. — Можно даже поручиться, что любой капитан сочтет прямым своим долгом отметить, а значит, и обследовать землю, еще не занесенную на карту, а наш остров как раз и является такой неизвестной географам территорией.

— Ну хорошо, — заметил Пенкроф, — предположим, что судно подойдет сюда, станет на якорь в нескольких кабельтовых от острова, что же мы тогда предпримем?

Общее молчание было ответом на этот вопрос, поставленный в упор. Но после недолгого размышления Сайрес Смит произнес своим обычным спокойным тоном:

— Вот что мы предпримем, друзья, вот что мы

обязаны предпринять: мы установим связь с кораблем и покинем наш остров, водрузив здесь флаг Соединенных Штатов. А затем мы вернемся обратно в сопровождении тех, кто выразит согласие последовать за нами, чтобы превратить наш остров в колонию и принести в дар Американской республике новый и весьма полезный клочок земли в этой части Тихого океана.

— Ур-ра! — закричал Пенкроф. — Да, мы сделаем нашей родине неплохой подарок. Освоение острова уже почти закончено, все части его окрещены, здесь имеется естественная гавань, здесь есть источники пресной воды, прекрасные дороги, телеграфная линия, верфь и даже фабрика, значит, остается только одно — нанести остров Линкольна на карту!

— А вдруг во время нашего отсутствия кто-нибудь присвоит себе наш остров? — заметил Гедеон Спилет.

— Черта с два! — воскликнул моряк. — Я здесь останусь и буду его самолично охранять, и уж поверьте Пенкрофу, у меня остров не украдут так походя, как часы из кармана у зазевавшегося простака.

Прошел еще час, но все не представлялось возможности определить, приближается ли судно

к острову Линкольна, или нет, и если приближается, то с какой скоростью. Этого Пенкроф не мог установить. Однако, поскольку дул норд-ост, естественно было предположить, что судно идет правым галсом. К тому же ветер гнул корабль к острову, да и при таком спокойном море можно было без опаски приблизиться к берегу, хотя глубины в этих местах не нанесены на карту.

В четыре часа, ровно через час после вызова, в Гранитный дворец явился Айртон.

— К вашим услугам, господа, — сказал он, входя в зал.

Сайрес Смит протянул ему, как и обычно, руку и, подведя к окну, сказал:

— Мы вызвали вас, Айртон, по важному делу. В виду острова находится судно.

В первый момент Айртон слегка побледнел, и в глазах его мелькнула тревога. Он выглянул в окно, внимательной осмотрел горизонт, но ничего не увидел.

— Возьмите подзорную трубу, — сказал Гедеон Спилет, — и посмотрите хорошенько, Айртон; возможно, что это «Дункан», он вернулся в эти воды, чтобы отвезти ва на родину.

— «Дункан»! — пробормотал Айртон. — Так скоро!

Эти слова сорвались с губ Айртона против его воли, и он замолк, уронив голову на руки.

Неужели долгие двенадцать лет, проведенные в одиночестве на пустынном острове, не искупили, по мнению самого Айртона, его вины? Неужели раскаявшийся преступник не простил себе своих злодеяний и не верил, что его простили другие?

— Нет, — пробормотал он, — нет, это не может быть «Дункан».

— А вы посмотрите хорошенько, Айртон, — сказал инженер, — важно знать заранее, с кем имеешь дело.

Айртон взял трубу и навел ее в указанном направлении. В течение нескольких минут он неподвижно, безмолвно вглядывался в горизонт, затем произнес:

— Да, это действительно судно; но полагаю, что не «Дункан».

— Почему же не «Дункан»? — спросил Гедеон Спилет.

— Потому что «Дункан» — паровая яхта, а я при всем желании не могу обнаружить даже полоски дыма ни над кораблем, ни за ним.

— А может быть, он идет только под парусами, — заметил Пенкроф. — Ветер благоприятствует взятому курсу, а морякам, конечно, выгоднее

беречь уголь, — где же тут пополнить запасы топлива, когда кругом и земли-то нет.

— Возможно, что вы правы, мистер Пенкроф, — ответил Айртон, — и на судне действительно погасили топки. Пускай оно подойдет поближе к берегу, тогда все выяснится.

Вслед за этим Айртон отошел в угол зала, сел там и замолк. Он даже не принял участия в жарком споре, разгоревшемся по поводу загадочного корабля.

Взволнованные происшедшим, колонисты были просто не в состоянии вернуться к прерванной работе. Особенно нервничали Гедеон Спилет и Пенкроф. Они буквально не могли усидеть на месте и мерили зал вдоль и поперек крупными шагами. Герберт сгорал от любопытства. Один лишь Наб хранил свое обычное спокойствие. Ведь родной край для него был там, где находится Сайрес Смит, его хозяин. Инженер сидел погруженный в свои думы и в глубине души, пожалуй, скорее опасался, нежели желал, чтобы корабль пристал к берегу.

Тем временем судно несколько приблизилось к острову. В подзорную трубу уже можно было разглядеть, что это корабль дальнего плавания, а не тот малайский «прао», на котором тихоокеанские

пираты обычно пускаются в путь. Позволительно было думать, что мрачные предчувствия инженера не подтвердятся и что появление этого корабля в водах, омывающих остров Линкольна, не грозит колонистам никакой опасностью. Пенкроф снова внимательно осмотрел неизвестный корабль и заявил, что, судя по оснастке, это бриг, что идет он к берегу наискось, правым галсом, под марселями и брамселями. Айртон подтвердил слова моряка.

Но если судно не замедлит хода, то вскоре оно скроется за оконечностью мыса Коготь, ибо идет оно на юго-запад и тогда дальнейшие наблюдения придется вести с возвышенности у бухты Вашингтона близ порта Воздушного шара. Обстоятельство крайне досадное, тем более что уже было около пяти часов и вечерние сумерки, конечно, помешают наблюдениям.

— Что же нам делать ночью? — говорил Гедеон Спилет. — Может быть, зажжем костер и дадим знать морякам, что здесь находятся люди?

Журналист задал своим друзьям непростой вопрос, и, хотя зловещие предчувствия Сайреса Смита еще не вполне рассеялись, все же решено было зажечь костер. Ведь ночью корабль может скрыться, уйти навсегда, и неизвестно, появится ли снова в водах Линкольна какое-нибудь другое

судно. А ведь кто знает, какие неожиданности уготовила колонистам судьба?

— Да, — повторил журналист, — мы обязаны дать знать этому судну, кто бы на нем ни находился, что на острове есть люди. Если мы не воспользуемся единственным представившимся нам случаем, то, возможно, горько пожалеем об этом впоследствии.

Итак, было решено, что Наб и Пенкроф отправятся в порт Воздушного шара и, как только спустится ночь, разожгут огромный костер, пламя которого, несомненно, привлечет внимание экипажа брига.

Но когда Наб и моряк собрались покинуть Гранитный дворец, судно вдруг изменило направление, оно пошло прямо к острову, держа курс на бухту Соединения. Видимо, бриг принадлежал к числу быстроходных, ибо расстояние между ним и берегом заметно уменьшалось.

Наб и Пенкроф задержались в Гранитном дворце, а Айртону вручили подзорную трубу с просьбой определить, наконец, «Дункан» это или нет. Ведь шотландская, яхта тоже имела оснастку брига. Следовательно, речь шла о том, чтобы установить, имеется ли труба между двух мачт судна, которое находилось теперь на расстоянии

десяти миль от берега.

Вечерние сумерки еще не окутали небосвод, что облегчало наблюдение. Айртон опустил трубу и веско повторил:

— Нет, это не «Дункан»! Да и не может это быть «Дункан»!

Теперь Пенкроф поймал судно в поле зрения подзорное трубы и сообщил товарищам, что бриг этот водоизмещением от трехсот до четырехсот тонн, что он прекрасно построен и оснащен, — словом, что это один из быстроходнейших кораблей, какие только бороздят моря. А вот какой национальности он принадлежит, пока сказать еще трудно.

— Правда, на флагштоке полощется вымпел, — добавил моряк, — только я никак не могу различить цвета.

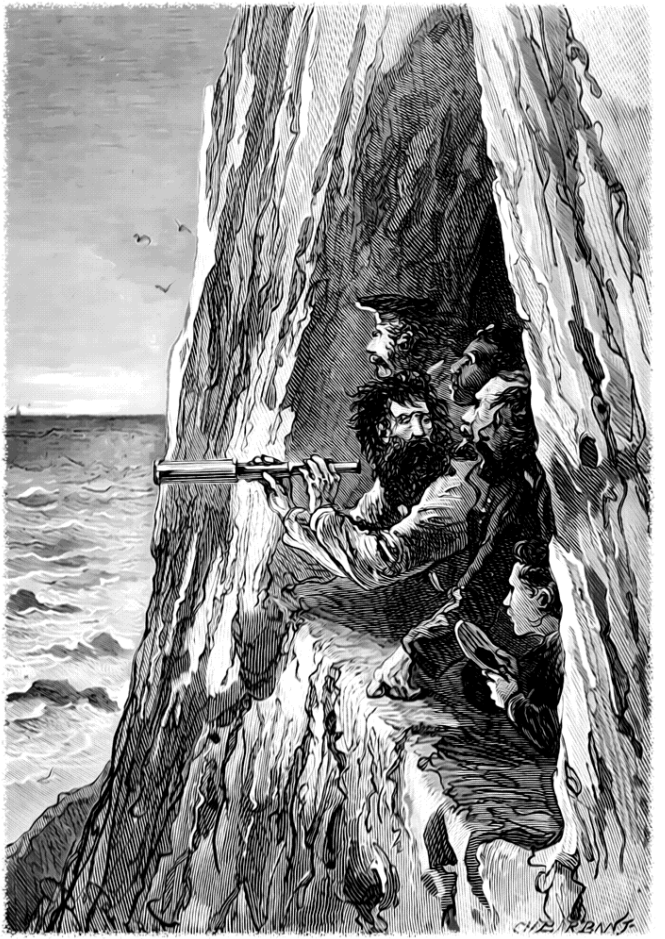
— Через полчаса, самое большее, мы все узнаем, — заметил журналист. — Совершенно ясно, что капитан корабля намерен пристать к берегу, а значит, не сегодня завтра мы с ним познакомимся.

— Так-то оно так! — сказал Пенкроф. — И все же; куда лучше заранее знать, с кем имеешь дело. По правде говоря, я бы не прочь уже сейчас разглядеть флаг корабля.

Ведя беседу с журналистом, Пенкроф не отрывал глаз от подзорной трубы.

День клонился к закату, и вместе с последними лучами солнца постепенно стихал ветер. Вымпел, развевавшийся на флагштоке, повис как тряпка, запутался в фалах, разглядеть, какого он цвета, стало еще труднее.

— Нет, это, конечно, не американский флаг, — говора Пенкроф, — да и не английский, на английском флаге красное поле сразу бросается в глаза; не похоже, чтобы тут были цвета французского или германского флага; с другой стороны, это и не белый морской русский флаг, и не желтый испанский… Скорее он одноцветный… А ну… какие же в этих морях могут попасться флаги?.. Чилийский?.. Да нет, он трехцветный… Бразильский?.. Он зеленый… Японский? Он желтый с черным… а этот…



В эту минуту ветер надул загадочный флаг. Айртон выхватил из рук моряка трубу, которую тот как раз опустил, приставил ее к глазу и, вглядевшись, крикнул сдавленным голосом:

— Черный!

В самом деле, на флагштоке корабля плескалось темное полотнище, и теперь имелись все основания считать этого пришельца подозрительным!

Стало быть, предчувствия не обманули инженера? Значит, это разбойничье судно? Значит, оно пиратствует здесь, в южных водах Тихого океана, соперничая с малайскими «прао», все еще бесчинствующими в этих широтах? Зачем намеревается этот корабль пристать к острову Линкольна? Быть может, он избрал эту никому не ведомую, забытую людьми землю в качестве надежной хранительницы награбленных им сокровищ? Или, быть может, он ищет здесь тихой гавани, пристанища от зимних бурь? Неужели суждено славным владениям колонистов стать гнусным притоном, резиденцией пиратов Тихого океана?

Вое эти мысли невольно возникли у каждого. Увы, слишком ясно было, чем грозила встреча с черным флагом. Черный флаг — флаг пиратов! И такой флаг был бы водружен на мачте «Дункана»,

если бы каторжникам удалось осуществить их злодейский замысел!

Нельзя было терять ни минуты.

— Друзья, — начал Сайрес Смит, — возможно, что этот корабль хочет лишь издали обозреть остров. Возможно, его экипаж не сойдет на сушу. Будем надеяться на это. Как бы то ни было, мы должны скрыть все признаки нашего пребывания здесь, на острове. Особенно бросается в глаза мельница, установленная на плато Кругозора. Пусть Айртон и Наб пойдут и снимут с нее крылья. Окна Гранитного дворца укроем ветвями. Огни надо потушить. Пусть ничто не выдаст присутствия человека на этом острове!

— А наш корабль? — спросил Герберт.

— Ничего, — ответил Пенкроф, — он спрятан в порту Воздушного шара. Ручаюсь, что эти головорезы его не найдут.

Приказания инженера были немедленно выполнены. Наб и Айртон пошли на плато и приняли все меры, чтобы скрыть там всякие следы пребывания человека. Пока они трудились, их товарищи отправились к опушке леса Жакамара и принесли оттуда огромные охапки веток и лиан, которые издали могли сойти за естественную растительность, и надежно укрыли ими про-

емы окон, пробитых в гранитной стене. Боевые припасы и оружие разложили с таким расчетом, чтобы все было под рукой на случай внезапного нападения.

Когда приготовления были закончены, Сайрес Смит обратился к колонистам.

— Друзья, — сказал он, и в голосе его прозвучало волнение, — если эти проходимцы осмелятся напасть на остров Линкольна, мы дадим им достойный отпор, не так ли?

— Да, Сайрес, — ответил за всех журналист, — и если нужно, падем в бою, защищая наш остров!

Инженер протянул руку своим товарищам, и те с жаром ответили на его пожатие.

Один только Айртон молча стоял в углу, только он не присоединился к прочим колонистам. Может быть, он бывший преступник, считал себя недостойным этого рукопожатия!

Сайрес Смит понял, что творится в душе Айртона, и подошел к нему.

— А вы, Айртон, — спросил инженер, — что вы намерены делать?

— Выполнять свой долг, — ответил Айртон.

Затем он занял наблюдательный пост у окна и устремил взгляд на море, полускрытое завесой ветвей.

Было уже половина восьмого, минут двадцать назад солнце скрылось за горизонтом позади Гранитного дворца, и восток постепенно темнел. Бриг тем временем по-прежнему держал курс на бухту Соединения. Он находился уже на расстоянии не более восьми миль и был на траверзе плато Кругозора, так как, сделав поворот у мыса Коготь, уклонился к северу, подхваченный приливом. В сущности, бриг уже вошел в бухту, ибо, если провести прямую линию от мыса Коготь до мыса Челюсть, она прошла бы к западу от его правого борта.

Зайдет ли бриг в глубь бухты? Вот какой вопрос особенно волновал колонистов. А зайдя в бухту, бросит ли он там якорь? Этот вопрос тоже мучил их. Возможно, он ограничится лишь осмотром побережья и уйдет в открытое море, не высадив на сушу экипажа? Ответ на этот вопрос будет дан меньше чем через час. Колонистам оставалось, таким образом, лишь одно — ждать.

Сайрес Смит с нескрываемой тревогой думал о подозрительном бриге, на мачте которого развевался черный флаг. Неужели он несет с собой угрозу их общему делу, делу их колонии, всему, чего они сумели добиться своим трудом? Неужели пираты — теперь уже не оставалось сомнения

в том, что экипаж брига состоит из морских разбойников, — посещали и раньше этот остров? Иначе, подплывая к нему, они не стали бы поднимать флаг. Высаживались ли они прежде на его берег? Если да, то это пролило бы свет на некоторые пока еще загадочные обстоятельства. Уж не укрываются ли где-нибудь на неисследованной части острова их сообщники, которые только и ждут высадки, чтобы присоединиться к своим дружкам?

Ни на один из этих вопросов, которые Сайрес Смит задавал себе мысленно, он не находил ответа; он понимал только, что прибытие пиратского брига ставит колонистов перед лицом серьезной опасности.

Тем не менее его товарищи и он сам твердо решили сопротивляться до последней возможности. Как велико количество пиратов, превышают ли они численностью колонистов, насколько лучше вооружены пришельцы — вот что необходимо было узнать в первую очередь! Но как добраться до брига?

Спустилась ночь. Молодой месяц, померкший в лучах заката, уже исчез с небосвода. Глубокий мрак окутывал остров и море. Тяжелые тучи обложили горизонт, не пропуская ни единого луча

света. С наступлением сумерек ветер совсем стих. На деревьях не шелестела листва, ленивые волны бесшумно набегали на берег. Корабль пропал во тьме, огни на нем затушили, и если он по-прежнему шел вблизи острова, уже невозможно было определить его местонахождение.

— Э, как знать, — произнес Пенкроф. — Может, этот проклятый бриг уйдет ночью и утром мы и следа его не обнаружим.

Как бы в ответ на замечание моряка, над морем блеснула яркая вспышка и раздался пушечный выстрел.

Бриг был по-прежнему здесь и имел на борту артиллерийские орудия.

Между вспышкой огня и звуком выстрела прошло шесть секунд.

Итак, бриг находился на расстоянии мили с четвертью от берега.

И в ту же минуту до колонистов донесся лязг цепей, с грохотом спускавшихся через клюзы.

Судно бросило якорь неподалеку от Гранитного дворца.

ГЛАВА II

Совещание. — Предчувствие. — Предложение Айртона. — Предложение принято. — Айртон и Пенкроф на островке Спасения. — Норфолкские каторжники. — Их планы. — Героическая попытка Айртона. — Возвращение. — Шестеро против пятидесяти

Теперь уже не оставалось ни малейшего сомнения относительно дальнейших намерений пиратов. Они стали на якорь близ острова и, конечно, завтра на шлюпках попытаются достичь берега.

Сайрес Смит и его товарищи готовы были действовать, но при всей своей решимости они соблюдали осторожность. Их присутствие не будет обнаружено в том случае, если пираты, высадившись, ограничатся осмотром береговой полосы и не сочтут нужным проникнуть в глубь острова. Кто знает, может быть, они и вправду хотят только запастись пресной водой в реке Благодарения и, возможно, не заметят ни моста, переброшенного через реку в полутора милях от устья, ни признаков хозяйничания человека в Трущобах?

Но ради чего они тогда подняли на мачте черный флаг? Ради чего стреляли из пушки? Конечно, из чистого бахвальства, если только этот выстрел не означал, что отныне они, новоприбывшие, — хозяева острова. Сайрес Смит знал теперь, что бриг вооружен, как говорится, до зубов. А чем могут ответить колонисты острова Линкольна пиратским пушкам? Ружейными выстрелами, и только.

— И все же, — заметил Сайрес Смит, — к нам так легко не приступишься. Теперь, когда отверстие прежнего водостока надежно укрыто камышом и травой, враг не сумеет его обнаружить, а следовательно, и проникнуть в Гранитный дворец.

— А наши плантации, наш птичий двор, наш кораль, наши мастерские, все наше добро! — закричал Пенкроф и даже топнул ногой. — Да они все уничтожат, все разрушат за какие-нибудь два-три часа.

— Возможно, что и так, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — но мы бессильны им помешать.

— Много ли их? Вот в чем вопрос, — добавил журналист. — Если их не больше десятка, мы с ними справимся, а вот если их сорок, пятьдесят или еще больше, тогда…

— Мистер Смит, — вдруг произнес Айртон,

подходя к инженеру, — я хочу попросить вас… Разрешите мне…

— Что именно, друг мой?

— Разрешите мне пробраться на бриг и узнать, какова численность его экипажа.

— Но, Айртон, — нерешительно возразил инженер, — ведь это значит рисковать своей жизнью.

— А почему бы и нет, мистер Смит?

— Это уж больше, нежели выполнить свой долг.

— Я и должен сделать больше, нежели просто выполнить долг, — ответил Айртон.

— Вы хотите добраться до судна на пироге? — осведомился Гедеон Спилет.

— Нет, я хочу пуститься вплавь. Человек легко проскользнет там, где не пройдет пирога.

— А вы знаете, что до брига миля с четвертью? — спросил Герберт.

— Я ведь хороший пловец, мистер Герберт.

— Но, повторяю, вы рискуете жизнью, — заметил инженер.

— Ну и что из этого, — возразил Айртон. — Я прошу у вас разрешения, как милости, мистер Смит. Для меня, быть может, это единственная возможность вернуть себе чувство собственного достоинства.

— Что ж, отправляйтесь, Айртон, — сказал инженер; он понимал, что отказ бесконечно огорчил бы бывшего преступника, ставшего честным человеком.

— Я пойду с вами, — вдруг предложил Пенкроф.

— Вы мне не доверяете! — воскликнул Айртон и смиренно добавил: — Что ж, я это заслужил.

— Да нет же, нет, — с жаром воскликнул Сайрес Смит, — нет, Айртон! Пенкроф не сомневается в вас. Вы просто не поняли его.

— Верно, — подтвердил моряк, — я только вот что хотел предложить Айртону — проводить его до островка. Кто знает, уж не высадился ли на сушу кто-нибудь из этих головорезов, и два человека, конечно, лучше, чем один, помешают им поднять тревогу. Я подожду Айртона на островке, а на бриг он отправится без нас, ведь он первый предложил это.

Предложение Айртона было принято, и он начал готовиться к походу. Как ни дерзок был его план, однако под покровом ночной темноты он мог увенчаться успехом. Айртон рассчитывал, добравшись вплавь до судна, уцепиться за ватер-штаги или за вант-путенсы и попытаться определить численность экипажа и разузнать

намерения пиратов.

В сопровождении остальных колонистов Айртон и Пенкроф спустились на берег. Айртон разделся и натер все тело жиром, что, как известно, позволяет человеку легче переносить низкую температуру. А ведь кто знает, может быть, придется провести в холодной воде не один, час.

Тем временем Пенкроф и Наб отправились за пирогой, которая стояла на причале в сотне шагов оттуда вверх по реке Благодарения; когда они вернулись, Айртон был уже готов.

Кто-то услужливо набросил на плечи Айртона теплое одеяло, и поселенцы по очереди пожали его руку.

Пирога, в которую сели Пенкроф и Айртон, отчалила от берега.

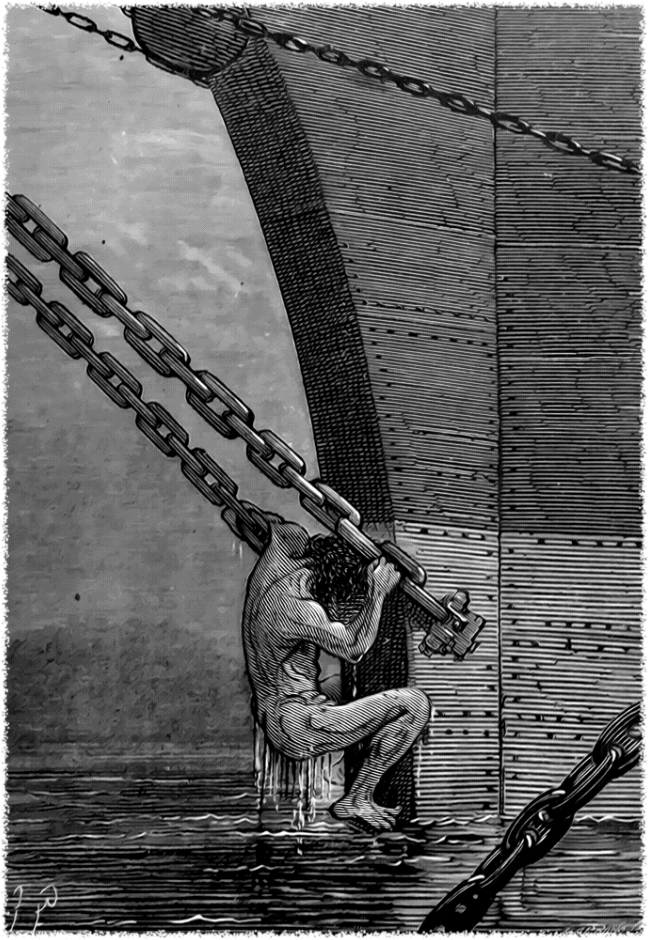
Обоих путников вскоре поглотил мрак — было уже половина одиннадцатого. Колонисты молча отправились в Трущобы ждать возвращения смельчаков.

Пирога быстро пересекла пролив и причалила к берегу островка. Айртон и Пенкроф действовали со всей осторожностью, опасаясь натолкнуться на пиратов. Но, внимательно оглядев островок, они убедились, что там никого нет. Сопровождаемый Пенкрофом, Айртон быстрым шагом

пересек островок, вспугивая на ходу птиц, устроившихся на ночлег в расселинах скал; потом он решительно бросился в воду и бесшумно поплыл к кораблю, на борту которого недавно зажглись огоньки, указывая его точное местонахождение.

А Пенкроф укрылся среди береговых скал и стал дожидаться возвращения товарища.

Тем временем Айртон плыл к бригу, рассекая мощными взмахами водную гладь, которая бесшумно смыкалась за телом пловца. Его голова лишь слегка выдавалась над поверхностью воды, а внимательный взгляд был прикован к темному силуэту судна, огни которого отражались в море. Он помнил лишь одно: нужно во что бы то ни стало сдержать данное товарищам слово — выполнить свой долг; ему даже не приходила в голову мысль ни об опасностях, подстерегающих его на борту корабля, ни об акулах, которые нередко появлялись возле острова. Течение несло его, и берег остался далеко позади.



Через полчаса Айртон, ничем не выдав своего присутствия, уже ухватился рукой за ватер-штаги бушприта. Передохнув немного, он вскарабкался на цепь и благополучно добрался до князвдигеда. Здесь сушилось несколько пар матросских штанов. Айртон быстро надел на себя одну пару и, устроившись удобнее, прислушался.

На бриге еще не спали. Куда там! Слышались голоса, пение, хохот. И вдруг отрывок разговора, сопровождаемый крепкими ругательствами, привлек внимание Айртона.

— Недурное мы сделали приобретение, бриг хоть куда!

— Да, неплохо ходит. Недаром его «Быстрым» прозвали!

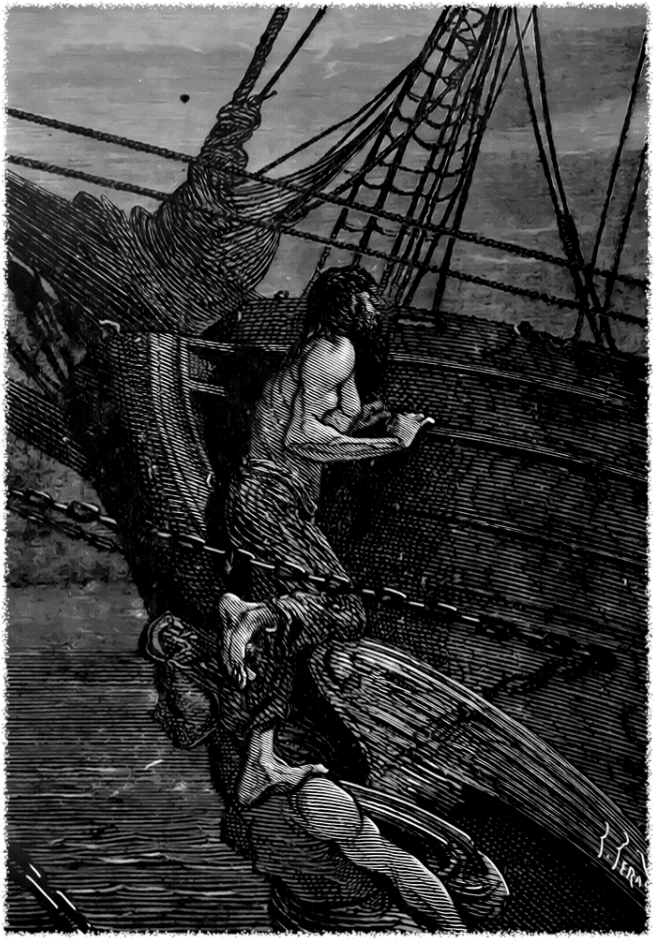
— Тут хоть весь норфолкский флот за ним вдогонку пустись! На-ка, поймай.

— Да здравствует наш капитан!

— Да здравствует Боб Гарвей!

Нетрудно представить себе, что испытал во время этой беседы Айртон, особенно если вспомнить, что этот самый Боб Гарвей был не кто иной, как его прежний сообщник, с которым он знался еще в Австралии, сорвиголова и моряк, осуществивший теперь их общие преступные замыслы. Боб Гарвей захватил этот бриг в водах близ острова

Норфолка с грузом оружия, боевых припасов, инструментов и утвари, предназначавшихся к отправке на один из Сандвичевых островов. Его шайка в полном составе перекочевала на борт брига, и теперешние пираты, они же бывшие каторжники, отбросы общества и головорезы, смело бороздили воды Тихого океана, нападая на суда, уничтожая корабельные команды, превосходя в жестокости даже малайских морских разбойников.



До Айртона доносились громкие голоса перепившихся каторжников, которые наперебой хвастались друг перед другом своими подвигами и удалью, и вот что ему удалось понять из их отрывочных слов.

Теперешний экипаж «Быстрого» состоит сплошь из английских каторжников, бежавших из Норфолка.

Расскажем вкратце, что представляет собой этот Норфолк.

На 29°2′ южной широты и 165°42′ восточной долготы лежит к востоку от Австралии островок, шести лье в окружности, который увенчивает гора Питта, возвышающаяся на тысячу сто футов над уровнем моря. Это и есть остров Норфолк, превращенный в место ссылки для самых закоренелых преступников, осужденных английским правосудием. Их там содержится около пятисот человек, там установлена суровая дисциплина, там разработана целая система жестоких наказаний, и охраняет остров сто пятьдесят солдат и столько же надзирателей, находящихся в распоряжении губернатора. Вряд ли где-нибудь на земном шаре есть другое столь гнусное скопище негодяев. Иногда — впрочем, весьма редко — кое-кому из каторжников удается, обманув

сверхбдительную стражу, завладеть врасплох каким-нибудь судном, и тогда они пускаются в плавание и разбойничают на Полинезийских островах.

Так поступил и знаменитый Боб Гарвей с шайкой своих сообщников. Так в свое время хотел поступить и Айртон. Боб Гарвей завладел бригом «Быстрый», стоявшим на якоре вблизи острова Норфолк; бандиты перебили судовую команду, и вот уже целый год мирное судно, превращенное в пиратский корабль, бороздило Тихий океан под командованием Гарвея, некогда капитана дальнего плавания, а теперь отъявленного пирата и старого знакомца Айртона!

Большинство преступников собралось на юте, в кормовой части корабля, но несколько человек растянулись на палубе и громко беседовали.

Разговор прерывался пьяными криками и звоном стаканов. Из обрывков фраз Айртон узнал, что «Быстрый» совершенно случайно оказался вблизи острова Линкольна. Пираты ни разу не ступали на его берег, но, как и предвидел Сайрес Смит, капитан, заметив землю, не указанную на картах и поэтому никому не известную, решил посетить ее и, в случае если обнаружится подходящая бухта, устроить на острове стоянку

для брига.

А флаг они подняли на мачте и выстрелили из пушки просто так, из хвастовства, в подражание военным кораблям, которые, подняв вымпел, дают залп из орудий. Так что выстрел не служил сигналом, и между беглецами с острова Норфолк и островом Линкольна никакой связи не существует.

Значит, колонии и колонистам грозила серьезная опасность. Нет сомнения, что остров Линкольна придется бандитам по душе — ведь он обладал запасами питьевой воды, удобной для стоянки судов бухтой, здесь немало потрудились колонисты, умножив естественные богатства острова, да и сама природа воздвигла тут надежную крепость — Гранитный дворец. Пираты превратят мирный уголок в свой притон, и именно то обстоятельство, что остров необитаем и еще не открыт мореплавателями, послужит разбойникам верной гарантией безопасности, и не на один год. Бесспорно и то, что Боб Гарвей со своей шайкой не пощадит докучливых свидетелей и уничтожит всех колонистов до одного. Сайрес Смит и его товарищи не могли рассчитывать спастись бегством или укрыться где-нибудь на острове, так как пираты решили там прочно

обосноваться; даже когда «Быстрый», предпримет очередную пиратскую вылазку, несколько человек из экипажа, вероятно, останутся на суше. Следовательно, есть только один выход — вступить в бой, истребить всех этих головорезов, не заслуживающих никакого снисхождения, прибегнув для этой цели к любому средству, ибо с такими людьми всякое средство хорошо.

Вот какие мысли теснились в голове Айртона, и он знал, отлично знал, что Сайрес Смит думает то же самое.

Но возможно ли сопротивление и принесет ли оно колонистам желанную победу? Это зависит от того, насколько хорошо вооружен бриг и сколько людей он имеет на борту.

Вот это-то и решил узнать любой ценой Айртон, и, когда, примерно через час, на палубе смолкли крики и проклятья, когда добрая половина пиратов уснула, сраженная непомерным количеством хмельного, он, не колеблясь, проник на палубу, где уже потухли огни и царил полный мрак.

Он вскарабкался по ватер-штагам на бушприт и оттуда пробрался на бак. Осторожно лавируя между спавшими там и сям каторжниками, он обошел все судно и установил, что на «Быстром» имеется четыре восьми- или десятифунтовые

пушки. Ощупав их для верности, он убедился, что заряжаются они с казенной части. Следовательно, перед ним были орудия последнего образца, удобные в действии и обладающие огромной разрушительной силой.

На палубе Айртон насчитал десять спящих пиратов, но, очевидно, столько же, если не больше, мирно почивали в кубрике. К тому же из разговоров, которые удалось подслушать Айртону, явствовало, что численность экипажа составляет пятьдесят человек. Пятьдесят против шести колонистов острова Линкольна — не слишком ли много? Но зато благодаря самоотверженному поступку Айртона Сайрес Смит не будет застигнут врасплох, он своевременно узнает о силах противника и сможет действовать обдуманно и осторожно.

Теперь Айртон мог с чистой совестью возвратиться на берег и отдать отчет своим товарищам, ради которых он предпринял эту опасную разведку; он уже намеревался покинуть судно и пуститься в обратный путь.

Но вдруг смелая мысль мелькнула в его голове — недаром Айртон сказал инженеру, что он хочет выполнить свой долг, вернее, сделать больше того, чем требовал долг. Да, он пожертвует жизнью,

зато остров и колонисты будут спасены. Бесспорно одно: Сайрес Смит и его товарищи не могут дать отпор пятидесяти прекрасно вооруженным пиратам, которые все равно одержат верх, ворвутся ли они силой в Гранитный дворец или поведут осаду и возьмут поселенцев измором. Перед умственным взором Айртона возникли лица его спасителей, тех, что помогли ему вернуть человеческий облик, стать честным человеком, тех, коим он обязан буквально всем. И вот пираты безжалостно истребят их, уничтожат плоды их трудов, превратят остров в разбойничий вертеп! А кто окажется прямым виновником всех этих бедствий? Сам Айртон, ибо его прежний друг и сообщник Боб Гарвей лишь осуществил его собственные замыслы. При этой мысли Айртона охватил ужас. Он решил во что бы то ни стало взорвать бриг и вместе с ним весь экипаж. Пусть он, Айртон, погибнет, зато с честью выполнит свой долг.

Айртон больше не колебался. Добраться до крюйт-камеры, которая обычно расположена в кормовой части корабля, не представляло особого труда. На пиратском судне должен иметься солидный запас пороха, и одной-единственной искры будет достаточно, чтобы взорвать его в

мгновение ока.

Айртон осторожно спустился в межпалубное помещение, где вповалку лежали пираты, которых свалил с ног не столько сон, сколько хмель. У грот-мачты горел фонарь, а вокруг нее была устроена стойка для огнестрельного оружия всех видов.

Айртон выбрал себе револьвер, убедившись предварительно, что он заряжен и что капсюль на месте. Теперь он может выполнить свой губительный для брига план. И он бесшумно пополз к корме, где под ютом должна была находиться крюйт-камера.

Однако здесь на корабле, погруженном в полумрак, продвижение было сопряжено с немалыми трудностями, так как дорогу преграждали тела пиратов; Айртон то и дело задевал кого-нибудь из спящих, и тот, не открывая глаз, разражался бранью и даже толкал дерзкого; тогда Айртон, сдерживая дыхание, замирал на месте. Все же он добрался до переборки, отделявшей кормовую часть судна, и нащупал дверь, несомненно дверь самой крюйт-камеры.

Оставалось взломать эту дверь, и Айртон взялся за дело, стараясь не шуметь, что было нелегко, так как ему предстояло сбить висячий замок. Однако

под могучей дланью Айртона замок подался, и дверь отворилась.

В ту же самую минуту чья-то рука тяжело опустилась на плечо Айртона.

— Что тебе здесь надо, друг любезный? — раздался над его ухом грубый голос, и какой-то рослый человек вдруг поднес фонарь к самому лицу Айртона.

Айртон невольно отпрянул. В ярко блеснувшем луче света перед ним предстал прежний сообщник — Боб Гарвей, но Гарвей не узнал Айртона, ибо считал, что тот уже давно умер.

— Что тебе здесь надо? — повторил Боб Гарвей, хватая Айртона за пояс.

Но Айртон, не ответив, с силой отшвырнул от себя вожака пиратов и бросился к крюйт-камере. Один выстрел из револьвера в бочку с порохом — и все будет кончено!..

— Ко мне, ребята! — завопил Боб Гарвей.

Двое или трое пиратов, разбуженные его криком, вскочили и бросились на Айртона, норовя сбить его с ног. Но силачу Айртону удалось вырваться из их рук. Раздались один за другим два револьверных выстрела, и два преступника рухнули на пол; но внезапный удар ножа рассек Айртону плечо, прежде чем он успел увернуться.

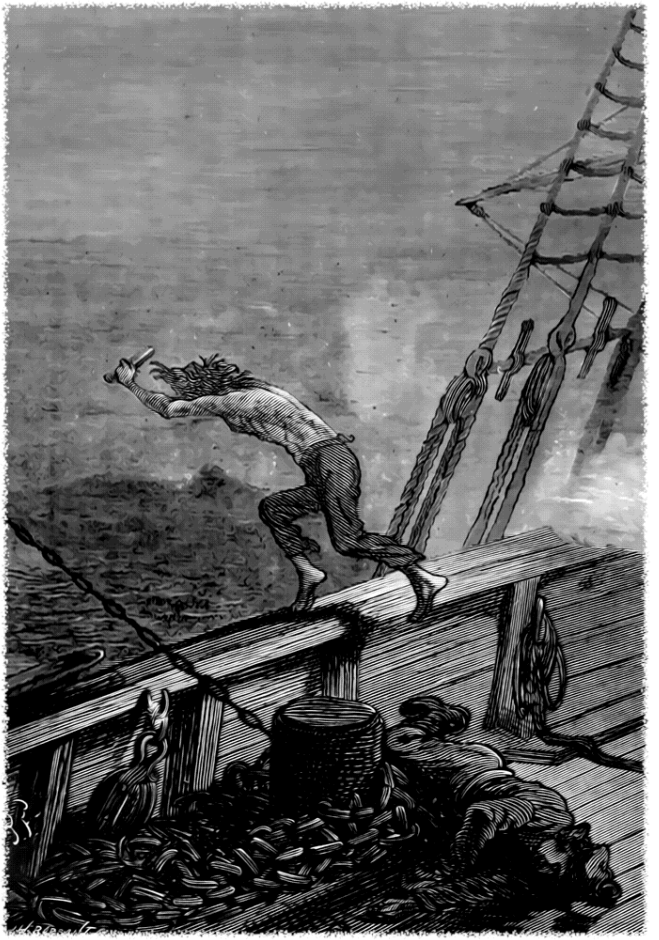
Айртон понял, что замысел его сорвался. Боб Гарвей захлопнул дверь крюйт-камеры, а на корабле, где тем временем проснулось большинство пиратов, началась суматоха. Надо было спасать

свою жизнь, чтобы продолжить бой в рядах колонистов. Значит, оставалось одно — бежать.

Но не поздно ли? Шансов на спасение было немного, однако Айртон решил во что бы то ни стало добраться до своих товарищей.

В револьвере оставалось четыре патрона. Айртон выстрелил еще дважды, однако ж выстрел, предназначавшийся Бобу Гарвею, не попал в цель, а если и ранил его, то ранил легко; Айртон, воспользовавшись тем, что пираты на миг отступили, бросился к трапу, ведущему на палубу брига. Пробегая мимо фонаря, Айртон разбил его рукояткой револьвера, палуба погрузилась во мрак, что значительно облегчало бегство.

Кое-кто из пиратов, разбуженных шумом, спускался по трапу. Пятым выстрелом Айртон сбросил одного с лестницы, а остальные шарахнулись в сторону, не понимая толком, что такое происходит на корабле. В два прыжка Айртон выскочил на палубу и через три секунды послал шестой, последний, выстрел прямо в физиономию какого-то пирата, который схватил было беглеца за ворот; затем Айртон перепрыгнул через фальшборт и бросился в море.



Не успел он отплыть и шести саженей, как вокруг него под градом пуль забурлила вода.

Что перечувствовал Пенкроф, поджидавший Айртона на островке, под защитой скалы, что перечувствовали Сайрес Смит, журналист, Герберт, Наб, укрывшиеся в Трущобах, когда до их слуха долетел звук пальбы. Схватив ружья, они бросились на берег и ждали нападения, готовые смело отразить врага.

Они не строили никаких иллюзий: Айртон попал в руки пиратов и, конечно, уже простился с жизнью; возможно, морские разбойники решили воспользоваться ночным временем и вот-вот высадятся на берег!

Прошло полчаса, но жестокая тревога колонистов не унималась. Выстрелы прекратились, однако до сих пор нет ни Айртона, ни Пенкрофа. Неужели пираты уже завладели островком. Может быть, необходимо сейчас же, немедленно броситься на помощь Айртону и Пенкрофу? Но как? Из-за большой воды невозможно было переправиться через пролив. Да и пирога находилась по ту сторону. Так судите же сами, какие душевные муки переживали Сайрес Смит и его товарищи!

Наконец в половине первого ночи к берегу

причалила пирога, в ней сидели два человека. Колонисты с распростертыми объятиями встретили Айртона, который отделался легкой раной в плечо, и Пенкрофа, живого и невредимого.

Не мешкая все отправились в Трущобы. Здесь Айртон поведал слушателям о своих приключениях, не скрыв от них и свою неудачную попытку взорвать бриг.

Едва успевая отвечать на рукопожатия товарищей, Айртон продолжал свой рассказ. Он не утаил от них, что положение весьма серьезное. Пираты сейчас начеку. Они уже знают, что остров Линкольна обитаем, и поэтому не замедлят высадить на берег многочисленный и хорошо вооруженный отряд, который никому спуску на даст. Значит, если поселенцы попадут в руки пиратов, рассчитывать на пощаду нечего.

— Что ж, мы сумеем сложить свои головы, — заметил журналист.

— А теперь возвратимся домой и будем бдительно следить за врагом, — сказал инженер.

— Как вы полагаете, мистер Смит, удастся нам выбраться из беды? — спросил моряк.

— Безусловно, Пенкроф.

— Ну, как сказать! Шестеро против пятидесяти!

— Вы правы, шестеро… если не считать…
— Кого? — спросил Пенкроф.
Сайрес молча указал рукой на небо.

ГЛАВА III

Туман рассеивается. — Распоряжение инженера. — Три поста. — Айртон и Пенкроф. — Первая шлюпка. — Еще две другие. — На островке. — Шестеро пиратов на суше. — Бриг снимается с якоря. — Батарея «Быстрого». — Надежды нет. — Неожиданная развязка

Ночь прошла без происшествий. Колонисты были начеку и не покидали своего наблюдательного поста, то есть Трущоб. Пираты, со своей стороны, казалось, не делали никаких попыток высадиться на берег. С тех пор как смолкли ружейные залпы, посланные вслед Айртону, не было слышно ни выстрела, ни шума; ничто не указывало на присутствие судна в водах, омывающих остров Линкольна. Можно было даже подумать, что бриг снялся с якоря, боясь встретить ожесточенное сопротивление, и счел за благо покинуть эти широты.

Но дело обстояло иначе, и когда занялась заря,

колонисты разглядели в утренней дымке неясные очертания корабля. Это был «Быстрый».

— Так вот, друзья мои, — начал инженер, — какие меры необходимо, мне кажется, принять, прежде чем туман окончательно рассеется. Пока что он скрывает нас от пиратов, и мы можем действовать, не возбуждая их подозрений. Прежде всего надо создать впечатление, что остров густо населен и жители его сумеют дать врагу достойный отпор. Поэтому предлагаю разделиться на три группы: первой остаться в Трущобах, второй — направиться к устью реки Благодарения. А третьей, по-моему, всего разумнее устроить засаду на островке, чтобы помешать пиратам высадиться или хотя бы задержать их там. В нашем распоряжении два карабина и четыре ружья. Значит, оружие у нас есть, и мы будем нещадно уничтожать врагов, благо пороха и пуль нам хватит с избытком. А пиратских ружей и даже пушек нам бояться нечего. Ведь они бессильны против этих скал, и, так как мы не будем стрелять из окон Гранитного дворца, пиратам и в голову не придет обстреливать его с брига, что грозило бы разрушением нашему жилищу. Единственно, чего нам следует опасаться, — это рукопашной схватки, поскольку экипаж брига превосходит

нас численностью. Поэтому-то мы и должны помешать высадке, в то же время оставаясь невидимыми для противника. Итак, не будем жалеть патронов. Стреляйте без передышки, но притом метко. Каждый из нас должен уложить восемь, а то и десять врагов, и мы это сделаем.

Сайрес Смит наметил четкий план действия, говорил он самым спокойным тоном, будто речь шла о повседневных работах, а не о кровопролитной битве. Товарищи, не прерывая, выслушали его речь, и молчание их было знаком безоговорочного согласия. Теперь каждому предстояло немедленно занять свой пост под покровом еще не рассеявшегося тумана.

Наб и Пенкроф тотчас же отправились в Гранитный дворец и принесли оттуда достаточное количество пуль и пороха. Гедеон Спилет и Айртон — оба первоклассные стрелки — вооружились карабинами, бившими на целую милю. Оставшиеся четыре ружья распределили между Сайресом Смитом, Набом, Пенкрофом и Гербертом.

Теперь поглядим, как были расставлены посты.

Сайрес Смит с Гербертом остались в Трущобах и отсюда из засады могли держать под обстрелом довольно значительную часть берега у подножия

Гранитного дворца.

Гедеон Спилет с Набом укрылись в скалах возле устья реки Благодарения, где подняли большой мост, а также и все мостики, — этой группе поручалось не только не подпускать ни одной вражеской шлюпки, но и по возможности воспрепятствовать высадке пиратов на противоположном берегу.

А Пенкроф с Айртоном тем временем спустили на воду пирогу, чтобы переправиться через пролив на островок, где они и должны были занять два отдаленных друг от друга поста. Увидев, что стрельба идет с четырех сторон, пираты решат, что остров населен и жители его дорого продадут свою свободу.

Если же высадка пиратов все-таки состоится или если возникнет угроза, что Пенкрофа и Айртона обойдут с тыла, оба друга обязаны немедленно вернуться на остров и направиться в наиболее угрожаемый участок.

Прежде чем занять свои боевые посты, колонисты в последний раз крепко пожали друг другу руки.

Пенкроф, обнимая Герберта, своего нареченного сына, собрал всю силу воли, чтобы скрыть обуревавшее его волнение, и друзья расстались.

Не теряя времени Сайрес Смит с Гербертом и журналист с Набом тронулись в путь и вскоре исчезли за скалами, а через пять минут Айртон и Пенкроф благополучно переправились через пролив, высадились на островке и укрылись за скалами на его восточном берегу.

С берега их не заметили, да и сами они с трудом различали в густом тумане очертания корабля.

Было половина седьмого утра.

Скоро завеса тумана разорвалась, и показались окутанные легкой дымкой верхушки мачт. Еще несколько мгновений туман клубился над поверхностью моря, затем поднялся ветер и унес вдаль последние его клочья.

Корпус «Быстрого», четко вырисовываясь на фоне чистого неба, стоял на двух якорях, носом к северу и повернув к острову свой левый борт. Как и предполагал Сайрес Смит, бриг находился примерно в миле с четвертью от берега.

На мачте развевался зловещий черный флаг.

Инженер, вооружившись подзорной трубой, разглядел четыре пушки, составлявшие судовую батарею; дула пушек были обращены в сторону острова. Казалось, они лишь ждали сигнала, чтобы начать обстрел.

Однако «Быстрый» продолжал хранить мол-

чание. По палубе расхаживали двадцать, может статься и тридцать пиратов. Несколько человек стояли на юте, двое других взобрались на салинг у грот-брамселя и, вооружившись подзорной трубой, внимательно озирали остров.

Очевидно, Боб Гарвей и его команда лишь смутно представляли себе события, разыгравшиеся минувшей ночью на борту судна. Какой-то полуголый человек взломал дверь крюйт-камеры, они набросились на него, он выпустил шесть пуль, убил их товарища, ранил еще двоих. Но что же сталось с этим человеком? Настиг ли его ружейный залп? Удалось ли ему добраться вплавь до острова? Да откуда вообще он взялся? Что делал на их судне? Должно быть, и впрямь решил взорвать бриг, как полагал Боб Гарвей. Во всем этом нелегко было разобраться. Но в одном были теперь твердо уверены беглые каторжники: неведомый остров, против которого бросил якорь «Быстрый», обитаем и, возможно, на защиту его встанет все население. И все же ни на берегу, ни на плоскогорье — ни души. И нигде ни малейших признаков человеческого жилья. Неужели жители успели бежать в глубь острова?

Вот какими вопросами задавался предводитель пиратов Боб Гарвей, и, как человек осмотри-

тельный, он желал хорошенько ознакомиться с местностью, прежде чем послать туда свою шайку.

Прошло полтора часа, но ничто на борту брига не указывало, что пираты готовятся к нападению или высадке. Очевидно, Боб Гарвей пребывал в нерешительности. Даже в самую сильную подзорную трубу он, понятно, не мог разглядеть колонистов, притаившихся меж скалами. И вряд ли его внимание привлекла завеса из зеленых ветвей и лиан, скрывавшая окна Гранитного дворца и ярким пятном выделявшаяся на голой отвесной стене. И вправду, как он мог представить, что здесь, на такой высоте, в недрах гранитного кряжа, устроил себе жилье человек? На всем побережье бухты Соединения — от мыса Коготь до мыса Челюсть — не было никаких признаков того, что остров обитаем.

Однако в восемь часов утра поселенцы подметили на борту «Быстрого» какое-то движение. При помощи талей матросы спустили на воду шлюпку. Семь человек разместились в ней. У каждого было ружье; один из семерки пиратов сел за руль, четверо взялись за весла, а двое пристроились на носу; низко пригнувшись и держа ружья на изготовку, они внимательно оглядывали берег. В

их задачу, несомненно, входила разведка острова, а никак не высадка, потому что в этом случае капитан выслал бы более многочисленный отряд.

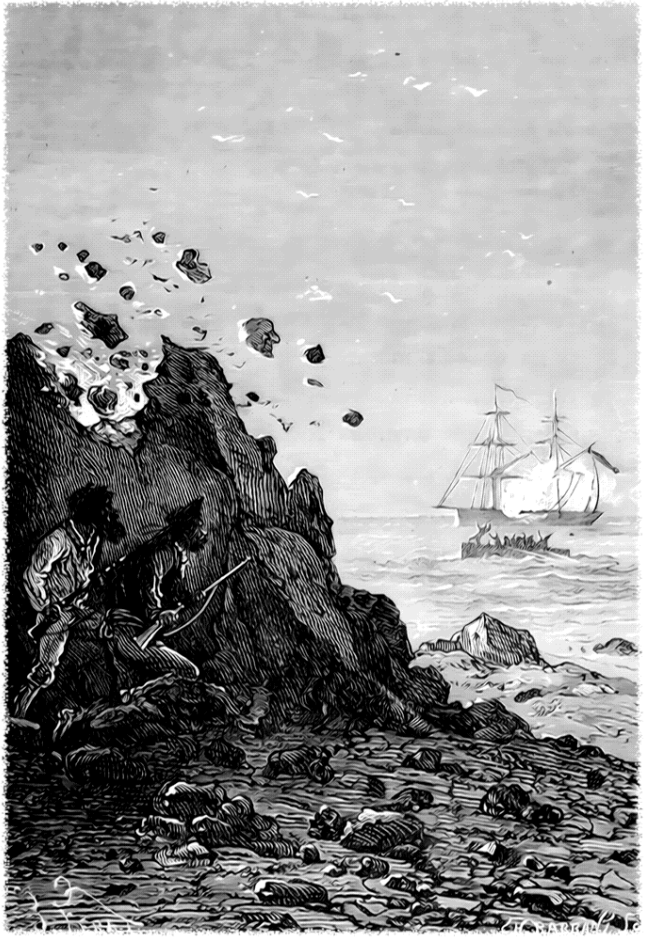
Пираты, наблюдавшие с салингов, конечно, заметили, что перед островом имеется еще небольшой островок, отделенный от него проливом шириной примерно в полмили. Сайрес Смит вскоре убедился, следя за шлюпкой, что пираты не собираются войти в пролив, очевидно по соображениям осторожности, а хотят сначала пристать к островку.

Пенкроф и Айртон, притаившиеся каждый в своем укрытии, за выступом скалы, видели, что шлюпка направляется прямо к ним, и ждали, когда она подойдет на расстояние выстрела.

Гребцы осторожно продвигались вперед, стараясь не привлекать внимания к шлюпке, и подгоняли ее редкими взмахами весел. Видно было, что один из пиратов, сидевший на носу, держит в руке лот и пытается найти фарватер, проложенный течением реки Благодарения. А это означало, что Боб Гарвей хочет подвести свой бриг как можно ближе к берегу. Человек тридцать пиратов, рассыпавшись по вантам, следили за шлюпкой и примечали путь, чтобы без опасности подойти к берегу.

Не доходя двух кабельтовых до островка, шлюпка остановилась. Рулевой встал и вытянулся во весь рост, ища взглядом, где бы лучше пристать.

В это мгновение раздалось два выстрела. Белое облачко дыма всплыло над утесами. Рулевой и матрос с лотом в руке навзничь упали на дно шлюпки. Пули, выпущенные Айртоном и Пенкрофом, одновременно сразили двух разбойников.



Почти тотчас же послышался страшный грохот, над бригом поднялся столб дыма, и пушечное ядро ударило о скалы, под которыми укрылись Айртон и Пенкроф; осколки камня полетели во все стороны, но, к счастью, наши стрелки уцелели.

Гром проклятий донесся со шлюпки, однако она тут же поплыла дальше. Место рулевого занял один из матросов, гребцы с яростью налегли на весла.

Вместо того чтобы повернуть к бригу, как можно было предположить, шлюпка прошла вдоль берега, намереваясь обогнуть островок с южной стороны. Пираты гребли изо всех сил, стараясь уйти подальше от пуль.

Они подошли на пять кабельтовых к той части берега, которая оканчивалась мысом Находки, и, описав полукруг, по-прежнему под защитой батареи судна, направились к устью реки.

Было ясно, что они хотят проникнуть в пролив и обойти с тыла тех, кто сидит в засаде на островке; таким образом, защитники островка, как бы многочисленны они ни были, очутились бы между шлюпкой, откуда сыпались ружейные пули, и бригом, откуда летели пушечные ядра, — положение явно незавидное.

Добрых пятнадцать минут шлюпка двигалась во взятом ею направлении. На воде и в воздухе царили ничем не нарушаемая тишина, ничем не возмутимое спокойствие.

Хотя Пенкроф и Айртон отлично понимали, что их могут обойти с тыла, они не собирались покидать свой пост по многим соображениям — ни к чему было обнаруживать перед нападающими свое присутствие, став таким образом мишенью для орудий «Быстрого», да, кроме того, они надеялись на Наба и Гедеона Спилета, охранявших устье реки, а также на Сайреса Смита с Гербертом, укрывавшихся в скалах Трущоб.

Минут через двадцать после первых выстрелов шлюпка подошла к устью реки на расстояние не меньше двух кабельтовых. Начался обычный в этот час прилив, особенно сильный здесь, в узком проливе; шлюпку потащило к реке, и пираты удерживались посередине пролива только потому, что работали изо всех сил веслами, но когда они оказались на расстоянии выстрела от устья реки, две пули, выпущенные им навстречу, уложили еще двух пиратов: Наб и Спилет не промахнулись.

Тотчас же с брига вылетело второе ядро, посланное туда, где поднялся предательский дымок, но

оно лишь обломило несколько скал, не причинив ни малейшего вреда людям.

Теперь в шлюпке осталось только три боеспособных человека. Подхваченная течением, она с быстротой стрелы пронеслась мимо Сайреса Смита и Герберта, которые, однако, благоразумно воздержались от выстрелов, опасаясь, что пули не достигнут цели; затем, обогнув северную оконечность островка, шлюпка всего лишь на двух веслах пустилась в обратный путь к бригу.

До сих пор защитникам островка не на что было жаловаться. Первая вылазка окончилась неудачно для врага. Четверо пиратов были тяжело ранены, а может быть, и убиты; ни у кого из колонистов не было даже царапины, а они не выпустили зря ни одной пули. Если враги и впредь не переменят тактики и снова пошлют для высадки шлюпку, не составит труда перебить их одного за другим.

Ясно, какие огромные преимущества представлял маневр, предложенный инженером. Пираты, несомненно, решат, что перед ними многочисленный и хорошо вооруженный неприятель, которого не так-то легко одолеть.

Только через полчаса, не раньше, шлюпка, упорно боровшаяся с набегавшими волнами,

добралась до «Быстрого». До колонистов донеслись громкие крики, когда гребцы вынесли из шлюпки своих раненых товарищей; с брига послали три или четыре ядра, хотя они не могли достичь цели.

Но теперь уже целая дюжина пиратов, опьяненных злобой, а быть может, и вчерашними возлияниями, пустилась на шлюпке к берегу. Вслед за ней на воду спустили вторую шлюпку, куда уселись восемь человек, и пока первая шла прямо к островку, надеясь выбить оттуда врага, вторая начала маневрировать с расчетом проникнуть в устье реки Благодарения.

Положение Пенкрофа и Айртона становилось слишком опасным, и они поняли, что пора перебраться обратно на остров.

Однако они решили подпустить поближе первую лодку, и два метких выстрела снова внесли расстройство в ряды гребцов. Затем стрелки выбрались из засады, как ветер пронеслись под градом пуль по островку, вскочили в пирогу и пересекли пролив в тот самый момент, когда вторая шлюпка достигла южной оконечности островка; затем они укрылись в Трущобах.

Едва только они успели присоединиться к Сайресу Смиту и Герберту, как пираты с первой

шлюпки высадились на островок и бросились обшаривать его.

Почти одновременно раздались выстрелы у устья реки Благодарения, куда быстро подошла вторая шлюпка. Двое из восьми человек команды были сражены Гедеоном Спилетом и Набом, а шлюпка, увлекаемая непреодолимым течением, разбилась о подводные рифы у входа в устье. Однако шестеро уцелевших пиратов, подняв ружья над головой, чтобы уберечь их от воды, выбрались на правый берег реки. Но, поняв, что здесь они являются слишком хорошей мишенью для стрелков, находившихся в засаде, они со всех ног бросились бежать в направлении мыса Находки, где их не могли настичь вражеские пули.

Положение создалось следующее: на островке находилось двенадцать пиратов, правда, некоторые из них были ранены, но зато в их распоряжении имелась лодка; на остров высадилось шесть человек, но добраться до Гранитного дворца они не могли, так как путь им преграждала река, а все мосты были подняты.

— Держимся пока, — воскликнул Пенкроф, вбегая в Трущобы, — ведь, правда, держимся еще, мистер Сайрес?! Как, по-вашему?

— По-моему, — ответил инженер, — бой неми-

нуемо вступит в новую фазу, нелепо было бы предположить, что пираты какие-то дурачки и будут по-прежнему пытаться высадить команду на берег в столь неблагоприятных для них условиях!

— Ни за что им не перебраться через пролив, — заявил моряк. — Айртон и мистер Спилет не зря вооружились карабинами, не бойтесь, ни одного головореза не пропустят. Вы же знаете, их карабины больше чем на милю бьют!

— Правильно, — подтвердил Герберт, — но что можно сделать с двумя карабинами против судовой батареи?

— Ну, бриг еще в пролив не вошел, — возразил Пенкроф.

— А если все-таки войдет? — спросил Сайрес.

— Да это невозможно, ведь он рискует там сесть на мель, и тогда ему конец!

— Нет, возможно, — вмешался в разговор Айртон. — Пираты могут воспользоваться приливом и войти сюда, даже рискуя сесть на мель во время отлива, и тогда нам не устоять против огня их пушек.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — И верно, эти негодяи, как видно, готовятся поднять якорь!

— Не укрыться ли нам в Гранитном дворце? — заметил Герберт.

— Пока еще подождем, — ответил Сайрес Смит.

— А как же Наб и мистер Спилет? — осведомился Пенкроф.

— Они успеют присоединиться к нам, когда наступит время. Будьте начеку, Айртон. Теперь слово за вашим карабином, равно как и за карабином Спилета.

Замечание Пенкрофа было совершенно справедливо! «Быстрый» поворачивался на якоре, явно намереваясь подойти к острову. Прилив продлится еще часа полтора, и так как течение стало слабее, бриг мог легко маневрировать. Но Пенкроф никак не желал согласиться с Айртоном, что бриг рискнет войти в пролив.

Тем временем группа пиратов, захватившая островок, постепенно добралась до противоположного берега, — теперь от суши их отделял лишь пролив. Вооруженные только ружьями, они не могли причинить никакого вреда колонистам, укрывшимся частью в Трущобах, частью в устье реки; не предполагая, что у неприятеля есть дальнобойные карабины, пришельцы считали, что здесь им не грозит ни малейшая опасность. Поэтому они преспокойно обследовали островок

и даже настолько осмелели, что открыто шли по самому берегу.

Но их заблуждению суждено было рассеяться слишком скоро. Вдруг разом заговорили карабины Айртона и Спилета; должно быть, этот «разговор» пришелся не по душе двум каторжникам, навзничь упавшим на землю.

Началась неописуемая паника. Десять уцелевших пиратов, даже не потрудившись захватить своих раненых или убитых товарищей, бросились со всех ног к противоположному берегу островка, прыгнули в шлюпку и погнали ее к бригу сильными ударами весел.

— Ого, уже восьми человек недочет! — воскликнул Пенкроф. — Да, мистер Спилет и Айртон, видно, стараются не отстать друг от друга.

— Господа, — сказал Айртон, заряжая свой карабин, — положение осложнилось: бриг снимается с якоря.

— Верно, якорь поднимают!.. — закричал Пенкроф.

— Уже пошел!

И в самом деле, отчетливо слышался лязг стопора на кабестане, который вращала команда. В первую минуту «Быстрого» потянуло к якорю, но когда якорь оторвался от грунта, бриг двинулся к

берегу. Ветер дул с моря. На судне подняли стаксель и фор-марсель, и оно стало приближаться к острову.

Колонисты, занявшие посты в устье реки и в Трущобах, следили за маневрами брига, не подавая признаков жизни, но не в силах были подавить охватившего их волнения. И действительно, их ждала страшная участь — обстрел вражеской батареи, бьющей по острову чуть ли не в упор, и полная невозможность нанести противнику хотя бы незначительный урон. Как тут воспрепятствовать высадке пиратов?

Сайрес Смит отлично понимал, как велика опасность, и ломал себе голову, стараясь найти выход из положения. Через несколько минут ему так или иначе придется принять решение. Но какое? Запереться в Гранитном дворце, который обложат пираты, и выдерживать осаду неделю, месяц, а возможно, и несколько месяцев, поскольку съестных припасов хватит с избытком? Хорошо, допустим даже, что этот план ему удастся. Ну, а дальше что? Все равно пираты станут хозяевами острова, они натешатся здесь вволю, все перевернут вверх дном и в конце концов одолеют пленников Гранитного дворца.

Впрочем, оставался еще один шанс: что, если

Боб Гарвей не рискнет ввести бриг в пролив и не пристанет к островку? В этом случае судно очутится в полумиле от острова, и с такого расстояния его ядра не смогут нанести колонии и колонистам особенно сокрушительных ударов.

— Да ни за что на свете, — твердил Пенкроф, — ни за что на свете Боб Гарвей, если он только опытный моряк, не станет рисковать своим бригом. А вдруг погода переменится? Что тогда будет с кораблем, а?

Однако бриг приблизился к островку: по-видимому, пираты намеревались достичь южной его оконечности. Дул слабый ветер, и так как течение значительно ослабело, Боб Гарвей имел возможность направить свой корабль, куда ему заблагорассудится.

Пиратские шлюпки, посланные на разведку, нашли фарватер, и поэтому бриг смело продвигался вперед. Не составляло труда угадать его планы: он бросит якорь напротив Трущоб и отсюда ответит градом ядер и снарядов на пули колонистов, перебивших часть экипажа.

Вскоре «Быстрый» достиг оконечности островка и беспрепятственно обогнул ее; на судне подняли косой грот, и бриг, держась круто к ветру, пришел на траверз реки Благодарения.

— Ах, разбойники, лезут-таки! — закричал Пенкроф.

В эту минуту к Сайресу Смиту, Айртону, моряку и Герберту присоединились Наб и Гедеон Спилет.

Журналист и его товарищи рассудили, что пришло время покинуть свой пост близ устья реки, и рассудили совершенно справедливо, ибо оттуда стрелять по кораблю было просто бессмысленно. Куда лучше быть всем вместе в решительную минуту, когда, возможно, начнется жестокая схватка. Гедеон Спилет и Наб добрались до Трущоб, прячась за скалы, и сыпавшиеся градом пули не причинили им ни малейшего вреда.

— Спилет! Наб! — воскликнул инженер. — Надеюсь, вы не ранены?

— Нет, не ранены, — ответил журналист, — правда, слегка задело рикошетом! Но, смотрите-ка, этот чертов бриг входит в пролив!

— Да, — подтвердил Пенкроф, — и через десять минут он встанет на якорь против Гранитного дворца!

— А каков ваш план действия, Сайрес? — обратился Гедеон Спилет к инженеру.

— Придется нам укрыться в Гранитном дворце, пока еще есть время и каторжники нас не

обнаружили.

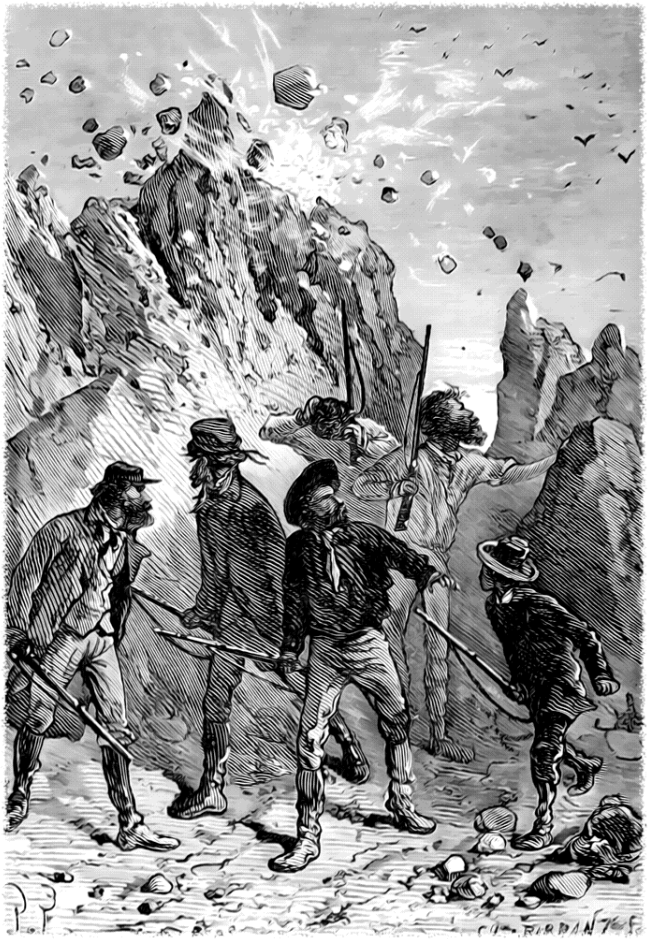
— Совершенно с вами согласен, — ответил Гедеон Спилет, — но запершись там…

— Будем действовать сообразно обстоятельствам, — сказал инженер.

— Ну, тогда в путь, и поскорее! — воскликнул журналист.

— А как, по-вашему, мистер Сайрес, не лучше ли нам с Айртоном остаться здесь? — спросил моряк.

— А зачем, Пенкроф? — возразил Сайрес Смит. — Нет, нам не следует сейчас разлучаться.



Нельзя было терять ни минуты. Колонисты выбрались из Трущоб. Небольшой выступ кряжа скрывал их от глаз пиратов, толпившихся на палубе «Быстрого», но гулко эхо пушечных выстрелов, крушивших скалы, свидетельствовало о том, что бриг подходит к берегу.

Добраться до подъемника, достичь дверей Гранитного дворца, где со вчерашнего дня сидели взаперти в большой зале Топ и Юп, было делом минуты.

И пора! В окна, увитые зеленью, они увидели, как «Быстрый», окутанный клубами дыма, входил в пролив Колонистам пришлось даже немного отойти в сторону, так как все четыре пушки палили не переставая и ядра били вслепую по Трущобам и по устью реки Благодарения, хотя защитники ее уже оставили свой пост. Скалы разлетались на куски, и вслед за каждым залпом раздавались торжествующие возгласы пиратов, кричавших во всю глотку «Ур-ра!».

И все же можно было надеяться, что Гранитный двор уцелеет, ибо Сайрес Смит приказал из предосторожности укрыть окна зеленью, но вдруг ядро снесло двери и влетело в коридор.

— Проклятье! — воскликнул Пенкроф. — Неужели эти негодяи нас обнаружили?

Возможно, что пираты и не заметили колонистов, но, несомненно, Боб Гарвей счел своевременным дать по залп завесе зелени, которая подозрительно ярко выделялась на фоне каменной стены. Обстрел Гранитного дворца продолжался с удвоенной яростью, и вскоре еще одно ядро сорвало зеленые ветви, обнажив в граните зияющее отверстие.

Положение колонистов стало безнадежным. Их жилище было открыто. А они не могли воздвигнуть преграды против ядер, даже не могли укрыться от осколков гранита, фонтаном взлетавших вокруг них. Оставалось только одно: укрыться в верхнем коридоре Гранитного дворца, покинуть свое жилище на произвол судьбы. Вдруг раздался глухой удар и вслед за ним отчаянные крики.

Сайрес Смит и его товарищи бросились к окнам.

Огромный водяной столб, нечто вроде смерча невиданной силы, приподнял бриг, который треснул пополам, и через десять секунд волны поглотили судно и преступников, составлявших его экипаж!

ГЛАВА IV

Колонисты на берегу. — Айртон и Пенкроф спасают то, что можно спасти. — Беседа за завтраком. — Рассуждения Пенкрофа. — Тщательный осмотр брига. — Крюйт-камера уцелела. — Новые богатства. — Последние остатки. — Обломок металлического цилиндра

— Они взорвались! — воскликнул Герберт.

— Верно! Взлетели на воздух, словно Айртон поджег порох в их крюйт-камере! — подтвердил Пенкроф, бросаясь вместе с Набом и юношей к подъемнику.

— Но что же все-таки случилось? — спросил Гедеон Спилет, который никак не мог прийти в себя после столь неожиданной развязки.

— Ну, на сей раз мы все узнаем!.. — живо отозвался инженер.

— Что узнаем?

— Позже, позже, а теперь пойдемте, Спилет. Главное, пиратов больше не существует.

И Сайрес Смит, увлекая за собой журналиста Айртона, поспешил на берег, где их поджидали Пенкроф, Наб и Герберт.

Морские волны поглотили бриг, даже мачт не было видно. Водяной смерч, приподняв судно, опрокинул его на бок, и в таком положении оно и затонуло — очевидно, волна хлынула в огромную пробоину. Но поскольку в этом месте пролива глубина не превышала двадцати футов, следовали ожидать, что во время отлива обнажится остов затонувшего брига.

На поверхности воды кружились обломки корабля — целый набор запасных мачт и рей, клетки с курами (крылатые пленницы были еще живы), ящики и бочонки, которые напором воды выбросило через люки, и они постепенно всплывали на поверхность; однако не видно было ни досок палубы, ни кусков обшивки, что делало еще более загадочными обстоятельства столь внезапной гибели «Быстрого».

Тем не менее две мачты, которые треснули в нескольких футах выше палубы и порвали при падении штаги и ванты, вскоре показались над водой вместе с парусами; одни паруса были раз-

вернуты, другие зажаты между деревянными частями. Но неужели же смотреть сложа руки, как отлив уносит все эти богатства в открытое море, — конечно, нет, и Айртон с Пенкрофом бросились к пироге, намереваясь пригнать уцелевший рангоут к острову или к островку Спасения.

Но когда они уже взялись за весла, их остановил голос Гедеона Спилета.

— А шестеро пиратов, которые высадились на правом берегу реки? — спросил он вдруг.

Он вовремя вспомнил об этих головорезах, которые пешком добрались до мыса Находки, после того как их шлюпка разбилась о прибрежные скалы.

Все взглянули в сторону мыса и не обнаружили ни одного беглеца. Вполне вероятно, что, став свидетелями гибели брига, поглощенного водами пролива, бандиты скрылись в глубине острова.

— Мы займемся ими позже, — сказал Сайрес Смит. — Правда, бандиты могут причинить нам немало зла, так как они вооружены, но ведь шестеро против шести — это значит, что силы равны. У нас есть сейчас дела поважнее.

Айртон с Пенкрофом оттолкнули пирогу от берега, и, повинуясь мощным ударам весел, она

понеслась к месту катастрофы.

Море было спокойно, и вода стояла очень высоко, так как два дня тому назад наступило новолуние. Следовательно, пройдет не меньше часа, прежде чем обнажится остов брига, затонувшего в проливе.

Пенкроф и Айртон успели связать мачты и деревянные брусья канатом, конец которого забросили на берег у подножия Гранитного дворца. Колонисты соединенными усилиями втащили их на сушу. Потом на пирогу подобрали все, что плавало на поверхности: клетки с курами, бочонки, ящики, и всю эту добычу немедленно перенесли в Трущобы.

Вместе с обломками корабля всплыло несколько трупов. Среди них Айртон опознал Боба Гарвея и, указав Пенкрофу на мертвое тело пирата, взволнованно произнес:

— Вот кем был и я, Пенкроф!

— Но сейчас-то вы совсем другой, наш славный Айртон! — воскликнул моряк.

Заслуживало удивления то обстоятельство, что трупов было очень мало. Колонисты насчитали только пять-шесть утопленников, их уносило течением в открытое море. По всей вероятности, пираты, застигнутые врасплох катастрофой, не успели покинуть корабль, и, поскольку он перевернулся на бок, большинство погибло, запутавшись в бортовых сетках. Отлив, увлекавший в море трупы, избавлял колонистов от печальной необходимости предавать их земле где-нибудь в отдаленном уголке острова Линкольна.

В течение двух часов Сайрес Смит с товарищами вытаскивали обломки корабля на берег, отвязывали от реев паруса, которые, к счастью, оказались совершенно целыми, раскладывали их для просушки на песок. Поглощенные работой, они почти не разговаривали, но как много мыслей теснилось у них в голове! Бриг, со всем его содержимым, — ведь это же настоящее богатство.

Всякое судно представляет собой как бы целый плавучий мирок, и имущество колонистов, несомненно, пополнится множеством необходимых предметов. Короче — повторялась, только в более крупных масштабах, история находки ящика, обнаруженного на мысу, получившем поэтому название мыса Находки.

«И почему, — думал Пенкроф, — почему бы нам не поднять затонувшее судно? Если там всего только одна пробоина, заделать ее ничего не стоит, а судно тоннажем в триста, а то и четыреста тонн — это же подлинный гигант по сравнению с нашим «Бонадвентуром»! На таком судне хоть за тысячу миль отправляйся! Куда хочешь, туда и плыви! Надо бы нам с мистером Сайресом и Айртоном взяться за это дело! Стоит потрудиться!»

В самом деле, если на бриге еще можно плавать, шансы колонистов на возвращение в родные края возрастут в сотни раз. Но, для того чтобы решить этот важный вопрос, приходилось ждать конца отлива: тогда можно будет осмотреть со всех сторон корпус судна.

Когда остатки затонувшего корабля были выловле из воды и сложены на берегу в безопасном месте, колонисты решили передохнуть и позавтракать. Они буквально падали с ног от голода. К

счастью, кладовая находилась поблизости, и Наб с честью доказал свои незаурядные кулинарные способности. Завтрак состоялся на открытом воздухе возле Трущоб. Читатель, конечно, догадывается, что во время еды все разговоры вертелись вокруг неожиданного происшествия, чудом спасшего колонистов от неминуемой гибели.

— Именно чудом, — настаивал Пенкроф, — признаемся же, что головорезы взлетели в воздух в самое, что называется, время! В Гранитном дворце становилось уж очень неуютно.

— Послушайте, Пенкроф, — спросил журналист, — как, по-вашему, все это произошло? Вы представляете себе, отчего получился взрыв?

— Нет ничего проще, мистер Спилет, — ответил Пенкроф. — Ведь на разбойничьем бриге разве такая дисциплина, как, скажем, на военном корабле! Пираты — это ведь не матросы. Должно быть, двери крюйт-камеры остались открытыми, бандиты били по острову без передышки, ну, а тут достаточно какого-нибудь дурня или ротозея, чтобы все взлетело на воздух.

— А знаете, мистер Сайрес, — начал Герберт, — меня вот что удивляет. Почему взрыв не произвел больших разрушений? Звук был не особенно сильный, и пострадала только обшивка. Право,

можно подумать, что корабль скорее утонул, нежели взорвался.

— Это тебя удивляет, голубчик? — спросил инженер.

— Очень, мистер Сайрес.

— И меня тоже, Герберт, — ответил инженер, — и меня это очень удивляет; вот подожди, осмотрим корпус брига и, конечно, поймем, в чем тут дело.

— Неужели вы хотите сказать, мистер Сайрес, — возразил Пенкроф, — что «Быстрый» просто-напросто затонул, как самое обыкновенное судно, наткнувшееся на риф?

— А почему бы и нет? — спросил Наб. — В проливе много рифов.

— Ай да Наб, — воскликнул Пенкроф. — Значит, дружок, ты самого главного и не заметил. Я-то прекрасно видел бриг за минуту до того, как он затонул, видел, как его подкинула огромнейшая волна, видел, как он опрокинулся на левый борт. А если б он наткнулся на скалу, то пошел бы ко дну спокойно, по примеру любого добропорядочного судна.

— Но ведь «Быстрый» как раз не добропорядочное судно! — возразил Наб.

— Увидим, увидим, Пенкроф, — сказал инже-

нер.

— Конечно, увидим, — подтвердил моряк, — только я готов голову прозаложить, что в нашем проливе никаких подводных рифов нет. Скажите, мистер Сайрес, положа руку на сердце, что вы имели в виду, говоря, будто в этом деле есть доля чудесного?

Сайрес как будто не слышал этого замечания.

— Во всяком случае, — воскликнул Гедеон Спилет, — утонул ли бриг, взорвался ли, согласитесь, Пенкроф, что произошло это весьма кстати!

— Еще бы, еще бы, — ответил моряк, — но дело не в этом. Я вот спрашиваю мистера Смита, что он во всем этом происшествии видит сверхъестественного?

— Я пока не выскажу своего мнения, Пенкроф, — ответил инженер. — Вот все, что сейчас могу вам ответить.

Но эти слова ни в малой степени не удовлетворили Пенкрофа. Он упорно настаивал на версии взрыва и не желал отступиться от нее. Никто его никогда не убедит, что в их проливе, дно которого, как и сам берег, покрыто мелким песком, что в их проливе, через который он десятки раз переправлялся во время отлива, могла вдруг существовать никому не известная подводная

скала. Да и в ту минуту, когда корабль затонул, был прилив, другими словами — судно могло преспокойно пройти, не задев рифы, которых не видно было даже при отливе. Следовательно, речь могла идти только о взрыве. Следовательно, корабль не разбился о рифы. Следовательно, он взлетел на воздух.

Признаемся, что рассуждения моряка не были лишены здравого смысла.

Около половины второго колонисты сели в пирогу и поплыли к месту кораблекрушения. Жаль только, что не удалось спасти двух судовых шлюпок; но одна, как известно, разбилась близ устья реки Благодарения, и починить ее не представлялось возможным, а другую поглотила пучина одновременно с бригом, который, очевидно, раздавил хрупкую шлюпку, почему она и не всплыла на поверхность.

Тем временем корпус «Быстрого» начал появляться из воды. Оказалось, что бриг лежит даже не на боку, — во время кораблекрушения мачты сломались, балласт переместился и судно перевернулось килем вверх. Таково было действие необъяснимой, но страшной подводной силы, которая, выбросив огромный столб воды, сразу опрокинула судно.

Колонисты обошли корпус брига, и, так как отлив продолжался, им удалось установить если не причину неожиданной катастрофы, то хоть ее последствия.

В носовой части судна, по обе стороны киля, в семи-восьми футах от основания форштевня, бока брига были ужасно разворочены на длине не менее чем в двадцать футов. Нечего было и думать о том, чтобы заделать эти зияющие пробоины. В поврежденных местах не удалось обнаружить не только деревянной, но и медной обшивки, которую, по всей видимости, уничтожило без остатка; исчезли даже части набора, железные гвозди, болты и нагели. По всему корпусу, вплоть до кормовой части, обшивка корабельного набора расшаталась и пришла в полную негодность. Какая-то чудовищная сила сорвала фальшкиль, а сам киль в нескольких местах отошел от кильсона и треснул по всей своей длине.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Да, этот корабль будет не так-то легко починить.

— Вернее, просто невозможно, — добавил Айртон.

— Во всяком случае, — обратился Гедеон Спилет к моряку, — взрыв, если только тут действительно был взрыв, произвел довольно странное

действие. Посмотрите-ка, палуба и надводная часть, которым полагалось бы взлететь на воздух, целехоньки! А взгляните на эти пробоины: судя по их размерам, бриг именно наткнулся на подводный риф, а не взорвался.

— Да нет же в нашем проливе никаких рифов, — сказал моряк. — Ладно, я согласен признать любую причину гибели брига, только не ваши рифы!

— Давайте попробуем проникнуть внутрь судна, — предложил инженер. — Возможно, нам удастся установить там истинную причину гибели «Быстрого».

Все согласились с этим разумным предложением, Да, кроме того, надо было составить опись богатств, находившихся в затопленном судне, и попытаться спасти их.

Пробраться во внутреннюю часть брига не составляло теперь особого труда. Вода, постепенно убывая, почти совсем ушла, и проникнуть внутрь судна всего удобнее было через нижнюю палубу, которая теперь оказалась наверху, так как корпус судна перевернулся. Чугунные чушки, использованные в качестве балласта, пробили ее в нескольких местах. Вода с мерным журчанием выбегала из трещин, испещривших корпус

брига.

Сайрес Смит и его товарищи, вооружившись топорами, вступили на искалеченную палубу. Проход загромождали ящики всех размеров, и так как они пробыли под водой недолго, можно было ожидать, что содержимое их не пострадало.

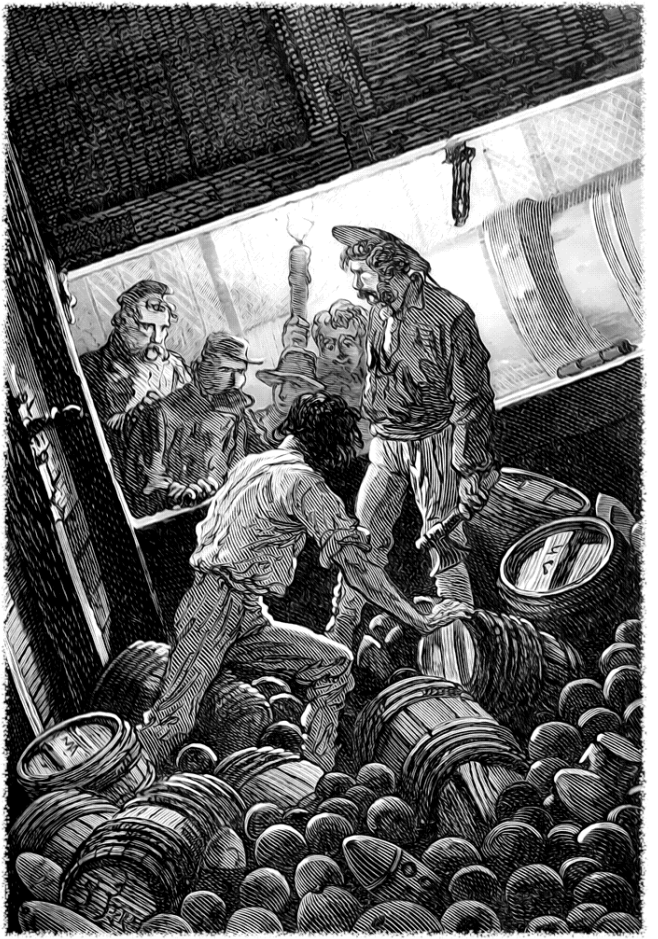
Первым делом колонисты оттащили весь груз в надежное место. Прилив начнется только через несколько часов, и друзья не потеряли времени даром. Айртон и Пенкроф установили у пробоины тали для спуска ящиков и бочонков. Их грузили на пирогу и тут же доставляли на берег. Брали с брига все подряд, решив потом на досуге осмотреть и рассортировать новое имущество.

Но и сейчас колонисты убедились, к великой своей радости, что в трюмах брига хранится много ценных вещей — самые разнообразные предметы, домашняя утварь, посуда, штуки материи, инструменты, — словом, обычный груз судна, ведущего торговлю с островами Полинезии. Вероятно, тут было всего понемногу, а это как раз и улыбалось колонистам острова Линкольна.

Однако Сайрес Смит с удивлением убедился в том, что пострадал не только, как мы уже говорили, корпус брига вследствие какого-то удара, приведшего к катастрофе, но даже внутренность

судна, особенно в носовой его части. Переборки и пиллерсы были снесены, словно внутри брига разорвался снаряд поистине огромной разрушительной силы. Колонисты беспрепятственно прошли от носа до кормы, лавируя между ящиками и тюками, которые постепенно извлекались из трюма. К счастью, все эти вещи оказались не тяжелыми, но лежали они в беспорядке.

Колонисты добрались до кормовой части судна — туда, где раньше находился ют. По словам Айртона, здесь-то и следовало искать крюйт-камеру. Сайрес Смит надеялся, что она не взорвалась, и, следовательно, несколько бочонков с порохом уцелели, а так как порох обычно хранится в металлической упаковке, он, очевидно, не подмок.



Предположения инженера оправдались. Среди множества снарядов колонисты обнаружили десятка два бочонков с порохом, обитых изнутри медными листами; бочонки были тут же со всеми предосторожностями извлечены из крюйт-камеры. Пенкроф, следовательно, мог собственными глазами убедиться, что «Быстрый» погиб не от взрыва. Как раз та часть судна, где была расположена крюйт-камера, пострадала меньше других.

— Что ж, возможно, — согласился моряк, но тут же упрямо добавил: — А все-таки никаких рифов в нашем проливе нет!

— Тогда что же произошло? — спросил Герберт.

— Не знаю, — отрезал Пенкроф, — и мистер Сайрес тоже не знает, и никто не знает, и не узнает никогда!

Занятые осмотром судна, колонисты не заметили, как прошло несколько часов и начался прилив. Пришлось прекратить спасательные работы. Впрочем, нечего было бояться, что волны унесут остов брига в открытое море, так как судно уже увязло в песке и держалось прочнее, чем на всех своих якорях.

Поэтому можно было спокойно ждать следующего отлива, чтобы закончить выгрузку

обнаруженного на бриге имущества. Но сам корабль погиб безвозвратно, и надо было в спешном порядке спасти хоть обломки корпуса, пока их не засосал зыбучий песок на дне пролива.

Было уже пять часов вечера. Нелегкий выдался для колонистов денек. Они пообедали с отменным аппетитом и, хотя валились с ног от усталости, не могли устоять против искушения ознакомиться с содержимым ящиков, обнаруженных в трюмах «Быстрого».

В большинстве ящиков оказалось готовое платье, которое, по вполне понятным причинам, было встречено радостными возгласами колонистов. Одежды, всевозможного белья и обуви всех размеров было так много, что хватило бы с избытком на целую колонию.

— Ну и богатство нам привалило, — твердил Пенкроф. — Только куда нам такая масса?

То и дело раздавалось громкое «ура», которым неунывающий моряк приветствовал каждую новую находку — то бочонок с водкой из сахарного тростника, то кипы табаку, то огнестрельное или холодное оружие, тюки хлопка, сельскохозяйственный инвентарь, плотничьи, столярные и кузнечные инструменты, мешки с семенами самых различных растений, не пострадавшие от

своего кратковременного пребывания в воде. Ах, каким поистине неоценимым кладом было бы все это для них два года тому назад! Но ничего, даже сейчас, когда изобретательные и трудолюбивые колонисты сумели собственными руками создать все необходимое, эти сокровища найдут свое применение.

В кладовых Гранитного дворца места хватало с избытком, но в тот день уже некогда было заниматься переноской вещей. При всем том не следовало забывать, что на острове бродят шестеро уцелевших пиратов с «Быстрого», что незваные гости — отъявленные негодяи и что следует держаться начеку. Пусть мост на реке Благодарения и все мостики подняты, разве преступников остановит ручей или даже река? А сейчас, доведенные до крайности, они стали вдвойне опасны.

Пока еще незачем было принимать меры против пришельцев. Время само покажет, как нужно действовать, решили колонисты, а пока необходимо зорко охранять ящики и тюки, сложенные возле Трущоб, и поэтому друзья всю ночь по очереди несли дежурство.

Ночь прошла спокойно, пираты не осмелились напасть на поселенцев. Дядюшка Юп и Топ, на

которых возложили охрану Гранитного дворца, конечно, не замедлили бы поднять тревогу.

Три следующих дня — девятнадцатое, двадцатое двадцать первое октября — колонисты потрудились на славу, спасая все, что представляло хоть какую-нибудь ценность, — будь то груз «Быстрого» или части его оснастки. Во время отлива они разгружали трюм. Начинался прилив — доставляли имущество на берег. Хотя песок с каждым днем все больше засасывал остов корабля, удалось все же снять с брига большую часть его медной обшивки. Несколько раз Айртон и Пенкроф ныряли на дно канала и извлекали оттуда тяжелые предметы, которые грозил поглотить песок, — цепи, якоря, чугунные чушки и даже четыре орудия судовой батареи; с помощью пустых бочек удалось пригнать этот груз к берегу.

Как мы видим, колонисты изрядно пополнили не только свои склады и кладовые, но и свой арсенал. Пенкроф увлеченный новыми замыслами, лелеял план установить батарею, которая охраняла бы подступы к проливу и устью реки. Ведь у них как-никак четыре орудия, и с их помощью Пенкроф намеревался обратить в бегство любую флотилию, «хоть самую мощную», как он выражался, если таковой придет охота пуститься

в плавание по водам, омывающим остров Линкольна.

Между тем, как от брига остался один ни на что не годный остов, началась непогода и довершила дело разрушения. Сайрес Смит решил было взорвать бриг и затем вытащить его останки на сушу, но поднявшийся норд-ост и разбушевавшееся море избавили колонистов от излишней траты пороха.

И действительно, в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое октября буря разбила вдребезги остов брига и выбросила часть обломков на берег.

Вряд ли стоит говорить, что Сайрес Смит в поисках судовых бумаг тщательнейшим образом обшарил все шкафы и ящики на юте, но не обнаружил никаких документов. Очевидно, пираты уничтожили все бумаги, могущие свидетельствовать о личности их капитана или бывшего владельца брига, а так как на кормовой доске не значилось наименования порта, к которому бриг был приписан, то не представлялось возможным определить и его национальную принадлежность. Однако Айртон и Пенкроф утверждали, что, судя по носовой части брига, он вышел из английских верфей.

Через неделю после катастрофы, вернее, после таинственной развязки, спасшей жизнь колонистам, даже во время отлива уже нельзя было обнаружить следов «Быстрого». Последние его обломки унесло в море, а груз обогатил кладовые Гранитного дворца.

Однако обстоятельства столь неожиданной и странной гибели так бы и остались тайной, если бы тридцатого октября Наб, бродивший по берегу, не нашел обломка металлического толстостенного цилиндра, хранившего на себе следы взрыва. Цилиндр этот был перекручен и разорван по краям словно под действием взрывчатого вещества.

Наб принес находку инженеру, который трудился вместе с остальными колонистами в мастерской Трущоб.

Сайрес Смит внимательно осмотрел цилиндр, затем повернулся к Пенкрофу и сказал:

— Вы продолжаете настаивать, мой друг, что гибель «Быстрого» последовала не в результате удара о риф?

— Да, продолжаю, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Вы же сами прекрасно знаете, что в нашем проливе никаких рифов нет.

— Ну, а что, если он наскочил на этот кусок железа? — продолжал инженер, протягивая

Пенкрофу обломок металлического цилиндра.

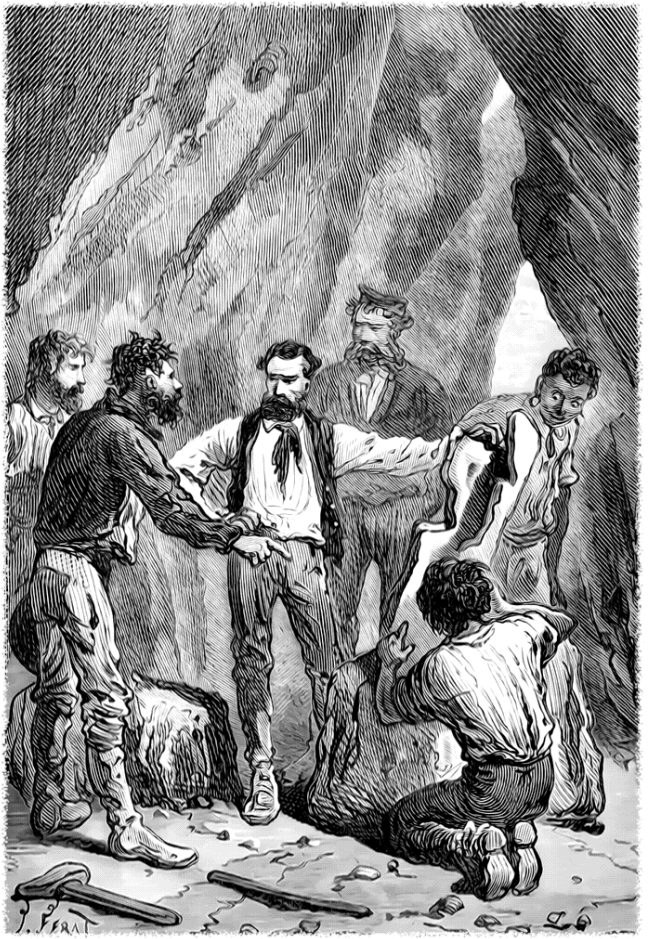
— Вот на эту-то трубку? — воскликнул моряк, даже не пытаясь скрыть недоверия.

— Друзья мои, — обратился Сайрес Смит к колонистам, — надеюсь, вы помните, что, прежде чем затонуть, бриг подхватило и бросило вверх огромным столбом воды?

— Конечно, помним, мистер Сайрес! — поспешно отозвался Герберт.

— Вам угодно знать, чем был вызван смерч? Вот, этим. — И инженер протянул на ладони искалеченный цилиндр.

— Вот этим? — спросил Пенкроф.


J. Férat

— Да, потому что цилиндр — это все, что осталось от подводной мины.

— От мины! — в один голос воскликнули колонисты.

— А кто установил мину-то эту? — сказал Пенкроф, не желая сдаваться.

— Одно могу сказать — не я! — ответил Сайрес Смит. — Но факт налицо: кто-то установил мину, и вы сами могли судить о ее неслыханной разрушительной силе.

ГЛАВА V

Выводы инженера. — Грандиозные планы Пенкрофа. — Надземная батарея. — Четыре выстрела. — Разговор об уцелевших пиратах. — Колебания Айртона. — Великодушие Сайреса Смита. — Пенкроф не без сожаления сдает позиции

Итак, все объяснилось взрывом подводной мины. Сайрес Смит не мог ошибиться; во время гражданской войны в США ему не раз приходилось иметь дело с этими ужасными орудиями разрушения. Именно под действием этого цилиндра, начиненного нитроглицерином, солями пикриновой кислоты или другим взрывчатым

веществом, из пролива поднялся водяной столб, и сраженный молниеносным ударом, бриг пошел ко дну; поднять его не представилось возможным, так сильно был поврежден корпус судна. Если подводная мина без труда пробивает броню фрегата, словно простую рыбачью лодку, где уж тут было устоять бригу!

Да, все стало ясным, решительно все… кроме одного обстоятельства: откуда взялась мина в водах пролива.

— Друзья мои, — заговорил Сайрес Смит, — теперь уж не подлежит сомнению, что на острове обитает какое-то таинственное существо, — возможно, как и мы, жертва кораблекрушения. Я говорю это затем, чтобы познакомить Айртона с теми загадочными событиями, которые происходили здесь в течение двух лет. Кто этот неведомый благодетель, который, по счастью, уже не раз приходил нам на помощь, — этого я не берусь сказать. Из каких соображений он действует и почему скрывается от нас, облагодетельствованных им людей, — этого я не могу понять. Но так или иначе, услуги эти были оказаны, и оказать их мог только человек, обладающий поистине необычайным могуществом. Айртон обязан ему в такой же мере, как и все мы, ибо,

если этот неведомый покровитель спас меня из морской пучины после гибели воздушного шара, он же, очевидно, написал записку, бросил бутылку в пролив и уведомил нас таким образом о бедственном положении нашего товарища. Добавлю, что это он так своевременно подбросил на мыс Находки ящик, содержавший те предметы, в которых мы особенно нуждались; это он зажег костер на вершине горы, чтобы вы могли достичь острова; это он стрелял в пекари, и дробинку из его ружья мы обнаружили в теле убитого нами животного; это он поставил в проливе мину, на которой подорвался разбойничий бриг, — словом, всеми необъяснимыми и непонятными благодеяниями мы обязаны этому таинственному существу. Итак, кто бы он ни был, жертва ли кораблекрушения или изгнанник, сосланный на этот остров, забыв о нем, мы проявили бы черную неблагодарность. Мы в долгу перед ним и, надеюсь, рано или поздно заплатим наш долг.

— Вы совершенно правы, дорогой Сайрес, — ответил Гедеон Спилет. — Да, вы совершенно справедливо сказали, что где-то здесь, на острове, обитает некое таинственное существо, наделенное почти нечеловеческим могуществом и употреблявшее его до сих пор на благо нашей

колонии. Я сказал бы даже, что этот неизвестный обладает сверхъестественной властью, если бы только мы допускали возможность существования сверхъестественной силы и ее вмешательства в нашу повседневную жизнь. Возможно, он тайно сообщается с нами через колодец Гранитного дворца и узнает таким образом обо всех наших планах. Возможно, он подбросил нам бутылку, когда мы пустились на пироге в наше первое плавание по морю. Возможно, это он выбросил Топа из озера и был причиной гибели дюгоня. Возможно, что он спас вас, Сайрес, из морской пучины и притом, заметьте, при таких обстоятельствах, когда простой смертный был бы бессилен сделать что-либо. Если это действительно так — он властвует не только над делами человеческими, но и над стихиями.

Присутствующие не могли не согласиться со справедливыми рассуждениями журналиста.

— Совершенно верно, — подхватил Сайрес Смит, — никто из нас не сомневается более в существовании загадочного обитателя острова, и я признаю, что он располагает такими средствами, которые пока еще не доступны людям. Вот еще одна загадка… Но, обнаружив незнакомца, мы ее разгадаем. Следовательно, нам предсто-

ит решить следующий вопрос: будем ли мы и впредь уважать инкогнито этого великодушного человека или мы сделаем все возможное, чтобы обнаружить его. Мне бы хотелось узнать на этот счет ваше мнение, друзья.

— По-моему, — ответил Пенкроф, — кто бы он ни был — он славный малый, и я уважаю его всей душой.

— Все это очень хорошо, — возразил Сайрес Смит, — но согласитесь, что вы не ответили на мой вопрос, Пенкроф.

— А по-моему, хозяин, — проговорил Наб, — будем мы искать этого человека или нет — безразлично. Прежде чем он сам не пожелает нам открыться, нам его ни за что не найти.

— Здорово сказано, Наб, — похвалил Пенкроф, — прямо-таки умно сказано.

— Я вполне согласен с Набом, — начал Гедеон Спилет, — но это недостаточно веский довод, чтобы отказаться от поисков. Найдем ли мы или не найдем эту таинственную личность, по крайней мере мы выполним в отношений ее свой долг.

— А ты, дружок, что скажешь? — обратился инженер к Герберту.

— Ах! — воскликнул Герберт, и глаза его загорелись. — Мне так хотелось бы поблагодарить его

за то, что он сначала спас вас, мистер Сайрес, а потом и нас всех!

— Неплохо придумано сынок, — откликнулся Пенкроф, — и я не прочь это сделать, да и все остальные тоже! Излишним любопытством я, как известно, не страдаю, а все-таки охотно отдал бы правый глаз, чтобы поглядеть на этого героя. Надо полагать, он красивый мужчина, сильный такой, высокий; борода у него длинная, волнистая, волосы — словно сияние; возлежит он, должно быть, на облаках и в руках держит большой такой шар…

— Да ведь вы нам нарисовали самого господа бога, — прервал моряка Гедеон Спилет.

— Не спорю, — ответил Пенкроф, — но что ж поделаешь, если он именно таким мне представляется.

— А ваше мнение, Айртон? — спросил инженер.

— Видите ли, мистер Смит, я не знаю, что и сказать. Что бы вы ни решили, все будет правильно и хорошо. Если вы хотите, чтобы и я принял участие в поисках, я немедля последую за вами.

— Очень вам благодарен, Айртон, — ответил Сайрес Смит, — но мне хотелось бы получить от вас более прямой ответ. Вы наш полноправный

товарищ; вы много раз делом доказали нам свою преданность, и прежде чем принять такое важное решение, мы спрашиваем вашего мнения, как и мнения колонистов. Так скажите же нам, что вы думаете насчет всего этого?

— Мистер Смит, я считаю, что мы обязаны сделать все возможное, чтобы найти нашего таинственного покровителя, — ответил Айртон. — Может быть, он томится в одиночестве. Может быть, страдает. Может быть, с нашей помощью он начнет новую жизнь. Вот вы сейчас сами сказали, что я его должник. Это он, конечно, он а не кто другой, посетил остров Табор, обнаружил там несчастное, страждущее существо и сообщил вам, что необходимо спасти его. Значит, по его милости я снова стал человеком. Никогда я этого не забуду.

— Что ж, решено, — сказал Сайрес Смит. — Начнем поиски, и как можно скорее. Обследуем весь остров, заглянем в каждый уголок. Обшарим все тайники, и пусть наш неизвестный друг простит нам эту нескромность, ведь она продиктована благими намерениями.

Все последующие дни колонисты деятельно готовились к зиме — запасали корм для скота, убирали урожай. Они рассудили, что сначала

надо покончить со всеми неотложными делами, а уж затем пускаться на обследование острова. К тому же созрели овощи, вывезенные с острова Табор. Предстояло сложить в кладовые плоды упорного труда; к счастью, в Гранитном дворце хватило бы места для всех богатств острова. Запасы поселенцев хранились в полном порядке в этих надежных природных кладовых, куда не могли пробраться ни четвероногие, ни двуногие враги. Массивные гранитные стены не пропускали сырости. Несколько естественных пещер, расположенных в верхней части коридора, были расширены или расчищены с помощью кирки или пороха, и таким образом в Гранитном дворце появились огромные склады, где теперь хранились провизия, боевые припасы, инструменты и посуда — словом, все имущество поселенцев.

Пушки, снятые с брига, оказались прекрасными орудиями, отлитыми из стали, и по настоянию Пенкрофа, их втащили в Гранитный дворец с помощью лебедок и талей; между окнами пробили бойницы, и вскоре из амбразур выглянули длинные блестящие стволы пушек. Орудия господствовали с этой высоты над бухтой Соединения. Получился как бы Гибралтар в миниатюре, и любое судно, ставшее на шпринг у острова

Линкольна, оказалось бы прекрасной мишенью для этой батареи.

— Мистер Сайрес, — сказал как-то Пенкроф (это было восьмого ноября), — теперь, когда, наша батарея в полном порядке, не мешает проверить, как далеко бьют пушки.

— А вы думаете, это целесообразно? — спросил инженер.

— Не только целесообразно, но и необходимо! А то как же мы узнаем, на какое расстояние можно посылать эти милые ядра, которых у нас, благодарение небу, скопилось немало?

— Что ж, попробуем, — согласился инженер. — Однако мне кажется, что для опытной пристрелки лучше пользоваться не обычным порохом — зачем тратить его запасы впустую, — а пироксилином, у нас его очень много.

— А выдержат ли наши пушки взрывную силу пироксилина? — спросил журналист, которому, не меньше чем Пенкрофу, хотелось испытать дальнобойность батареи Гранитного дворца.

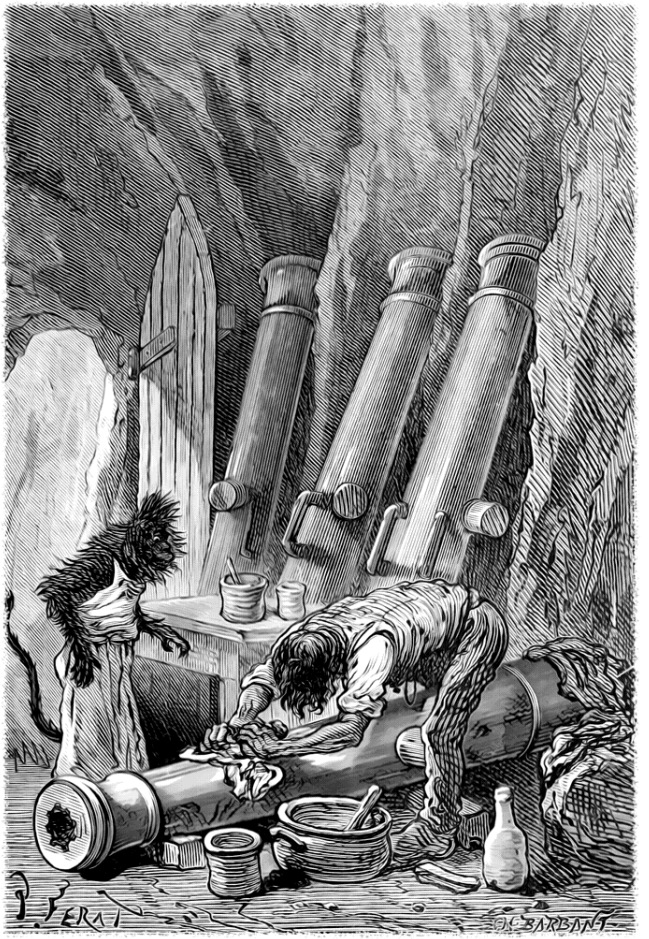
— Думаю, что выдержат. К тому же, — добавил инженер, — мы будем действовать осторожно.

Сайрес Смит недаром был знатоком артиллерийского дела. Он сразу определил, что пушки сделаны на славу. Для их изготовления пошла

лучшая сталь, заряжались они с казенной части, стреляли крупнокалиберными ядрами и, следовательно, били на значительное расстояние. Как известно, дальнобойность орудия тем больше, чем длиннее траектория, описываемая ядром, а протяженность траектории зависит от начальной скорости снаряда.

— Начальная же скорость находится в прямой зависимости от количества пороха, — пояснил инженер своим товарищам. — Таким образом, при изготовлении артиллерийских орудий самое главное — это качество металла, который должен обладать максимальным сопротивлением, а сталь бесспорно самый твердый из всех существующих металлов. Поэтому я полагаю, что наши пушки без риска выдержат расширение газов пироксилина и покажут прекрасные результаты.

— Вот попробуем наши пушечки, тогда все и узнаем! — подхватил Пенкроф.


J. FERAT
G. BARBANT

Нечего и говорить, что все четыре орудия содержались в образцовом порядке. С тех пор как пушки были извлечены из воды и доставлены на берег, Пенкроф, не жалея сил и времени, натирал их, смазывал жиром, полировал, чистил затвор, замок, зажимной винт. И сейчас орудия блестели так, словно находились на борту военного американского фрегата.

Итак, в тот же день, в присутствии всех колонистов, включая, понятно, Топа и дядюшку Юпа, были поочередно испробованы все четыре пушки. Их зарядили пироксилином, учтя его взрывную силу, которая как мы говорили, в четыре раза превосходит взрывную силу обычного пороха; снаряды имели коническую форму.

Пенкроф держал в руке шнур запального фитиля, готовясь действовать.

По знаку Сайреса Смита прогремел выстрел. Ядро, пущенное в сторону моря, пронеслось над островком и исчезло где-то вдали, так что определить точное расстояние не представлялось возможным.

Вторую пушку навели на крайнюю точку мыса Находки, и ядро, ударившись об острый выступ скалы на расстоянии примерно трех миль от Гранитного дворца, разнесло его на куски.

Навел пушку и выстрелил Герберт, и надо ли говорить, как он был горд своим первым выстрелом из орудия. Но, пожалуй, еще больше гордился Пенкроф. Ведь это его сынок оказался таким метким пушкарем.

Третье ядро, посланное в направлении гряды дюн, идущей вдоль берега бухты Соединения, ударилось в песок на расстоянии четырех миль от Гранитного дворца, затем силой рикошета подскочило и упало в море, подняв фонтаны брызг.

Готовясь к четвертому выстрелу, Сайрес Смит увеличил количество пироксилина, желая испытать предельную дальнобойность орудий. Потом поселенцы отошли в сторону на случай, если пушку разорвет, и фитиль был подожжен с помощью длинного шнура.

Раздался оглушительный грохот, но пушка выдержала, и поселенцы, бросившись к окну, увидали, как ядро срезало верхушку скалы на мысе Челюсть, на расстоянии примерно пяти миль от Гранитного дворца, и исчезло в водах залива Акулы.

— Ну, что вы скажете, мистер Сайрес, о нашей батарее? — спросил Пенкроф, чьи неистовые крики восторга чуть ли не заглушали грохот пальбы. — Пускай к Гранитному дворцу являются

теперь хоть все пираты Тихого океана — добро пожаловать! Попробуй ступи теперь на берег без нашего разрешения.

— Поверьте мне, Пенкроф, — ответил инженер, — лучше обойтись без таких опытов.

— Да, кстати, — воскликнул моряк, — что мы будем делать с шестеркой головорезов, которые расхаживают по острову? Значит, пусть себе разгуливают по нашим лесам, лугам и полям? Да ведь эти пираты — настоящие ягуары, с ними, как с ягуарами, и надо поступать… А вы как думаете, Айртон? — обратился Пенкроф к своему, приятелю.

Айртон не сразу ответил, и Сайрес Смит пожалел, что моряк неосмотрительно задал подобный вопрос. Он с волнением ждал ответа Айртона.

— Я сам был таким ягуаром, мистер Пенкроф, — смущенно произнес Айртон, — и не имею права высказывать своего мнения.

И он медленным шагом вышел из комнаты. Пенкроф все понял.

— Ах я болван, ах дурачина! — воскликнул он. — Бедный Айртон! Но ведь я хотел только узнать его мнение он вправе его высказать, как и любой из нас.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Ге-

деон Спилет, — но сдержанность Айртона делает ему честь, и мы должны уважать то чувство, с которым он вспоминает свое прошлое.

— Решено, мистер Спилет, — отозвался моряк, — больше я уж не промахнусь! Да лучше свой собственный язык проглочу, чем обижу Айртона! Но вернемся к вопросу о пиратах. На мой взгляд, они не вправе рассчитывать на наше милосердие, и мы должны как можно скорее очистить от них остров.

— Вы действительно так считаете, Пенкроф? — спросил инженер.

— Да, считаю.

— А не лучше ли, прежде чем действовать столь беспощадно, подождать? Может быть, они и не решатся на новые враждебные действия.

— А того, что они сделали, по-вашему, недостаточно? — ответил вопросом Пенкроф, которому были чужды подобные колебания.

— Но ведь они могут перемениться к лучшему, — возразил Сайрес Смит, — кто знает, могут даже раскаяться…

— Это они-то раскаются? — воскликнул моряк, пожимая плечами.

— Пенкроф, вспомни об Айртоне! — сказал Герберт, беря моряка за руку. — Ведь стал же он

честным человеком.

Пенкроф поочередно оглядел своих товарищей. Никогда бы он не подумал, что его предложение будет так принято. Человек прямодушный и суровый, он даже мысли не допускал, что кому-то придет в голову миндальничать с пиратами, высадившимися на их остров, вступать в переговоры с пособниками Боба Гарвея, с разбойничьим экипажем «Быстрого»; он искренне считал их дикими зверями, которых следует уничтожать, как хищников, без колебаний и угрызений совести.

— Смотрите-ка! — воскликнул он. — Все против меня одного! Вы желаете великодушничать с этими бродягами! Пусть будет по-вашему. Только смотрите, как бы нам потом не раскаяться.

— Нам не грозит никакая опасность, — произнес Герберт, — ведь мы будем настороже.

— Как сказать, — отозвался журналист, который до сих пор упорно молчал. — Их ведь шестеро, и они хорошо вооружены. Если бандиты разбредутся по острову или засядут где-нибудь в укромном уголке, они могут нас перестрелять одного за другим и овладеть нашей колонией.

— Почему же они до сих пор этого не сделали? — спросил Герберт. — Конечно, потому, что это не в их интересах. К тому же нас тоже шестеро.

— Ладно, ладно! — отозвался Пенкроф, нимало не убежденный доводами друзей. — Пусть эти пай-мальчики занимаются своими делами, не будем больше говорить о них.

— Да нет же, Пенкроф, — вмешался Наб, — ты вовсе не такой злой, каким притворяешься! Если бы один из этих несчастных очутился вдруг перед тобой на расстоянии ружейного выстрела, ты ни за что не стал бы стрелять…

— Выстрелил бы не раздумывая, как в бешеную собаку Наб, — холодно возразил Пенкроф.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал инженер, — вы не раз считались с моим мнением. Согласны вы и на этот раз положиться на меня?

— Хорошо, я и сейчас не выйду из повиновения вам, мистер Смит, — ответил Пенкроф, которого ничто не могло переубедить.

— Прекрасно, тогда будем ждать и нападем на них лишь в том случае, если они первые на нас нападут.

Предложение инженера было принято, хотя Пенкроф не одобрял эту тактику и считал, что к хорошему она не приведет. Решение было пока выжидать, ничего не предпринимая, но держаться начеку. Ведь остров Линкольна достаточно велик, земля здесь плодородная. Если в душе у

пришельцев остались добрые чувства, возможно, они в конце концов исправятся. В тех условиях, в которых они теперь очутились, в их же собственных интересах вернуться к честной жизни. Во всяком случае, следует ждать хотя бы ради человеколюбия. Правда, поселенцам уже не придется так беспечно, как раньше, разгуливать по всему острову. Доныне они опасались лишь диких зверей, а теперь шестеро преступников, быть может более свирепых, чем хищники, бродят где-то вокруг. Опасность немалая, и, бесспорно, люди не такие храбрые, как наши колонисты, утратили бы надолго душевный покой.

Что ж из того! В споре с Пенкрофом колонисты были правы. Но окажутся ли они правы в действительности — это покажет будущее.

ГЛАВА VI

Проект экспедиции. — Айртон в корале. — Посещение порта Воздушного шара. — Замечания Пенкрофа на борту «Бонадвентура». — В кораль послана депеша. — Айртон не отвечает. — Выступаем завтра. — Почему бездействует телеграф? — Выстрел

Тем временем колонисты готовились к тща-

тельному обследованию острова, справедливо считая это своей важнейшей задачей, ибо теперь их экспедиция имела двоякую цель: прежде всего обнаружить таинственного покровителя, в существовании которого уже никто более не сомневался, и одновременно узнать, что стало с пиратами, где они укрываются, чем промышляют и чего следует опасаться с их стороны.

Сайрес Смит охотно бы двинулся в путь без промедления, но путешествие должно было продлиться несколько дней, а поэтому следовало взять с собой повозку, нагрузив ее лагерным оборудованием и разной утварью, необходимой для устройства привалов. Но, как на грех, один из онагров повредил себе ногу и не мог ходить в упряжке; необходимо было дать ему несколько дней отдыха, и колонисты решили отложить отъезд на десять дней, то есть до двадцатого ноября. В этих широтах ноябрь соответствует маю в Северном полушарии. Весна была в самом разгаре. Солнце подходило к тропику Козерога — наступали самые длинные дни в году. Словом, время для экспедиции было выбрано очень удачно. Если даже она и не приведет к желанной цели, то сколько можно будет сделать открытий, обнаружить естественных богатств: ведь по замыслу

Сайреса Смита предстояло исследовать густые леса Дальнего Запада вплоть до оконечности полуострова Извилистого.

В течение десяти дней, оставшихся до начала экспедиции, колонисты решили закончить последние работы на плато Кругозора.

Однако Айртону необходимо было вернуться в кораль, так как домашние животные нуждались в присмотре и уходе. Условились, что он проведет там два дня и вернется в Гранитный дворец, задав скоту побольше корма.

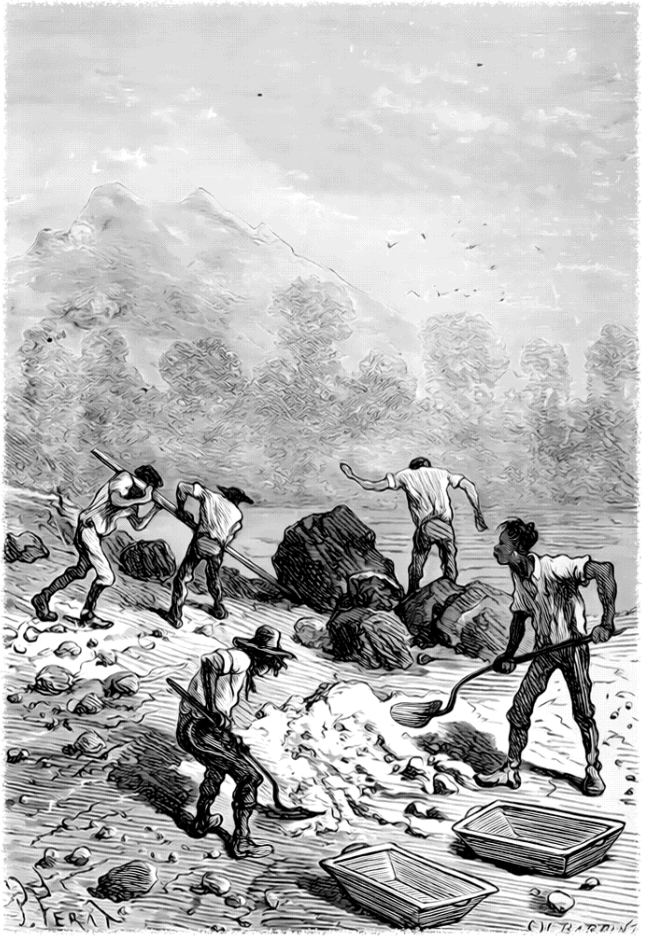
Перед самым отъездом Айртона Сайрес Смит спросил его, не хочет ли он, чтобы кто-нибудь из колонистов сопровождал его, так как продвижение по острову теперь небезопасно.

Айртон ответил, что такие предосторожности совершенно излишни — он и один прекрасно справится с работой, да кроме того, не боится встречи с пиратами. Если в самом корале или поблизости что-нибудь произойдет, он тут же даст знать об этом по телеграфу обитателям Гранитного дворца.

Итак, Айртон уехал рано утром 9 ноября на тележке, запряженной онагром, а через два часа телеграф сообщил, что в корале все в порядке.

За эти два дня Сайрес Смит осуществил свой

давнишний проект — окончательно оградить Гранитный дворец от возможности неожиданного вторжения. Для этого следовало полностью скрыть верхнее отверстие бывшего водостока в южной оконечности озера Гранта; впрочем, он был уже заложен камнями и замаскирован завесой листвы и трав. Довершить начатое не представляло труда, так как достаточно было поднять на два-три фута уровень воды в озере, чтобы совсем затопить замурованный водосток.



А сделать это можно было, соорудив две запруды на озере — там, где брали начало Глицериновый ручей и Водопадная речка. Колонисты с жаром взялись за дело, и в скором времени выросли две плотины, впрочем не превышавшие семи-восьми футов в ширину и трех футов в высоту; на их постройку пошли обломки скал, скрепленные цементом.

Когда работу закончили и вода в озере поднялась, трудно было даже догадаться, что некогда здесь, у оконечности озера, шел подземный ход, через который раньше изливался избыток воды.

Вряд ли стоит говорить, что отводной ручеек, питавший Гранитный дворец водой и приводивший в действие подъемник, остался нетронутым. Когда подъемник бывал поднят, колонисты в своем надежном, уютном убежище могли не бояться внезапного нападения.

Быстро справившись с этой работой, Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт решили добраться до порта Воздушного шара, благо до отъезда еще оставалось время. Моряку особенно не терпелось узнать, посетили ли пираты маленькую бухточку, где стоял на якоре «Бонадвентур».

— Ведь наши джентльмены, — твердил он, — высадились как раз на южной стороне бухты

Соединения, и если они пошли вдоль берега, боюсь, что наш порт уже обнаружен, а тогда я гроша ломаного не дам за «Бонадвентур».

Опасения Пенкрофа были не лишены основания, и никто не оспаривал поэтому его вполне уместного намерения наведаться в порт Воздушного шара.

Моряк и его товарищи отправились в путь 10 ноября после обеда, захватив с собой ружья. Пенкроф с подчеркнуто равнодушным видом вложил по два патрона в каждый ствол своего ружья и, закончив эту операцию, многозначительно кивнул головой; этот кивок не предвещал ничего доброго любому встречному, «будь то зверь или человек», как он сам выражался, осмелившемуся подойти слишком близко к стрелку. Гедеон Спилет и Герберт тоже взяли ружья и около трех часов пополудни покинули Гранитный дворец.

Наб проводил путников до излучины реки Благодарения и, когда они оказались на другом берегу, поднял мост. Было условлено, что на обратном пути один из них выстрелит из ружья, и Наб, услышав сигнал, опустит мост и снова соединит оба берега.

Маленький отряд направился прямо к порту, то есть к южному берегу острова. Предстояло прой-

ти не больше трех с половиной миль, но Гедеон Спилет с товарищами потратили на это два часа. Они тщательно обыскали всю местность, прилегающую к дороге как со стороны леса, так и со стороны Утиного болота, однако не обнаружили никакого следа беглецов; по всей вероятности, не зная ни численности колонистов, ни того, как они вооружены, пираты предпочли укрыться где-нибудь в отдаленной и недоступной части острова.

Когда путники достигли порта Воздушного шара, Пенкроф не мог удержать радостного возгласа — их суденышко спокойно стояло на якоре в узкой бухточке. Впрочем, сама природа позаботилась укрыть ее от человеческих глаз среди нагромождения высоких скал; ни с моря, ни с суши бухточки просто нельзя было увидеть, и только случайно попав туда или взобравшись на прибрежные скалы, человек мог заметить эту естественную гавань.

— Ну, значит, мошенники еще не побывали здесь, — произнес Пенкроф, облегченно вздохнув. — Да и то, ползучим гадам больше по душе высокая трава, чем горы, и поэтому мы их, вероятно, встретим в лесах Дальнего Запада.

— И слава богу, — воскликнул Герберт, — а то

бы они нашли наш корабль и уплыли на нем. Как бы мы тогда добрались до острова Табор?

— В самом деле, нам необходимо доставить туда записку с указанием координат острова Линкольна и нового местопребывания Айртона на тот случай, если шотландская яхта придет за ним, — подхватил журналист.

— К счастью, наш корабль на месте, мистер Спилет! — ответил моряк. — Его экипаж и он сам готовы сняться с якоря по первому сигналу!

— Я полагаю, Пенкроф, что, закончив обследование острова, мы так и сделаем. Кстати, если мы отыщем таинственного незнакомца, он, быть может, сумеет нам многое порассказать об острове Линкольна и острове Табор. Не забудьте того, что не кто иной, как он, написал записку и, наверно, ему известно, когда должна возвратиться яхта.

— Тысяча чертей, — воскликнул Пенкроф, — да кто же он такой? Ведь подумать только, он нас знает, а мы его нет! Если он обычная жертва кораблекрушения, так чего же он тогда прячется? Мы ведь, надеюсь, честные люди, а побыть в обществе честных людей ни для кого не зазорно! Явился ли он сюда добровольно? Может ли покинуть остров, когда ему заблагорассудится? Да и здесь ли он еще? Может, его уже нет?

Продолжая беседу о таинственном незнакомце, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поднялись на корабль и обошли кругом палубу. Вдруг моряк, бросив взгляд битенг, на котором был закреплен якорный канат, воскликнул:

— Ну и ну! Вот так чудеса!

— Что случилось, Пенкроф? — спросил журналист.

— А то, что не я завязал этот узел!

И Пенкроф показал на веревку, которой якорный канат привязали к битенгу, чтобы он не размотался.

— Как не вы? — воскликнул в свою очередь Гедеон Спилет.

— Да так, не я, клянусь головой! Посмотрите-ка — это плоский узел, а я обычно делаю выбленочный узел.

— Может быть, вы ошиблись, Пенкроф?

— Ничего я не ошибся, — ответил моряк. — Тут сама рука действует, так сказать, без участия человека, а разве рука ошибется?

— Значит, на борту побывали пираты? — спросил Герберт.

— Этого уж я не знаю, — сказал Пенкроф, — знаю только, что якорь подняли, а потом снова бросили. А ну-ка, глядите, — вот еще доказатель-

ство! Якорный канат травили, а обмотка, видите, не доходит до клюза. Говорю вам, кто-то пользовался нашим судном.

— Но если бы это были пираты, они ограбили бы его или убежали…

— Убежали? А куда, на остров Табор, что ли? — повторил моряк. — Неужели вы думаете, что они решились бы пуститься в открытое море на таком маленьком суденышке?

— Кроме того, это означало бы, что им известен остров Табор, — добавил журналист.

— Как бы то ни было, — заключил моряк, — а наш корабль побывал без нас в плавании, это так же верно, как и то, что зовут меня Бонадвентур Пенкроф и родом я из Вайнъярда.

Моряк произнес эти слова таким убежденным тоном, что ни Гедеон Спилет, ни Герберт не решились ему противоречить. Очевидно, кто-то побывал на судне, стоявшем в порту Воздушного шара с того самого дня, как Пенкроф перегнал его сюда. Моряк не сомневался, что якорь подымали, а потом снова опустили на дно. Но к чему подымать и опускать якорь, если не выходить в море?

— Как же мы не видели «Бонадвентура», когда он шел вдоль острова? — рискнул заметить журналист: он не желал сдаваться, не исчерпав всех

возможных возражений.

— Э, мистер Спилет, — ответил моряк, — был бы попутный ветер да ночная мгла, и через два часа ни с какого острова его не разглядишь!

— Допустим, — согласился Гедеон Спилет, — но я вот что хотел бы знать, с какой целью каторжники пользовались нашим судном и почему, совершив на нем поездку, они снова привели его в бухту?

— Эх, мистер Спилет, — возразил моряк, — пусть и это останется тайной… Слава богу, тайн кругом нас достаточно, не будем ломать себе понапрасну голову. Важно то, что наш «Бонадвентур» как был, так и остался на месте. Вот если пираты возьмут его еще раз, тогда пиши пропало, боюсь, что нам уже не видать его больше!

— В таком случае, Пенкроф, — заметил Герберт, — может быть, разумнее отвести «Бонадвентур» к Гранитному дворцу?

— И да и нет, — отозвался Пенкроф, — вернее, все-таки нет. Устье реки Благодарения — неподходящее место для стоянки судов, да и море там бурное.

— Ну, а если втащить его по песку до самых Трущоб?..

— Это, пожалуй, неплохо, — согласился Пенк-

роф, — но ведь мы должны покинуть Гранитный дворец на долгий срок, и во время нашей экспедиции «Бонадвентур», как мне кажется, будет в большей безопасности здесь. Пускай стоит себе в порту Воздушного шара, пока мы не очистим весь остров от этих проклятых бандитов.

— И я придерживаюсь того же мнения, — подхватил журналист. — Здесь по крайней мере он не так пострадает от непогоды, как в устье реки Благодарения.

— А если пираты снова явятся сюда? — заметил Герберт.

— Что ж поделаешь, сынок, — отозвался Пенкроф. — Представь себе, что, явившись, разбойники не обнаружат здесь корабль, — они тут же разыщут его у Гранитного дворца и во время нашего отсутствия без помех овладеют им. Я согласен с мистером Спилетом — лучше оставить «Бонадвентур» на месте. Вот когда мы вернемся из нашей экспедиции и сумеем избавиться от этих головорезов, тогда дело другое, мы тотчас же перегоним судно к Гранитному дворцу. Так будет разумнее всего, и пусть себе стоит там до нового вторжения, если только найдутся еще охотники нас беспокоить.

— Решено! — воскликнул журналист. — А те-

перь в обратный путь!

Вернувшись в Гранитный дворец, наши путники рассказали инженеру о том, что произошло, и он полностью одобрил их планы относительно теперешней и будущей стоянки корабля. Он даже пообещал Пенкрофу подробно обследовать часть пролива между островком Спасения и берегом, чтобы установить, нельзя ли устроить там искусственную гавань при помощи запруд. Если это удастся, «Бонадвентур» будет всегда под рукой, на глазах у колонистов, а в случае надобности — даже под замком.

В тот же вечер Айртону была послана телеграмма с просьбой привести из кораля двух коз, так как Наб хотел приучить их к лугам плоскогорья. Но, странное дело, Айртон, против обыкновения, не подтвердил получения депеши. Инженер удивился. Правда, могло статься, что Айртона в эту минуту не было в корале — очевидно, он уже находился на пути в Гранитный дворец. Со времени его отъезда прошло два дня, а по условию он должен был вернуться десятого к вечеру или, самое позднее, одиннадцатого утром.

Колонисты ожидали, что с минуты на минуту Айртон появится на плато Кругозора. Наб с Гербертом дежурили у моста, чтобы немедленно

опустить его при виде друга.

Было уже около десяти часов вечера, Айртон все еще не показывался. Тогда решили послать вторую депешу и потребовать срочного ответа.

Но звонок в Гранитном дворце молчал.

Поселенцы тревожно переглядывались. Что же произошло? Стало быть, Айртон покинул кораль, а если он еще там, то, очевидно, лишен возможности действовать? Не следует ли, презрев ночной мрак, отправиться в кораль на выручку другу?

Голоса разделились: одни настаивали на немедленном походе, другие говорили, что лучше дождаться утра.

— А вдруг, — сказал Герберт, — испортился телеграфный аппарат?

— Возможно, — подтвердил журналист.

— Подождем до завтра, — предложил Сайрес Смит. — Может статься, Айртон не получил нашей депеши или мы не получили ответной.

Решено было ждать до утра, но беспокойство поселенцев росло.

Одиннадцатого ноября с первыми лучами солнца Сайрес Смит снова привел в действие телеграфный аппарат и снова не получил ответа.

Он повторил свою попытку: то же молчание.

— Скорее в кораль! — воскликнул он.

— И захватим ружья! — добавил Пенкроф.

В Гранитном дворце оставили Наба, чтобы не бросать жилища на произвол судьбы. Наб проводит колонистов до Глицеринового ручья, подымет мост и, спрятавшись за деревом, будет поджидать их возвращения или возвращения Айртона.

В том случае, если явятся пираты и будут пытаться проникнуть на плато Кругозора, он постарается их задержать, открыв ружейную стрельбу, а на худой конец, укроется в Гранитном дворце и уберет подъемник, — в этой неприступной крепости он может ничего не страшиться.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт и Пенкроф пойдут прямой дорогой в кораль и, если не обнаружат там Айртона, обшарят все окрестные леса.

В шесть часов утра инженер с тремя своими спутниками перешли через Глицериновый ручей, а Наб укрылся на его левом берегу за бугром, на котором росло несколько высоких драконовых деревьев.

Спустившись с плато Кругозора, поселенцы направились прямо к коралю. Ружья они держали наготове, чтобы открыть огонь при первом подозрительном шорохе. Их вооружение составляли два карабина и два ружья, заряженные пулями.

По обеим сторонам дороги стоял стеной густой кустарник, где легко могли найти себе приют злоумышленники, а ведь они были вооружены — следовательно, встреча с каждым из них представляла серьезную опасность.

Колонисты шагали быстро, не обмениваясь ни словом. Впереди бежал Топ, — он то несся по дороге, то углублял в лес, беспечно обнюхивая землю и не подавая голос А колонисты знали, что верный пес издали почует опасность и зальется звонким лаем при приближении любого врага.

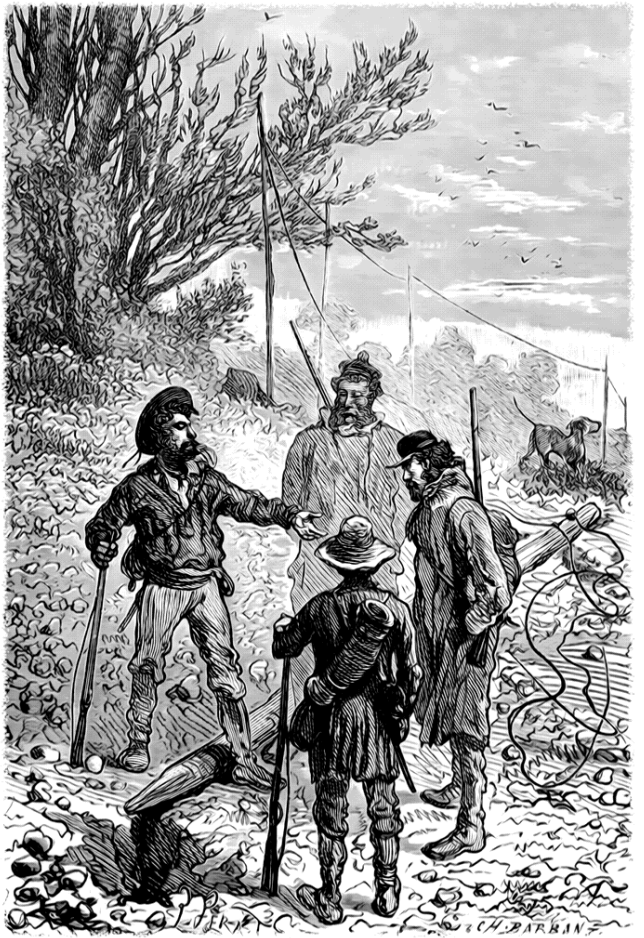
Вдоль дороги, по которой шагали колонисты, тянулся телеграфный провод, связывавший кораль с Гранитным дворцом. Они прошли уже около двух миль и нигде не обнаружили повреждения. Столбы стояли на месте, провод был хорошо натянут. Однако спустя некоторое время инженер заметил, что провод слегка провис; когда же они добрались до столба под номером семьдесят четвертый, Герберт, который шел впереди, вдруг остановился и закричал:

— Провод порван!

Его спутники прибавили шагу и через минуту присоединились к Герберту.

Поперек дороги валялся опрокинутый столб. Таким образом, колонисты установили место

разрыва провода и поняли, почему депеши из Гранитного дворца не доходили до кораля и из кораля — в Гранитный дворец.


CH. BARBANT

— Нет, этот столб не ветром опрокинуло, — заметил Пенкроф.

— Верно, — подтвердил Гедеон Спилет. — Видите, земля вокруг разрыта, да и сам столб, несомненно, повален человеком.

— Кроме того, провод порван, — сказал Герберт.

И действительно, на земле валялись два конца провода, который с силой разорвала чья-то рука.

— А разрыв недавний? — спросил Сайрес Смит.

— Да, — подтвердил Герберт, — очевидно, провод порвали совсем недавно.

— В кораль! В кораль поскорее! — воскликнул моряк.

Колонисты находились на полпути от кораля. Им предстояло пройти еще две с половиной мили. И они молча быстрым шагом двинулись в путь.

И впрямь, в корале, должно, быть, произошло что-то серьезное. Конечно, Айртон мог послать в Гранитный дворец депешу, но она все равно бы не дошла; ясно, не это тревожило колонистов, а то, что Айртон обещал прийти еще накануне вечером и не пришел, вопреки своему обещанию. Вот что было поистине загадочно. И, наконец, не случайно же порвался провод, соединяющий Гранитный дворец с коралем. А кто, кроме беглых

каторжников, был заинтересован в том, чтобы прервать телеграфное сообщение?

Колонисты теперь бежали, не помня себя от волнения. Они всей душой привязались к своему новому товарищу. Неужели им суждено найти его убитым рукою тех, чьим главарем он был когда-то?

Вскоре они достигли того места, где дорога шла вдоль небольшого ручейка, притока Красного ручья, орошавшего луга в корале. Здесь они замедлили шаг, чтобы отдышаться и, если понадобится, со свежими силами вступить в бой. Курки ружей были взведены. Каждый следил за определенным участком леса. Топ негромко рычал, что тоже не предвещало ничего доброго.

Наконец из-за деревьев выглянула ограда кораля. С виду она казалась целой. Ворота были, как обычно, на запоре. За ними царила полная тишина: ни привычного блеяния муфлонов, ни строгих окриков Айртона.

— Войдем! — сказал Сайрес Смит.

Инженер подошел к ограде, а его товарищи стояли настороже в двадцати шагах, готовые немедленно открыть огонь.

Сайрес Смит поднял внутреннюю щеколду и хотел было открыть одну створку ворот, как вдруг Топ яростно залаял. Из-за ограды грянул выстрел, и в ответ на него раздался жалобный крик.

Герберт, сраженный пулей, лежал на земле!

ГЛАВА VII

Журналист и Пенкроф в корале. — Герберта переносят в дом. — Отчаяние моряка. — Инженер и журналист совещаются. — Курс лечения. — Наконец-то появилась надежда. — Как предупредить Наба? — Верный посланец. — Ответ Наба

Услышав крик Герберта, Пенкроф отбросил ружье и кинулся к нему.

— Они его убили! — закричал он. — Сынка моего убили! Убили! Убили!

Сайрес Смит и Гедеон Спилет тоже бросились к Герберту. Журналист припал ухом к груди юноши, надеясь уловить биение сердца.

— Жив! — воскликнул он. — Надо его перенести…

— В Гранитный дворец? Да это невозможно, — отозвался инженер.

— Тогда в кораль! — воскликнул Пенкроф.

— Погодите минуту, — ответил Сайрес Смит.

И он бросился налево, желая обогнуть ограду. Здесь он очутился лицом к лицу с пиратом, тот спустил курок, и пуля пробила шляпу инженера. Но вторично выстрелить разбойник не успел и упал на землю, пораженный в сердце кинжалом, ибо Сайрес Смит владел холодным оружием еще искуснее, чем огнестрельным.

Тем временем Гедеон Спилет и моряк, подтянувшись на руках, достигли верхушки ограды, перепрыгнули через нее, отбросили подпорки, мешавшие раскрыть ворота, и ворвались в дом, который оказался пустым. Вскоре несчастный Герберт уже лежал на постели Айртона.

Через несколько мгновений к ним присоединился Сайрес Смит.

При виде бездыханного Герберта моряк впал в неописуемое отчаяние. Он плакал, рыдал, хотел размозжить себе голову о стену. Ни инженеру, ни журналисту не удавалось его успокоить. Да они и не могли говорить, так как от волнения у них перехватило дыхание.

Однако они попытались сделать все, чтобы вырвать из лап смерти несчастного Герберта, минуты которого, казалось, были сочтены. Гедеон Спилет, проживший богатую приключениями

жизнь, приобрел кое-какие сведения в медицине. Он знал всего понемногу, и нередко случай приводил его в качестве целителя к изголовью раненых огнестрельным или холодным оружием. С помощью Сайреса Смита он осмотрел больного и постарался оказать ему первую помощь.

Прежде всего журналиста поразила полная неподвижность, вернее оцепенение, Герберта, причиной которого могла явиться сильная потеря крови или шок; очевидно, пуля, с огромной силой ударившись о кость, вызвала сотрясение всего организма.

Лицо Герберта покрывала мертвенная бледность, пульс еле бился и с такими перебоями, что Гедеон Спилет, не без труда прощупав его, испугался, как бы сердце совсем не остановилось. Сознание не возвращалось к юноше. Словом, симптомы были самые зловещие.

Журналист осторожно обнажил грудь Герберта, вытер кровь, прикладывая к ране носовые платки, и омыл ее холодной водой.

Теперь можно было рассмотреть пораженное место. Между третьим и четвертым ребром краснело овальное отверстие. Сюда и поразила пуля несчастного Герберта.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет повернули ра-

неного, который испустил еле слышный стон, похожий скорее на предсмертный вздох.

Вторая кровавая рана зияла на спине, и отсюда вылетела пуля, поразившая Герберта.

— Слава богу! — воскликнул журналист. — Рана сквозная, и нам не придется извлекать пулю.

— А сердце? — спросил Сайрес Смит.

— Сердце не задето, иначе бы Герберт уже умер.

— Умер! — закричал, вернее, взревел Пенкроф.

Моряк расслышал только последнее слово журналиста.

— Да нет, Пенкроф, — живо произнес Сайрес Смит, — нет же, он не умер! Ведь можно еще нащупать пульс! Вы же слышали, как мальчик стонал. Успокойтесь, прошу вас, ради вашего же сына. Мы должны сохранить все свое хладнокровие. Не лишайте нас мужества, мой друг.

Пенкроф умолк, но такова была сила душевного потрясения, что по его мужественному лицу заструились слезы.

Тем временем Гедеон Спилет старался собрать воедино все свои медицинские познания и действовать методически. Осмотрев больного, он уже не сомневался, что пуля вошла в грудь и вышла через спину. Но какое разрушение произ-

вела она на своем пути? Какие органы поразила? На этот вопрос сейчас едва ли ответил бы даже опытный хирург, и уж подавно не мог ответить журналист.

Все же Гедеон Спилет твердо знал одно: ему предстоит предупредить воспалительный процесс поврежденной ткани, потом бороться против местного воспаления и лихорадки, которую должна вызвать рана — быть может, смертельная! Но какие имеются в его распоряжении средства, какие лекарства, предотвращающие воспаление? Как избежать осложнений?

Во всяком случае, необходимо незамедлительно перевязать обе раны. Гедеон Спилет решил, что не следует ни омывать раны теплой водой, ни стягивать их края, так как это могло вызвать новое кровотечение. Кровотечение и так было чересчур обильно, и Герберт очень ослабел.

Поэтому журналист ограничился тем, что омыл обе раны холодной водой.

Юношу повернули на левый бок и следили за тем, чтобы он лежал в этом положении.

— Ему нельзя двигаться, — сказал Гедеон Спилет. — Это положение наиболее благоприятное, так как обе раны, и на груди и на спине, могут свободно выделять гной. Герберту необходим

полный покой.

— Значит, мы можем перенести его в Гранитный дворец? — спросил Пенкроф.

— Ни в коем случае, — ответил журналист.

— Проклятие! — воскликнул моряк, грозя небу кулаком.

— Пенкроф! — окликнул его Сайрес Смит.

Гедеон Спилет нагнулся над несчастным мальчиком и вновь принялся внимательно осматривать его. Герберт был по-прежнему бледен как полотно, и журналист почувствовал беспокойство.

— Сайрес, — произнес он, — я ведь не врач… не скрою, я в полном замешательстве… Помогите же вы мне своими советами, своим опытом!..

— Успокойтесь, мой друг, — сказал инженер, крепко пожимая руку журналиста. — Действуйте хладнокровно… Помните только одно: мы должны спасти Герберта!

Услышав эти слова, Гедеон Спилет обрел свое обычное самообладание, которое оставило было его в минуту отчаяния, когда он вдруг осознал всю глубину своей ответственности. Он присел у постели больного. Сайрес Смит стоял рядом. Пенкроф разорвал свою рубашку и стал машинально щипать корпию.

Гедеон Спилет объяснил Сайресу Смиту, что, по его мнению, необходимо первым делом остановить кровотечение, но закрывать ран не следует, равно как не следует и добиваться их преждевременного зарубцевания, поскольку имеется поражение внутренних органов. Кроме того, надо предупредить скопление гноя в грудной клетке.

Сайрес Смит полностью поддержал журналиста, и было решено лечить раны, не пытаясь раньше времени стягивать их края. К счастью, хирургического вмешательства не требовалось.

Но есть ли в распоряжении колонистов действенное средство против возможного воспаления?

Да, во всяком случае одно средство было у них под рукой, в изобилии поставляемое самой природой. Рядом текла чистая холодная вода, иными словами — великолепное болеутоляющее средство, которым пользуются при воспалительных процессах, связанных с ранением, действенное целительное средство при тяжелых заболеваниях, признанное ныне всеми врачами. Холодная вода имеет сверх того еще одно немалое преимущество; рана благодаря ей может оставаться в покое, вода избавляет от необходимости немедленной перевязки, что весьма ценно, ибо, как

показал опыт, в первые дни болезни соприкосновение раны с воздухом губительно для больного.

Гедеоном Спилетом и Сайресом Смитом в данном случае руководил простой здравый смысл, и действовали они, как действовал бы самый искусный хирург. На обе раны несчастного Герберта положили компрессы из полотняной ткани и беспрерывно смачивали их холодной водой.

Моряк тем временем развел в очаге огонь и осмотрел домик Айртона, где имелось все необходимое для жизни. Из кленового сахара и лекарственных трав, которые сам Герберт собирал на берегах озера Гранта, сварили освежающий напиток и влили несколько ложечек в рот, юноши, но больной ничего не почувствовал. Температура у него была очень высокая, он целые сутки не приходил в сознание. Жизнь Герберта висела на волоске, и волосок этот мог оборваться в любую минуту.

На следующий день, 12 ноября, у колонистов зародилась слабая надежда. Герберт очнулся от длительного обморока. Он открыл глаза и узнал склонившихся над ним Сайреса Смита, журналиста и Пенкрофа. Он даже произнес несколько слов. Все происшедшее вылетело у него из памяти. Гедеон Спилет вкратце рассказал ему о

случившемся, умоляя соблюдать полнейший покой, так как, сказал журналист, хотя опасность уже миновала, надо, чтобы рана поскорее зарубцевалась. Впрочем, Герберт почти не ощущал боли, а холодные, непрерывно сменяемые примочки предотвратили воспалительный процесс. Гной выделялся равномерно, температура не поднималась, можно было надеяться, что страшная рана заживет без осложнений. Пенкроф впервые вздохнул с облегчением. Он превратился в настоящую сиделку, как родная мать ухаживал он за своим «голубчиком».

Герберт снова уснул, но на этот раз спокойным сном.

— Скажите мне еще раз, мистер Спилет, что можно надеяться на его выздоровление! — просил Пенкроф. — Скажите, что вы спасете Герберта.

— Да, мы его спасем! — ответил журналист. — Рана серьезная, не скрою, и, возможно, пуля пробила легкое, но ранение этого органа не смертельно.

— Услышь господь ваши слова! — воскликнул Пенкроф.

Совершенно естественно, что в течение суток, проведенных вдали от Гранитного дворца, поселенцы думали только о Герберте, заботились только о нем. Они забыли об угрожавшей им опасности, о том, что пираты могут возвратиться, не принимали никаких мер для охраны кораля. Но 12 ноября, пока Пенкроф дежурил у постели больного, Сайрес Смит и журналист решили обсудить создавшееся положение и начать действовать.

Первым делом они обошли весь кораль, но не обнаружили никаких следов Айртона. Неужели несчастного увели с собой его прежние сообщники? Значит, они застигли его врасплох? Вступил ли он с ними в борьбу, пал ли от их руки? Послед-

нее предположение было более чем вероятно. Перелезая накануне через забор, Гедеон Спилет успел заметить, как один из пиратов бросился бежать к южному отрогу горы Франклина, и верный Топ погнался за ним. Это был, конечно, один из незваных пришельцев, чья шлюпка разбилась о скалы в устье реки Благодарения. Впрочем, разбойник, сраженный кинжалом Сайреса Смита, труп которого был найден за оградой, тоже принадлежал к шайке Боба Гарвея.

Однако никаких разрушений в корале не оказалось. Муфлоны и козы не разбежались по лесу, так как ворота были на запоре. Колонисты не обнаружили также никаких следов борьбы, никаких повреждений в доме, ни одного пролома в ограде. Только патроны и порох, которые Айртон держал здесь, исчезли вместе с ним.

— Очевидно, беднягу Айртона застали врасплох, — сказал Сайрес Смит, — но он не такой человек, чтобы сдаться без выстрела, и его, очевидно, убили.

— Да, боюсь, что это так! — ответил журналист. — А затем каторжники захватили кораль, где всего имеется в изобилии, но, заметив нас, убежали. Бесспорно также, что в эту минуту Айртон, живой ли, мертвый ли, уже далеко отсюда.

— Надо обшарить весь лес, — подхватил инженер, — и очистить остров от этих негодяев. Предчувствия не обманули Пенкрофа, недаром же он настаивал на том, чтобы устроить облаву и перебить пиратов, как хищных зверей. Если бы мы послушались его, сколько бы несчастий мы предотвратили!

— Да, — подтвердил журналист, — но уж зато сейчас мы вправе беспощадно расправиться с ними.

— Во всяком случае, — сказал инженер, — мы вынуждены пробыть в корале до тех пор, пока можно будет перевезти Герберта в Гранитный дворец.

— А как же Наб?

— Набу ничего не грозит.

— А вдруг его встревожит наше отсутствие, он не усидит в Гранитном дворце и решит прийти сюда?

— Этого нельзя допустить! — живо ответил Сайрес Смит. — Его убьют по дороге!

— А ведь весьма вероятно, что он попытается добраться до кораля.

— Ах, если бы телеграф работал, мы бы его тут же предупредили! Но сейчас это, увы, невозможно! С другой стороны, мы не можем оставить

здесь Пенкрофа и Герберта одних... Знаете что, я сам пойду в Гранитный дворец.

— Нет, нет, что вы, Сайрес! — воскликнул журналист. — Вы не имеете права рисковать жизнью. Храбрость в данном случае не поможет. Ведь эти негодяи следят за нами, они засели где-нибудь поблизости в лесу, и если вы пойдете в Гранитный дворец, нам придется оплакивать не одного, а двоих.

— Но как же быть с Набом? — не сдавался инженер. — Ведь он уже целые сутки не имеет от нас никаких известий. Наб, конечно, явится сюда!

— А поскольку он будет остерегаться еще меньше, чем мы, пираты наверняка расправятся с ним!..

— Неужели же нет никакой возможности предупредить его?

Взгляд инженера вдруг упал на Топа; во время всего разговора верный пес беспокойно бегал по комнате, как бы говоря всем своим видом: «А я-то на что?»

— Топ! — крикнул Сайрес Смит.

Топ бросился к хозяину.

— Правильно, надо послать Топа, — сказал журналист, угадав мысль инженера. — Топ легко пройдет там, где нам не пройти! Он доставит

письмо в Гранитный дворец и принесет нам оттуда ответ.

— Не будем терять ни минуты! — воскликнул инженер. — Скорее!

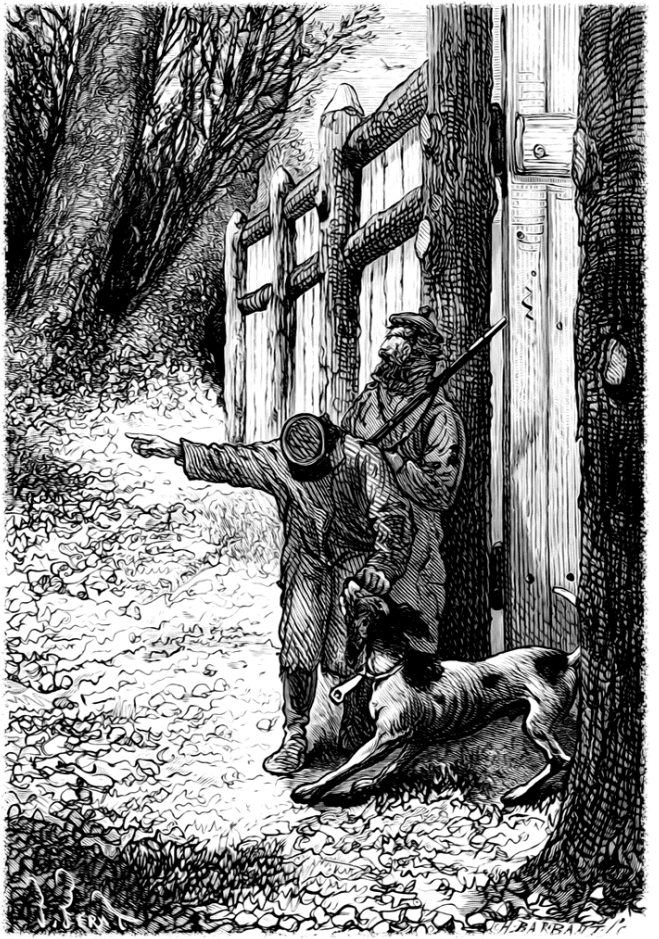
Гедеон Спилет быстро вырвал листочек из записной книжки и написал несколько строчек:

«Герберт ранен. Мы остались пока в корале. Будь осторожен. Не покидай Гранитного дворца. Не появились ли в его окрестностях пираты? Ответ пришли с Топом».

Эта коротенькая записка содержала все новости, которые должен был знать Наб, и все вопросы, ответа на которые с нетерпением ожидали колонисты. Журналист сложил записку и засунул ее за ошейник Топа так, что уголок бумаги выглядывал наружу.

— Топ! Собачка моя! — говорил инженер, лаская Топа. — Наб! Понимаешь, Топ, Наб! Иди! Иди!

Услышав эти слова, Топ немедленно сорвался с места. Он понял, он угадал, что он него требовал хозяин. Дорогу из кораля он знал отлично. Через полчаса самое большее он будет дома и, как надеялись колонисты, проберется незамеченным по лесу и густой траве, тогда как человек, вышедший за ограду, подставлял себя под вражеские пули.



Инженер подошел к воротам и приоткрыл их.

— Наб! Топ, понимаешь — Наб! — повторил он снова, указывая рукой в направлении Гранитного дворца.

Топ выскользнул за ограду и через мгновение скрылся из виду.

— Он непременно добежит! — сказал журналист.

— Не только добежит, но и вернется обратно, мой верный Топ!

— А который час? — спросил Гедеон Спилет.

— Ровно десять.

— Через час он может быть здесь. Будем ждать.

Ворота снова заперли. Инженер и журналист вошли в дом. Герберт по-прежнему спал глубоким сном. Пенкроф все время менял ему холодные компрессы. Гедеон Спилет, отложив на время свои обязанности врача, занялся приготовлением несложного обеда, но то и дело поглядывал на ту часть ограды, которая примыкала к отрогу горы и представляла таким образом наиболее удобное место для нападения.

Колонисты с тревогой поджидали возвращения Топа. Около одиннадцати часов Сайрес Смит и журналист, захватив карабины, встали у ворот, чтобы открыть их, как только вдали послышится

собачий лай. Они не сомневались, что, если Топу удалось благополучно добраться до Гранитного дворца, Наб тут же отошлет его обратно.

Так простояли они минут десять, как вдруг раздался выстрел, а вслед за ним заливистый лай.

Инженер распахнул ворота и, заметив примерно в сотне шагов пороховой дым, выстрелил в этом направлении.

Почти одновременно Топ проскользнул за ограду кораля, и ворота быстро захлопнулись за ним.

— Топ! Топ! — воскликнул инженер, обхватив обеими руками морду славного пса.

К ошейнику Топа была привязана записка, и Сайрес Смит прочел несколько слов, написанных крупным почерком Наба:

> «В окрестностях Гранитного дворца никаких пиратов нет. Я с места ни за что не тронусь. Бедный мистер Герберт!»

ГЛАВА VIII

Пираты бродят вокруг кораля. — Временное жилище. — Дальнейшее лечение Герберта. — Первые восторги Пенкрофа. — Разговоры о прошлом. — Что сулит будущее. — Мысли Сайреса Смита на этот счет

Итак, беглые каторжники по-прежнему были здесь, они наблюдали за поселенцами и, очевидно, собирались перестрелять их одного за другим. Незваные пришельцы действительно были дикими зверями и не заслуживали снисхождения. Но прежде всего следовало соблюдать величайшую осторожность, так как все преимущества были на стороне пиратов, — они могли видеть, оставаясь невидимыми, могли напасть из-за угла, а их самих нельзя, было застать врасплох.

Сайрес Смит решил поэтому обосноваться в корале, где, к счастью, нашелся запас провизии на несколько недель. В доме Айртона было все, что необходимо человеку для жизни, поселенцы появились здесь столь внезапно, что пираты ничего не успели разграбить. Очевидно, события разыгрались именно так, как и предполагал Гедеон Спилет: шестеро каторжников, высадившись на остров Линкольна, направились вдоль южного побережья, обогнули полуостров Изви-

листый и, не желая углубляться в леса Дальнего Запада, добрались до устья Водопадной речки. Отсюда, следуя по правому ее берегу, они достигли отрогов горы Франклина и, здраво рассудив, что в гористой местности нетрудно будет найти убежище, пустились на поиски такового и почти тут же обнаружили кораль, где в ту пору никого из колонистов не было. Здесь они, по всей вероятности, и решили устроить себе притон, выжидая благоприятной минуты для осуществления своих злодейских замыслов. Неожиданное появление Айртона расстроило их планы, но им удалось захватить несчастного… и не трудно себе представить, что произошло вслед за этим.

Теперь пираты — правда их осталось пятеро, но все пятеро вооружены до зубов — бродят по окрестностям, и всякая попытка пробраться через лес связана с огромным риском — любой колонист явился бы прекрасной мишенью для разбойничьей пули, а сам не мог ни предотвратить нападения, ни приготовиться к нему.

— Ждать и только ждать! — повторял Сайрес Смит. — Иного выхода у нас нет. Когда Герберт поправится, мы устроим настоящую облаву и расправимся с бандитами. Вот еще одна цель нашей экспедиции, кроме…

— Кроме поисков нашего таинственного покровителя, — договорил за него Гедеон Спилет. — Надо признаться, дорогой Сайрес, что он не оказал нам помощи именно тогда, когда мы в ней особенно нуждались.

— Как знать! — отозвался инженер.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросил журналист.

— А то, дорогой Спилет, что наши испытания еще не кончились и, возможно, наш всемогущий покровитель найдет еще случай помочь нам. Но сейчас не это важно. Главное — чтобы Герберт остался жив.

Здоровье Герберта было предметом огорчений и забот колонистов. Прошло несколько дней, и, к счастью, состояние бедного юноши не ухудшилось. А вырвать у болезни несколько дней — это уже немало. Беспрерывно сменяемые холодные компрессы не дали ранам воспалиться. Журналист считал даже, что эта вода, содержащая небольшое количество серы вследствие близости вулкана, оказала на рану заживляющее действие. Выделение гноя почти прекратилось, и благодаря неусыпным заботам Герберт медленно возвращался к жизни; температура у него постепенно снижалась. Так как больного держали

на строжайшей диете, он очень ослабел; все же целебные настойки, а главное, полный покой оказывали свое благотворное действие.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф — все трое достигли большого мастерства в искусстве перевязки ран. Все белье, обнаруженное в домике Айртона, пошло в дело. Раны Герберта, на которых лежали компрессы и корпия, были перевязаны не слишком туго и не слишком свободно, а это ускоряло рубцевание, не вызывая воспалительного процесса. Журналист с особой тщательностью делал перевязку, зная, насколько это важно, — он не раз напоминал своим друзьям, что такого же мнения придерживаются и врачи; недаром же говорится — легче сделать удачную операцию, чем удачную перевязку.

Через десять дней, 22 ноября, Герберту стало значительно лучше. Он уже мог проглотить несколько ложек супа. На щеках его заиграл румянец, глаза с ласковой улыбкой следили за хлопотавшими вокруг него добровольными сиделками. Он даже пытался разговаривать вопреки стараниям Пенкрофа, который болтал с утра до вечера, чтобы заставить больного молчать, и рассказывал ему множество самых невероятных историй. Как-то Герберт осведо-

мился об Айртоне; не видя его у своей постели, он очень удивился, так как считал, что Айртон должен находиться здесь, вместе со всеми. Не желая огорчать больного, моряк коротко пояснил ему, что Айртон вернулся в Гранитный дворец, который они с Набом должны защищать в случае нападения пиратов.

— Вот проклятые пираты! — добавил он. — С такими, джентльменами церемониться нечего! А мистер Смит еще хотел воздействовать на их чувства. Нет, на них можно воздействовать только с помощью пуль крупного калибра.

— А они еще здесь не показывались? — спросил Герберт.

— Нет, сынок, — ответил моряк, — но мы их отыщем, не бойся; а когда ты выздоровеешь, посмотрим, осмелятся ли эти трусы, стреляющие из-за угла, встретиться с нами лицом к лицу!

— Но я еще очень слаб, мой бедный Пенкроф!

— Ерунда! Силы постепенно восстановятся! Подумаешь, пуля пробила грудь! Да это сущие пустяки! Я еще не такие раны получал и, как видишь, жив, здоров!

Дело явно шло на поправку, и если болезнь обойдется без осложнений, можно считать, что опасность миновала. Но в каком поистине ужасном положении очутились бы колонисты, если бы, скажем, пуля застряла в кости или пришлось бы ампутировать Герберту руку или ногу!

— Нет, — признавался Гедеон Спилет, — я не раз с содроганием думал, что бы мы стали делать в таком случае!

— И если бы все же пришлось, вы бы не колебались? — как-то спросил его в упор инженер.

— Нет, не колебался бы, — ответил Гедеон Спилет, — но, благодарение богу, нас миновало это испытание.

На этот раз, как и в ряде других случаев, поселенцы призвали на помощь здравый смысл, который часто вызволял их из затруднительного положения, и снова благодаря своим знаниям они одержали новую победу! Но вдруг наступит такая минута, когда все их знания, вся их логика будут бессильны? Ведь они одни на этом острове! А в

обществе один человек дополняет другого, люди не могут обходиться друг без друга. Сайрес Смит прекрасно знал это и подчас с тревогой думал о том, что могут возникнуть такие обстоятельства, против которых колонисты окажутся бессильны.

Ему казалось даже, что его товарищи, да и он сам, жившие до сего дня так счастливо, вступили в роковую полосу. В течение двух с половиной лет, с того самого дня, как им удалось вырваться из Ричмонда, все шло удачно, все складывалось так хорошо. Недра острова были богаты металлами и минералами, леса и равнины — полезными растениями и животными, и если природа неизменно предлагала им свои дары, то люди благодаря знаниям и труду умели пользоваться ее щедростью. Материальное благосостояние колонии не оставляло желать ничего лучшего. К тому же какая-то непонятная сила в тяжелые минуты приходила им на помощь! Но не могло же все это длиться вечно!

Словом, Сайрес Смит смутно чувствовал, что удача отвернулась от них.

И в самом деле, в водах, омывающих остров, появился разбойничий бриг, и пусть пираты погибли при помощи некоего таинственного вмешательства, шестеро из них все же спаслись

от катастрофы. Мало того, они высадились на берег, и пятеро, оставшиеся в живых, практически неуловимы. Айртон, без сомнения, пал от руки этих негодяев, вооруженных до зубов и испробовавших на несчастном меткость своих карабинов. Герберта настигла вражеская пуля, еле удалось вырвать его из когтей смерти. И не обрушит ли судьба на поселенцев новые беспощадные удары? Вот какие мысли волновали Сайреса Смита. Вот о чем он не раз говорил с журналистом, и обоим подчас казалось, что они лишились необъяснимого, но могущественного покровительства. Может быть, этот таинственный человек, в существовании которого они не могли более сомневаться, покинул остров? Или, может быть, его тоже сразила разбойничья пуля?

Все эти вопросы оставались без ответа. Но было бы неверно думать, что Сайрес Смит и Гедеон Спилет, нередко беседовавшие на эту тему, отчаялись и сложили руки. Не такие они были люди! Они смело шли навстречу любым испытаниям, они старались найти из всякого положения наиболее разумный выход, они во всеоружии ждали любой неожиданности, которую судьбе заблагорассудится им поднести, они уверенно смотрели

в лицо будущего, и если вновь суждено было обрушиться на них бедствию, они встретили бы его как мужественные борцы.

ГЛАВА IX

От Наба нет известий. — Предложение журналиста и Пенкрофа отвергнуто. — Вторая вылазка Гедеона Спилета. — Обрывок ткани. — Послание. — Спешный отъезд. — Прибытие на плато Кругозора

Здоровье Герберта улучшалось с каждым днем. Колонисты желали теперь лишь одного: как только юноша достаточно окрепнет, доставить его в Гранитный дворец. Хотя домик в корале был снабжен всем необходимым, все же он бесспорно уступал по части удобств их каменному жилищу. Помимо того, здесь колонисты не чувствовали себя в полной безопасности и, несмотря на всю свою бдительность, могли в любую минуту стать мишенью для пиратской пули, пущенной из-за угла. А там, в их убежище, в самом сердце неприступного гранитного кряжа, им нечего было бояться — напротив, любая попытка пиратов посягнуть на него кончилась бы для них весьма и весьма плачевно. Поэтому они с нетерпением

поджидали того дня, когда можно будет перевести Герберта домой без риска для его здоровья, и решили во что бы то ни стало осуществить свой план, хотя отлично представляли себе, как трудно будет пробраться через лес Жакамара.

От Наба не было никаких известий, но это не смущало колонистов. Храбрый негр, укрывшись в надежном гранитном убежище, так просто не дастся в руки врагу. Поэтому Топа не послали вторично к Набу с письмом — жаль было подвергать верного пса опасности, а тем более лишиться такого ценного члена колонии.

Итак, приходилось ждать, хотя друзьям не терпелось поскорее оказаться всем вместе в Гранитном дворце. Сайрес Смит с горечью видел, что силы колонистов распылены, а это было на руку пиратам. После исчезновения Айртона их осталось только четверо против пятерых, ибо Герберт пока еще не мог идти в счет, и это обстоятельство доставило чуткому юноше немало тяжелых минут, — нелегко ему было сознавать, что он является причиной возникших затруднений!

Днем 29 ноября, воспользовавшись тем, что Герберт спит и не может их слышать, Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф решили наметить дальнейший план действий против пиратов.

— Друзья мои, — начал журналист, когда разговор зашел о том, что они отрезаны от Наба и не могут с ним сообщаться, — я полагаю, как и вы, что выйти за пределы кораля, значит, просто подставить себя под пулю, не успев даже ответить выстрелом на выстрел. Но не кажется ли вам, что сейчас разумнее всего было бы начать охоту за этими негодяями?

— Совершенно с вами согласен, — подхватил Пенкроф. — Нам, надеюсь, не пристало бояться пули, и если мистер Сайрес разрешит, я тут же отправлюсь в лес. Подумаешь, великое дело! Один человек всегда другого одолеет!

— Ну, а пятерых человек?.. — спросил инженер.

— Я пойду вместе с Пенкрофом, — перебил журналист, — мы возьмем с собой Топа, и вдвоем, хорошо вооруженные…

— Дорогой мой Спилет, и вы, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — будем рассуждать хладнокровно. Если бы пираты засели где-нибудь на острове и мы знали бы это место, если бы речь шла только о том, чтобы выбить их с позиции, я бы, конечно, согласился атаковать их в лоб. Но разве можно быть уверенным, что пираты не откроют огонь первыми?

— Э, мистер Сайрес, — воскликнул Пенкроф, — не каждая пуля долетает по назначению.

— Но та, что ранила Герберта, как видите, не сбилась с пути, — возразил инженер. — Учтите к тому же, что если вы оба покинете кораль, мне одному придется его защищать. А можете ли вы поручиться в том, что пираты не завлекут вас с умыслом в лес и не нападут в ваше отсутствие на кораль, зная, что тут находятся только раненый мальчик и один взрослый мужчина?

— Вы правы, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф, хотя в груди его клокотал гнев, — вы правы. Уж они постараются захватить кораль, ведь им известно, что здесь добра хоть отбавляй! А вы один, конечно, против них не выстоите! Ах, будь мы в Гранитном дворце!

— Если бы мы находились в Гранитном дворце, — ответил инженер, — положение было бы совсем иное! Там я без опасения оставил бы Герберта с любым из вас, а трое остальных отправились бы обследовать лес. Но, увы! Мы находимся в корале и покинуть его можем лишь все вместе.

Было бы просто нелепым оспаривать веские доводы Сайреса Смита, его товарищи отлично поняли это.

— Если бы Айртон был с нами! — вздохнул Гедеон Спилет. — Ах, бедняга, бедняга! Вернуться к честной жизни и умереть так скоро!

— Если только он умер… — произнес Пенкроф каким-то странным тоном.

— Значит, Пенкроф, вы надеетесь, что он жив, что эти разбойники пощадили его? — спросил Гедеон Спилет.

— Конечно, для них это был бы прямой расчет!

— Как! Неужели вы считаете, что Айртон, очутившись в обществе своих прежних сподвижников, забыл все, чем он нам обязан…

— Как знать, — ответил моряк, помедлив, словно это ужасное предложение шло не от него.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, взяв моряка за руку, — вам пришла в голову дурная мысль, и мне не хотелось бы еще раз услышать от вас подобные слова. Не огорчайте же меня. Я могу поручиться за верность нашего Айртона!

— И я тоже, — с жаром отозвался журналист.

— Оно, конечно, мистер Сайрес… я, пожалуй, и не прав, — ответил Пенкроф. — Верно вы сказали, плохая эта мысль, да и ни на чем не основанная! Но что поделаешь? У меня голова кру́гом идет. От этого сидения в корале я совсем очумел. Никогда

в жизни я так не злился.

— Наберитесь терпения, Пенкроф, — ответил инженер. — Как, по-вашему, дорогой Спилет, когда нам можно будет доставить Герберта в Гранитный дворец?

— Это, знаете ли, трудно сказать, Сайрес, — раздумчиво произнес журналист, — ведь малейшая неосторожность в таких случаях может привести к самым печальным последствиям. Но пока все идет как надо, и если через неделю к Герберту вернутся силы, тогда поглядим!

Через неделю! Значит, возвращение в Гранитный дворец откладывается до первых чисел декабря.

Прошло уже два весенних месяца. Стояла чудесная погода, началась жара. Леса красовались в великолепном зеленом убранстве, близился срок уборки урожая. Следовательно, по возвращении в Гранитный дворец сразу же начнутся полевые работы, которые продлятся вплоть до дня задуманной экспедиции.

Читатели поймут, как пагубно отражалось на благосостоянии колонии это вынужденное заточение. И хотя приходилось молча покоряться необходимости, поселенцев грызла тревога.

Раз или два журналист все же выбрался из ко-

раля и обошел вокруг ограды. С ним отправился Топ. Гедеон Спилет, держа карабин наперевес, был готов к любой неожиданной встрече.

Но никто не попадался ему на пути, никаких подозрительных следов он не обнаружил. Верный пес, конечно, предупредил бы его лаем об опасности, но Топ молчал; ясно было, что опасаться некого, по крайней мере в данную минуту, и что пираты убрались в другую часть острова.

Однако во время второй своей вылазки, 27 ноября, Гедеон Спилет, который рискнул углубиться на четверть мили в чащу леса у южного склона горы, вдруг заметил, что Топ забеспокоился. Пес уже не скакал с беспечным видом, он носился взад и вперед, обнюхивая траву и кусты, словно чуя нечто подозрительное.

Гедеон Спилет последовал за Топом, науськивая его и посылая вперед, а сам зорко глядел по сторонам, взяв карабин на изготовку и пользуясь каждым деревом, как естественным прикрытием. Вряд ли Топ почуял присутствие человека, ибо в таких случаях он начинал отрывисто и глухо лаять, словно гневался на невидимого врага. А сейчас он даже не ворчал — следовательно, опасность была еще далеко.

Минут пять Топ рыскал по лесу, а журналист осторожно следовал за ним, как вдруг собака кинулась к густому кустарнику и вытащила оттуда обрывок материи.

Это был лоскут одежды, испачканный, разорванный, и Гедеон Спилет немедленно отнес находку в кораль.

Колонисты внимательно осмотрели лоскут и признали в нем кусок куртки Айртона, так как сшита она была из грубой шерсти, которая производилась в мастерской Гранитного дворца.

— Вот видите, Пенкроф, — заметил Сайрес Смит, — несчастный Айртон мужественно сопротивлялся. Пираты увели нашего друга с собой против его воли! Неужели и сейчас вы сомневаетесь в его честности?

— Нет, нет, мистер Сайрес, — ответил моряк, — я уж давно не сомневаюсь, это тогда мне что-то в голову взбрело. Но, как мне кажется, отсюда мы можем сделать один вывод!

— Какой же? — осведомился журналист.

— Что Айртона не убили в корале! Его увели отсюда живым, раз в лесу он оказал им сопротивление! А значит, он и сейчас, может быть, жив!

— Возможно, что и так! — задумчиво ответил инженер.

Надежда вновь увидеть товарища ожила в сердцах колонистов. Они думали раньше, что пиратская пуля сразила застигнутого врасплох Айртона, подобно тому как она сразила Герберта,

и Айртон погиб. Но если каторжники не убили его сразу же, если они увели его с собой куда-то в глубь острова, разве не может статься, что он и по сей день томится у них в плену? Возможно, кто-нибудь из пиратов признал в Айртоне своего прежнего дружка по Австралии — Бена Джойса, вожака беглых каторжников. И кто знает, не созрел ли у них безумный план снова заманить Айртона в свою пиратскую шайку? Ведь если бы им удалось склонить его к измене, он был бы им крайне полезен!..

Словом, находка лоскута возродила надежды поселенцев, и они решили, что им еще суждено увидеть своего друга. Если Айртон жив, но находится в плену, он сделает все возможное и невозможное, лишь бы вырваться из рук бандитов, и тогда какое мощное подкрепление получит в его лице колония!

— Во всяком случае, — заметил Гедеон Спилет, — если, по счастью, Айртону удастся бежать, он первым делом явится прямо в Гранитный дворец, ведь он-то не знает, что пираты чуть не убили Герберта, и поэтому не представляет себе, что мы сидим здесь как настоящие узники!

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы он был в Гранитном дворце, — вскричал Пенкроф, — и

чтобы мы тоже, наконец, там очутились! Хотя негодяи и не подступятся к самому дому, зато они могут опустошить плоскогорье, разорить наши плантации, уничтожить наш птичий двор.

За время пребывания на острове Линкольна Пенкроф стал завзятым фермером и всей душой привязался к своим огородам и полям. Но надо сказать, что и Герберт рвался в Гранитный дворец, понимая, как необходимо там присутствие всех поселенцев. Ведь из-за него они сидят здесь, в корале! Одна мысль неотступно преследовала его: уйти отсюда, уйти во что бы то ни стало! Он считал, что вполне может перенести путешествие в Гранитный дворец. Он уверял своих друзей, что там, в их жилище, откуда открывается вид на море и где веет свежий ветерок, он сразу же выздоровеет!

Десятки раз он доказывал это Гедеону Спилету, но тот, справедливо опасаясь, как бы раны Герберта, еще недостаточно зарубцевавшиеся, не открылись в дороге, не давал распоряжения об отъезде.

Однако вскоре произошло событие, заставившее Сайреса Смита и его друзей уступить настояниям юноши, и один бог знает, сколько горя и раскаяния принесло им это решение.

Случилось это 29 ноября, в семь часов утра. Трое колонистов мирно беседовали у постели Герберта, как вдруг до их слуха донесся громкий лай.

Сайрес Смит, Пенкроф и Гедеон Спилет схватились за карабины и выбежали из дома, готовясь открыть стрельбу.

Топ бегал у ограды кораля, прыгал, лаял, но лаял весело, а не злобно.

— Кто-то идет!

— Да!

— Но только это не враг!

— Может быть, Наб идет?

— А вдруг Айртон?

Не успели колонисты обменяться этими короткими фразами, как над оградой появился некто и легко спрыгнул на землю.

Это был Юп, дядюшка Юп собственной персоной, и это его приветствовал радостным лаем верный Топ!

— Юп! — воскликнул Пенкроф.

— Его послал сюда Наб, — сказал журналист.

— В таком случае, — отозвался инженер, — на нем должна быть записка.

Пенкроф бросился к орангутангу. И действительно, если Набу необходимо было подать весть своему господину, он не мог выбрать более

надежного и более проворного посланца, чем дядюшка Юп, который без труда пробрался там, где не могли бы пройти не только колонисты, но даже и Топ.

Сайрес Смит оказался прав. На шее Юпа висел крохотный мешочек, и в этом мешочке лежала записка, написанная рукой Наба.

Можно себе представить, какое отчаяние охватило всех, когда они прочитали следующие слова:

Пятница, шесть часов утра.
Плато захвачено пиратами!

Наб.

Не в силах произнести ни слова, поселенцы молча переглянулись и затем уныло побрели в дом. Что делать? Пираты на плато Кругозора — это означает бедствие, разорение, катастрофу!

Взглянув на озабоченные лица своих старших товарищей, Герберт сразу понял, что случилось нечто важное, а увидя Юпа, он уже не сомневался, что Гранитному дворцу грозит опасность.

— Мистер Сайрес, — взмолился он, — я хочу уехать! Я перенесу дорогу! Я непременно хочу уехать!

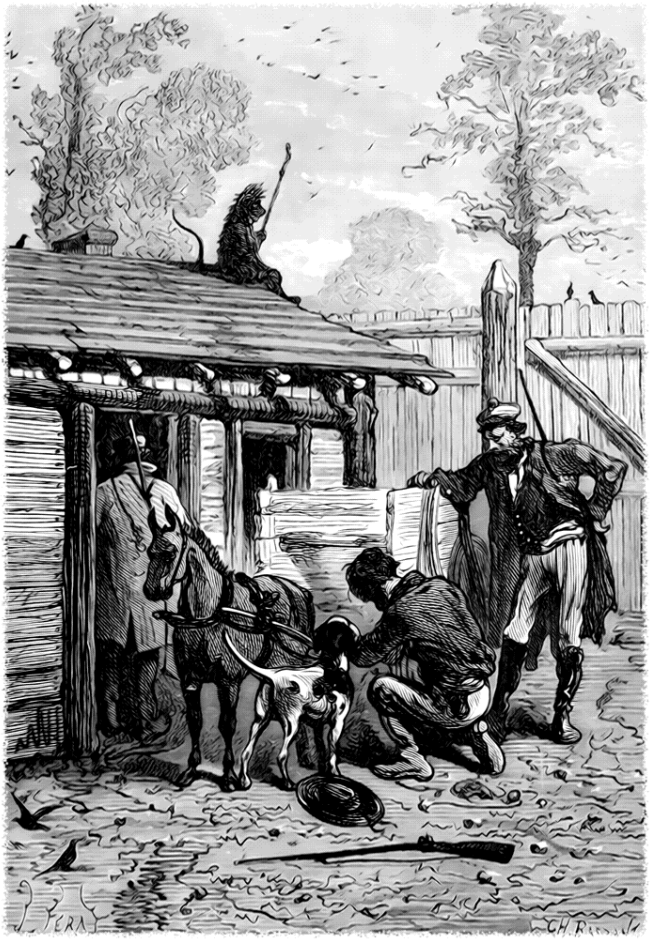
Гедеон Спилет подошел к Герберту. Пристально

поглядев на юношу, он произнес:

— Что ж, поедем!

Колонисты быстро обсудили вопрос, нести ли Герберта на носилках или везти в тележке, в которой приехал сюда Айртон. Носилки имеют перед повозкой то преимущество, что больной при передвижении не страдает от толчков, но зато они требуют двух носильщиков, другими словами — в случае внезапного нападения в их маленьком отряде окажется двумя стрелками меньше.

И наоборот, при передвижении на тележке руки всех трех колонистов останутся свободными. И разве нельзя положить на дно повозки побольше матрацев и осторожно вести онагра под уздцы, чтобы уберечь больного от толчков? Конечно, можно.



Тележку подтащили к дому, и Пенкроф запряг в нее онагра.

Сайрес Смит с журналистом взяли матрацы, на которых лежал Герберт, положили их на дно повозки.

День выдался на славу. Сквозь сочную зелень деревьев пробивались веселые солнечные лучи.

— Оружие готово? — спросил Сайрес Смит.

Все оказалось в полном порядке. Инженер и Пенкроф вооружились двустволками, а Гедеон Спилет взял свой карабин. Можно было двигаться в путь.

— Тебе удобно, Герберт? — спросил инженер.

— Да, мистер Сайрес, не беспокойтесь, пожалуйста, не умру же я по дороге в самом деле, — ответил юноша.

Хотя Герберт бодрился, видно было, что он призвал на помощь всю свою энергию и только огромным усилием воли отгоняет слабость и дурноту.

Сердце Сайреса Смита болезненно сжалось. Он стоял в раздумье, он медлил давать сигнал к отправлению. Но отложить поездку — значило привести в отчаяние Герберта, может быть даже убить его.

— В путь! — скомандовал Сайрес Смит.

Ворота кораля отворились. Юп и Топ бросились на волю первыми, не подавая голоса, — в случае надобности они умели молчать. Повозка выехала за ограду, ворота захлопнулись; онагр, которым правил Пенкроф, медленно двинулся вперед.

Конечно, колонистам следовало выбрать не ту дорогу, которая вела из кораля в Гранитный дворец, но они опасались, что с тележкой им трудно будет пробраться сквозь лесную чащу. Поэтому волей-неволей пришлось избрать этот путь, хотя он и был известен пиратам.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет шли по обе стороны повозки, готовые отразить любое нападение. Впрочем, вряд ли пираты ни с того ни с сего покинут плато Кругозора. Очевидно, как только Наб заметил врагов, он тут же написал и послал записку. Да и на записке значилось «шесть часов утра», а проворному орангутангу, не раз бывавшему в корале в качестве гостя, не потребовалось и сорока пяти минут, чтобы пройти пять миль, отделявших кораль от Гранитного дворца. Поэтому дорога была сейчас относительно безопасна, а если и придется открыть огонь, то, конечно, где-нибудь ближе к Гранитному дворцу.

Однако колонисты держались начеку. Топ и Юп (последний не выпускал из рук своей дубинки)

то забегали вперед, то углублялись в лес, тянувшийся по обеим сторонам дороги, но вели себя спокойно.

Повозка, управляемая Пенкрофом, медленно двигалась вперед. Из кораля колонисты выехали в половине восьмого. Через час они благополучно, без всяких злоключений сделали уже четыре мили.

Дорога была пустынна, как и вся эта часть леса Жакамара, лежавшая между рекой Благодарения и озером. Все было спокойно. Лесные чащи казались столь же безлюдными, как и в тот день, когда колонисты высадились на остров.

Каждая минута приближала их к плато. Еще только одна миля, и покажется мостик, переброшенный через Глицериновый ручей. Сайрес Смит не сомневался, что мостик опущен; пираты либо уже прошли по нему, либо, перебравшись через одну из водных преград, позаботились заранее его опустить, дабы облегчить себе отступление.

Наконец в просвете между стволами деревьев блеснуло море. Но повозка по-прежнему тихо катилась вперед, и ее защитники вынуждены были замедлять шаг.

Вдруг Пенкроф осадил онагра и крикнул страшным голосом:

— Ах негодяи!

Дрожащей рукой он указывал на густые клубы дыма, подымавшиеся над мельницей, сараями и птичниками.

Какой-то человек то исчезал в клубах дыма, то появлялся снова.

Это был Наб.

Колонисты громко окликнули его. Наб услышал голоса и бросился навстречу друзьям.

Каторжники покинули плато полчаса тому назад, разрушив предварительно все, что могли разрушить.

— Как мистер Герберт? — спросил Наб.

Гедеон Спилет подошел к тележке. Герберт потерял сознание.

ГЛАВА X

Герберт снова в Гранитном дворце. — Рассказ Наба. — Сайрес Смит отправляется на плато Кругозора. — Разгром и опустошение. — Безоружный перед болезнью. — Ивовая кора. — Смертоносная лихорадка. — Топ опять лает!

О пиратах, об опасностях, угрожавших Гранитному дворцу, о разрушениях на плато Кругозора

больше и речи не было. Важнее всего было здоровье Герберта. Что, если на юноше гибельно отразилась перевозка на тележке? Что, если это путешествие вызовет какое-нибудь серьезное осложнение? Гедеон Спилет не мог ручаться за исход болезни. И он сам и его товарищи были в отчаянии.

Тележку остановили у излучины реки, и там больного в бессознательном состоянии подняли на тюфяках, на которых он лежал, и переложили на носилки, наспех сплетенные из веток. Через десять минут Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф уже были у подножия гранитного вала, поручив Набу доставить тележку на плато Кругозора.

Привели в действие подъемник, и вскоре Герберт уже лежал на своей постели в Гранитном дворце.

Заботливым уходом больного привели в чувство. Он улыбнулся, увидев, что лежит в своей комнате, но от слабости едва мог произнести несколько слов.

Гедеон Спилет осмотрел больного. Он боялся, что у него раскрылись еще плохо зарубцевавшиеся раны. Нет, этого не случилось. Откуда же это состояние прострации? Почему Герберту стало хуже?

Юноша впал в какое-то болезненное, лихорадочное забытье. Журналист и Пенкроф не отходили от его постели.

Тем временем Сайрес Смит рассказал Набу о том, что произошло в корале, а Наб описал ему события, разыгравшиеся на плато Кругозора.

Прошлой ночью пираты показались на опушке леса, близ Глицеринового ручья. Наб, сторживший около птичника, не колеблясь выстрелил в одного из разбойников, собиравшегося перебраться через ручей; но в темноте он не видел, попала ли его пуля в негодяя. Во всяком случае, один выстрел, конечно, не мог разогнать всю банду, и Наб едва успел подняться в Гранитный

дворец, где он оказался в безопасности.

Что же теперь делать? Как помешать опустошениям, которыми грозили пираты? Наб ломал себе голову, как предупредить своего хозяина? Но в каком положении находились сами обитатели кораля?

Сайрес Смит и его товарищи отправились в кораль 11 ноября, а уже наступило 29 ноября. За девятнадцать дней Наб получил лишь те вести, которые сообщались в записке, посланной с Топом, — вести ужасные: Айртон исчез, Герберт тяжело ранен, инженер, журналист и моряк стали, так сказать, пленниками в корале.

«Что делать?» — размышлял бедняга Наб. За себя лично он не боялся — пираты не могли забраться в Гранитный дворец. Но постройки, плантации, сооружения на плато Кругозора — все это теперь во власти пиратов. Пусть уж лучше сам Сайрес Смит решит, что следует предпринять. Надо хоть предупредить его о грозящей опасности.

И тогда Набу пришла мысль послать в кораль Юпа, доверив ему записку. Он знал не раз испытанную, необыкновенную сообразительность орангутанга. Юп понимал слово «кораль», которое часто произносили при нем, и читатели, наверно, помнят, что он много раз ездил туда на

тележке вместе с Пенкрофом. Еще не начинало светать. Ловкая обезьяна сумеет проскользнуть в лесу незаметно, да если пираты и увидят ее, то, конечно, сочтут прирожденной жительницей этих зарослей.

И Наб, уже не колеблясь, привязал записку на шею Юпа, подвел обезьяну к двери Гранитного дворца и, спустив до самой земли длинную веревку, несколько раз повторил:

— Юп! Юп! Кораль! Кораль!

Обезьяна поняла. Ухватившись за веревку, она соскользнула на берег и исчезла в темноте, не вызвав у пиратов ни малейших подозрений.

— Ты хорошо сделал, Наб, — сказал Сайрес Смит. — Но, пожалуй, лучше бы ты совсем нас не предупреждал.

Говоря так, Сайрес Смит думал о Герберте: ведь юноша выздоравливал, а от вынужденного путешествия состояние его сильно ухудшилось.

Наб подошел к концу своего рассказа. Пираты больше не появлялись на берегу. Велико ли население острова, они не знали и могли предполагать, что Гранитный дворец находится под защитой значительного отряда. Вероятно, они помнили, что при нападении брига на остров их встретили сильным огнем и с нижних и с верхних

скал, и, конечно, они не хотели подвергать себя опасности. Но все пути к плато Кругозора были для них открыты, там их не могли обстреливать из Гранитного дворца. И уж тут преступники дали волю своим хищным инстинктам, принялись все громить, грабить, жечь, творили зло ради самого зла и отступили лишь за полчаса до прибытия колонистов, считая, должно быть, что те все еще заперты в корале.

Тогда Наб поспешил выбраться из своего убежища. Он поднялся на плато, рискуя получить пулю; он попытался потушить пожар, пожиравший постройки на скотном дворе, и тщетно боролся с огнем до тех пор, пока на опушке леса не показалась тележка.

Вот какие важные произошли события! Теперь поселенцам острова Линкольна постоянно угрожало разбойничье нападение, а ведь до сих пор они жили так счастливо! Отныне они могли ждать еще более страшных несчастий.

Гедеон Спилет вместе с Пенкрофом остался в Гранитном дворце возле Герберта, а Сайрес Смит в сопровождении Наба отправился на плато, чтоб самому посмотреть, какие опустошения произвели там грабители.

К счастью, разбойники не добрались до под-

ступов к Гранитному дворцу, иначе мастерские, устроенные в Трущобах, не избегли бы разрушения. Впрочем, эта беда была бы более поправимой, чем тот разгром, после которого на плато Кругозора остались одни развалины!

Сайрес Смит и Наб направились к реке Благодарения и перешли на левый берег, не встретив никаких следов переправы бандитов. Да и на другом берегу, в лесной чаще, они не заметили ничего подозрительного.

С полной вероятностью можно было сделать такие предположения: или пираты узнали о возвращении колонистов в Гранитный дворец, увидев их на дороге, ведущей из кораля; или же они ничего не знают об этом возвращении, так как спустились вниз по реке Благодарения и углубились в лес Жакамара. В первом случае они, должно быть, опять двинулись к оставшемуся без защиты коралю, где хранилось столько ценных для них припасов. Во втором случае они, несомненно, вернулись в свой лагерь и, выждав благоприятную минуту, возобновят нападение.

Хорошо было бы первыми напасть на пиратов, но всякая попытка очистить от них остров все еще зависела от состояния здоровья Герберта. Сайресу Смиту нужны были все его помощники,

поэтому никто не имел права покинуть Гранитный дворец.

Инженер и Наб вышли на плато Кругозора. Какая ужасная картина! Поля вытоптаны; уже созревшие, готовые для жатвы хлеба полегли, осыпались. Не меньше пострадали и другие насаждения. Весь огород был изрыт. К счастью, в Гранитном дворце хранился запас семян, позволявший поправить беду.

Что касается мельницы, построек птичьего двора и конюшни для онагров — их уничтожил огонь. По плато Кругозора бродили немногие уцелевшие животные. Птица, улетевшая во время пожара на дальний край озера, уже возвращалась на привычное место и копошилась на берегу. Здесь все нужно было создавать заново.

Бледное лицо Сайреса Смита выдавало его негодование, он с трудом сдерживал гнев, но не произнес ни слова. Бросив последний взгляд на опустошенные поля, на дымящееся пожарище, он возвратился в Гранитный дворец.

Для колонистов острова Линкольна настали печальные дни, самые печальные из всех, какие пришлось им тут пережить. Герберт таял у них на глазах. Казалось, потрясение организма, которое вызвали полученные им раны, осложнилось

каким-то новым тяжелым недугом, и Гедеон Спилет предвидел роковое ухудшение в состоянии больного, с которым он бессилен был бороться.

Герберт почти все время лежал в полузабытьи, у него уже начался бред. А колонисты располагали лишь весьма несложным лекарством — освежающим отваром трав. Лихорадка еще не очень мучила его, но вскоре ее приступы стали повторяться регулярно.

Гедеон Спилет убедился в этом 6 декабря. У бедного мальчика пальцы, нос и уши стали совсем восковыми, начался озноб, он дрожал так сильно, что у него стучали зубы. Пульс был слабый и неровный, кожа сухая, больного томила жажда. Вдруг поднялся сильный жар, глаза заблестели, раскраснелось лицо, пульс участился; затем выступил обильный пот, а после этого жар спал и лихорадка как будто уменьшилась. Приступ длился около пяти часов.

Гедеон Спилет не отходил от Герберта; теперь уже было совершенно ясно, что у больного перемежающаяся лихорадка; нужно было во что бы то ни стало прервать ее, пока она не привела к тяжелым последствиям.

— Но чтобы ее прервать, — сказал Гедеон Спилет Сайресу Смиту, — нам нужны противоли-

хорадочные средства.

— Противолихорадочные!.. — повторил инженер. — Где же их взять? У нас нет ни хинной корки, ни сернокислого хинина!

— Верно, нет их, — сказал Гедеон Спилет. — Но на берегу озера растут ивы, а ведь ивовая кора иногда может заменить хинин.

— Давайте же попробуем, не будем терять ни минуты! — ответил Сайрес Смит.

Ивовая кора справедливо считается в известной мере заменителем хинной корки, так же как и кора индийского каштана, листья остролиста, «драконов корень» и некоторые другие растения. Разумеется, следовало испробовать это средство, хотя оно и уступает хине, и применить его в естественном виде, потому что не было возможности извлечь из коры алкалоид, который носит название салицил.

Сайрес Смит сам ходил на озеро и срезал со ствола черной ивы несколько кусков коры; он принес ивовую кору в Гранитный дворец, истолок ее, и в тот же вечер Герберту дали принять этот порошок.

Ночь прошла благополучно. Герберт немного бредил, но приступов не было ни ночью, ни на следующий день. У Пенкрофа появилась надежда,

Гедеон Спилет ничего не говорил. Возможно, что просто удлинились промежутки между приступами и они станут повторяться не ежедневно, а через день. Завтра все должно было решиться. И с какой тревогой в Гранитном дворце ждали этого завтрашнего дня!

Надо также заметить, что после приступов Герберт чувствовал себя совершенно разбитым, голова у него делалась тяжелая, в глазах темнело. Был еще один симптом, очень испугавший Гедеона Спилета: печень у Герберта сильно увеличилась и воспалилась, а вскоре усилился бред, показывавший, что болезнь подействовала и на мозг.

Гедеон Спилет был потрясен этим новым осложнением. Он отвел инженера в сторону и сказал:

— Это злокачественная лихорадка!

— Злокачественная? — воскликнул Сайрес Смит. — Вы ошибаетесь, Спилет. Злокачественная лихорадка не может развиться так вот, сразу. Надо, чтобы в организме уже были ее зачатки.

— Нет, я не ошибаюсь, — ответил журналист. — Герберт, несомненно, захватил ее здесь, на болоте. Мы были свидетелями первого приступа. Наверно, будет и второй а если нам не удастся предотвратить третий приступ… Герберт

погибнет.

— А ивовая кора?..

— Не поможет, — ответил Гедеон Спилет. — А если при злокачественной лихорадке не пресечь третьего приступа, смертельный исход неизбежен.

К счастью, Пенкроф не слышал этого разговора. Он бы с ума сошел.

Вполне понятно, что Сайреса Смита и Гедеона Спилета терзала тревога весь день 7 декабря и всю следующую ночь.

В середине дня начался второй приступ. Кризис был страшен. Герберт чувствовал близость смерти. Он умоляюще протягивал руки к Сайресу Смиту, к Спилету, к Пенкрофу. Он не хотел умирать… Сцена была душераздирающей. Пришлось увести Пенкрофа.

Второй приступ длился тоже пять часов. Стало очевидно, что третьего приступа больному не вынести.

Ночь прошла ужасно. Герберт бредил и говорил такие слова, что у его товарищей сердце разрывалось. Он метался, кричал, ему чудилось, что он борется с пиратами, он звал Айртона. Он умолял исчезнувшего теперь покровителя о помощи, мысль о таинственном незнакомце преследо-

вала его… А потом силы покидали Герберта, и он лежал в глубоком оцепенении, без чувств, без движения… Несколько раз Гедеону Спилету казалось, что бедный мальчик уже умер.

На следующий день, 8 декабря, слабость у Герберта все возрастала. Исхудалые руки его перебирали край одеяла. Ему снова дали толченой ивовой коры, но Гедеон Спилет уже не возлагал на нее надежды.

— Если до завтрашнего утра мы не дадим Герберту сильнодействующего средства против лихорадки, — сказал журналист, — он умрет!

Настала ночь, несомненно, последняя ночь Герберта. Добрый, мужественный, умный мальчик, развитой не по возрасту, умирал. Все любили его, как родного сына, и не могли его спасти! На острове Линкольна не было того единственного средства против злокачественной лихорадки, которое могло ее победить!

В ночь с восьмого на девятое декабря у больного усилился бред. Печень была страшно воспалена, сознание помутилось. Герберт уже никого не узнавал.

Доживет ли он до завтра? Но третий приступ все равно унесет его. Силы Герберта иссякли, и в промежутках между припадками бреда он лежал

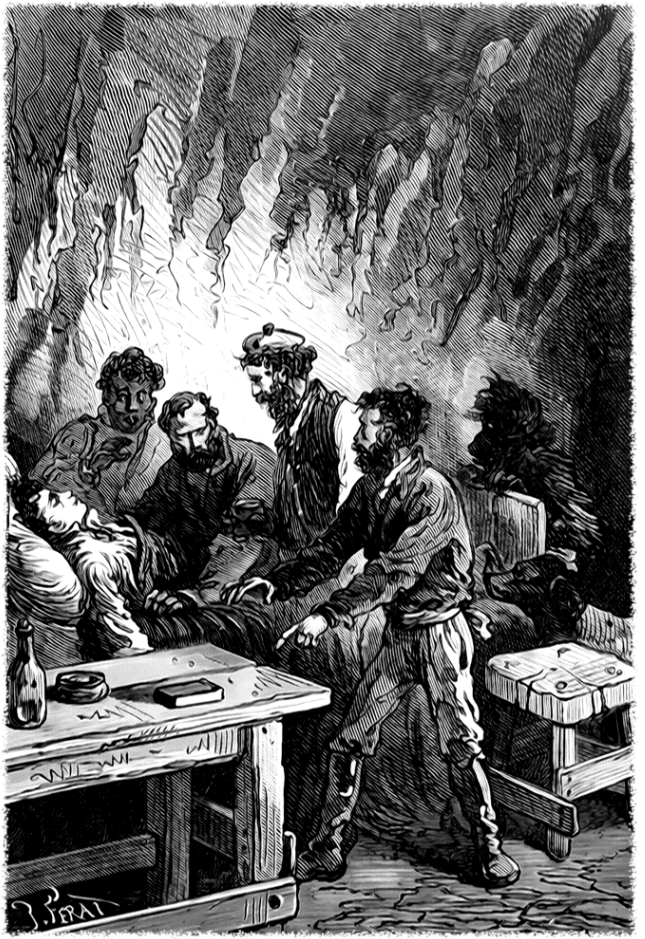
как мертвый.

Около трех часов утра Герберт вдруг испустил неистовый вопль и забился, казалось в предсмертных судорогах. Наб, дежуривший у его постели, в ужасе бросился за помощью в соседнюю комнату, где сидели без сна его товарищи.

И в эту минуту Топ как-то странно залаял…

Все кинулись в спальню и успели подхватить умирающего — в бреду он хотел соскочить с постели на пол; взяв Герберта за руку, Гедеон Спилет почувствовал, что пульс его постепенно становится более ровным…

Было пять часов утра. В окна Гранитного дворца уже проникали лучи восходящего солнца. Наступал ясный, погожий день, последний день жизни несчастного мальчика.


J. Pérat

Солнечный луч осветил столик, стоявший у кровати умирающего.

И вдруг Пенкроф, вскрикнув, указал на продолговатую коробочку, откуда-то взявшуюся на столике…

На крышке коробочки стояли два слова: «Сернокислый хинин».

ГЛАВА XI

Необъяснимая тайна. — Выздоровление Герберта. — Подготовка к экспедиции. — Первый день. — Ночь. — Второй день. — Каури. — Казуары. — Следы в лесу. — Прибытие на Змеиный мыс

Гедеон Спилет схватил коробочку и раскрыл ее. В ней оказалось около двухсот гран белого порошка. Журналист взял в рот несколько крупинок этого порошка. Страшная их горечь подтвердила, что надпись на крышке не обманула. Действительно, то был драгоценный алкалоид коры хинного дерева, превосходное средство против лихорадки.

Нужно было без долгих размышлений дать Герберту порошок хинина. Как тут очутилась коробочка — об этом можно поговорить потом.

— Кофе! — потребовал Гедеон Спилет.

Наб мгновенно принес чашку теплого кофе. Гедеон Спилет бросил в нее гран восемнадцать хинина, и Герберта удалось напоить этой микстурой.

Еще было не поздно — третий приступ злокачественной лихорадки еще не начался!

И да будет нам позволено добавить — он уже не мог теперь разразиться.

Надо сказать также, что все воспрянули духом. Вновь проявилась таинственная благодетельная сила, да еще в такую минуту, когда все потеряли надежду на ее помощь!..

Через несколько часов Герберт уже спал более спокойным сном. Его друзья могли тогда поговорить о случившемся. Вмешательство незнакомца в их жизнь никогда еще не было таким очевидным. Но как он мог проникнуть в Гранитный дворец, да еще ночью? Это было непостижимо. Все действия таинственного «гения острова» были не менее загадочны, чем сам гений.

В течение дня Герберту через каждые три часа давали хинин.

Уже на следующие сутки ему стало лучше. Конечно, он еще не выздоровел, а перемежающаяся лихорадка зачастую дает опасные рецидивы, но

ведь за больным был такой заботливый уход. И к тому же теперь имелось спасительное лекарство и, несомненно, где-то недалеко находился тот, кто его принес. Словом, у всех в сердце затеплилась надежда.

Надежда не оказалась обманчивой. Десять дней спустя, 20 декабря, Герберт начал уже выздоравливать. Он был еще слаб, ему приходилось соблюдать строгую диету, но приступы больше не повторялись. Славный мальчик покорно выполнял все врачебные предписания. Ему так хотелось выздороветь!

Пенкроф как будто тоже воскрес из мертвых, и радость свою он выражал так бурно, словно тронулся умом. Когда благополучно миновал срок третьего приступа, моряк от счастья чуть не задушил Гедеона Спилета в своих объятиях. С тех пор он называл журналиста не иначе, как *доктор.* Всем не терпелось найти того, кто был подлинным врачевателем.

— Погоди, все откроется! — твердил Пенкроф.

Прошел декабрь и кончился 1867 год, в котором на долю колонистов острова Линкольна выпали такие тяжелые испытания. Новый, 1868 год принес им чудесную погоду, безоблачное небо, солнце и тропическую жару, которую, к счастью,

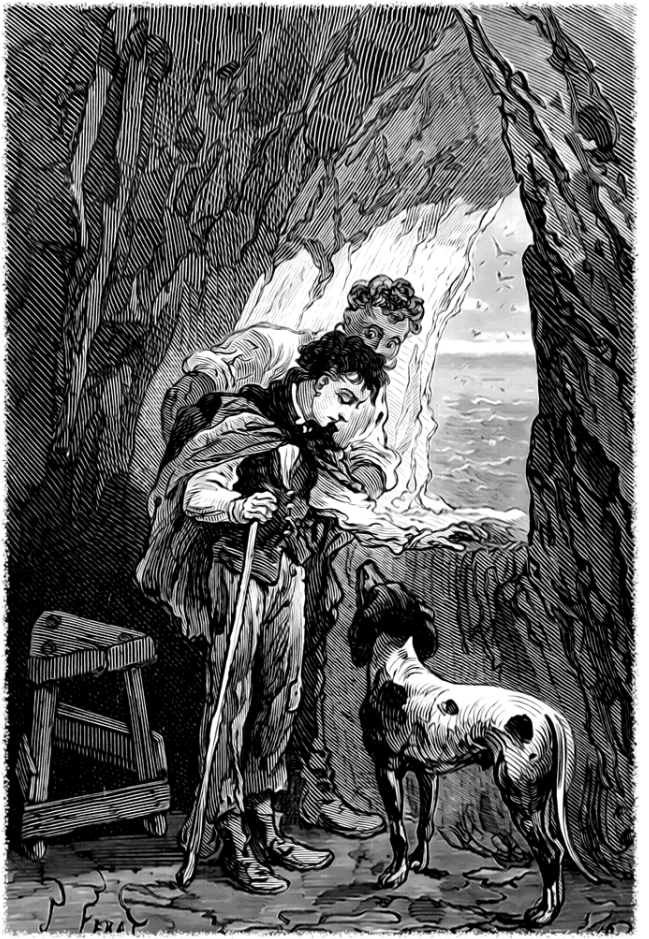
умерял прохладный морской ветер. Герберт возрождался к жизни. Кровать его поставили в Гранитном дворце у окна, и он полной грудью вдыхал целительный морской воздух, животворные дуновения соленого океанского ветра. У него появился аппетит, и, боже мой, как этому обрадовался Наб! Каких только он ни стряпал легких, питательных и вкусных кушаний для своего юного друга.

— Право, этак и самому захочется при смерти побывать! — шутил Пенкроф.

За все это время пираты ни разу не показывались в окрестностях Гранитного дворца. От Айртона не было никаких вестей. Сайрес Смит и Герберт еще не потеряли надежды найти его, но остальные считали теперь, что бедняга Айртон погиб. Все же нельзя было дольше оставаться в неизвестности, колонисты решили, что, как только юноша поправится, они совершат экспедицию, результаты которой будут очень важны для них. Но раньше чем через месяц невозможно было ее предпринять: для того чтобы одолеть бандитов, требовалось участие в походе всех колонистов.

А Герберту становилось все лучше. Воспаление печени прошло, раны окончательно зарубцевались.

Весь январь колонисты вели на плато Кругозора большие работы, для того чтобы обеспечить, насколько можно, будущий урожай хлеба и овощей. Для предстоящего в скором времени второго посева собрали уцелевшее зерно, заготовили саженцы. Мельницу, конюшни и постройки на птичьем дворе Сайрес Смит не спешил отстраивать заново. Ведь пока он с товарищами будет разыскивать разбойников, эти негодяи могут снова наведаться на плато; не стоило давать им повод лишний раз поупражняться в грабежах и поджогах. Как только остров будет очищен от этих злодеев, дело другое — тогда все надо будет отстроить заново.



Во второй половине января больной уже так окреп, что ему позволили вставать с постели — сначала на час в день, потом на два, а потом и на три часа. Силы быстро возвращались к нему, такой здоровый у него был организм. Герберту исполнилось восемнадцать лет, он очень вырос и обещал стать молодым человеком красивой и благородной наружности. За больным еще требовался уход («доктор» Спилет по этой части оказался неумолим), но выздоровление его шло своим чередом.

К концу месяца Герберт уже бродил по плато Кругозора и по всему побережью. Не раз он купался в море вместе с Пенкрофом и Набом, и эти купания шли ему на пользу. Сайрес Смит уже счел возможным назначить день отправления экспедиции — решили выступить 15 февраля. Как всегда в это время года, ночи были очень светлы — обстоятельство, благоприятное для разведки, которую собирались вести по всему острову.

Итак, началась подготовка к походу, подготовка весьма серьезная, так как колонисты дали зарок не возвращаться в Гранитный дворец до тех пор, пока не достигнут двоякой цели, поставленной ими перед собой: во-первых, они хотели уничтожить пиратов и найти Айртона, если он еще жив,

во-вторых, разыскать того, кто принимал такое деятельное участие в судьбе колонии.

На острове Линкольна колонисты знали досконально следующие места: весь восточный берег — от мыса Коготь до мыса Южная Челюсть и Северная Челюсть, обширное Утиное болото, окрестности озера Гранта, лесные заросли Жакамара (ту их часть, которая находилась между дорогой к коралю и рекой Благодарения), берега реки Благодарения и Красного ручья и, наконец, те отроги горы Франклина, меж которых расположен был кораль.

Они исследовали, но довольно поверхностно, побережье бухты Вашингтона — от мыса Коготь до Змеиного мыса, а также леса и болота вдоль западного берега и бесконечные дюны, доходившие до залива, похожего на полуоткрытую пасть акулы.

Но им совершенно были незнакомы большие леса, покрывавшие полуостров Извилистый, весь правый берег реки Благодарения, левый берег Водопадной речки и лабиринт отрогов, ущелий и долин, охватывающих своей запутанной сетью гору Франклина с трех сторон — с запада, с севера и с востока, а там, вероятно, существовали глубокие пещеры. Следовательно, несколько тысяч

акров площади острова еще не подверглись изучению. Поэтому участники экспедиции приняли решение отправиться в путь через леса Дальнего Запада и обследовать весь правый берег реки Благодарения.

Пожалуй, лучше всего было сначала направиться в кораль — ведь туда опять могли нагрянуть бандиты, чтобы окончательно его разграбить или обосноваться там. Но помещать опустошению кораля колонисты не могли, оно, вероятно, уже совершилось, а если пираты сочли для себя удобным укрыться в этом уединенном углу, всегда возможно добраться до них, это еще успеется.

И вот, посовещавшись, остановились на первоначальном плане — двинуться через лес к Змеиному мысу. На протяжении шестнадцати-семнадцати миль путь придется прокладывать топором, и это будет первой дорогой, которая свяжет впоследствии Гранитный дворец и оконечность полуострова Извилистого.

Тележка была в полной исправности. Онагры хорошо отдохнули и могли сделать большой перегон. На тележку погрузили дорожные запасы провианта, оборудование для лагеря, походную кухню и различную утварь, а также оружие и снаряжение, заботливо выбранные в очень

богатом теперь арсенале Гранитного дворца. Не мешало помнить, что пираты, быть может, прячутся в лесах; того и гляди, в густых зарослях завяжется перестрелка, а следовательно, маленькому отряду колонистов ни в коем случае нельзя было разбиваться на группы и отдаляться друг от друга.

Решили также никого не оставлять в Гранитном дворце. Даже Топ и Юп должны были принять участие в экспедиции. Неприступное убежище могло на время остаться без охраны.

Канун выступления, 14 февраля, приходился на воскресенье. Весь этот день посвятили отдыху и благодарственным молитвам создателю. Для Герберта, который уже совсем выздоровел, но был еще немного слаб, решили оставить место в тележке.

На рассвете следующего дня Сайрес Смит принял все меры для того, чтобы уберечь Гранитный дворец от всяких нашествий. Веревочные лестницы, по которым всегда поднимались колонисты, были отнесены в Трущобы и глубоко зарыты в песок, но уложены очень бережно, так как предстояло пользоваться ими и по возвращении; тамбур подъемника, да и все это приспособление успели разобрать — его больше не существовало.

Работу эту выполнил Пенкроф, и, задержавшись, для того чтобы ее закончить, он спустился из Гранитного дворца последним по веревке, перекинутой через выступ скалы; а лишь только веревку убрали, не осталось никакой возможности забраться с берега на верхнюю площадку.

Погода выдалась великолепная.

— Жаркий денек нынче будет! — весело сказал журналист.

— Ничего, доктор Спилет, — отозвался Пенкроф. — Мы пойдем лесом, под деревьями и солнца-то не заметим.

— В дорогу! — сказал инженер.

Тележка ждала на берегу около Трущоб; журналист потребовал, чтобы Герберт ехал в ней хотя бы в первые часы пути. Юноше пришлось подчиниться предписанию своего врача.

Наб взял онагров под уздцы. Сайрес Смит, журналист и моряк прошли вперед. Топ, видимо чрезвычайно довольный, прыгал около них. Герберт пригласил Юпа сесть с ним в тележку, и тот без лишних церемоний забрался к нему. Настала минута отправления, и маленький отряд тронулся.

Тележка завернула за выступ гранитного кряжа и, проехав милю по левому берегу реки Благодарения, переправилась по мосту на другой берег, где уже начиналась дорога к порту Воздушного шара; оставив дорогу слева, двинулись в тени высоких деревьев по обширным лесам Дальнего Запада.

На протяжении первых двух миль деревья не

смыкались в непролазную чащу, и тележка свободно проезжала между ними; иногда путникам приходилось разрубать топором сплетения лиан или прокладывать дорогу в зарослях кустарника. Но никакие серьезные препятствия не задерживали отряд.

В густой тени ветвистых деревьев стояла приятная прохлада. Вокруг раскинулось необозримое лесное царство, где, чередуясь, высились деодары, дугласы, казуарины, банксии, камедные деревья, драцены и образцы других древесных пород, уже встречавшихся колонистам.

Были тут в сборе и все представители птичьего населения острова; тетерева, жакамары, фазаны, лори, шумливые стайки какаду, попугаев и попугайчиков. Пробегая между кустами, мелькали агути, кенгуру, водосвинки — все напоминало колонистам их первые экспедиции по острову.

— А все-таки я замечаю перемену, — сказал Сайрес Смит, — все четвероногие и пернатые стали боязливее, чем прежде. Значит, бандиты заглядывали в эти леса, и мы, вероятно, найдем тут следы их пребывания.

В самом деле, во многих местах путники обнаружили приметы, указывающие, что по лесу недавно проходил целый отряд: здесь заломлены

ветки деревьев, должно быть для того, чтобы найти по этим вехам обратный путь, тут — куча золы от потухшего костра и отпечатки человеческих ног, сохранившиеся на глинистой почве. Но не было никаких признаков, что проходившие люди где-то остановились лагерем.

Инженер посоветовал товарищам воздержаться от охоты. Выстрелы могли привлечь внимание пиратов — ведь они, чего доброго, бродили в этих лесах. К тому же охотникам волей-неволей пришлось бы отдалиться от тележки, а ходить тут в одиночку Сайрес Смит строго запретил.

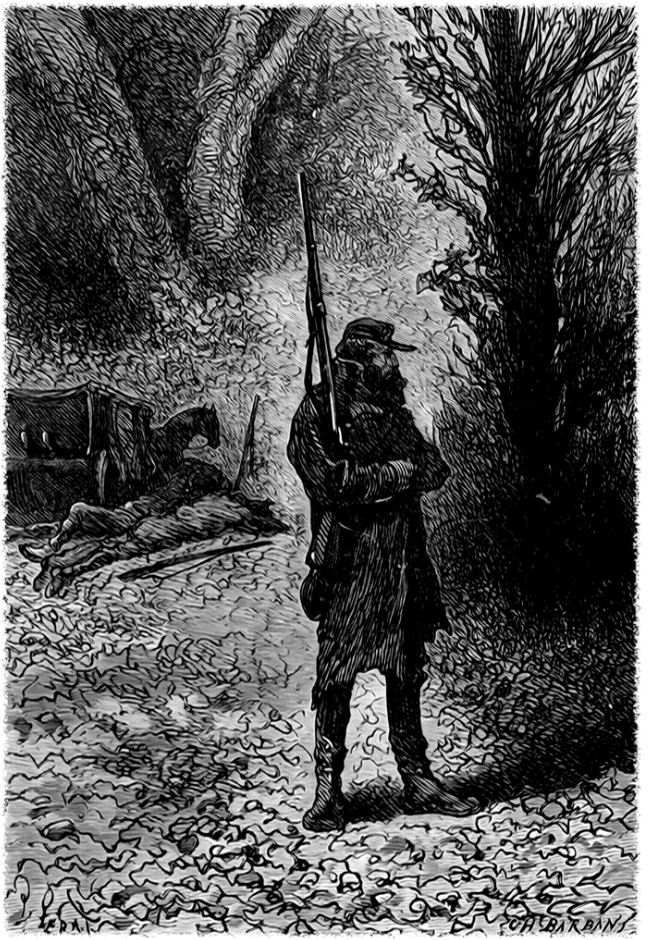
Во второй половине дня, когда путники уже были в шести милях от Гранитного дворца, идти стало довольно трудно. В некоторых местах лес смыкался такой густой чащей, что только топором можно было проложить себе дорогу. Прежде чем забираться в заросли, Сайрес Смит посылал туда в качестве разведчиков Топа и Юпа; они самым добросовестным образом выполняли свои обязанности, и, если спокойно возвращались к хозяевам, значит, нечего было опасаться: в лесу отряд не подстерегали ни пираты, ни дикие звери — два вида одинаково опасных хищников.

К вечеру колонисты разбили лагерь милях в девяти от Гранитного дворца, на берегу маленькой

речки, притока реки Благодарения, о существовании которого они и не подозревали, — еще один элемент гидрографической системы острова, способствующей необыкновенному плодородию почвы.

В дороге у всех разыгрался аппетит, поэтому все очень плотно поужинали, затем легли спать, приняв меры для того, чтобы ночь прошла без всяких злоключений. Если бы приходилось остерегаться лишь диких зверей, ягуаров или других хищников, Сайрес Смит попросту зажег бы костры вокруг лагеря, — это оказалось бы достаточной защитой; но пиратов огни костров скорее привлекли бы, чем испугали, и густой мрак являлся наилучшим средством обороны от них.

Установили строгий распорядок дозора: караульные по двое должны были следить за окрестностью и сменяться каждые два часа. Герберта, несмотря на его протесты, освободили от дежурства. Две пары караульных — Пенкроф с Гедеоном Спилетом и Сайрес Смит с Набом — по очереди стояли на страже близ лагеря.


CH. BARBANT

Впрочем, ночь была короткая, темнота скорее зависела от густой тени, царившей под ветвистыми деревьями, чем от отсутствия солнца. Тишину лишь изредка нарушал хриплый рев ягуара да язвительный хохот обезьян, видимо особенно раздражавший почтенного Юпа.

Ночь прошла спокойно, и на следующий день, 16 февраля, маленький отряд вновь двинулся через лес, где путь предстоял нелегкий, а главное, медленный.

В тот день прошли только шесть миль — поминутно приходилось останавливаться и действовать топором. Как настоящие хозяева, колонисты щадили большие красивые деревья, да и рубить их было очень утомительно, поэтому топоры рушили маленькие деревья, но из-за такого способа передвижения путь отнюдь не шел по прямой, а удлинялся от бесконечных изгибов и поворотов.

В этот день Герберт открыл в лесу новые породы деревьев, которые еще не встречались им на острове. Например, древовидные папоротники — перистые их листья ниспадали до земли, как струи фонтана в бассейне; рожковое дерево с длинными и очень вкусными сладкими стручками — онагры с удовольствием поедали их. Снова колонистам встретились тут купы великолеп-

ных каури, у которых ствол, подобный колонне, возносил на высоту в двести футов темный конус зелени. Эти деревья, царственные исполины лесов Новой Зеландии, так же знамениты, как кедры ливанские.

Фауна была представлена все теми же образцами животного мира, какие уже встречались на острове нашим охотникам. Правда, они мельком увидели вдалеке чету огромных птиц, характерных для природы Австралии, — один из видов казуаров, который называется эму; эти птицы высотою в пять футов, покрытые коричневыми перьями, принадлежат к отряду голенастых. Топ во весь дух помчался за ними вдогонку, но эму без труда опередили его, так как бегают они поразительно быстро.

С бандитами путникам не пришлось столкнуться, но следы их они опять обнаружили в лесу. Возле остатков потухшего костра — потухшего, видимо, недавно — они заметили отпечатки человеческих ног. Следы эти рассматривали с величайшим вниманием, один за другим, измерили их длину и ширину и без труда установили, что тут недавно проходило пять человек. В этом месте они, должно быть, делали привал; но при самом тщательном исследовании колонисты не

смогли обнаружить отпечаток ног шестого человека — значит, Айртона с пиратами не было.

— Айртона с ними не было! — сказал Герберт.

— Не было, — подтвердил Пенкроф, — а раз Айртона не было с ними, значит, негодяи убили его. Но послушайте-ка, видно, у этих мерзавцев нет логова, и поэтому нельзя устроить на них облаву, как на тигров.

— Да, логова у них нет, — заметил журналист. — Вероятнее всего, они бродят наугад по лесу. Так им выгоднее. Выжидают того часа, когда станут хозяевами острова.

— Хозяевами острова?! — воскликнул моряк. — Хозяевами острова! — повторил он глухим, сдавленным голосом, словно чья-то железная рука схватила его за горло. Потом, уже спокойнее, добавил: — А знаете, мистер Смит, какой пулей у меня ружье заряжено?

— Нет, Пенкроф, не знаю!

— Той самой пулей, что пробила грудь Герберту. И уж будьте уверены, я не промахнусь!

Но справедливое возмездие злодеям не могло вернуть жизнь Айртону; рассмотрев следы, отпечатавшиеся на сырой земле, колонисты вынуждены были сделать вывод, что нужно оставить всякую надежду когда-либо свидеться

с Айртоном!

В тот вечер лагерь разбили в четырнадцати милях от Гранитного дворца; Сайрес Смит считал, что до Змеиного мыса осталось не больше пяти миль.

Действительно, на следующий день дошли до этого мыса, и, следовательно, лес был пройден из конца в конец; но нигде колонисты не обнаружили ни малейших признаков, указывающих, куда скрылись пираты и где находилось потаенное убежище — приют таинственного незнакомца.

ГЛАВА XII

Исследование полуострова Извилистого. — Лагерь около устья Водопадной речки. — В шестистах шагах от кораля. — Гедеон Спилет и Пенкроф идут в разведку. — Их возвращение. — Вперед! — Открытая дверь. — Огонек в окне. — При свете луны

Следующий день, 18 февраля, был посвящен исследованию лесистой части побережья, тянувшейся от Змеиного мыса до Водопадной речки. Колонистам удалось основательным образом обследовать весь этот лес, который шел полосой от трех до четырех миль ширины, ограничен-

ной берегами полуострова. Могучие ветвистые деревья свидетельствовали о поразительном плодородии почвы — пожалуй, здесь земля была самой плодородной на всем острове. Казалось, сюда, в умеренный пояс, природа перенесла уголок девственных тропических лесов Америки или Центральной Африки. Очевидно, буйная растительность находила в этой почве, влажной в верхнем своем слое и согреваемой изнутри вулканическим огнем, тепло, не свойственное умеренному климату. Преобладающими породами в лесу были каури и эвкалипты, достигавшие тут гигантских размеров.

Но колонисты пришли сюда не для того, чтобы восхищаться великолепной растительностью. Они уже знали, что в этом отношении остров Линкольна мог потягаться с группой Канарских островов, которые сначала названы были Счастливыми островами. Теперь, увы, остров Линкольна уже не принадлежал им полностью — другие завладели им, на землю его ворвались изверги, и нужно было истребить их всех до единого.

На западном берегу колонисты, как ни искали, уже не нашли признаков пребывания пиратов — ни отпечатков ног, ни заломленных веток на

деревьях, ни золы потухшего костра, ни следов недавнего становища.

— Это меня не удивляет, — говорил товарищам Сайрес Смит. — Негодяи пристали к берегу около мыса Находки и сразу же пустились в леса Дальнего Запада, пройдя через Утиное болото. Шли они, вероятно, той же дорогой, что и мы, когда расстались с Гранитным дворцом. Оттого мы и наткнулись на следы, оставленные ими в лесу. Но, выбравшись на побережье, пираты поняли, что им не найти сносного убежища, и тогда они опять направились на север, обнаружили наш кораль…

— Может, они опять туда забрались, — сказал Пенкроф.

— Ну, не думаю… — ответил инженер. — Должны же они сообразить, что мы будем их разыскивать в той стороне. Для них наш кораль — место, где можно поживиться провиантом, а устраивать там лагерь они не станут.

— Я согласен с Сайресом, — заметил журналист. — По-моему, пираты будут искать убежище меж отрогов горы Франклина.

— Ну так нечего и раздумывать, мистер Смит. В кораль шагом марш! Надо с ними покончить. Что мы зря теряем время!

— Нет, друг мой, — ответил инженер. — Вы забыли, что для нас очень важно выяснить, нет ли в лесах Дальнего Запада некоего жилища. У нашей экспедиции двоякая цель, Пенкроф. Нам нужно покарать преступников и уплатить долг признательности.

— Правильно сказано, мистер Сайрес, — ответил моряк. — А все-таки, думается мне, таинственного джентльмена нам не найти, ежели он сам того не пожелает.

Пенкроф в сущности выразил мнение всех своих сотоварищей. Убежище незнакомца, вероятно, было не менее таинственным, чем он сам.

К вечеру тележка остановилась у самого устья Водопадной речки. Устроились на ночлег, приняв, как обычно, все меры предосторожности. Герберт вновь стал крепким и здоровым юношей, каким он был до болезни, ему пошла на пользу жизнь на вольном воздухе, океанские ветры и живительное благоухание лесов. Теперь он уже мог не ехать на тележке, а идти во главе каравана.

На следующий день, 19 февраля, колонисты расстались с побережьем, где за устьем речки живописно громоздились базальтовые глыбы самых причудливых очертаний и стали подни-

маться левым берегом вверх по течению. Дорога там была в значительной ее части расчищена во время прежних походов из кораля до западного берега. Колонисты уже находились в шести милях от горы Франклина.

Сайрес Смит предложил следующий план: держа под тщательным наблюдением всю долину, по которой пролегало русло реки, осторожно подойти к коралю; если кораль захвачен — отбить его силой; если он свободен — укрепиться там и сделать его средоточием дальнейших походов для обследования горы Франклина.

План этот был единодушно одобрен — ведь колонистам не терпелось вновь стать хозяевами на своем острове!

Итак, путники направились по узкой долине, разделявшей два самых больших отрога горы Франклина. Рощи, теснившиеся по берегам речки, редели, поднимаясь к вершине вулкана. Местность вокруг была гористая, изрезанная оврагами и ущельями, очень удобная для вражеских засад, и продвигаться тут следовало с большой осторожностью. Топа и Юпа пустили вперед: бросаясь то направо, то налево в лесные заросли, они прекрасно выполняли обязанности разведчиков, соперничая друг с другом в

сообразительности и ловкости. Однако не было никаких признаков, говоривших, что кто-то бродил недавно по берегам горного потока, что пираты находятся где-то поблизости.

Около пяти часов вечера тележка остановилась шагах в шестистах от частокола, служившего оградой кораля. Полукружие высоких деревьев закрывало ее завесой густых ветвей.

Надо было произвести разведку, узнать, не захвачен ли кораль. Но если там засели бандиты, двинуться к коралю открыто, когда светило еще солнце, значило подставлять себя под выстрелы и получить пулю в грудь, как это случилось с Гербертом. Решили, что будет разумнее дождаться темноты.

Однако Гедеону Спилету хотелось, не мешкая, разведать подступы к коралю, и Пенкроф, совсем уже потерявший терпение, намеревался пойти вместе с ним.

— Нет, друзья мои, — ответил инженер. — Дождитесь темноты. Я не позволю вам бесцельно рисковать жизнью.

— Да что же это, мистер Сайрес!.. — недовольно воскликнул моряк, выйдя из повиновения.

— Успокойтесь, прошу вас, Пенкроф! — сказал инженер.

— Есть успокоиться! — ответил моряк и, дав волю своему гневу против пиратов, принялся честить их на все корки, пустив в ход самые энергичные выражения матросского лексикона.

Итак, колонисты ждали, собравшись около тележки, и внимательно следили за тем, что делается по соседству, в лесу.

Так прошло три часа. Ветер спал. Под высокими деревьями воцарилась тишина, столь глубокая, что она выдала бы самый слабый звук: легкий хруст сломившейся тоненькой веточки, шорох осторожных шагов по сухим листьям, шелест травы, примятой ползущим человеком. Все кругом было спокойно. Топ неподвижно лежал на земле, положив морду на вытянутые лапы, и не проявлял ни малейшей тревоги.

К восьми часам уже достаточно стемнело, и, казалось, все благоприятствовало разведке. Гедеон Спилет заявил, что он готов отправиться вместе с Пенкрофом. Сайрес Смит дал на это согласие. Топу и Юпу пришлось остаться с инженером, Гербертом и Набом: ведь собака могла залаять, а Юп — испустить крик, и этот неуместный шум всполошил бы врагов.

— Зря собой не рискуйте, — сказал Сайрес Смит моряку и журналисту. — Ваша задача не захват

кораля, а разведка. Узнайте, засели там бандиты или нет.

— Решено, — ответил Пенкроф.

И оба разведчика тронулись в путь.

В лесу под деревьями уже стояла такая темень, что в тридцати — сорока футах ничего не было видно. Журналист и Пенкроф ступали осторожно и застывали на месте при малейшем подозрительном звуке.

Они шли на некотором расстоянии друг от друга, не желая представлять удобную мишень. Надо сказать, что они каждую минуту ждали выстрела.

Через пять минут Гедеон Спилет и Пенкроф уже вышли на опушку леса; перед ними была поляна, а в конце ее — частокол, окружавший кораль.

Они остановились. Бледный, сумеречный свет еще озарял поляну. В тридцати шагах от себя разведчики увидели ворота кораля. Они казались запертыми. Надо было пройти расстояние в тридцать шагов — от опушки леса до ограды. Но по терминологии, употребляемой в баллистике, пространство это представляло собой «опасную зону». Действительно, несколько пуль и даже одинокий выстрел могли уложить на месте всякого, кто дерзнул бы появиться в этой «опасной

зоне».

Гедеон Спилет и моряк никогда не отступали перед опасностями, но они хорошо понимали, что сейчас любая неосторожность могла оказаться роковой не только для них самих, но и для товарищей. Если убьют разведчиков, что станется с Сайресом Смитом, Набом и Гербертом?

Правда, Пенкроф, возбужденный близостью врагов — ведь он предполагал, что разбойники укрылись в корале, — уже двинулся было вперед, но журналист крепко схватил его за плечо.

— Через несколько минут будет совсем темно, — прошептал он на ухо Пенкрофу. — Тогда и приступим.

Пенкроф остановился, крепко сжимая ствол своего ружья, и замер в ожидании, проклиная про себя бандитов.

Вскоре угасли последние, тусклые отсветы. Поляну окутал мрак, словно выползавший из лесной чащи. Гора Франклина высилась, будто огромный заслон, закрывавший полосу заката, быстро настала тьма, как это бывает в низких широтах. Пора было действовать.

С той минуты, как журналист и Пенкроф остановились на опушке леса, они не теряли из виду ограду. Казалось, в корале никого нет. Гребень ограды выделялся в темноте черной линией, и ничто не изменяло его четких очертаний. Однако, будь в корале пираты, им пришлось бы поставить тут дозорного, чтобы обезопасить себя от всякого рода неприятных неожиданностей.

Гедеон Спилет сжал руку своему товарищу, и оба ползком двинулись к коралю, взяв ружья на изготовку.

Они подобрались к воротам: во мраке не мелькнуло ни единой искорки света.

Пенкроф попробовал отворить ворота, но пред-

положения его самого и журналиста были верны — ворота оказались запертыми, и запертыми изнутри: моряк убедился, что наружные засовы не задвинуты. Из этого можно было заключить, что пираты находятся в корале и, по всей вероятности, заперлись крепко-накрепко, чтобы к ним не могли ворваться.

Гедеон Спилет и Пенкроф прислушались.

За оградой царила мертвая тишина. Должно быть, муфлоны и козы спали, из хлевов не доносилось ни звука.

Не слыша ни малейшего шума, журналист и Пенкроф уже подумывали, не перелезть ли им через ограду. Однако это противоречило указаниям Сайреса Смита.

Попытка могла увенчаться успехом, но она могла привести и к поражению. Ведь если пираты ничего не подозревают о готовящемся нападении, то сейчас есть возможность захватить их врасплох. И разве можно рисковать, все испортить, неосмотрительно перебравшись через ограду?

Журналист не хотел действовать очертя голову. Он думал — не лучше ли подождать, пока все соберутся, а тогда уж попытаться проникнуть в кораль. Во всяком случае, ясно было, что к ограде можно подобраться незаметно и что ее никто

не охраняет. Установив это обстоятельство, разведчики решили вернуться к своим и обсудить с ними положение.

Пенкроф, очевидно разделявший теперь эту точку зрения, безропотно последовал за журналистом, когда тот повернул обратно, к лесу.

Несколько минут спустя инженер уже знал, как обстоит дело.

— Прекрасно, — сказал он после краткого размышления. — Я думаю, что бандитов в корале нет.

— А мы это сейчас проверим, — заметил Пенкроф. — Стоит только перелезть через ограду.

— Вперед, друзья! — воскликнул Сайрес Смит.

— Тележку в лесу оставим? — спросил Наб.

— Нет, — ответил инженер. — Это наш обозный фургон для военного снаряжения и провианта. А в случае нужды тележка послужит нам и укрытием.

— Ну, в путь! — сказал Гедеон Спилет.

Тележка выехала из леса и бесшумно покатила к коралю. Кругом был такой же непроглядный мрак, как и в ту минуту, когда Пенкроф с журналистом ползком пробирались по поляне. Густая трава заглушала шаги.

Колонисты приготовились открыть огонь. Юпу

моряк велел двигаться позади. Наб держал Топа на сворке, чтоб он не кинулся вперед.

Вскоре подошли к поляне. На ней никого не было. Маленький отряд смело двинулся к ограде. Быстро пересекли «опасную зону». Ни один выстрел не нарушил тишины. Тележка остановилась у частокола. Наб остался около онагров, чтобы сдерживать их. Инженер, журналист, Герберт и Пенкроф направились к воротам, посмотреть не забаррикадированы ли они изнутри.

Одна створка оказалась отворенной!

— Ну, а вы что говорили? — спросил инженер, повернувшись к моряку и Гедеону Спилету.

Оба они были ошеломлены.

— Клянусь честью, — воскликнул Пенкроф, — ворота только что были заперты!

Колонисты стояли в нерешительности. Ведь пираты были в корале, когда Пенкроф и журналист подходили к ограде, производя разведку. Сомнений тут быть не могло. Кто же, кроме самих разбойников, отпер крепко запертые изнутри ворота? А сидят ли они еще в корале? Или кто-нибудь из них вышел оттуда?

Все эти вопросы проносились в уме у каждого, но как найти на них ответ?

В эту минуту Герберт, пройдя несколько шагов

по двору, бросился обратно и схватил за руку Сайреса Смита.

— Что ты увидел? — спросил инженер.

— Свет.

— В доме?

— Да.

Все пятеро подошли к воротам. Действительно, прямо напротив них, в окне, мерцал тусклый огонек. Сайрес Смит быстро принял решение.

— Удача необыкновенная! — сказал он. — Бандиты, верно, заперлись в доме и не ждут нападения. Они в наших руках! Вперед!

Колонисты прокрались во двор, держа наготове ружья. Тележку оставили за оградой под охраной Юпа и Топа, из осторожности привязав их к самой тележке.

Сайрес Смит, Пенкроф, Гедеон Спилет — с одной стороны, а Герберт и Наб — с другой, бесшумно прокрались вдоль ограды. Кругом было темно и безлюдно.

Через несколько мгновений все были около дома, у запертой двери.

Сайрес Смит знаком велел товарищам не шевелиться и заглянул в окно, слабо освещенное изнутри.

Он окинул взглядом комнату — единственную

в нижнем этаже дома.

На столе горел фонарь. Рядом со столом стояла кровать, на которой когда-то спал Айртон.

На кровати кто-то лежал.

Вдруг Сайрес Смит отпрянул от окна и произнес вполголоса:

— Айртон!

Тотчас же дверь отворили, вернее, выломали, и колонисты бросились в комнату.

Айртон, казалось, спал. Лицо у него было измученное, говорившее о долгих и жестоких страданиях. На запястьях и на щиколотках виднелись кровоточащие ссадины.

Сайрес Смит наклонился над ним.

— Айртон! — воскликнул инженер и схватил спящего за руки.

При каких необыкновенных обстоятельствах произошла эта неожиданная встреча!

Айртон открыл глаза и посмотрел на Сайреса Смита, потом обвел взглядом всех остальных.

— Вы? — воскликнул он. — Неужели это вы?

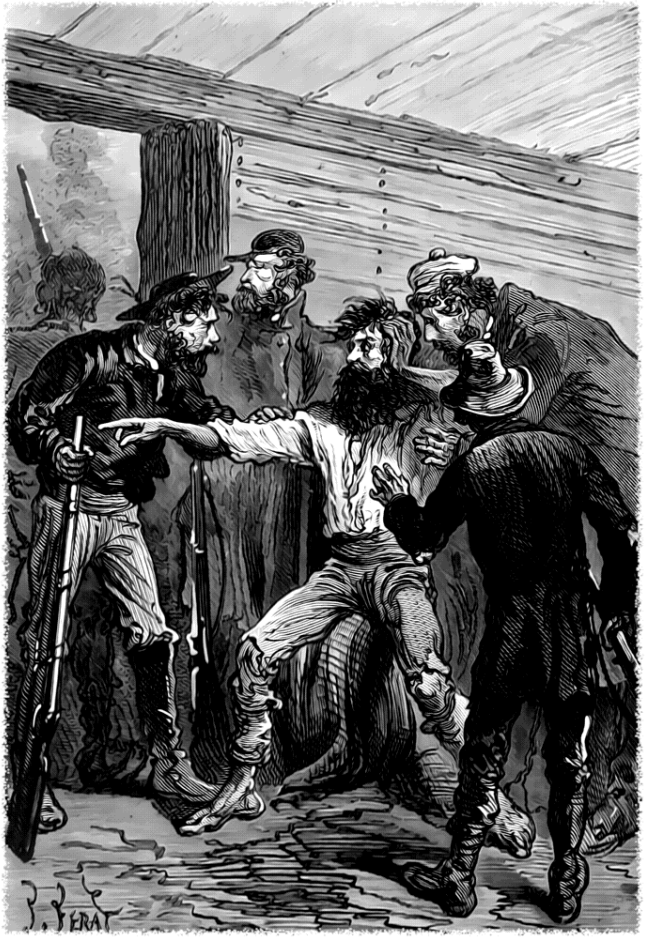
— Айртон! Айртон! — повторял Сайрес Смит.

— Где я?

— В нашем корале.

— Один?

— Да.


P. Perat

— Но они сейчас придут! — воскликнул Айртон. — Защищайтесь! Защищайтесь!

И в изнеможении он упал на кровать.

— Спилет, — сказал инженер, — на нас с минуты на минуту могут напасть. Завезите тележку во двор. Потом заприте хорошенько ворота и все возвращайтесь сюда.

Пенкроф, Наб и журналист поторопились выполнить распоряжение инженера. Нельзя было терять ни минуты. Может быть, тележка уже попала в руки пиратов.

В одно мгновение журналист с двумя товарищами промчались через двор, но, выбежав за ограду, услышали глухое рычание Топа.

Оставив на минуту Айртона, инженер вышел за порог и взял ружье на изготовку. Герберт встал рядом с ним. Оба настороженно смотрели на гребень отрога, возвышавшийся над коралем. Если бандиты устроили там засаду, они могли перестрелять всех колонистов одного за другим.

В это мгновение над черной завесой лесных зарослей выплыла луна, и стало светло как днем. Лунное сияние озарило весь кораль, разбросанные по нему купы деревьев, орошавший его ручеек и широко расстилавшийся ковер зеленой травы. В той стороне, где высилась гора Франкли-

на, дом и часть ограды, залитые лунным светом, казались совсем белыми, а на противоположной стороне, в тени, ограда тянулась темной стеной.

Вскоре в светлом круге появилось что-то громоздкое и черное — это въехала во двор тележка, и Сайрес Смит услышал, как захлопнулись ворота и загремели засовы.

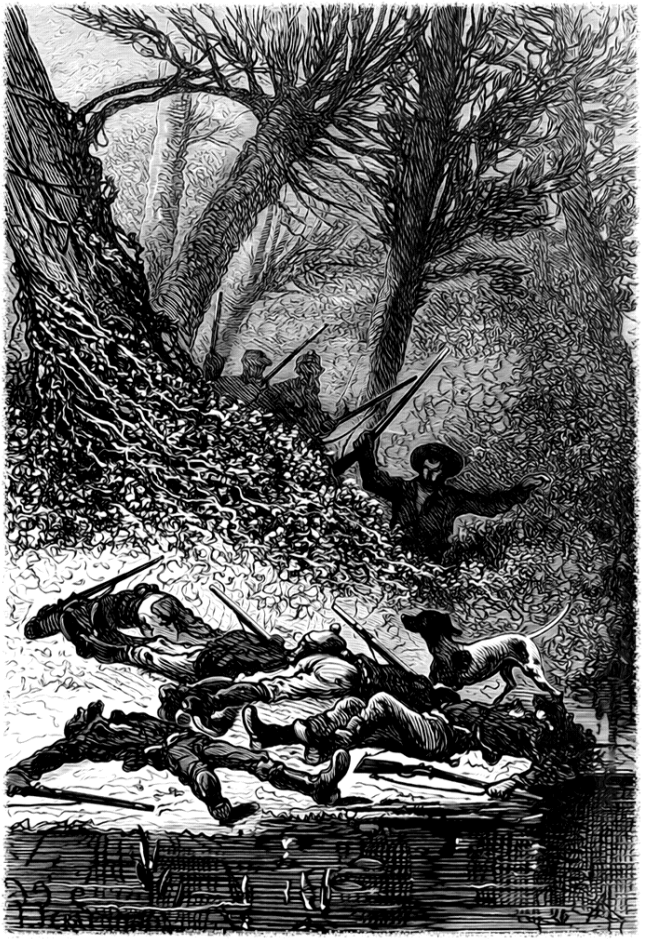
Но в эту минуту Топ, сорвавшись с привязи и заливаясь яростным лаем, бросился в глубину кораля, вправо от дома.

— Осторожней, друзья! Цельсь! — крикнул Сайрес Смит.

Колонисты вскинули ружья и уже готовы были выстрелить. Топ лаял, не умолкая, а Юп, подбежав к нему, пронзительно засвистел.

Колонисты двинулись за ними следом и вышли к ручейку, бежавшему под высокими деревьями.

И что же увидели они у берега, озаренного, ярким светом луны!



На траве лежало пять трупов!

Это были те самые бандиты, которые четыре месяца назад высадились на остров Линкольна!

ГЛАВА XIII

Рассказ Айртона. — Планы его бывших сообщников. — Захват кораля. — Вершитель правосудия на острове Линкольна. — «Бонадвентур». — Поиски вокруг горы Франклина. — Верхние долины. — Подземный гул. — Ответ Пенкрофа. — На дне кратера. — Возвращение

Что же случилось? Кто сразил пиратов? Может быть, Айртон? Нет, ведь за минуту до этого он так боялся их возвращения!

А тем временем Айртоном овладел глубокий сон, невозможно было его добудиться. Произнеся те немногие слова, которые мы привели, он рухнул на постель и лежал неподвижно в тяжелом забытьи.

Теряясь в догадках, колонисты всю ночь не спали от волнения, никто не выходил из дома, не решился еще раз побывать на том месте, где лежали трупы пиратов. Вероятно, Айртон не мог бы сказать, при каких обстоятельствах они нашли

смерть, ведь бедняга даже не знал, что он находится в корале. Но, возможно, ему известно было, что произошло перед этой ужасной казнью.

На следующий день Айртон очнулся от забытья, и все сердечно радовались, что после ста четырех дней разлуки видят его живым и почти здоровым.

И тут Айртон вкратце передал, что произошло, — во всяком случае то, что он знал.

Десятого ноября, на следующий день после возвращения Айртона в кораль, как только стемнело, через ограду перелезли пираты и схватили его. Связав Айртона, злодеи заткнули ему рот и отвели к подножию горы Франклина, в одну из тех темных пещер, где они укрывались.

Его обрекли на смерть и собирались убить на следующий день. Но вдруг один из пиратов узнал его и назвал тем именем, которое он носил в Австралии. Негодяи, намеревавшиеся замучить Айртона, не посмели тронуть Бена Джойса.

Но с той минуты, как Айртона узнали, ему пришлось бороться против требований своих бывших соратников. Они решили перетянуть его на свою сторону, рассчитывая, что он поможет им завладеть Гранитным дворцом; они надеялись, что, проникнув в это неприступное убежище,

перебьют колонистов и станут хозяевами на острове!

Айртон не поддавался. Бывший разбойник, искупивший вину раскаянием и заслуживший прощение, скорее умер бы, чем выдал своих товарищей.

Его связали, заткнули ему рот и почти четыре месяца держали в пещере, не спуская с него глаз.

Вскоре после высадки на остров пираты обнаружили кораль и с тех пор добывали себе в нем съестные припасы, но не пожелали там поселиться. Двое из этих бандитов 11 ноября натолкнулись на колонистов и стреляли в Герберта; возвратившись к своим собратьям, один из них хвастался, что «ухлопал» кого-то из обитателей острова; но преступник вернулся один — его сообщника, как нам уже известно, сразил кинжал Сайреса Смита.

Нетрудно представить себе тревогу и скорбь Айртона, когда он услышал слова разбойников о смерти Герберта. Значит, колонистов осталось только четверо, и они теперь в полной власти пиратов!

После этого события, в течение тех дней, когда колонисты находились в домике Айртона, где их удерживала болезнь Герберта, пираты прятались

в пещере, и, даже опустошив плато Кругозора, они из осторожности не расстались со своим убежищем.

С Айртоном стали обращаться еще хуже. На руках и ногах у него остались кровавые следы от веревок, которыми его связывали. Каждую минуту он ждал смерти и считал свою гибель неминуемой.

Так обстояло дело до середины февраля. Разбойники все выжидали благоприятного случая для нападения на колонистов и редко выползали из своего логова, лишь предпринимали несколько раз вылазки для охоты, промышляя то внутри острова, то добираясь до южного берега. До Айртона больше не доходило ни единой вести о его друзьях, и он уже потерял всякую надежду увидеть их!

Наконец несчастный так ослабел от мучений, которым его подвергали, что впал в полную прострацию и, находясь в таком состоянии уже два дня, ничего не видел, ничего не слышал и не мог сказать, что произошло.

— Не знаю, мистер Смит, как это получилось, что лежал я связанный в пещере, а вдруг опять очутился в корале.

— А как случилось, что пираты лежат мертвые

в ограде кораля? — спросил инженер.

— Мертвые? — воскликнул Айртон и, несмотря на свою слабость, даже приподнялся на кровати.

Товарищи поддержали его. Он хотел встать с постели, ему помогли подняться, и все вместе направились к ручейку.

Уже совсем рассвело.

На берегу ручья лежали бездыханные тела в тех позах, в каких, верно застала пиратов мгновенная смерть.

Айртон был потрясен. Сайрес Смит и все его товарищи молча смотрели на него.

По знаку инженера Наб и Пенкроф осмотрели трупы, уже закоченевшие на холоде.

Никаких ранений у мертвецов не обнаружили. И, лишь вглядевшись самым внимательным образом, Пенкроф заметил у каждого из них маленькое красное пятнышко, словно след от ушиба: у одного пятнышко было на лбу, у другого — на груди, у того — на спине, у этого — на плече. Откуда взялись эти пятнышки, установить было невозможно.

— Вот как они были убиты! — сказал Сайрес Смит.

— Но каким оружием? — изумленно сказал журналист.

— И кто же их убил? — спросил Пенкроф.

— Вершитель правосудия на нашем острове, — ответил Сайрес Смит, — тот, кто перенес вас сюда, Айртон; тот, кто своим вмешательством столько раз спасал нас; тот, кто делает для нас все, что мы не в силах сделать сами, и сделав это, таится от нас.

— Поищем же его! — воскликнул Пенкроф.

— Да, мы будем его искать, — отозвался Сайрес Смит. — Но где скрывается это могущественное существо, совершившее для нас столько чудес, мы откроем лишь в том случае, если ему угодно будет позвать нас к себе.

Покровительство невидимого благодетеля, сводившее на нет их собственные усилия, и раздражало и вместе с тем глубоко трогало Сайреса Смита. Всякий раз его вмешательство говорило об относительной беспомощности самого Сайреса Смита, а для гордых душ такое чувство обидно. В великодушной помощи, которую оказывают скрытно, избегая всяких изъявлений благодарности со стороны тех, кому оказывают благодеяние, есть известная доля высокомерия, и, по мнению Сайреса Смита, это уменьшало цену благодеяния.

— Будем его искать, — повторил инженер, — и,

дай бог, чтобы нам удалось когда-нибудь доказать нашему высокомерному покровителю, что нас нельзя назвать неблагодарными! Чего бы я не дал, лишь бы воздать ему добром за добро и хотя бы ценою своей жизни оказать ему какую-нибудь важную услугу!

С того дня поиски незнакомца стали единственной заботой обитателей острова Линкольна. Все побуждало их найти ключ этой загадки, узнать имя человека, обладающего поистине необъяснимым, каким-то сверхъестественным могуществом.

Колонисты поспешили возвратиться в дом, и их заботы быстро возвратили Айртону душевные и телесные силы.

Наб и Пенкроф перенесли трупы пиратов в лес, подальше от кораля, и глубоко зарыли их в землю.

Затем Айртону рассказали, что произошло в то время, как он был в плену. Он узнал тогда о ранении Герберта и о всех испытаниях, выпавших на долю колонистов. Товарищи сказали ему, что они уже не надеялись свидеться с ним, так они боялись, что безжалостные преступники зверски убили его.

— А теперь, — сказал в заключение Сайрес

Смит, — нам остается выполнить свой долг. Половина нашей задачи решена. Однако если теперь нам уже нечего бояться пиратов и мы вновь стали хозяевами острова, то обязаны мы этим не самим себе.

— Прекрасно, — отозвался Гедеон Спилет, — обыщем весь этот лабиринт ущелий между отрогами горы Франклина. Не пропустим ни одного грота, ни одной впадины! Ах я думаю, еще ни одному журналисту не приходилось разгадывать такой увлекательной тайны!

— И мы не вернемся в Гранитный дворец, пока не найдем нашего благодетеля, — сказал Герберт.

— Да, — подтвердил инженер. — Мы сделаем все, что в силах человеческих… Но, повторяю, найти его нам удастся лишь в том случае, если он сам того пожелает!

— Останемся в корале, — предложил Пенкроф.

— Останемся, — согласился Сайрес Смит. — Провианта здесь много, и, кроме того, мы находимся в самом центре той местности, где будем производить поиски. И отсюда, если понадобится, можно быстро съездить на тележке в Гранитный дворец.

— Правильно, — сказал моряк. — Имею только

одно замечание.

— Какое?

— Вот уже лето приближается, и не надо забывать, что нам предстоит путешествие.

— Какое путешествие? Куда? — спросил Гедеон Спилет.

— На остров Табор, — ответил Пенкроф. — Надо же оставить там записку, указать в ней координаты нашего острова и сообщить, где теперь находится Айртон, на тот случай, если шотландская яхта придет за ним. Кто знает, может, мы уже опоздали.

— Подождите, Пенкроф, — сказал Айртон. — На чем вы думаете добраться до острова Табор?

— На нашем корабле!

— На вашем корабле? — воскликнул Айртон. — Его уж больше нет.

— Как, корабля больше нет?! — закричал Пенкроф, вскочив на ноги.

— Да, Пенкроф, — сказал Айртон. — Неделю тому назад пираты разыскали его в маленькой бухточке, вышли на нем в море и…

— И что же?.. — с замиранием сердца спросил Пенкроф.

— Ведь у них теперь нет Боба Гарвея, значит, некому вести корабль… Ну, они и наткнулись на

рифы. Суденышко ваше разбилось.

— Ах негодяи! Ах бандиты! Подлецы проклятые! — воскликнул моряк.

— Пенкроф, — сказал Герберт, взяв его за руку. — Мы построим другой корабль, еще лучше и больше прежнего. Ведь у нас теперь есть все железные части, весь такелаж и паруса с пиратского брига!

— А вы знаете, сколько времени надо, чтобы построить судно водоизмещением в тридцать — сорок тонн? — горестно заметил Пенкроф. — На это уйдет месяцев пять, а то и полгода.

— Сколько понадобится, столько и потратим времени, но построим судно, — ответил журналист. — А в этом году не поедем на остров Табор.

— Ну, что ж поделаешь, Пенкроф, — утешал его инженер.

— Случилось несчастье, надо перенести его. Будем надеяться, что отсрочка поездки на Табор не принесет нам вреда.

— Эх, «Бонадвентур»! Бедный мой «Бонадвентур»! — воскликнул Пенкроф, глубоко потрясенный утратой суденышка, которым он так гордился.

Гибель корабля действительно была большой потерей для колонистов, и они твердо решили

как можно скорее поправить беду. Но сейчас единственной их заботой было обследование всех тайников, имевшихся на острове.

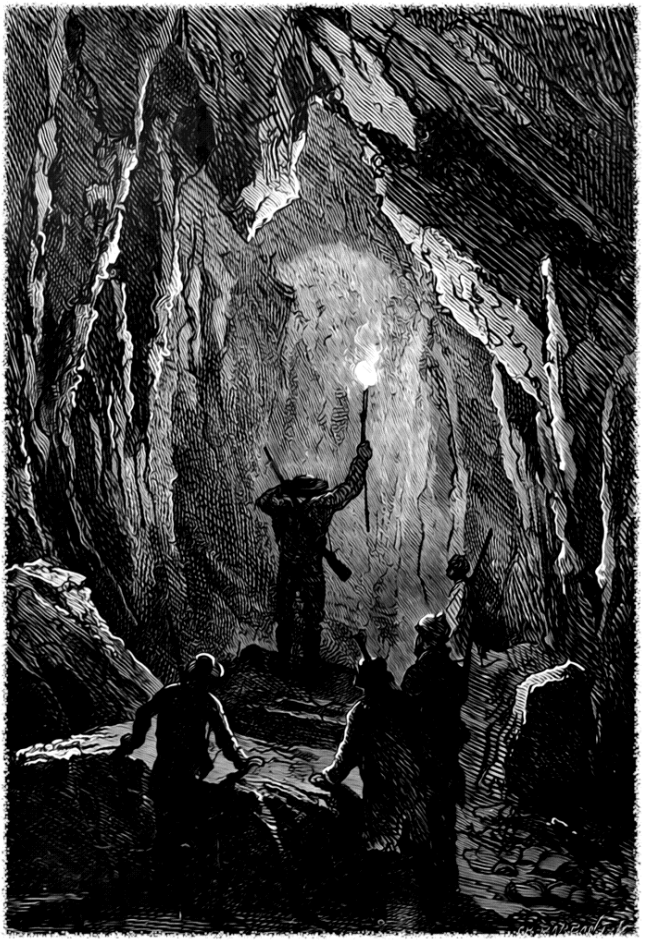
Поиски начались в тот же день, 19 февраля, и длились целую неделю. У подножия горы Франклина, между ее отрогами и многочисленными их разветвлениями, извивался настоящий лабиринт долин и оврагов, расположенных чрезвычайно прихотливо. Очевидно, искать нужно было в этих узких ущельях, может быть даже в недрах горы. Человеку, желавшему оставаться для всех неведомым, легче всего было устроить себе потаенное жилище именно в этой части острова. Отроги так хаотически переплетались меж собою, что Сайресу Смиту пришлось вести поиски со строжайшей методичностью.

Прежде всего обследованы были все долины у южного склона вулкана и у истоков Водопадной речки. Айртон показал колонистам убежище бандитов — ту пещеру, где он томился в заключении, пока его не перенесли в кораль. В пещере все было в том же виде, как и при Айртоне. И так же, как при нем, лежали там оружие, порох, пули и провиант, которые бандиты похитили и держали в своем логове про запас.

Колонисты тщательно обследовали всю сосед-

нюю с пещерой долину, поросшую прекрасными деревьями, главным образом хвойными; затем, обогнув оконечность юго-западного отрога, они направились в узкое ущелье, доходившее до живописного нагромождения базальтовых глыб на побережье.

Здесь деревьев было меньше. Траву заменил камень. Среди утесов прыгали дикие козы и муфлоны. Тут начиналась бесплодная часть острова. Уже можно было заметить, что из многочисленных долин, разветвлявшихся у подножия горы Франклина, только три богаты лесом и пастбищами, как, например, долина, избранная для кораля и граничившая на западе с долиной Водопадной речки, а на востоке — с долиной Красного ручья. Оба эти ручья начинались где-то в горах, а ниже, вобрав в себя несколько притоков, они превращались в речки, орошавшие южную часть острова. Реку Благодарения питали главным образом обильные родники, терявшиеся в густой чаще леса Жакамара; бесчисленные струйки подпочвенных вод, изливавшихся такими же родниками, орошали полуостров Извилистый.



Одна из вышеупомянутых долин, где не было недостатка в питьевой воде, вполне подходила для убежища какого-нибудь отшельника, — он мог найти тут все необходимое для жизни. Колонисты тщательно исследовали все три долины, но нигде не обнаружили присутствия человека.

Где же таинственный незнакомец нашел себе пристанище? Может быть, на северном склоне, в диких ущельях, среди обвалившихся скал, в бесплодных теснинах, между застывшими потоками лавы?

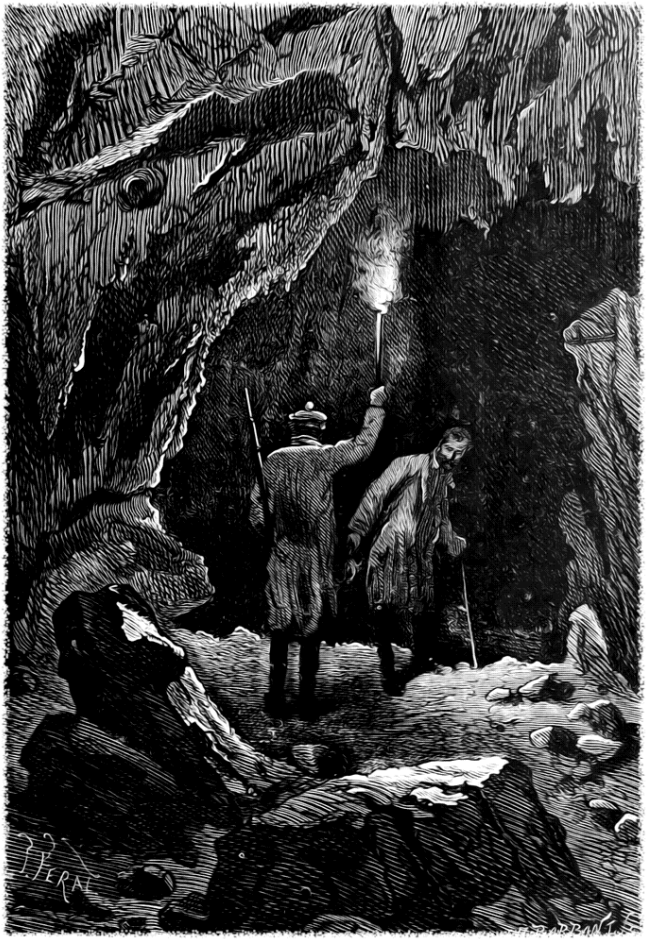
У подошвы горы Франклина с северной стороны пролегали только две широкие и неглубокие долины; они были совсем лишены зелени, усеяны валунами, испещрены длинными полосами морен и потоками застывшей лавы, меж которых вздымались буграми вулканические горные породы и лежали россыпью мелкие обломки обсидиана и лабрадоритов. Эта часть острова потребовала долгих и трудных исследований. В склоны горы врезалось здесь множество пещер, конечно, совсем неудобных для жилья, но совершенно скрытых от глаз и почти неприступных. Колонисты осмотрели даже темные туннели, возникшие еще в эпоху образования острова. При свете смоляных факелов исследователи про-

шли по всем этим мрачным галереям, обыскали каждый грот, исследовали каждую впадину. Всюду тишина и мрак. Казалось, никогда еще по этим древним подземным ходам не ступала нога человека, никогда он не передвинул тут ни единого камня. Все оставалось таким же, как в те бесконечно далекие времена, когда подземный огонь извергнул со дна морского эти глыбы и над водами океана поднялся остров.

Но хотя эти глубинные ходы казались совершенно пустынными и в них царил беспросветный мрак, Сайресу Смиту пришлось убедиться, что они не были царством абсолютной тишины.

Проходя по одной из этих мрачных пещер, врезавшихся в толщу горы на несколько сот футов, он, к удивлению своему, услышал доносившийся издалека рокот, который отдавался эхом под каменными сводами подземной галереи.

Гедеон Спилет, который шел вместе с ним, тоже услышал этот отдаленный гул, указывавший, что в недрах вулкана ожил потухший огонь. Оба прислушались: глухие раскаты повторились несколько раз; очевидно, в глубинах земли происходил некий геологический процесс.



— Значит, вулкан еще не совсем потух? — сказал журналист.

— Возможно, что, с тех пор как мы обследовали кратер, — ответил Сайрес Смит, — в нижних пластах горы начались какие-то процессы. В любом вулкане, который считается потухшим, может снова разгореться огонь.

— Но если огнедышащая гора Франклина оживает и готовится новое извержение, то разве острову Линкольна не грозит опасность? — спросил Гедеон Спилет.

— Не думаю, — ответил инженер. — Ведь кратер вулкана играет роль предохранительного клапана; избыток паров и лавы, как и прежде, вырвется через этот привычный канал.

— Если только лава не проложит себе новый выход в направлении плодородной части острова…

— Да почему же это будет так, дорогой Спилет? — ответил Сайрес Смит. — Почему лава уклонится от того пути, который ей проложила сама природа?..

— Ну, вулканы очень капризны, — ответил журналист.

— Заметьте, — возразил инженер, — что наклон всей горы Франклина благоприятствует

стоку изверженной лавы к тем самым долинам, которые мы сейчас обследуем. Для того чтобы она потекла в другую сторону, должно произойти перемещение центра тяжести, что возможно только в результате землетрясения.

— Но ведь в таких случаях, насколько я знаю, всегда следует опасаться землетрясения, — заметил Гедеон Спилет.

— Всегда! — подтвердил инженер. — Особенно когда подземные силы начинают пробуждаться после долгого отдыха, а кратер огнедышащей горы закупорен. Право, дорогой Спилет, извержение вулкана может стать для нас большим бедствием, и лучше бы он никогда не пробуждался, а спал себе мирным сном. Но тут уж мы бессильны, не правда ли? Однако, что бы ни случилось, я полагаю, что нашим плантациям на плато Кругозора не грозит серьезной опасности. Между плато и горой лежит довольно глубокая впадина, и если когда-нибудь лава потечет по направлению к озеру, она польется из этой впадины в сторону дюн и к заливу Акулы.

— А ведь мы еще не видели над вершиной горы ни малейшего дымка, предвещающего близость извержения, — заметил Гедеон Спилет.

— Да, не видели, — сказал Сайрес Смит. — Над

кратером нет ни одного облачка пара, я только вчера внимательно наблюдал за макушкой горы. Но возможно, что в течение веков кратер снизу крепко забили каменные глыбы, вулканический пепел, застывшая лава, и, следовательно, предохранительный клапан, о котором я говорил сейчас, слишком плотно закупорен. Однако при первом же серьезном толчке все это взлетит на воздух, и будьте уверены, дорогой Спилет, что ни остров, который можно сравнить с паровым котлом, ни вулкан — его топка — не взорвутся от давления газов. И все же, повторяю, пусть лучше не будет извержения.

— А меж тем мы с вами не ошибаемся: очень хорошо слышен глухой рокот. В недрах вулкана что-то происходит!..

— Да, да, — ответил инженер, настороженно прислушиваясь.

— Ошибиться невозможно… Тут, несомненно, происходит какой-то процесс, но его значение и окончательный результат пока еще нельзя предвидеть.

Выйдя из пещеры, Сайрес Смит и Гедеон Спилет разыскали своих товарищей и рассказали им о своих наблюдениях.

— Вот оно как! — воскликнул Пенкроф. — Вул-

кан опять вздумал приняться за свои проделки. Пусть только попробует. Найдется и на него управа!..

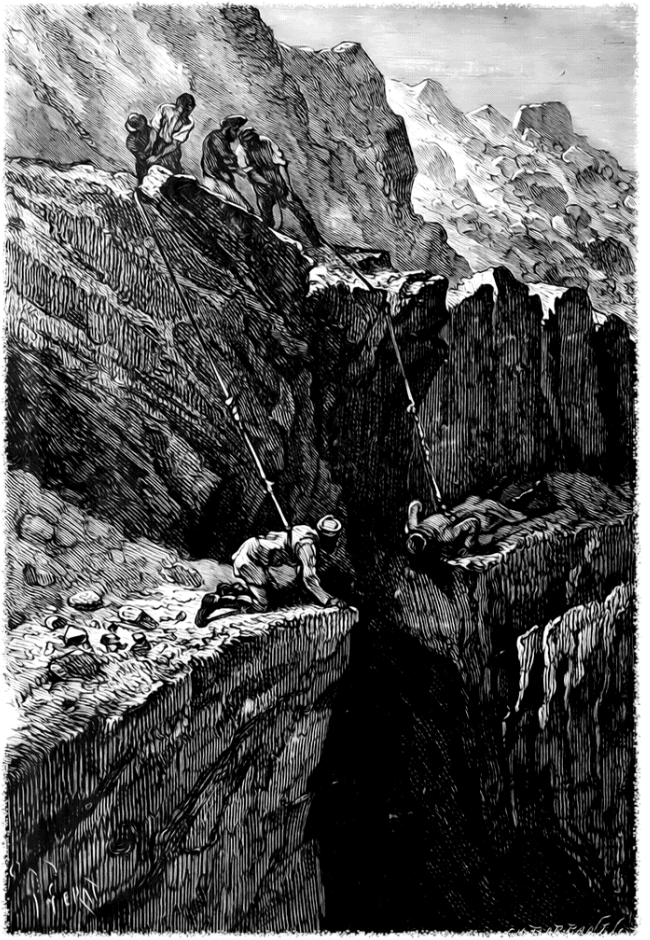
— Кто же с ним справится? — спросил Наб.

— Наш покровитель, Наб, наш добрый гений. Уж он заткнет кратер, если вулкан попытается разинуть свою глотку!

Как видят читатели, вера Пенкрофа в новоявленное божество, повелевающее островом, была непреложна, да и, надо сказать, таинственная сила, проявлявшаяся до сих пор во многих и многих случаях, казалась всемогущей. Но этот чародей ускользал от самых тщательных поисков, и, невзирая на все старания колонистов, на их усердие и, главное, на их упорство в исследовании острова, скрытое убежище до сих пор не было обнаружено.

С 19 по 25 февраля круг розысков расширился и захватил всю северную часть острова; обысканы были самые укромные уголки. Дело доходило до того, что колонисты выстукивали склоны утесов, как выстукивает стены полиция, производя обыск в подозрительном доме. Инженер даже составил очень точную карту горы и ее отрогов, и колонисты обошли их все до самых отдаленных уголков. Исследовали они также и верхнюю тер-

расу и возвышавшуюся на ней конусообразную вершину, вплоть до снеговой шапки, белевшей на ее макушке, в которой, зияла воронка кратера.



Больше того: спускались даже в самую воронку кратера, еще не дышавшего огнем, хотя в глубине пропасти уже ясно слышался зловещий рокот. Однако из кратера не поднималось ни единой струйки дыма, ни единого облачка пара, стенки его нисколько не нагрелись — словом, ничто не предвещало близкого извержения. И нигде — ни на вершине горы, ни на ее склонах, — решительно нигде колонисты не нашли ни малейших следов пребывания незнакомца, которого они искали.

Тогда стали производить розыски по всей полосе дюн. Тщательно осмотрели и высокие берега залива Акулы, представлявшие собой отвесную стену из застывшей лавы, исследовали ее сверху донизу, хотя очень трудно было спускаться к морю по этой круче. Нигде никого!

Слова эти верно выражали плачевный результат бесплодных поисков, потребовавших столько утомительных усилий, столько упорства, и не удивительно, что такая незадача вызвала у Сайреса Смита и его товарищей чувство горького разочарования.

Пришлось, однако, подумать о возвращении домой — поиски не могли продолжаться до бесконечности. Теперь у колонистов были все

основания считать, что убежище таинственного незнакомца находится не на поверхности острова, и тогда у каждого в разгоряченном воображении зародились самые безумные предположения. В особенности много фантазировали Пенкроф и Наб; они не только создавали в своих домыслах странный образ, но уносились в волшебный, сказочный мир.

Двадцать пятого февраля колонисты возвратились в Гранитный дворец. При помощи двойного каната, который привязали к стреле и закинули на выступ площадки, они восстановили сообщение между своим жилищем и берегом.

Месяц спустя, 24 марта, поселенцы праздновали третью годовщину своего пребывания на острове Линкольна.

ГЛАВА XIV

Прошло три года. — Вопрос о постройке нового корабля. — Решение. — Колония процветает. — Судостроительная верфь. — Холода в Южном полушарии. — Пенкроф смиряется. — Стирка белья. — Гора Франклина

Прошло три года с тех пор, как пленники бе-

жали из Ричмонда. Сколько раз за эти три года они говорили о своей родине. Никогда они не забывали о ней!

Они не сомневались в том, что гражданская война кончилась, причем не допускали и мысли, чтобы справедливое дело северян не восторжествовало. Но каковы были перипетии этой ужасной войны? Много ли пролито было крови? Кто из друзей и знакомых пал в сражениях? Вот о чем часто беседовали колонисты, не зная, скоро ли настанет день, когда они увидят родную страну. Возвратиться на родину хотя бы на несколько дней, возобновить связь с обитаемым миром, установить постоянное сообщение между родной страной и островом, — после этого они готовы были провести долгие годы в основанной ими колонии, которая стала бы тогда зависеть от метрополии, и, быть может, эти годы оказались бы лучшей, счастливейшей порой их жизни. И разве все это было несбыточной мечтой?

Но мечта их могла осуществиться лишь двумя путями: или в воды острова Линкольна придет какой-нибудь корабль, или колонисты сами построят достаточно большое судно, чтобы доплыть на нем до ближайшей земли.

— А может быть, — говорил Пенкроф, — наш ге-

ний-покровитель предоставит нам возможность возвратиться на родину!

Право, если бы Пенкрофу и Набу сказали, что в заливе Акулы или в порту Воздушного шара их ждет корабль водоизмещением в триста тонн, они бы нисколько не удивились, даже глазом бы не моргнули, решив, что это в порядке вещей, ибо ждали от незнакомца любых чудес.

Но Сайрес Смит, как человек менее доверчивый, советовал им вернуться к реальной действительности и самим приняться за постройку судна; задача эта поистине являлась неотложной, так как следовало поскорее отвезти на остров Табор записку о новом местопребывании Айртона.

«Бонадвентура» уже не существовало, для постройки нового корабля требовалось по меньшей мере полгода. А близилась зима. Словом, до будущей весны нечего было и думать о поездке.

— Что ж, у нас будет достаточно времени, и к наступлению теплых дней мы успеем подготовиться как следует, — сказал инженер Пенкрофу, беседуя с ним на эту тему. — Я думаю, друг мой, что, раз нам нужно заново строить судно, лучше всего сделать его размерами побольше. Еще неизвестно, посетит ли шотландская яхта остров Табор. Может статься, что она приплыла туда

несколько месяцев назад, что шотландцы долго искали Айртона и, не найдя никаких следов его пребывания на острове, уплыли обратно. Нет, нам с вами надо построить такой корабль, чтобы в случае нужды мы могли добраться на нем до островов Полинезии или до Новой Зеландии. Как вы думаете?

— Я думаю, мистер Сайрес, — ответил моряк, — я думаю, что вы со всяким делом справитесь, у вас и большой корабль получится не хуже маленького. Дерева и инструментов у нас достаточно. Значит, все зависит от времени.

— А сколько месяцев потребуется на постройку корабля водоизмещением в двести пятьдесят — триста тонн? — спросил Сайрес Смит.

— Месяцев семь-восемь по меньшей мере, — ответил Пенкроф. — Да еще не забывайте, что зима подходит, а в сильные холода трудно обрабатывать дерево. Значит, считайте, что несколько недель пропадут зря, и дай бог, ежели мы спустим корабль на воду в ноябре месяце.

— Вот и хорошо! — сказал Сайрес Смит. — Самая подходящая пора для путешествия на остров Табор или даже в более далекие края.

— Правильно, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Делайте чертежи. Рабочие готовы. Я

думаю, в таком деле Айртон будет нам хорошим помощником.

Посовещались с остальными колонистами, те одобрили замысел инженера, и действительно идея была превосходная. Правда, построить корабль водоизмещением от двухсот до трехсот тонн — задача нелегкая, но колонисты верили в свои силы, что вполне оправдывалось уже достигнутыми успехами.

Итак, Сайрес Смит занялся составлением расчетов и чертежей для постройки корабля. Тем временем его товарищи рубили и перевозили деревья, которые должны были пойти на изогнутые шпангоуты, на весь набор судна и на его обшивку. Леса Дальнего Запада дали им лучшие для кораблестроения породы дуба и вяза. Воспользовавшись просекой, которую прорубили во время последней экспедиции, проложили по ней дорогу, назвав ее дорогой Дальнего Запада; по ней бревна подвезли к Трущобам, и устроили там корабельную верфь. Что касается дороги, то она шла прихотливыми зигзагами, петляя в зависимости от расположения деревьев, выбранных для рубки, и все же благодаря ей значительная часть полуострова Извилистого стала гораздо доступнее.

Колонисты спешили рубить и обтесывать деревья, так как сырая древесина не годится для постройки судна, и надо было, чтоб она успела высохнуть. Корабельные плотники усердно работали весь апрель: за этот месяц не случилось никаких неприятностей, кроме довольно сильных штормов, обычных в пору равноденствия. Юп хорошо помогал лесорубам — то взбирался на самую макушку дуба и закреплял там веревку, которой валили срубленное дерево, то перетаскивал на своей крепкой спине уже обтесанные стволы.

Бревна сложили штабелями под широким дощатым навесом, поставленным около Трущоб: там они должны были храниться, пока их не пустят в дело.

Апрель выдался погожий, каким в Северном полушарии зачастую бывает октябрь. Помимо постройки корабля, колонисты усердно обрабатывали землю, и вскоре с плато Кругозора исчезли все следы опустошения. Отстроили мельницу, на месте уничтоженного птичника выросли новые сараи. Их построили более просторными, потому что пернатое население фермы очень возросло. В конюшне стояло теперь пять онагров — четверо сильных, крепких и хорошо объезженных

животных, ходивших и в упряжке и под седлом, и недавно родившийся жеребенок. Инвентарь колонии увеличился — появился плуг; на онаграх теперь пахали землю, и они тянули плуг не хуже волов, на которых пашут в Йоркшире или в Кентукки. Каждый колонист брал на себя ту или иную работу, никто не сидел сложа руки. Зато каким завидным здоровьем могли похвастаться все эти труженики, как весело проводили они вечера в Гранитном дворце, какие радужные планы на будущее они строили!

Айртон, разумеется, чувствовал себя теперь равноправным членом содружества; он уж не заводил речи о том, чтобы ему жить отдельно в корале. Однако он всегда был задумчив, молчал и больше разделял с колонистами их труды, чем радости. Но работник он был прекрасный — сильный, ловкий, изобретательный и толковый, его любили и уважали, и он не мог этого не чувствовать.

Не был заброшен и кораль. Кто-нибудь из колонистов через день ездил туда на тележке или верхом, задавал корма скоту, доил коз и привозил молоко, которое поступало в распоряжение Наба. Этими поездками пользовались и для охоты, поэтому чаще других ездили в кораль Герберт

и Гедеон Спилет в сопровождении Топа, всегда бежавшего впереди: благодаря искусству охотников и их превосходным ружьям в доме не переводилась крупная дичь — водосвинки, агути, кенгуру, кабаны, пекари; не переводилась и птица: утки, тетерева, глухари, жакамары, бекасы. Кролики из садка, устрицы с отмели, иной раз черепаха, полные невода семги, приплывшей целыми косяками в реку Благодарения метать икру, овощи с огорода на плато Кругозора, дикие плоды из леса — какие щедрые дары природы! Главный повар Наб едва успевал убирать их про запас в свои кладовые.

Само собой разумеется, что телеграфный провод, протянутый между коралем и Гранитным дворцом, был восстановлен, и ничего не стоило теперь послать депешу, когда кто-либо из колонистов, отправившись в кораль, считал нужным там заночевать. Ведь теперь на острове опять стало спокойно, и больше не приходилось опасаться вторжения, по крайней мере со стороны людей.

И все же беда могла повториться, если б на остров опять вздумали высадиться какие-нибудь беглые каторжники. Быть может, приятели и сообщники Боба Гарвея, еще отбывавшие заключение в Норфолке, были посвящены в тайну его

замыслов и собирались последовать его примеру. Итак, колонисты беспрестанно вели наблюдение за всеми удобными для высадки частями побережья, и ежедневно их подзорная труба обводила широкую дугу горизонта от бухты Соединения до бухты Вашингтона. Направляясь в кораль, они не менее внимательно оглядывали море и в западном направлении, — с отрогов горы Франклина видно было очень далеко.

Ничего подозрительного ни разу не появлялось в поле зрения, и тем не менее всегда приходилось держаться настороже.

Однажды вечером Сайрес Смит предложил товарищам приступить к укреплению кораля. Он считал разумной мерой предосторожности выше поднять ограду и сбоку построить нечто вроде блокгауза, для того чтобы укрыться там в случае нужды и дать отпор нападающим. Гранитный дворец, говорил инженер, можно считать неприступным благодаря самому его расположению, но кораль с его постройками, запасами продовольствия и содержащимся в загонах скотом всегда может оказаться предметом посягательств со стороны каких-либо грабителей, которые нагрянут откуда-нибудь, и надо создать наиболее благоприятные условия для защиты от них.

План укрепления кораля еще надо было хорошенько обдумать, и осуществление его поневоле отложили до весны.

К 15 мая на верфи был уже заложен киль нового судна, и вскоре почти перпендикулярно к нему поднялись в пазах ахтерштевень на одном конце и форштевень — на другом. Киль, сделанный из крепкого дуба, имел в длину сто десять футов, что позволило поставить средний бимс длиной в двадцать пять футов. Но только это корабельные плотники и успели сделать до наступления ненастья и холодов. На следующей неделе еще поставили первые кормовые шпангоуты, а затем пришлось работы приостановить.

В конце месяца погода совсем испортилась. Дул восточный ветер, иногда достигавший силы урагана. Сайрес Смит опасался за судьбу корабельной верфи. Он выбрал для нее самое удобное место, близ Гранитного дворца, но в бурю островок Спасения был плохой защитой побережья, волны, гонимые ветром, докатывались до гранитной стены и разбивались у ее подножия.

К счастью, его опасения не оправдались. Ветер чаще всего дул с юго-востока, а тогда Гранитный дворец бывал прекрасно защищен выступом мыса Находки.

Пенкроф и Айртон, самые ревностные строители нового судна, не прекращали работы до тех пор, пока это было возможно. Они не боялись ни ветра, трепавшего им волосы, ни дождя, от которого оба промокали до нитки: они находили, что молоток одинаково хорошо бьет и в ненастье и в хорошую погоду. Но когда после слякоти ударили морозы, дерево на холоде затвердело, как железо, и плотникам стало чрезвычайно трудно его обрабатывать — к 10 июня пришлось прервать постройку судна.

Сайрес Смит и его товарищи, конечно, не могли не замечать, как суровы зимы на острове Линкольна. Такие холода бывали разве что в штатах Новой Англии, расположенных приблизительно на таком же расстоянии от экватора, как и остров Линкольна. В Северном полушарии, по крайней мере в той его части, которую занимают Новая Англия и северная полоса Соединенных Штатов, это явление объясняется плоским рельефом, который граничит с полярной зоной: ни одна возвышенность не преграждает там путь северным ветрам; но в отношении острова Линкольна такое объяснение было неприменимо.

— Наблюдениями установлено, — сказал однажды Сайрес Смит своим товарищам, — что при

равных географических широтах на островах и морских побережьях холода не так сильны, как во внутренних областях континентов. Например, я часто слышал, что в Ломбардии зимы более суровы, чем в Шотландии, а это, говорят, зависит от того, что море отдает зимой то тепло, которое оно получило от солнца летом. А ведь острова находятся в особо благоприятных условиях для такого согревания.

— Так в чем же дело, мистер Смит? — спросил Герберт. — Почему остров Линкольна как будто представляет собою исключение из общего правила?

— Трудно найти этому объяснение, — сказал инженер. — Однако я полагаю, что такая климатическая особенность зависит от того, что наш остров находится в Южном полушарии, а, как тебе известно, дитя мое, зимы тут холоднее, чем в Северном полушарии.

— Да, это верно, — согласился с ним Герберт. — Недаром плавучие льды можно встретить в южной части Тихого океана на более низких широтах, чем в северной.

— Правильно, — подтвердил Пенкроф. — Когда я плавал на китобойном судне, нам встречались айсберги даже на траверсе мыса Горн.

— В таком случае суровые холода, от которых мы страдаем на острове Линкольна, возможно, объясняются тем, что сравнительно неподалеку от него плавают айсберги и даже образовались ледяные поля, — сказал Гедеон Спилет.

— Ваше объяснение вполне правдоподобно, дорогой Спилет, — заметил Сайрес Смит. — Очень возможно, что суровыми зимами мы обязаны близости льдов. Я хочу напомнить вам, какой чисто физической причиной вызван тот факт, что в Южном полушарии холоднее, чем в Северном. Ведь летом солнце ближе к этому полушарию, а следовательно, зимой оно неизбежно должно отстоять дальше. Этим и объясняется резкая разница в средней температуре зимы и лета. Вспомните-ка, на острове Линкольна зима холодная, зато лето очень знойное.

— А скажите, пожалуйста, мистер Смит, — спросил Пенкроф, нахмурив брови, — почему же это наше Южное полушарие так нехорошо устроено? Это ведь несправедливо!

— Дружище Пенкроф, — смеясь, ответил инженер. — Справедливо это или несправедливо, но уж так оно есть, надо считаться с фактом. Происходит же эта особенность вот отчего. Орбита, по которой движется Земля вокруг Солнца,

представляет собою не окружность, а эллипс, что соответствует разумным законам механики. Поэтому Земля в определенный момент достигает афелия, то есть точки наиболее далекой от Солнца, а в другое время — перигелия, то есть находится на самом коротком расстоянии от Солнца. И вот, оказывается, что как раз во время зимы в странах Южного полушария Земля находится в точке, наиболее удаленной от Солнца и, следовательно, в условиях, благоприятствующих тому, чтобы в этих областях были самые сильные холода. Тут уж ничего не поделаешь, Пенкроф, и самым ученым людям никогда не удастся что-либо изменить в устройстве вселенной, установленном господом богом.

— А все-таки удивительно! — добавил Пенкроф, видимо с трудом примиряясь с неизбежностью. — Мудрено устроен мир! Толстенные книги получатся, если записать все, что люди знают.

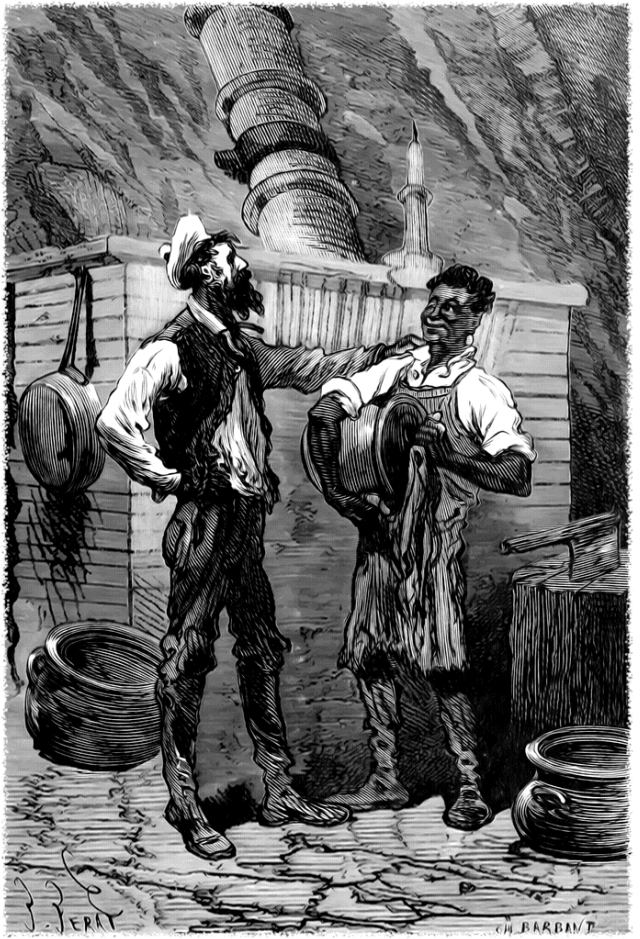
— А еще толще книги можно написать о том, чего люди до сих пор не знают, — сказал Сайрес Смит.

Как бы то ни было, в июне настала уже привычная колонистам суровая зима, и они зачастую даже не выходили из Гранитного дворца.

Каким томительным было для всех это затвор-

ничество, и, пожалуй, особенно оно тяготило Гедеона Спилета.

— Знаешь что, — сказал он однажды Набу, — я бы тебе написал дарственную, засвидетельствованную по всем правилам у нотариуса, и отдал бы в твою пользу все наследства, какие меня ждут, если б ты, как добрый малый, сходил бы куда-нибудь, где принимается подписка на газеты и журналы, да подписал меня хоть на какую-нибудь захудалую газетку! Положительно, для полного счастья мне больше всего не хватает газеты. Хочется, друг, узнавать по утрам, что вчера произошло в мире, за пределами нашего острова!


J. FERAT
CH. BARBANT

Наб рассмеялся.

— Вот какой любопытный, — сказал он. — А я за работой обо всем забываю. Каждый день у нас дела по горло!

Действительно, и в Гранитном дворце и вне его работы было достаточно.

Благодаря трехлетнему упорному труду обитателей острова Линкольна колония их достигла в том году истинного процветания. Затонувший бриг послужил для них новым источником сокровищ. Помимо полной оснастки, которая могла пойти для строящегося судна, кладовые Гранитного дворца были забиты всякого рода утварью, инструментами, приборами, оружием, боевыми припасами и одеждой. Колонистам уже не приходилось больше выделывать грубое сукно. В первую зиму они страдали от холода, а теперь их нисколько не страшили самые лютые морозы. Белья у них тоже стало много, да и держали его они в большом порядке. Из морской соли, в которой содержится хлористый натрий, Сайрес Смит без труда получил натрий и хлор. Натрий шел затем на изготовление соды, а хлор — хлорной извести; и то и другое употреблялось в Гранитном дворце для хозяйственных нужд и, в частности, для стирки белья. Впрочем, большую

стирку затевали только четыре раза в год, как это делалось в семейных домах в старое время, и надо добавить, что Пенкроф и Гедеон Спилет, мечтавший об удовольствии читать ежедневно газету, показали себя превосходными прачками.

Так прошли зимние месяцы — июнь, июль и август. Стояли морозы — средняя температура не превышала восьми градусов по Фаренгейту (13,33° ниже нуля по Цельсию). Следовательно, зима выдалась более суровая, чем в прошлом году. Зато как жарко топились камины в Гранитном дворце! Непрестанно пылал в них огонь, и копоть длинными полосами расписала там стены. Дров не жалели — лес был в нескольких шагах. Шли на дрова и лишние бревна, заготовленные для постройки судна, и это позволяло экономить каменный уголь, который трудно было перевозить с места добычи.

И люди и домашние животные чувствовали себя прекрасно. Правда, дядюшка Юп оказался довольно зябким существом — это был, пожалуй, единственный его недостаток. Пришлось сшить для него теплый халат на вате. Но какой из него вышел замечательный слуга — ловкий, усердный, неутомимый, нелюбопытный, неболтливый; вполне заслуженно он мог стать образцом

для всех своих двуногих собратьев в Старом и Новом Свете.

— Что же тут удивительного? — говорил Пенкроф. — Раз у него четыре руки, значит, с него и спросу больше — должен стараться!

И уж как усердствовало умное четверорукое животное!

В течение семи месяцев, которые истекли со времени розысков, производившихся вокруг горы Франклина, и в течение всего сентября, когда вернулись теплые дни, добрый гений острова не давал о себе знать. Ни в чем не сказывалась его помощь. Да, по правде сказать, в ней и не чувствовалось нужды — за это время не случилось ни одного злополучного происшествия, оказавшегося тяжким испытанием для колонистов.

Сайрес Смит даже заметил, что за это время не было ничего похожего на таинственную связь, как будто установившуюся сквозь каменный кряж между обитателями Гранитного дворца и незнакомцем, чье присутствие Топ, казалось, улавливал чутьем. Собака перестала рычать, да и Юп тоже не выказывал беспокойства. Оба приятеля (Топ и обезьяна крепко подружились) больше уже не сновали около закрытого трапом провала, не тявкали и не скулили с какой-то особой

тревогой, сразу же насторожившей внимание инженера. Но разве Сайрес Смит мог сказать с уверенностью, что с этой загадкой покончено и на попытках разгадать ее надо поставить крест? Разве мог он утверждать, что уж никогда не возникнут такие обстоятельства, при которых неведомый благодетель вновь выступит на сцену? Как знать, что сулило им будущее?

Зима кончилась. Но как раз в первые вешние дни произошло событие, чреватое очень важными последствиями.

Седьмого сентября Сайрес Смит, рассматривая макушку горы Франклина, заметил над кратером потухшего вулкана извивавшуюся в воздухе струйку дыма и белое облачко пара.

ГЛАВА XV

Пробуждение вулкана. — Летняя пора. — Возобновление работ. — Вечер 15 октября. — Телеграмма. — Просьба. — Ответ. — Скорее в кораль! — Записка. — Второй провод. — Базальтовые скалы. — В часы прилива. — В часы отлива. — Пещера. — Ослепительный свет

Услышав от инженера страшную весть, коло-

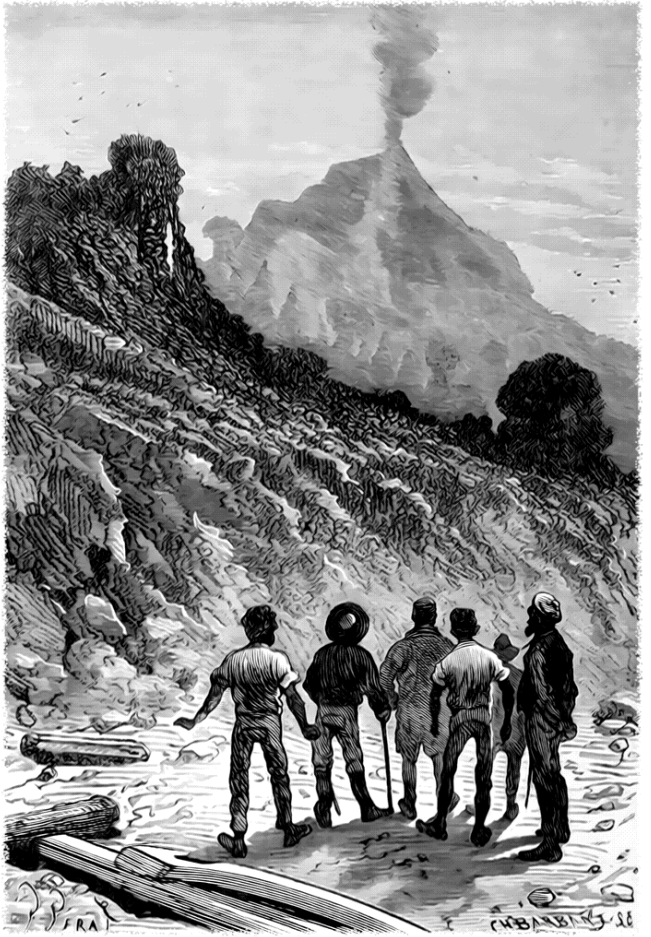
нисты бросили работу и молча устремили взгляд на гору Франклина.

Итак, вулкан пробудился от сна; пар и газы, поднявшись из его недр, прорвались сквозь слой твердых пород, скопившихся на дне кратера. Но вызовет ли подземный огонь сильное извержение? Ни предвидеть это, ни предотвратить беду не было возможности.

Но даже если предположить, что извержение неминуемо, еще оставалась надежда, что от него пострадает не весь остров. Изливаясь из вулкана, расплавленные породы не всегда несут с собою гибель. Остров уже прошел через такое испытание: об этом свидетельствовали потоки застывшей лавы, бороздившие северные склоны горы. Кроме того, сама форма кратера и глубокая трещина, рассекавшая его верхний край, должны были направлять извергаемую лаву в сторону, противоположную плодородной зоне острова.

Однако прошлое не гарантировало будущего. Нередко бывает, что у вулканов давние кратеры забиты наглухо, но вместо них раскрываются другие кратеры. Это наблюдалось и в Старом и в Новом Свете — на Этне, на Попокатепетле, на Орисабе, а накануне извержения всего можно опасаться. Ведь бывает достаточно землетря-

сения — а это явление нередко сопутствует вулканическим извержениям, — чтобы внутреннее строение огнедышащей горы изменилось и расплавленная лава проложила себе новые пути.



Сайрес Смит объяснил все это товарищам и, не сгущая красок, привел все доводы «за» и «против» опасности положения.

В конце концов они тут ничего не могли изменить. Гранитному дворцу как будто ничто не грозило, кроме возможного землетрясения. Но кораль мог быть совершенно уничтожен, если б на южном склоне горы Франклина образовался новый кратер.

С того дня над вершиной горы всегда развевался белый султан пара, и даже заметно было, что он становится выше и шире. Однако к густым его клубам не примешивалась ни единая искра пламени. Пока еще процессы шли в нижней части центрального очага.

Несмотря ни на что, с первыми теплыми днями работы возобновились. Постройку корабля старались вести как можно быстрее; воспользовавшись движущей силой берегового водопада, Сайрес Смит устроил водяную лесопилку, и теперь колонисты гораздо быстрее, чем вручную, разделывали бревна на доски и балки. Устройство этой установки было такое же простое, как и на сельских лесопилках в Норвегии. Ведь тут нужно было добиться только движения в двух плоскостях: двигать бревно в горизонтальном

направлении, а пилу — в вертикальном, вот и все; Сайресу Смиту удалось этого достигнуть при помощи колеса, двух валов и соответствующим образом расположенных блоков.

К концу месяца на верфи уже высился на подпорках набор судна, которое решили оснастить как шхуну. Набор был почти уже закончен, все шпангоуты держались на временных креплениях, и уже ясно выступала форма судна. На этой шхуне, отличавшейся узкой носовой частью и очень широкой кормой, несомненно, можно было в случае нужды делать довольно большие переходы, но требовалось еще много времени на наружную и внутреннюю обшивку судна, на настилку палубы. После взрыва подводной мины удалось, на радость строителям, спасти все металлические части пиратского брига. Из искореженных досок обшивки, из корабельных шпангоутов Пенкроф и Айртон вырвали клещами болты и множество медных гвоздей. Таким образом, кузнецам пришлось меньше трудиться, но у плотников работы было выше головы.

На неделю строительство шхуны пришлось прервать, заняться уборкой урожая, сенокосом да свезти в амбары и склады зерно и овощи, собранные на плато Кругозора. Но лишь только

эти работы закончились, снова принялись за постройку корабля и уже ни на одно мгновение не отвлекались от нее.

К вечеру строители едва держались на ногах от усталости. Чтобы не терять зря времени, они переменили часы своих трапез: обедали в полдень, а ужинали только после захода солнца, когда совсем уж становилось темно. Тогда они поднимались в Гранитный дворец и спешили поскорее лечь спать.

Впрочем, иной раз завязывался разговор на какую-нибудь увлекательную тему, и колонисты ложились позднее обычного. В беседе они делились своими мечтами о будущем и охотно говорили о том, какие счастливые перемены в их судьбе принесет путешествие на шхуне в ближайшие обитаемые края. И все же в планах, которые они строили, неизменно господствовала мысль о возвращении на остров Линкольна. Нет, нет, разве можно расстаться с колонией, которую они основали, вложив в нее столько труда, перенеся такие тяжкие испытания и одержав столько побед? Надо только установить сообщение с Америкой, а тогда развитие колонии пойдет еще быстрее.

Пенкроф и Наб твердо надеялись прожить на

острове до конца своих дней.

— Герберт, — говорил моряк, — ведь ты никогда не расстанешься с нашим островом?

— Никогда, Пенкроф, особенно если ты примешь решение тут остаться!

— Да я уж принял такое решение, голубчик, — отвечал Пенкроф. — Я тебя тут буду ждать. Ты приедешь с женой, с детками. Я стану пестовать твоих ребятишек, и они у нас вырастут такими молодцами, только держись!

— Решено! — смеясь и краснея, отзывался Герберт.

— А вы, мистер Сайрес, — мечтал вслух Пенкроф, — вы будете постоянным губернатором острова. Ах да, кстати! Какое население может прокормить наш остров? По-моему, не меньше десяти тысяч.

Случалось, друзья подолгу беседовали так по вечерам. Никто не высмеивал Пенкрофа, напротив — он всех увлекал за собой в область мечтаний, и в конце концов журналист даже основал на острове газету «Нью-Линкольн геральд».

Так уж устроен человек. Потребность созидать, оставить свой след на земле, вложить свою душу во что-то большое, что будет жить долго, переживет его, — вот признак превосходства человека

над всеми животными, населяющими нашу планету. Вот почему человек стал венцом творения, вот что оправдывает его господство над миром животных.

А впрочем, как знать. Может быть, у Топа с Юпом тоже были какие-нибудь мечты о будущем?

Один только Айртон держал про себя свои мысли о том, какое бы это было счастье, если б ему довелось встретиться с лордом Гленарваном и предстать перед всеми новым человеком, искупившим свою вину.

Вечером 15 октября приятная беседа затянулась дольше обычного. Было уже девять часов. Уже слышались откровенные протяжные зевки, свидетельствовавшие о том, что всем пора на покой и Пенкроф направился было к своей постели, как вдруг в зале раздался электрический звонок.

Все колонисты были в сборе — Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Айртон и Пенкроф, — в корале не осталось никого.

Сайрес Смит поднялся со своего места. Остальные вопрошающе переглядывались, полагая что они ослышались.

— Что это значит? — воскликнул Наб. — Уж не дьявол ли вздумал позвонить?

Никто не отозвался на эту шутку.

— Погода нынче грозовая, — заметил Герберт. — Может быть, влияют электрические разряды…

Он не договорил. Инженер, на которого все устремили взгляд, отрицательно покачал головой.

— Подождем, — сказал тогда Гедеон Спилет, — если это сигнал, то, от кого бы он ни исходил, звонок, наверно, повторится.

— А кто же, по-вашему, может подать сигнал? — воскликнул Наб.

— Ты разве забыл? — сказал Пенкроф. — Да тот, кто…

Слова его прервал новый звонок — молоточек быстро забарабанил по чашечке звонка.

Сайрес Смит подошел к аппарату и, пустив по проводу ток, послал в кораль телеграмму:

«Что вам угодно?»

Через несколько секунд по кругу с алфавитом задвигалась стрелка, и обитатели Гранитного дворца прочли ответ:

«Немедленно приходите в кораль».

— Наконец-то! — воскликнул Сайрес Смит.

Да, наконец-то раскроется тайна! Усталости как не бывало, сон отлетел от глаз — так всем хоте-

лось поскорее очутиться в корале. Не произнеся ни слова, они мгновенно собрались в путь и через несколько секунд уже были на берегу океана. В Гранитном дворце остались только Юп и Топ. В экспедиции можно было обойтись без них.

Кругом стоял мрак. Молодой месяц, появившийся в тот день, зашел в час заката солнца. Как и говорил Герберт, надвигалась гроза, черные тучи нависли над землей низким тяжелым сводом, не пропускавшим ни единого звездного луча. На горизонте то и дело вспыхивали зарницы.

Следовало ожидать, что через несколько часов гроза разразится над самим островом. Ночь была полна тревоги.

Но беспросветная тьма не могла остановить наших путников. Дорога в кораль была им хорошо знакома. Они прошли по левому берегу реки Благодарения, поднялись на плато Кругозора, перебрались по мосту через Глицериновый ручей и двинулись дальше лесом.

Путники шли быстрым шагом, испытывая живейшее волнение. Никто не сомневался, что сейчас в их руках окажется ключ к разгадке тайны, в которую они так долго и тщетно стремились проникнуть. Скоро, скоро они узнают имя невидимого благодетеля, так глубоко вошедшего в их

жизнь, великодушного, могущественного незнакомца. Несомненно, он внимательно следил за их существованием, знал о них все до малейших мелочей, слышал все, что говорилось в Гранитном дворце, иначе его вмешательство не было бы всегда таким своевременным.

Каждый шел быстрым шагом, погрузившись в свои мысли. Под сводом деревьев стояла темень, не видно было даже обочины дороги. Лес замер в мертвой тишине. Притихли и застыли в неподвижности и птицы и животные, оцепенев от предгрозовой духоты. Не шелохнулся ни единый листик. Во мраке гулко отдавались шаги колонистов по твердой, как камень, земле.

В первые четверть часа пути молчание нарушило лишь одно замечание Пенкрофа да ответ инженера.

— Надо было захватить с собой фонарь, — сказал моряк.

— Фонарь найдем в корале, — отозвался инженер.

Сайрес Смит и его спутники вышли из Гранитного дворца в двенадцать минут десятого. В сорок семь минут десятого оказалось, что они уже прошли три мили из пяти, отделявших устье реки Благодарения от кораля.

Огромные белые молнии разрывали над островом небо, и при каждой вспышке вокруг отчетливо вырисовывалась черным узором листва. Яркий свет слепил глаза. Вот-вот должна была разразиться гроза. Молнии все чаще прорезали небо, сверкали зловеще. Все ближе громыхали раскаты грома. Воздух был нестерпимо душен.

Путники шли так быстро, как будто их влекла вперед какая-то неодолимая сила.

В четверть одиннадцатого при яркой вспышке молнии они увидели перед собой ограду кораля. Лишь только вошли в ворота, раздался оглушительный раскат грома.

В одну секунду колонисты пробежали через двор и очутились у дверей жилого дома.

Незнакомец, вероятно, находился в доме — ведь телеграмму он, конечно, послал оттуда. Однако ни в одном окне не было света.

Инженер постучался.

Никакого ответа.

Сайрес Смит отворил дверь, и все вошли в совершенно темную комнату.

Наб высек огонь, мигом зажгли фонарь и осветили им все углы…

В доме не было никого. Все вещи стояли на своих местах, в том порядке, в каком их оставили.

— Неужели нам все это померещилось? — прошептал Сайрес Смит.

Нет, обмануться они не могли. В телеграмме ясно говорилось:

«Немедленно приходите в кораль».

Колонисты подошли к столу, предназначенному для телеграфа. Тут тоже все оказалось на месте — батарея и ящик, в котором она стояла, приемник и передаточный аппарат.

— Кто был тут последним? — спросил инженер.

— Я, мистер Сайрес, — ответил Айртон.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— Смотрите, записка! — воскликнул Герберт, указывая на листок бумаги, белевший на столе. На листке было написано по-английски:

«Идите вдоль нового провода».

— В дорогу! — воскликнул Сайрес Смит; он понял, что депеша была отправлена не из кораля, а, несомненно, из таинственного убежища незнакомца и что какой-то дополнительный провод, отведенный от старого, непосредственно соединяет это убежище с Гранитным дворцом.

Наб взял зажженный фонарь, и все вышли из кораля.

Гроза свирепствовала с яростной силой. Все короче становились промежутки между вспышками молнии и ударом грома. Чувствовалось, что скоро гроза разразится над горой Франклина, над всем островом. При вспышках молнии видна была верхушка вулкана, увенчанная султаном пара.

Во дворе кораля, отделявшем дом от ограды, не было никаких признаков телеграфной связи. Выйдя за ворота, Сайрес Смит подбежал к ближайшему столбу и при свете молний увидел, что от изолятора спускается до земли новый провод.

— Вот он! — сказал инженер.

Провод тянулся по земле, но по всей своей длине был заключен, как подводный кабель, в изоляционную оболочку, что обеспечивало хорошую передачу тока. Судя по направлению провода, он шел через лес и южные отроги горы к западной части острова.

— Держитесь кабеля! — сказал Сайрес Смит.

То при тусклом свете фонаря, то при ослепительных сверканиях молнии колонисты устремились по пути, указанному телеграфным проводом.

Над их головами раздавались такие долгие и оглушительные раскаты грома, что говорить

было совершенно невозможно. Впрочем, слова излишни, когда нужно только одно — как можно быстрее идти вперед.

Сайрес Смит и его товарищи одолели сперва отрог, отделявший долину кораля от долины Водопадной речки, перевалили через самую узкую его часть; дорогу им указывал кабель, то подвешенный к нижним ветвям деревьев, то протянутый по земле.

Инженер предполагал, что провод кончится в глубине долины, — там, вероятно, и находится тайное убежище незнакомца.

Предположение оказалось ошибочным. Пришлось подняться по склону юго-западного отрога и спуститься затем на бесплодное плато, которое простиралось вплоть до причудливого нагромождения базальтовых утесов. Время от времени то один, то другой из колонистов наклонялся, ощупывая рукой провод, проверяя взятое направление. Было, однако, уже ясно, что провод идет прямо к морю. Вероятно, там, в глубокой пещере, средь неведомых скал, таилось жилище, которое так долго и напрасно они искали.

Все небо полыхало огнем. Молнии сверкали непрерывно: они ударяли в вершину вулкана, устремлялись в кратер, окутанный густым ды-

мом. Порой казалось, что гора изрыгает пламя.

В одиннадцать часов без нескольких минут колонисты дошли до карниза высокой гряды, поднимавшейся над океаном на западном берегу острова. Внизу, в пятистах футах, ревел прибой.

Сайрес Смит высчитал, что его спутники и он отошли от кораля на полторы мили. От этого места провод шел вниз между скал, протянувшись по крутому склону узкого и извилистого оврага.

Колонисты принялись спускаться, рискуя вызвать обвал плохо державшихся каменных глыб, которые, падая, могли сбросить их в море. Спуск оказался крайне опасным, но путники совсем об этом не думали — они уже не властны были над собой. Таинственное убежище незнакомца влекло их к себе с непреодолимой силой, как притягивает магнит железные опилки.

Они почти бессознательно спустились в овраг, хотя даже среди бела дня склоны его показались бы страшными. Из-под ног путников катились камни и при вспышках молнии сверкали, точно раскаленные метеоры. Сайрес Смит шел впереди. Айртон замыкал шествие. Двигались то медленно, шаг за шагом, то соскальзывали по гладкому, точно отполированному каменному скату, а затем, поднявшись на ноги, продолжали

свой путь.

Наконец провод, сделав крутой поворот, потянулся меж прибрежных утесов к черной гряде рифов, о которые, верно, тяжко бились волны в дни больших приливов. Колонисты дошли до нижних уступов базальтовой стены. По низу ее параллельно морю шел длинный узкий вал, вдоль него вился телеграфный провод, и колонисты двинулись в этом направлении. Не прошли они и ста шагов, как начался пологий скат, который и привел их к морю.

Инженер схватил кабель и увидел, что он уходит под воду.

Спутники остановились около Сайреса Смита, они были ошеломлены.

У всех вырвался возглас разочарования, почти отчаяния. Неужели нужно броситься в море, искать какую-то подводную пещеру? Однако все были так возбуждены, так взволнованы, что, не колеблясь, готовы были сделать даже это.

Сайрес Смит остановил своих товарищей.

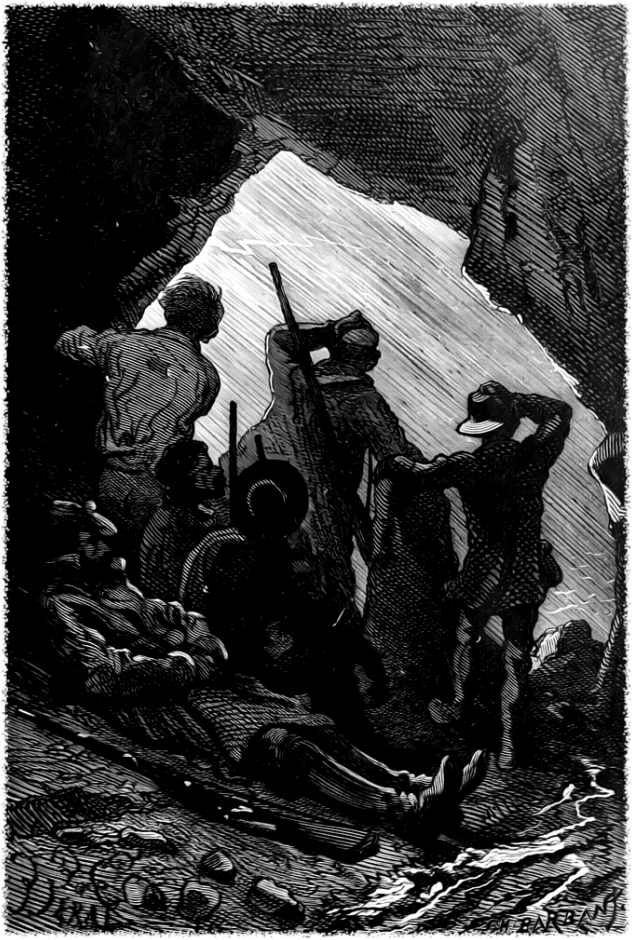
Он подвел их к углублению в скале и сказал:

— Подождем здесь. Сейчас прилив. Когда море отступит от берега, путь откроется.

— А почему вы так думаете?.. — спросил Пенкроф.

— Он не позвал бы нас, если б не было к нему пути.

Сайрес Смит сказал это так уверенно, что ни у кого не нашлось возражений. К тому же мысль его казалась вполне логичной. Легко было допустить, что у подножия базальтовой стены существовала подводная пещера, вход в которую закрывали сейчас волны.



Пришлось ждать несколько часов. Колонисты молча стояли, забившись в своего рода нишу, выдолбленную волнами в базальтовой стене. Пошел дождь, и вскоре из черных туч, раздираемых зигзагами молний, потоками стал низвергаться ливень. Эхо гулко повторяло раскаты грома, усиливая их оглушительный грохот.

Колонистов охватило крайнее волнение. У каждого возникло множество странных мыслей. Все ждали чего-то сверхъестественного: вот сейчас возникнет перед ними величественное видение, появится исполин-чародей, — ведь только сказочный образ мог соответствовать их представлению о таинственном могуществе незнакомца.

В полночь Сайрес Смит, взяв фонарь, спустился к самому морю посмотреть, как расположены внизу скалы. Отлив к тому времени длился уже два часа.

Инженер не ошибся. Над водой начал вырисовываться свод обширного грота. Кабель, повернув под прямым углом, уходил в его зияющее отверстие.

Сайрес Смит возвратился к своим спутникам и спокойно сказал:

— Через час можно будет войти в пещеру.

— Стало быть, она действительно существует? — спросил Пенкроф.

— А вы сомневались? — ответил вопросом Сайрес Смит.

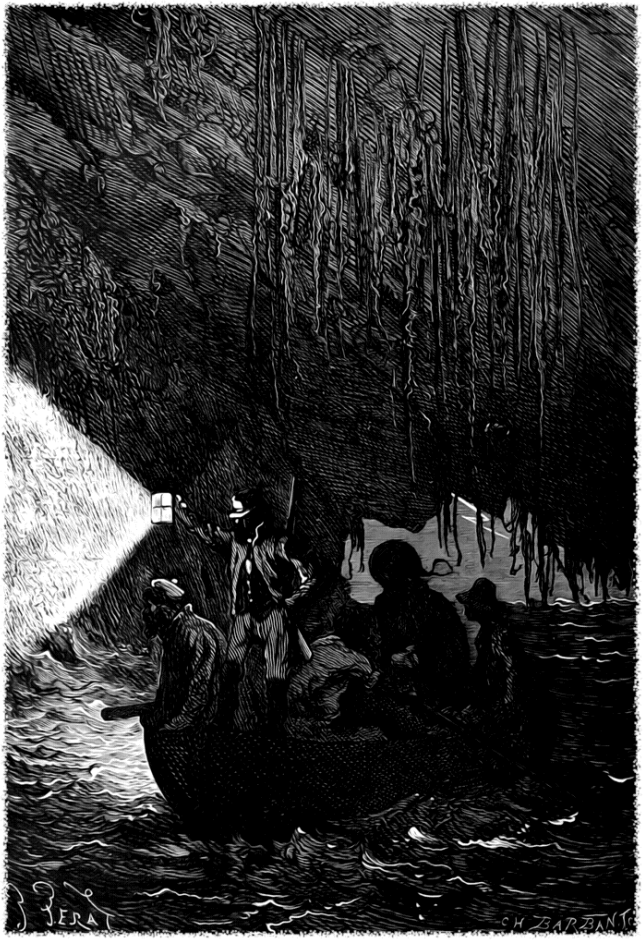
— Но ведь в пещере все-таки останется вода; что, если там глубоко будет? — заметил Герберт.

— Во время отлива вода, возможно, полностью уходит из пещеры, — сказал Сайрес Смит, — и тогда мы пройдем по дну, а если вода там остается, нам, несомненно, будут предоставлены те или иные средства переправы.

Прошел час. Все спустились под дождем к морю. За три часа уровень воды понизился на пятнадцать футов. Вход в пещеру постепенно обнажался, верхушка свода уже выступила над морем по меньшей мере на восемь футов. Пенистые волны, бурля, протекали под ним, словно под аркой моста.

Наклонившись, инженер увидел какой-то черный предмет, колыхавшийся на воде, и притянул его к себе. Это была лодка, привязанная веревкой к выступу внутренней стенки пещеры. Лодка была сделана из плотно скрепленных меж собой листов железа. На дне ее, под скамейками, лежало два весла.

— В лодку! — сказал Сайрес Смит.


FERAT
CH. BARBANT

Через секунду все уже были в лодке, Наб и Айртон сели на весла. Пенкроф взялся за руль. Сайрес Смит, поставив на форштевень фонарь, освещал путь.

Проехали под низко нависшей аркой грота — и вдруг свод поднялся высоко и расширился; но вокруг стояла густая тьма, и при слабом свете фонаря невозможно было определить, как велика эта пещера, установить хотя бы приблизительно ее ширину, высоту и глубину. В недрах этого подводного базальтового тайника царила величавая тишина. Снаружи туда не доносилось ни малейшего звука, сверкание молний не могло проникнуть сквозь толстые стены.

Кое-где на земном шаре существуют огромные подземные пещеры, своего рода естественные исполинские склепы, хранящие следы той далекой геологической эпохи, в которую они образовались. Одни из них затоплены водами морей, другие таят в своих стенах целые озера. Таковы, например, Фингалова пещера на острове Стаффа, одном из Гебридских островов, или гроты Морга в бухте Дуарнене в Бретани, гроты Бонифачо на Корсике, пещера Лиз-Фиорда в Норвегии и исполинская Мамонтова пещера в Кентукки высотою в пятьсот футов и длиной более чем в двадцать

миль. Во многих местах земного шара природа вырыла такие склепы, они сохранились и вызывают восторг человека.

Что касается пещеры, в которой оказались колонисты, у них возник вопрос — не доходит ли она до самой середины острова? Лодка плыла уже четверть часа, делая повороты, которые указывал Пенкрофу инженер, коротко подавая сигнал, и вдруг он скомандовал:

— Правее!

Лодка изменила направление и пошла у правой стены пещеры. Инженеру пришло разумное желание проверить, тянется ли по-прежнему вдоль нее кабель.

Кабель шел вдоль стены, цепляясь за ее выступы.

— Вперед! — приказал инженер.

Два весла разом погрузились в черную воду, и лодка тронулась дальше.

Плыли еще четверть часа, от входа пещеры проехали, вероятно, с полмили, и снова раздался голос Сайреса.

— Стоп! — скомандовал он.

Лодка остановилась, и перед глазами изумленных путников засиял яркий свет, озаривший огромную пещеру, так глубоко вырытую приро-

дой в недрах острова.

И тогда стало возможно рассмотреть этот тайник, о существовании которого никто не подозревал.

На высоте ста футов поднимался округлый свод, его поддерживали базальтовые столбы, казалось все изваянные по одной мерке. Такие огромные колонны природа воздвигала тысячами в первые эпохи образования земной коры; в найденной пещере на них опирались неправильной формы арки и причудливые карнизы. Обрубки базальта, поднятые друг на друга, достигали сорока — пятидесяти футов высоты; подножия колонн омывала вода — совершенно спокойная, несмотря на бурю, бушевавшую над островом. Лучи, исходившие из неведомого источника света, замеченного инженером, четко обрисовывали каждую грань базальтовых призм, зажигали на них огненные искры и как будто пронизывали стены пещеры, словно они были прозрачные, превращали малейшие их выпуклости в блистающие самоцветы. Все эти разнообразные сверкающие блики отражались в воде, трепетали на ее поверхности, и казалось, что лодка плывет среди огнеметных струй.

Не могло быть никакого сомнения относитель-

но отражавшегося в воде света, выхватывавшего из темноты снопами своих лучей очертания базальтовых стен, колонн и сводов пещеры. Свет этот, конечно, давало электричество: о его происхождении говорил белый оттенок лучей. Электричество заменяло солнце в этой пещере и всю ее заливало светом.

По знаку Сайреса Смита весла вновь ударили по воде, вокруг дождем алмазов рассыпались брызги, лодка тронулась к тому месту, откуда разливался свет, и вскоре уже была от него не более чем в полкабельтове.

Подземный водоем достигал тут ширины в триста пятьдесят футов, а за ослепительным источником света видна была огромная базальтовая стена, закрывавшая впереди путь. Пещера значительно расширялась, и воды морские образовали тут озеро. Но по-прежнему и свод, и боковые стены пещеры, и каменный заслон, замыкавший ее, все эти базальтовые призмы, цилиндры, конусы затоплял поток электрического света, такого яркого, что он как будто исходил от этих каменных глыб; казалось, что их огранили, как драгоценные бриллианты, и каждая грань горит разноцветными огнями!

На середине озера виднелся какой-то длинный предмет веретенообразной формы, поднимавшийся над застывшей, неподвижной водой. Из обоих концов его вырывался свет, словно из жерла двух накаленных добела печей.

Предмет этот, напоминавший собой огромное морское животное из породы китообразных, имел в длину около двухсот пятидесяти футов и возвышался над уровнем озера на десять — двенадцать футов.

Лодка медленно подплывала к нему. Сайрес Смит, сидевший на носу, поднялся. Он пристально смотрел вперед и вдруг, в глубоком волнении, воскликнул, схватив журналиста за руку:

— Но ведь это он! Только он, и никто другой! Он!..

И, опустившись на скамью, инженер шепотом произнес имя, которое расслышал лишь Гедеон Спилет.

Имя это, очевидно, было знакомо журналисту, ибо произвело на него глубокое впечатление. Он ответил глухим голосом:

— Он? Человек, объявленный вне закона?

— Он! — повторил Сайрес Смит.

По приказанию инженера лодка подплыла к странному плавучему сооружению. Гребцы

причалили слева к его округлой стенке, откуда сквозь толстое стекло вырывался сноп ослепительного света.

Сайрес Смит и его спутники поднялись на площадку.

Там зияло отверстие отпертого люка. Все устремились в него.

Внизу от лестницы шел коридор, освещенный электричеством. В конце его пришельцы увидели дверь. Сайрес Смит отворил ее.

Торопливо пройдя через богато убранный зал, они вошли в соседнюю с ним библиотеку, где светящийся потолок разливал яркий свет.

В глубине библиотеки оказалась еще одна дверь. Инженер отворил и эту дверь.

И тогда они увидели просторную комнату, похожую на музей, — в ней были собраны и сокровища царства минералов, и произведения искусства, и чудесные промышленные изделия, — колонистам показалось, что они очутились в каком-то волшебном мире.

На роскошном диване неподвижно лежал человек, как будто не заметивший их появления.

Сайрес Смит выступил вперед и, к величайшему удивлению своих спутников, громко сказал:

— Капитан Немо, вы звали нас? Мы пришли.

ГЛАВА XVI

Капитан Немо. — Первые его слова. — История героя, боровшегося за независимость родины. — Ненависть к захватчикам. — Спутники капитана Немо. — Жизнь под водою. — Одиночество. — Остров Линкольна — последнее убежище «Наутилуса». — Таинственный гений острова

При этих словах лежавший на диване человек приподнялся, и свет озарил его лицо: у него была великолепная посадка головы, высокий лоб, гордый взор, седая борода, грива откинутых назад густых волос.

Он встал и оперся рукой на спинку дивана. Взгляд его был спокоен. Заметно было, что долгая болезнь постепенно подточила его здоровье, но голос еще был звучен, когда он сказал по-английски с крайним удивлением:

— У меня нет имени, милостивый государь.

— Мне известно ваше имя, — ответил Сайрес Смит.

Капитан Немо устремил на инженера такой горящий взгляд, словно хотел его уничтожить. Потом, рухнув на диван, он прошептал:

— А не все ли равно в конце концов. Я скоро умру.

Сайрес Смит подошел ближе к капитану Немо, а Гедеон Спилет взял его за руку. Рука была горячая. Айртон, Пенкроф, Герберт и Наб держались на почтительном расстоянии, в углу этого великолепного зала, освещенного электричеством.

Капитан Немо тихонько отвел руку и знаком предложил инженеру и журналисту сесть.

Все смотрели на него с искренним волнением. Так вот он, тот, кого они называли «гением острова», существо могущественное, чье вмешательство во многих случаях оказалось спасительным; вот он, благодетель, которому они столькими обязаны. Перед ними оказался немощный, умирающий человек, меж тем как Пенкроф и Наб ожидали увидеть полубога.

Но как могло быть, что Сайрес Смит знал капитана Немо? Почему капитан Немо вскочил, услышав свое имя, которое, как он думал, никому не ведомо?..

Капитан снова лег на диван и, опираясь на локоть, внимательно посмотрел на Сайреса Смита,

сидевшего возле него.

— Итак, сударь, вы знаете имя, которое я носил? — спросил капитан Немо.

— Знаю, — ответил Сайрес Смит, — и знаю также, как называется замечательная подводная лодка…

— «Наутилус», — сказал с полуулыбкой капитан.

— Да, «Наутилус».

— А знаете вы?.. Знаете ли вы, кто я такой?

— Знаю.

— А ведь уже тридцать лет у меня нет ни малейшей связи с обитаемым миром, тридцать лет я живу в морских глубинах, ибо это единственная среда, где я обрел независимость! Кто же мог выдать мою тайну?

— Некий человек, который не связал себя никакими обязательствами в отношении вас, капитан Немо, и, следовательно, не может быть обвинен в измене.

— Не тот ли француз, который по воле случая попал на борт моего судна шестнадцать лет тому назад?

— Он самый.

— Значит, этот человек и два его спутника не погибли в Мальстриме, когда «Наутилус» очу-

тился там?

— Нет, не погибли. И вот появилась книга под названием «Двадцать тысяч лье под водой», в которой рассказывается история вашей жизни.

— История нескольких месяцев моей жизни, и только, сударь! — с живостью возразил капитан.

— Вы правы, — подтвердил Сайрес Смит. — Но достаточно было прожить близ вас несколько месяцев, чтобы составить о вас суждение…

— Как о великом преступнике, не правда ли? — отозвался капитан Немо, и на губах его мелькнула высокомерная улыбка. — Да, как о мятежнике, об отщепенце человеческого общества.

Инженер ничего не ответил.

— Что же вы молчите, сударь?

— Я не вправе судить капитана Немо, — сказал Сайрес Смит, — по крайней мере судить за его прошлое. Ведь никому, и мне в том числе, не известно, что заставило его вести такую странную жизнь, а не зная причин, нельзя судить о следствиях. Но я твердо знаю, что ваше благодетельное вмешательство непрестанно охраняло нас с того дня, как мы очутились на острове Линкольна; я знаю, что все мы обязаны жизнью доброму, великодушному, могущественному покровителю и что этим добрым, великодуш-

ным, могущественным покровителем были вы, капитан Немо.

— Да, я помогал вам, — просто ответил капитан Немо.

Инженер и журналист встали. Подошли их сотоварищи, желая выразить капитану Немо благодарность, переполнявшую их сердца.

Капитан Немо движением руки остановил их излияния и с волнением, которое он не мог скрыть, сказал:

— Подождите, сначала выслушайте меня.

И капитан Немо в немногих словах, сжато и ясно, рассказал всю свою жизнь.

Рассказ был короткий, однако ж больному пришлось собрать все свои угасающие силы, чтобы довести его до конца. Видно было, что он все больше слабеет. Несколько раз Сайрес Смит просил его отдохнуть, но капитан Немо отрицательно качал головой. Он ведь знал, что может не дожить до завтра, а когда журналист предложил ему свои услуги в качестве врача, Немо ответил:

— Бесполезно, сударь, бесполезно. Мне осталось жить несколько часов.

Капитан Немо был по происхождению индус, сын раджи, правившего независимым тогда княжеством Бундельханда, племянник знаменитого

в Индии героя Типпо-Саиба. Десятилетним мальчиком отец послал его в Европу, желая дать ему всестороннее образование и в тайне надеясь, что когда-нибудь сын его, как равный противник, будет бороться против тех, кого раджа считал угнетателями родной страны.

С десяти до тридцати лет принц Даккар, человек, наделенный высокими дарованиями, благородством души и ума, учился, овладевая различными науками, и достиг больших познаний как в естествоведении и в математике, так и в литературе.

Принц Даккар путешествовал по всей Европе. Благодаря своему знатному происхождению и богатству он везде считался желанным гостем, но утехи светской жизни его никогда не прельщали. Молодой красавец индус всегда был серьезен, даже угрюм и поглощен жаждой знания. В сердце у него горела неумолимая ненависть. Принц Даккар ненавидел. Он ненавидел ту единственную страну, на землю которой ни за что не хотел ступить, единственную страну, чьи заигрывания он постоянно отвергал; он ненавидел Англию, и тем более ненавидел, что во многом восхищался ею.

Этот индус был воплощением ярой ненависти побежденного к победителю. Поработитель не

нашел бы пощады у порабощенного. Сын одного из тех князей, которые лишь на словах покорились Соединенному королевству, принц из рода Типпо-Саиба, воспитанный в духе борьбы за независимость и мести, полный неискоренимой любви к своей поэтической родине, закованной в цепи англичанами, он не желал ступить на землю той страны, которую считал проклятой, ибо она поработила Индию.

Принц Даккар стал художником — чудеса искусства вызывали в нем благородное волнение; стал ученым — ничто не было чуждо ему в области высоких знаний; стал государственным деятелем, изучившим при европейских дворах все тонкости дипломатии. Поверхностному наблюдателю он, может быть, показался бы одним из любопытствующих космополитов, жаждущих все знать, но не способных действовать, одним из тех богатых путешественников, высокомерных пустоцветов, которые непрестанно разъезжают по всему свету и не принадлежат ни одной стране.

А на деле он был совсем не таким. Этот художник, этот ученый, этот одаренный человек оставался душой индусом, полным жажды мести, индусом, лелеявшим надежду, что настанет день,

когда его соотечественники потребуют прав для своей страны, изгонят из нее чужеземцев и возвратят ей независимость.

И вот в 1849 году принц Даккар вернулся в Бундельханд. Он женился на девушке знатного рода, у которой так же, как у него, сердце обливалось кровью при виде страданий отчизны. Жена подарила ему двоих детей, он обожал их. Но, наслаждаясь семейным счастьем, он не мог забыть о порабощении Индии. Он выжидал случая. И случай представился.

Владычество Англии легло слишком тяжелым бременем на все население страны. Принц Даккар стал глашатаем недовольных. Он зажигал в людях огонь той ненависти к чужестранцам, который горел в нем самом. Он разъезжал по всему полуострову — по княжествам, еще независимым, и по областям, уже находившимся в непосредственном управлении англичан. Он взывал к тем героическим дням, когда Типпо-Саиб, защищая родину, пал в бою под Серингапатамом.

В 1857 году вспыхнуло крупное восстание сипаев. Душой его был принц Даккар. Он поднял огромные массы. Он отдал правому делу все свои дарования и свое богатство. Бесстрашно шел он в бой в первом ряду, рисковал своей жизнью так

же, как самый простой человек из этих героев, поднявшихся ради освобождения отчизны. Он участвовал в двадцати схватках и десять раз был ранен. Но тщетно искал он себе смерти, когда последние воины, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями.

Никогда еще владычеству Великобритании над Индией не грозила такая опасность, и если б сипаям, как они на это надеялись, оказали помощь извне, вероятно, в Азии было бы покончено с влиянием и господством Соединенного королевства.

Имя принца Даккара стало в те дни знаменитым. Герой, носивший это имя, не таился и вел борьбу открыто. Голова его была оценена, и, хотя не нашлось ни одного предателя, готового выдать Даккара, за него поплатились жизнью отец, мать, жена и дети — их убили прежде, чем он узнал, какая опасность грозит им из-за него…

Еще раз право было повержено во прах перед силой. Но цивилизация никогда не отступает, можно подумать, что она заимствует свои права у неизбежности. Сипаи были побеждены, и древние княжества раджей вновь подпали под жестокое владычество Англии.

Принц Даккар, которого пощадила смерть, возвратился в горы Бундельханда. Одинокий,

исполненный беспредельного отвращения к самому имени «человек», питая ужас и ненависть к цивилизованному миру, стремясь навсегда бежать от него, он обратил в деньги остатки своего состояния, собрал вокруг себя самых преданных ему соратников и в один прекрасный день куда-то исчез вместе с ними.

Куда же отправился принц Даккар? Где искал он той независимости, в которой ему отказала земля, населенная людьми? Под водой, в глубинах морей — там, где никто не мог преследовать его.

На смену воину пришел ученый. Пустынный остров в Тихом океане послужил ему пристанищем; он заложил там корабельную верфь, и на ней была построена по его чертежам подводная лодка. При помощи способов, которые когда-нибудь станут известны, он сумел воспользоваться неизмеримой механической силой электричества, добывая его из неисчерпаемых источников, и применил эту силу для всех надобностей на своей подводной лодке — электричество служило двигателем судна, освещало и отопляло его. Море и его неисчислимые сокровища, мириады рыб, водные поля с обильно произрастающими на них водорослями, огромные млекопитающие — все то, что природа схоронила в морских пучинах, и

то, что потеряли в них люди, вполне удовлетворяло нужды принца Даккара и всего экипажа, а главное, исполнилось самое горячее его желание — не иметь более никаких связей с землей. Он дал своему судну название «Наутилус», себя назвал капитаном Немо и скрылся под водой.

Много лет капитан плавал в глубинах всех океанов, от одного полюса до другого. Парий в мире людей, он собрал в неведомых подводных мирах дивные сокровища. Миллионы, затонувшие в бухте Виго в 1702 году, когда пошли ко дну испанские галионы с грузом золота, стали для него неистощимым источником богатства, всегда находившимся в его распоряжении, и оставаясь безвестным, он обращал это золото на помощь сражавшимся за независимость своей страны.[13]

Долгое время не имел он никакого общения с людьми, но вдруг в ночь на 6 ноября 1866 года три человека нежданно оказались на борту его корабля: француз-профессор, его слуга и канадский рыбак. Людей этих капитан Немо подобрал, когда они упали в море во время столкновения «Наутилуса» с американским фрегатом «Авраам Линкольн», гнавшимся за подводной лодкой.

---

[13] Примечания: 13

Речь идет о восстании греков, которым капитан Немо действительно помогал таким образом. *(Примеч. автора.)*

Капитан Немо узнал тогда от профессора, что «Наутилус» принимают то за исполинское морское животное из семейства китообразных, то за подводную лодку, принадлежавшую пиратам, и что за ним охотятся во всех морях.

Капитан Немо мог бы бросить в океан трех чужаков, которые волей случая вторгнулись в его таинственное существование. Но он этого не сделал, он держал их у себя пленниками, и в течение семи месяцев они были свидетелями всех чудесных перипетий путешествия, когда корабль капитана Немо проплыл под водой двадцать тысяч лье.

Двадцать второго июня 1867 года этим трем пленникам, ничего не знавшим о прошлом капитана Немо, удалось бежать — они уплыли на лодке, похищенной ими с «Наутилуса». Но так как в это время «Наутилус» захватило стремительное течение Мальстрима и повлекло к берегам Норвегии, капитан считал, что, попав в этот ужасный водоворот, беглецы нашли себе могилу в пучине моря. Ему так и осталось неизвестным, что французу и двум его спутникам каким-то чудом удалось спастись, что их выбросило на берег, что их подобрали рыбаки с Лофотенских островов и что профессор, возвратившись во Францию,

напечатал книгу, в которой он рассказал о своем семимесячном плавании на борту «Наутилуса», сделав достоянием любопытных читателей многочисленные приключения, происходившие во время этого необычайного путешествия.

Еще долго капитан Немо вел такую жизнь, плавая по всем морям. Но вот умерли один за другим все его спутники, и он похоронил их на коралловом кладбище на дне Тихого океана. Пусто стало на «Наутилусе» — из всех, кто бежал на нем от мира людей, в живых остался лишь капитан Немо.

Ему было тогда шестьдесят лет. Одинокому старику удалось провести «Наутилус» в одну из подводных гаваней, где его корабль иногда отстаивался после плавания.

Этой гаванью служила пещера, образовавшаяся под островом Линкольна, она была и теперь пристанищем «Наутилуса».

Уже шесть лет жил тут капитан Немо, не пускаясь в плавания, ибо он ждал смерти — того мгновения, когда он соединится со своими товарищами, и вдруг по воле случая он оказался очевидцем падения воздушного шара, на котором бежали из Ричмонда узники «южан». Надев скафандр, он совершал под водой прогулку в

нескольких кабельтовых от острова, в том месте, где инженера Смита поглотило море. Капитан Немо поддался порыву великодушия и спас Сайреса Смита.

Сначала он хотел бежать от пятерых аэронавтов, потерпевших крушение, но выход из его гавани был закрыт: под действием вулканических сил поднялось дно базальтовой пещеры, и «Наутилус» уже не мог выбраться из своего подземелья. Там, где было достаточно глубоко для легкой лодки, не мог пройти «Наутилус», ибо его осадка была довольно велика.

Итак, капитан Немо остался. Он стал наблюдать за своими соседями, выброшенными на необитаемый остров и лишенными самого необходимого. Но сам он не хотел показываться им на глаза. Мало-помалу, видя, какие это благородные, энергичные люди, какой братской дружбой они связаны меж собой, он заинтересовался их борьбой с природой. Волей-неволей он проник во все тайны их жизни. В водолазном костюме ему нетрудно было пробираться на дно провала, существовавшего внутри Гранитного дворца; поднявшись по выступам на стенках этого колодца до верхнего его отверстия, он слышал, как колонисты рассказывали о своем прошлом, го-

ворили о теперешнем своем положении и своих планах на будущее. От них он узнал о кровопролитной борьбе, в которой одна часть Америки поднялась против другой во имя уничтожения рабства негров. Да, эти люди, случайно попавшие на остров, были достойны всяческого уважения и могли бы примирить капитана Немо с человечеством, ибо являлись благороднейшими его представителями.

Капитан Немо спас Сайреса Смита. Он же привел его собаку в Трущобы, он спас Топа от дюгоня в глубине озера; он подбросил на мыс Находки ящик, в котором было столько вещей, полезных для колонистов; он отвязал лодку, и она поплыла вниз по реке Благодарения; во время нашествия обезьян он сбросил вниз веревочную лестницу, укрепленную у двери Гранитного дворца; пустив по морю запечатанную бутылку с запиской, он сообщил, что Айртон находится на острове Табор; он взорвал разбойничий бриг при помощи подводной мины, поставленной на дне пролива; он спас Герберта от смерти, принеся для него сернокислый хинин, и, наконец, он же сразил бандитов электрическими пулями — своим изобретением, которым он пользовался на подводной охоте. Вот чем объяснялось столько происшествий, которые

могли показаться сверхъестественными; все они свидетельствовали о великодушии и могуществе капитана Немо.

У этого человеконенавистника была потребность творить добро. Ему хотелось еще раз помочь людям, для которых он столько сделал, дать им несколько полезных советов, к тому же он чувствовал приближение смерти; в этот грозный час, дав волю своему сердцу, он, как мы знаем, призвал к себе колонистов, воспользовавшись проводом, который соединял кораль с «Наутилусом», где тоже был установлен телеграфный аппарат. Быть может, он не позвал бы их, если б знал, что его история отчасти известна Сайресу Смиту и что тот назовет его именем Немо.

Капитан Немо закончил повесть своей жизни. Тогда взял слово Сайрес Смит; он напомнил все случаи, когда вмешательство великодушного незнакомца оказалось благотворным для колонии, и поблагодарил его от своего имени и от имени своих сотоварищей за все, что он сделал для них.

Но капитан Немо не требовал признательности за свои услуги. Одна последняя мысль волновала его, и, пожимая руку, протянутую ему инженером, он сказал:

— А теперь, сударь, когда вы знаете мою жизнь, судите меня.

Говоря это, капитан, очевидно, намекал на тот злополучный случай, свидетелями которого были три иностранца, попавшие на борт «Наутилуса», — об этом происшествии француз-профессор, несомненно, рассказал в своей книге, и оно должно было получить печальную известность.

В самом деле, за несколько дней до бегства профессора и двух его спутников «Наутилус», находившийся в северных широтах Атлантического океана, ринулся на преследовавший его фрегат, протаранил его своим корпусом и потопил без всякой жалости.

Сайрес Смит понял намек и ничего не ответил.

— Ведь это был английский фрегат! — воскликнул капитан Немо, в котором ожил на мгновение принц Даккар. — Английский фрегат! Вы слышите? Он напал на меня. Запер меня в узкой, мелкой бухте… Мне нужно было вырваться… и я вырвался! — Затем он промолвил более спокойно: — И право и справедливость были на моей стороне. Всюду, где мог, я делал людям добро. Иной раз приходилось делать и зло. Не всегда прощение является актом справедливости!

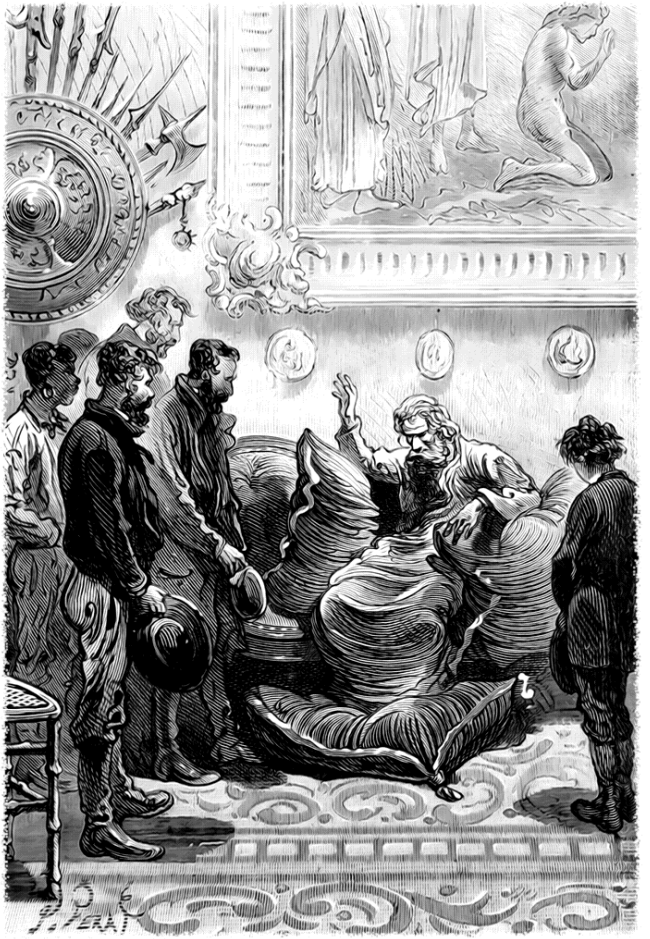
И после краткой паузы капитан Немо повто-

рил:

— Что вы думаете обо мне, господа?

Сайрес Смит протянул капитану руку и серьезным тоном ответил:

— Капитан Немо, ваша вина в том, что вы хотели возродить прошлое и боролись против необходимости, против прогресса. Подобные заблуждения у одних вызывают восторг, других возмущают; разумом человеческим их можно понять, а судья им — один лишь бог. Вы шли неверным путем, но из добрых побуждений, и, борясь против такого человека, к нему не теряют уважения. Ваши ошибки принадлежат к числу тех, которые не порочат честного имени, и вам нечего бояться суда истории. Она любит героические безумства, хотя и выносит строгий приговор их последствиям.



Капитан Немо тяжело вздохнул и, подняв руку к небу, тихо сказал:

— Прав я был или не прав?

Сайрес Смит повторил:

— О великих деяниях пусть судит бог, ведь все от него исходит! Капитан Немо, честные люди, стоящие здесь, люди, которым вы столько помогли, всегда будут оплакивать вас.

Герберт подошел к капитану Немо и, опустившись на колени, взял его руку и поцеловал.

Слезы покатились из глаз умирающего.

— Дитя мое, — прошептал он, — благословляю тебя!..

ГЛАВА XVII

Последние часы капитана Немо. — Воля умирающего. — Подарок друзьям, которые знали его лишь один день. — Гроб капитана Немо. — Советы остающимся. — Последние минуты. — В пучине морской

Настал день, но ни единый проблеск солнца не проник во мрак пещеры. Прилив заградил вход в нее со стороны моря. Но искусственный свет, вырывавшийся длинными пучками лучей сквозь выпуклые стекла на носу и корме «Наутилуса», не

угасал, и водная гладь все так же сверкала вокруг удивительного корабля.

Бесконечная усталость овладела капитаном Немо, он снова упал на диван. Нечего было и помышлять о том, чтобы перенести его в Гранитный дворец, — он выразил желание остаться на «Наутилусе» среди бесценных сокровищ, какие не купить бы и за миллионы; тут он решил ждать уже недалекого часа смерти.

Пока больной лежал неподвижно, почти без сознания, Сайрес Смит и Гедеон Спилет внимательно наблюдали за его состоянием. Видно было, что он постепенно угасает. Силы покидали его; некогда могучее тело стало хрупкой оболочкой души, готовой расстаться с миром. Вся жизнь сосредоточилась в сердце и в мозгу.

Инженер и журналист шепотом посовещались между собой. Какие врачебные средства применить? Может быть, удастся если не спасти, то хотя бы продлить его жизнь на несколько дней? Сам же он решил, что никакие средства не помогут, и спокойно ждал последнего своего часа — он не боялся смерти.

— Мы тут беспомощны, — сказал Гедеон Спилет.

— Да от чего же он умирает? — спросил Пенк-

роф.

— Силы угасли, — ответил журналист.

— А все-таки, — продолжал моряк, — вынести бы его на свежий воздух, на солнышко, может, он и ожил бы.

— Нет, Пенкроф, — ответил инженер, — нечего и пытаться! Да капитан Немо и не согласится покинуть свое судно. Он уже тридцать лет живет на «Наутилусе» и хочет на «Наутилусе» умереть.

Вероятно, капитан Немо услышал ответ Сайреса Смита — он немного приподнялся и слабым голосом, но внятно произнес:

— Вы совершенно правы, сударь. Я должен, да и сам хочу умереть тут. И у меня к вам просьба.

Сайрес Смит и его товарищи подошли к дивану, поправили подушки, чтобы больному удобнее было лежать.

Они заметили, что капитан Немо обводит глазами чудеса, собранные в его комнате, залитой мягким электрическим светом, падавшим с отделанного арабесками светящегося потолка; он оглядел одну за другой картины, развешанные по стенам, затянутым великолепными гобеленами, — шедевры итальянских, фламандских, французских и испанских художников; скульптуры — уменьшенные бронзовые и мраморные

копии прославленных статуй, стоявшие на пьедесталах; прекрасный орган, поставленный у задней стены; витрины со всякими редкостями, окружавшие устроенный в середине зала бассейн, где красовались прекраснейшие образцы морской фауны и флоры: водоросли, морские травы, морские животные, подобные растениям, и растения, подобные животным; жемчужные раковины и нитки бесценных жемчугов, наконец его взгляд остановился на словах, начертанных над дверью этого музея и являвшихся девизом «Наутилуса»:

MOBILIS IN MOBILI[14]

Казалось, он в последний раз любовался этими дивными творениями искусства и природы, которыми ограничил свой кругозор за долгие годы жизни в глубинах океана.

Сайрес Смит не решался нарушить молчание капитана Немо, ожидая, когда он сам заговорит. Так прошло несколько минут; должно быть, перед глазами умирающего за эти краткие мгновения прошла вся его жизнь. Наконец капитан Немо повернулся лицом к колонистам и сказал:

---

[14] Примечания: 14
Подвижный в подвижном *(лат.)*.

— Вы считаете, господа, что я заслуживаю некоторой признательности с вашей стороны?..

— Капитан, все мы отдали бы жизнь, лишь бы продлить ваши дни!

— Прекрасно, — продолжал капитан Немо, — прекрасно! Обещайте мне, что вы исполните мою последнюю волю, и я буду тогда вознагражден за все, что сделал для вас.

— Обещаем, — ответил Сайрес Смит, давая обязательство за себя лично и за своих товарищей.

— Господа, — проговорил капитан, — завтра я умру.

Движением руки он остановил Герберта, хотевшего что-то возразить.

— Завтра я умру, — повторил он, — и хочу, чтобы «Наутилус» стал моим гробом. Иного гроба мне не надо. Все мои друзья покоятся на дне моря. Я хочу быть вместе с ними.

Слова капитана Немо были встречены глубоким молчанием.

— Выслушайте меня, господа, — промолвил он. — «Наутилус» стал пленником, ибо дно этой пещеры поднялось у входа. Но если для него теперь невозможно бежать из своей темницы, он по крайней мере может опуститься в бездну, таящуюся здесь, и похоронить в ней мой прах.

Колонисты слушали его с благоговейным вниманием.

— Завтра, после моей смерти, — продолжал капитан Немо, — вы, мистер Смит, и ваши товарищи должны покинуть «Наутилус», и я хочу, чтобы все богатства, которые собраны в нем, исчезли вместе со мной. Вам на память о принце Даккаре, чью историю вы теперь знаете, я оставлю только одно: вот этот ларчик… В нем лежат бриллианты на несколько миллионов; по большей части с ними связаны воспоминания о той поре моей жизни, когда я был супругом и отцом, когда я верил, что на земле возможно счастье. А еще лежат там отборные жемчуга, найденные мною и моими друзьями на дне морей. Владея этими сокровищами, вы когда-нибудь сделаете много хорошего, я убежден в этом. В руках таких людей, как вы и ваши товарищи, мистер Смит, деньги не станут орудием зла. Душа моя будет участницей ваших дел: я верю вам и ничего не опасаюсь.

Капитан Немо умолк — от слабости он не мог говорить, но, отдохнув немного, промолвил:

— Завтра вы возьмете этот ларчик, выйдете из комнаты и запрете дверь. Потом подниметесь на площадку «Наутилуса», опустите крышку люка и задраите ее.

— Все будет сделано, капитан, — ответил Сайрес Смит.

— Хорошо. Потом садитесь в лодку, на которой прибыли сюда. Но, прежде чем покинуть «Наутилус», подплывите к его корме и откройте там два больших крана, расположенных на ватерлинии. Вода хлынет в камеры. «Наутилус» постепенно погрузится в воду и будет погребен на дне пропасти.

В ответ на движение, вырвавшееся у Сайреса Смита, капитан Немо добавил:

— Не бойтесь, вы действительно похороните мертвеца.

Ни Сайрес Смит, ни его товарищи не считали себя вправе что-либо возразить капитану Немо. Он изъявил последнюю свою волю, им следовало только ее выполнить.

— Вы дали мне слово, господа, — тихо сказал умирающий.

— Мы его сдержим, — ответил инженер.

Капитан лишь знаком выразил благодарность и попросил оставить его одного на несколько часов. Гедеон Спилет предложил побыть возле него на случай, если ему понадобится врачебная помощь, но умирающий отказался:

— Не бойтесь, до завтра я проживу.

Все вышли из комнаты и, пройдя через библиотеку и столовую, направились в носовую часть судна — в машинное отделение, где стояли электрические аппараты, которые давали «Наутилусу» свет, тепло и являлись его двигателями.

«Наутилус» был настоящим чудом техники, заключавшим в себе много других чудес, и инженер восторгался им.

Колонисты поднялись на площадку, возвышавшуюся над водой на семь-восемь футов. Они прилегли там близ очень выпуклой линзы из толстого стекла, сквозь которое электричество бросало во мрак потоки света. За ней виднелась пустая кабина, где установлены были рули управления. Когда-то там находился рулевой, который вел «Наутилус» сквозь толщу морских вод, и электричество озаряло ему путь, бросая на большое расстояние свои лучи.

Взволнованные тем, что им привелось увидеть и услышать, Сайрес Смит и его товарищи дол-

го молчали; у каждого сжималось сердце при мысли, что человек, столько раз протягивавший им руку помощи, их покровитель, которого они узнали лишь несколько часов назад, умирает.

Какой бы приговор ни вынесли грядущие поколения делам и поступкам, совершенным в столь удивительной жизни, прошедшей, можно сказать, вне человеческого общества, принц Даккар все же останется одним из тех необычайных образов, воспоминание о которых никогда не изгладится.

— Что за человек! — сказал наконец Пенкроф. — Подумать только — годы и годы жил на дне океана! А зачем? Ведь, поди, и тут не нашел себе покоя!

— Может быть, «Наутилус» пригодился бы нам, — заметил Айртон, — мы на нем ушли бы с острова Линкольна и доплыли бы до какой-нибудь обитаемой земли.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Никогда бы я не решился управлять таким корабликом! Плыть по морям — пожалуйста! А уж под морями — ни за что!

— А я думаю, Пенкроф, — возразил журналист, — что управлять такой подводной лодкой, как «Наутилус», должно быть, очень легко, и

мы все быстро освоились бы с этим делом. Не пришлось бы бояться ни бурь, ни нападений пиратов. На глубине в несколько футов в море царит спокойствие, как в тихом озере.

— Может, и так, — ответил моряк. — А по-моему, крепкий шторм на борту хорошо оснащенной шхуны куда лучше такой тишины. Кораблям положено плавать по воде, а не под водой.

— Друзья мои, — сказал инженер, — бесполезно, во всяком случае бесполезно в отношении «Наутилуса», обсуждать вопрос о подводных лодках. «Наутилус» нам не принадлежит, и мы не имеем права им распоряжаться. Он ни в коем случае не может сослужить нам службу. Дело не только в том, что ему уже не выйти из пещеры, ибо дно ее у входа поднялось. Вспомните, ведь капитан Немо желает, чтобы море поглотило его корабль вместе с ним. Волю свою он выразил совершенно ясно, и мы ее исполним.

Побеседовав еще некоторое время, Сайрес Смит и его товарищи спустились в каюты «Наутилуса». Подкрепившись пищей, друзья возвратились в тот зал, где лежал капитан Немо.

Он как будто уже не испытывал крайней слабости, сковывавшей его, глаза у него блестели, на губах играла слабая улыбка.

Колонисты подошли к нему.

— Господа, — сказал он, — вы мужественные, честные и добрые люди. И вы всецело преданы вашему общему делу. Я часто наблюдал за вами. Я вас полюбил, я люблю вас!.. Дайте руку, мистер Смит.

Сайрес Смит протянул руку, капитан Немо крепко пожал ее.

— Вот и хорошо! — прошептал он, потом произнес громко: — Но довольно говорить обо мне. Лучше побеседуем о вас самих и об острове Линкольна, на котором вы нашли себе приют… Вы рассчитываете уехать отсюда?

— Но мы обязательно вернемся! — с живостью ответил Пенкроф.

— Вернетесь?.. Что ж, Пенкроф, я знаю, как вы любите этот остров, — сказал капитан, улыбаясь. — Здесь очень многое изменилось вашими стараниями, и это действительно ваш остров.

— У нас вот какие планы, капитан, — сказал тут Сайрес Смит, — принести остров в дар Соединенным Штатам и основать здесь порт для стоянки нашего морского флота, очень удачно расположенный в этой отдаленной части Тихого океана.

— Вы думаете о вашей стране, господа, — ответил капитан. — Вы трудились во имя ее

процветания, ее славы. И вы правы. Родина!.. Конечно, надо возвратиться на родину. Умереть надо на родине!.. А я вот умираю вдали от всего, что было мне дорого!

— Может быть, вы желаете передать кому-нибудь вашу последнюю волю? — спросил инженер. — Может быть, хотите что-нибудь завещать на память друзьям? У вас, верно, остались друзья в горах Индии.

— Нет, мистер Смит. У меня больше нет друзей! Я последний в нашем роду… А те, кто знал меня, считают, что я уже давно умер… Но возвратимся к вашей судьбе. Одиночество, оторванность от людей — участь печальная, непосильная… Я вот умираю потому, что вообразил, будто можно жить одному!.. Вы должны все сделать, чтобы уехать отсюда и вновь увидеть ту землю, где вы родились. Я знаю, эти негодяи уничтожили судно, которое вы построили…

— Мы уже строим другое судно, — сказал Гедеон Спилет, — хотим сделать его довольно большим, чтоб можно было доплыть на нем до ближайшей земли. Но если нам удастся уехать с острова Линкольна, мы все равно рано или поздно вернемся. Слишком много воспоминаний у нас связано с островом, и нам его не забыть!

— И здесь судьба свела нас с капитаном Немо, — сказал Сайрес Смит.

— Здесь мы будем часто, часто вспоминать вас, — добавил Герберт.

— Здесь я найду себе покой, уснув вечным сном, если только… — промолвил капитан Немо.

Он запнулся и, оборвав начатую фразу, сказал:

— Мистер Смит, я хотел бы поговорить с вами… с глазу на глаз.

Товарищи инженера, уважая желание умирающего, вышли из комнаты.

Несколько минут капитан Немо беседовал о чем-то с Сайресом Смитом наедине, потом инженер позвал своих друзей, но не сказал им ни слова из того, что умирающий пожелал поведать ему.

Гедеон Спилет внимательно вглядывался в лицо капитана Немо. Было ясно, что больного поддерживает только сила воли, но скоро ему уже не одолеть все возрастающей телесной слабости.

До вечера в состоянии больного как будто не было никаких перемен. Колонисты ни на минуту не покидали «Наутилуса». Спустилась ночь, хотя наступления ее невозможно было заметить в этом склепе.

Капитан Немо не испытывал никаких страданий, но силы его иссякли. Лицо, запечатленное

благородной красотой, осунулось, покрылось мертвенной бледностью. Из уст порой вырывались еле слышные слова — должно быть, ему вспоминались то одни, то другие события его удивительного существования. Чувствовалось, что жизнь постепенно покидает его тело, конечности уже похолодели.

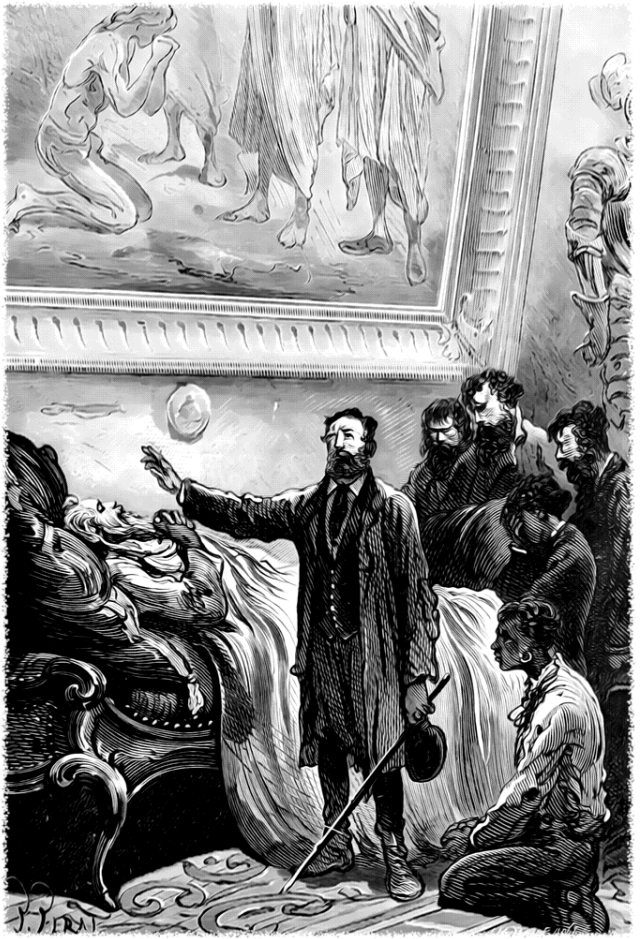
Раза два он еще обращал несколько приветливых слов к колонистам, стоявшим возле него, улыбался им той светлой улыбкой, которая навеки застывает на лице умершего.

Вскоре после полуночи, собрав последние силы, капитан Немо с трудом поднял руки и скрестил их на груди, словно хотел умереть именно в этом положении.

Около часа ночи вся жизнь сосредоточилась у него в пристальном взгляде. Последний раз сверкнули огнем его зеницы, когда-то горевшие пламенем. Потом он прошептал: «Бог и родина!» — и тихо скончался.

Сайрес Смит наклонился и закрыл глаза тому, кто некогда был принцем Даккаром, а теперь уже не был и капитаном Немо.

Герберт и Пенкроф плакали. Айртон смахнул набежавшую слезу. Наб опустился на колени, а журналист словно окаменел.



Сайрес Смит поднял руку над головой усопшего.

— Упокой, господи, его душу! — сказал он и, повернувшись к друзьям, добавил: — Помолимся за того, кого мы лишились!

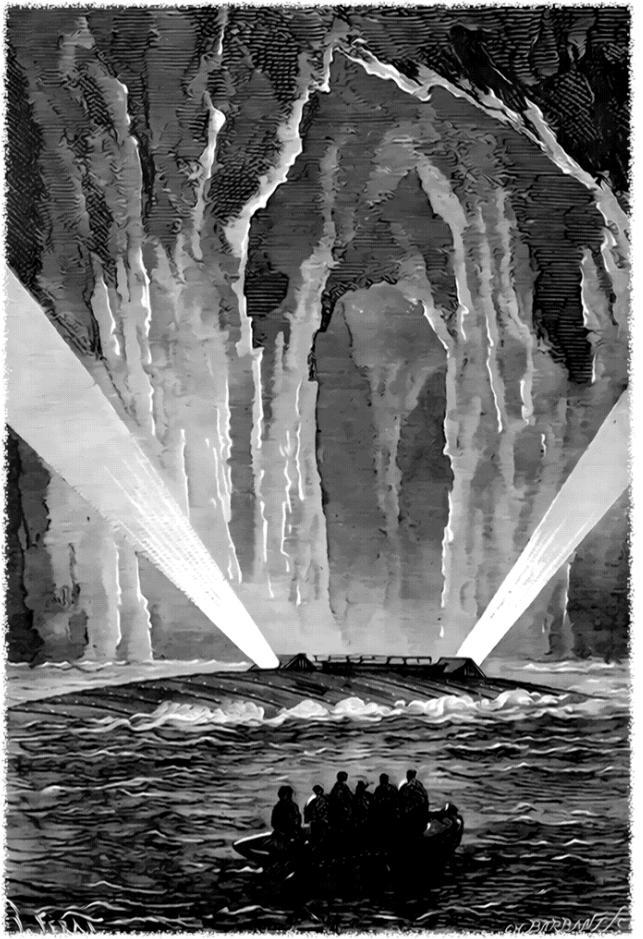
Несколько часов спустя они сдержали свое слово, выполнив последнюю волю умершего.

Сайрес Смит и его товарищи покинули «Наутилус», унося с собою единственный дар, завещанный покойным их благодетелем, — ларец, содержавший в себе огромные богатства.

Они тщательно заперли великолепный, по-прежнему ярко освещенный зал. Стальную дверь люка задраили крепко-накрепко, чтобы ни одной капли воды не проникло в каюты «Наутилуса».

Затем колонисты сели в лодку, пришвартованную к борту «Наутилуса».

Лодку подвели к корме. Там на ватерлинии были устроены широкие краны, сообщавшиеся с камерами, предназначенными для погружения корабля.



Открыли оба крана, камеры наполнились водой, и «Наутилус», опускаясь все ниже, исчез под ее безмятежной гладью.

Но колонисты еще долго видели его в глубине сквозь толщу морской воды; при свете мощных электрических фонарей она сверкала прозрачной голубизной, меж тем как пещера снова стала черным склепом. Но наконец широкий сияющий ореол корабля померк, и «Наутилус», ставший гробом капитана Немо, лег недвижно на дно океана.

ГЛАВА XVIII

Размышления колонистов. — Возобновление работ на верфи. — Первое января 1869 года. — Столб дыма над вулканом. — Первые признаки извержения. — Айртон и Сайрес Смит направляются в кораль. — Исследование пещеры Даккара. — Что сказал капитан Немо Сайресу Смиту

Как только забрезжил рассвет, поселенцы в полном молчании добрались до выхода из пещеры, которую в память усопшего капитана Немо они окрестили «пещерой Даккара». Отлив уже начался, и они без труда выбрались из грота, не

обращая внимания на небольшие волны, лизавшие подножие базальтовых стен.

Лодку оставили тут же, в укромном уголке, недосягаемом для волн. Для вящей безопасности Пенкроф, Наб и Айртон соединенными усилиями втащили ее на небольшую отмель, идущую вдоль одной из стен пещеры, где лодке ничто не угрожало.

С первыми проблесками зари гроза утихла. Только где-то далеко на западе еще ворчал гром, но раскаты его становились все глуше. Дождь перестал, однако небо было по-прежнему затянуто тучами. Словом, октябрь, первый весенний месяц в Южном полушарии, начался неблагоприятно, и порывистый ветер, все время переходивший от одного румба на другой, предвещал неустойчивую погоду.

Сайрес Смит с друзьями, выбравшись из грота Даккара, повернули в кораль. По дороге Наб с Гербертом отвязали провод, который капитан провел между коралем и пещерой; они справедливо рассудили, что этот провод может им пригодиться впоследствии.

Поселенцы только изредка перебрасывались отрывистыми фразами. Они еще находились под впечатлением всех тех событий, которые разыг-

рались в ночь с 15 на 16 октября. Их неведомый покровитель, приходивший к ним на помощь в самые трудные минуты, человек, которого они в душе почитали своим добрым гением, их капитан Немо, ушел из жизни. «Наутилус» вместе со своим хозяином погребен на дне океана. И каждый невольно еще острее ощущал свою оторванность от остального мира. Колонисты привыкли рассчитывать на вмешательство этой могущественной силы, которой, увы, уже не стало, и даже Гедеон Спилет, даже Сайрес Смит поддались общему настроению. Вот почему, направляясь в кораль, оба хранили глубокое молчание.

Около девяти часов утра поселенцы возвратились в Гранитный дворец.

Было решено продолжить постройку корабля и вести работы в самом спешном порядке. Сайрес Смит отдавал этому делу все свое время, все свое умение. Неизвестно, что готовило им будущее. Иметь в своем распоряжении большое хорошее судно, на котором можно будет пуститься в плавание даже в бурю, а при случае предпринять и длительное путешествие, значило иметь лишний шанс на спасение. Если, закончив постройку судна, колонисты не решатся сразу покинуть остров Линкольна и добраться до Полинезии или

берегов Новой Зеландии, то во всяком случае они смогут посетить остров Табор, чтобы оставить там записку с указанием нового местонахождения Айртона. А сделать это необходимо на тот случай, если шотландская яхта вновь появится в здешних водах. Нельзя же в самом деле пренебрегать подобной возможностью!

Таким образом, прерванные работы начались вновь. Сайрес Смит, Пенкроф и Айртон с помощью Наба, Гедеона Спилета и Герберта работали не покладая рук, если только их не отвлекало какое-нибудь другое, более неотложное дело. Судно должно было быть готово через пять месяцев, то есть к началу марта, — только в этом случае они могли добраться до острова Табор, потому что с равноденствием начинались ветры, не позволявшие пускаться в плавание. И вот плотники не теряли ни минуты. Впрочем, им не приходилось заботиться об оснастке, так как оснастку «Быстрого», к счастью, удалось полностью спасти. Прежде всего надо было закончить постройку корпуса.

Конец 1868 года прошел в этих важных работах, за которыми были почти позабыты все прочие дела. Через два с половиной месяца шпангоуты были поставлены на место и прикреплены первые доски бортовой обшивки. Уже сейчас можно

было смело утверждать, что Сайрес Смит не зря трудился над проектом судна и оно выдержит любые испытания. Пенкроф же работал с каким-то ожесточением, и когда кто-нибудь из колонистов сменял плотничий топор на охотничье ружье, он, не стесняясь, осыпал нерадивого упреками. Однако необходимо было пополнить запасы в кладовых Гранитного дворца из-за приближения зимы. Но что до того было Пенкрофу! Славный моряк, недосчитавшись кого-нибудь из товарищей по работе, каждый раз выходил из себя. В таких случаях он, не переставая брюзжать, один работал за шестерых.

Все лето погода не баловала поселенцев. В течение нескольких дней стояла нестерпимая жара, воздух был насыщен электричеством, то и дело разражались страшные грозы. Круглые сутки слышались отдаленные раскаты грома. Небо глухо, но непрерывно ворчало — явление довольно обычное в экваториальных зонах.

Первый день нового, 1869 года ознаменовался жесточайшей грозой, и молния много раз ударяла в остров. Несколько огромных деревьев разбило и сломало грозой и в том числе одно из великолепных крапивных деревьев, защищавших птичий двор со стороны южной оконечности озера. Уж не

существовало ли непосредственной связи между этими чудовищными грозами и теми явлениями, что совершались в недрах земли? Не были ли эти грозы отражением тех сдвигов, которые происходили в глубинных слоях земного шара? Сайрес Смит склонялся к этому предположению, тем более что полоса гроз сопровождалась усилением деятельности вулкана.

Третьего января Герберт, вставший с первыми лучами солнца, поднялся на плато Кругозора, чтобы оседлать онагра, как вдруг он заметил над кратером вулкана огромный столб дыма.

Герберт поспешил предупредить остальных поселенцев, они тут же поднялись на плато и стали внимательно смотреть в указанном направлении.

— Эге, — воскликнул Пенкроф, — на сей раз это уж не просто пар! Похоже, что наш богатырь не только дышит, но и курит!

И хотя Пенкроф выразил свою мысль чересчур образно, он вполне точно определил те явления, которые наблюдались над кратером вулкана. Вот уже три месяца из кратера вырывались густые клубы пара, но они указывали лишь на происходящее в недрах вулкана кипение расплавленных масс. Теперь его вершину венчали уже не клубы

пара, а густой дым; в небо подымался плотный сероватый столб, достигавший у основания трехсот футов в объеме и высотой в семьсот — восемьсот футов; там, на этой высоте, он расплывался, напоминая по форме огромный гриб.

— В трубе загорелась сажа, — произнес Гедеон Спилет.

— И мы не можем ее потушить! — в тон ему ответил Герберт.

— Хорошо, если бы каждый вулкан время от времени прочищали трубочисты, — заметил Наб самым серьезным тоном.

— Браво, Наб! — воскликнул Пенкроф. — Уж не хочешь ли ты взяться за ремесло вулканочиста?

И моряк громко рассмеялся своей собственной шутке.

Сайрес Смит внимательно наблюдал за клубами густого дыма, вырывавшимися из жерла горы Франклина; он даже стоял немного в стороне от товарищей, слегка вытянув шею, как бы стараясь уловить отдаленный гул извержения. Затем он подошел к своим товарищам и сказал:

— Действительно, друзья мои, в вулкане произошли значительные изменения. Не будем скрывать от себя этого обстоятельства. Вулканические массы находятся не только в состоянии

кипения, они уже разгорелись, и, возможно, в недалеком будущем нам угрожает извержение!

— Ну и пусть себе, мистер Сайрес! — воскликнул Пенкроф. — Если оно получится на славу, это самое извержение, мы ему поаплодируем, и дело с концом! У нас, полагаю, есть дела поважнее всех этих вулканов!

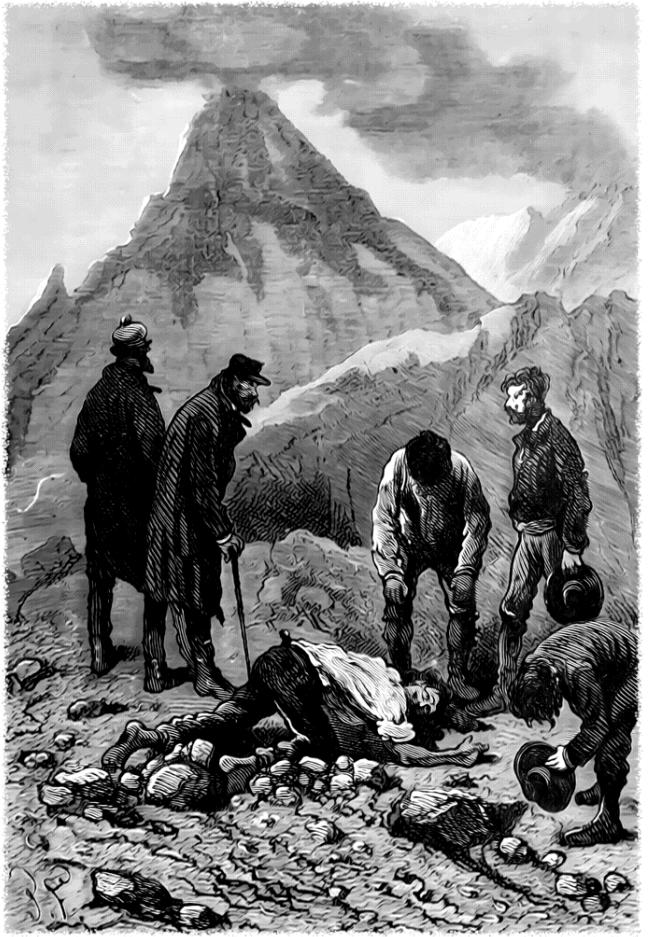
— Нет, Пенкроф, — возразил Сайрес Смит, — старый путь по-прежнему открыт для лавы, а кратер наклонен таким образом, что до сих пор ее поток изливался в северном направлении. А все же…

— А все же, — подхватил Гедеон Спилет, — поскольку от извержения вулкана нам никакой пользы не будет, лучше всего обойтись без такового.

— Как знать! — возразил моряк. — А вдруг наш вулкан возьмет да и выбросит специально для нас какие-нибудь полезные и редкие ископаемые. Не беспокойтесь, мы уж сумеем воспользоваться его любезностью.

Но Сайрес Смит неодобрительно покачал головой, всем своим видом говоря, что лично он не ждет ничего хорошего от процесса, развивавшегося столь стремительно. Он не мог так легко и беспечно, как Пенкроф, относиться к предстоя-

щему извержению. Если из-за наклона кратера поток лавы и не угрожает непосредственно лесистой и возделанной части острова, возможны иные, весьма печальные последствия. Как известно, извержение вулкана нередко сопровождается землетрясением. Остров такого происхождения, как остров Линкольна, может просто распасться на части, ведь по своей структуре он состоит из самых различных пород: из базальта и гранита, застывшей лавы на севере и рыхлых почв на юге, а эти породы, конечно, не прочно связаны между собой. Если даже самое истечение лавы не несет серьезной опасности, то слабый подземный толчок неизбежно приведет к самым трагическим последствиям.



— Мне кажется, — вдруг сказал Айртон (он лег и прижался ухом к земле), — мне кажется, что я слышу приглушенный грохот, знаете, как будто грохочет повозка, нагруженная железными брусьями.

Колонисты внимательно прислушались и должны были признать правоту Айртона. Грохот временами сопровождался подземным гулом, который то усиливался, то затихал, — казалось, там, в недрах земли, проносится яростный вихрь. Однако пока еще не было слышно характерных для извержения звуков, напоминающих выстрелы. Следовательно, пары и дым свободно вырывались из главного кратера, а если выходное отверстие достаточно широко, то можно не опасаться ни взрыва, ни резких смещений земной коры.

— А ну его! — сказал Пенкроф. — Давайте-ка лучше возьмемся за дело. Пусть себе гора Франклина курит, пусть ревет, воет, пусть выбрасывает огонь и пламя, сколько ее душе угодно, неужели из-за таких пустяков сидеть сложа руки! Идемте же, Айртон, пойдем, Наб, пойдем, Герберт, и вы, мистер Сайрес, и вы, мистер Спилет, сегодня нам всем не грех хорошенько потрудиться! Сейчас мы будем ставить ширстрек, а для такого

дела и десятка рук маловато. Чего я хочу? Чтобы наш новый «Бонадвентур» — ведь мы его «Бонадвентуром» назовем, верно ведь? — так вот я хочу, чтобы не дольше как через два месяца наше новое судно уже красовалось в порту Воздушного шара. А если так, то не будем терять зря времени!

Все колонисты послушно пошли за Пенкрофом на верфь, где строился корабль, и приступили к креплению ширстрека — толстой обшивки, которая образует пояс судна, прочно связывающий между собой части судового набора. Нелегкая это была работа, и Пенкроф справедливо требовал, чтобы все в ней приняли участие.

Весь день 3 января они не покидали верфи, позабыв о вулкане, которого, впрочем, и не было видно с берега у Гранитного дворца. Но раза два или три густая тень застилала солнце, совершавшее свой обычный дневной путь по безоблачному небу, — это плотное облако дыма проходило между светилом и островом. Ветер, дувший с моря, уносил дым и пар куда-то на запад. От внимания Сайреса Смита и Гедеона Спилета не ускользнули эти затемнения, они не раз обменивались замечаниями по поводу той быстроты, с какой назревало извержение, однако не бросали работы. Оба понимали, что в их же

интересах, в интересах всей колонии, построить корабль в возможно короткий срок. При хорошем судне им не страшны любые неожиданности. И кто знает, не окажется ли в один прекрасный день этот корабль их единственным прибежищем?

Вечером, после ужина, Сайрес Смит вместе с Гедеоном Спилетом и Гербертом отправились на плато Кругозора. Сумрак уже окутал землю, но темнота благоприятствовала их задаче — установить, не примешивается ли к пару и дыму, окутывавшим кратер вулкана, еще и огонь, не выбрасывает ли вулкан частиц раскаленных пород.

— Кратер в огне! — вдруг закричал Герберт, который обогнал спутников и первым добежал до плато Кругозора.

Гора Франклина, отстоявшая милях в шести от плато Кругозора, казалась отсюда огромным факелом, горевшим багровым пламенем. Однако даже во мраке ночи оно бросало лишь тусклый отблеск, что, очевидно, зависело от значительной примеси дыма, шлака и пепла. По острову разливался красновато-желтый свет, и на фоне этого зарева смутно чернел массив леса. Небо заволакивали огромные клубы дыма, в разрывах меж ними кое-где сияли звезды.

— Да, дело пошло слишком быстро! — заметил инженер.

— Это не удивительно, — подхватил журналист. — Вулкан пробудился уже давно. Вспомните-ка, Сайрес, ведь впервые пары показались еще в то время, когда мы обследовали отроги горы в надежде найти убежище капитана Немо. А было это, если не ошибаюсь, примерно в половине октября?

— Вот именно! — воскликнул Герберт. — Значит, уже два с половиной месяца тому назад.

— Следовательно, огонь разгорался под землей в течение десяти недель, — сказал Гедеон Спилет, — и понятно, что за такой срок он набрался сил!

— А вы разве не чувствуете колебания почвы? — спросил Сайрес Смит.

— Чувствую, — ответил Гедеон Спилет, — однако от этого еще до настоящего землетрясения…

— Я и не говорю, что нам угрожает землетрясение, — живо отозвался Сайрес Смит, — храни нас бог от него! Нет. Но эти колебания вызваны подземным огнем. Земную кору можно смело уподобить стенкам котла, а вы сами знаете, что под давлением газа стенки котла дрожат, будто металлическая пластинка. Мы как раз и наблю-

даем это явление.

— До чего же красивые снопы огня! — воскликнул Герберт.

В эту минуту из кратера брызнул фейерверк искр, ослепительный блеск которых не могли скрыть густые клубы пара. Тысячи светящихся осколков и огненных точек разлетелись вокруг вулкана. Некоторые из них поднялись даже выше шапки дыма и рассыпались раскаленной пылью. Эта вспышка сопровождалась рядом подземных взрывов, словно где-то поблизости била картечью батарея.

Сайрес Смит, журналист и Герберт целый час провели на плато Кругозора и затем спустились вниз и вернулись в Гранитный дворец. У инженера был такой задумчивый, вернее, такой озабоченный вид, что Гедеон Спилет не удержался и спросил, не предвидит ли он в ближайшем будущем какой-нибудь опасности, прямо или косвенно связанной с извержением.

— И да и нет! — ответил Сайрес Смит.

— Но разве самое большое несчастье, которое может с нами случиться, не землетрясение, грозящее гибелью нашему острову? Откровенно говоря, я этого не опасаюсь, поскольку пары и лава нашли себе свободный выход.

— И я тоже боюсь не землетрясения, вернее, не того, что обычно называют этим словом — смещение земной коры, вызываемое расширением подземных газов, — отозвался Сайрес Смит. — Но существуют и другие причины, которые могут повлечь за собой катастрофу.

— Какие же, дорогой Сайрес?

— Пока я еще и сам хорошенько не знаю… Я должен поглядеть… подняться на гору… через несколько дней я надеюсь, что все выяснится.

Гедеон Спилет не стал настаивать, и в скором времени, несмотря на подземный грохот, который с каждым часом становился все громче и отдавался эхом по острову, обитатели Гранитного дворца заснули безмятежным сном.

Прошло три дня — 4, 5 и 6 января. По-прежнему на верфи шла постройка корабля, и инженер старался по мере возможности ускорить работы, хотя прямо об этом ничего не говорил. Вершина горы Франклина была, словно капюшоном, прикрыта темной тучей самого зловещего вида, из кратера вместе с пламенем вырывались теперь раскаленные камни, некоторые из них падали обратно в жерло вулкана. Пенкроф, который даже в извержении видел забавные стороны, время от времени восклицал:

— Смотрите-ка! Наш великан играет в бильбоке! Глядите-ка, наш великан жонглирует!

И действительно, выброшенные вулканом камни снова исчезали в бездне, а это позволяло надеяться, что лава, вздувшаяся под воздействием внутреннего давления, еще не дошла до отверстия кратера. Во всяком случае, наблюдая за северо-восточным скатом, который был отчетливо виден с плато Кругозора, колонисты не обнаружили на склоне горы никаких следов страшного огненного потока.

Однако, как ни торопились колонисты завершить постройку нового корабля, их нередко отвлекали другие столь же важные дела. Первым долгом надо было посетить кораль, где стояло стадо муфлонов и коз, и пополнить запас кормов для скота. Было решено, что на следующий день, 7 января, Айртон отправится в кораль, и, так как со всеми этими привычными работами он вполне мог управиться без посторонней помощи, Пенкроф и его товарищи немало удивились, услышав следующие слова инженера:

— Раз вы завтра едете в кораль, Айртон, я поеду вместе с вами.

— Э, нет, мистер Сайрес! — воскликнул моряк. — У нас ведь каждый день на счету, и если

вы оба уедете, нам, шутка ли, не хватит двух пар рук!

— Мы вернемся послезавтра, — ответил Сайрес Смит, — мне необходимо побывать в корале… Я хочу знать, скоро ли произойдет извержение.

— «Извержение! Извержение!» — недовольно проворчал Пенкроф. — Будто нет на свете вещей поважнее извержения. Меня, как видите, оно ни капли не беспокоит!

Несмотря на все доводы моряка, поездка, задуманная инженером, была назначена на следующее утро. Герберту очень хотелось отправиться вместе с Сайресом Смитом, но он побоялся, что это окончательно испортит настроение Пенкрофу.

На следующий день, на заре, Сайрес Смит и Айртон уселись в повозку, запряженную парой онагров, которые крупной рысью повезли их в кораль.

Низко над лесом клубились тяжелые черные облака, вырывавшиеся из кратера вулкана. Эти облака, застилавшие небо, состояли, по всей вероятности, из разнородных элементов. Не только дым, бьющий из жерла вулкана, придавал им плотность, но и минеральные вещества в пылеобразном состоянии, пуццолана и серый пепел, мелкий, как мука тончайшего помола. Вулка-

нический пепел столь легок, что наблюдались случаи, когда он в течение нескольких месяцев держался в воздухе, не оседая на землю. После извержения вулкана в Исландии, происшедшего в 1783 году, воздух чуть ли не целый год был так насыщен вулканической пылью, что солнечные лучи с прудом пробивались сквозь ее густую завесу.

Но гораздо чаще эти мельчайшие частицы оседают на землю, что произошло и в данном случае. Едва Сайрес Смит со своим спутником успели достичь ограды кораля, как с неба повалило нечто вроде черного снега или мелкого пороха, и сразу же все вокруг изменилось, как в сказке. Деревья, луга, скалы исчезли под темным слоем пыли толщиной в несколько дюймов. Но, к счастью, дул северо-восточный ветер, он подхватил тучу и унес ее в море.

— Вот удивительное явление, мистер Сайрес! — сказал Айртон.

— Вернее, явление грозное, — ответил инженер, — эта пуццолана, эта измельченная пемза, короче говоря, вся эта минеральная пыль свидетельствует о том, что в самых глубинах вулкана происходят грозные процессы.

— И мы ничего не можем сделать?

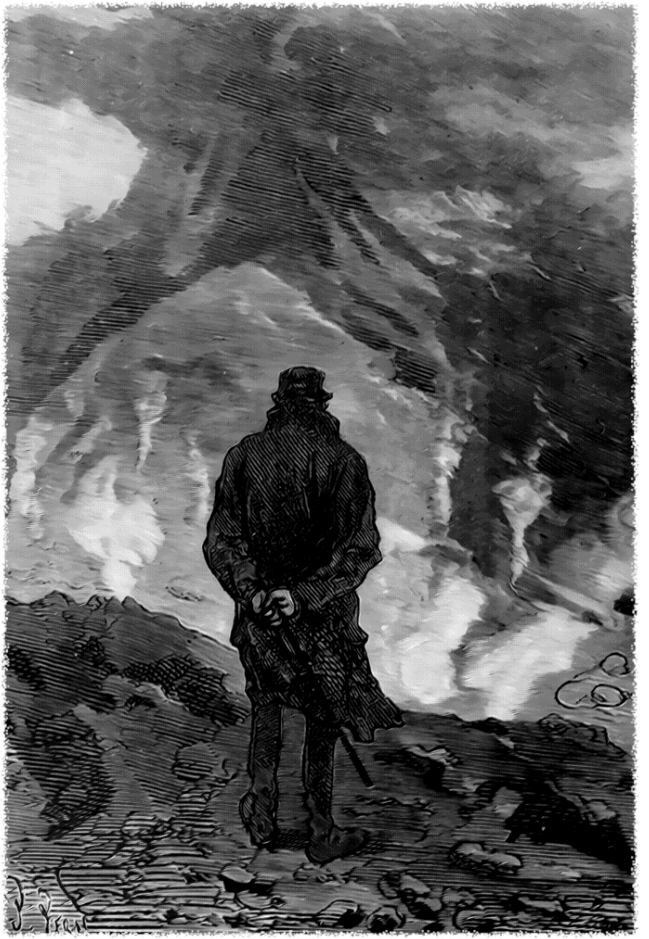
— Ничего, только наблюдать за подготовкой извержения. А пока, Айртон, займитесь своими делами. Я же тем временем поднимусь к Красному ручью и обследую северный склон горы. Потом…

— А потом… мистер Смит?

— Потом мы с вами посетим пещеру Даккара… Я хочу поглядеть… Словом, через два часа я буду здесь.

Поджидая возвращения инженера, Айртон занялся своими муфлонами и козами, которые вели себя как-то беспокойно, встревоженные, очевидно, первыми признаками извержения.

Тем временем Сайрес Смит добрался до гребня восточного отрога, обогнул Красный ручей и дошел до того места, где во время своей первой экспедиции колонисты обнаружили серный источник.



Какие огромные перемены произошли здесь с тех пор! Теперь к небу поднималась не одна струйка дыма, а целых тринадцать, и били они с такой силой, будто их выталкивал из земли мощный поршень. Было очевидно, что в этом месте земная кора подверглась страшному внутреннему давлению. Воздух был насыщен сернистым газом, водородом, углекислотой, смешанными с водяными парами. Сайрес Смит чувствовал, как у него под ногами содрогаются вулканические туфы, покрывавшие здесь почву: некогда они представляли собой не что иное, как изверженный пепел, превратившийся со временем в твердую массу. Однако никаких свежих следов лавы он не обнаружил.

Ту же самую картину, только, пожалуй, еще более характерную, чем в районе Красного ручья, инженер увидел, обследуя северный склон горы Франклина. Облака дыма и языки пламени вырывались из кратера: на землю градом падали мелкие камни; но лавы не было, а это говорило о том, что изверженные породы еще не достигли отверстия главного кратера.

— Я предпочел бы, чтобы это уж случилось! — пробормотал Сайрес Смит. — Тогда я знал бы по крайней мере, что лава пошла по своему обыч-

ному пути. А кто поручится, что извержение не произойдет через какое-нибудь новое жерло. Но главная опасность не в этом! Капитан Немо это предвидел! Нет, опасность не в этом!

Сайрес Смит добрался до огромного потока застывшей лавы, который, раздваиваясь, огибал залив Акулы. Там он внимательно осмотрел следы прежних извержений. Он уже не сомневался теперь, что последнее извержение произошло когда-то в весьма отдаленные времена.

Затем он повернул к коралю, прислушиваясь к подземному гулу, напоминавшему непрерывные раскаты грома; изредка раздавались громкие взрывы. В девять часов он уже был в корале.

Айртон поджидал его.

— Корму животным я задал, мистер Смит, — сказал Айртон.

— Прекрасно.

— Но они что-то беспокоятся, мистер Смит.

— В них говорит инстинкт, а инстинкт не обманывает.

— А теперь…

— Возьмите фонарь и огниво, Айртон, — ответил инженер, — и в путь.

Айртон исполнил приказание инженера. Еще заранее он распряг онагров, и они бродили те-

перь по коралю. Исследователи заперли ворота с наружной стороны и пошли по узкой тропинке к западному побережью: Сайрес Смит впереди, Айртон позади.

Они шли как по слою ваты: вся почва была покрыта мельчайшими частицами, осевшими из воздуха. В лесах не было видно ни одной живой твари. Даже птицы разлетелись. Иногда ветер, играя, взметал с земли пепел, и тогда путешественники, окруженные плотным облаком, теряли друг друга из вида. Они то и дело прикладывали носовой платок к глазам и ко рту, чтобы не ослепнуть и не задохнуться в этой густой пыли.

Понятно, что в таких условиях Сайрес Смит и Айртон не могли идти быстрым шагом. Да и сам воздух был тяжелый, словно из него выгорела часть кислорода, дышать становилось все труднее. Через каждые сто шагов приходилось останавливаться, чтобы перевести дух. Было уже больше десяти часов, когда наши путники достигли гряды базальтовых и порфировых скал, в беспорядке нагроможденных вдоль всего северо-западного берега острова.

Айртон и Сайрес Смит начали спускаться вниз по обрывистому склону, стараясь держаться той

почти непроходимой тропинки, которая привела их грозовой ночью к пещере Даккара. Впрочем, при дневном свете этот путь был менее опасен, к тому же пепел, покрывавший гладкие, точно отшлифованные склоны, облегчал спуск, не давая скользить ноге.

Вскоре путники достигли вала, который служил продолжением берега на высоте примерно сорока футов. Сайрес Смит вспомнил, что этот вал постепенно понижается, образуя пологий спуск к морю. Хотя уже начался отлив, песчаный берег еще не обнажился, и волны, бурые от осевшей в воду вулканической пыли, били о подножие базальтовых скал.

Сайрес Смит и Айртон без труда отыскали вход в пещеру Даккара и остановились у скалы, которая служила как бы нижней площадкой вала.

— Лодка здесь? — спросил инженер.

— Да, — ответил Айртон, подтягивая к себе легкий челн, который они укрыли с Пенкрофом под сводом базальтовой пещеры.

— Что ж, отправимся в путь!

Оба сели в лодку. Она легко скользнула по волнам под низко нависшие своды пещеры; Айртон высек огонь, зажег фонарь и поставил его на нос лодки с таким расчетом, чтобы сноп света осве-

щал им путь, затем взялся за весла; Сайрес Смит сел за руль и направил лодку во мрак пещеры.

«Наутилуса» уже не было здесь, не видно было его огней, побеждавших вечную ночь, царящую в гроте. Возможно, электрический свет, питаемый мощными источниками энергии, еще сиял в глубине вод, но сюда, на поверхность, из бездны, где нашел свою могилу капитан Немо, не пробивался ни один луч.

Свет фонаря позволял, впрочем, Сайресу Смиту, уверенно вести лодку вдоль правой стены пещеры. Под базальтовыми сводами царила гробовая тишина, во всяком случае в передней части пещеры, потому что некоторое время спустя инженер отчетливо различил гул, идущий из недр земли.

— Это вулкан, — сказал он.

Вскоре к подземному гулу присоединился и едкий запах химических соединений; Сайрес Смит и Айртон чуть не задохнулись от сернистых испарений.

— Этого-то и боялся капитан Немо! — пробормотал Сайрес Смит, и лицо его слегка побледнело. — И все же мы должны добраться до цели.

— Что ж, доберемся! — ответил Айртон; он налег на весла, и лодка понеслась в глубь пещеры.

Минут через двадцать пять после начала пути

лодка достигла задней стены пещеры и остановилась.

Сайрес Смит встал на скамью и начал водить фонарем, освещая по частям стену, отделявшую пещеру от главного кратера вулкана. Какова толщина этой стены? Сто футов или десять? Никто не мог бы дать ответа на этот вопрос. Но вряд ли стена была очень толстая, так как подземный гул слышался здесь вполне отчетливо.

Обследовав стену в горизонтальном направлении, инженер прицепил фонарь к концу весла и снова стал водить им по базальтовой стене, стараясь осветить ее верхнюю часть.

Отсюда через еле заметные глазу трещины пробивался меж каменных глыб едкий дым, отравлявший воздух в пещере. Вся стена была изборождена трещинами, и некоторые из них, особенно отчетливо вырисовывавшиеся на гладкой поверхности базальта, спускались почти до самой воды.

Сайрес Смит стоял в глубоком раздумье. Потом еле слышно прошептал:

— Да, капитан был прав! Здесь таится опасность, и опасность поистине ужасная!

Айртон ничего не спросил. По знаку Сайреса Смита он снова взялся за весла, и через полчаса путники выбрались из пещеры Даккара.

ГЛАВА XIX

Рассказ Сайреса Смита о его наблюдениях. — Постройку судна ускоряют. — Последний раз в корале. — Битва огня и воды. — Что осталось на острове. — Спуск корабля. — Ночь с 8 на 9 марта

Проведя в корале целый день и убедившись, что хозяйство в порядке, Сайрес Смит и Айртон переночевали там и 8 января утром возвратились в Гранитный дворец.

Инженер тотчас собрал товарищей и сообщил им, что острову грозит величайшая опасность, которую никакие силы человеческие предотвратить не могут.

— Друзья мои, — сказал он, и в голосе его слышалось глубокое волнение, — остров Линкольна не принадлежит к числу тех геологических образований, которые просуществуют столько же, сколько и весь земной шар. Он обречен на более или менее близкое разрушение, причина его гибели находится в нем самом, и ничто не спасет его.

Колонисты переглянулись, потом недоуменно посмотрели на Сайреса Смита, — они не поняли всего смысла его слов.

— Объясните яснее, Сайрес, — сказал Гедеон Спилет.

— Сейчас объясню, — ответил Сайрес Смит. — Я передам вам то, что капитан Немо сказал мне наедине в нашей краткой беседе.

— Капитан Немо? — воскликнули колонисты.

— Да. Он хотел перед смертью оказать нам последнюю услугу.

— Последнюю? — повторил Пенкроф. — Последнюю услугу? Вот увидите, даже и после смерти он еще не раз придет нам на помощь.

— Но что же вам сказал капитан Немо? — спросил журналист.

— Знайте, друзья, — ответил инженер, — что остров Линкольна отличается своим строением от других островов Тихого океана: недра его образованы так, что рано или поздно подводная его часть должна развалиться.

— Развалиться? Это остров-то Линкольна развалится? Полно вам! — недоверчиво произнес Пенкроф и при всем своем почтении к Сайресу Смиту пожал плечами.

— Слушайте внимательно, Пенкроф, — продолжал инженер. — Вот что установил капитан Немо и что я сам заметил вчера, осмотрев пещеру Даккара. Пещера идет под островом вплоть до самого вулкана и отделена от центрального его очага лишь стеной, замыкающей грот. Но вся эта стена испещрена трещинами, и сквозь них уже проникают сернистые газы, образующиеся внутри вулкана.

— И что же? — нахмурившись, спросил Пенкроф.

— А то, что под давлением этих газов трещины увеличиваются. Базальтовая стена раскалывается, и через некоторое время, быть может очень скоро, в трещины хлынет морская вода, заполня-

ющая пещеру.

— Отлично! — произнес Пенкроф, пытаясь, как всегда, пошутить. — Вода потушит огонь в вулкане, и все будет кончено!

— Да, все будет кончено! — сказал Сайрес Смит. — В тот день, когда сквозь брешь в стене море хлынет в центральный очаг вулкана, а оттуда — в глубинные недра острова, где кипят расплавленные породы, в тот день, Пенкроф, остров Линкольна взорвется, как взорвалась бы Сицилия, если б в Этну хлынуло Средиземное море.

Колонисты ничего не ответили на это категорическое утверждение инженера. Все поняли, какая страшная опасность им угрожает.

И надо сказать, Сайрес Смит нисколько не преувеличивал опасности. Многим уже приходила мысль, что, может быть, удалось бы потушить действующие вулканы, открыв доступ воде в их раскаленные недра, а ведь почти все вулканы высятся на берегах морей или озер. Но такие фантазеры не знали, что тогда бы часть земного шара взлетела на воздух, словно паровой котел, в котором вдруг от внезапного перегрева возросло бы давление пара. Устремившись в замкнутую раскаленную среду, температура которой дости-

гает нескольких тысяч градусов, вода мгновенно обратилась бы в пар, и он вырвался бы наружу с такой силой, что сокрушил бы любую оболочку.

Итак, не подлежало сомнению, что острову грозит ужасный конец, что близится час его уничтожения, — все зависит от того, сколько еще продержится базальтовая стена в пещере Даккара. Тут уж речь идет не о месяцах, не о неделях — речь идет о днях, может быть даже часах!

Первым чувством, охватившим колонистов, была глубокая скорбь. Они не думали об опасности, угрожавшей им, а о неминуемой гибели острова, где они нашли приют, о разрушении того края, который они стремились сделать цветущим и мечтали обратить его в рай земной. Сколько бесполезно затрачено сил! Сколько трудов пойдет прахом!

Пенкроф не мог сдержаться и заплакал; крупные слезы катились у него по щекам, он даже не пытался их скрыть.

Беседа продолжалась еще некоторое время, обитатели острова Линкольна обсуждали, есть ли для них еще какая-нибудь возможность спастись. И в заключение единодушно решили, что нельзя терять ни минуты, надо как можно скорее построить и оснастить корабль, сделать это

с молниеносной быстротой, потому что это их единственный шанс на спасение.

Всех поставили работать на верфи. Зачем теперь жать хлеб, убирать урожай, охотиться, умножать запасы провианта, собранные в Гранитном дворце… Того, что хранилось на складе и в кладовых, могло с лихвой хватить для самого долгого плавания на корабле. Необходимо было только одно: чтоб судно оказалось готовым до того, как разразится неизбежная катастрофа.

Итак, работы возобновились и велись с лихорадочной быстротой. К 23 января наполовину уже была закончена обшивка судна. В тех явлениях, какие происходили на вершине вулкана, как будто не было перемен. По-прежнему из кратера вырывались облака пара, дым, языки пламени и раскаленные докрасна камни. Но в ночь с 23 на 24 января, под напором лавы, поднявшейся до верхнего яруса вулкана, с него сорвало конусообразную вершину, похожую на шапку. Раздался невероятный грохот. Колонисты подумали, что остров разваливается, и бросились вон из Гранитного дворца.

Было около двух часов ночи.

Все небо полыхало огнем. Верхний конус высотой в тысячу футов, а весом в миллиарды фунтов

низвергся на остров, и земля задрожала. К счастью, он наклонен был к северу и поэтому упал на равнину, покрытую песками и туфом, пролегавшую между горой и морем; кратер вулкана, широко разверзший теперь свое жерло, метал в небо багровое пламя, и в воздухе словно разливалось зарево пожара. Вздувшийся поток лавы, переливаясь через край новой вершины, словно вода из переполненной чаши, потек длинными каскадами, и по склонам вулкана как будто поползли тысячи огненных змей.

— Кораль! Кораль! — в ужасе воскликнул Айртон.

В самом деле: у нового кратера был иной наклон, лава потекла в сторону кораля и, следовательно, несла с собою гибель плодородной части острова, истокам Красного ручья и лесу Жакамара.

В ответ на вопль Айртона колонисты кинулись в конюшню, где стояли онагры. Мгновенно запрягли тележку. У всех была одна мысль: мчаться в кораль, выпустить запертый там скот.

Еще не было трех часов утра, когда они подъехали к коралю. Оттуда неслось дикое мычание и блеяние, свидетельствовавшее о панике, охватившей муфлонов и коз. Со склона ближнего

отрога надвигался пылающий поток расплавленной массы, он уже извивался по лугу, подбираясь к ограде кораля. Айртон распахнул ворота, и обезумевшие животные бросились из них во все стороны.

Час спустя кипящая лава разлилась по всему коралю, обратив в облака пара протекавший по нему ручеек, подожгла жилой дом, и он вспыхнул, как солома, охватила огнем ограду, пожрав ее всю, до последнего столба. От кораля ничего не осталось!

Колонисты пытались бороться с вторжением лавы, — попытка безумная и бесполезная, ибо человек безоружен перед такими страшными катаклизмами.

Настал день 24 января. Прежде чем возвратиться в Гранитный дворец, Сайрес Смит и его сотоварищи решили выяснить, какое направление окончательно примет поток лавы. Начиная от горы Франклина поверхность острова имела скат к восточному берегу, и были основания опасаться, что, несмотря на защитную завесу, которую представляла собою лесная чаща Жакамара, поток лавы дойдет до плато Кругозора.

— Озеро защитит нас, — сказал Гедеон Спилет.

— Будем надеяться, — коротко ответил Сайрес

Смит и больше ничего не добавил.

Колонисты хотели было добраться до равнины, на которую упал верхний конус вулкана, но лава преградила им дорогу: она текла по двум впадинам — по долине Красного ручья и по долине Водопадной речки — и воду в них обращала в пар. Перейти через потоки лавы не было никакой возможности, наоборот, приходилось отступать перед ними. Развенчанный вулкан был неузнаваем. Кратер стал плоской дырой, края которой оказались разорваны с восточной и южной стороны, и из этих разрывов непрестанно выливалась лава, сбегая вниз двумя раздельными потоками. Над новым кратером клубились облака дыма и пепла, смешиваясь с тучами, собравшимися над островом. Раскаты грома сливались с грохотом извержения вулкана. Из жерла кратера взметывались на высоту свыше тысячи футов раскаленные каменные глыбы и, разорвавшись в облаках, разлетались тысячами осколков, как картечь. На грохот вулкана небо отвечало громами и молниями.

Укрывшись на опушке леса Жакамара, колонисты наблюдали эту картину, но к семи часам утра им стало невмоготу. Вокруг дождем стали сыпаться камни, а, кроме того, лава, переполняв-

шая русло Красного ручья, грозила перерезать дорогу к берегу. Ближайшие к опушке деревья загорелись, и оттого что соки их мгновенно обращались в пар, стволы разрывались с треском, как хлопушки; деревья менее сырые стояли нетронутыми.

Колонисты вновь выбрались на дорогу, которая вела из кораля в Гранитный дворец. Они шли медленно, поминутно оглядываясь. Но, следуя наклону долины, лава быстро текла к восточному берегу; лишь только нижние ее пласты застывали, на них тотчас же накатывались новые кипящие волны.

А главный поток, устремившийся по долине Красного ручья, становился все более страшной угрозой. Вся ближняя к нему часть леса была в огне, над деревьями клубился дым, подножия стволов уже потрескивали, загоревшись в раскаленном потоке лавы.

Колонисты остановились у берега озера, на расстоянии полумили от устья Красного ручья. Близилась минута, от которой зависела их жизнь или смерть.

Сайрес Смит никогда не терялся в критических обстоятельствах; зная, что перед ним люди, способные выслушать самую горькую истину,

он сказал:

— Может быть, озеро остановит поток лавы, и в таком случае часть острова, будет спасена от полного опустошения, но весьма возможно, что лава разольется по лесам Дальнего Запада, все уничтожит, и на острове не останется ни единого растения. Тогда нас ожидает смерть на голых скалах, и долго ждать ее не придется, ибо остров взлетит на воздух.

— Это что же? — воскликнул Пенкроф и, скрестив на груди руки, топнул ногой о землю. — Значит, нечего нам и трудиться над постройкой судна?

— Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — долг свой надо выполнить до конца.

В эту минуту река расплавленной лавы, проложив себе дорогу среди прекрасных деревьев, которые она быстро пожирала, подобралась к озеру. На пути ее поднимался бугор, и, будь тут подъем круче, он мог бы остановить поток.

— За работу! — крикнул Сайрес Смит.

Замысел инженера сразу поняли. Он решил возвести плотину и таким способом направить поток лавы в озеро.

Колонисты помчались к верфи, принесли оттуда лопаты, кирки, топоры. При помощи земляных насыпей и завалов из срубленных деревьев им удалось за несколько часов сделать плотину высотою в три фута и длиной в несколько сот шагов. Когда они кончили работу, им казалось, что она длилась всего лишь несколько минут.

Успели как раз вовремя. Расплавленная лава уже подползла к перемычке. Поток ее вздулся, как река в половодье, стремящаяся выйти из берегов; казалось — вот-вот он одолеет единственную преграду, которая могла помешать ему затопить леса Дальнего Запада… И все же плотина сдержала его. Была ужасная минута — огненная река остановилась, словно в нерешительности, но вдруг устремилась в озеро Гранта, падая с обрыва высотою в двадцать футов.

Едва дыша, застыв недвижно, онемев, колонисты смотрели на совершавшуюся перед ними борьбу двух стихий.

Шла битва воды и огня! Какое зрелище! Чье перо могло бы описать эту чудесную и страшную битву? Чья кисть могла бы ее нарисовать? В озеро низвергались струи кипящей лавы, и вода с шипением обращалась в пар. Белые клубы взлетали на огромную высоту и кружились вихрем, словно кто-то внезапно открыл клапаны исполинского парового котла. Но как ни велико было количество воды в озере, в конце концов огонь осушил бы его, потому что убыль воды не пополнялась, а страшная огненная река, которую питал неистощимый источник, неустанно катила все новые волны расплавленной массы.

Падая в озеро, лава тотчас же застывала, превращалась в каменные глыбы, и, громоздясь друг на друга, они вскоре уже поднимались над водою. По их поверхности скользили и скатывались в воду новые струи лавы и тоже каменели, но скоплялись ближе к средине озера. Таким образом вырастала каменная гряда, грозившая заполнить всю котловину озера, а оно не могло выйти из берегов, так как воды его обращались в пар. Над озером раздавалось оглушительное шипение и треск, ветер подхватывал и уносил к морю облака испарений, и там они, охлаждаясь, рождали дождь. Каменная дамба все удлинялась, глыбы

затвердевшей лавы громоздились друг на друга. Там, где только что простиралась спокойная водная гладь, вздымалось скопище дымящихся скал, как будто землетрясение вздыбило дно озера рифами. Вообразите себе поднятые ураганом огромные волны, внезапно скованные льдом на двадцатиградусном морозе, и вы получите некоторое представление о той картине, какую являло собою озеро через три часа после вторжения в него всесокрушающего потока лавы.

На этот раз огонь победил воду.

Однако для колонистов было большим счастьем, что лава устремилась в сторону озера Гранта. Это на несколько дней отсрочило катастрофу. Плато Кругозора, Гранитный дворец и корабельная верфь на время оказались вне опасности. За эти несколько дней передышки нужно было закончить обшивку корабля и хорошенько его проконопатить. Потом спустить его на воду; оснасткой же заняться лишь тогда, когда судно окажется на море, в своей стихии. Оставаться на суше стало крайне опасно: острову угрожал взрыв и уничтожение. Гранитный дворец, который еще так недавно был надежным убежищем, с минуты на минуту мог обрушиться.

И вот шесть дней, с 25 по 30 января, колонисты

работали над постройкой корабля с неистовым усердием, сделали столько, что и двадцать плотников за ними бы не угнались. Они не давали себе отдыха, почти не спали, вели работу круглые сутки, так как при свете пламени, вырывавшегося из кратера, ночью было видно как днем. Вулкан все еще извергал лаву, но, пожалуй, менее обильно. Этому можно было только порадоваться: ведь котловина озера Гранта была уже почти заполнена, и если б новые потоки устремились в водоем, лава неизбежно разлилась бы по плато Кругозора, а оттуда низверглась бы на берег океана.

Но если с восточной стороны остров был до некоторой степени защищен, не так обстояло дело с западной его частью.

В самом деле, второй поток лавы шел по Водопадной речке, не встречая никаких препятствий в долине, широко простиравшейся по обе стороны речного русла. Несущая гибель расплавленная масса растеклась по лесу Дальнего Запада. В знойную пору года, когда от палящей жары все древесные соки высохли, лес занялся в одно мгновение, пожар распространялся и по низу и по кронам деревьев, пламя побежало по густым сплетениям ветвей. Казалось даже, что поток огня быстрее несется по вершинам деревьев, чем

поток лавы у подножия стволов.

И тогда обезумевшие звери — ягуары, кабаны, пекари, коалы, хищники и обычные их жертвы, четвероногие и пернатая дичь, — пытаясь спастись, устремились к реке Благодарения, к Утиному болоту и за линию дороги, к порту Воздушного шара. Но колонисты, поглощенные своей работой, не обращали внимания даже на самых опасных хищников. Меж тем с Гранитным дворцом они теперь расстались и, не решаясь искать себе убежища в Трущобах, ютились в палатке около устья реки Благодарения.

Ежедневно Сайрес Смит и Гедеон Спилет поднимались на плато Кругозора. Иногда их сопровождал Герберт. Но Пенкроф никогда туда не ходил, не желая смотреть на опустошенный остров, совершенно изменивший свой прежний облик.

Зрелище и в самом деле было тяжелое. Вся лесистая часть острова обнажилась. Лишь на конце полуострова Извилистого зеленела маленькая рощица. Кое-где торчали безобразные почерневшие скелеты деревьев. То место, где прежде простирались леса, стало более бесплодным, чем Утиное болото. Лава все погубила. Там, где еще совсем недавно высились могучие лесные

великаны, теперь лежали глыбы вулканического туфа. По руслу Водопадной речки и реки Благодарения уже не текло ни единой струйки воды, и если б еще и озеро Гранта пересохло, колонистам нечем было бы утолить жажду. Но, к счастью, уцелел один уголок озера, у южного края, — там образовалось нечто вроде пруда, где скопилась вся оставшаяся на острове питьевая вода. Вдали, на северо-западе, вырисовывались резкие очертания отрогов вулкана, похожие на гигантские когти, вонзившиеся в землю. Какое грустное зрелище, какая ужасная картина и как больно было смотреть на нее людям, которые видели тут прежде плодороднейший уголок, возделанный их трудом, великолепные леса, прозрачные речки, орошавшие землю, пышные нивы. В одно мгновение все изменилось, вокруг виднелся только голый камень. Не будь у наших поселенцев запасов пищи, им пришлось бы умирать с голоду.

— Просто сердце разрывается! — сказал однажды Гедеон Спилет.

— Да, Спилет, — отозвался инженер. — Дай бог, чтоб мы успели закончить постройку судна, в нем — единственное наше спасение!

— А вам не кажется, Сайрес, что вулкан как

будто успокаивается? Он еще извергает лаву, но, если я не ошибаюсь, не так много, как прежде!

— Это не имеет значения, — ответил Сайрес Смит. — В недрах вулкана все так же пылает огонь, и каждое мгновение туда может ринуться море. У нас с вами положение не лучше, чем у пассажиров корабля, которые плывут по морю, а сами знают, что на корабле пожар, что потушить его они не в силах и что рано или поздно огонь доберется до трюма, где лежат бочки с порохом. Идемте-ка, Спилет, идемте работать. Не будем терять времени!

И еще целую неделю, то есть до 7 февраля, текла из кратера лава, но сила извержения не увеличивалась. Сайрес Смит больше всего боялся, как бы потоки расплавленных горных пород не разлились по берегу, ведь в таком случае они уничтожили бы корабельную верфь. Но через некоторое время колонисты почувствовали, что под почвой, где-то в глубинах земли, происходит сотрясение, и это страшно их встревожило.

Наступило 20 февраля. Еще нужен был целый месяц, чтобы достроить корабль и спустить его на воду. Выстоит ли остров до тех пор? Пенкроф и Сайрес Смит решили приступить к спуску корабля, как только его корпус будет непроницаем для

воды. Настилку палубы, надводные постройки, отделку и оснастку намеревались произвести позднее, когда корабль уже будет в море, — самым важным было обеспечить себе убежище вдали от острова. Не следует ли, думали они, отвести корабль в порт Воздушного шара, подальше от очага извержения, так как, находясь близ устья реки, между островком Спасения и гранитной стеной, он будет раздавлен, если остров Линкольна разрушится. Теперь все усилия строителей направлены были на то, чтобы как можно скорее закончить корпус корабля.

Так колонисты прожили до 3 марта и уже рассчитывали произвести дней через десять спуск корабля.

У обитателей острова Линкольна, переживших на четвертом году своего пребывания на острове столько бедствий, возродилась в сердце надежда. Повеселел даже Пенкроф, замкнувшийся в угрюмом молчании с тех пор, как он стал свидетелем опустошения и гибели своих владений. Правда, теперь он думал только о корабле и только на него возлагал надежды.

— Мы его достроим, — говорил он инженеру. — Обязательно достроим, мистер Смит. Спешить надо, время идет, скоро наступит пора равно-

денствия. Но это ничего. Если понадобится, мы переправимся на остров Табор и там перезимуем. Конечно, после острова Линкольна да вдруг остров Табор! Совсем не то. Эх, горе! Вот уж не думал, не гадал, что увижу такие дела!

— Надо торопиться! — неизменно отвечал инженер.

И все трудились, боясь потерять хоть одну минуту.

— Мистер Смит, — спросил как-то раз Наб, — а если бы капитан Немо был жив, как вы полагаете, случилось бы все это?

— Да, Наб, — ответил Сайрес Смит.

— А я думаю, не случилось бы, — шепнул Пенкроф на ухо Набу.

— И я так думаю, — убежденно сказал Наб.

В первую неделю марта гора Франклина опять стала грозить всякими ужасами. На землю дождем падали тысячи стеклянных нитей, образовавшихся из брызг расплавленной лавы. Снова кратер переполнился, и лава потекла по всем склонам вулкана. Огненный поток побежал по затвердевшим пластам туфа и довершил уничтожение обгорелых деревьев, торчавших уродливыми скелетами после первого извержения. На этот раз поток устремился вдоль юго-западного

берега озера Гранта, пересек Глицериновый ручей и разлился по плато Кругозора. Колонистам нанесен был последний и убийственный удар. От мельницы, от построек птичника, от хлевов и сараев ничего не осталось. Перепуганные птицы разлетелись во все стороны. По всем признакам Топ и Юп испытывали панический страх — они инстинктом чуяли приближение катастрофы. Во время первого извержения погибло много животных. Уцелевшие звери нашли приют на Утином болоте, и лишь немногие из них укрылись на плато Кругозора. Теперь они лишились последнего пристанища, а река огненной лавы, переливаясь через край гранитной стены, уже низвергалась пылающим водопадом на берег океана. Картина величественная и ужасная, никакими словами передать ее невозможно! Всю ночь лилась эта страшная Ниагара, как будто истекавшая струями расплавленной стали, окутанная вверху клубами пара, пронизанного багровыми отсветами, и разбрызгивая внизу тяжелую массу кипящей лавы.

Извержение настигло колонистов в последнем их убежище, и хотя верхние швы корабельного корпуса еще не были законопачены, строители решились спустить судно на воду.

Пенкроф и Айртон приступили к подготовке,

желая произвести спуск на следующее утро, 9 марта.

M. BARBINI

Но в ночь с 8 на 9 марта из кратера с громовым шумом вырвался столб пара и поднялся на высоту свыше трех тысяч футов. Очевидно, стена пещеры Даккара рухнула под напором газов, море хлынуло в центральный очаг вулкана, и пар не мог найти себе свободного выхода. Раздался взрыв чудовищной силы, который слышен был на расстоянии в сто миль. Взлетели вверх обломки скал, упали в океан, и несколько минут спустя его воды уже покрывали то место, где только что был остров Линкольна.

ГЛАВА XX

Одинокая скала среди океана. — Последнее убежище. — Впереди — смерть. — Нежданная помощь. — Откуда и как она явилась. — Последнее благодеяние. — Остров на суше. — Могила капитана Немо

Одинокая скала длиной в тридцать футов, а шириной в пятнадцать, едва выступавшая из воды на десять футов — вот и все, что осталось от острова, поглощенного океаном — единственный обломок кряжа, таившего в себе Гранитный дворец. Стена его рухнула, раскололась, и груда

каменных глыб, взгромоздившихся при падении друг на друга, подняла над океаном свою верхушку. Вокруг нее все исчезло в бездне: нижний конус горы Франклина, разлетевшийся на части от взрыва, оба мыса Челюсть, некогда образованные застывшей лавой, плато Кругозора, островок Спасения, гранитные утесы порта Воздушного шара, базальтовые скалы гробницы Даккара, длинный полуостров Извилистый, находившийся так далеко от очага извержения. От острова Линкольна уцелела лишь эта узкая скала, служившая теперь пристанищем шести колонистам и их псу Топу.

В катастрофе погибли все четвероногие животные, все птицы и прочие представители фауны острова — одни были раздавлены, другие утонули; погиб — увы! — и несчастный Юп, упав, вероятно, в разверзшуюся трещину земли!

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф, Наб и Айртон остались в живых лишь потому, что из палатки, где они были все вместе, их швырнуло воздушной волной в море в тот момент, когда со всех сторон дождем падали обломки острова.

Когда они вынырнули на поверхность воды в полукабельтовых от берега и огляделись вокруг, то увидели лишь эту вершину гранитных глыб и, подплыв, взобрались на нее.

На этой голой скале они жили уже девять дней! Кое-какая провизия, взятая из кладовой Гранитного дворца перед самой катастрофой, немного дождевой воды, скопившейся во впадине скалы, — вот и все, что было у несчастных. Их корабль, последняя их надежда, разбился. Они лишились возможности выбраться с этой скалы. Они страдали от холода и не могли теперь добыть огня. Судьба обрекла их на гибель.

На девятый день, 18 марта, пищи осталось только на двое суток, хотя они до крайности урезали свой рацион. Все их знания, весь их ум не могли помочь в таком бедственном положении. Участь друзей всецело была в руках провидения.

Сайрес Смит держался спокойно, Гедеон Спилет немного выдавал свое волнение, а Пенкроф, полный глухого гнева, шагал взад и вперед по скале. Герберт не отходил от инженера и смотрел на него таким взглядом, как будто ждал от своего друга помощи, невозможной, немыслимой помощи. Наб и Айртон безропотно покорились судьбе!

— Эх, горе! Вот уж горе-то! — твердил Пенкроф. — Если б у нас был хоть какой-нибудь ялик, хоть ореховая скорлупка, мы бы добрались до острова Табор. Но ведь ничего, ничего нет!

— Капитан Немо вовремя умер! — сказал как-то Наб.

Прошло еще пять дней. Сайрес Смит и несчастные его товарищи едва были живы, ведь ели они лишь столько, чтоб не умереть с голоду. Все ослабели до последней степени. У Герберта и Наба уже начинался бред.

Могли ли они теперь хранить хоть искорку надежды? Нет. На что им было надеяться? На то, что близ скалы пройдет корабль? Но они по опыту знали, что в эту часть Тихого океана корабли не заходят. А разве можно было рассчитывать, что, по счастливой случайности, как раз в эти дни придет шотландская яхта искать Айртона на острове Табор? Несбыточная мечта! Да впрочем, если б яхта и пришла, ведь колонисты не оставили на острове сообщения о том, где находится Айртон; капитан яхты после бесплодных поисков выйдет опять в море, и корабль возвратится в более теплые края.

Нет, они не могли хранить никакой надежды на спасение. На этой скале их ждала смерть, ужасная смерть от голода и жажды!

Они уже не держались на ногах и лежали неподвижно, почти бездыханные, не сознавая, что происходит вокруг. Один лишь Айртон с трудом

поднимал иногда голову и с отчаянием бросал взгляд на пустынное море!

Но вот утром 24 марта Айртон простер руки, указывая на какую-то точку в беспредельном пространстве океана, стал сначала на колени, потом поднялся и выпрямился во весь рост. Он замахал руками, как будто подавая сигнал…

В виду скалы плыло судно. И ясно было, что оно оказалось тут не случайно, что оно направляется именно к этой скале, идет прямо к ней на всех парах. Несчастные пленники скалы могли бы заметить это судно еще несколько часов назад, будь у них силы подняться и обозреть горизонт!

— «Дункан»! — чуть слышно вскрикнул Айртон и упал без чувств.

Когда Сайрес Смит и его товарищи пришли в сознание благодаря заботливому уходу, которым их окружили, они оказались в каюте корабля и не могли понять, как им удалось избегнуть смерти.

Одно-единственное слово Айртона все им объяснило.

— «Дункан»! — тихо сказал он.

— «Дункан»! — повторил Сайрес Смит. — И, подняв руки, он воскликнул: — Боже всемогущий! Значит, такова была воля твоя! Нас спасли.

Действительно, их спас «Дункан», яхта лорда Гленарвана, которую вел теперь Роберт, сын капитана Гранта; корабль отправлен был за

Айртоном, чтобы привезти его на родину после двенадцати лет одинокой жизни на необитаемом острове Табор, которой он искупил свое преступление!..

Итак, колонисты были спасены, корабль уже готовился везти их домой.

— Капитан Роберт, — спросил Сайрес Смит, — когда вы отплыли от острова Табор, не найдя там Айртона, кто подал вам мысль пройти еще сто миль к северо-востоку?

— Мистер Смит, — ответил Роберт Грант, — мы направились сюда не только за Айртоном, но и за вами и за вашими товарищами.

— За мной и за моими товарищами?

— Ну конечно! Мы взяли курс на остров Линкольна.

— На остров Линкольна? — воскликнули в один голос Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, не находя слов от удивления.

— Да откуда же вы узнали об острове Линкольна? — спросил Сайрес Смит. — Ведь этот остров и на картах не значится.

— Я узнал о нем из записки, которую вы оставили на острове Табор.

— Из записки? — изумленно переспросил Гедеон Спилет.

— Разумеется, из записки. Вот она, — ответил Роберт Грант и показал листок бумаги, где сообщались широта и долгота острова Линкольна, «на котором находится в настоящее время Айртон и пятеро американских колонистов».

— Это капитан Немо!.. — сказал Сайрес Смит, прочтя записку и убедившись, что она написана тем же почерком, что и то краткое послание, которое они нашли в корале.

— Ах, вот оно что! — воскликнул Пенкроф. — Так, значит, это он взял наш корабль и в одиночку рискнул отправиться на нем к острову Табор!..

— Он хотел оставить там записку! — добавил Герберт.

— Ну, я разве неверно говорил, что даже после смерти капитан Немо еще раз окажет нам помощь! — воскликнул моряк.

— Друзья мои, — сказал глубоко растроганный Сайрес Смит, — капитан Немо поистине наш спаситель. Да примет милосердный господь его душу в лоно свое!

При этих словах Сайреса Смита все обнажили головы и тихо произнесли имя капитана.

В эту минуту к инженеру подошел Айртон и спросил:

— Куда ларец положить?

Рискуя жизнью, он спас этот ларец в минуту катастрофы и теперь отдавал его инженеру.

— Айртон! Айртон! — воскликнул глубоко взволнованный Сайрес Смит и, обратившись к Роберту Гранту, добавил: — Сударь, вы оставили на острове Табор преступника, а теперь перед вами честный человек, и я с гордостью пожимаю ему руку!

Роберту Гранту рассказали тогда необыкновенную историю дружбы капитана Немо и поселенцев острова Линкольна. Затем капитан определил и записал координаты нового рифа, которому отныне предстояло значиться на карте Тихого океана, и отдал приказ идти в обратный путь.

Через две недели колонисты прибыли в Америку и увидели, что на их родине наступил мир после ужасной войны, закончившейся, однако, победой правого дела.

Из тех богатств, какие хранились в ларце, завещанном капитаном Немо обитателям острова Линкольна, большая часть была употреблена на покупку обширного земельного владения в штате Айова. Взяв из сокровищницы самую красивую жемчужину, ее послали в подарок леди Гленарван от имени людей, спасенных «Дунканом» и

возвратившихся на родину.

Колонисты собрали на приобретенной ими земле всех тех, кому они хотели некогда предложить свое гостеприимство на острове Линкольна, и призвали их к труду, то есть открыли им путь к достатку и счастью. Они основали большую колонию, которой дали имя острова, исчезнувшего в глубинах Тихого океана. У них есть своя река Благодарения, гора Франклина, маленькое озеро Гранта, лес, именуемый лесом Дальнего Запада. Словом, их колония — как бы остров, остров на суше.

Под разумным руководством инженера и его товарищей колония процветала. Ни один из бывших обитателей острова Линкольна не покинул друзей — они поклялись всегда жить вместе: Наб, неразлучный со своим хозяином, Айртон, неизменно готовый на всяческое самопожертвование, Пенкроф, ставший таким же заправским фермером, каким он был заправским моряком, Герберт, закончивший свое образование под руководством Сайреса Смита, и Гедеон Спилет, основавший газету «Нью-Линкольн геральд» — газету самую информированную во всем мире.

Сайрес Смит и его товарищи не раз принимали в своей колонии дорогих гостей — лорда и

леди Гленарван, капитана Джона Манглса и его жену — сестру Роберта Гранта, самого Роберта Гранта, майора Мак-Набса и всех тех, кто были участниками приключений капитана Гранта и капитана Немо.

Все жили в такой же дружбе, как и прежде, и были, наконец, счастливы; но никогда не забывали они острова, на который вступили нищие, голые и где провели, ни в чем не нуждаясь, четыре долгих года, далекого острова, от которого остался лишь гранитный утес, омываемый волнами Тихого океана, — гробница того, кто был капитаном Немо.

1875 г.